У
Ю66
Орлов
студенческое движ-
ение...
М, 1934

18/

В. И. ОРЛОВ

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XIX СТОЛЕТИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТКАТОРЖАН
19 — МОСКВА — 34

640
5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН
-И-
ССЫЛЬНО
ПОСЕЛЕНЦЕВ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКИХ
КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОСПОМИНАНИЯ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ДОКУМЕНТЫ И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО
ПРОШЛОГО РОССИИ

1933
№ 10—11 (XCIX—C)

МОСКВА — 1934

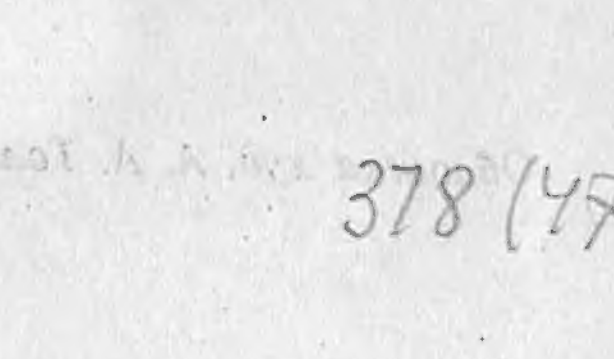
У
0 66

В. И. ОРЛОВ

378 (47)

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В XIX СТОЛЕТИИ

640/5



ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

Обложка худ. А. А. Толоконникова

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
162664 М

Ответств. ред. А. П. Голубков Техред М. Масляненко

Сдано в производство 15/IX 1933 г. Подписано к печати 15/II 1934 г. Формат бум. 62×94. 25 печ. л. Изд. № 158. Тираж 3000 экз. Уполномоченный Главлита № В-60092. Зак. № 3632.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига". Москва, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Знакомство со студенческим движением, при свете теории диалектического материализма, приводит к ряду выводов, которые необходимо отметить, как показывает опыт, чтобы избежать недоразумений.

Необходимо потому, что выводы эти нисколько не являются ни откровением, ни новым словом, а старой истиной, установленной основоположниками научного социализма много десятков лет тому назад, проработанной и получившей ясную и точную формулировку у В. И. Ленина.

Теория марксизма-ленинизма не догма, а руководство к действию. Только тяжелой и упорной борьбой завоевывает она себе признание. И всякая попытка освободить ее от шлаков и примесей со стороны учений буржуазных классов неизбежно должна встречать и встречает противодействие.

Так обстоит дело во всех областях знания, это в полной мере относится и к вопросу о классовой сущности и роли в общественном движении «интеллигенции».

Вот обстоятельства, которые заставляют автора вынести вперед эти выводы:

§ 1. Студенческое движение было движением политическим. Отрицание политического характера за движением — отражение не действительности, а классовых интересов либеральной буржуазии. Аполитицизм — та же политика — политика либералов.

Старая истина.

В. И. Ленин писал [1]:

«Кто-ж не знает, что ссылка на беспартийность тех или иных учреждений является обыкновенно не более, как лицемерной фразой в устах правящих классов, желающих затушевать то, что существующие учреждения пропитаны уже в 99-ти случаях из ста самым определенным политическим духом?»

И в другом месте [2]:

«В обществе, основанном на делении классов, борьба между враждебными классами неизбежно становится, на известной ступени ее

---

[1] Соч., т. V, 2-е изд., стр. 359.
[2] Соч., т. VIII, 2-е изд., стр. 415—416.

развития, политической борьбой. Самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий»... «Буржуазия не может не тяготеть к беспартийности, ибо отсутствие партий среди борющихся за свободу буржуазного общества означает отсутствие новой борьбы против этого самого буржуазного общества»... «Беспартийность есть идея буржуазная»... «Либералы наши, представители взглядов буржуазии, терпеть не могут социалистической партийности и слышать не хотят о классовой борьбе»...

§ 2. Не было единого студенческого движения. Была борьба направлений в студенческом движении — отражение борьбы классов во всем обществе.

Старая истина.

Еще в 1903 г. В. И. Ленин писал [1]: «В современном студенчестве имеется шесть политических групп»...

«Спрашивается: не случайна ли эта группировка? Не есть ли это временное распределение настроений? [2]. Достаточно прямо поставить этот вопрос, чтоб на него был тотчас дан отрицательный ответ всяким сколько-нибудь знакомым с делом человеком. Да иной группировки и быть не могло бы в нашем студенчестве, потому что оно является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе».

§ 3. В первый период в основе студенческого движения лежало противоречие интересов крепостников помещиков и крестьянства, как классов феодального общества.

Старая истина.

В. И. Ленин писал [3]:

«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их [первых русских социалистов], поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством».

«Старое русское народничество» было «крестьянским социализмом» [4].

§ 4. Уже при первых шагах студенческого движения в нем обнаружилось расхождение двух политик: буржуазной (либеральной) и крестьянской (демократической).

В. И. Ленин писал [5]:

«Как только сословности в России нанесен был решительный удар

---

[1] Соч., т. V, 2-е изд., стр. 354.
[2] Подчеркнуто мной.
[3] Соч., т. I, 2-е изд., стр. 164.
[4] Там же, стр. 272.
[5] Там же, стр. 293.

(1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизмом внутри «народа», а на ряду с этим и в силу этого антагонизма внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели, да и не могли еще видеть, образования противоположных классов)».

§ 5. Выразителем интересов крестьянства, его идеологом явился слой революционных разночинцев, — деклассированных элементов старого дореформенного общества.

В. И. Ленин писал[1]:

«Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями Народной Воли. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури», — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря».

§ 6. Такая роль деклассированных элементов феодального общества в буржуазном революционном движении не является особенностью России.

Энгельс писал[2] (по поводу книги Каутского):

«Очень мало исследовано развитие и роль элементов, стоящих вне феодального сословного строя, находившихся в положении почти-что париев, элементов деклассированных»... «Эти элементы становились тем пред-пролетариатом, который в 1789 г. произвел революцию в парижских предместьях. Он воспринял в себя всех отверженцев феодального и цехового общества».

§ 7. В основе разложения народнической идеологии лежало расслоение крестьянства и вызванное ростом индустриального капитала сплачивание кадров численно растущего пролетариата.

В. И. Ленин писал[3]:

«Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском обществе, заставило признать факт разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм. Поэтому русская «бессословная интеллигенция» представляет из себя «реальную общественную силу», поскольку она заступает обще-буржуазные интересы».

«Решено было», — писал В. И. Ленин в другом месте[4], — «что дело не в мужике, а в правительстве, — и вся работа была направлена на борьбу с правительством, борьбу, которую вели одни уже только

---

[1] Соч., т. XV, 2-е изд., стр. 468.
[2] Маркс и Энгельс. Письма. Соцэкгиз, 1931, стр. 415.
[3] Соч., т. I, 2-е изд., стр. 293.
[4] Соч., т. I, 2-е изд., стр. 175.

интеллигенты и примыкавшие иногда к ним рабочие. Сначала эта борьба велась во имя социализма, опираясь на теорию, что народ готов для социализма и что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает уже всякий кредит, и борьба с правительством народовольцев становится борьбой радикалов за политическую свободу».

§ 8. Разгром партии Народной Воли, совпадающий с эпохой разложения народнической идеологии, обусловил временное преобладающее влияние идеологии либерально-буржуазной.

1884—1890-е годы В. И. Ленин характеризует так [1]: «Эпоха движения «разночинцев»; смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения при выдающейся роли учащихся и интеллигентов — вот классовая сущность тогдашних партий и тогдашнего движения».

§ 9. Классовые отношения 1860—1890 гг., эволюция в экономике страны, вызванные ею изменения в идеологии борющихся классов, смена различных направлений в революционном движении, — все это нашло яркое отражение в студенческой общественной жизни.

В. И. Ленин писал о Струве [2]:

«Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической идеи о всемогуществе интеллигенции с своей совершенно справедливой идеей о «бессилии интеллигенции в экономическом процессе» (71). Но такого сопоставления мало. Чтобы судить о русской «бессословной интеллигенции», как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю пореформенную эпоху — эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем, которая, несомненно, играла и продолжает играть известную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с положением и интересами данных классов русского общества».

И в другом месте [3]:

«Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе».

§ 10. В 1890-х (1893—1900) годах Россия переживала промышленную революцию, изменившую социальный облик страны. «Промышленная революция 90-х годов, столь быстро

---

[1] Соч., т. XVI, 2-е изд., стр. 575—576. «Эпоху разночинца» В. И. Ленин называет также «буржуазно-либеральной» (1884—1890).

[2] Соч., т. I, 2-е изд., стр. 292—293.

[3] Соч., т. V, 2-е изд., стр. 354.

преобразовавшая социальный облик страны, сразу подвинула вперед и процесс оформления рабочего класса»; рабочий класс «на протяжении даже одного десятилетия (1895—1904 гг.) проделал эволюцию, которая стоит целого исторического периода»[1]. Этот процесс нашел отражение в студенческом движении. На смену «разночинцу» — продукту разложения феодального общества — во главе студенческого движения становился новый общественный слой, созданный развитием капиталистических отношений.

Марксист, — писал В. И. Ленин[2]:

«Не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость».

§ 11. С 1890-х гг. ведущую роль в революционном движении студенчества начинает занимать, оттесняя «разночинца», представитель «третьего элемента». Этот факт не остался незамеченным современниками, участниками движения.

«Правда, студенческие движения увлекают разнородные элементы и вербуют участников и из купечества, из мещан, из крестьянства, привлекают отдельных представителей денежной буржуазии и аграриев, но несомненно то, что мы знаем, говорит нам, что тон движению задают именно представители буйного «третьего элемента»[3].

§ 12. Роль в студенческом движении «третьего элемента» подтверждается цифрами, полученными при переписи участников движения 1902 г.

Из трех студентов Московского университета, принадлежавших к категории «третьего элемента», один участвовал в студенческом движении (32,4%); среди сыновей чиновников участвовал в движении один из тридцати (3,7%); соответствующие проценты будут: для крестьян: 15,7%, мещан — 15,1%, купцов — 12,8%, духовенства — 10,7%.

§ 13. Процесс вытеснения «разночинца» с руководящего поста в студенческом движении завершился в «предреволюционную эпоху» 1901—1903 гг., в полном соответствии с изменением соотношения классовых сил в стране.

«Подходит предреволюционная эпоха (1901—1903), — писал В. И. Ленин[4]. — Первую роль играет городской рабочий («промышленность и торговля»)».

---

[1] М. Балабанов. Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III, стр. 173—174.

[2] Соч., т. I, 2-е изд., стр. 276. По цензурным условиям, в подлиннике сказано «материалист».

[3] Брошюра «Наше Знамя». М. 1904, стр. 12.

[4] Соч., т. XVI, 2-е изд., стр. 576.

§ 14. В предреволюционную эпоху, под руководством ленинской «Искры», передовой слой рабочих выступил, как классовая политическая сила, и, поведя за собой рабочую массу, обеспечил пролетариату роль гегемона в революции.

«Непосредственно предреволюционную (1901—1903) и революционную (1905—1908) эпохи» В. И. Ленин определяет [1], как «эпохи буржуазно-демократического и пролетарского движения».

«Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян» [2].

«Пролетариат и буржуазная демократия (крестьянство) — вот кто составляет общественную силу движения. Но крестьянство, составляя громадное большинство по отношению к рабочим и горожанам, стоит далеко позади, давая всего четверть (24,2%) участников, так как оно еще слабо разбужено» [3].

§ 15. В предреволюционную эпоху 1901—1903 гг., отражая классовую структуру общества, студенчество дифференцировалось и руководящую роль в студенческом движении стали играть социал-демократические элементы студенчества, несмотря на численную слабость.

Разбору движения 1901—1902 гг. посвящен 2-й том этой работы. Первый том оканчивается 1900-м годом. В эпоху 1890-х годов только еще складывались силы, которые выступили в предреволюционную эпоху.

§ 16. 1890-е годы — годы первых массовых выступлений рабочего класса под руководством социал-демократии. Рабочий класс представлял из себя кипящий котел, в котором оседало прочное пролетарское, марксистское мировоззрение и выветривались, исчезая, обрывки и пережитки чуждых идеологий. Так всегда бывает в критические эпохи, когда класс в себе становится классом для себя. И это состояние рабочего класса в России, процесс выкристализовывания пролетарского миропонимания, как нельзя более ясно отразил чуткий барометр своего класса — пролетарская часть студенчества.

В «Что делать?» В. И. Ленин говорил по поводу одного воззвания, изданного группой самоосвобождения рабочих (март 1899 г.) [4]:

«Авторы этого воззвания очень справедливо говорят, что «рабочая Россия еще только просыпается, только осматривается кру-

---

[1] Там же, стр. 575.
[2] Соч., т. XV, 2-е изд., стр. 468—469.
[3] Соч., т. XVI, 2-е изд., стр. 577.
[4] Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 394—395.

гом и инстинктивно хватается за первые попавшиеся средства борьбы».

«Партии рабочего класса везде в Европе складывались, высвобождаясь из-под влияния общедемократической идеологии, научаясь отделять борьбу наемных рабочих с нанимателем от борьбы с феодализмом, между прочим, именно ради усиления этой последней борьбы, ради освобождения ее от всякой шаткости и робости» [1].

«Распространение агитации привело социал-демократов в соприкосновение с низшими, наименее развитыми слоями пролетариата; привлечение этих слоев требовало от агитатора умения приспособляться к самому низкому уровню понимания, приучало ставить на первый план «требования и интересы данной минуты» и отодвигать широкие идеалы социализма и политической борьбы. Раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы, крайне слабая связь между кружками разных городов, между русскими социал-демократами и их заграничными товарищами, обладающими и более солидными знаниями, и более богатым революционным опытом, и более широким политическим кругозором, естественно вели к тому, что эта (совершенно необходимая) сторона социал-демократической деятельности безмерно преувеличивалась и могла в сознании отдельных лиц привести к забвению остальных сторон, тем более, что с каждым крахом наиболее сознательные рабочие и интеллигенты выбывали из строя действующей армии и прочная революционная традиция и преемственность не могли еще выработаться» [2].

Наступил «период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Ведь и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью» [3].

§ 17. В русском рабочем классе 1890-х гг. В. И. Ленин различал три основных слоя [4].

«История рабочего движения всех стран показывает, что раньше всего и легче всего воспринимают идеи социализма наилучше поставленные слои рабочих. Из них, главным образом, берутся те рабочие-передовики, которых выдвигает всякое рабочее движение, рабочие, умеющие приобретать полное доверие рабочих масс, рабочие, которые посвящают себя всецело делу просвещения и организации пролетариата, рабочие, которые вполне сознательно воспринимают социализм и которые даже самостоятельно вырабатывали социалистические теории».

«За численно небольшим слоем передовиков идет широкий слой средних рабочих. И эти рабочие жадно стремятся к социализму, принимают участие в рабочих кружках, читают социалистические газеты и книги, участвуют в агитации, отличаясь от предыдущего слоя только тем,

---

[1] Соч., т. XII, ч. 2, 1-е изд., стр. 284.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. II, 2-е изд., стр. 573—574.
[3] Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 499—500.
[4] Соч., т. II, 2-е изд., стр. 574—575.

что они не могут стать вполне самостоятельными руководителями социал-демократического рабочего движения».

«Наконец, за средним слоем идет масса низших слоев пролетариата».

О последних слоях В. И. Ленин писал[1]:

«Социал-демократия всегда и везде была и не могла не быть представительницей сознательных, а не бессознательных рабочих, ...не может быть ничего опаснее и преступнее демагогического заигрывания с неразвитостью рабочих. Если критерием деятельности брать то, что сейчас же непосредственно доступно в наибольшей степени самой широкой массе, то придется проповедывать антисемитизм или агитировать, скажем, на почве обращения к отцу Иоанну Кронштадтскому».

§ 18. В первый период своей деятельности социал-демократия состояла из ничтожного количества интеллигентов, усвоивших опыт международного рабочего движения, изучивших теорию Маркса, и единичных рабочих, принадлежавших к слою «наилучше поставленных». За время своей деятельности они подготовили руководителей второго периода. Деятели второго периода опирались на тот же слой наилучше поставленных рабочих.

«Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития» [2].

«Русская социал-демократия и в лице ее основателей, членов «Группы Освобождения Труда», и в лице тех русских социал-демократических организаций, которые основали «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», признавала всегда два следующие основные положения:

1) Сущность социал-демократии: организация классовой борьбы пролетариата с целью завоевать политическую власть, передать все средства производства в руки всего общества и заменить капиталистическое хозяйство социалистическим. 2) Задача русской социал-демократии: организовать русскую рабочую революционную партию, которая ставит своей ближайшей целью — ниспровержение самодержавия, завоевание политической свободы» [3].

Воспитанные на борьбе с народовольцами, борьбе, которая «заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества», деятели

---

[1] Ленинский сборник VII. М. Л., 1928, стр. 11. На такой почве выросла в Москве «зубатовщина».

[2] Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 499.

[3] Соч., т. II, 2-е изд., стр. 578.

второго периода — социал-демократы 1894—1897 гг. — «шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время последним делом социал-демократов этой полосы»[1].

§ 19. В первый период условия работы социал-демократов породили известную узость (кружковщину). Во второй период социал-демократы развернули широкую политическую деятельность среди пролетариата (главным образом в Петербурге, где «Союзом Борьбы» руководил В. И. Ленин).

«В 80-х и начале 90-х годов, когда начинали практически работать в России социал-демократы, они видели перед собой, во-первых, народовольцев, которые упрекали их в том, что они отстраняются от политической борьбы, завещанной русским революционным движением, и с которыми социал-демократы вели упорную полемику, а во-вторых, российское либеральное общество, которое тоже недовольно было поворотом революционного движения от народовольчества к социал-демократии. Полемика и с теми и другими вертелась около вопроса политики[2].

Воюя против узкого понимания народовольцев, сводивших политику к заговорщичеству, социал-демократы могли высказываться и высказывались иногда вообще против политики (в виду того, что господствовало определенное узкое понимание политики). С другой стороны, в либеральных и радикальных салонах буржуазного «общества» социал-демократы могли слышать нередко сожаления о том, что революционеры оставили террор: люди, дрожавшие больше всего за свою шкуру и не оказавшие в решительный момент поддержки тем героям, которые наносили удары самодержавию, эти люди лицемерно обвиняли социал-демократов в политическом индифферентизме и жаждали возрождения партии, которая бы таскала для них каштаны из огня. Естественно, что социал-демократы проникались ненавистью к подобным людям и их фразам и уходили в более мелкую, но зато и более серьезную работу пропаганды среди фабрично-заводского пролетариата. Узкий характер этой работы вначале был неизбежен, отражаясь и в узких заявлениях некоторых социал-демократов. Эта узость не пугала, однако, и тех социал-демократов, которые нисколько не забывали широких исторических целей русского рабочего движения. Что за беда, если узки иногда слова социал-демократов: зато широко их дело. Зато они не уходят в бесполезные заговоры, не якшаются с Балалайкиными буржуазного либерализма, а идут в тот класс, который один только является истинно-революционным классом, и содействуют развитию его сил! С каждым шагом расширения социал-демократической пропаганды, думали они, эта узость будет сама собой отпадать. В значительной

---

[1] Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 499.
[2] Подчеркнуто мной. *В. О.*

степени так и вышло на самом деле. От пропаганды стали переходить к широкой агитации»[1].

§ 20. И борьбу различных направлений в революционном движении, и развитие социал-демократии, и три его этапа отразило студенческое движение, в частности — в Московском университете. Так же, как и вне его стен, полемика в университете 1890-х гг. «вертелась около вопроса политики».

Первые московские студенты социал-демократы: С. И. Мицкевич, Г. Н. Мандельштам, И. А. Давыдов, Г. М. Круковский и их товарищи были высоко образованными и выдержанными для своего времени марксистами. Опирались они на передовой слой рабочих металлистов [2]. Рядом со студентами стояли исключительные по уровню своего развития рабочие: С. И. Прокофьев, Ф. И. Поляков, К. Ф. Бойе, А. И. Хозецкий. Работа первых московских организаций страдала некоторою «узостью»: «Начав работу среди пролетариата, — пишет М. Н. Лядов [3], — пропагандисты отдались этой работе целиком и почти совершенно ушли от остальной интеллигенции... На работу среди студенчества они смотрели теперь, как на пустую забаву». Несмотря на эту «узость», московские социал-демократы одни из первых перешли к широкой агитации среди рабочих.

Первые московские социал-демократы студенты внесли в студенческое движение «политику» (последовательный демократизм), отличную от политики и народовольцев и политики либералов. Постепенно приобретая влияние, студенты социал-демократы к 1896 г. сумели повести за собой основную, мелкобуржуазную массу студенчества и вынесли протест против самодержавия на улицу (демонстрация в полугодовщину Ходынской катастрофы). В результате первые студенты социал-демократы были изъяты и высланы, чтобы служить делу пролетариата в провинциальных городах. Их преемники, в погоне за сочувствием мелкобуржуазной массы студенчества («панстуденческие иллюзии» = «преклонение перед стихийностью» — в рабочем движении) сошли с почвы последовательного демократизма на почву либеральной политики, что повело к разложению движения.

§ 21. С 1890-х гг. основным стержнем студенческого движения было противоречие и столкновение двух политик: революционной — последовательно-демократической (пролетарской) и соглашательской, возла-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. II, 2-е изд., стр. 572—573.

[2] См.: «Схема московской соц.-дем. организации 1894 г.» Московский Истпарт. «Первые годы». Изд. «Московский Рабочий». 1928 г., стр. 45.

[3] История РСДРП., ч. I, стр. 92, изд. «Колокол», СПБ, 1906. На стр. 65 М. Н. Лядов пишет: «Первые рабочие кружки с самого начала состояли из передовых рабочих. Многие из них по начитанности и общему образованию ничуть не уступали широкой массе студенчества».

гавшей свои надежды на уступки сверху (буржуазной). На студенческом жаргоне — столкновение «политики» и «академизма». Мелкобуржуазные группировки занимали промежуточную позицию, колеблясь между «политикой» и «академизмом».

«Социал-демократы иначе понимают политическую борьбу, они понимают ее гораздо шире, чем представители старых революционных теорий» [1].

Только рабочий класс «является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, только между ним и абсолютизмом невозможны компромиссы, только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад» [2].

§ 22. Причину появления в 1890-х годах целого слоя студентов (а не отдельных «личностей»), которые сочетали последовательно-демократическую деятельность с пропагандой в рабочем классе идей революционного марксизма, с точки зрения диалектического материализма, нельзя искать во «временном распределении настроений» [3]. Точно так же ее нельзя видеть в «увлечении» массовым рабочим движением.

«Долгий период подготовки сил пролетариата, воспитания и организации его предшествовал тем выступлениям сотен тысяч рабочих, которые нанесли смертельные удары старому самодержавию в России. Долгая, невидная работа руководства всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, работа созидания прочной, выдержанной партии, предшествовала взрыву действительно массовой борьбы и обеспечивала условия превращения этого взрыва в революцию» [4].

«В России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции.

К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение Труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом налицо были и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демокртической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим» [5].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. II, 2-е изд., стр. 187.
[2] Соч., т. II, 2-е изд., стр. 184.
[3] См. § 2.
[4] Соч., т. XII, 2-е изд., стр. 75.
[5] Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 384—385. Подчеркнуто мной. *В. О.*

§ 23. Было бы извращением действительности признавать причиной появления в России слоя молодежи «рвущейся к рабочим» распространение марксистской литературы. В действительной жизни не марксистская литература создавала первых социал-демократов, а первые марксисты создавали в России оригинальную и переводную, доступную немногим, социал-демократическую литературу.

«В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами?» — спрашивал В. И. Ленин, и отвечал [1]: — «Единственно в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перепали (ибо главная умственная пища современного студента, легальный марксизм, и не мог дать ничего кроме азбуки, кроме крох») [2].

При этом надо иметь в виду, что В. И. Ленин не питал обычных иллюзий и не смешивал «легальный марксизм» с учением Маркса, зная, что тот — миросозерцание буржуазное. «Струвизм» или «брентанизм», — писал В. И. Ленин в 1918 г., — то-есть «либерально-буржуазное учение, признающее не революционную классовую борьбу пролетариата, что особенно ярко выразил русский писатель Струве и немецкий экономист Брентано» [3].

То же писал о Брентано В. И. Ленин еще в 1905 г. [4].

Большой знаток московского движения М. Н. Лядов писал [5]:

«В начале 90-х годов марксистской литературы совершенно почти не существовало. Изданный еще в 60-х годах [в 1872 г. В. И. О.] перевод первого тома «Капитала» Маркса считался в то время уже библиографической редкостью и ценился чуть не на вес золота. Марксистские кружки стараются для своих потребностей скупить все имеющиеся у букинистов экземпляры, которые, как реликвии, передаются из кружка в кружок. «Капитал» изучают лишь члены кружков; для непосвященных же, стоящих вне этих законспирированных ячеек, достать его почти так же трудно, как богатому, по свидетельству евангелия, войти в царствие небесное. Еще менее доступна была для непосвященных нелегальная русская социал-демократическая литература — как привозная из-за границы, так и местного, отечественного производства. Активные социал-демократы в распоряжении которых имелась эта литература, не успевали удовлетворять страшно возросший спрос на нее среди рабочих. А так как во главу угла они ставили работу среди пролетариата, на работу же среди учащейся молодежи смотрели в то время лишь как на под-

---

[1] Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 455.
[2] Последняя фраза подчеркнута мной.
[3] Соч., т. XXIII, 2-е изд., стр. 335.
[4] Соч., т. VIII, 2-е изд., стр. 112, «Что «струвизм» и «легальный марксизм» одно и то же», см. т. XVIII, 2-е изд., стр. 218.
[5] История РСДРП, ч. I, стр. 145—146.

особное, а стало быть второстепенное дело, то понятно, что вся литература, которой вообще было очень мало, отдавалась рабочим. Издания Московского рабочего союза не попадали не только в руки учащихся, но не доходили даже и в марксистские интеллигентские кружки. Немецкая же социал-демократическая литература была доступна лишь немногим, знакомым с немецким языком».

Стремление, при таких условиях, познакомиться с учением социал-демократии, умение сделать революционно-марксистские выводы из статей Н. И. Зибера, раскапываемых в старых номерах «Отечественных Записок», из трудов Ф. Ф. Эрисмана, А. В. Погожева или Е. М. Дементьева, из земских сборников и корреспонденций «Русских Ведомостей», из некролога Маркса, написанного А. И. Чупровым, и статей П. Н. Скворцова, напечатанных в «Юридическом Вестнике», — никак не могут быть объяснены влиянием марксистской литературы. Не многим лучше обстояло дело и с единичными произведениями «легального марксизма» и легально изданными книжками и статьями социал-демократов.

«Критические заметки» П. Б. Струве и «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Г. В. Плеханова (Бельтова), — книга, изданная в одной тысяче экземпляров,— сразу стали библиографической редкостью. Знаменитый «Сборник материалов», со статьей В. И. Ленина, был сожжен цензурой. Уже 1 сентября 1895 г. В. Я. Богучарский писал в Париж [1]:

«Таким образом, марксистам правительство начинает энергично зажимать рты, и направление это, не имея возможности защищаться печатно, справедливо жалуется на глумление над собою».

При этом надо принять во внимание, что популярная среди студенчества легальная периодическая печать находилась в руках или либералов, или народников. Такой популярный и талантливый литератор, как Н. К. Михайловский, открыл против марксистов самую рьяную и пристрастную кампанию, обвиняя противников во всех смертных грехах.

§ 24. К т о м у ж е и н а л и ч и е м а р к с и с т с к о й л и т е р а т у р ы н е г а р а н т и р о в а л о б ы у с в о е н и я у ч е н и я с о ц и а л-д е м о к р а т и и, б е з о б ъ е к т и в н ы х к т о м у п р е д п о с ы л о к у ч и т а т е л я.

«Одно дело читать, а другое — воспринимать прочитанное. Всякая книга перерабатывается читателем по-своему. Значение всякой книги определяется тем, что она дает толчок самостоятельному мышлению. А это мышление и его направление определяется не последней прочитанной книгой, а всей совокупностью пережитого человеком в предыдущее время» [2].

«Диалектика в е щ е й создает диалектику и д е й, а не наоборот» [3].

---

[1] «Былое» № 2 (24), авг., 1917 г., стр. 220.

[2] И. И. Скворцов-Степанов. Сб. «На заре рабочего движения в Москве». Гиз. 1919 г., стр. 97.

[3] В. И. Ленин. Ленинский сборник IX, стр. 229. «Капитал» был «настольной книгой» народников 1870 гг. Но из «Капитала» они делали не марксистские, а н а р о д н и ч е с к и е выводы.

§ 25. Азбучная истина: для того, чтобы усвоить мировоззрение определенного класса, нужно принадлежать к этому классу или перейти на сторону этого класса,—находит себе подтверждение и при рассмотрении студенческого движения.

«Человеческое мышление существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей».

«Люди, сознательно или бессознательно, черпают свои этические * взгляды в последнем счете из практических условий своего классового положения, из экономических отношений производства и обмена [1].

«Только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многоразличные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить «духовную» историю цивилизованного общества: «ход его идей» отражает собой историю его классов и их борьбы друг с другом» [2].

В полемике с новой «Искрой» В. И. Ленин писал: «Русская демократическая интеллигенция не случайно, а необходимо распадается, по своей политической позиции, на три русла: освободительское, социалистско-революционное и социал-демократическое. Все эти направления имеют за собой длинную историю и каждое выражает (с возможной в самодержавном государстве определенностью) точку зрения умеренных и революционных идеологов буржуазной демократии и точку зрения пролетариата. Нет ничего курьезнее, как невинное пожелание новой «Искры»: «демократия должна действовать в качестве самостоятельной силы», при чем тут же рядом демократия отождествляется с радикальной интеллигенцией!» [3]

«Несостоятельно мнение, что интеллигенция может стать самостоятельной силой» [4].

§ 26. Для В. И. Ленина, как и всякого последовательного марксиста, появление в капиталистическом обществе пролетарского студенчества,—процесс «необходимый и неизбежный», т. е. обусловленный классовым положением интеллигенции, в конечном счете вытекающий из «экономических отношений производства». Непоследовательные марксисты, не порвавшие окончательно с мелкобуржуазной идеологией, не видят корней процесса расслоения интеллигенции и склонны рассматривать образованных представителей всех классов как самостоятельную силу, стоящую против пролетариата. Корни такого взгляда на интеллигенцию лежат в воззрениях крестьянства.

---

* И не только этические, конечно.

[1] Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Соцэкгиз, 1931, стр. 77 и 84.

[2] Г. В. Плеханов. Об искусстве, стр. 126.

[3] Соч. т. VII, 2-е изд., стр. 66—67.

[4] Там же, стр. 66.

Говоря о враждебном отношении к интеллигенции, вызванном позицией ее оформленно-буржуазной части, Ю. Ларин писал [1]:

«К озлоблению рабочих против буржуа присоединялось при этом часто из более глубоких по времени источников идущее озлобление крестьянина против барина. Победивший сегодня рабочий был вчера или позавчера крестьянином. Если не он сам, то его отец. Если не отца, то уж деда во всяком случае пороли на барской конюшне или на полицейском дворе. К озлоблению нового класса против буржуазных эксплоататоров и их приспешников прибавлялась стародавняя ненависть сословия людей земли — «простонародья» к «чистым господам», к господствующему классу».

«Нет сомнения, — писал В. И. Ленин [2], — что главным социальным слоем, который дает еще экономическую основу мелкобуржуазной демократии, является, по крайней мере в России, среднее крестьянство».

§ 27. Сложившееся, созревшее и перезревшее капиталистическое общество знает только два основных класса. Но в большинстве современных государств сохранились пережитки феодальных общественных отношений, поскольку буржуазия для обеспечения своего господства принуждена была итти на соглашение с феодальной аристократией и делиться с ней властью. В феодально-полицейском государстве, каким являлась Россия конца XIX столетия, наряду с противоречием между буржуазией и пролетариатом, сохранилось противоречие между поместным дворянством и крестьянством, как классами, унаследованными капиталистическим обществом. Это обстоятельство крайне усложняло политическую обстановку и обусловило «особенность» русского революционного движения. Сложность строения общества породила «невероятную смесь», путаницу при определении «интеллигенции», которая всего определеннее и яснее отражает и выражает политическую группировку общества. Такого обилия партий и партиек, какое обнаружилось в первой русской революции, не знала даже Германия.

«Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу» [3].

---

[1] Интеллигенция и Советы. Гиз, 1924, стр. 3—4.
[2] Соч. т. XXIII, 2-е изд., стр. 307.
[3] В. И. Ленин. Соч. т. V, 2-е изд., стр. 201.

«Классами называются большие группы людей, отличающиеся по их месту в исторической системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [1].

«Тем менее можно удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии. Надо удивляться скорее тому, какой сильный отпечаток успело уже наложить европейско-капиталистическое развитие России, вопреки ее азиатскому политическому строю, на политическую группировку общества» [2].

«Бывает такая либеральная буржуазия (например, в Германии и особенно в Пруссии так было), которая боится «занять место» падающего класса, а все усилия направляет на то, чтобы «разделить место» или вернее получить местечко хотя бы в лакейской, — но только не занимать место «падающего», только не доводить падающего до «падения» [3].

§ 28. Несмотря на всю классовую пестроту строения русского общества, несмотря на обусловленный этой пестротой причудливый переплет партийных группировок, В. И. Ленин давал прекрасный анализ классового строения русского, как и европейского общества. В данных им четких схемах совершенно не упоминается интеллигенция, потому что, — что из себя представляет интеллигенция? — «Совокупность всех до известной степени образованных людей страны, без всякого различия — и в этом все дело — самого содержания, сущности их идей и воззрений», как умные люди знали еще в 1880-х гг.» [4]

Делая «опыт классификации русских политических партий», на основании «крупных результатов» для выяснения партийных группировок, полученных в период октябрьских свобод и в период первой Думы, В. И. Ленин писал [5], указав на пестроту партийных группировок:

«Из этой пестрой вереницы партий явственно выделяется пять основных типов наших политических партий: 1) черносотенцы, 2) ок-

---

[1] Соч. т. XXIV, 2-е изд., стр. 337.
[2] В. И. Ленин. Соч. т. V, 2-е изд., стр. 356.
[3] Соч. т. XV, 2-е изд., стр. 119.
[4] «Устои» № 2, февраль 1882 г., стр. 128.
[5] Соч. т. X, 2-е изд., стр. 91.

тябристы, 3) кадеты, 4) трудовики, 5) социал-демократы. Правильность такой группировки доказывается разбором классовой природы той или иной партии».

«Какой класс представляют эти партии? Точку зрения какого класса они выражают?» — В. И. Ленин с исчерпывающей ясностью определил в 1917 г. (вынеся за одни скобки партии правее кадетов) [1]:

«А, (правее к.-д.). Крепостников-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии (капиталистов).

Б, (к.-д.). Всей буржуазии, т. е. класса капиталистов, и обуржуазившихся, т. е. ставших капиталистами, помещиков.

В, (с.-д. и с.-р.). Мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части подпавших влиянию буржуазии рабочих.

Г, («большевики»). Сознательных пролетариев, наемных рабочих и примыкающей к ним беднейшей части крестьян (полупролетариев)».

Точная и ясная схема, поражающая глубиной положенного в основу ее анализа, произведенного на основании долголетнего изучения действительности и опыта двух революций.

Упоминания об интеллигенции нет, потому что каждая партийная группировка имела с в о ю интеллигенцию.

«В обществе, разделенном на классы, — писал Г. В. Плеханов [2], — содержание всякого данного общественного идеала всегда определяется классовыми отношениями, экономическим строем этого общества. Внеклассовых идеалов в таком обществе не бывает. Бывает т о л ь к о н е п о н и м а н и е к л а с с о в о г о х а р а к т е р а и д е а л о в н е к о т о р о ю ч а с т ь ю и л и б о л ь ш и н с т в о м и л и д а ж е в с е ю с о в о к у п н о с т ь ю и х п р о т и в н и к о в и л и и х с т о р о н н и к о в».

§ 29. Н е п о н и м а н и е к л а с с о в о г о х а р а к т е р а и д е а л о в и н т е л л и г е н ц и и, в ы д е л е н и е и н т е л л и г е н ц и и с т о р о н н и к а м и п р о л е т а р с к о г о с о ц и а л и з м а (о п р о т и в н и к а х з д е с ь м о ж н о н е г о в о р и т ь) в о с о б у ю над-, сверх- или в н е к л а с с о в у ю к а т е г о р и ю, и м е ю щ е е г л у б о к о е о с н о в а н и е в о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и я х р у с с к о й д е р е в н и, б ы л о у п р о ч е н о р я д о м с и с т е м, в ы р о с ш и х н а п о ч в е к л а с с о в о г о п о л о ж е н и я о т с т а л ы х с л о е в р а б о ч е г о к л а с с а: л ю м п е н - п р о л е т а р и а т а (В. К. Махайский), «нового среднего сословия» (А. А. Богданов), т р э д ю н и о н и с т с к о г о с л о я (Ю. О. Мартов, Ф. А. Череванин и др.). Из этих с и с т е м н а и б о л е е р а з р у ш и т е л ь н о е в л и я н и е оказало г л у б о к о р е а к ц и о н н о е у ч е н и е А. Богданова, как благодаря п о п у л я р и з а т о р с к о м у т а л а н т у автора, так и б л а г о д а р я ф о р м а л ь н о й б л и з о с т и его к л е в о м у к р ы л у с о ц и а л - д е м о к р а т и и. Не даром целые поколения в о с п и т ы в а л и с ь н а его «К р а т к о м к у р с е э к о н о м и ч е с к о й н а у к и», и притом не в первом, получившем одобрительный

---

[1] Соч. т. XX, 2-е изд., стр. 136.
[2] Соч. т. XIV, стр. 276.

отзыв В. И. Ленина, издания, а в последующих изданиях, в которых от теории экономического материализма остались деформированные осколки.

Чтобы судить о реакционности кастовой (феодальное учение о «белой» и «черной» кости) — биолого-метафизической теории, подменяющей классовую теорию у А. А. Богданова, здесь достаточно привести идиллическую картину происхождения господствующего класса, которую рисует пророк neue Mittelstand'a [1]:

«Человек, биологически выше организованный, усваивал лучше и полнее, чем остальные, накопляющийся коллективный опыт, а следовательно, все больше отличался от них скоростью и успешностью ориентировки в условиях жизненной практики: типичное возрастание тектологической разности, по закону расхождения. Оно, большей частью, не останавливалось в общине и со смертью такого человека. Наследственность передавала его детям, в различной степени, его психическую гибкость, его органически повышенный тип, тем более, что на его же долю обыкновенно доставались наиболее здоровые и красивые жены, способные приносить лучших детей; а поскольку отец принимал участие в воспитании детей, для них создавалась повышенная по сравнению с прочими возможность развития. Естественно, что из числа их, если не всегда, то в огромном большинстве случаев, выделялся такой, который успевал за свою жизнь еще несколько подняться над средним уровнем своих родичей. Таким же образом разность продолжала понемногу возрастать и в следующих поколениях. Опыт и воля одного все более становились определяющим моментом в практике целого коллектива: развивалась устойчивая эгрессия». [«Эгрессия» — это тип организационного развития, который «по преимуществу фиксирует активности, закрепляет их в данной форме, обусловливает максимальную прочность системы»]. Все это так же понятно, как сама «эгрессия».

§ 32. Интеллигенция не является классом. Но она имела привилегию высказывать классовые истины, которые потом фиксировались в печати, преимущественно перед другими слоями населения. Поэтому нет никакой трудности определить классовое положение той или иной группы, сопоставив высказанные интеллигенцией этой группы идеи с положением классов в обществе данной эпохи, сняв «флер, скрывающий классовую борьбу и своеобразную физиономию этой эпохи».

«На различных формах собственности, на социальных условиях существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, понятий и мировоззрений. Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений. Отдельный индивидуум, получая свои чувства и взгляды путем традиции и воспитания, может вообразить

---

[1] Журнал «Пролетарская культура» 1920 г., № 17—19, стр. 7.

себе, что они-то и образуют действительные мотивы и исходную точку его деятельности» [1].

«Вы интеллигенты, — писал Г. В. Плеханов [2], — не падаете с неба, а представляете собою плоть от плоти и кость от костей породившего вас общественного класса. Вы являетесь идеологом этого класса»...

«Какая интеллигенция играла революционную роль в обществе?

Та, — и только та, — которая в вопросах, касавшихся общественных отношений, умела встать на сторону эксплоатируемого большинства и отказаться от презрения к толпе, так часто свойственного «интеллигенту».

§ 31. Идеологи отсталых слоев пролетариата; с большею или меньшею неохотой, но допускают, что буржуазная и мелко-буржуазная интеллигенция подвержена законам экономического развития. Но, чтобы они, идеологи пролетариата: — «великие люди», «истинные художники, истинные ученые», стоящие на высоте сознания «огромной культурной высоты и красоты грядущего общества», «крупная, а особенно великая индивидуальность», «героические революционеры», чтобы они — избранники [3] — подчинялись изменным законам экономического развития, — этого они допустить не могут. В действительности характерное для идеологов мелкой буржуазии самовозвеличение фатально увлекало на путь «критики» марксизма и подчинения идеализму в философии. Пролетарская интеллигенция подчинялась тем же законам общественного развития, что и не пролетарская. В положении известного слоя интеллигенции были экономические предпосылки, чтобы «встать на сторону эксплоатируемого большинства и отказаться от презрения к толпе».

«С развитием специфически-капиталистического способа производства, при котором многие рабочие коллективно занимаются производством одного и того же товара, отношение, существующее непосредственно между их трудом и предметом производства, конечно должно быть весьма различным. Например упомянутые выше чернорабочие на фабрике совсем не имеют прямого отношения к обработке сырья. Рабочие, состоящие надсмотрщиками над теми рабочими, которые непосредственно имеют дело с этой обработкой, стоят еще несколько дальше; отношение инженера опять-таки другое, и работает он главным образом своей головой и т. д. Но вся масса этих рабочих, владеющих рабочей силой различной стоимости, производит результат, который — если иметь в виду только результат процесса труда — выражается в товарах или в каком-нибудь материальном продукте; все они вместе, как рабочие, служат живыми машинами производства этих продуктов, подобно тому,

---

[1] К. Маркс. 18 Брюмера. ИМЭ — Соцэкгиз, 1932, стр. 34.
[2] Соч. т. XIV, стр. 204.
[3] А. В. Луначарский, passim.

как все они — с точки зрения процесса производства, взятого в его целом — обменивают свой труд на капитал и воспроизводят деньги капиталиста в виде капитала, т. е. как стоимость, увеличивающуюся в процессе труда, самовозрастающую стоимость. Именно капиталистическому способу производства свойственно разобщать различные виды труда, а стало быть также и умственный и ручной труд, — или те виды труда, в которых преобладает та или другая сторона, — и распределять их между различными лицами, что однако не мешает материальному продукту быть общим продуктом этих лиц или не мешает их общему продукту овеществляться в материальном богатстве; с другой стороны, это также нисколько не мешает тому и нисколько не изменяет того, что отношение каждого из этих лиц в отдельности к капиталу есть отношение наемного рабочего и в этом особенном смысле является отношением производительного рабочего» [1].

§ 32. Маркс с исключающею всякие кривотолки определенностью указывает, что производительным (т. е. образующим прибавочную стоимость) труд становится не благодаря своей материальной форме, не благодаря природе его продукта и акту труда, как конкретного труда, а благодаря определенным общественным формам, тем общественным отношениям производства, в которых этот труд осуществляется.

«Актер, например, и даже клоун, является, согласно этому, производительным рабочим, если он работает по найму у капиталиста»...

«Писатель является производительным рабочим не потому, что он создает идеи, а потому, что он обогащает книгопродавца, издающего его сочинения, т. е. он производителен постольку, поскольку служит наемным рабочим капиталиста» [2].

А то, что уже во второй трети XIX столетия ремесло писателя подчинялось капиталу, это отметил тогда же такой наблюдательный современник, как Бальзак:

«После 1830 года, — говорит он в «Знаменитом Годиссаре», — идеи стали ценностями. Быть может, со временем мы увидим особую биржу идей; ведь уже теперь мысли котируются, собираются, ввозятся, продаются, оплачиваются и приносят прибыль» [3].

«К производительным рабочим принадлежат понятно все, кто так или иначе участвует в производстве товаров, начиная с собственно рабочего и кончая директором, инженером (в отличие от капиталиста)» [4].

§ 33. В так называемом К. Марксом «нематериальном производстве», — «капиталистический способ производства» находил «себе применение только в не-

---

[1] К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. «Образование». 1906, стр. 334—335.

[2] Там же, стр. 205. Ср. стр. 326—327.

[3] Леонид Гроссман. «Цех пера». М., 1923, стр. 122.

[4] Маркс. Теория прибавочной стоимости, стр. 204.

большом объеме»[1], но то, что во времена Маркса было исключением, с развитием капиталистических отношений стало обычным явлением. «Из единичных во времена Маркса такие случаи превратились в типичные для нашего времени»[2].

«Такие «нематериальные» (конечно в условном смысле слова), насквозь индивидуальные формы проявления нашего «духа», как голос, жест, мимика, могут быть зафискированы в столь вполне «вещественных» предметах, как пластинка граммофона и лента синематографа»[3].

§ 34. Вот вполне реальное основание для известной части интеллигенции «рваться к рабочим». Различие между квалифицированными рабочими и интеллигентом, живущим на заработную плату, получаемую от безличного капиталиста, — различие по профессии, а не по классовому положению. С точки зрения богдановской теории каст различие по профессии достаточное основание для появления различных идеологий: «В наше время, при сильно развитом общественном разделении труда, сельское хозяйство живет в значительной степени иной жизнью, чем обрабатывающая промышленность, торговля иной жизнью, чем ученый мир и т. д.»[4].

«Трудовая деятельность, напр., крестьян и ремесленников весьма разнородна и по материалу и по приемам: не менее разнородны идеологии того и другого класса»[5].

«Но с этой точки зрения пришлось бы отнести к двум классам, напр., врачей и чиновников, так как они принадлежат к двум различным общественным группам, причем члены каждой из этих групп получают свои доходы из одного и того же источника. То же самое имело бы место и по отношению к бесконечной раздробленности интересов и положений, создаваемой разделением общественного труда как среди рабочих, так и среди капиталистов»[6].

В. И. Ленин[7] называл самой азбучной истиной с точки зрения марксизма то, что «земледелец-хозяйчик принадлежит к одному классу с фабрикантом или ремесленником-хозяйчиком, с торговцем-хозяйчиком; различие здесь есть не между классами, а между профессиями. Земледелец наемный рабочий принадлежит к одному классу с фабричным и торговым наемным рабочим».

---

[1] Маркс. Теория прибавочной стоимости, стр. 334.
[2] С. Я. Вольфсон. Интеллигенция, как социально-экономическая категория. Гиз, 1926, стр. 21.
[3] Б. И. Горев. На идеологическом фронте. Гиз, 1923, стр. 29, прим.
[4] А. Богданов. Эмпириомонизм, кн. III, стр. 73.
[5] А. Богданов. Из психологии общества, стр. 103.
[6] К. Маркс. Капитал, т. III. Соцэкгиз, 1931, столб. 836.
[7] Соч. т. XV, 2-е изд., стр. 475.

§ 35. В. И. Ленин самым решительным образом выступал против тех, кто хотел выделить в особую категорию партийную (пролетарскую) интеллигенцию и противопоставить ее рабочим [1]; или против тех, кто противопоставлял **не** буржуазную интеллигенцию пролетариату. Это так же бессмысленно, как противопоставлять либеральную интеллигенцию либеральной буржуазии.

«Если вы противопоставляете интеллигенцию пролетариату и крестьянству, — писал В. И. Ленин против социалистов-революционеров [2], — значит вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенна социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такого слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией. Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые еще не заняли [3] никакой определенной позиции или уже выбиты [3] жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, — то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату [4]. Как и всякий другой класс современного общества, пролетариат не только вырабатывает свою собственную интеллигенцию, но и берет себе также сторонников из числа всех и всяких образованных людей».

«Сознательный рабочий давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социал-демократов интеллигентов. Но, по мере того, как складывается у нас настоящая партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного [5] интеллигента, щеголяющего анархической фразой» [6].

§ 36. Пролетарское студенчество, как и пролетарская интеллигенция — в стране, составляло в университетах незначительное по численности меньшинство. Большинство студентов университета принадлежало по своему классовому положению к мелкой буржуазии, промежуточному, колеблющемуся классу, не способному выделить собственных руководителей с определенной программой действия. Роль вождей в движении играли или студенты либералы или предста-

---

[1] См. поучительные прения на III съезде РСДРП. Протоколы женевское изд., стр. 292—294. Соч., т. VII, 2-е изд., стр. 282—284. «Что делать?». Соч. т. IV, 2-е изд., стр. 454—455.

[2] Соч. т. V, 2-е изд., стр. 154.

[3] Курсив В. И. Ленина.

[4] Подчеркнуто мной. *В. О.*

[5] Слово «буржуазного» подчеркнуто мною. *В. О.*

[6] Соч. т. VI, 2-е изд., стр. 312.

вители революционной социал-демократии. Последние не были настолько наивны, чтобы звать мелкобуржуазное студенчество встать в ряды пролетариата. Единственно, что они считали своевременным и целесообразным делать, — это вырвать студенческую массу из-под влияния либералов, звавших на соглашение с властью, и заставить ее итти на прямую борьбу с самодержавным правительством. Студенческое движение 1890-х годов в основе своей всегда было мелкобуржуазным.

«Тот не социал-демократ, — писал В. И. Ленин [1], — кто забывает на деле о своей обязанности быть впереди всех в постановке, обострении и разрешении всякого общедемократического вопроса».

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата» [2].

§ 37. В студенческой прессе предреволюционного периода можно найти ясную постановку вопроса об отношении к массовому студенческому движению со стороны социал-демократов — студентов. Большинство в социал-демократической фракции Московского университета постоянно принадлежало большевикам (за исключением кратких периодов разводнения фракции случайным элементом). Когда существовали две фракции (большевиков и меньшевиков — 1905 г.) — большевистская была многочисленнее.

В 1890-х годах не было ни социал-демократических фракций (а отдельные группы с.-д.), ни определенной программы.

«Фразы — говорить, что студенты — социалисты»... «Для того, чтобы сражаться в рядах пролетариата, надо поработать среди этого пролетариата, а не издали благоговеть перед ним и скорбеть об его грехах. Это ведет к Бернштейну, Струве или Булгакову, но не к пролетариату»... «Только фальшивые уста говорят о «социалистичности» «мужика», как и о «социалистичности» интеллигенции» [3].

«От «духа» социализма в руках студентов осталось не больше, чем от духа римского права у юристов эпохи возрождения».

Среди студенчества есть группа «способная бороться против самодержавия. Мы убедились, что эта группа окрашена демократическими

---

[1] Соч. т. IV, 2-е изд., стр. 425.
[2] Соч. т. IV, 2-е изд., стр. 382.
[3] Брошюра «Наше Знамя», стр. 33—34 и 38.

интересами и ее требования приближаются к требованиям программы-minimum, выставляемой социал-демократией. Вот потому-то сходятся интересы революционного студенчества и ближайшие интересы пролетариата, потому рабочее движение и социал-демократия с 90-х годов задавали тон и придавали одушевление движению студентов» [1].

«Вы можете быть студентом и сочувствовать пролетариату; в этом нет ничего дурного. Но раз вы социал-демократ, вы обязаны работать среди пролетариата, в его рядах, или служить его делу» [2].

«В деле низвержения самодержавия всей мыслящей России есть место, и если вы не можете бороться в рядах пролетариата, боритесь рядом с ним, как равные с равными [3].

Только «меньшинство идейной и работающей демократии переходит в ряды пролетариата» [4].

§ 38. «Меньшинство идейной и работающей демократии», которое в университете шло «в ряды пролетариата», принадлежало к «наилучше поставленному» слою **демократического** студенчества. Этот слой легче и прочнее усваивал учение Маркса по тем же причинам, что и «наилучше поставленный» слой рабочих. Большинство студенчества 1860—1890-х годов влачило нищенское существование. «Первая перепись экономического положения студенчества, произведенная в Киевском университете в 1872 г. под руководством проф. Н. Бунге, из 355 учащихся насчитывала всего 36 человек, т. е. 10%, бюджет которых превышал 350 рублей в год,—и только 14 человек, т. е. 4%, живших сносно и не нуждавшихся» [5]. По сведениям инспекции[6], число нуждающихся студентов Московского университета в 1899—1900 уч. году достигало 53,2%, при очень жесткой норме при определении «недостаточности». Большинство нищенского, люмпен-интеллигентского студенчества выходило из рядов мелкобуржуазного «мещанства» и мелкобуржуазного чиновничества. В университет они приносили традиции и воззрения слоев, из которых вышли, а обстановка полуголодного существования [7] в университете не содействовала развитию в их среде общественных интересов. При 48,7% получающих стипендии и пособия в Московском университете, процент участников этой категории в студенческом движении выражался

---

[1] Брошюра «Об организации», стр. 13.
[2] «Об организации», стр. 12.
[3] «Наше Знамя», стр. 24.
[4] «Сибириада», стр. 88.
[5] Б. Фрометт. «Вестник Студенчества», 1917 г., № 7, стр. 16.
[6] Доклад комиссии московских профессоров, 1901 г., стр. 13.
[7] См. П. Иванов. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы. М., 1903.

цифрой 16,4% [1]. Из числа участников движения 61,6% пользовалось поддержкой родителей. Для марксиста такое явление не является неожиданностью: на то или иное отношение к пролетарской идеологии влияют не уровень материального обеспечения, а общественные отношения производства, в которых осуществляется труд представителей тех или иных слоев населения. Ведь и в пролетариате, «вопреки мещанской теории о «царе-голоде», как вожде революций», во главе движения шли «вовсе не самые голодные—и самые отсталые—группы пролетариата» [2].

Говоря о Штирнере, К. Маркс писал [3]:

«Наш святой имеет о пролетариате точно такое же представление, как «добрые, благодушные бюргеры» и в особенности «вечные чиновники». Конечно, он, вполне последовательно, отождествляет пролетариат с пауперизмом, между тем, как пауперизм, это — состояние, в котором находится лишь разоренный пролетарий, последняя ступень, на которую опускается потерявший силу сопротивления пролетарий, и лишь лишенный всякой энергии пролетарий становится паупером».

«Люмпен-пролетариат, этот пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества, местами втягивается пролетарской революцией в движение, но по всей своей жизненной обстановке он гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней» [4].

«Люмпен-пролетариат, представляющий из себя совокупность деклассированных элементов из всех классов и сосредоточивающийся в больших городах, является самым плохим из всех возможных союзников. Этот сброд абсолютно продажен и чрезвычайно назойлив... Всякий рабочий вождь, пользующийся люмпен-пролетариями в качестве своей гвардии и пытающийся найти в них себе опору, тем самым предает рабочее движение» [5].

«Когда люди бывают поставлены в положение, могущее удовлетворять только животное, им остается лишь возмущаться или самим превращаться в животных» [6].

§ 39. Правящий класс—феодальное дворянство—был слабо представлен в университетах. Кадры представителей высшей бюрократии получали образова-

---

[1] В том числе были Церетели, Алексинские и др., которые получали дворянские и земские стипендии, выдававшиеся не по признаку нищеты.

[2] М. Н. Покровский. Русск. ист. в сам. сж. оч., ч: III, в. 1 изд. 1928 г., стр. 155.

[3] Критика учения Штирнера. Изд. «Степи», СПБ, 1913 г., стр. 71.

[4] Манифест Коммунистической партии. Партиздат. 1932, стр. 27.

[5] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. ИМЭЛ. Партиздат. 1932, стр. 9.

[6] Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. Изд. «Молот». СПБ, 1905 г., стр. 118. (Перевод исправлен по изд. Коммунистического манифеста. Гиз. 1925 г., стр. 188.)

ние преимущественно в специальных институтах: пажеский корпус, училище правоведения, Александровский лицей — в Петербурге; Катковский лицей («императорский лицей в память цесаревича Николая») — в Москве. Крупная буржуазия — землевладельцы, промышленники и торговцы — давали не свыше 25% состава студентов Московского университета [1]. Во главе этой группы студенчества шли представители либерального дворянства. Их декларации ни по существу, ни по форме нисколько не отличались от деклараций их «отцов», стоявших во главе либеральной буржуазии (впоследствии партии к.-д.). Так же, как их отцы, студенты либералы проповедывали воздержание от «политики» («университет для науки, а не для политики»), так же возлагали надежды на уступки сверху — на реформы с «высоты престола», так же пугали «черносотенной опасностью».

«Наша цель» — борьба академическими средствами, на академической почве, за университетскую свободу, как средство к осуществлению культурно просветительной роли университета. Мы относимся отрицательно ко всякому участию университета в политической деятельности»... [2]

«Улучшение условий академической жизни возможно даже если оно пойдет вразрез с общим направлением государственной политики: примером служит тот факт, что теперь идет речь о сокращении городского и земского самоуправления, и рядом с этим о предоставлении большей самостоятельности высшим учебным заведениям» [3].

«Всем известно, что реакционной клике очень хотелось бы вызвать волнения и тем затормозить дело реформ, которых мы все страстно жаждем» [4].

«Черносотенная опасность была фикцией, которая прикрывала политику подчинения либералам» [5].

§ 40. Преобладающая масса московского студенчества принадлежала к мелкой буржуазии (крестьяне, мелкие и средние чиновники, кустари, ремесленники, торговцы, «третий элемент» и т. п.). Этот слой отличался всеми особенностями мелкой буржуазии.

«Средние слои — мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин — все они борются против буржуазии для того, чтобы спасти от гибели свое существование как среднего сословия. Они,

---

[1] Р. Выдрин. Основные моменты студенческого движения в России. Изд. «Студенческий Голос». М., 1908, стр. 76—77: 24,8%.

[2] «Бюллетень № 1 сторонников университетской свободы» от 15 ноября 1901 г.

[3] «Бюллетень» № 2 от 27 ноября 1901 г.

[4] Прокламация «академистов» от первой половины ноября 1901 г.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. XII, 2-е изд., стр. 119.

следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более — они реакционны, они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они бывают революционны, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения, чтобы встать на точку зрения пролетариата» [1].

Мелкая буржуазия «крайне ненадежна и непостоянна, если не считать тех случаев, когда одержана победа; тогда мелкие буржуа поднимают совершенно невероятный крик в пивных. Тем не менее среди них имеются и очень хорошие элементы, которые сами присоединяются к рабочим» [2].

«Мелкобуржуазная демократия — не случайное политическое образование, не какое-нибудь исключение, а необходимый продукт капитализма, при чем не только старое, докапиталистическое, экономически реакционное среднее крестьянство является «поставщиком» этой демократии, но и культурно-капиталистическая, на почве крупного капитализма произрастающая кооперация, интеллигенция и т. п.» [3].

§ 41. Как видно по только что приведенной цитате из В. И. Ленина, последний различал в мелкой буржуазии два слоя: 1) **докапиталистический,** экономически-реакционный, испытывающий гнет капиталистической эксплоатации, но сохранивший, хотя бы фиктивное, владение орудиями производства, которые, при удаче, можно использовать для извлечения прибавочной стоимости, и 2) **культурно-капиталистический,** созданный развитием капиталистических отношений, орудиями производства не обладающий и живущий продажей рабочей силы (высоко-квалифицированной). Этот слой состоял из так называемого «нового среднего сословия» и «интеллигенции».

«Во всех европейских странах, в России в том числе, неуклонно идет вперед и «утеснение» и упадок мелкой буржуазии, не всегда выражающийся в ее прямом и непосредственном вытеснении, но в громадной массе случаев ведущий к сужению ее роли в экономической жизни, к ухудшению ее условий существования, к усилению ее необеспеченности. Все ополчается против нее: и технический прогресс крупных хозяйств в промышленности и в земледелии, и развитие крупных магазинов, и рост предпринимательских союзов, картелей и трестов, и даже рост потребительных товариществ и муниципальных предприятий. А наряду с этим «утеснением» мелкой буржуазии в

---

[1] Манифест Коммунистической партии. Партиздат. 1932 г., стр. 26—27.

[2] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. Партиздат. 1932, стр. 9.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, 2-е изд., стр. 458.

земледелии и промышленности идет нарождение и развитие нового среднего сословия», как говорят немцы, нового слоя мелкой буржуазии, интеллигенции, которой тоже все труднее становится жить в капиталистическом обществе и которая в массе своей смотрит на это общество с точки зрения мелкого производителя [1]. Совершенно естественно, что отсюда с полной неизбежностью вытекает широкое распространение и постоянное возрождение в самых разнообразных формах мелкобуржуазных идей и учений, совершенно естественно, что русский «социалист-революционер», всецело плененный идеями мелкобуржуазного народничества, оказывается «поневоле братом» европейского реформиста и оппортуниста, который, когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма» [2].

§ 42. Представителями мелкой буржуазии (в том числе и «нового среднего сословия») являлись в России мелкобуржуазные партии и группировки, как трудовики, народные социалисты, социалисты-революционеры,—с одной стороны (представители экономически-реакционного крыла par excellence), «экономисты», меньшевики, ликвидаторы, отзовисты-ультиматисты, троцкисты и т. п.,—с другой стороны (представители «культурно-капиталистического» крыла по преимуществу).

«Меньшевики и эсеры все время революции 1917 г. только и делали, что колебались между буржуазией и пролетариатом, никогда не могли занять правильной позиции в своем поведении и, точно нарочно, иллюстрировали слова Маркса, его положение о том, что мелкая буржуазия ни на какую самостоятельную позицию в коренных битвах классов не способна. Лучшее подтверждение этого старого положения—это поведение наших меньшевиков и эсеров. Лучшего подтверждения нельзя и представить. И, конечно, из этих фактов, из того, как держались они на деле, из этих фактов, а не из их программы и посулов и обещаний должны мы делать вывод о социалистической сущности этих партий» [3].

§ 43. По отношению к социалистам-революционерам и меньшевикам большевистская партия вела

---

[1] «Не следует думать, что все демократические представители — shopkeepers (лавочники) или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от лавочников, как небо от земли. Их делает представителями мелкой буржуазии то, что их мысль не выходит за пределы жизненной обстановки мелкой буржуазии, что они поэтому теоретически приходят к тем же задачам и решениям, к которым мелкий буржуа приходит практически, благодаря своим материальным интересам и своему общественному положению. Таково вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют» (К. Маркс. 18-е Брюмера Луи Бонапарта. ИМЭ — Гиз. 1932, стр. 36—37).

[2] В. И. Ленин. Соч. т. V, 2-е изд., стр. 319.

[3] В. И. Ленин. Соч. т. XXIII, 2-е изд., стр. 310.

всегда одну линию: беспощадная борьба с их идеологией, безжалостное разоблачение ее мелкобуржуазной сущности.

«Крестьянин в России [«средний»] во всяком случае есть главный экономический класс, который является основой широкого разнообразия политических течений буржуазной демократии. У нас в России эти течения больше всего связаны с партией меньшевиков и эсеров. История социализма в России знает длительную борьбу большевиков с этими партиями»... «Правильность, необходимость ожесточенной борьбы с меньшевиками и эсерами, которую вели большевики в течение десятилетий — эта правильность доказана ходом революции» [1].

«Считать тех и других социалистами могут только глупцы или ренегаты вроде Каутского» [2].

§ 44. Об удельном весе социал-демократии и большевиков в Московском университете имеются достаточно показательные данные.

При выборах Центрального университетского органа в 1906 г. получили голосов: [3]

Социал-демократы — 2044; эсеры — 1259; народные социалисты — 314; ППС — 122; кадеты — 1463; независимые (правые) — 213. Составленный по пропорциональной системе Ц. О. выбрал председателем и секретарем большевиков. Кадеты принуждены были покинуть Ц. У. О.

Та же пропорция сохранилась и в годы реакции. При голосовании 10 марта 1910 г. за резолюцию с.-д. было подано 586 голосов, социалистов-революционеров — 151 голос, за октябристов — 1 голос, за резолюцию союза русского народа — 4 голоса; за резолюцию Совета студенческих представителей (сменившего Центральный орган) [4] — 560 голосов. Принята резолюция с.-д., внесенная большевиком В. И. Вегером, председателем собрания.

§ 45. Такая роль революционного крыла социал-демократии допускает только одно реальное объяснение, как это ни коробит сознание сторонников взглядов Махайского, Богданова и меньшевиков: значительная часть интеллигенции «культурно-капиталистического» крыла настолько пролетаризировалась, что сознательно переходила на точку зрения пролетариата. Непримиримость и принципиальность позиции В. И. Ленина не мало способствовала этому.

«В противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой» [5].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. XXIII, 2-е изд., стр. 309 и 310.

[2] Там же, стр. 391.

[3] Р. Выдрин. Основные моменты студенческого движения в России, стр. 64—65.

[4] Коалиционный орган (с.-д. и народнические группировки). Резолюция была компромиссной.

[5] В. И. Ленин. Соч., т. II, 2-е изд., стр. 296.

§ 46. Главным поставщиком идеологов революционного крыла социал-демократической фракции университета был «третий элемент». Что под этим названием скрывается, указал В И. Ленин [1]:

«Выражение «третий элемент» или «третьи лица» пущено в ход, если мы не ошибаемся, самарским вице-губернатором, г. Кондоиди, в его речи при открытии самарского губернского земского собрания 1900 г. [2], для обозначения лиц «не принадлежащих ни к администрации, ни к числу представителей сословий». Рост числа и влияния таких лиц, служащих в земстве в качестве врачей, техников, статистиков, агрономов, педагогов и т. п., давно уже обращает на себя внимание наших реакционеров, которые прозвали также этих ненавистных «третьих лиц» «земской бюрократией»...

«Третьему элементу в сословной монархии нет места. А если непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самым ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает, то неизбежно надо ожидать, что третий элемент будет стараться расширить узкие для него рамки».

§ 47. Как и всякая общественная группа, «третий элемент», под влиянием смены крепостнических отношений капиталистическими претерпел эволюцию. Первое поколение «третьего элемента» рекрутировалось из революционного и культурнического слоя разночинцев. Подавление революционного движения скоро унесло первый слой [3]. В эпоху смешения либерально-народнических и буржуазно-либеральных течений (1880—1890) «третий элемент» мирно уживался с либеральными управами (со «вторым элементом»). Конфликты земских служащих с председателями и членами управ происходили, преимущественно, в том случае, если последние проявляли феодально-помещичьи тенденции. Об идиллических отношениях либерально-буржуазных помещиков с служившими в земствах народниками свидетельствует видный земский деятель Д. Н. Шипов. Он же констатирует, что с появлением в среде «третьего элемента» марксистов (1890), эта идиллия нарушилась [4]. В предреволюционную эпоху конфликты между управами и служащими приобрели массовый и постоянный характер [5], а в.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 315—316.

[2] 11 января 1900 г.

[3] Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия. Н. И. Иорданский. Земский либерализм. Изд. «Колокол». М. 1905, стр. 50—52.

[4] Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М. 1918 г., стр. 25—26.

[5] Б. Б. Веселовский. История земства. Изд. О. П. Поповой, СПБ, 1909—1911 гг., т. III, стр. 475—479.

пореволюционную произошел массовый разгром «третьего элемента» [1].

«Я всегда с большим уважением смотрел на работу «третьего элемента» в земстве, — говорит в указанном месте Д. Н. Шипов, — и это уважение значительно возрастало во мне по мере нашей совместной работы. Большая часть земских работников, которых я застал на службе московского земства, а особенно те из них, на которых лежали наиболее ответственные обязанности, по своему образу мыслей и настроению принадлежали к русской интеллигенции, в среде которой с семидесятых годов проявилось и преобладало идейное народническое настроение. Отличительной чертой их настроения являлось народолюбие»...

«Настроение, которое при моем вступлении в губернскую управу [1893] я застал господствующим среди земских служащих, сохранилось в значительной мере в течение всего времени моей службы в губернском земстве [до 1904 г.], но за последние годы, насколько могу судить, наблюдая со стороны, в настроении этой среды произошло, к сожалению, заметное изменение под влиянием получившей большое распространение в кругах нашей интеллигенции идеологии марксизма».

§ 48. При абстрактном анализе, с точки зрения двухклассового строения капиталистического общества, значительная часть интеллигенции принадлежала («an sich») к высоко-квалифицированному слою производительных рабочих [2]. В действительной жизни для того, чтобы этот слой («интеллигентный пролетариат») стал пролетариатом «für sich», — существовали трудно преодолимые преграды в общественных отношениях старого общества: 1. происхождение интеллигента (разночинец — Vor-intellektuelle), 2. общественные отношения времени зарождения интеллигенции (до организации рабочих в класс), 3. «работа в одиночку или в очень мелких коллективах» [3], 4. «двухклассовое» [4] или трехклассовое [5] положение многочисленного слоя интеллигенции, 5. административные должности, ставящие часть интеллигенции

---

[1] Б. Б. Веселовский. История земства, т. IV, стр. 54, 59—64. В результате, как было оглашено на 10 Пироговском съезде (1907 г.), число врачей, подвергшихся административной каре с 1905—1907 г., превышало 1 300 чел. (из 2 639) — 50%! «Нет уезда, где бы не пострадал кто-либо из медицинского персонала за свои политические убеждения. А есть и такие места, где нет ни врачей, ни фельдшеров, — все они унесены потоком реакции: одни высланы, другие арестованы» (Протоколы 10 съезда). Оставшихся стали вычищать земские «зубры».

[2] См. §§ 31, 32 и 33.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. VI, 2-е изд., стр. 213.

[4] Напр., адвокат-пайщик акционерной компании.

[5] Напр., профессор-помещик и совладелец издательства крупной либеральной газеты, приносящей ему 20 000 р. дохода.

в положение заместителей предпринимателей[1], 6. личные отношения к работодателю, принимающие характер зависимости[2] и т. п.

«Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства, — чиновника, утешающегося тем, что он приносит «пользу» в пределах канцелярской рутины, — чиновника, оправдывающего этой «пользой» свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки?» [3]

«Участие интеллигенции в рабочем движении полезно для пролетариата лишь при наличности известных условий, — писал Г. В. Плеханов[4], — а когда эти условия отсутствуют, оно становится вредным, потому что тогда оно не ускоряет развития пролетарского самосознания, а замедляет его. В числе этих условий самое главное место занимает независимое, критическое отношение сближающейся с пролетариатом интеллигенции к идеологам господствующего класса. «Интеллигент» может быть полезен рабочему классу преимущественно, — чтобы не сказать только, — в качестве «идейной бациллы», т. е. в качестве идеолога. И именно потому, что его роль может быть почти исключительно только ролью такой «бациллы», он непременно должен освободиться от влияния идеологов того класса, господству которого и надо положить конец. В противном случае «интеллигент» сам делается проводником влияния этого класса, т. е. сам будет способствовать идейному подчинению пролетариата буржуазии, т. е. будет работать против той цели, которую он поставит себе, примыкая к рабочему движению. Но «совлечь с себя ветхого человека» вовсе не так легко, как это кажется многим и многим «интеллигентам».

§ 49. В положении «третьего элемента» (здесь речь идет главным образом о врачах и статистиках, стоявших во главе движения «третьего элемента») был ряд условий, который способствовал тому, чтобы его передовые представители, преимущественно перед другими слоями интеллигенции, могли «совлечь с себя

---

[1] В своих воспоминаниях (Рабочие массы в 90-х годах. Изд. «Молодая Гвардия» 1930 г., стр. 24—25) П. Г. Смидович рассказывает, как, приехав в Россию с нелегальным паспортом бельгийца-монтера Этиенна Бюссера для партийной работы, он очутился в Москве на административном посту шеф-монтера. Это вызвало отчуждение П. Г. Смидовича от рабочей среды. «Зная, — говорит П. Г., — что по начальству я докладывать не пойду, рабочие действительно работать начали неважно. А в конторе спрашивают работу, торопят. У меня появляется раздражение против них, я начинаю понукать, злиться, является начальнический тон»...

[2] Напр., художник, зависящий от заказов мецената-капиталиста, «Домашний врач» предпринимателя и т. д.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. II, 2-е изд., стр. 186.

[4] Соч., т. XVI, стр. 104.

ветхого человека». Представители «третьего земского элемента» жили продажей своей рабочей силы (salarié) не отдельному капиталисту, а буржуазному «обществу», противостояли своему нанимателю не как отдельный индивидуум (ремесленный подмастерье), а как члены коллектива. Кроме многочисленных съездов[1] и местных легальных и полулегальных объединений[2] врачи и статистики создали в Москве центральные организации: Пироговское общество и статистическое отделение при Юридическом обществе. В 1896 г. Киевский съезд Пироговского общества, подпав под влияние земских врачей, «ходатайствовал между прочим о введении 8-часового рабочего дня» [3]. «Клинский санитарный совет обсуждал вопрос об обязательном страховании рабочих, Звенигородский проектировал учреждение в земстве консультации для населения по судебным делам на том основании, что лица, получившие повреждения на фабриках, часто обращаются к врачам за советом» [4]. Являясь наемниками безличного капитала, получая заработную плату в размере заработка высоко-квалифицированных металлистов Петербурга и Южного Заводского района, объединенные в корпорации врачи—земские служащие проявили явные симпатии к нарастающему рабочему движению. Однако первое поколение «третьего элемента» не сделало и не могло сделать прыжка через Рубикон, который отделяет крайнее крыло буржуазной демократии от рабочей демократии.

«Буржуазная демократия, не принимая непосредственного участия в эксплоатации труда капиталом и крестьянина помещиком, никогда не чувствовала того антагонизма между собою и народными массами, который всегда вставал черною тенью между народом и обществом. Она была оппортунистична, как всякий общественный слой, не сознающий себя самостоятельной исторической силой, но она шла по дороге к правовому и социально-экономическому демократизму. Вступление в либерально-демократический блок [5] заставило буржуазную демократию приспособиться к классовой «умеренности» либеральных хозяев тех общественных организаций, в которых нашла себе приют страница — интеллигенция» [6].

---

[1] Б. Веселовский. История земства, т. IV, стр. 5, т. III, стр. 468—469.
[2] Б. Веселовский, т. III, стр. 471—472.
[3] Там же, стр. 468.
[4] Н. Иорданский. Земское движение, стр. 54.
[5] См. § 47.
[6] Н. И. Иорданский. Земский либерализм, стр. 58.

§ 50. Воспитывавшееся в атмосфере сочувствия, хоть и достаточно платонического, к «народу», а потом и к рабочему движению, с «молоком матери», по образному выражению Г. В. Плеханова, впитывая в себя ненависть к самодержавию, и от отцов-народников воспринимая неприязнь к буржуазии, второе поколение «третьего элемента», достигшее юношеского возраста, с 1890-х годов вливается в университет, и не в силу подражания или моды, а в силу своего классового положения и под влиянием общественных отношений эпохи промышленной революции, на рубеже XX столетия выделило из себя целый слой, который, сбросив с себя ветхого человека, перешел на сторону пролетариата, объявив войну и либерализму и буржуазной демократии.

«Мы, молодое поколение, вступаем в жизнь без векселей и без обязательств, без жалких слов и без обманутых надежд. Это наследство нужно ликвидировать, от этой богадельни, наполненной гг. Шиповыми и прочими инвалидами либерализма, нужно отказаться: таково неумолимое требование, предъявляемое к нам жизнью» [1].

«Большая часть буржуазной интеллигенции живет с теми и кормится около тех, кого потянуло прочь от политики. Лишь немногие интеллигенты идут в кружки пропагандистов рабочей партии, которые по опыту знают «волчий голод» народных масс на политическую книжку, газеты и на социалистическое знание» [2].

Знакомство со студенческим движением обязательно для того, кто желает самостоятельно разбираться в сложных явлениях общественной жизни.

«Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и при том непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении всех классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему

---

[1] К молодежи. Сб. «Нашим товарищам», стр. 4.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. VIII, 1-е изд., стр. 354.

практическому значению проповедь наших экономистов, что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный момент вокруг нас, о чем говорят по-своему и хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч., и проч., и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и основное условие воспитания революционной активности масс» [1].

История студенческого движения не живая жизнь, которая, в конечном счете, формирует взгляды, но отражение этой живой жизни. Насколько жива картина, нарисованная автором, об этом судить не ему.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 414—415.

ГЛАВА I

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК[1]

Современный европейский университет, по типу которого строился и Московский, вырос из потребностей капиталистического общества.

«Средним векам неизвестно было то значение, которое в настоящее время усвояется университету, — писал в 1898 г. историк

---

[1] Имевшееся в моем распоряжении время для составления очерка дореформенного университета позволило мне сделать только компилятивную сводку из имевшихся в моем распоряжении статей. Работа нисколько не претендует на самостоятельность. Поэтому взяты в кавычки только отдельные места из цитируемых авторов. Во избежание недоразумений привожу их список:

1. Н. Суворов. Средневековые университеты. М. 1898.
2. А. Готлиб. Университет. Энц. Словарь Брокгауза и Эфрона. 68 полутом. СПБ. 1902.
3. В. С. Иконников. Русские университеты в связи с ходом общественного образования. «Вестник Европы» 1876 г. сентябрь — ноябрь.
4. П. Н. Милюков. Университеты в России. Энц. Словарь Брокгауза и Эфрона, 68 полутом.
5. В. А. Вагнер. Университет. Энц. Словарь изд. т-ва Бр. А. и И. Гранат и К-о. Т. 42, 7-ое издание.
6. В. Е. Якушкин. Из истории русских университетов в XIX в. «Вестник Воспитания» 1901 г., № 7.
7. И. Н. Бороздин. Университеты в первой половине XIX в. История России в XIX в. Изд. т-ва Бр. -А. и И. Гранат и К-о, т. 2.
8. И. Н. Бороздин. Университеты в эпоху 60-х годов. Там же, т. 4.
9. В. М. Фриче. Высшая школа в конце века. Там же, т. 9.
10. Л. А. Тарасевич. Естествознание и медицина. Научное движение в первой половине XIX в. Там же, т. 6.
11. В. Ф. Коган. Математика. Научное движение в первой половине XIX в. Там же, т. 6.
12. К. А. Тимирязев. Пробуждение естествознания в третьей четверти века. Там же, т. 7.
13. В. Л. Омелянский. Развитие естествознания в России в последнюю четверть века. Там же, т. 9.
14. Борьба за науку в царской России. Гиз. М. Л. 1931 г.
15. В. И. Орлов. Студенческое движение. Московский Истпарт. 1932. (Рукопись).

средневековых университетов. — Держась терминологии римского права, средневековые юристы называли университетом (universitas) всякий организованный союз людей; всякую корпорацию — c o r p u s, как говорили тогда, употребляя термин римского права».

Городская коммуна, например, называлась universitas civium, учебная корпорация — представители педагогического и ученого ремесла — universitas studii, universitas magistrorum et scholarium или universitas studentium.

Причиной появления таких ученых цехов, открывавших тогда свои двери людям всех званий, возрастов и земель (studia generalia), дававших своим слушателям ученые степени, пользовавшиеся общеевропейским значением, чему содействовало преподавание во всех средневековых университетах на одном языке — латинском, было развитие торгового капитала, рост городов, усложнение общественных отношений. Университеты появились в XII веке в более передовых, втянутых в международный торговый оборот странах, в остальных — появились значительно позднее: в Германии в XIV в., в России — в XVIII. Средневековые университеты, независимо от того, кто был их основателем — городская ли коммуна, светский или духовный князь, или, наконец, всемирная власть папы или императора, — носили церковный характер, так как именно на духовенстве лежала функция поставлять гражданскому обществу ученых, врачей, художников и часть администраторов, остальную часть которых доставляло дворянство.

Русский университет возник шестью столетиями позже первых европейских университетов и знал только одну их форму — «как составную часть государственного управления». В силу сложившихся к тому времени общественных отношений русский университет при своем основании носил светский характер; церковь играла временами роль только цензора и ведомства препон для преподавания тех или иных предметов.

«Положительно про наш университет можно сказать только то, что он есть учреждение правительственное», — писал в 1862 г. Н. И. Пирогов.

С течением времени, «если не всегда в действительности, то всегда в теории», университет стал означать «всецелость или совокупность всех наук, всех отраслей человеческого знания (universitas literarum), в противоположность разным специальным, хотя бы и высшим, учебным заведениям, в которых учащийся специализируется в какой-либо одной области знания, преимущественно прикладного, практического».

Именно с таким пониманием университета знакомит история университетов в России.

Первую попытку, — не считая не выходивших из области мечтаний, как при Борисе Годунове и Лжедмитрие (XVI—XVII вв.), — учредить в России университет мы встречаем при Петре Первом, выдающемся купце и колонизаторе на русском троне, т. е.

русский университет создали те же экономические отношения, что и в западной Европе.

В 1724 г. Петр утвердил доклад Блументроста об учреждении при академии наук университета, а в 1725 г., уже после смерти Петра, начали съезжаться в Петербург приглашенные правительством 17 европейских ученых, для которых, в виду неимения русских студентов, были выписаны из Германии восемь студентов, из которых четверо — Мейер, Гросс, Вейтбрехт и Миллер, — сделались потом академиками.

В эпоху, когда жил и действовал Петр Первый, не было еще ни железных дорог, ни пароходов, не было современных нам фабрик-гигантов и колоссов-заводов, черного и белого угля, механизированного сельского хозяйства и агро-химии, которые вызывают колоссальный спрос на научно-образованных работников; но и при Петре нужны были техники-строители каналов, военных и торговых судов, фабрик, городов и крепостей, ружей и пушек. Новое централизованное государство, сменившее прежний непрочный союз феодального общественного строя, не могло уже довольствоваться старой системой управления посредством дворянства и духовенства. Необходимым являлось создать централизованную бюрократию, — категорию людей, для которых дела управления являлись не побочным, а исключительным, профессиональным занятием.

Рост городов с неизбежным последствием — распространением эпидемий, постоянное калечение людей в непрерывных завоевательных войнах — вызвали острую потребность во врачах. Для подготовки всех перечисленных элементов необходимы были школы и многочисленный штат учителей.

Этот общий для всей Европы процесс, нашедший себе наиболее яркое выражение в предреволюционной Франции и наиболее бледное в России, был оценен Петром Первым, который был не только правителем, но и видным идеологом своего класса.

«В сем едином ум его обращался, как бы кратчайший и способнейший путь изобрести, чтобы завести науки и людей своих елико мощно скорее обучити».

Новая школа, которую создавал Петр Первый, должна была удовлетворять насущным потребностям государства, а потому практические цели стояли в ней на первом плане. Им прежде всего были заведены школы математические, цифирные, артиллерийские, морские, инженерные. Рядом с ними создаются госпитали и кунсткамеры, приобретаются анатомические коллекции и всякие «раритеты» естественного царства.

Но при организации высшей школы Петр отступал от своего практицизма; в списке приглашенных им профессоров встречаются специалисты по математике, химии, физике, анатомии и зоологии, механике, по греческим и римским древностям, по логике и метафизике, по красноречию и церковной истории, по правоведению,

астрономии, оптике и ботанике, — словом, весь тогдашний universitas.

Самое содержание преподавания, под влиянием поставленных ему задач, должно было измениться по сравнению с прежними школами: «Косма Индикоплав был заменен Коперником и Ньютоном».

Но «большая часть проектированных при Петре Первом школ, отчасти по скудости средств, отчасти по недостатку учителей и даже учеников, при всей настойчивости реформатора, не осуществилась; другие, просуществовав недолго, закрылись».

Такую же судьбу испытал и проектируемый университет. В 1757 г. Ломоносов писал: «При Академии Наук не только настоящего Университета не было, но еще образа, ни подобия Университета не видно».

Главною причиною, задерживавшею открытие университета на 30 с лишком лет, было равнодушие к научному знанию того класса, который стоял во главе управления и который далеко не разделял идей реформатора в целом.

«История наших университетов, —писал один из их историков [1], — тесно связана со всею культурной жизнью нашего общества, со всею нашей историей вообще. Университеты прямо или косвенно, посредственно или непосредственно участвовали во всех важнейших явлениях общественной и государственной жизни, действуя или как учреждения, как научные и общественные центры, или же через своих воспитанников, отражавших в своем развитии и направлении следы воздействия своей almae matris.

С другой стороны государственные события и общественные явления влияли в свою очередь на университеты, возбуждали или задерживали их деятельность, давали ей известное направление, отражались на их строе: перемены, происходившие под влиянием обстоятельств в общем направлении нашей политической жизни, в характере и настроении нашего правительства и нашего общества, прямо отражались на университетах, на их положении, на отношении к ним правительства, на изменении в университетских уставах и правилах».

«История наших университетов представляет как бы волнообразную линию приливов и отливов акции и реакции. Такой характер наша университетская история носит оттого, что она тесно связана с общим ходом нашей исторической жизни: наши университеты стояли и стоят в близком отношении к действительности, к жизни нашего общества».

Стоявший у кормила правления общественный класс, владевший землей и крепостными душами и из этого владения извлекавший средства для поддержания своего привилегированного положения, — дворянство нуждалось в университетах, как в средстве

---

[1] В. Е. Якушкин.

для создания того бюрократического аппарата — машины угнетения эксплоатируемых масс, — который позволял и при усложнившихся под влиянием развития производительных сил общественных отношений ничтожному меньшинству землевладельческого дворянства сохранять в своих руках власть и эксплоатировать огромное большинство населения. Эту роль, в низах, до поры до времени могли выполнять, и выполнять не без успеха, при полной гарантии безопасности со стороны таких исполнителей для господствующего класса, чиновники и без университетского образования.

Еще в 20-х годах XIX столетия барон Кампгаузен считал, что вредно «толковать юношам теорию права естественного и политическую экономию». — «Сюлли, Кольберт, Питт, Бернсдорф, Кампоманес, Помбаль [1] не хуже нас управляли, хотя не имели случая обучаться оным в университетах».

Образцовые слуги самодержавного режима держались такого убеждения с неуклонной последовательностью. «Русскому общественному деятелю, — говорил студентам «идеальный министр» Боголепов в 1899 г., — нужна не столько широкая образованность, сколько нравственная стойкость»; а эту стойкость министр видел в том, что студенты «подтянуты»: затянуты в мундиры и тянутся пред ним во фронт.

Сановники с большим кругозором были в меньшинстве и им оставалось только изливать свое негодование на ход событий в письмах и дневниках:

«Вот среди какого глубокого невежества находишься вынужденным работать над зданием, подкопанным у основания и со всех сторон близким к падению... Animus meminisse horret». (При одном воспоминании ужас охватывает душу, — слова попечителя петербурского учебного округа из письма 1813 г.).

Только после 60-х годов завершился процесс бюрократизации государственного аппарата, и университет занял подобающее ему в капиталистическом обществе место: наряду с поставщиками специалистов для управления промышленным аппаратом стал «фабрикой чиновников», которыми управлялась восточная империя.

Историк русских политических учреждений писал в самом начале XX столетия:

«К единой голове монарха прибавилось сто рук бюрократии, власть которой централизована в единой голове, — бюрократии, подобно той, которая была язвой европейского континента в XVII и XVIII веках, — такова современная форма русского правительства».

---

[1] Сюлли (Максим де-Бетюн, барон де-Рони) (1560—1641) и Кольбер (Жан Баптист) (1619—1683) — государственные деятели Франции; Вильям Питт (младший) (1759—1806) — Англии; Помбаль (1699—1782) — Португалии; граф Иоганн-Гартвиг-Эрнест Бернсторф (1712—1772) — Дании; граф Дон Педро Родригес Кампоманес (1723—1802) — Испании.

«Кто распоряжается народным достоянием и народным имуществом? — писал В. И. Ленин. — Чиновники».

«Царское самодержавие есть самодержавие чиновников».

В XVIII столетии процесс превращения дворянской монархии в монархию чиновничью еще только намечался.

Поскольку внутренние или внешние осложнения ставили под угрозу классовое положение правящего дворянства, оно принуждено было искать опоры в других эксплоататорских классах населения, выставлять «принцип всеобщего блага», идти на соглашения и уступки. Типичным примером являются затронувшие и университет реформы 60-х годов XIX столетия, реформы, проводимые дворянством в классовых интересах дворянства, но открывшие двери буржуазии, нанесшие непоправимый удар сословному строю.

В критические эпохи для господства дворянства, а такой эпохой являлось прежде всего время Петра Первого, нужен был университет, который был бы не фабрикой чиновников такого-то класса, а пособником торговле и промышленности в конкуренции на колониальных и европейских рынках; нужны были ученые, инженеры, преподаватели, которые поднялись бы до уровня европейской науки, а эта наука стала, ко времени учреждения русских университетов, наукой буржуазной, претендующей на свободу исследования.

Но проходил критический момент, дворянство постепенно отбирало свои уступки обратно, и наш ancien régime подавлял молодые ростки. «Появлялись доносы на сочинения Гюйгенса и Фонтенеля, защищавшие систему Коперника; а в 1756 г. сам синод, «припадая к стопам» императрицы, просил «воспретить публиковать и печатать» что бы то ни было о множестве миров и других предметах, «ведущих к натурализму и безбожию».

В такую эпоху дворянской реакции, по указу от 12 января 1755 г. учрежден был в Москве первый русский университет, образцом для которого могли тогда быть и послужили университеты Европы. Проект был выработан И. И. Шуваловым совместно с М. В. Ломоносовым. Выбор пал на Москву по указанию Шувалова, потому что: «1) великое число в ней живущих дворян и разночинцев (за дальностью имеющих многие препятствия к приезду в Петербург), 2) положение оной среди российского государства, куда из вокруг лежащих мест способнее приехать можно, 3) содержание всякого не стоит много иждивения, 4) почти всякий имеет у себя родственников или знакомых, где себя квартирою и пищею содержать может, 5) великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не только учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, и только через то молодые лета учеников и лучшее время к учению пропадает».

Новый университет был подчинен непосредственно сенату, а служащие в нем университетскому суду. Во главе университета были поставлены кураторы из лиц, пользовавшихся благоволением

(И. И. Шувалов и тот же Блументрост). При университете было положено иметь две гимназии, одна для дворян, а другая для разночинцев, —неизбежное разделение того времени! При 10 профессорах университет разделялся на три факультета: 1) юридический. «В нем положены»: а) профессор натурального и народного права; b) профессор русской юриспруденции, обязанный особенно обучать внутренним государственным правам; c) профессор политики, обязанный показывать взаимные отношения государств прошлого и настоящего времени. 2) Философский, состоящий из четырех профессоров (философии, который должен был обучать логике, метафизике и нравоучению; физики; профессор красноречия; профессор истории универсальной и русской, древностей и геральдики). 3) Медицинский, состоящий из трех профессоров (химии, натуральной истории и анатомии). Профессор не мог преподавать иначе как по руководству, предписанному куратором и собранием. Лекции могли читать по-русски и по-латыни, смотря по предмету и происхождению профессора. Из профессоров только двое было русских, остальные — иностранцы. Общее число студентов в 1758 г. доходило до 100.

Таким образом детище И. И. Шувалова и М. В. Ломоносова оказалось значительно общипанным по сравнению с проектом петровской эпохи, когда реформатор признавал, что «науки такого принуждения и насилия терпеть не могут, любящие свободу», и по сравнению с чаяниями Ломоносова, который мечтал о предоставлении университету «вольностей лейденского и других иностранных университетов»[1].

Немудрено, что университет чах и хирел.

«Профессоры и учители по месяцам не получали жалованья; ученики терпели нужду в пище и одежде; родители одних не пускали учиться, предпочитая отдавать в службу; другие, напротив, записывали детей в гимназию, чтобы избежать службы. Протоколы 1757—1761 гг. полны именами исключенных. В 1760 г. из университета и гимназии зараз было исключено 70 человек, в числе которых были Потемкин и Новиков.

Преподавание в гимназии шло крайне плохо. Терпя нужду, одни преподаватели набирали множество занятий в городе; другие — и профессоры и учители — предавались безграничному пьянству. «Гр. С. Р. Воронцов умолял отца взять молодых Воронцовых из университета, потому что «они совсем ничего не знают»; — «учителя пьяницы, а ученики самые подлые поступки имеют» (1759 г.).

Для большинства дворянства «военная служба — душа всему, там всему выучат», — было символом веры, и они, «выучив кое-как

---

[1] «Канцелярии напоследок весьма великое причиняют учреждениям ученым препятствие, ибо науки любят свободу и особливый свой имеют порядок, который от канцелярских установлений совсем отличен» — писали московские профессора в 1765 г. (В. И. Вернадский. Высшая школа и научные организации, стр. 351).

болтать по-французски и по-немецки, полагали курс науки оконченным». Большинство учащихся набиралось из духовной академии и семинарий, а их считалось за правило держать в черном теле.

Принципиально не изменилось положение университета и при Екатерине II. Поклонница Вольтера, Дидро и д'Аламбера чутко прислушивалась к мнениям возведшего ее на престол класса, отчего и получила от последнего титул «Великой». Это не мешало различным борющимся кликам дворянства подготовлять свержение с престола матушки-царицы.

И положение самой Екатерины было непрочно, и вмешательство в европейскую политику создавало напряженное положение, и внутри страны бродили силы, породившие Пугачевщину. Заигрыванье с различными классами диктовалось положением. «Просветительная абсолютистка в дворянском духе последней формации, умная и по своему образованная», — Екатерина II понимала это. В деле просвещения, как и в знаменитых междусословных екатерининских комиссиях, все ограничилось преимущественно пышной фразеологией. Составленный «комиссией об учреждении училищ» — «план» университета (1787 г.) никогда не был осуществлен [1].

Этот декларативный, нереальный план признавал общедоступность университета «для всех любознательных посетителей».

«Несвободные люди, — говорилось там, — также должны иметь право быть в университете; когда несвободные люди будут в университете учиться, как и прочие студенты, то сила науки и ученые люди ни мало не будут унижаемы, так как цари и князи не унижаются тем, когда несвободные бывают с ними вместе в храмах и слушают слово божие; науки свободными называются для того, что всякому оставлена свобода их приобретать, а не для того, чтобы сие право предоставлять только людям свободным».

Сообразно с этим и преподавание объявлялось свободным:

«Профессора не подвергаются принуждению ни в рассуждении правил науки, ни в рассуждении книг учебных; свобода мыслей способствует вообще знаниям, но при такой науке, в коей ежедневно являются новые разрешения и новые открытия, нужна она особливо».

На практике эти вольнодумные декларации отразились только тем, что значительно возросла переводная литература, на издание которой императрица пожертвовала «из собственной шкатулки» 5000 рублей. Сама Екатерина, наряду с прочими «забавками» позволяла себе шалость переводить главы из вольнодумных книг. Предоставлена была возможность увеличить число учащихся в универ-

---

[1] В письме к московскому губернатору Екатерина II откровенно говорила (цитировано по студенческой прокламации): «Дорогой князь, не сетуйте на то, что у русских нет стремления к просвещению; если я устраиваю школы, то не для нас, а для Европы, где нужно поддержать себя в общественном мнении, но если бы наши крестьяне пожелали образования, то ни вы, ни я не сохранили бы своего положения».

ситете; в 1767 г. в нем было введено преподавание на русском языке для профессоров русского происхождения; число последних значительно возросло. При университете возникло несколько научных обществ. Но судьба наиболее яркого из них — «Ученого дружеского общества» (1779 г.), прославившегося деятельностью Н. И. Новикова, показывает, что все эти уступки времени носили характер поверхностной моды, которая отнюдь не должна была колебать устои сложившегося порядка, и что ни к чему не обязывающее «вольнодумство» оставалось привилегией избранного общества во главе с императрицей; а члены этого общества могли читать свободные мысли идеологов французской буржуазии в подлинниках. До революции 1917 г. в барских старинных имениях можно было любоваться шкапами красного дерева, битком набитыми просветительной литературой XVIII века, в прекрасных, тисненных золотом кожаных переплетах.

Просветительная, литературная и общественная работа Новикова скоро попала на замечание, книги, им изданные, были признаны «наполненными новым расколом для обмана и уловления невежд», сам Новиков в 1792 г. был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда был освобожден лишь после смерти императрицы.

Немудрено, что в XVIII веке русский университет не выдвинул ни одного известного в науке имени, и особенно она «оставалась девственной в естествознании и медицине», которые неизбежно должны были наводить на вопросы, связанные с мирозданием, и тем грозить интересам золотых риз попов, подпиравших молитвою трон.

Процветала только одна наука, та, которая, по словам М. Е. Салтыкова-Щедрина, носила несколько громоздкое название «г р о м п о б е д ы р а з д а в а й с я».

«В течение первого века своего существования, — писал К. А. Тимирязев, — русская наука была почти исключительно представлена академией, изолированное положение и ничтожное влияние которой, помимо невежественности не только масс, но и общества, несмотря на его внешний лоск, еще увеличивалось ее чуждым, если не всегда иноземным, то почти без исключения иноязычным составом».

Среди выписанных из-за границы академиков были ученые, «которые составили бы украшение любой из европейских академий, как, например, братья Николай и Даниил Бернулли», был и «один из великих творцов современного анализа Леонард Эйлер»; из русских академиков им не уступал гениальный М. В. Ломоносов.

В университете или совсем не было профессоров, или они блистали посредственностью.

ГЛАВА II

XIX ВЕК ДО РЕФОРМ 60-х ГОДОВ

Капитализация сельского хозяйства, рост промыслов и дворянских мануфактур, развитие обмена и экспорта, заставившего русское правительство, как исполнительный орган дворянства, ввязаться в сложнейшие отношения Европы, потрясенной великой революцией, вызвали к началу XIX столетия потребность «поставить Россию в некоторое равенство с державами, которые привели управления свои в степень, соответствующую просвещению и обстоятельствам настоящего времени».

Вместо деспотизма, умеряемого убийством высочайших особ, необходимым становилось введение в России, по выражению Александра I, «истинной монархии» [1].

Документы и их исследования разбили легенду о «дней Александровых прекрасном начале». Учреждение министерств не было началом конституционного строя в России, а последовательным шагом к укреплению бюрократической машины и верховной власти.

Наряду с другими, в сентябре 1802 г. было учреждено и министерство народного просвещения, а в 1804 г. университет получил первый строго регламентированный устав. За образец был взят устав Геттингенского университета, «который всегда считался консервативным и аристократическим» и при своем основании в 1734 г. привлек в свои стены «элегантное общество», в том числе трех принцев королевского дома.

В уставе 1804 г. четко указана официальная задача университета, как высшего учебного заведения, обязанного приготовлять юношество «для вступления в различные звания государственной службы» и «служить рассадником преподавателей средней школы», — фабрики чиновников и аппарата для подготовления для нее сырого материала.

Как и все реформы Александра I, по выражению его министра Трощинского, и университетская реформа «блестит наружностью, но ни мало не связывает произвола».

---

[1] Термин этот заимствован из «Плана» М. М. Сперанского, составленного в 1803 г.

За пышными фразами устава, — говорит один из историков университетов, — мы видим в нем очень определенную тенденцию — тенденцию «государственного утилитаризма».

Государству прежде всего и главным образом были необходимы до известной степени образованные слуги — «чиновники».

«Подготовление для государства чиновников по разного рода службам» выступает, таким образом, фактором первенствующего значения в деле зарождения русских университетов; да и сами профессора университетов представлялись в глазах правительства не свободными преподавателями свободной науки, но чиновниками («чиновник по философии», «чиновник по словесности», «чиновник по естественному праву» — обычные выражения доброго старого времени для обозначения представителей кафедр), обязанными читать свои курсы в строго определенном направлении и по строго определенным программам и руководствам».

Пышные либеральные рассуждения покрывали старые и очень определенные тенденции правительственной политики по народному образованию. Устав 1804 г. стоит, таким образом, в прямой и непосредственной связи с практической политикой XVIII века и является в свою очередь одним из промежуточных звеньев в общей истории русского народного просвещения.

Эта история сводится к процессу создания той «бесчисленной армии чиновников, которая наводняет и обворовывает Россию и образует здесь настоящее сословие», — как писал в 1875 г. Ф. Энгельс.

Устав 1804 г. был составлен в главном правлении училищ, преобразованном из екатерининской комиссии об учреждении училищ. В основу положен был проект, составленный В. Н. Каразиным; в дальнейшей разработке главная роль принадлежала академику Фусу. В существенных чертах, — по изложению П. Н. Милюкова, — введена была в России германская система автономного университета, с выборным (на один год) ректором и деканами, с выборным инспектором, с правлением из выборных властей, к которым присоединялся назначенный попечителем «непременный заседатель», наблюдавший за «соблюдением порядка» и «сохранением закона»; с советом из ординарных и заслуженных профессоров, получившим право выбирать профессоров, утверждать составляемые факультетом планы преподавания и расписание экзаменов и т. п. Факультеты (состоявшие, кроме профессоров, из «адъюнктов») экзаменовали на ученые степени (кандидата, магистра и доктора). Свобода преподавания сама собой отпадала в виду недостатка ученых сил, свобода слушания — в виду недоверия к самодеятельности студентов. В том и другом случае главное правление приняло во внимание критические замечания д'Антрега, направленные против германских порядков. Зато был принят совет историка германских университетов Вейнерса — отдалить попечителей от университетов для избежания их вмешательства в автономную жизнь университета. Попечители

шести учебных округов, на которые разделена была Россия, были в то же время членами главного правления и ежегодно должны были визитировать вверенные им округа, оставаясь остальное время в Петербурге. За их отсутствием во главе управления округом становился университет.

Устав 1804 г. распространялся не только на старый московский, но и на вновь открытые университеты: в Дерпте (в Дерпте университет существовал еще с 1630 г., после занятия Лифляндии шведами, вплоть до завоевания Дерпта русскими в 1656 г., когда профессора и студенты разбежались; и с 1690 до 1699 г. В 1802 г. университет был восстановлен и в 1803 г. ему дан был устав с большей автономией, чем для русских университетов), в Вильне (1803 г.), Казани (1804), Харькове (1805). В 1803 г. предположен был к открытию университет в Петербурге, но в 1804 г. вместо него был открыт педагогический институт. В 1816 г. «Главный педагогический институт» был преобразован, при чем получил устройство и право, мало разнившиеся от университетских, и наконец в 1819 г. институт был переименован в Санкт-Петербургский университет. На очередь было поставлено открытие университетов в Киеве, Тобольске и Устюге Великом.

Уставом 1804 г. было значительно расширено преподавание: в университетах положено было 28 кафедр. В состав отделения нравственно-политических наук входили: богословие и история церкви, умозрительная и практическая философия; естественное, политическое и народное право; гражданское и уголовное судопроизводство России; знатнейшие права древних и новейших народов; дипломатика и политическая экономия. В отделение словесных наук: красноречие, стихотворство и русский язык, греческий язык и словесность, древности и латинский язык, всемирная история, статистика и география; история, статистика и география российского государства; восточные языки; теория изящных искусств и археология. Факультеты физико-математических и медицинских наук также были пополнены сообразно с новыми потребностями. На медицинском факультете читали анатомию, судебную медицину, химию, практическую медицину, хирургию, повивальное искусство, физиологию, патологию и терапию.

Чтобы содействовать влиянию университета на общество, были открыты публичные лекции по естественной истории, физике, истории Европы, торговому праву. Эти лекции встретили сочувствие со стороны избранного общества и «множество молодых людей знаменитых фамилий вписали себя постоянными слушателями сих лекций».

В 1804 г. было открыто при университете Общество истории и древностей российских, в 1805 г. Общество медицинских и физических наук, в 1804 г. Общество испытателей природы, в 1811 Общество математиков. В 1805 г. открыта больница для страдающих глазами, 30 августа 1805 г. — клинический институт, 7 января 1807 г. — повивальный институт и родильный госпиталь.

Какая же причина заставляла делать эти уступки требованиям буржуазного общества? Она верно указана М. Н. Покровским: политика Александра определялась «не его настроениями, а объективными условиями его вступления на престол»... «Складывалось положение, напоминавшее последние годы жизни его отца». В Петербурге «говорили об убийстве императора, как говорят о дожде или хорошей погоде». Россия дважды была разгромлена на внешнем фронте: в 1805 и 1807 г. Приходилось, с целью удержаться, опираться на поднимавшуюся благодаря разрыву с Англией промышленную буржуазию.

Разгром армий революционной Франции в 1812—1814 гг., реставрация и эпоха реакции в Европе не только создали благоприятную почву для торжества взглядов российского дворянства, но и укрепили положение Александра I. «Из презираемого даже своими близкими неудачника он превратился в победоносного вождя всей антинаполеоновской коалиции, в «царя-царей», стал в глазах современников «благословенным», — кумиром дворянских кругов и верным их слугою. Блудный сын мог вернуться в отче лоно».

А «дворянство пренебрегало университетами из опасения, что дети его встретятся лицом к лицу с детьми разночинцев и даже черни. Правительство пыталось завлечь в университеты дворян приманкою чинов, которые по уставу 1804 г. приведены были в соответствие с учеными степенями. Но дворянство нашло выход для себя в Царско-сельском лицее (основанном в 1811 г.), в благородном пансионе, открытом при педагогическом институте и продолжавшем существовать при университете на одинаковых с ним правах. Для университетских лекций не находилось слушателей, а пансион был переполнен. В 1818 г. те же права даны были и московскому благородному пансиону, который с этого времени стал выпускать воспитанников независимо от университета.

«Дворяне служат, а купцы желают знать существенно арифметику или языки иностранные для выгоды своей торговли», — говорил Карамзин и видел во всех университетских «затеях» более убыток для казны, нежели пользу для отечества.

«Открытые университеты едва дышат, — писал другой современник и питомец университета, имевший высокий сан в церковной иерархии; ни учить, ни учиться некому... Науки мышленные у нас еще не в моде...»

«Дворянство оставалось верным старым традициям и всему предпочитало военную карьеру, как наиболее «благородный» род занятий». При открытии Харьковского университета дворяне внесли в его проект учреждение «отделения военных познаний» и в виде уступки им на отделении физических и математических наук была учреждена кафедра военных наук.

«В университетах, — вторили харьковским дворянам казанские, — необходимо преподавание наук воинских», так как по мнению тех же дворян: «Учреждение университетов должно наиболее кло-

ниться к просвещению дворянского сословия, занимающего важнейшие должности в государстве».

На такой почве выросла та систематическая «борьба с просвещением», которая занимает собою вторую половину царствования Александра I и правление Николая I.

«Упорная и неумолимая борьба с завоеваниями человеческого разума ведется на всем протяжении этой эпохи; все усилия направлены к тому, чтобы вернуть науку к ее средневековому положению «служанки богословия».

В 1817 г. министерство народного просвещения было соединено с ведомством духовных дел. Высочайший манифест так формулировал необходимость этой реформы: «Желая, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения, признали мы нужным соединить дела по министерству народного просвещения с делами всех вероисповеданий в состав одного управления под названием министерства духовных дел».

И с кафедры, и в торжественных речах произносились обличения против науки; в университетских стенах расточались похвалы магии и кабалистике; превозносились новые порядки, и самое введение их приветствовалось как время обновления университета. В области преподавания требования до того понизились, что некоторые руководствовались сочинениями даже XVII века.

Особенно пострадал Казанский университет, где энергичную деятельность проявлял вошедший в историю, как образец казенного мракобесия, попечитель казанского округа М. Л. Магницкий. С ним соперничал, разделивший его славу мракобеса, попечитель Петербургского и Киевского университетов Д. П. Рунич.

Не получив утверждения своему проекту закрытия Казанского университета, Магницкий разрушил этот хилый университет, открытый в 1804 г., но фактически начавший действовать в 1814.

Большинство профессоров было уволено Магницким, но на их опустевшие места нашлось мало охотников. В первые годы своего образования университет едва насчитывал несколько десятков слушателей (40—50). Медленно возраставшее число студентов после «реформ» Магницкого стало значительно падать [с 57 до 28].

Меньше других пострадал старейший университет — Московский. Ко времени нашествия Наполеона в нем числилось 215 студентов, в 1820 г.—695, в 1823—768, в 1824—800, в 1825—876. Но и на нем отразилась общая политика правящих сфер. «Многих тогдашних профессоров, — писал в 70-х гг. историк ун-тов, — отчасти даже знаменитостей, не сделали бы теперь учителями в порядочных гимназиях. На три-четыре человека даровитых и знающих приходилось 20—30 преподавателей, не имеющих ни знания, ни призвания к профессуре. Самые библиотеки университетов находились в страшном запущении. Сведения о Макиавели, Вико, Гердере, Герене, Нибуре и др. историках любознательные могли почерпнуть разве в «Московском Телеграфе».

От студентов требовалось заучиванье тех учебников и лекций, которые были признаны руководящими. Свободомыслием признавалось, если ответ давался «своими словами».

Неудивительно поэтому, что участники декабрьского восстания 1825 г., за ничтожным исключением[1], не были воспитанниками университетов. Идеи французской революции, которые они усвоили в силу своего классового положения, все они почерпнули из источников, которым не было места в стенах университетов.

Хаос, который был вызван погромной деятельностью Рунича, Магницкого и К-о в жизни университетов, призван был упорядочить устав 1835 г. Эта его роль водворителя порядка в царивший неприкрытый произвол различных самодуров ослепила одного из лучших историков университетов, утверждавшего, что он был даже либеральнее современных ему германских.

В действительности устав 1835 г. подводил только юридическое основание под царившую практику, вводил ее в известные нормы. «Задачу, которую подлежало решить без отлагательства», министр Уваров определял в 1833 г. следующим образом: «Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, надлежало укрепить отечество на твердых основаниях; найти начала, на коих зиждется благоденствие, силы, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить... Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность... Вот те главные начала, которые надлежало включить в систему общественного образования».

Таким образом возглашенная еще манифестом 1826 г. классическая формула: «православие, самодержавие, народность», долгие десятилетия освещавшая мракобесие и изуверство политики правящего класса, была положена в основу «либерального» устава.

Предварительно эти три кита самодержавия были положены в основу устава вновь открытого, на место упраздненного после польского восстания 1830 г. Виленского, — Киевского университета «Святого Владимира». Виленский университет был закрыт за то,

---

[1] Университетское образование получили из декабристов: Никита Муравьев, Юшневский (курса не окончили), Якушкин, Муханов, Загорецкий, Артамон Муравьев (Московский университет), Шимков (Харьковский) и Н. Тургенев (Геттингенский).

что, по словам правительственного комиссара, в этом университете «вся система учения имела только то в предмете, чтобы внедрить в юношество республиканские правила и питать в нем надежду на восстановление прежней Польши».

«С чисто политической целью», в виде компенсации для лояльных польских помещиков Юго-Западного края, для привлечения симпатий «аристократически-клерикальных» слоев польского населения в противовес демократическим тенденциям украинства и для проведения на основе формулы: «разделяй и властвуй» национальной великорусской политики, в 1833 г. был учрежден Киевский университет.

Основные начала устава, введенного в Киевском университете в виде временной меры на 4 года, «внушенные опытом улучшения» — так формулированы министром: «Судопроизводство университетское над своими членами уничтожено; власть попечителя и влияние министра определены в ясных границах; хозяйственная часть отделена от учебной; поставлены строгие экзамены для всех допускаемых к университетским лекциям; юридические науки распределены по своду законов; курс университетский определен на 4 года; внутренняя полиция вверена особому, не из ученых, чиновнику. Вообще все движение управления внутреннего приспособлено к видам правительства о точнейшем и неразрывном наблюдении за духом и ходом высших учебных заведений».

Сказано точно и ясно. Такова была и практика.

Эти начала в общих основаниях были перенесены и в общий устав. По изложению И. Н. Бороздина, — университет потерял свое ученое и административное значение, перестал быть научной академией и главой учебного округа; по новому уставу он был лишь высшим у ч е б н ы м заведением. На ряду с этим особенно определенно был подчеркнут д в о р я н с к о-к л а с с о в ы й характер правительственной политики. Министр так выражает две главные цели реформы 1835 г.: «Во-первых, возвысить университетское учение до рациональной формы и, поставив его на степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному поступлению на службу молодежи еще не зрелой; во-вторых, привлечь в университет детей высшего класса в империи и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами».

Последняя мера подсказана была, конечно, событиями 14 декабря 1825 г.

Свобода преподавания и академическое самоуправление были отринуты; вместо принципа автономности был строго проведен принцип полицейской опеки. По новому уставу чрезвычайно усилена власть попечителя, который обязан был жить в округе и непосредственно руководить всеми его делами. Попечитель является непосредственным начальником университета: «Он обращает внимание на способности, прилежание и благонравие профессоров,

адъюнктов, учителей и чиновников университета, исправляет нерадивых замечаниями и принимает меры к удалению неблагонадежных». Под его непосредственным начальством состоит инспектор студентов, назначаемый из военных или гражданских служащих, и его помощники. Университет окончательно лишается своих судебных функций; все инстанции университетского суда упраздняются. Права и обязанности совета по сравнению с уставом 1804 г. весьма ограничены и касаются почти исключительно руководства учебной частью. Ректор избирается советом из числа ординарных профессоров на 4 года. Хозяйство и полицию ведает правление, подчиненное непосредственно попечителю. Профессора и другие преподаватели избираются советом, но министру предоставлено право «по собственному своему усмотрению назначать в профессора и адъюнкты на вакантные кафедры людей, отличных ученостью и даром преподавания, с требуемыми для сих званий ученых степенями».

Студенты по новому уставу всецело подчинены назначенной инспекции, которая получает большие права; вводится обязательная форма.

Заслуживают также внимания распоряжения к «устранению недостатков наружного образования», например, о стрижке волос по определенной форме, о заведении вечеров в общих залах с участием «лучшего общества» и т. п.

А в циркуляре 1840 г. говорилось: «чтобы устранять от поступления в университет молодых людей, никакого наружного образования не получивших в домах бедных и низкого происхождения людей и не вознаграждающих сей недостаток отличными способностями, постановить правилом, чтобы желающие вступить в университет подавали прошения и документы лично попечителю, который, по совещанию с ректором, мог бы всегда под благовидным предлогом устранить от вступления в университет тех, которые не выкупят недостатков наружного образования отличными способностями... Если, с одной стороны, просторное развитие умственных способностей приносит несомненную пользу, то, с другой — это развитие должно быть соразмеряемо с будущим назначением в жизни гражданской; хотя по сему предмету трудно положить решительную границу, но не менее того можно и следует руководствоваться соображением, что, при возрастающем повсюду стремлении к образованию, наступило время пещись о том, чтобы чрезмерным стремлением к высшим предметам учения не поколебать, некоторым образом, порядок гражданских сословий, возбуждая в юных умах порыв к приобретению роскошных знаний, практическое приложение коих впоследствии весьма часто не подтверждается успехом, обманывает надежды недостаточных родителей и мечтательное ожидание юношей».

Чтобы ограничить число лиц, получающих «роскошные знания», по представлению министра была увеличена плата за

учение: с 28 р. 57 к.[1] до 40 р. в столичных и с 14 р. 28 к. до 20 р. в провинциальных университетах в 1845 г. В 1848 г. плата за учение была вновь поднята.

Что касается преподавания, то число преподавателей было увеличено до 53. Более существенные изменения коснулись юридических и историко-филологических наук. По юридическому факультету были исключены философия, история и политическая экономия и расширено преподавание собственно юридических наук (энциклопедия законоведения с русским государственным правом, римское право с его историею, народное право, русское право с 4 кафедрами: законов гражданских, уголовных, благоустройства и финансов).

Нравственно-политический факультет по уставу 1835 г. сделался юридическим в полном смысле слова.

Философия, история и политическая экономия с наукою о финансах и статистикою были отнесены к историко-филологическому факультету, причем русская история получила отдельное существование. Для усиления преподавания древней филологии прибавлены древности. Наконец, открыта особая кафедра для истории и литературы славянских наречий. При этом филологический факультет был назван 1-м отделением философского факультета, а 2-м отделением был назван нынешний физико-математический факультет. В таком виде они существовали до 1850 г.

Разрешение публичных лекций (даже профессорам университета) было предоставлено только министру народного просвещения. При этом публичные лекции было строго регламентированы. Так, даже лица, имевшие высшие ученые степени, но не принадлежавшие к преподавателям университета, подлежали предварительному прочтению пробной лекции в университете, а лица, не имевшие степени, строгому экзамену в университете по своей науке. Цель этих правил была «обеспечить для общества их пользу умственную и безвредность нравственную».

Таков был устав николаевской университетской казармы, такой же бездушной, как и другие казармы, в которые были запряганы российские обыватели.

Но и ее строй показался недостаточно гарантирующим порядок при громах революций 1848 г. Начался новый поход на университеты.

Изучение народности и истории было стеснено суровыми цензурными преследованиями; против «славянофильства» московской университетской молодежи открыто гонение; поступление в университет даже дворянской молодежи стало считаться излишним; ей рекомендовалось «поступать в военно-учебные заведения или прямо в ряды войск», число своекоштных студентов в университетах ограничено 300 (за исключением медицинского факультета). По

---

[1] Впервые плата за учение была введена в 1817 г.

положению 1849 г. должность ректора должна была замещаться по назначению, и притом не из состава профессоров. Деканы также могли быть увольняемы по усмотрению министерства и назначаемы без выборов. Инструкцией ректорам и деканам (1850 г.) установлен был строжайший надзор за преподаванием, «чтобы в содержании программы не укрылось ничего, несогласного с учением православной церкви или с образом правления и духом государственных учреждений». — Деканы должны были возможно чаще посещать лекции и за малейшее отступление, хотя бы то было и безвредное, доводить о том до сведения ректора. За деканами в том же направлении должен был наблюдать ректор. Наконец, некоторые науки признаны были вредными по самому своему существу, и преподавание их вовсе прекращено. Такому остракизму подверглось государственное право европейских держав, «потрясенных внутренними крамолами и бунтами в самых основаниях своих», а также философия, признанная неблагонадежной «при современном предосудительном развитии этой науки германскими учеными». Только курсы логики и психологии были сохранены в программе, под условием, чтобы они преподавались профессорами богословия. Самые верноподданнические пособия брались под подозрение. «Даже учебник русской истории Устрялова, как некогда Кайданова, признан был не вполне безукоризненным...»

«Греческая и римская история, написанная языческими или республиканскими писателями, каковы: Геродот, Фукидид, Тит Ливий и Тацит, — по мнению самих педагогов, — должна была оказывать вредное влияние на юные умы».

И вот в такую эпоху мрачного удушья Московский университет стал играть заметную роль в общественной жизни; собственно, с этой поры и нужно вести его не формальную, а реальную историю. Появились московские профессора: в 1828 г. начал читать лекции М. П. Погодин, в сороковых и шестидесятых годах читали лекции: по истории русской литературы Шевырев и Буслаев, по всеобщей истории Грановский и Кудрявцев, по русской истории С. М. Соловьев, по энциклопедии права Редкин и Лешков, по истории русского законодательства Кавелин и Беляев; все это имена, которые современная наука хотя и сдала в архив, но без которых не может обойтись историческое исследование русской науки.

«Собственно естествознание, — говорит К. А. Тимирязев, — не могло выставить рядом с ними ни одного русского имени, которое пользовалось бы такою же широкой известностью, да и воззрения образованного общества на естественные науки недалеко ушли от воззрений грибоедовских и герценовских времен на химика и ботаника».

С другой стороны, появились московские студенты, имена которых знает или должен знать каждый образованный человек: Герцен, Огарев, Станкевич и гениальный предтеча «разночинцев» 1860—1870-х годов В. Г. Белинский.

Однако, на развитие этих «питомцев московского университета» влияние оказал не последний; университет был лишь географическим пунктом, где встречалась талантливая молодежь и группировалась в кружки.

Вот что, например, писал о роли университета в развитии Белинского кн. В. Ф. Одоевский:

«У нас Белинскому учиться было негде, рутинизм наших университетов не мог удовлетворить его логического в высшей степени ума [1]; пошлость большей части наших профессоров порождала в нем лишь презрение; нелепые преследования, неизвестно за что, развили в нем желчь, которая примешивалась в его самобытное философское развитие и довела его бесстрашную силлогистику до самых крайних пределов».

«Верно, — говорил другой современник, — что в Москве умный Станкевич имел сильное влияние на своих товарищей. Думаю, что для Белинского он был полезнее университета»...

Причина тому, что в эпоху самой черной реакции в Московском университете могли появиться и выдающиеся для своего времени профессора и далеко их превзошедшие по своему общественному значению студенты, — одна и та же. Развитие крупной промышленности в Иваново-Вознесенском и Владимирском районах после гибели ее в Москве при нашествии Наполеона; возрождение промышленности в Москве, постройка первых железных дорог, для которых Москва являлась центральным узлом, — сделали этот город центром громадного фабричного района и центральным пунктом, где сходились нити торгового оборота. Москва становилась буржуазным городом и это наложило свою печать как на ее администрацию, так и на ее университет. Рост задолженности дворянского землевладения и кризис барщинного хозяйства, который резче проявлялся в центральной промышленной области, переводили значительные слои дворянства в разряд землевладельческой буржуазии.

Здесь наиболее остро чувствовалось несоответствие формы правления с запросами развития производительных сил, что, в конечном счете, свалило дворянскую деспотию Николая I и привело к новым порядкам в университете.

---

[1] Белинский был уволен из университета, признанный неспособным усвоить лекции.

ГЛАВА III

ПОРЕФОРМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

О том, что его политике беспощадного подавления всякого движения в угоду крепостническому дворянству грозит крах, что революция уже «у ворот России», — догадывался даже такой чугунный человек, как Николай I. Отсюда его бесконечные комиссии для обсуждения вопроса о судьбе крестьянства и попытки реформ, которые разбивались о сопротивление правящего дворянства.

Поражение в Крымской кампании и рост крестьянского движения заставили большинство влиятельного дворянства признать положение угрожающим. Тот самый министр А. С. Норов, который с 1853 г. измывался по указке свыше над просвещением, в 1855 г. разъезжал по всей России, повторяя ставшие историческими слова: «Наука, господа, всегда была для нас одной из важнейших потребностей, но теперь она первая. Если враги наши имеют над нами перевес, то единственно силою знания».

Власть растерялась. Современники из консервативного лагеря жаловались на «отсутствие всякой власти». В 1861 г. занимавший видный пост по министерству иностранных дел В. Н. Чичерин писал своему брату-профессору в Москву: «Отовсюду слышны вздохи о власти, которая смиренно скрывается. Чапский пишет: Quand commencera-t-on à nous gouverner?» (Когда же начнут нами управлять?).

Единственно на что решилась власть, это поскорее убрать наиболее острые шипы Николаевского режима, которые задевали и раздражали общество. С 1855 г., задолго до пресловутого университетского «устава 63 года», началась в университетах эра «либерализма». Поколению, которое пережило революцию 1905 г., известны последствия паралича власти: реформы, на которые не решается правительство, осуществляются «явочным порядком», а власти остается только принимать меры к «обезвреживанию» их.

Такую роль по введению полученных полуявочным путем университетских вольностей в «законные» рамки и сыграл «устав 63 года», жестоко обманувший чаяния поклонников университетской свободы.

В 1855 г. прием студентов в университеты разрешен в неограниченном количестве; в 1857 г. открыт доступ для лиц с домашним

образованием и из низших сословий, которые в университеты не допускались. Киевский и Харьковский округа, подчиненные в 1847 — 1848 гг. генерал-губернаторам, возвращены в ведомство попечителей; восстановлены права ректоров и проректоров; в 1861 г. отменена инструкция ректорам и деканам; в 1856 г. разрешено запрещенное в 1848 г. отправление за границу для подготовления к профессуре; с 1856 по 1860 г. за границу было отправлено 29 молодых ученых; с 1860 по 1863 г. — 63 человека. В 1856 г. в петербургском и в 1860 г. в казанском университетах восстановлены кафедры государственного права; в 1860 г. восстановлены кафедры по философии, при чем при введении философии было даже обращено внимание на то, что при современном состоянии науки психология сделалась уже отраслью физиологии, а потому несовместима с богословием. «Философия признавалась как исцеляющее средство против материализма века». Учреждены новые кафедры: в 1860 г. всеобщей литературы в Петербургском университете, всеобщей географии в Московском. В 1859 г. дозволено выписывать книги из-за границы без цензуры; в 1862 г. облегчены правила для разрешения публичных лекций.

Тогда же, по свидетельству современников, были широко поставлены студенческие организации, в том числе студенческий суд.

«Студенты стали хозяевами университета, — пишет в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин о Московском университете (М. 1929 г., стр. 16). — Они делали, что хотели, завели у себя столовые и кассы. По всякому поводу собирались сходки, на которые иногда вызывались ректора и деканы, и те ходили, объяснялись, старались успокоить молодежь. Всякая власть исчезла. Попечители Ковалевский и после него Бахметев были люди мягкие и добрые, но совершенно чуждые университету, не имевшие понятия о том, как следует обращаться с молодежью: они старались только ей угодить. Разумеется об исправном посещении лекций совершенно перестали думать. Вместо того по рукам ходили беспрепятственно в оригинале и в литографированных переводах сочинения Фейербаха, Бюхнера, Молешотта и всякие социалистические издания. Кружок консерваторов [студентов, в том числе младших братьев Б. Н. Чичерина] исчез, а социалистические учения, напротив, приобретали все большую силу. Они выдавались за последнее слово науки.

«Если таковы были порядки в Московском университете, то в Петербургском, подверженном непосредственному влиянию Чернышевского с компанией, дело обстояло еще несравненно хуже».

Вот как описывает движение в Петербурге другой современник (В. В. Флеровский. Три политические системы, стр. 136—137).

«Между министрами одним из наиболее прозорливых был министр народного просвещения Ковалевский [Евграф Петрович, с 1858 до 1861 г.]. Он с большим тактом содействовал развитию либеральных идей в университетах. В особенности в Петербургском университете свободное и организационное движение между студен-

тами все далее пускало свои корни. Студенты имели сходки, на которых обсуждали свои общие дела, составляли организации, имели кассу... Профессор Спасович организовал студенческий суд, действовавший по всем правилам европейских публичных судов с присяжными, адвокатами и т. д.

Студенческие организации в Петербурге действовали прекрасно, порядок на сходках и публичных собраниях был образцовый».

Третий современник, студент того времени Л. Ф. Пантелеев, рисует картину Петербургского университета еще более поражающую после николаевского режима, наглядно показывающую, как растерялась власть и как брались свободы.

«В 1860/61 г. сделалось совсем обычным явлением, что на лекциях некоторых профессоров дам бывало чуть ли не столько же, сколько студентов. Впрочем тогда довольно трудно было отличить настоящих студентов; форма хотя и была отменена только весной 1861 г., но как-то сама собой стала выходить из практики у студентов. И этого должен был не замечать тот самый инспектор Фицтум, который еще несколько лет тому назад всю свою душу полагал в улавливании студентов, в чем-нибудь нарушивших форму. В то же время университет как-то сам собой открылся для всех желающих; даже не надо было записываться в вольнослушатели, а просто — приходи и слушай. В аудиториях постоянно можно было видеть воспитанников римско-католической духовной академии, чиновников, офицеров, особенно из высших военно-учебных заведений; помимо даже одного жандармского офицера, довольно регулярно посещавшего лекции М. М. Стасюлевича и, кажется, Костомарова, что, повидимому, нисколько не стесняло лекторов и нимало не смущало остальных слушателей. В аудиториях нередко появлялись известные литераторы, учителя, профессора других учебных заведений, люди почтенные по своему возрасту и официальному положению; так, одно время гр. Ф. П. Толстой, тогдашний вице-президент академии художеств, вместе с своим семейством посещал лекции Ник. Ив. Костомарова». (Из воспоминаний прошлого. СПБ, 1905, стр. 135—136).

Только зная эту обстановку, эту поколениями и бесчисленными жертвами завоеванную свободу, можно понять то благоговение перед «шестидесятыми годами», которое сохраняли отцы нашего и деды современного поколения из самых прогрессивных и трезвых людей.

«Шестидесятые годы, как известно, — писал К. А. Тимирязев, — начались с половины пятидесятых... Поколение, для которого начало его сознательного существования совпало с тем, что принято называть шестидесятыми годами, было, без сомнения, счастливейшим из когда-либо нарождавшихся на Руси».

«Устав 63 года» был реакцией против «необузданной» свободы, воцарившейся в университетах, проявлением стремления дворянских кругов «окарнать то, что уже было достигнуто».

Это, в осторожной форме, признавали буржуазные исследователи той эпохи. «Устав 63 года был далек от совершенства, как плод неискреннего компромисса», — писал Г. А. Джаншиев («Эпоха вел. реформ», 6-е изд., стр. 277). Б. Н. Чичерин («Россия накануне XX ст.», стр. 35) указывал, что устав 63 г. «не заключал в себе ничего нового. Уставом 63 г. были только точнее определены отношения властей». В 1873 г. В. И Герье писал («Вестн. Евр.», 1873 г., № 4, стр. 822): «Университетам, до сих пор, была предоставлена полная свобода только в одном случае; в одном только своем действии университеты являлись в качестве высшей инстации — в присуждении ученых степеней. Все остальные действия университетов подлежат административному утверждению».

И это подчеркнуто в официальном «представлении в Государственный Совет»: «Как Правление, так и Совет представляют важнейшие дела попечителю, который решает некоторые из них собственной властью, а другие представляет министру. Таким образом является *стройная система* управления университета с правильным разделением дел ученых, хозяйственных, полицейских и судных и постепенностью в правах решения их разными установлениями, при чем высшею местною властью будет *попечитель*». (Сб. постановл. по М. Н. Пр., т. III, ст. 923, № 472, пояс. 18. Общий Устав Императорских Российских Университетов). А в § 26 устава полномочия попечителя определены так: «Попечитель Учебного округа принимает все меры, чтобы принадлежащие к Университету места и лица исполняли свои обязанности, и в случаях чрезвычайных уполномочивается действовать всеми способами, *хотя бы они и превышали его власть*, с обязанностью только о подобных случаях доводить до сведения министра. 2) Попечитель делает Совету, когда признает это нужным, предложения, как по делам университета, так и по делам учебного округа. 3) Попечитель разрешает в определенных Уставом пределах представления по делам, превышающим власть университета, или входит по таким делам с представлением к министру народного просвещения».

Нужно обладать совершенно особого рода «слепотою», чтобы утверждать, что «Центральной идеей устава 1863 г. была автономия профессорской корпорации. Совет становился главным органом университетского самоуправления» (Милюков). Или: «Профессорская корпорация получила полную автономию» (Бороздин).

Такие взгляды подвергнуты были критике в студенческой брошюре, поданной в январе 1902 г. на гектографе.

«Обыкновенно видят отрадные стороны «устава 63 г.» и его преимущества в следующих пунктах, — говорится там: —

1. Выбор ректора и профессоров ими самими.
2. Университетский суд (понимаемый как невмешательство полиции).
3. Студенческие корпорации.

О последних и слова нет в уставе 63 г. Если они существовали, то не по этому уставу и не по предыдущим, а просто как естественная необходимость, искоренить которую невозможно, да и не представлялось в этом надобности, так как университет не выступал на политическую арену до 61 г., а затем положение правительства было слишком шатким, чтобы возбуждать против себя новую группу людей»...

«Далее мы утверждаем, что выбор профессорами ректора и товарищей по уставу 63 г. вовсе не напоминает даже самоуправления». Следует ссылка на § 72 устава, который гласит: «Профессоры, по избранию Совета, утверждаются министром, а доценты и лекторы Попечителем учебного округа. В тех случаях, когда вакантная в университете кафедра не будет замещена в течение года избранным от Университетского Совета кандидатом, Министр может назначать в профессоры по своему избранию лица, удовлетворяющие требуемым от профессора условиям. Сверх того, от министра зависит назначать во всякое время сверхштатных профессоров».

«Мы знаем, что выходит из этого, — говорится в брошюре. — Стоит только не утверждать избранных советом и нежелательных правительству, — и все эти кафедры будут замещены по назначению».

«Что же касается университеского суда для решения недоразумений между студентами и профессорами (§ 58), то, во-первых, он противоречит элементарному понятию о справедливости, так как при столкновении профессоров со студентами первые (заинтересованная сторона) призваны быть судьями (§ 58, 2), а вторые только ответчики.

Во-вторых, если считать, что главное — это избавление от вмешательства полиции (это и справедливо), то устав 63 г. опять-таки не дает для этого достаточно гарантий, так как Россия, к сожалению, вовсе не такая страна, чтобы в ней правительство и полиция не решались действовать, раз нет позволения в форме ясного закона. Лишь бы не было запрещения! Да и оно постоянно обходится. Если же правительство раньше не пыталось так нахально вламываться в университет с вооруженной бандой опричников, то опять-таки только потому, что не было массового политического движения в стенах университета и § 103 достаточно гарантировал правительство против злодеяний «темной силы агитаторов».

§ 103 гласит: «Вне зданий и учреждений университета студенты подлежат полицейским установлениям на общем основании».

Плата за слушание лекций в столичных университетах была установлена по уставу 63 г. в 50 р., а в прочих 40 р. в год, сумма, по тем временам, значительная для той бедноты, которая устремилась в университет после возглашенного равенства сословий.

Таков был характер пресловутого «устава 63 года», который стал лозунгом либеральной профессуры и той части студенчества, кото-

рая шла за ней, на протяжении нескольких десятилетий». Нельзя не согласиться с мнением Г. В. Плеханова, который писал в 1901 г. (Соч. т. XII, стр 140 и 145):

«Университетский устав 1884 г. был продиктован интересами реакционной политики. Мы знаем также, что и при составлении устава 1863 года интересы реакционной (или, по крайней мере, консервативной) политики не были забыты... Студенческие корпорации были запрещены... Это была та «охранительная» политика, которая всеми способами старается помешать проникновению освободительных идей в наше студенчество».

Но, как метко определил Г. А. Джаншиев, устав 63 года все-таки был «далеким от совершенства плодом неискреннего», но все же «компромисса», «в котором министр народного просвещения А. В. Головнин далеко не вполне», но все же «успел осуществить свою либеральную программу». При составлении этого устава были выслушаны мнения не только университетских советов и целого ряда лиц духовного и гражданского ведомства в России, но и многих иностранных ученых и педагогов. «Ряд представителей ученой и педагогической деятельности Англии, Бельгии, Германии, Франции и Швейцарии высказали свои соображения и указания; особенно серьезно и вдумчиво отнесся известный немецкий ученый Роберт Моль». Знаменитый юрист Роберт Моль был в 1845 г. лишен кафедры за критику правительства, в парламенте примыкал к либеральной партии и был ярким представителем буржуазного миросозерцания, как ни умерен он был в политике.

Буржуазные взгляды просочились в университетский устав, хотя в предварительной редакции устава принимали участие министр внутренних дел и ряд старых сановников во главе с генерал-адъютантом гр. С. Г. Строгановым, известным своим реакционным направлением; участвовал в комиссии и шеф жандармов, — «полированные великосветские вандалы с безукоризненными манерами», — как называл их Джаншиев. И такие же «вандалы» утверждали редакцию в государственном совете.

Для проведения стройной системы, чуждой противоречий, с точки зрения общегосударственного строя, устав 63 года и был заменен новым в 1884 г.; «республиканское» устройство университетов не давало покоя реакционерам, § 26 устава не гармонировал с выборностью ректора. Как и в 1835 г. реформа устава свелась, главным образом к тому, что власть попечителя и влияние министра» были «определены в ясных границах». Вот какую редакцию придал устав 1884 года прежнему § 26:

«§ 6. Попечитель учебного округа заботится о благосостоянии университета, наблюдает за ходом университетского преподавания и за точным исполнением всеми принадлежащими университету установлениями и должностными лицами правил, предписанных законом или распоряжениями правительства, преследует всякое уклонение

от сих правил, возбуждает дела об ответственности виновных и ходатайствует о награждении достойных».

«§ 8. На попечителе лежит обязанность высшего руководства во всех распоряжениях по охранению порядка и дисциплины в университете. Попечитель имеет право, в разъяснение и для обеспечения точного исполнения правил, изданных министром народного просвещения, давать ректору обязательные для него предложения о надзоре за студентами и требовать донесений о собственных его распоряжениях в этом отношении. В случаях чрезвычайных попечитель принимает все необходимые для охранения порядка меры, хотя бы они и превышали его власть, немедленно доводя о сделанных на этом основании распоряжениях и о причинах, их вызывавших, до сведения министра народного просвещения».

Толкование несомненно распространительное, но никакой принципиальной разницы с уставом 1863 года нет.

Если в данном случае между параграфом устава 63 года и соответствующими параграфами нового устава самый тонкий казуист не обнаружит принципиального различия, то в замене выборного ректора назначаемым министром он не найдет ни принципиального, ни практического отклонения от прежнего устава. Как верно сказал в 1882 г. один, не грешащий либеральной слепотой профессор, «ошибка в данном случае сводится к тому, что или устав отождествляется с действительностью, или же действительность отождествляется с уставом».

По уставу 1863 года ректор утверждался в своей должности «высочайшей» властью, т. е., в переводе на язык фактов, избрание ректора всецело зависело от усмотрения министерства. Избранные профессора подлежали утверждению министра. При либеральном образе мыслей лучшей части профессоров на практике это сводилось к тому, что они сами избирали или угодного начальству, или удобного ректора.

Это обнаружилось уже при выборах первого ректора «самоуправляющегося» университета. Известный историк С. М. Соловьев был забаллотирован и ректором избран его соперник профессор С. И. Баршев. С. И. Баршев [1808—1882. Профессор уголовных и полицейских законов с 1834—1876 г.], сын московского священника, вместе со своим братом Я. И. готовился к духовной карьере. По окончании духовного училища и семинарии, в числе лучших учеников был направлен в духовную академию. Курса в ней не кончил, т. к. вместе со своим братом в 1829 г. попал в число трех отличнейших учеников, по высочайшему повелению избранных для обучения правоведению при II отделении собственной его императорского величества канцелярии, а через два года был командирован в Германию, где в течение 6 семестров слушал лекции в Берлинском и др. университетах. По возвращении в Россию быстро сделал чиновничью карьеру и в 1837 г. был уже ординарным профессором, с 1847 г. деканом юридического факуль-

тета Московского университета. Кроме профессуры занимал административные должности, в том числе с 1842 по 1845 г. был цензором московского цензурного комитета. Принадлежал к шайке реакционных чиновников, подхалимствовавших перед «Московскими Ведомостями» и их владельцем М. Н. Катковым. Такая ориентация, заслужившая благодарность, официально выраженную мракобесным министром народного просвещения в 1850 г., определила «научное» направление С. И. Баршева. Согласно официозной характеристике, «главною задачею преподавания своего полагает профессор утвердить в слушателях глубокое уважение к отечественным постановлениям». Что это означало конкретно, показывает пример брата С. И., профессора Александровского лицея Я. И. Баршева, портрет которого, нарисованный с обычным искусством, оставил потомству М. Е. Салтыков-Щедрин:

«Когда я был в школе, — пишет Салтыков в «За рубежом», — то в нашем уголовном законодательстве (до 1845 г.) еще весьма часто упоминалось слово «кнут». Профессор уголовного права так или иначе должен был встретиться с ним на кафедре. И что же! выискался профессор [Я. И. Баршев], который не только не проглотил этого слова, не только не подавился им в виду десятков юношей, внимавших ему, не только не выразился хоть так: как дескать ни печально такое орудие, но при известных формах общежития представляется затруднительным обойти его, а прямо и внятно повествовал, что кнут есть одна из форм, в которых идея правды и справедливости находит себе наиболее приличное осуществление. Мало того, он утверждал, что самая злая воля преступника требует себе воздаяния именно в виде кнута. Но прошли времена, и кнут был заменен треххвостною плетью. Нас, школяров, интересовало, прольет ли слезу буквоед на могиле кнута или воткнет осиновый кол. Оказалось, что он воткнул осиновый кол. Целую лекцию он сквернословил перед нами, говоря, как скорбела идея высшей правды, когда она осуществлялась в форме кнута, и как она ликует теперь, когда, с изволения высшего начальства, ей предоставлено осуществляться в форме треххвостной плети с соответствующим угобжением. Он говорил — и его не тошнило, а мы слушали, и нас тоже не тошнило!...»

Избрание С. И. Баршева ректором Московского университета было случайным, т. к. ему отдали голоса сторонники С. М Соловьева, боясь, что пройдет третий кандидат, «более умный» клеврет «Московских Ведомостей» профессор геологии и минералогии Г. Е. Щуровский. Избрание Баршева — «это было воцарение пошлости в университете», говорит Чичерин [стр. 97].

Но это было при первом избрании, когда «старые» дореформенные профессора были в силе. Так вот как происходили последние выборы, когда сила была в руках «молодых» профессоров-конституционалистов во главе с С. А. Муромцевым, А. И. Чупровым, М. М. Ковалевским, И. И. Янжулом, В. И. Герье и плеядой таких

же известных имен. Ушел в отставку в 1883 г. бывший ректором с 1877 г. Н. С. Тихонравов и надо было выбрать ему преемника. Партия «молодых» выставила и провела Н. П. Боголепова, который «скромно вел себя в профессорской среде», так как сами «молодые» опасались выставить свои кандидатуры, зная, что они не в чести у начальства. Через год, с введением устава 1884 г., тот же Н. П. Боголепов оказался и назначенным ректором, и ничего не изменилось: «В первые годы его ректорства, — рассказывает в своих воспоминаниях М. М. Ковалевский, — Боголепов оставался прежним добрым товарищем, не выступал с протестами против нашей якобы либеральной агитации и только хлопотал об одном, чтобы наши заявления не попадали в протокол.»

Да и какого нужно было еще ректора, кроме угодника, раз по уставу 1863 г. функции его сводились к роли полицейского надзирателя за порядком:

«§ 27. Ректор, имея ближайшее попечение о благоустройстве университета, наблюдает: 1) чтобы принадлежащие к нему места и лица исполняли свои обязанности, 2) чтобы университетское преподавание шло правильно и в надлежащей полноте, сообразно программам, которые будут утверждены факультетами.»

Чтобы последняя фраза не ввела в заблуждение, необходимо добавить, что утверждение программ факультетами повидимому не что иное, как расписание лекций по часам, так как в §§ 10—20 говорится, что объем программ строго определяется министром народного просвещения.

Что касается студентов, то они бесправны и по первому и по второму уставу. Как и в остальных пунктах, устав 1884 г. только ставит точку над и.

По уставу 63 года студенты были отданы под надзор попечителя через избранных советом проректора или инспектора:

«§ 63. Ближайшее в университете наблюдение за исполнением правил, установленных для студентов и других слушателей, возлагается на особое лицо, избираемое Советом из среды своих членов или из сторонних чиновников.

В первом случае оно называется проректором, во втором инспектором.»

«§ 66. Как проректор, так и инспектор действуют по данной им от Совета инструкции, утвержденной попечителем и основанной на подлежащем § сего устава».

По уставу 84 года надзор за студентами в стенах университета возлагался на назначаемого инспектора. Сам. П. Н. Милюков должен был признать, что «положение студенчества мало изменилось после введения устава, отчасти потому, что устав, в своей окончательной форме, менее интересовался вопросами, относящимися к студентам, чем вопросами об устройстве профессорской корпорации; отчасти потому, что коренные черты студенческого быта менее поддавались уставной реформе».

Можно указать, например, на тот факт, что именно после введения устава 1884 г. произошел расцвет студенческих земляческих — союзных организаций.

Таковы были два устава, которыми самодержавная бюрократия регулировала жизнь высших учебных заведений в целях превращения их в фабрику «дипломированных подлецов», как энергично выразился представительный орган студентов Дерптского университета в 1901 году. Принципиальной разницы в них нет. Не даром идейный вождь дворянской реакции, циничный и умный М. Н. Катков писал в 1880 г. Александру II:

«Нынешнее устройство университетов наших называется самоуправлением; но самоуправлением может быть признано лишь такое устройство, при котором люди о собственных делах заботятся сами... То ли видим мы в университетах?»

Но есть в уставе 1884 г. пункт, который выгодно отличает его от предшествовавшего устава. Это тот, который пробует ввести, по образу немецких университетов, начала «Lehr und Lehrnfreiheit» свободы преподавания и обучения. В 1862 г. за эти начала горячо ратовал Н. И. Пирогов.

В 1882 г. профессор Н. А. Каблуков в № 12 «Земства» писал такие выразительные строки:

«Из Одессы... Местный университет получил от министерства запрос: по каким программам производится чтение лекций и кем эти программы утверждены? Полагают, что министерство желает, чтобы на будущее время чтение лекций производилось по программам, утвержденным советом министра народного просвещения... Ведь это равнялось бы полной отмене, — не говорим университетского устава — нет, самих университетов и свободы научного преподавания, научных исследований...

«Почему тогда не издать уже прямо учебники, по которым студенты должны сдавать кандидатские экзамены? Но разве тогда это будут университеты и разве тогда будут в них читать профессора... словом, разве тогда останется от университетов что либо кроме названия?...

«Какой же, наконец, тогда профессор, истинно дорожащий интересами науки, согласится читать лекции в университете?»

Главную роль в комиссии под председательством И. Д. Делянова, которая вырабатывала проект реформы университетского устава, играли чиновник министерства народного просвещения А. И. Георгиевский и профессор Московского университета Н. А. Любимов — правая рука М. Н. Каткова. По иронии судьбы «проф. Любимов принципиально протестовал против установившегося университетского режима во имя идеального начала германской академической свободы. Свобода преподавания и слушания, широкая конкуренция штатных преподавателей с приват-доцентами, поощряемая гонораром; отмена университетских экзаменов, связывающих занятие наукой с получением диплома, и замена их государ-

ственными экзаменами, независимыми от университета: таковы были те основные идеи, с которыми профессор Любимов выступил в печати и в записках, подаваемых министерству».

Против мнения проф. Любимова возражали влиятельные московские профессора, которые, ратуя против уничтожения выборного начала, восстали и против свободы преподавания и обучения, утверждая, что в самой Германии раздаются голоса за введение действительных учебных планов вместо полной свободы слушания.

Интересна аргументация профессоров. Мы намеренно берем документы более позднего времени, когда оправданием не может служить то обстоятельство, что профессора возражали против мнения махрового реакционера, и в пылу полемики перегибали палку [1].

«Против заманчивой мысли реорганизовать университеты по немецкому образу на началах полной свободы преподавания — говорит многое, — писал в «Вестнике Европы» (1901 г.) профессор П. Г. Виноградов, — мы не готовы ни по составу преподавателей, ни по составу слушателей».

А в докладах московских профессоров за тот же год мы читаем следующие строки, которые приводим с комментариями автора статьи в одном студенческом издании 1903 г. («Нашим товарищам»):

«Лучше ли предоставить пришедшему в университет гимназисту, дав ему в виде компаса несколько учебных планов, полную свободу скитаться (!) по необозримому полю наук, или размерить и распределить по годам необходимое (?!) ему количество знаний, чтобы сберечь его время и силы и прямее направить его к цели?».

И затем несколько слов, — прибавляет комментатор, — бессмысленных, фальшивых и тревожных слов: «Но и при такой системе обязательность лекций должна оставаться педагогической (курсив подлинника) мерой, а не принудительной» (курсив в подлиннике).

Комментатор-студент прибавляет тут: «Как вот человеку науки отмеривать «необходимое» количество знаний? — Пусть это объяснят те, кто мог изобрести такое сочетание слов! А мы в их «цели» видим опять рабское угождение вкусам публики, служение диплому и прочим реальным выгодам. Натаскать кое-как чиновника можно, это мы знаем. Для этого есть «необходимая» научка».

Мнение профессора Любимова восторжествовало в высших сферах. В полном противоречии со всем строем казенной фабрики чиновников под вывеской «Московской Императорский Университет», в устав 1884 г. введены были параграфы, признающие как будто «Lehr und Lehrnfreiheit».

---

[1] Действительно, «свобода преподавания» понималась администрацией, как повод назначать на кафедры угодных лиц — невежд, «не обладающих какими-либо особыми по этой части научными трудами».

«Практика нового устава очень скоро, однако, доказала, что введенные уставом нормы не могут привиться на практике, вследствие их несоответствия условиям русской действительности [т. е. видам правительства, стоявшего за ним дворянства и реальному соотношению сил], и что важнейшие из подлежащих воздействию устава явлений вообще не могут быть изменены или устранены уставным порядком. Прежде всего рухнула, при первом столкновении с действительностью, та «свобода преподавания и слушания», которая в изображении проф. Любимова являлась центральной, идеальной задачей всего задуманного переустройства. Уже по букве устава свобода слушания свелась к выбору между «несколькими» учебными планами, предлагаемыми студенту деканом; на практике же никогда и не делалось попытки составить эти несколько планов: студент должен был следовать тому единственному, по которому в момент его вступления велось преподавание»...

О том, что уставы, сами по себе, имели очень малое влияние на ход университетской жизни, представляя собой после эпохи реформ «невероятную смесь либерального и реакционного», в полном соответствии с эпохой смены феодальных порядков буржуазными; что академическая жизнь регулировалась не уставами, а направлением общегосударственной политики, — очень выразительно говорит в своей статье В. Е. Якушкин. Он доказывает это свое положение большим количеством исторических примеров.

В своих очерках по истории русской культуры (3-е издание, 1902, часть 2, стр. 368) другой, в то время гонимый, как и В. Е. Якушкин, профессор П. Н. Милюков писал об уставах 1863 и 1884 гг.:

«Роль того и другого устава в жизни была весьма различна, но оба постигла одна судьба: вслед за обществом и власть официально признала их непригодными для жизни».

К 1900 годам от устава 1884 г. остались жалкие обломки; действовал не этот устав, а его кустарного изделия суррогат, слепленный механически из отдельных параграфов устава, циркуляров и распоряжений по ведомству народного просвещения.

Так, например, в уставе нет таких характерных для эпохи и самодержавной политики новелл, как новелла 1877 г., коей «дозволено для прекращения сходок приглашать в здание университетов административные и полицейские власти»; или знаменитый циркуляр о «кухаркиных детях».

О движущих силах этого некогда «славного» циркуляра сообщает болтливая вдова министра Н. П. Боголепова (Н. П. Боголепов. Записки Е. Б., М, 1912 г., стр. 181). Министр так записал свой разговор с царем Николаем II в 1898 г.

«Я полагал бы, ваше величество, — докладывал министр, — обратить внимание на создание новых типов женских учебных заведений для низших классов населения; а то все теперь стремятся поместить своих дочерей в гимназию за неимением других школ,

а потом эти дочери уже совсем отбиваются от семьи, даже стыдятся ее».

«Ах, не говорите мне про это», — ответил царь и сообщил министру следующий случай с Александром III, который, как известно, не стеснялся применять рукоприкладство и к своим министрам, как, например, к Ванновскому. — «Я вам также расскажу: у моего отца был любимый кучер, которому он помогал воспитывать его детей. Однажды, во время прогулки, отец спросил его, что сын? А кучер благодарит и говорит, что сын уже в университете. Тогда отец встал и дал ему в шею, выбранив его за то, что не послушался его и не отдал сына в какое-нибудь ремесленное училище. А сын больше не возвращался в семью».

Таким образом, если либеральные профессора в 1890—1900 гг. сделали из устава 1884 г. пугало, выдвигая которое, объясняли все «отрицательные стороны» университетского режима, а из устава 1863 г. создали себе идеал, к которому надо стремиться, чтобы уврачевать все язвы академического строя, то это объясняется не характером этих двух уставов, а системой воззрений профессоров, которую они усвоили под влиянием того социального бытия, которое их окружало.

ГЛАВА IV

ПРОФЕССОРА В ПОРЕФОРМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Конечно, праздное занятие искать «нового духа» среди николаевских чиновников в эпоху, непосредственно следовавшую за крахом старого режима. Чиновники, преподававшие в Московском университете, прошли хорошую школу, с твердой дисциплиной, которая достаточно выдрессировала их. Убийственную характеристику дал им «Журнал Министерства Народного Просвещения» [1862 года, сентябрь, отд. 1, стр. 223—24; Иконников. «В. Е.» № 11, стр. 112].

После 1848 г., читаем мы там, — «наступили события весьма враждебные университетам. Последовавшие затем стеснения были такого свойства, что не могли не охладить ревности к успехам наук в профессорах, естественно дороживших своим, довольно уже обеспеченным положением...»

«На всех факультетах царили профессора старого закала», — говорит в своих воспоминаниях об этой эпохе Л. Ф. Пантелеев про Петербургский университет. Московский университет в этом отношении держал пальму первенства. Во время студенческого движения 1861 г. все профессора стояли за его подавление крутыми мерами.

«И ректор и деканы старались уговаривать студентов, убеждали их не нарушать закона недозволенными сходками, — рассказывает в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин. — Все было напрасно. Тогда правление решило закрыть два первые курса юридического факультета, которые волновались более всех. Однако, и эта мера не подействовала. Студенты тем более могли надеяться на безнаказанность, что они находили поддержку не только в обществе, но и в городских властях. Профессора и в этом случае вели себя безупречно. И старые и молодые единодушно стояли за водворение порядка... При многолюдности сходок университетская инспекция была совершенно бессильна: оставалось прибегнуть к помощи полиции, а на это робкий В. А. Дашков [управлявший округом помощник попечителя] тем менее мог решиться, что генерал-губернатор отнюдь не был склонен к такого рода мерам». [стр. 17].

Сам Б. Н. Чичерин принадлежал к «молодым» профессорам: он был избран и. д. экстраординарного профессора в 1861 г. В своей буйной персоне, блиставшей всем чем угодно, но только не дарованиями чиновника, он воплотил всю ту «невероятную смесь либерального и реакционного», которая так характерна для эпохи шестидесятых годов.

Во время обсуждения университетского устава московский совет профессоров высказался против допущения женщин и университеты, против двух своих членов и против мнений советов других университетов. Этим были заложены прочные традиции для Совета московского императорского университета.

Профессорскую среду начала 1860-х годов красочно описал в своих воспоминаниях тот же Чичерин:

«Настало владычество старых, погрязших в рутине прежнего порядка. Большинство, сомкнувшееся вокруг «Московских Ведомостей, было упоено успехами своего патрона [М. Н. Каткова], которые отражались и на нем, приобретая ему все больше и больше приверженцев... Торжествующая пошлость сияла самодовольством и била ключем во все стороны»... «Больно было присутствовать при этом падении университета и противно было дышать этим смрадом».

Так писал не либерал, а консерватор Б. Н. Чичерин, принятый при дворе крупный помещик черноземной губернии, отец которого нажил большое состояние откупами; либерал К. Д. Кавелин, очень податливый, очень умеренный человек, и тот разошелся в убеждениях с Чичериным и прекратил с ним знакомство на почве его «благонамеренности».

Но Б. Н. Чичерин был крупным и ярким мыслителем, талантливым, европейски образованным ученым, человеком незаурядным, который дерзал «сметь свое суждение иметь»; который является родоначальником особой школы в русской историографии, школы ярко-буржуазной, сыгравшей большую роль в деле изучения русской истории и уступившей свое главенство только при встрече со школой Маркса.

И этого было довольно. Такое уже свойство бюрократической чиновничьей среды, что она не терпит ничего яркого, самостоятельного и или нивеллирует всех до уровня своей посредственности, или выталкивает из своей среды. Сотканный из «стихий противуборствующих» резкий и независимый Б. Н. Чичерин испытал последнего рода участь. В 1867 г. он принужден был оставить Московский университет. Не важен тот мелкий повод, который вызвал уход Б. Н. Чичерина, солидарность с которым заявили С. М. Соловьев, Ф. М. Дмитриев., И. К. Бабст, М. Н. Капустин и С. А. Рачинский; из них Дмитриев и Рачинский ушли вместе с Чичериным. Вскоре вышел из Московского университета Бабст, дослужив 25-летний срок; Капустин сделался директором Ярославского лицея. В свое время был затравлен и С. М. Соловьев.

«Правительство, — говорит в своих воспоминаниях Чичерин, — сыпало на университеты удар за ударом, поддерживая в них пошлость и невежество, вытесняя честных и преданных науке преподавателей, отдавая университеты на жертву низменным интересам и гнусным интригам...»

Б. Н. Чичерин был пристрастным человеком; но в данном случае он нисколько не погрешал против истины. Старая, дореформенная профессура создала в Московском университете атмосферу низкого угодничества, травли сколько-нибудь ярких представителей науки, доносов, интриг и мракобесия.

Как все ограниченные люди, попавшие на привилегированные посты своего общества, где не отменены привилегии по рождению, московские «жрецы науки» стали смотреть на себя, как на избранную богом или природой — все равно, касту, на которую остальные — непросвещенная чернь — должна смотреть снизу вверх.

Принадлежавший тогда к партии «молодых» профессор В. И. Герье указал на эту черту своих коллег, которые хотели бы создать в университетах касты, — «независимые корпорации браминов, которые бы ставили свой авторитет выше авторитета государства, орден иллюминатов [«Вестник Европы», 1873 г., № 4, стр. 823].

А спустя 28 лет в том же «Вестнике Европы» выдающийся профессор П. Г. Виноградов скорбел о том времени, когда эта «каста браминов» не испытала еще порыва предреволюционной бури, нарушившей ее покой: «Было время и не так еще давно, когда сравнительно немногочисленная культурная среда смыкалась около университетов в своего рода масонстве, гордом своими особенностями и солидарностью».

Эту касту «жрецов науки» не так давно описал в своих воспоминаниях взбунтовавшийся раб своей среды Андрей Белый, сын одного из реакционнейших представителей «старой» профессуры Н. В. Бугаева. Несмотря на свойственные ему кривлянья и на тенденцию опорочить профессоров-общественников, противопоставив им профессоров-Бугаевых, картина для последних вышла убийственной. А. Белый так рисует воззрения среды, где он родился:

«Мир — профессорский мир; остальные до мира еще не созрели: не люди, а так себе, что-то, что только ютится, приваливаясь, как жалкий домишко, к украшенному фронтоном фасаду огромного здания». [На рубеже двух столетий. См. стр. 82, 83, 84, 102, 103].

«Старые» профессора прочно консервировали в своих ученых головах представления феодального мира.

В эту затхлую среду чиновников министерства народного просвещения, оставшихся русским университетам в наследство от старого режима, с 60-х, а, главным образом, с 1870-х годов, начало вливаться новое поколение европейски образованных буржуазных ученых, которым и обязан своим расцветом Московский университет, как и другие русские университеты.

Заслуга этого нового поколения профессоров заключалась не только в том, что они перенесли на русскую почву достижения европейской науки, но и в том, что они создали научные очаги в России, которые не уступали своим заграничным образцам.

Конечно, не русские университеты того времени создали новых русских ученых. Их биографии показывают, что все они, за единичными исключениями, получили толчок к научным занятиям из чтения книг европейских ученых или из радикальных кружков, живших идеями европейских революций, а свое образование завершили в заграничных университетах, при чем как раз по тому методу, от которого так предостерегали московские профессора в своих нашумевших докладах 1901 г.

Именно они в полном смысле слова «скитались по необозримому полю наук» в европейских, главным образом немецких, университетах, совершенно оставляя в стороне всякую заботу о том, чтобы получить «необходимое количество знаний».

За недостатком места приведу один яркий пример из биографии одного из самых выдающихся русских палеонтологов Вл. Он. Ковалевского (1842 — 1883).

«Окончив училище правоведения — рассадник администраторов-карьеристов в царской России, — В. О. отправился в 1861 г. за границу, где сблизился с тамошними русскими и европейскими радикальными и революционными кругами; с русскими радикальными кругами в Петербурге он сблизился еще будучи правоведом... Хорошее знание всех европейских языков помогло ему с успехом объездить в течение 2 лет все главные умственные центры Запада. За границей В. О. изучал юридические науки, но вместе с тем занимался и естественными науками, которыми заинтересовался еще в России... Плохая материальная обеспеченность развивает практические способности В. О... и он, 22 лет от роду, не имея ни гроша денег, становится крупным издателем-предпринимателем... Трепетно откликаясь на все веяния эпохи, В. О. во второй половине 60-х годов снова едет в Европу, чтобы участвовать в походе Гарибальди для освобождения Италии»...

Профессор сельско-хозяйственной экономии и статистики А. Ф. Фортунатов учился на историко-филологическом факультете, получил степень лекаря на медицинском факультете и по окончании Петровский сельско-хозяйственной академии защитил диссертацию на специальную тему «Урожаи ржи».

Наконец, возьмем таких корифеев русской профессуры, как И. И. Мечников и И. М. Сеченов, людей уравновешенных, рано избравших себе прямую дорогу. Каких областей естествознания они ни касались?

Именно этому поколению с практикой связанных и разносторонних ученых-европейцев обязан своим расцветом «золотой век Московского университета».

«Взаимоотношение между политической жизнью страны и успе-

нием интереса к науке с особенной яркостью обнаружилось в России в 60-х годах истекшего столетия, в эпоху великих реформ, — пишет историк. — Началась упорная борьба реального миросозерцания с миросозерцанием метафизическим, носившим явственный отпечаток схоластической философии... И вот, повинуясь этому призыву, плеяда молодых русских ученых, одушевленных горячей любовью к науке, устремляется в заграничные лаборатории, в те притягательные центры научного образования — Гейдельберг, Гиссен, Берлин, — слава о которых гремела во всей Европе и где научный метод был поставлен на надлежащую высоту».

Именно в Германии, переживавшей в то время новый подъем, где развивалось рабочее движение и борьба за объединение на почве быстрой индустриализации страны, наиболее ярко выразился расцвет как естественных, так и социальных наук. В 1859 году вышла книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов», которая начала новую эпоху в развитии естествознания, и дарвинизм стал знаменем «молодых» профессоров-естествоиспытателей.

Московский университет оказался обойденным в области естественных наук, по сравнению с Петербургом, который блистал именами Д. И. Менделеева, И. М. Сеченова, А. М. Бутлерова, И. П. Павлова, Н. А. Меншуткина, А. С. Фаминцына, С. Н. Виноградского, А. Н. и Н. Н. Бекетовых — «едва ли какой европейский научный центр в ту эпоху мог выставить столько выдающихся деятелей», — говорит К. А. Тимирязев. Уступал Московский университет и Новороссийскому, где работали И. И. Мечников, А. О. Ковалевский, Л. С. Ценковский.

Яркой звездой блистал в Москве К. А. Тимирязев; «широко образованный натуралист, вдумчивый ученый, блестящий оратор, неподражаемый популяризатор — он соединял в себе все качества для плодотворной и разнообразной деятельности на пользу русского просвещения». Тимирязев начал читать лекции в Московском университете в 1877 г.

Раньше К. А. Тимирязева занял кафедру химии в Московском университете В. В. Марковников (в 1873 г.), ученик А. М. Бутлерова, который реформировал на европейский лад преподавание химии, построив, после долголетних усилий, первую в России большую лабораторию, приспособленную не только для практических занятий, но и для научных исследований.

В то же время (с 1866 г.) А. Г. Столетов поставил на научную высоту преподавание физики. С 1893 г. кафедру физики занял Н. А. Умов.

С 1884 г. занял кафедру географии и этнографии Д. Н. Анучин; в 1886 г. — кафедру геологии А. П. Павлов; в 1891 г. В. И. Вернадский стал заведующим Минералогическим институтом; в том же году В. К. Цераский получил кафедру астрономии и в 1895—1903 г.г. оборудовал университетскую обсерваторию. В тот же

период выделился разносторонний и талантливый зоолог М. А. Мензбир. Продолжателями Марковникова были химики Н. Д. Зелинский (1893 г.) и И. А. Каблуков (1899 г.). С 1900 г. стал профессором Московского университета знаменитый физик П. Н. Лебедев (1866—1912 г.). К 1900 гг. стал пробивать себе дорогу талантливый лектор А. Н. Реформатский.

На большую высоту было поставлено преподавание медицинского цикла наук. Как низко стояло раньше преподавание на медицинском факультете, можно убедиться по воспоминаниям, напечатанным в журнале «Русская старина»: «Юные годы» П. Ф. Филатова (апрель 1912 и май 1913) и «К истории возникновения клиники кожных и венерических болезней при императорском московском университете» А. И. Поспелова (октябрь 1913 г.).

Пионером в деле реформы медицинского факультета является Г. А. Захарьин, занявший кафедру семиотики и диагностики с 1862 г. С 1852 г. Захарьин был ассистентом факультетской терапевтической клиники. Свой опыт он пополнил за границей, куда был командирован на два года с 1858 г. Став директором клиники, Захарьин в первые годы своей деятельности поднял свою клинику на недосягаемую для прежних эскулапов высоту, обратив на нее внимание заграничных ученых. Талант он был действительно крупный. Два тома его клинических лекций не утеряли своего значения и до настоящего времени. Акции рязанской железной дороги на сотни тысяч, шарлатанство, к которому он стал прибегать, чтобы приобрести эти акции, и вся обстановка его деятельности рано погубили талантливого профессора. Его дело продолжал, не подражая своему учителю в житейской практике, А. А. Остроумов, получивший кафедру в 1880 г. Антиподом Г. А. Захарьина в общественном отношении являлся швейцарский ученый Ф. Ф. Эрисман, переехавший в Россию в 1869 г. и с 1882 г. занявший кафедру гигиены в Московском университете. «Работая на ней в течение 15 лет, он поставил эту кафедру на недосягаемую высоту. Одухотворенный знанием и идеей, он привлек многочисленных учеников, создал школу, из которой вышли известные русские гигиенисты». Под руководством Ф. Ф. Эрисмана было произведено санитарное обследование фабрик и заводов Московской губернии, давшее богатый материал для работы первых русских социал-демократов. Принужденный оставить кафедру в 1896 г., Эрисман уехал в Швейцарию, где стал членом социал-демократической партии. Если Захарьин создал школу врачей-шарлатанов и стяжателей, то Ф. Ф. Эрисману принадлежит огромная заслуга по созданию школы врачей-общественников.

Крупную роль в деле постановки медицинского преподавания сыграл А. И. Поспелов, с 1884 г. приват-доцент по сифилидологии и дерматологии, с 1887 г. — экстраординарный и с 1908 г. ординарный профессор. В 1891 г. он основал «Московское венерологическое и дерматологическое общество», занявшее выдающееся место в ряду

европейских обществ этого рода. Большим талантом обладал профессор акушерства и женских болезней В. Ф. Снегирев, получивший докторскую степень в 1873 г.

Кафедру анатомии занимал с 1870-х г. г. Д. Н. Зернов. Большой популярностью пользовался профессор педиатрии Н. Ф. Филатов (приват-доцент с 1879 г., профессор с 1891 г.), талантливый ученый в своей области, труды которого переведены на многие иностранные языки. Как терапевт получил известность В. Д. Шервинский (доцент с 1880 г., профессор с 1884 г.; с 1899 г. — директор терапевтической клиники) и К. М. Павлинов. Школу невропатологов основал в Московском университете А. Я. Кожевников (род. в 1836 г., доцент с 1869 г., профессор с 1870 г.); его учеником был талантливый С. С. Корсаков, автор популярного «Курса психиатрии» (профессор с 1893 г.). С 1885 г. был приват-доцентом и с 1895 г. профессором ученый с европейским именем В. К. Рот, товарищ председателя Московского общества невропатологов и психиатров. Необходимо назвать также Л. С. Минора, приват-доцента с 1884 г. и Г. И. Россолимо, пр.-доц. с 1889 г.

С 1888 г. в Москву переселился И. М. Сеченов, до 1891 г. состоял в Московском университете приват-доцентом, а с 1891 и до 1901 г. занимал кафедру физиологии на медицинском факультете.

Главным украшением медицинского факультета Московского университета являлись новые клиники на Девичьем Поле, большую роль в устройстве которых сыграл знаменитый хирург Н. В. Склифасовский, занимавший кафедру факультетской хирургической клиники в Москве с 1880 по 1893 г. Из его преемников необходимо отметить А. А. Боброва и П. И. Дьяконова.

Кафедру судебной медицины занимал П. А. Минаков. В 1895 г. был открыт бактериологический институт, во главе которого стоял приват-доцент Г. Н. Габричевский.

На математическом отделении физико-математического факультета Московского университета наиболее известными профессорами были: А. Ю. Давидов, составитель наиболее распространенных учебников для средних учебных заведений, преподававший в Московском университете с 1850 по 1885 г.; Н. В. Бугаев, профессор Московского университета с 1866 г., ученик первого, в свою очередь являвшийся учителем П. А. Некрасова, будущего попечителя Московского учебного округа, бывшего профессором с 1886 г. В том же году занял кафедру талантливый Н. Е. Жуковский, один из выдающихся деятелей по механике. Как талантливый преподаватель и общественный деятель выделялся В. Я. Цингер, преподававший в Московском университете с 1862 по 1898 г. С 1885 г. стал приват-доцентом, а с 1892 г. — профессором Московского университета Б. К. Млодзеевский; с 1882 г. стал приват-доцентом В. В. Бобынин. Пользовался известностью также Л. К. Лахтин.

В противоположность естествознанию, кафедра истории имела в Московском университете свои традиции. Идеи буржуазии нашли себе воплощение на кафедре Московского университета еще в лице Т. Н. Грановского. «Сообщить отысканной формуле русского исторического процесса философское выражение суждено было Чичерину». Рядом с Чичериным стояли К. Д. Кавелин и С. М. Соловьев. Даже метод немецкой исторической мудрости: «Никогда не надо ни одному автору, — носит ли он прославленное или неизвестное имя..., — в чем-либо верить на слово, но надо только единственно взвешивать его основания», — был завещан русской науке Г. Эверсом. Поэтому на исторической кафедре Московского университета мы не находим такого крупного поворота от старого — феодального, к новому — буржуазному, который произошел в 60-е годы в области естествознания.

Первые историки с буржуазным мировоззрением на кафедре Московского университета в той или иной мере испытали на себе влияние идей Гегеля, а выводы Гегеля в области истории были таким крупным приобретением науки, что дальше их не могли пойти буржуазные историки. Поэтому до 1890-х годов русская историческая наука жила традициями.

Заслугой профессоров русской истории на кафедрах Московского университета в пореформенную эпоху являлось то, что они значительно подвинули вперед разработку отдельных вопросов мировой и русской истории, — во-первых; и во-вторых то, что они перенесли на русскую кафедру европейские методы преподавания. Первым таким историком по кафедре всеобщей истории был с 1868 г. «заслуженнейший ординарнейший профессор, сорок лет читавший ррреволюцию, ррреформацию и ррримскую историю», — как сказал ехиднейший В. О. Ключевский в день юбилея Герье.

«С прекрасной классической подготовкой и хорошим знанием новых языков, — писал о Герье М. М. Ковалевский, — он соединяет обладание строгим критическим методом, приобретенным им продолжительной работой над источниками под руководством немецких профессоров». Герье создал школу историков, наиболее выдающимся представителем которой был его преемник по кафедре с 1889 года П. Г. Виноградов. «Ученый специалист, правда, в довольно тесной области истории средневековой Англии, — говорит М. Н. Покровский, — Виноградов был действительно очень крупный, один из первых в мире». «Виноградов не доходил даже до «экономического материализма», о который терлись локтем Максим Ковалевский и Милюков, но он все же занимался социальной историей, т. е. объективной стороной исторического процесса». Но Виноградов умел научить своих учеников работать над документами. «Виноградов в этом отношении был действительно европейцем, с твердыми, отчеканенными, выработанными методами и приемами работы, у него можно было учиться, и он учил, в

сущности всех, не только «всеобщих», но и русских историков. Виноградовский семинарий был центром всей исторической работы университета в 1880—1890 г.г. Я не знаю, — говорит М. Н. Покровский, — есть ли что-нибудь подобное по влиянию теперь (1925 г.), кажется было что-то похожее у покойного А. Н. Савина. Но ближайший преемник Виноградова по кафедре, Р. Ю. Виппер [1], его в этом отношении никоим образом заменить не мог. Тут условное значение Виноградова для «первой жизни» нашего поколения превращается в нечто гораздо более крупное и значительное, что не помешало бы нам и теперь».

Блестящим метеором промелькнул на кафедре Московского университета М. М. Ковалевский. Это был типичный представитель той эпохи, скитавшийся по безбрежному полю социальных наук: историк, экономист, государство-и правовед, знаток первобытной культуры и пр. — он занимал в Московском университете с 1877 по 1887 г. кафедру государственного права и сравнительной истории права. Один из его слушателей оставил чрезвычайно живой рассказ о лекциях Ковалевского, хорошо рисующий его значение, как лектора. Студенты достаточно утомились от скучных «казенных» лекций Н. П. Боголепова и А. С. Алексеева.

«И вдруг — приятный отдых: на кафедре появляется Ковалевский. Его атлетическая, грузная фигура, неизменно облаченная в длинный черный сюртук, еще не уселась, как следует, и еще не раздался его великолепный, звучный голос, а уже вся аудитория, что называется, заходила ходуном. Оживились скучающие лица, и сотни глаз жадно устремились на любимого профессора»... «Его речь какой-то шумный, сверкающий каскад слов. Правда, она изобилует длинными периодами, быть может, несколько утомительными для непривычного слуха, но в ней бездна содержания: сколькими научными цитатами она всегда пересыпана, сколько в ней разных остроумных сопоставлений, красивых образов, метких сравнений, какое богатство фактического материала, свидетельствующего о колоссальной памяти и совершенно исключительной эрудиции говорящего! Иногда он отвлечется от главной своей темы и неожиданно сделает экскурсию в область современной русской жизни, например, расскажет какой-нибудь характерный эпизод из практики наших правительственных учреждений, да еще приправит свой рассказ тонким сарказмом, язвительной шуткой, которая заставит громко расхохотаться всю аудиторию. Тогда и он сам, бывало, не выдержит, и на кафедре вдруг раздается его заразительно-веселый, раскатистый смех с низовыми, басовыми нотами.

Ковалевский положительно был кумиром студенческой молодежи». М. М. Ковалевский был знаком лично чуть не со всеми светилами европейской науки, в том числе и с К. Марксом, которого

---

[1] Надо принять во внимание, что в оценке своих коллег М. Н. Покровский был большим «субъективистом».

чуть ли не ежедневно посещал во время своего двухлетнего пребывания в Лондоне, где работал в знаменитой библиотеке. К. Маркс называл его своим другом по науке. От всех своих знакомств Ковалевский позаимствовал что-нибудь и воззрения его отличались всеобъемлющим эклектизмом. Из приведенного выше рассказа об его лекции видно, что он не столько влиял на аудиторию выводами научной школы, сколько пробуждал интерес к истории.

В этом отношении его превосходил один только исключительный талант — В. О. Ключевский, занимавший после С. М. Соловьева (с 1879 г.) кафедру русской истории (М. Н. Покровский рассказывает, что С. М. Соловьев упорно не допускал Ключевского в Московский университет, завидуя его таланту.)

«Ключевский, — рассказывает Н. А. Рожков, — был совершенно исключительный лектор, обладавший тайной всецело покорять себе аудиторию — не только приковывать ее внимание к каждому своему слову, но и подчинять ее своей мысли, внушать слушателям даже то, что противоречило их убеждениям... Слушатель, очарованный талантом лектора, под обаянием его изложения неистово аплодировал тому, что слышал, и только на следующий день, хладнокровно разобравшись в деле, начинал понимать, что он приветствовал мысли, противоположные своим убеждениям».

Лекции Ключевского собирали всегда полную, самую большую аудиторию в университете, слушали его не только филологи, а и студенты других факультетов, интересующиеся общественными вопросами. Ключевский, как говорит М. Н. Покровский, зажег «интересом к русской истории тысячи молодых голов».

Но «гениальный истолкователь документов», схватывавший действительность «нутром», который «по нескольким строкам старой грамоты мог воскресить целую картину быта, по одному образчику восстановить целую систему отношений», не мог, — как говорит М. Н. Покровский, — научить других своему таланту; — «как он дошел до этого понимания, ему самому не было ясно».

Поэтому он не мог оставить школы. Лучшую характеристику самому себе дал в одной из своих лекций В. О. Ключевский, — и это только подчеркивает его талантливость:

«Вы должны, — говорил профессор, напутствуя своих слушателей на практическую работу, — вы должны прежде всего приняться работать с в о и м у м о м вместо пассивного усвоения плодов чужого ума. Эта работа должна направиться на проверку усвоенных вами чужих идей и внимательное изучение русской действительности. Поколение, которое воспитывалось под влиянием реформ Александра II, до боли чувствовало настоятельность разрешения той и другой задачи; но надо признаться, что это поколение, к которому принадлежит и говорящий, доселе плохо разрешало свои задачи, и, надо думать, сойдет с поприща, не разрешив их, но оно сойдет с уверенностью, что вы и те, которых вы будете воспитывать, разрешите их за нас».

Наиболее талантливые и знающие ученики Ключевского были марксисты, появившиеся в 1890-х г.г. в Московском университете приват-доценты М. Н. Покровский и Н. А. Рожков [1].

С ними не могли сколько-нибудь равняться молодые буржуазные ученые: А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский и В. И. Пичета.

С 1886—1895 г. состоял приват-доцентом Московского университета будущий лидер русской буржуазии П. Н. Милюков, один из основателей и первый председатель «Комиссии по организации домашнего чтения».

Как большой знаток первоисточников, известен московский профессор М. К. Любавский.

В 1900 годах самым выдающимся профессором по кафедре истории был широко образованный и талантливый Р. Ю. Виппер (приват-доцент с 1897 и профессор с 1899 г.). Р. Ю. Виппер по своим взглядам, особенно в период расцвета своей научной деятельности, был близок к историческому материализму. Не ограничиваясь университетской кафедрой, в 1890-х г.г. он прочел, как и Н. А. Рожков, ряд публичных лекций в аудитории Политехнического музея, которые оставили глубокий след в умах слушавших его революционных подростков. Характеристику его дал в БСЭ В. П. Волгин: «Талантливый лектор, прекрасный руководитель семинарских занятий, ученый с исключительно подвижным и восприимчивым умом и с чрезвычайно широкими интересами, Виппер во все время своей преподавательской деятельности группировал вокруг себя лучшие, наиболее живые и радикальные, элементы студенчества».

Если историческая кафедра Московского университета блещет разносторонними и незаурядными талантами, то кафедра философии поражает своею тусклостью и ретроградством.

Если не считать добросовестного, но бесцветного М. М. Троицкого, занимавшего кафедру философии в пореформенный период (ум. в 1899 г.), излагавшего слушателям философские и психологические теории английского эмпиризма, то нужно признать, что в Московском университете с 1870-х годов господствовала школа блестящего В. С. Соловьева, для которого средневековая догма:

---

[1] В конце 1890-х гг. Н. А. Рожков читал в Москве публичные лекции, которые привлекли к нему симпатии молодежи радикально-демократического и социалистического направления, которая признала его «своим». Влияние марксизма ясно сказывалось на лекциях Рожкова, но излагал он его крайне упрощенно: «Денежное хозяйство требует», — было его обычной фразой, — а потому-де произошло то-то и то-то: и движение декабристов, и реформы 60-х гг. и т. д. Один остроумец из московской организации гимназистов, прослушав лекции Н. А. Рожкова, сказал, что он «марксист без социализма и социалист без марксизма». В экономических положениях Рожкова было столько же от Листа, сколько от Маркса, и совсем не было диалектики.

философия — служанка богословия (ancilla theologiae) была конечным выводом из оригинальных и искрящихся неподдельным талантом глубокомысленных исследований.

Сам В. С. Соловьев очень короткое время был приват-доцентом Московского университета (с 1874 по 1877 г.), но под его влиянием находились профессора С. Н. Трубецкой (приват-доцент с 1888 г. и профессор с 1900 г.), Л. М. Лопатин, которого В. И. Ленин точно определил, как «философского черносотенца», и П. И. Новгородцев (с 1896 г. приват-доцент и с 1904 г. — профессор); последний занимал кафедру истории философии права. Их трудами философия была погублена в Московском университете.

Значение этой «философской школы» хорошо определил ученик Ключевского и Виноградова М. М. Богословский. В январе 1903 г. П. И. Новгородцев, в ресторане «Альпийская Роза», в течение двух вечеров излагал избранному обществу свое мировоззрение. 16 января 1903 г. М. М. Богословский писал находившемуся за границей П. Г. Виноградову:

«Я вынес такое впечатление, что этот «идеалистический критицизм» начинает Кантом, а кончит такой же православно-христианской догматикой и даже обрядностью, к какой пришел и духовный источник, от которого идут метафизики нашего университета, — Владимир Соловьев».

Из просветительной, вернее помрачительной, деятельности названной группы московских философов следует отметить организацию князем Трубецким и Новгородцевым студенческого «Историко-филологического общества», основанного в 1902 г.

К этим философам скатывался постепенно и единственный крупный ученый на московской кафедре философии (с 1886 г.) — Н. Я. Грот, который оживил основанное проф. Троицким в 1885 г. московское психологическое общество, заседания которого стали привлекать многочисленную публику, и с 1894 г. стал во главе единственного тогда философского журнала — «Вопросы философии и психологии», основанного в 1889 г.

В 1890—1891 г. состоял в Московском университете приват-доцентом по кафедре философии Г. И. Челпанов, возвратившийся профессором в Московский университет уже в 1900-х годах. Челпанов заявлял себя последователем Вундта, и, хотя очень далек от своего образца, все же может быть признан представителем европейской буржуазной науки на московской кафедре.

Кафедры литературы были заняты в Московском университете Н. И. Стороженко (проф. истории всеобщей литературы с 1872 г., председатель общества любителей российской словесности с 1894 г.); Алексеем Н. Веселовским (с 1881 г.) и А. И. Кирпичниковым (с 1890-х г.г.). Кирпичников и особенно Н. И. Стороженко своею отзывчивостью очень помогали самостоятельным занятиям студентов, охотно приходя им на помощь своими советами.

Специальные кафедры языкознания занимали Р. Ф. Брандт,

Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер и Ф. Ф. Фортунатов, — большие специалисты в своей области.

Условия науки в стране рабства и палачества, где бесправие и произвол возведены в систему, конечно, не благоприятствовали изучению права; поэтому научная его разработка в России начинается только с эпохи шестидесятых годов, когда на русскую почву были перенесены нормы европейского буржуазного права [1].

Ценный вклад в эту разработку внесли Б. Н. Чичерин, когда он не был уже профессором Московского университета, и петербургские профессора А. Д. Градовский и Н. М. Коркунов. Последний был учеником знаменитого немецкого юриста Рудольфа фон-Иеринга, основателя реалистической, социологической школы права, которая закон выводила из общества, а не общество из закона; дальше основных положений этой школы не пошло развитие буржуазного изучения права.

Представителями этого передового течения являлись в Московском университете профессора С. А. Муромцев (с 1875 г. доцент, с 1877 г. профессор) и Ю. С. Гамбаров (с 1884 г.).

Муромцев был блестящий лектор и очень ординарный ученый, Ю. С. Гамбаров был талантливый ученый и совершенно невозможный лектор (благодаря нервной болезни, он мучительно заикался). К этому надо добавить, что Муромцев в своей теории права отчасти пошел назад по сравнению с своим выдающимся учителем.

Несмотря на указанные недостатки, оба эти профессора, стоявшие на высоте европейской научной мысли, приносили большую пользу своим слушателям, а занятия у Ю. С. Гамбарова до известной степени подготавливали к усвоению того взгляда на право, которое вытекает из учения Маркса — Энгельса. Конечно, речь тут может итти только о тех учениках Ю. С. Гамбарова, которых влекло

---

[1] Первый юрист на кафедре Московского университета доктор прав Венского университета Филипп-Генрих Дильтей начал свою деятельность в Москве (1756 г.) речью с характерным заголовком: «О нужде и пользе права, перстом божеским во всех сердцах написанного», и обсуждал с учениками такие, например, вопросы: «Совесть есть или предыдущая, или последующая, или достоверная, или вероятная, или правая, или ложная, или сомнительная, или, напоследок, бесчувственная»... Схоластико-верноподданническая школа Дильтея заняла прочное положение в Московском университете, поскольку там допускались обобщения, а не только догматические толкования статей закона. Счастливым исключением является С. Е. Десницкий (пр. 1768—1787 г.), человек с широким общим образованием, ученик Адама Смита, начавший свою деятельность в эпоху флирта Екатерины II с Монтескье и Беккариа. «Полный науки и Англии» Десницкий ставил развитие права и форм государственной власти в зависимости от хозяйственной деятельности. Другие сколько-нибудь не казенного образа мыслей юристы, как, например, воспетый Пушкиным А. П. Куницын (пр. 1811—1820 гг.), подверглись остракизму, а учебники их подверглись изъятию.

к усвоению марксизма их классовое положение, так как Гамбаров был буржуазным ученым и без раздражения не мог в 1903 г. говорить об «Искре». «Ю. С. Гамбаров, преподававший гражданское право и гражданский процесс, — писал А. Э. Вормс, — останавливался преимущественно на историко-сравнительных экскурсиях и на уяснении связи важнейших институтов, как, например, собственности, с социальными условиями. К чисто догматической разработке действующего русского права он относился скорее отрицательно».

На «нежелательные» с точки зрения правительственных органов мысли слушателей Ю. С. Гамбарова наталкивали такие его положения: 1) изучать причинность явлений права нельзя иначе, как с помощью общей причинности всех общественных явлений, 2) закон, устанавливающий вперед свою неизменность, сам санкционировал бы этим свое будущее нарушение, 3) творцом права и единственной его гарантией является сила (по Иерингу) и т. д.

Это обстоятельство, как увидим ниже, было учтено русским правительством.

В 1900 гг. на смену Муромцеву и Гамбарову пришли две крупные силы: Ф. Ф. Кокошкин (приват-доцент с 1897 г. и профессор с 1907 г.) и Г. Ф. Шершеневич (профессор Казанского университета с 1895 г.). Ф. Ф. Кокошкин принадлежал к «формально-логической» школе талантливого ученика Р. ф-Иеринга — Еллинека.

Если Еллинек пошел назад по сравнению с своим знаменитым учителем, то напряженная классовая борьба, которая захватила Ф. Ф. Кокошкина, заставила последнего еще больше отступить на позицию формального права. Поэтому он имел большое значение для формирования взглядов кадетской части студенчества; демократическое студенчество, слушая его талантливые лекции, могло извлекать из них пользу только по «методу отрицания». Так как Ф. Ф. Кокошкин был ярким представителем своего класса, то к этому представлялась полная возможность.

Из других профессоров юридического цикла выделялись: М. В. Духовской, с 1885 г. приват-доцент, с 1892 г. — профессор Московского университета, арестованный в 1874 г. по подозрению в причастности к народнической пропаганде, видный общественный деятель, один из основателей Пречистенских курсов для рабочих; Н. В. Давыдов — председатель Московского окружного суда (с 1897 г.) и одновременно приват-доцент (с 1900 г.) и профессор (с 1903 г.) Московского университета по кафедре уголовного процесса; в 80-х годах несколько лет состоял пр.-доцентом Московского университета В. Ф. Дерюжинский (с 1886 г.) по кафедре полицейского права. В 900-х годах читали лекции: А. Э. Вормс 1906—1911 г.), знающий юрист, склонный к «догматическому, юридическому мышлению»; Н. Н. Полянский (с 1904 г.), интересовавшийся вопросами рабочего законодательства; Б. И. Сыромятников,

читавший курс истории права; М. Н. Гернет (с 1902 г.) — приват-доцент по кафедре уголовного права, находившийся до известной степени под влиянием школы марксизма [1].

На юридическом факультете была сильна так называвшаяся — «министерская» группа профессоров, или иначе «профессора-двадцатники», т. е. жившие интересами карьеры и двадцатого числа каждого месяца, когда чиновникам уплачивали жалованье. Признанным вождем этой группы был в 1880—1890-х годах будущий попечитель Московского учебного округа и «идеальный министр» Николая II — Н. П. Боголепов. «Он не поражал никого ни умом, ни талантами, — писал близко его знавший М. М. Ковалевский. — Его диссертации не выходили из числа заурядных, а вне их он ничего не писал кроме учебников». Боголепов читал, — по определению А. Э. Вормса, — «довольно элементарный курс, не отличавшийся к тому же живостью», римского права (с 1876 г.; с 1881 г. — профессор). Его правой рукой был сын крестьянина Н. А. Зверев, читавший курс истории и энциклопедии права, сделавший вместе с Боголеповым чиновничью карьеру вплоть до товарища министра и начальника главного управления по делам печати (1902—04 гг.). К «министерской» группе принадлежали: А. С. Алексеев (начал читать лекции в 1879 г., профессор с 1885 г.), читавший государственное право; В. М. Хвостов, профессор римского права с 1899 года, ставший профессором благодаря угодничеству перед Боголеповым; П. Э. Соколовский и др. Наиболее типичным представителем этой группы с других факультетов был ректор (с 1899 г.) Московского университета, профессор зоологии с 1888 г. — А. А. Тихомиров. Он сделал чиновничью карьеру и 1917 г. застал его попечителем Московского учебного округа. При советской власти ценился, как большой специалист по шелководству.

После ухода в отставку в 1874 г. любимого ученика Т. Н. Грановского историка И. К. Бабста, который волею судеб стал выдающимся профессором политической экономии, кафедру политической экономии и статистики занял А. И. Чупров.

И. К. Бабст (профессор 1857—1874 г.) был сторонником исторической школы В. Рошера; заслугой А. И. Чупрова было то, что в основу своих занятий он положил знакомство с классической школой. В открытом им (чуть ли не первом на юридическом факультете) семинарии по политической экономии занимались разбором воззрений Рикардо. Взгляды самого А. И. Чупрова были в достаточной степени расплывчаты. Так, например, он высоко ценил Маркса и им была установлена традиция, при обнаружении знакомства студента с 1 томом «Капитала», ставить ему зачет, не вдаваясь в дальнейшие изыскания его познаний.

---

[1] В 1911 г. в семинарии М. Н. Гернета работали преимущественно члены с.-д. фракции Московского университета.

В «Юридическом Вестнике» А. И. Чупров опубликовал написанную им биографию К. Маркса, что не только принесло пользу, но и требовало в то время (80-е гг.) известного гражданского мужества; имя Чернышевского, например, упоминать тогда совсем не позволялось. Конечно, о революционной сущности учения Маркса в биографии А. И. Чупрова если и говорилось, то очень в общих чертах [1]. Ближе всего взгляды А. И. Чупрова подходили к воззрениям школы Л. Брентано или «катедер»-социалистов», что дало повод прямолинейному Б. Н. Чичерину зачислить его в ряды «социал-демократов», а министру Николая II В. К. Плеве, бывшему директору департамента полиции, проявлять к А. И. Чупрову особое внимание и интерес. Во всяком случае деятельность А. И. Чупрова на кафедре Московского университета была, для того времени, явлением незаурядным. Надо прибавить к этому, что А. И. Чупров был поразительным лектором, мало уступавшим самому В. О. Ключевскому. Конечно, ничего общего с революционным марксизмом он не имел, и если не полемизировал так резко с К. Марксом, как это делал Л. Брентано, то только в силу неразвитости классовых отношений в России; но интерес к марксизму он пробуждал у своих многочисленных слушателей.

Полную противоположность А. И. Чупрову являл его преемник по кафедре. В 1901 г. Чупров оставил кафедру, главным образом в виду расстроенного здоровья, и уехал за границу, где и дожил свой век. Его заместил А. А. Мануилов, не обладавший ни талантами, ни широтою кругозора своего предшественника, в течение 10 лет монополизировавший преподавание политической экономии. В молодости, будучи студентом Одесского университета, А. А. Мануилов был причастен к кружку В. Н. Фигнер, был арестован, дал откровенные показания и принес раскаяние, в виду чего отделался гласным надзором. Это обстоятельство, повидимому, навсегда отбило у него охоту к рискованным шагам. В научном отношении он во всяком случае не выходил за рамки посредственности; его курс политической экономии — образец бездарной компиляции, а сделанный под его редакцией перевод «Современного капитализма» В. Зомбарта — верх безграмотности. Один экземпляр этого перевода, испещренный негодующими замечаниями и исправлениями на полях и между строк, сделанными И. И. Скворцовым-Степановым, находился в библиотеке Таганской тюрьмы в 1910 году. Читал свои лекции А. А. Мануилов крайне скучно и разве что мог внушить своим слушателям отвращение к политической экономии.

Новым духом повеяло только тогда, когда в Московском университете мог появиться, уже после революции 1905 г., И. М. Гольдштейн, который, благодаря своему еврейскому происхождению, был принужден до тех пор вести работу за границей. Гольд-

---

[1] Цитируя Маркса, А. И. Чупров упорно стремился доказать, что тот был мирным филистером, не признающим насилия.

штейн, яркий представитель буржуазного направления, принес в Московский университет новый метод работы в виде «семинария по политической экономии при юридическом факультете Московского университета». Уже к 1911 году учениками И. М. Гольдштейна было издано 4 работы и намечено к изданию 5. В том числе работы тогдашних студентов: З. Л. Каценеленбаума — «Мелиорации, мелиоративные товарищества и мелиоративный кредит в России» (427 стр.); Л. Б. Кафенгауза — «Синдикаты в русской железной промышленности» (268 стр.); Л. Н. Литошенко — «Снабжение Москвы и других больших городов молоком» (395 стр.); В. В. Шера — «История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве» (475 стр.). Подобный семинарий с шестью трудами слушательниц был организован И. М. Гольдштейном и на высших женских курсах. Как видим, этот профессор дал возможность своим слушателям, исповедывавшим самые различные взгляды, успешно самостоятельно работать над первоисточниками.

Кафедру финансового права до 1898 г. (с 1874 г. — доцент, с 1876 г. — профессор) занимал друг и единомышленник А. И. Чупрова И. И. Янжул. Связанный с министерскими кругами по своей службе фабричным инспектором, по личным отношениям с министром финансов Н. Х. Бунге и своими товарищами по университету Н. П. Боголеповым и В. К. Плеве, И. И. Янжул был совершенно лишен «увлечений» и «неосторожностей» А. И. Чупрова по части симпатий к «Капиталу» Маркса. Признавая существование различных «промышленных классов», И. И. Янжул «всегда думал и глубоко был убежден, что период классовой борьбы в значительной степени миновал и отжил свой век; во всяком случае уже кончается, если не кончился», и неустанно проповедывал «социальный мир». Представленный Янжулом в 1902 г. министру внутренних дел план реформ в рабочем законодательстве с целью предотвращения надвигавшейся тогда революции, во многом совпадает с планом Зубатова. Научные взгляды И. И. Янжула сложились под заметным влиянием исторической школы. Как профессор, Янжул всегда собирал многочисленную аудиторию и организовал в университете практические занятия по финансовому праву, которые усердно посещались. Обширные знания и связи, в связи с обнаруженным им благонамеренным направлением мысли, открыли И. И. Янжулу двери академии наук, членом которой он был избран в 1895 г.

После отъезда И. И. Янжула в 1898 г. в Петербург, кафедру финансового права наследовал его ученик И. Х. Озеров, которого учитель считал своим «достойным преемником». Являясь одним из идейных руководителей организованных Зубатовым легальных рабочих обществ, поклонник и бард промышленного капитализма, Озеров, уступавший своему учителю по глубине научных знаний, действительно продолжал его дело. Из молодых финансистов выделился П. П. Гензель.

С 1894 г. начал читать, в качестве приват-доцента, необязательный курс экономии сельского хозяйства, а с 1899 г. обязательный курс по статистике избранный в 1903 г. профессором Н. А. Каблуков, заведывавший статистическим отделением Московского губернского земства, — с громадным практическим опытом в своей области и с теоретическими познаниями. Главные труды Н. А. Каблукова изданы на немецком языке партийным издательством германской с.-д. партии. По своему направлению Н. А. Каблуков принадлежал к критикам Маркса народнического крыла, представленного Н-оном и Н. А. Карышевым.

Последний с 1888—1891 г. был приват-доцентом прикладной политической экономии в Московском университете. Недолгое время (в 1890-х г.г.) был приват-доцентом Московского университета известный «легальный марксист» С. Н. Булгаков. С 1898 по 1902 г. был приват-доцентом Московского университета В. Э. Ден. Еще в 1880 гг. сдал магистерский экзамен по политической экономии и статистике М. Я. Герценштейн. Однако, еврейское происхождение, несмотря на то, что Герценштейн был крещен и женат на русской, долгое время закрывало ему двери Московского университета. В 1903 г. он был допущен к преподавательской деятельности в Московском университете в качестве приват-доцента.

ГЛАВА V

ОБЩЕСТВЕННАЯ РОЛЬ ПРОФЕССОРОВ

Как видно из сделанного выше беглого обзора состава московской профессуры в пореформенный период, на всех факультетах Московского университета буржуазная наука к началу революционного периода нашла себе достаточное представительство. А вместе с тем с университетской кафедры неизбежно началась проповедь либеральных идей. Еще в 1873 г. оказавшаяся одновременно за границей группа молодых русских ученых съехалась в Гейдельберге и сговорилась, по возвращении в Россию, работать для достижения широких демократических реформ и конституционного образа правления. В гейдельбергском съезде участвовали А. С. Посников, Н. И. Зибер, а из москвичей А. И. Чупров и В. М. Соболевский. Правительство не замедлило принять свои меры против такого проникновения в учреждение, которое должно было готовить для него верноподданных чиновников, «превратных идей».

С 25 декабря 1861 г. пост министра народного просвещения занимал тайный советник статс-секретарь А. В. Головнин. При всей умеренности убеждений, этот царедворец несомненно был либеральным бюрократом. Из сохранившейся официальной переписки министерства народного просвещения с другими ведомствами видно, что А. В. Головнин был убежденным сторонником гласности и свободы для органов печати выступать с критикой действий и распоряжений властей и учреждений, какое бы высокое место они ни занимали. Приведу один пример. Несший в течение 32 лет обязанности непременного секретаря академии наук (с 1857 по 1890 г.) К. С. Веселовский, друг и покровитель И. И. Янжула, написал 19 ноября 1863 г. письмо Головнину по поводу критики порядков в академии со стороны журнала «Современник» и газеты «Голос», причем утверждал, что статья в журнале «отличается недобросовестностью и глумлением», а газета «с самого своего основания начала швырять грязью в академию», а потому считал возможным не отвечать на критику. Вот что писал в ответ Головнин. Признавая, что статьи некоторых журналов «отличаются недобросовестностью», министр заявлял: «министерство просвещения не стесняет свободы

ни одной газеты и ни от одной не требует, чтобы она сообразовывалась с видами и желаниями сего министерства, полагая, что полная независимость печатных органов всего полезнее для успехов просвещения»... «Печатное слово и в особенности периодическая пресса приобретают более и более влияния на наше общество, а это влияние обусловливает сочувствие общества к ученым учреждениям»... «Непременный секретарь академии обязан всеми мерами знакомить общество с учеными трудами и характером деятельности этого учреждения и с тем значением, которое оно имеет в ученом мире».

Такую же либеральную линию вело министерство народного просвещения и по отношению к студенческим организациям. 30 декабря 1863 г. министр внутренних дел П. А. Валуев препроводил в министерство народного просвещения «Проект правил студенческой кассы императорского Харьковского университета», подписанный четырьмя студентами, «бывшими распорядителями студенческой кассы», закрытой на основании устава 63 года.

Предлагая «принять меры к окончательному прекращению существования тамошней студенческой кассы, предоставив университетскому начальству имеющиеся в кассе деньги распределить или распределять по мере надобности между нуждающимися студентами», — министр внутренних дел добавлял: «Вместе с тем, имея в виду, что подобные ходатайства могут возникнуть со стороны студентов прочих университетов, я полагал бы воспользоваться настоящим вопросом, возбужденным харьковскими студентами, и воспретить теперь же образование студентских вспомогательных касс и в других университетских городах, а там, где они существуют, упразднить».

В своем ответе министр народного просвещения писал 10 января 1864 г: «На основании прежних уставов наших университетов, изданных в 1803, 1804, 1820 и 1835 годах, студенты подлежали надзору университетского начальства как в зданиях университета, так и вне их. Этими уставами не запрещались ни студенческие ассоциации, ни особенные студенческие библиотеки, читальни, вспомогательные и ссудные кассы и тому подобные учреждения. В высочайше утвержденных 21 февраля 1834 г. правилах для учащихся в Дерптском университете даже прямо выражено дозволение студентам соединяться в частные отдельные общества, имеющие целью умственные занятия и приятное препровождение времени. На этом основании во многих университетах существовали вспомогательные кассы, читальни и библиотеки, которые основывались с разрешения университетского начальства и находились под непосредственным его надзором». Новый устав 1863 г. «не имел в виду безусловного запрещения вспомогательных касс», но в то же время счел неудобным утруждать профессоров наблюдением за ними, совет же постановил не допускать учреждения вспомогательных касс в университете. Однако ничто не препятствует, чтобы кассы существовали

вне университета на основании общих законов и общих полицейских правил. «Если по существующим постановлениям учреждение таких касс дозволяется чиновникам, купцам и ремесленникам, то почему же оно должно быть безусловно запрещено студентам, которые не менее других в них нуждаются?».

Такой же политики держался А. В. Головнин и по отношению к профессорам. 18 января 1864 г. Валуев препроводил Головнину донос на профессора Шлейдена, в котором говорилось, что в сочинении указанного профессора проводится мысль о недостоверности библейской истории с ее ложью о сотворении мира, всемирном потопе и пр., чему «не верит большинство учителей, если они не глупые и не невежественные королевско-прусские семинаристы регулятивных школ», и т. д. Валуев указывал, что хотя книга Шлейдена и издана в Лейпциге, но автор занимает кафедру в Дерптском университете.

В защиту Шлейдена, «одной из европейских знаменитостей» в области физиологии растений, министерство народного просвещения составило пространную записку, в которой нас должно интересовать одно место. В записке сочувственно говорится: «Шлейден признает губительным для здравой умственной и научной жизни народов то явление, от которого мы и теперь еще не освободились, что представители старого и привычного в государстве, во имя безусловного авторитета этих кодексов, восставали против всякого другого религиозного убеждения, против всякого результата свободных научных изысканий не доводами и моральным влиянием, а грубою физическою силою, и «бессмысленному кулаку хотели предоставить решение на поприще мысли» (стр. 15—16), что государство вмешивалось в дела вовсе не входящие в область его обязанностей, обращая действия свои на верования, на нравственные убеждения, на науку: верование и нравственное убеждение каждого отдельного лица не имеет никакого отношения к задачам государства, а наука может развиваться только при предоставлении ей полной свободы в изысканиях».

Но назначенный министром в эпоху шатания власти под влиянием общественного возбуждения, вызванного студенческим движением 1861 г., когда еще не затихли угрозы крестьянского движения, либеральный бюрократ А. В. Головнин был заменен в 1866 г. графом Д. А. Толстым, которого так характеризовал Б. Н. Чичерин:

«Он был создан для того, чтобы служить орудием реакции: человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не видавший ничего, кроме петербургских сфер, ненавидящий всякое независимое движение, всякое явление свободы, при этом лишенный всех нравственных побуждений, лживый, алчный, злой, мстительный, коварный, готовый на все для достижения личных целей, а вместе доводящий раболепство и угодничество до тех крайних пределов, которые обыкновенно

нравятся царям, но во всех порядочных людях возбуждают омерзение».

Героическая борьба, нашедшая свое завершение в «Народной Воле», международные осложнения, приведшие к позорному финалу войны с турками за подчинение русскому цезаризму балканских народностей, финансовое расстройство — не дали гр. Толстому развернуть свои таланты в 70-е гг.

С 1882 г. он занял руководящий пост министра внутренних дел и шефа жандармов, присоединив к этим двум постам кресло президента Академии наук, и твердою рукою стал направлять внутреннюю политику в интересах дворянской диктатуры. На пост министра народного просвещения он посадил безвольного чиновника И. Д. Делянова, лучшую характеристику которому дал тот же Б. Н. Чичерин: «Это был клеврет, вполне подходящий к своему патрону. Маленький, толстенький старичок, с совиною армянскою физиономиею и мягкими, добродушными приемами, он умственно был полнейшее ничтожество, а нравственно совершеннейший подлец, холоп всякого, у кого была сила и власть. Сам он не имел никаких целей и видов, кроме желания держаться, и готов был на всякие пакости, чтобы угодить начальству. Будучи попечителем, он трусил перед студентами, когда они волновались; они заставляли его делать, что хотели, высказывая ему при этом полное презрение. Как товарищ министра, он был чистым лакеем Толстого и употреблялся им на всякие грязные дела.

Сделавшись впоследствии сам министром, он был таким же лакеем Каткова, который его посадил и держал его в руках... Мы Толстого и Делянова иначе не называли как Дон-Мерзавец и Донна-Ослабелла» [1].

Толстовско-Деляновский режим предлагал профессорам на выбор: или сделаться чиновниками министерства народного просвещения, или оставить кафедру. Приходится удивляться рвению, с каким преследовались всякие проявления свободомыслия; профессора, самые умеренные, но б у р ж у а з н о г о направления брались на учет и к ним применялись различные меры воздействия.

Старанием президента академии наук, в ней, по выражению К. А. Тимирязева, «блистали отсутствием» Менделеев, Сеченов, Столетов, Ценковский, не говоря о Ковалевском, Чупрове и других светилах цикла общественных наук, ближе затрагивающих святая святых министерства внутренних дел.

Неугодные профессора изгонялись из университетов. Делалось это при прямом содействии профессоров «министерской» партии. Первым подвергся разгрому университет в Одессе. «Новороссийский университет, — говорит историк, — был издавна гнездом профессоров-доносчиков».

---

[1] Персонажи из «Драмы обыденной жизни» А. К. Толстого «Любовь и Силин».

«Атмосфера, созданная там после 1881 г. реакционной частью профессуры, стала совершенно невыносимой, и в средине 1882 г. такие выдающиеся профессора, как И. И. Мечников, А. С. Посников и В. В. Преображенский вынуждены были покинуть Одессу». В 1884 г. Ю. С. Гамбаров перешел из Одессы экстраординарным профессором в Москву (С. Г. Сватиков. Опальная профессура 80-х гг. «Голос минувшего», 1917 г., № 2, стр. 16—18).

В начале 1886 г. уволен из Петербургского университета приват-доцент по истории России В. И. Семевский. В 1887 г. принужден был оставить кафедру О. Ф. Миллер за данную им характеристику идеолога дворянской диктатуры М. Н. Каткова.

8 апреля 1887 г. уволен профессор истории русского права Харьковского университета И. И. Дитятин. 25 июля 1884 г. уволен киевский профессор Ф. Г. Мищенко, бывший впоследствии (с 1895 г.) членом-корреспондентом академии наук.

В Московском университете подверглись репрессиям С. А. Муромцев и М. М. Ковалевский. Муромцев обратил на себя внимание в связи с беспорядками студентов 1881 г., возникшими из-за разногласий в среде студенчества по поводу возложения венка на гроб Александра II. С. А. Муромцев был тогда проректором и, как говорит С. Г. Сватиков (стр. 8), «довольно энергично» ликвидировал возникшие волнения... «Молва приписывала Муромцеву покровительство «крамольной» молодежи, а в среде студенчества были нападки на проявленную им строгость». Конечно, беспорядки были только предлогом. Муромцев был видным общественным деятелем, с 1880 г. состоял председателем Московского юридического общества, редактором (с 1879 г.) «Юридического Вестника», где царил «вольный дух». Уже в юридическом обществе, где затрагивались животрепещущие вопросы современной жизни и на заседания которого собиралась широкая публика, С. А. Муромцев стал выделяться, как лидер буржуазной оппозиции; в результате последовала резолюция от 25 июля 1884 г.: «Увольняется ординарный профессор Московского университета по кафедре римского права, доктор гражданского права Муромцев с 19 июля 1884 г.». До 1898 г. Муромцев не имел возможности возвратиться на кафедру.

Особенно интересный материал для суждения о направлении правительственной политики дают документы, связанные с изгнанием из Московского университета М. М. Ковалевского, опубликованные в цитированной работе С. Г. Сватикова.

«Дело началось с доносов на «конституционные идеи», проповедуемые Ковалевским с кафедры при изложении государственного права западно-европейских держав». Ковалевский, как видно из приведенных в предыдущей главе воспоминаний о его лекции, излагая государственный строй европейских держав, делал сопоставления с отечественной действительностью.

«При этом, — писал Делянов московскому попечителю графу П. А. Капнисту, — все это излагается с интонацией, которая вся-

кого молодого слушателя должна навести на нежелательные мысли».

Граф Капнист не любил осложнений и резких шагов и, как и в других случаях, пытался избежать их, сославшись на несомненные научные дарования Ковалевского. Делянов ответил ему классической фразой, которая может быть высечена на могильном камне царского самодержавия:

«Лучше иметь на кафедре преподавателя со средними способностями, чем особенно даровитого человека, который, однако, несмотря на свою ученость, действует на умы молодежи растлевающим образом». Вот смысл «философии всей» правительственной политики в университетском вопросе.

Какие требования предъявлялись к профессору при изложении основ русской государственности, прекрасно объяснило наемное перо известного литератора С. Ф. Шарапова. В № 33 от 6 декабря 1886 г. издаваемого им «Русского Дела» была напечатана анонимная статья: «Самодержавие по ученому. Из литографированных университетских лекций настоящего». Не указывая имени М. М. Ковалевского, автор излагал отрывки из его лекций и возмущался тем, что, по мнению «крамольного» профессора, русский государственный строй был лишь «стадией мирового развития государственности и в разные моменты существования России изменялся в прошлом, следовательно мог изменяться и в будущем». — «Читатель возмущен, — писал автор статьи в «Р. Деле», — и готов закричать: Да это — мистификация! Да разве можно подобную дичь читать с кафедры? Увы, читатель, эти цитаты слово в слово, буква в букву из литографированных университетских записок, по которым несчастные студенты учатся, сдают экзамены и даже проваливаются»... (С. Г. Сватиков, стр. 44, прим.).

Самодержавие незыблемо, извечно, институт, самим богом установленный для избранного града-господня, России, — эту средневековую формулу должна была повторять университетская кафедра. И Ковалевский был уволен 6 июня 1887 г.

В 1890-х годах правительственному остракизму подвергся другой историк П. Н. Милюков. Признанный вождь русской буржуазии XX столетия еще на студенческой скамье отличался умеренностью взглядов. Кн. Д. И. Шаховской рассказывает, что в 1880 г. Милюков стоял во главе либеральной части студентов «нового» университета, организуя оппозицию «лидерам радикальных медиков из «старого» университета». Сам Д. И. Шаховской, внук декабриста, воспитавшийся на «рассказах двух своих бабушек, молодевших в выражении своей ненависти к виновнику гибели дорогого им человека», после 1 марта 1881 г. «считал студенческую борьбу из-за своих маленьких прав несвоевременной в роковую годину народной жизни», и готов был бороться под лозунгом: «Да здравствует конституция!» — за что уже отсидел «веселую, бодрящую ночь» в Бутырках.

А П. Н. Милюков, тоже либерал, «поставивший на карту все свое блестящее будущее», решительно выступил с крыльца анатомического театра на дворе старого университета против внесения в движение политического элемента. И вот этот умереннейший либерал не избежал общей участи популярных буржуазных ученых. 18 февраля 1895 г. департамент полиции распорядился устранить Милюкова от педагогической деятельности, а 23-го выслал его из Москвы.

Нет поэтому ничего удивительного, что в 1896 г. был лишен кафедры склонившийся к реформистскому крылу социал-демократии Ф. Ф. Эрисман, а в 1899 г. изгнан из Московского университета Ю. С. Гамбаров.

Правительству нужны были исполнительные и натасканные в научном жаргоне чиновники, а вовсе не ученые исследователи, открывающие новые горизонты буржуазной науки.

Возмутительная история разыгралась с профессором А. И. Чупровым. В 1895 г. истек 25-летний срок службы Чупрова в Московском университете и министерство воспользовалось этим случаем, чтобы не пригласить его к продолжению чтения лекций. На заступничество за опального профессора со стороны его приятеля Янжула Делянов отозвался, что «Александр Иванович умница и добрейшей души человек, но ведет себя неосторожно: говорит больше, чем надо и с кем не следует», и посоветовал: «Знаете, ему не следует торопиться прошением о дальнейшем оставлении на службе; если вы с ним дружны, то передайте ему это: может выйти хуже».

Больше ничего конкретного не узнал Янжул, кроме указания, что «все дело в Москве», т. е. в Боголепове, попечителе Московского учебного округа. После настойчивой атаки Боголепова Янжулу удалось вырвать у того обещание: «Ну, что же, я ничего лично не скажу против Александра Ивановича. Передайте ему, что если он явится ко мне и заявит о более корректном на будущее и прямом образе действий (!!?), то я употреблю все старания удержать его в университете» (Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 г., вып. 2, СПБ., 1911, стр. 94—7).

Чупров к Боголепову отправился. О дальнейшем Янжул повествует туманно: «На расспросы мои после возвращения от попечителя, Чупров категорически заметил, что все окончилось-де благополучно: Боголепов обещал употребить все старания на продление его службы, но вероятно, как я мог заметить по разным признакам, объяснение это было не легко для бедного Александра Ивановича, почему я разумеется и не настаивал на расспрашивании». Было отчего волноваться Чупрову после унизительной сцены, устроенной ему Боголеповым. Вдова последнего рассказывает об инциденте, стараясь всеми правдами и неправдами обелить своего омерзительного спутника жизни, но и под ее пером картина получается достаточно выразительной. Вот как она описывает визит к попечи-

телю Чупрова (стр. 114). «С ним Боголепов вел продолжительную беседу, в которой сказал ему, что считает его ценным для университета преподавателем и готов хлопотать за него, если он даст ему слово честного человека в своих сношениях со студентами, на лекциях и в частной жизни, не возбуждать в них протестантского настроения и тем более желания действовать насилием». При этом Н. П. прибавил: «Легко понять, что можно совершенно неуловимо вливать в душу юноши это протестантское направление». Чтобы пояснить свою мысль, Боголепов привел ему в пример «Русские Ведомости», которые в своих статьях и корреспонденциях подсказывают, как надо низвергать существующий строй, и учат социалистическим и другим крайним воззрениям. Чупров на это ответил, что ему нет нужды давать слово, потому что и раньше он никогда не делал того, чего Н. П. опасается, и по принципу был всегда против пропаганды студентам крайних взглядов. Тем не менее в конце-концов он сказал: «Я не отрицаю, что мои убеждения либеральны, что я часто ходатайствовал за молодых людей, попадавшихся в политических делах. От того и другого я не могу отказаться и впредь, но я даю вам слово, что как прежде, так и впредь не буду возбуждать в студентах того направления, о котором вы говорите. Заручившись таким обещанием, Н. П. принялся хлопотать об оставлении Чупрова в должности профессора». Надо сказать, что не корыстные побуждения заставили Чупрова вынести эту унизительную сцену; к этому времени он был уже очень обеспеченным человеком, но он любил свою аудиторию, свои занятия. В зиму 1903—1904 г. он пробовал читать лекции в парижской «Высшей русской школе общественных наук», организованной его другом М. М. Ковалевским. Вид слушавшей его аудитории, которой он лишился на родине, так разволновал старого профессора, что он нервно заболел и принужден был прекратить чтение после первой блестящей лекции.

Или подчиниться, или выйти в отставку, — такую дилемму ставило перед профессорами правительство. Но оно не только приручало путем унижения или выгоняло профессоров, оно не допускало в профессорскую среду нежелательных и всовывало нужных для его целей кандидатов. Прежде всего двери запирались перед кандидатами «инородцами». О судьбе такого «инородца» М. Я. Герценштейна говорилось выше. Такую же судьбу испытал талантливый невропатолог Л. С. Минор, который в 1884 г. был принят в число приват-доцентов, а дальше ему не давали хода. Не попал в университет преподавателем сдавший магистерский экзамен по политической экономии Г. Б. Иоллос; как еврею, путь в университет ему был закрыт. Еврейское происхождение закрыло доступ к профессуре Б. Ф. Брандту, члену ученого комитета министерства финансов, автору капитальных трудов. Не имел доступа к университетскому преподаванию ученик Бредихина и Баклунда талантливый И. С. Абельман, который, будучи еще гимназистом, издал

сборник алгебраических задач. Эта мера распространялась на «инородцев» и не еврейского происхождения. Так, например, не был допущен к преподаванию в Московском университете известный историк А. К. Дживелегов, которому, по окончании курса (1897 г.), профессора предложили остаться при университете.

Еще обширнее была категория ученых, не допущенных к университетскому преподаванию «по неблагонадежности». К этой категории принадлежал, например, магистр уголовного права, известный криминалист Д. А. Дриль, избранный в 1884 г. штатным доцентом Московского университета, но недопущенный до чтения лекций.

Напихивая в университеты, вместо изгоняемых и недопущаемых, охранников Зверевых, погромщиков Кассо, доносчиков Хвостовых и угодливых чиновников, правительство обеспечивало им руководящую роль в университетской жизни путем бдительного надзора и нажима со стороны попечителя, ректора и чинов министерства внутренних дел. При этом, как видно из приведенной выше цитаты из записной книжки Н. П. Боголепова, администрация пыталась улавливать и «неуловимую» крамолу.

Умные представители дворянства понимали, какое большое значение для интересов тех или иных классов имеет система образования. Идеолог дворянства писал Александру II («Былое» № 4/26—1917 г. Вождь реакции 60—80 гг., стр 6—8): «Ваше величество в чувстве вашего священного призвания справедливо озабочены судьбою нашего учащегося юношества, в котором зреет будущее обновленной вами России. Это главный вопрос среди нынешних обстоятельств. Во всяком другом деле ошибки поправимы, но в вопросах народного просвещения они влекут к последствиям, гибельным для целых поколений». «Государство не может выпускать из своих рук дело народного образования, не только в переходное и смутное время, каково наше, но и во всякое»... «Если гимназии дают университетам слушателей, то университеты дают гимназиям учителей, — а также деятелей на всех поприщах государственной службы».

В интересах укрепления «бесчисленной армии чиновников», стоявших во главе аппарата, созданного для обеспечения диктатуры землевладельческой аристократии, с заменой там «полированных великосветских вандалов с безукоризненными манерами», которые направляли государственный корабль еще при Александре II,— «свитой адвокатов, профессоров и краснобаев» (Маркс и Энгельс, соч. т. VIII, стр. 946), — создавался тип профессора-чиновника, который умел бы охранять устои «государственности» и догмой римского права и кодексом Наполеона; теорией нео-виталистов и Кантом, помноженным на Владимира Соловьева.

Но к университету предъявлял свои требования не только правящий класс, а и новый класс — буржуазия, с которой самодержавие должно было считаться. Кроме дворянского здания на

Моховой, на Девичьем Поле в 1880—1890-х годах вырос целый клинический городок, здания которого, вместо «императорский», носили характерные названия «имени Морозовой», «имени М. А. Хлудова», «имени Базановой» и т. д. Там, где царское самодержавие действовало административным нажимом, буржуазия действовала рублем. Не приняв во внимание и этого фактора, нельзя понять общественной роли пореформенного профессора. Сращивание известной части профессуры с буржуазией на почве реальных интересов началось очень в давние времена. Еще И. К. Бабст (род. в 1824 г., умер в 1881 г.) с 1867 г. управлял московским купеческим банком, а в актовой речи в Казанском университете развивал либеральную программу (5 июня 1856 г.) и говорил между прочим:

«Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют гибельно на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала. Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того гибельного влияния на народное богатство, как деспотическое и произвольное управление... Против воров и разбойников есть управа, но что же делать с органами и служителями верховной власти, считающими свое место доходным производством?» Препятствием для процветания капитала является и существование привилегий, «которыми пользуются отдельные лица и сословия»[1].

«В числе учредителей... московского «Промышленного банка» мы встречаем и ординарного профессора минералогии и геодезии Г. Е. Щуровского, и профессора зоологии А. Богданова, и математика А. Давидова».

Даже такой в личной жизни не «от мира сего человек», как А. И. Чупров, был близко связан с тогдашней частной Рязанской дорогой. Как известно, и магистерская диссертация А. И. Чупрова, «Железнодорожное хозяйство», кроме теоретических положений обнаруживает непосредственное знакомство автора с практикой. Директором банка с 1865 г. был известный киевский профессор Н. Х. Бунге, с 1881 г. — министр финансов.

Нечего и говорить о профессорах позднейшей формации. И. Х.

---

[1] Речь И. К. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала» (изд. К. Солдатенкова и Н. Щепкина, М. 1857) — талантливый манифест нарождающегося в России промышленного капитализма — обратила на себя внимание еще «Современника». Г. В. Плеханов в «Наших разногласиях» (соч. т. II, стр. 200) использовал речь Бабста в полемике с Львом Тихомировым: «Что свободные учреждения составляют необходимое условие капитализма на известной стадии его развития, — писал Г. В. Плеханов, — это давно уже известно каждому как в «Европе», так и в России, где еще в пятидесятых годах раздавались голоса, требовавшие свободы ради успехов промышленности». (Цит. м. на стр. 26 и 32).

Озеров, например, прежде всего был коммерческий делец и только во вторую очередь — профессор. То же самое можно сказать о М. Я. Герценштейне, И. М. Гольдштейне и многих других московских профессорах. С ростом экономического значения крупной буржуазии и ее политических домогательств должно было расти и значение буржуазного крыла профессуры. До известной степени это и имело место.

Но несчастье русской буржуазии, как и немецкой, заключалось в том, что она пришла «слишком поздно». (Энгельс. Крестьянская война в Германии. Из-во «Пролетариат», СПБ, стр. 11—13.)

«Такова уже своеобразная особенность буржуазии, в отличие от всех прежних господствовавших классов: в ее развитии есть поворотный пункт, за которым всякий дальнейший рост ее могущества, и, следовательно, прежде всего рост капитала, ведет только к тому, что она становится все менее и менее способной к политической власти. «Позади крупной буржуазии стоит пролетариат». В той же мере, в которой буржуазия развивает свою индустрию, торговлю и средства сообщения, в той же мере она порождает пролетариат. Наступает известный момент — не везде одновременно или на одной и той же ступени развития, — когда она начинает замечать, что ее спутник — пролетариат начинает ее перерастать. С этого момента буржуазия теряет способность к исключительной политической власти: она начинает искать союзников, с которыми, смотря по обстоятельствам, делит свою власть, или которым совсем ее уступает»...

Такой переломный момент наступил для России в 80—90-х гг., когда русская буржуазия «искала союзников, предлагала себя за какую угодно цену, но... не подвинулась ни на шаг вперед. Эти союзники — все реакционеры. Мы здесь имеем и монархию с ее армией и бюрократией, и крупное феодальное дворянство, и даже попов».

Русская профессура дает тому разительный пример. Не даром В. И. Ленин писал (собр. соч., т. IV, стр. 134): «Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе».

Земные боги, восседавшие на профессорском Олимпе, обнаруживали полную беспомощность, когда им приходилось спускаться на землю. Это трагическое положение либеральной, буржуазной части профессуры хорошо изобразил в своих воспоминаниях о князе С. Н. Трубецком либерал Н. В. Давыдов. (Из прошлого. «Голос минувшего», 1917 г., № 1, стр. 25—26.) Студенческие беспорядки,— говорит он, — «вынудили профессорскую коллегию выступить наконец самостоятельно, не как правление, носящее характер обычного «начальства», а как коллегию, действительно, по самому своему

назначению, стоящую во главе университета, долженствующую поэтому управлять им и влиять на их судьбу, а не быть случайным, бесправным собранием лиц, читающих лекции студентам и получающих за это каждое 20-е число жалованье. Эта обязанность выпала на долю более прогрессивной части профессоров того времени, в числе которых был конечно и Трубецкой. Лозунгом его было «Университет для науки, а не для политики», но университет автономный, авторитетный в лице профессоров среди студенчества, обладающий Советом, самостоятельно и без вмешательства педелей и инспекции вершающий судьбы свои. Лозунг этот объединил большинство профессоров и выдвинул на первое место С. Н. [Трубецкого]. Вопросы университетской жизни, возможные способы успокоения студенческих волнений и прекращения такого ненормального явления, как забастовка высших учебных заведений, горячо обсуждались на совершенно частных собраниях профессоров, имевших место первоначально, до отъезда его за границу, у П. Г. Виноградова, а потом обыкновенно у А. Б. Фохта, и нередко потом отражались на постановлениях Совета. Кружок этот не имел в себе ничего формального,— это было просто собрание хорошо между собой знакомых и единомышленно настроенных лиц, а потому в нем не было официально председателя, но первенствующее значение имел именно Трубецкой».

Князь С. Н. Трубецкой был человеком с вполне определенными взглядами. Политическое свое credo он изложил в записке, представленной 28 ноября 1904 г. министру внутренних дел князю П. Д. Святополку-Мирскому и напечатанной в виде приложения к «Воспоминаниям и думам о пережитом» Д. Н. Шипова (Москва, изд-во М. и С. Сабашниковых, 1918 г.). «Сильная и авторитетная правительственная власть», «преданность престолу» «организованного общества» и совместная борьба трех сил: сильной власти, организованного общества и «престола» против революции, идущей из недр народа, — вот лейтмотив этой записки.

«Правильно организованное народное представительство», «правовой строй государственной жизни» и «политическая свобода», — это уступки, необходимые для спасения и укрепления «верховной власти».

Что эти мысли, изложенные в записке, не были дипломатическим ходом, а являлись подлинным выражением мировоззрения кн. Трубецкого, можно видеть по воспоминаниям В. Д. Набокова («Пять лет назад». «Русская мысль», 1910 г., ноябрь, стр. 197). Трубецкой и слышать не хотел об «обращении к народу».

И вот этот «консерватор», как он себя называл, монархист и глубоко верующий человек, философ реакционной школы, получил «первенствующее значение» в среде либеральных, передовых профессоров Московского университета.

Связанные по своему классовому положению с обуржуазившейся

частью дворянства, боясь всего «формального», принявшего организационные формы, не решаясь порвать с чиновничьей частью профессуры, либеральные профессора в своих действиях неизбежно отбрасывались в реакционный или, по крайней мере, контрреволюционный лагерь. Приведем наиболее яркие примеры, которые не войдут в следующую главу, посвященную студенческому движению.

В 1890 году произошло коллективное выступление московских профессоров в защиту профессора Захарьина. Григорий Антонович Захарьин (1829 — 1897) с 1862 г. профессор, впоследствии заслуженный, директор терапевтической клиники и почетный член академии наук, был создателем особой «Захарьинской школы» в медицине. Сущность этой школы обрисовал в своей речи один из учеников знаменитого профессора («Врач», 1895 г., № 3): «Что касается до отношений ваших к больным, то само собою разумеется, вы должны снискать себе их уважение. Этого вы можете достигнуть лишь тем, что будете дорого брать с больных. Требуйте от каждого больного 10 рублей, но никак не рубль, или несколько рублей, а то все оставят вас, как человека жадного к деньгам, за кого народ и без того принимает врачей. Если вы в денежных делах будете обходиться таким образом, то больные с уважением будут взирать на наши медицинские познания». В приемной самого Захарьина «было вывешено объявление с указанием платы в такие-то дни 50 р., а в такие 100» («Русская Старина», 1913 г., май, стр. 283).

Занявшись стяжательством при помощи шарлатанства, которое художественно изображено в романе В. И. Немировича-Данченко «Сластеновские миллионы», Захарьин забросил клинику, предоставив ее своим ординаторам, которых звали «Захарьинскими молодцами», в параллель с «охотнорядскими молодцами». Об их подвигах сообщал в свое время студенческий «Союзный Совет». За недостатком места, приведем только отзыв такого расположенного к Захарьину деятеля, как Н. П. Боголепов. И последний должен был признать: «Он действительно ведет дело в своей клинике небрежно: с больными не занимается, а ординаторов выбирает из людей, способных унижаться и выносить его капризы». (Записки, стр. 119). Но главное, — Захарьин выпускал из своей школы сотни врачей — мошенников и грабителей. Вот эта сторона деятельности опустившегося и продавшегося Мамоне талантливого профессора вызвала борьбу с ним радикальных студентов и их отцов — врачей-общественников, как, например, Д. Н. Жбанкова. Разоблачения деятельности Захарьина вызвали переполох в осином гнезде жрецов науки, которые поспешили на защиту коллеги («Врач», 1897 г., № 4):

«Сочувствие появилось в... «Московских Ведомостях» в виде открытого письма, подписанного 22 профессорами и 7 прозекторами московского медицинского факультета. Вот это письмо:

«Многоуважаемый Григорий Антонович! В последнее время в печати появились неблаговидные попытки, имеющие целью набро-

сить тень на ваше имя, умалить значение ваших заслуг, как врача и преподавателя. Откуда бы ни исходили такие попытки, они не могут, конечно, изменить и поколебать вашу плодотворную сорокалетнюю деятельность; но они, все-таки, отчасти могут нарушить покой, необходимый при ваших напряженных и трудных занятиях. Понимая это и высоко ценя вашу выдающуюся деятельность, мы, нижеподписавшиеся, считаем потребностью высказаться... Мы просим вас, Григорий Антонович, верить, что ближайшие ваши товарищи, сослуживцы и вместе с тем некоторые из них бывшие ваши ученики всегда признавали ваши заслуги и ценили вас, как талантливого, энергичного и плодотворного деятеля-врача. Примите же, Григорий Антонович, это заявление, как знак нашего глубочайшего уважения и искренней нашей признательности к вам. З. о. п.[1] Н. Тольский, з. о. п. А. Бабухин, з. о. п. И. Новацкий, з. о. п. И. Клейн, э. о. п. А. Остроумов, э. о. п. В. Снегирев, о. п. Булыгинский, о. п. Ф. Шереметевский, прозектор п. д. Мороховец, о. п. Д. Зернов, прозектор А. Губарев, прозектор И. Огнев, э. о. п. Вл. Тихомиров, э. о. п. Ельцинский, з. о. п. Браун, э. о. п. Кузьмин, о. п. М. Черинов, э. о. п. Ф. Синицын, э. о. п-ра В. Богословский, А. Маклаков, прозектор Г. Дурдуфи, э. о. п. Алек. Фохт, э. о. п. В. Шервинский, о. п. И. Нейдинг, о. п. А. Кожевников, э. о. п. А. Поспелов, з. п. Н. Мансуров, прозектор М. Никифоров, прозектор Белин».

...Это открытое письмо к проф. Захарьину отказались подписать 7 лиц, а именно профессора А. А. Бобров, А. М. Макеев, К. М. Павлинов, Н. В. Склифасовский, Ф. Ф. Эрисман и прозектора С. Ф. Бубнов и П. И. Дьяконов. («Эти лица», как сообщает «Мед. Обзор». (1890, № 22, стр. 960), «были по поводу этого отказа горячо приветствованы вслед затем многочисленными слушателями их»).

Второй пример касается не одного медицинского факультета, а всего коллектива московской профессуры. После открытого письма Захарьину прошло 11 лет. «Студенческое волнение превратилось в крупное политическое движение, встретившееся с революционным волнением русского рабочего сословия». И правительство «призвало помочь» ему профессоров, которые и раньше покорно предлагали свои услуги, но встречали холодный прием.

Плодом работы профессорского коллектива явились доклады комиссии московских профессоров «для выяснения причин студенческих волнений и мер к упорядочению университетской жизни», где есть и исторический очерк, написанный В. О. Ключевским, и мнения студентов и профессоров, и заключение комиссии. Приводим содержание докладов по статье в одном студенческом издании («Нашим товарищам»).

---

[1] З. о. п. — заслуженный ординарный профессор; э. о. п. — экстраординарный профессор; о. п. — ординарный профессор; з. п. — заслуженный профессор.

Вот содержание доклада:

«Волнения, — явление обычное в русских университетах, — говорят профессора, — но до 1887 г. они вызывались случайными причинами, а затем они постоянно и периодически повторяются, следовательно, есть постоянные причины, которые их вызывают. Этих причин две, и они становятся ясными уже из краткого исторического очерка волнений в университетах: это, во-первых то, что «непомерно» развившееся «в настоящее время» стремление студентов организоваться не находит законного выхода, и, во-вторых,— невозможность со стороны профессоров нравственно воздействовать на увлекающуюся молодежь в сторону «благоразумия».

«Принимая в соображение главным образом эти две «главнейшие» причины беспорядков, и нужно направить свою тактику к их устранению.

«До сих пор меры применялись репрессивные, нашедшие себе завершение в известных «Временных правилах» [об отдаче провинившихся студентов в солдаты]. Практика показала, что эти меры только разжигают студентов, следовательно нужно избрать другой путь. И вот профессора, призванные «помочь правительству» и твердо это памятуя, приходят к такому заключению: «Исцеление не в репрессивных мерах, а в «преобразованиях»*, и поясняют далее: «т. е. в устранении позднейших наростов*, которые мешают нормальному течению жизни, в возвращении к истинным университетским традициям»*. Что это за традиции, в докладе ясно не сказано, но догадаться не трудно [1].

«Затем следуют практические меры, к осуществлению которых приглашают правительство.

«Во-первых, надо дать студентам организацию.

«Во-вторых, дать возможность профессорам оказывать умиротворяющее действие на студентов...

«Всего сказанного слишком мало, чтобы заполнить 46 больших страниц доклада. Остальное место занято доказательствами, что введение такой коренной реформы, и с первого взгляда — вольнодумной, а, следовательно, опасной, не может повредить правительству, а только принесет ему пользу. Как же может не повредить организация, когда ею в значительной мере ведутся беспорядки, которые требуется устранить?

«Надо, видите ли, дать организацию, да не ту.

«В настоящее время в организации участвует только «агрессивный элемент», — «горячие головы», которые «легкомысленно» поддаются «влиянию извне» и впутываются в «разные крайне вредные и ложные учения...» «В силу необходимости» — организации неле-

---

* Курсив подлинника.

[1] Автор ссылается на приведенные выше слова П. Г. Виноградова: «Было время и не так еще давно, когда сравнительно немногочисленная культурная среда» и т. д.

гальные ускользают от надзора и центральный орган [этих организаций] опасен именно вследствие этого характера организаций.

«Надо смотреть на беспорядки спокойнее и равнодушнее, — говорят профессора, — и выставить в противовес [агрессивным элементам] всегда до сих пор пассивное большинство, сильное своею численностью» [1]. Это большинство будет, конечно, парализовать действия меньшинства. Затем, надо, разрешив организации, наполнить их соответствующим содержанием. Надо предписать и строго смотреть, чтобы организации не обсуждали тех вопросов, которые так интересуют их членов, а занялись [2]: 1) взаимопомощью, 2) усмирением беспокойных товарищей, 3) разрабатывали научные (!) вопросы, 4) занялись спортом во всех видах.

«Дальше еще одно предупредительное замечание: надо ввести «курсовые организации и представительную систему как противовес сходкам общим и вредным...»

«Но министерство [Боголепов] писало [3]: «Как бы ни были студенты организованы по курсам, как бы точно ни была определена деятельность их организаций, в действительности эти организации всегда рискуют выйти из рамок тех вопросов, которые им разрешены».

«На это профессора делают возражение, которое переносит нас уже в область второго пункта их просьбы.

«Допущение студенческих организаций косвенно наводит на необходимость профессорской коллегии»; «дело в том, чтобы придать как можно более веса стороне закона и порядка, и в этом отношении сплочения, самоуправляющаяся университетская корпорация будет силой, способной оказывать нравственное влияние на студентов и защищать порядок». И опять предупредительное заявление: профессора не просят непременно «восстановления прежней автономии Совета, а в крайнем случае удовлетворятся специальной организацией для этой цели (!) установленной»; и во всяком случае правительству нечего бояться, что профессора не сумеют справиться с новой ролью охранителей порядка и законности: «коллегиальное самоуправление вызовет более точное исполнение закона и сознание ответственности». И опять новое предупреждение: надо «вводить организации в пределах возможности, постепенно и с должной осмотрительностью».

Таково содержание пресловутого доклада московских профес-

---

[1] Впервые, этими именно словами, блестящая мысль была высказана в появившемся в 1899 г. письме десяти московских профессоров, принадлежавших к fine fleur'y либерализма; их имена: 1. Н. А. Умов, 2. К. А. Тимирязев, 3. А. И. Чупров, 4. И. М. Сеченов, 5. Ф. Ф. Фортунатов, 6. А. Н. Шварц, 7. В. И. Вернадский, 8. Н. И. Стороженко, 9. П. Г. Виноградов, 10. Н. Д. Зелинский. За год до этого ту же мысль высказал С. В. Зубатов в применении к рабочему вопросу, а в 1901 г. и непосредственно к студенческому движению.

[2] Переведено с профессорского на общедоступный язык.

[3] Журнал министерства народного просвещения, июль 1901 г.

соров. Кто писал его? Автором исторической части являлся В. О. Ключевский. Председателем комиссии был Д. Н. Зернов, а членами В. И. Герье, П. Г. Виноградов, Н. А. Умов, К. А. Андреев, В. К. Цераский, граф Л. А. Камаровский, И. Т. Тарасов, М. В. Духовской, А. Б. Фохт, А. А. Бобров, В. О. Ключевский.

На трех министерских чиновников и одного В. И. Герье — девять апостолов либерализма. И все же дух послушных и исполнительных чиновников продиктовал положения доклада.

Талантливый Владимир Соловьев написал однажды (Три разговора, изд. 2, стр. 271): «Для одних людей понимать истину, значит на деле принимать ее, другие остаются к ней равнодушными, третьих она ожесточает... Все смелее выступают люди, которые не только видят истину, но и ненавидят ее. Они ненавидят истину за то, что она обязывает их к действиям, которых они не хотят».

Русская буржуазия и ее идеологи «не хотели» и не могли хотеть революции и потому им волей-неволей приходилось фальсифицировать действительность. Так они упорно не хотели признавать политического характера студенческого движения в целях перевода его в желательное для них русло. В своих докладах они утверждали, что сами студенты «горячо восстают против подобных обвинений — инсинуаций». Это вполне понятно. Признание политической окраски студенческого движения разбивало все хитроумные построения доклада, направленные к тому, чтобы убедить власть и побудить ее пойти профессорам навстречу, и сводящиеся к известной либеральной формуле: дайте нам конституцию или они будут стрелять... при чем давалась гарантия, что при профессорской конституции студенты бунтовать не будут. Студенты бунтуют потому, что «к нашей молодежи ленивой и легкомысленной применяются порядки академической свободы (напечатано в докладах). Очевидно, профессора надеялись своими силами решительно скрутить радикальную часть студентов. Это им и удалось в 1908—1909 годах.

На почве этой боязни революции, чтобы оправдать свои действия, русский либерализм выступил с особой теорией, наиболее ясно формулированной народническим литератором «В. В.» (В. П. Воронцовым).

На стр. 81 и 107—108 своей книги «Наши направления» (СПБ, 1893 г.) В. П. Воронцов построил целую теорию об особенностях исторического развития России, которая черным по белому доказывала, во-первых, то, что русское самодержавное правительство должно пойти навстречу «интеллигенции» и, во-вторых, что единственная реальная задача интеллигенции—это убедить власть пойти ей навстречу. «Именно таким образом они поступили с наукой»,— говорит В. В. на стр. 80. — Главнейшим насадителем ее на русской почве сделалось правительство».

«Если бы власть была представителем привилегированных клас-

сов, — сказано на следующей странице, — выросла из последних и в них почерпала свою силу, в таком случае критика сословных привилегий была бы небезопасна и для правительства. Но так как последнее возникло в России самостоятельно, привилегированные классы были созданы и поддерживаемы властью, как ее орудие, имели силу и значение лишь настолько, насколько это допускалось правительством и, — не играя самостоятельной, необходимой для страны, экономической или политической роли, — могли лишиться привилегированного положения по одному мановению руки последнего, то очевидно, что критика общественных форм, направлявшаяся главным образом на привилегии дворянского сословия и распространявшаяся по преимуществу в среде этого же класса, могла быть только полезна власти, указывая черты организации, выгодные одному слою, но вредные для страны и государства, разъясняя устарелость существующих форм и необходимость замены их новыми, лучше удовлетворяющими целям, преследуемым правительством, как представителем бессословной государственной идеи». Таким образом правительству ничто не мешает прислушиваться к голосу интеллигенции. Что касается последней, то «главная сила интеллигенции, как показывает и буквальный смысл самого слова, заключается в ее критической мысли, в идеях, вырабатываемых ею, в знании, источником которого она служит. Важнейшая ее функция, поэтому, заключается в просветительном влиянии на общество и в руководстве последним в случаях проявления общественной самодеятельности. Она — учитель, офицер; сила умственная и нравственная, но не физическая. Она не может сама доставить победу ни одному конкретному положению; таковое осуществляется в жизни, если за него станет действительная общественная сила, источники которой кроются, как известно, в массе и богатстве».

Так и было в Западной Европе, где «передовые идеи» осуществлялись когда за ними шли или привилегированные классы, или народ. В силу указанных причин в нашей стране интеллигенция была бы бессильна, «даже если бы на ее стороне были все привилегированные классы», ибо богатством своим они обязаны государству. «Тем более она бессильна, когда выставляет практические требования, имеющие в виду интересы народной массы, чуждые привилегированным слоям. При настоящих условиях она здесь будет иметь успех, лишь насколько заинтересует в этих требованиях государство[1], и оценка текущих вопросов

[1] «По Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка» который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим». В. И. Ленин. Соб. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 301.

общественной жизни с точки зрения общей, государственной пользы, действительно, всегда составляла одну из главных задач интеллигенции. Но для выполнения названной функции нет надобности в затрате всех наличных сил интеллигенции, для этого достаточно деятельности печати».

Итак, печать, указывающая правительству на темные стороны жизни и объясняющая правительству, что оно должно делать, чтобы осуществить общие, государственные задачи, — вот что выведет Россию на новую дорогу; участие в практической деятельности, «требующей участия общественных, а не исключительно умственных сил», — это бесплодная растрата драгоценных сил, — назначение которых — «бороться с неустройствами жизни не путем физического насилия, а интеллектуальным влиянием мысли, вооруженной знанием».

Вот какое сложное идеологическое выражение нашло то простое обстоятельство, что русская буржуазия «пришла слишком поздно», или иначе, что русская буржуазия стала к началу первой революции силой контр-революционной.

Не зная «формулы прогресса» В. В., не понимая общественных отношений, которые за ней скрываются, нельзя понять такого, например, факта, что «Вестник Европы» в своем внутреннем обозрении или «Русские Ведомости» в своих передовицах десятки лет с настойчивостью и упорством доказывали самодержавному правительству, что оно должно сделать то-то и то-то, несмотря на то, что правительство в ответ делало одни «предостережения» и накладывало кары. Таких кар на «Русские Ведомости» за 50 лет наложено было 81.

Или как понять такую тираду известного профессора П. Г. Виноградова, исходившего из казенной формулы:

«Правильное устройство народного образования составляло всегда (sic!) одну из главных забот русских государей»...

«Ясное сознание и твердая воля Петра, Екатерины, Александра II и других самодержцев прокладывали новые пути обществу, даже когда оно не понимало своих истинных нужд. В умах государей и наиболее славных их сподвижников при этом никогда не возникало опасение, что они своей просветительной работой подкапывают почву под собственными ногами: они чувствовали свою силу и видели ясно, что их путь к величию лежит там же, где идет путь страны, — к свету и самодеятельности. Поэтому университеты, как рассадники просвещения, имели в государях своих основателей и главных покровителей».

Эта тирада становится понятной, если принять во внимание, что, согласно «формуле прогресса» В. В., она обращалась к верховной власти, которую нужно было убедить примером «незабвенных родителей» и традициями романовского дома встать на путь содействия просвещению. А что почтенный профессор погрешал против так хорошо известных ему исторических фактов, — то, ведь, он

знал, что «Ника-Милуша», как либералы звали Никалая II, ничего не читал кроме французских романов и черносотенного «Гражданина», да и был «разумом не бодр».

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман.

П. Г. Виноградов шел дальше. Он указывал, что если есть помехи неусыпным заботам русских государей, то они вызываются главным образом «низменным уровнем и в большинстве превратными мнениями нашей интеллигенции». «Университет явится козлом отпущения за грехи всей нашей интеллигенции, за прискорбные инциденты нашего духовного роста». Этими «прискорбными инцидентами» было появление «радикальных взглядов» с последствиями.

«Передовой класс общества стал дифференцироваться, среди него появились увлекающиеся, непримиримые, для которых университетский строй казался слишком тесным, слишком п р и в о л ь н о о р г а н и з о в а н н ы м, слишком связанным с отвлеченной наукой. В самой университетской молодежи, вследствие вполне естественных свойств в о з р а с т а и т е м п е р а м е н т а, эти течения нашли известную почву для деятельности. При этом в пылу споров и столкновений для многих затемнялось первенствующее значение университета, как организованной общественной силы, как проводника знаний и образованности, а временные интересы партий и рискованные соображения п о л и т и ч е с к о й и г р ы выдвинулись на первый план».

В переводе на более понятный язык это означает следующее: Мы — либеральные профессора, квинтэссенция университета, мы только просвещаем власть; прискорбные инциденты — это плод деятельности посторонней силы, «людей непричастных к науке», которых по глупости, неразумию и буйному темпераменту слушает молодежь, так как мы лишены возможности коллективно оказывать противодействие. Убеждать власть и бороться с социал-демократами, этому учил и сам В. В. (стр. 112, 118, 122).

ГЛАВА VI

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

История пореферменного университета переплетается с историей студенческих волнений и неотделима от них, как последние неотделимы от борьбы классов в пореформенной России.

Поэтому, чтобы написать историю студенческого движения, необходимо поставить его в связь с изменениями экономической структуры пореформенного общества и последовавшими за реформами классовыми сдвигами; знать эволюцию политических направлений в стране и историю революционного движения.

Но главная трудность заключается не в этом. Буржуазные историки движения, — в силу тех причин, которые указаны в предыдущей главе и которые заставляли московских профессоров упорно закрывать глаза на политический, классовый характер наблюдавшихся ими движений, — так талантливо фальсифицировали действительность, что их взгляды проникли и укрепились в марксистской литературе. Популярностью в этой литературе пользуется известная «триада», крестным отцом, если не творцом которой является московский студент, член социал-демократической фракции Московского университете с 1906 г. Рафаил Ильич Выдрин, книжка которого «Основные моменты студенческого движения», снабженная предисловием В. М. Фриче, появилась в 1908 г.

Говоря, что «академизм соответствовал так называемому «экономизму», господствовавшему (?!) на заре рабочего движения» (стр. 38), Выдрин сам воспринял идеи «экономизма» и к студенческому движению применил «теорию стадий».

«Нужен был опыт академического движения, — писал он (стр. 40), — чтобы студенчество пришло к сознанию необходимости политической борьбы и к сознанию той роли, которую история предназначала играть в революции пролетариату. Академизм уже прошел две стадии. Из стихийного движения стал организованным. Лойяльный академизм уступит место боевому академизму».

Третьей стадией является политическая борьба.

В действительности все три эти направления: «лойяльный академизм», «боевой академизм» и «политика» — не что иное, как отражение и выражение идеологии трех классов, представленных в студенческом движении: либеральной буржуазии, мелкой бур-

жуазии и пролетариата. И надо быть очень своеобразным «марксистом», чтобы воображать, что опыт буржуазии в своем развитии приводит ее на точку зрения пролетариата, или мелкой буржуазии.

В «Бюллетене № 1» (1902 г.) сторонники «чистого» или «лойяльного», как его называет Р. И. Выдрин, академизма, исходя из положения «университет для науки, а не для политики», так определяли свои задачи: «наша цель — борьба академическими средствами, на академической почве, за университетскую свободу, как средство к осуществлению культурно-просветительной роли университета». Не трудно убедиться, что начиная с К. Д. Кавелина (Записка о беспорядках в СПБ. ун-те, соч. т. II, стр. 1192—1206) и до С. Н. Трубецкого с преемниками либеральная профессура неустанно твердила то же самое.

«Сторонники «Боевого академизма» справедливо указывали на «фальшь» такой программы, т. к. объективно она призывает не к «борьбе» за академическую свободу, а к «спячке на ее почве» (прокламация группы «Протест»). «Итак, — писала эта лево-народническая группа, — желают создать законную организацию, чтобы при ее помощи бороться. С кем же? — С нарушителями этого закона, т. е. со студентами, так как закон, выражаемый в Университетском Уставе, всегда и вызывает студенческое волнение». Исходя из верного положения, что университетский строй лишь отголосок общерусского бесправия, «боевой академизм», отражая положение мелкого товаропроизводителя, не решался порвать ни с академической почвой, ни с надеждами на уступки сверху».

«Красивая и широкая концепция студенчества — носителя высоких идеалов интеллигенции — заканчивалась куцым положением: так как университетский режим является частичным проявлением общего режима, то студенты должны бороться против общего режима, борясь против университетского режима. В результате получилось поразительное крохоборство и убожество мысли» (Н. И. Иорданский. «Былое» 1907 г., № 9, стр. 88).

Наиболее яркое выражение взгляды «боевого академизма» (или «радикализма», как называют его Энгель и Горохов) нашли в «Манифесте» группы сосланных в Сибирь студентов. «Правительство должно уступить так или иначе, — читаем там («Сибириада», стр. 52); — кто не подчиняется исторической необходимости, тот стирается ею с лица земли. Необходимо дать ему это понять самым решительным образом. Неумирающее студенческое движение — одно из могучих средств для этого».

Такие декларации вызвали резкую отповедь «политиков», категорически отказавшихся подписаться под присланным им «Манифестом». Все это были будущие работники московской организации большевиков, во главе с Б. П. Позерном, мотивированный отказ которого напечатан в «Сибириаде» («Ответ из N... (Ачинска), стр. 61—64).

«Наша цель — именно стереть с лица земли это правительство, —

писал один из протестантов, — т. е. способствовать росту силы, которая способна это сделать... На эту силу, а не на правительство «нужно оказать давление» (в данном случае вести пропаганду и агитировать). Но это не все. Наша цель не только разрушительная». ...«Так что, видите, мы не чистокровные политики, как г-да земцы, их предводитель [П. Б. Струве. В. И. О.], студенты демонстранты и К-о» («Сибириада», стр. 77).

«Всякие уступки, мелкие и крупные, возможны со стороны правительства, только если его вынудят к этому силой, — писал другой, стоявший во главе «политической» группы, студент (листовка «Чему учат современные события», стр. 8), — а сила студенческого движения в союзе с оппозиционным потоком, с рабочим классом, уже сознавшим свою миссию, — борьбу за права человека, за «политическую свободу».

«В университетской реформе мы видим не цель, а лишь прозрачный стимул для слабых» («Положения» того же автора. Сб. «Нашим товарищам», стр. 97, ср. «Манифест» кассы взаимопомощи студентов СПБ. университета).

Только слепой может не видеть, отражением интересов каких классов были «лойяльный академизм» (либерализм), «боевой академизм» («радикализм») и «политика» (последовательный демократизм).

Придя в столкновение с действительностью, вместо того, чтобы ее признать и объяснить, Выдрин начинает с ней полемизировать. Требуя, как и «экономисты», постепенности в развертывании своей программы («тактика — процесс»), Выдрин в своей брошюре выступил с крайне неудачной критикой взглядов народовольцев. Деятели «Народной Воли», — партии, представлявшей высшую точку, до которой могла дойти революционная мысль левого крыла мелкой буржуазии, — исходили из вполне правильного положения, что «неустройство университетского быта, неустройство студенческой жизни вообще являются неизбежным результатом более глубоких причин, чем воля и усмотрение университетского начальства и даже министерства народного просвещения» (воззвание от 15/XI 1881 г.). Поэтому они «высказывались решительно против студенческих волнений — «минутных увлечений», которым авторы листка (от 18 января 1882 г.) рекомендовали «не поддаваться»; они приглашали студентов «оставить мелкую борьбу с врагом на почве кастовых, студенческих интересов» (воззвание от февраля 1884 г.). Они «напоминали» студентам, что «протест со стороны студенчества только тогда может быть плодотворен, когда он примет характер оппозиции всему русскому политическому строю» (В. Я. Богучарский. Партия «Народной Воли». К-во «Русская Мысль», М., 1912, стр. 173—176) [1].

---

[1] Текст прокламаций напечатан В. Богучарским во 2 выпуске «Литературы партии Народной Воли», стр. 310—311, 311—312 и 332—335. Изд. Парамоновой 1907 г.

Исходя из своей «теории стадий», Выдрин обрушивается на приведенные выше взгляды: «С презрением отвергая кастовые интересы студенчества, — писал он [стр. 29], — «Народная Воля» забывает, что только на почве защиты этих кастовых интересов могло сложиться то студенческое движение, которое, по их мнению, должно превратиться в борьбу интеллигенции с правительством».

Не трудно убедиться, что взгляды Выдрина не что иное, как обусловленные средой вариации на избитые темы «экономистов»: «Экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу»... Рабочим кружкам вообще (sic!) недоступны политические задачи в действительном политическом смысле этого слова, т. е. в смысле целесообразной и успешной практической борьбы за политические требования» и т. д. (В. И. Ленин. «Что делать?» Собр. соч., т. V, стр. 164).

Неверная установка фатально приводит Р. И. Выдрина к вольному обращению с фактами.

Во-первых — взгляды, которые критикует Выдрин, вовсе не привносились в студенческое движение «со стороны» — деятелями «Народной Воли» (да и из последних большой процент был «бывшими студентами»), а были высказаны «Центральным кружком студентов С.-Петербургского университета» (две первых прокламации) и центральным кружком «Союза молодежи партии «Народной Воли» (третья прокламация). Во-вторых — студент нормально обучался в университете 4—5 лет, из которых в стенах его проводил по 5—6 месяцев в году. Студенты же, наиболее видные идеологи движения, как общее правило, очень быстро изгонялись из университета, наполняя ряды тех деятелей, которые официально именовались «бывшими студентами». О каком же опыте, который позволял пройти в университете «три стадии», можно тут говорить? Прав был профессор И. Оршанский, который писал («Вестник Европы» 1906 г., январь, стр. 43): «Студент, находящийся в отпуску с апреля по сентябрь, покидающий университетский город с начала декабря по конец января, не может считаться питомцем университета».

Взгляды, с которыми выступали представители различных течений в студенческом движении, они почерпали не только и не столько из условий университетской жизни, сколько из классового опыта в целом той социальной группы, к которой они принадлежали. Ведь многие из них принуждены были с своими взглядами выступать спустя месяц после того, как они переступили порог университета.

Можно привести еще много примеров, где действительность сталкивается с взглядами, высказанными Выдриным в его «Основных моментах»; они совсем не выдерживают испытания практикой. Взгляды Выдрина не верны. И тем не менее они пользуются

широкой популярностью. Более того, можно сказать, что они занимают господствующее положение. «Во всех идеологических областях, — писал Ф. Энгельс, — традиция является большой консервативной силой». За недостатком места остановимся только на взглядах такого талантливого историка, как М. Н. Покровский.

Как он рисует общую картину эволюции студенческого движения? «До конца 90-х годов, — пишет он (Русская история в самом сжатом очерке, изд. «Красная Новь», 1923, стр. 63, вып. 1, часть III), — студенческое движение было очень узко по своим политическим задачам. Сначала это был просто протест против устава 1884 г.»...

«Потом к этому отрицательному лозунгу присоединились положительные, но не шедшие пока дальше узко студенческих интересов»...

«К концу 90-х годов, — читаем дальше (стр. 68), — студенческое движение достигло крайней степени остроты. Подталкиваемое и поощряемое массовой рабочей борьбой, оно усвоило ее формы и вылилось после избиения петербургских студентов полицией в феврале 1899 г. во всероссийскую студенческую забастовку».

Издание «временных правил» об отдаче студентов в солдаты «вызвало новый взрыв, нашедший себе на этот раз выход в весенних демонстрациях 1901 года».

«Демонстрации окончательно слили узкое первоначальное «академическое» течение с широким революционным потоком».

Подобную же схему рисуют и другие касавшиеся студенческого движения, находившиеся под влиянием марксистских идей радикальные писатели: Череванин[1], В. М. Фриче, Энгель и Горохов, и до известной степени Н. А. Рожков, который оговаривается однако, что «борьба по академическим причинам объективно приобретала политическое значение».

Повидимому, из этой же схемы исходили составители «Истории ВКП(б)» под общей ред. Е. Ярославского, т. I, вып. 1, стр. 233.

«Чем сильнее действовал самодержавный пресс, тем в большей мере студенчество выходило из рамок одних академических интересов и его движение окрашивалось в политические цвета»...

«1901—02 учебный год должен был неизбежно довести дело развития политического сознания студенчества до его логического конца.

Но все дело в том, что студенчество не представляло из себя класса, а конгломерат различных классов, а потому бессмысленно говорить о «логическом» его развитии. Студенческое движение развивалось не логически, а в силу заложенных в нем противоречий, — диалектически: побеждала то одна, то другая

---

[1] Скатившийся впоследствии к самому заядлому меньшевизму. *Ред.*

политика, в зависимости от того, какая классовая группа оказывалась сильнее. И как раз после того, как, по словам цитируемого авторами «Истории ВКП(б)» документа, политическое сознание студенчества дошло «до логического конца» — в 1902—1903 и 1903—1904 учебных годах получился рецидив безграмотности; в Московском университете процветала профессорская «зубатовщина», и тогда «даже «академизм» окрасился в еще более серый цвет» («Сибириада», гектографированная брошюра. М., 1904, стр. 79).

Это вполне понятно. Носители «логического конца» оказались за пределами не только университета, но и университетских городов. По делу о движении 1902 г. понесли кару 1131 человек.

Такая «смена идейных течений» в подпольный период была обычным явлением не только в студенческой среде. В «Что делать» (соч. т. IV, 2-ое изд., стр. 389) В. И. Ленин писал о победе «молодых» (мелкобуржуазных с.-д.) над «стариками» (теперешними коммунистами):

«Указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже стихийным путем. Это кажется каламбуром, но это — увы! — горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров — «стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, — кто не скажу, — участвовал в в современном русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так».

Вот сокровенный смысл того «полевения» и «поправения» студенчества, различные «психологические» объяснения которому так неудачно искали многие и о которых М. Н. Покровский писал (предисловие к воспоминаниям гр. Витте. Гиз, 1923, стр. XXIV—XXV): «Не говоря уже о нелепости такого объяснения с точки зрения марксизма, оно просто исторически недостаточно, ибо оставляет нас недоуменными перед целым рядом вопросов».

Точно установленные факты из истории студенческого движения, как увидим дальше, совершенно разбивают все «психологические» теории, в том числе и популярную «триаду» Р. И. Выдрина, и всецело подтверждают взгляды такого исключительного знатока общественных отношений, как В. И. Ленин. К последнему вполне приложимы слова, которыми он характеризовал теорию К. Маркса: учение Ленина всесильно, потому что оно верно [1].

---

[1] Чтобы распутать эклектическую паутину, сотканную вокруг студенческого движения, главным образом усердием двух талантливых популяризаторов В. К. Махайского и А. А. Богданова, нужно написать большую книгу, в чем я убедился, работая над студенческим движением. Место не позволяет мне сделать это в кратком очерке. Поэтому здесь приходится остановиться на взглядах одного В. И. Ленина.

Сам активный участник крупного студенческого движения 1887 г., про которое историк Казанского университета М. К. Корбут говорит, что оно уже переросло рамки «внутривузовских» интересов и в нем «студенты выступали зачинателями революционной борьбы за интересы всех угнетенных царской России» («Каторга и Ссылка» 1929 г., № 7(56), стр. 13), — В. И. Ленин четко определил общественную роль студенчества:

«Студенчество», — писал В. И. Ленин («Задачи революционной молодежи», собр. соч. т. IV, стр. 134), — «является самой отзывчивой частью интеллигенции, а интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе. Студенчество не было бы тем, что оно есть, если бы его политическая группировка не соответствовала политической группировке во всем обществе, — «соответствовала» не в смысле полной пропорциональности студенческих и общественных групп по их силе и численности, а в смысле необходимой и неизбежной наличности в студенчестве тех групп, какие есть в обществе. И для всего русского общества, с его зачаточным (сравнительно) развитием классовых антагонизмов, с его политической девственностью, с его забитостью и придавленностью громадных и громаднейших масс населения полицейским деспотизмом, характерны именно такие шесть групп: реакционеры, равнодушные, культурники (курсив Ленина), либералы, социалисты-революционеры и социал-демократы». [1]

Таким образом, студенчество есть только часть интеллигенции, а интеллигенция — это образованные представители всех классов. Но, как остроумно сказал В. П. Полонский, слово «интеллигенция» — «подобно резиновому мешку: в него можно бросать все, что угодно, покуда мешок не прорвется» («Уходящая Русь», стр. 6 — 7).

«Крылатое слово, брошенное П. Боборыкиным по адресу определенного типа разночинца-шестидесятника, в настоящее время истаскано и опошлено. Кого только не величают этим словом, кто только не считает себя интеллигентом.

Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!

Здесь, с одной стороны, люди либеральных профессий: писатели, доктора, адвокаты, художники, учителя, третий земский эле-

---

[1] Из пестрой вереницы партий, — писал В. И. Ленин в 1906 г. (соб. соч., т. VII, ч. 2, стр. 87), — партий, выявившихся в революции 1905—06 г., «явственно выделяется пять основных типов наших политических партий: 1) черносотенцы, 2) октябристы 3) кадеты, 4) трудовики и 5) социал-демократы. Правильность такой группировки доказывается разбором классовой природы той или иной партии».

мент и пр.; с другой — чиновники, банкиры, попы и т. п.; здесь, с одной стороны, идеологи пролетариата, «критически мыслящие личности», учащаяся молодежь, сознательные рабочие, а с другой — целая армия бюрократии и плутократии, вплоть до жандармских ротмистров и урядников[1]. Всех их, с обывательской точки зрения, называют «интеллигенцией» (Д. Зайцев. «Образование», 1908 г., № 3, стр. 42—43).

Для В. И. Ленина интеллигенция прежде всего является категорией исторической; она появилась на исторической арене в определенную эпоху — вместе с промышленным капитализмом: «Непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самым ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает» (соч. т. IV, 2-ое изд., стр. 316). Про значительную часть интеллигенции В. И. Ленин писал там же: «Третьему элементу в сословной монархии нет места». Понятно, что другая значительная часть интеллигенции, так называемая «промышленная интеллигенция», могла стать общественной силой только при развитии крупной капиталистической индустрии.

Буржуазному обществу требуются вольнонаемные, не состоящие на государственной службе, специалисты.

Во-вторых, для ортодоксальных марксистов и В. И. Ленина — прежде всего, интеллигенция не является классом.

«Основной признак различия между классами, — писал В. И. Ленин (соч. т. V, 2-ое изд., стр. 201), — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу».

Что известная часть интеллигенции живет продажей своей рабочей силы и не ведет хозяйства для продажи продукта, — это факт общеизвестный. А, в таком случае, часть интеллигенции объективно должна быть отнесена к пролетариату. Это теоретически доказано К. Марксом в рукописи, опубликованной К. Каутским в виде приложения к в. 1 «Теории прибавочной стоимости» (изд. ред. журн. «Образование», СПБ, 1906, «Понятие производительного труда», стр. 320 и сл.).

«Интеллигенция нигде и никогда не составляла общественного класса, — писал Г. В. Плеханов (соч. т. IV, стр. 269—270), — это противоречит самому понятию о таком классе... В совре-

---

[1] Что это не гипербола, — см. «Устои» 1882 г., № 2, где на стр. 132 написано: «Не только «доктор-практик», но и иной урядник стоит в рядах интеллигенции и действует ради нее, иногда даже не сознательно». — Такие взгляды освятил и сам Н. К. Михайловский (С. П. Рапский. Социология Н. К. Михайловского. СПБ, 1901 г., стр. 168).

менной общественной науке понятие о к л а с с е имеет известные, в высшей степени важные экономические признаки... Пора уже перестать играть словами... То, что в известных кругах называется у нас интеллигенцией, составляет лишь небольшой общественный слой (слой неслужащих образованных «разночинцев»), который не может иметь самостоятельного созидающего исторического значения».

«Несостоятельно мнение, что интеллигенция может стать самостоятельной силой», — писал В. И. Ленин (соб. соч. т. VI, стр. 49), и уже в одном из первых своих произведений, в полемике с народниками указывал, что иллюзия об единстве и об особом демократизме нашей интеллигенции могла явиться только тогда, «когда классовые антагонизмы буржуазного общества были совершенно еще не развиты, подавленные крепостничеством, когда это последнее порождало солидарный протест и борьбу всей интеллигенции...» «Теперь, — когда экономическое развитие настолько ушло вперед, что даже люди, отрицавшие прежде почву для капитализма в России, признают, что мы вступили именно на капиталистический путь развития, — теперь никакие иллюзии на этот счет уже невозможны». (Соб. соч. т. I, стр. 205).

В-третьих, — интеллигенция не является ни одной из тех общественных групп, которые условно также обозначаются словом «классы» [1], как крестьянство, мелкая буржуазия и т. д.

«Современное капиталистическое общество состоит из двух и только двух классов — буржуазии и пролетариата. Каждый из этих классов не представляет единого целого, а состоит из ряда социальных групп — крупных, средних и мелких землевладельцев и капиталистов, с одной стороны, и высококвалифицированных, квалифицированных, просто рабочих и люмпенпролетариата — с другой». (Д. Зайцев. «Образование», 1908 г., № 3, стр. 66. Ср. С. И. Солнцев. Общественные классы, стр. 201—202; Б. Граве. Теория классовой борьбы К. Маркса. М. 1923, стр. 31 и сл., 38 и сл., и предисловие В. В. Адоратского, стр. 5—6).

В. И. Ленин очень решительно восставал против отнесения интеллигенции к одному из «подклассов». Еще в полемике с П. Б. Струве он ясно указал (Соб. соч. т. II, стр. 60 и сл.), что задача научного социализма заключается не в том, чтобы с абстрактной точки зрения квалифицировать воззрения той или иной интеллигентской группы, а в том, чтобы определить, интересы к а к о г о к л а с с а (или подкласса) они выражают.

Эта мысль неуклонно проводится В. И. Лениным во всех статьях, где он касается социального места интеллигенции (Соб. соч. т. IV, стр. 50; т. XI, ч. 2, стр. 517; т. II, стр. 83—84 и т. д.).

«Чтобы судить о русской «бессословной» интеллигенции, как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю

---

[1] «Подклассы». Маркс и Энгельс. Соч., изд. ИМЭ, т. VIII, стр. 340.

пореформенную эпоху — эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем, — которая, несомненно, играла и продолжает играть известную роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей «бессословной интеллигенции» с положением и интересами данных классов русского общества»... «Бессословность» нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции» (Ленин, т. II, стр. 83).

Еще определеннее высказался В. И. Ленин в полемике с социалистами-революционерами (Соч. т. V, 2-е изд., стр. 154):

«Если вы противопоставляете интеллигенцию пролетариату и крестьянству, — писал он, — значит, вы понимаете под ней известный социальный слой, группу лиц, занимающих такую же определенную социальную позицию, как определенна социальная позиция наемных рабочих и крестьян. Но в качестве такого слоя русская интеллигенция является именно буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией... Если же вы говорите о тех интеллигентах, которые еще не заняли никакой определенной социальной позиции или уже выбиты (в обоих случаях курсив В. И. Ленина, дальше подчеркнуто мной) жизнью со своей нормальной позиции и переходят на сторону пролетариата, — то тогда совершенно нелепо противопоставлять эту интеллигенцию пролетариату».

Такую же позицию занимал В. И. Ленин во время поучительных прений на III съезде РСДРП (б) (Протоколы, женевское издание, стр. 292—294. Соб. соч. т. IV, стр. 148). Такова была и осталась неизменной точка зрения на интеллигенцию у В. И. Ленина (См. Войтоловский. Ленин об интеллигенции. «Печать и революция» 1925 г., № 2, стр. 1—4).

Каждый класс и каждая политическая партия имеют, по мнению В. И. Ленина, свою интеллигенцию, «всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее» отражающую историческое положение и общественную роль представляемой ею группы. Этот взгляд на интеллигенцию точно формулировал Д. Зайцев («Образование», 1908, № 3, стр. 69): «Каждый класс, каждая социальная группа, в него входящая, имеет свою интеллигенцию. Интересы различных слоев интеллигенции настолько между собой противоположны, насколько противоположны интересы классов и социальных групп. Общественная жизнь и деятельность интеллигенции есть отражение борьбы классов и социальных групп».

В четвертых, — в буржуазных странах пролетарская интеллигенция представляет из себя относительно ничтожную величину по сравнению с общей массой социального слоя, который носит наименование «интеллигенция», что бы под этим конкретно ни подразумевалось. Не даром в редактируемой В. И. Лениным «Заре» статья Ю. О. Мартова «о современных задачах русской социалистической интеллигенции» носит название «Всегда в меньшинстве!»

В качестве социального с л о я, — писал, как уже цитировалось, В. И. Ленин, — «русская интеллигенция является именно б у р ж у а з н о й и м е л к о б у р ж у а з н о й интеллигенцией».

«Лишь немногие интеллигенты идут в кружки пропагандистов рабочей партии, которые по опыту знают «в о л ч и й г о л о д» народных масс на политическую книжку, газеты и социалистическое знание. Но, конечно, такие интеллигенты идут если не на геройскую смерть, то действительно на геройскую каторжную жизнь, плохо оплачиваемую, полуголодного, вечно переутомленного, издерганного до невозможности партийного «рядовика». Вознаграждением т а к о й интеллигенции служит то, что она избавилась от навозных куч «общества» и забыла думать о равнодушии ее аудитории к общественно-политическим вопросам. А ведь «интеллигент», не умеющий найти себе неравнодушной к этим вопросам аудитории, так же похож на «демократа» и на интеллигента в хорошем смысле слова, как продавшаяся за деньги в законный брак женщина похожа на любящую жену. И здесь, и там — простые разновидности официально-приличной и вполне легальной проституции».

Преобладающее большинство интеллигенции в России, что мы покажем дальше, в эпоху 90-х и 900-х гг. принадлежало к мелкобуржуазному слою общества. Но давно уже сказано, что в буржуазном обществе мещанин никогда не бывает человеком настоящего. Это или человек прошлого, которого экономическое развитие бросает в ряды пролетариата, или человек будущего, «когда ему улыбнется счастье первоначального накопления». Значительные слои м е л к о б у р ж у а з н о й интеллигенции объективным ходом развития низвергаются в класс пролетариата, при своей научной подготовке занимая в его рядах место членов комитетов, пропагандистов, агитаторов, словом— «идеологов», которые приносят в рабочее движение обрывки воззрений того слоя, из которого они выбиты жизнью. «Экономизм— 90-х гг., «отзовизм» и «ликвидаторство» — 900-х гг., «меньшевизм» — все эти течения, с которыми вел решительную и беспощадную борьбу на протяжении своей деятельности В. И. Ленин, — опирались на новые слои, влившиеся в пролетариат в результате промышленной революции, происходившей в России на рубеже XX столетия исключительно быстрым темпом, и находившие себе «идеологов» среди мелкобуржуазной интеллигенции, широким потоком вливавшейся в РСДРП в революционный период, предшествовавший взрыву, произошедшему в 1905 году, и в период первой революции.

Понятно, что главный огонь своей критики, закрепляемой о р г а н и з а ц и о н н ы м и мероприятиями, В. И. Ленин направлял на борьбу с идеями буржуазной и, главным образом, м е л к о б у р ж у а з н о й интеллигенции. При этом он почти всегда оговаривается, что имеет в виду именно эту часть интеллигенции и лишь иногда слово «мелкобуржуазной» заменяет для него равнозначущим термином — «интеллигенции, как о с о б о г о с л о я». В. И. Ленин был

совершенно чужд метафизических измышлений философической школы А. А. Богданова, и, будучи гениальным продолжателем дела Маркса — Энгельса, никогда не занимался интеллигентоедством.

«Сознательный рабочий, — писал он (Соб. соч., т. IV, стр. 465. Слово «буржуазного» подчеркнуто мной), — давно уже вышел из тех пеленок, когда он чурался интеллигента, как такового. Сознательный рабочий умеет ценить тот более богатый запас знаний, тот более широкий политический кругозор, который он находит у социалдемократов-интеллигентов. Но, по мере того, как складывается у нас настоящая партия, сознательный рабочий должен научиться отличать психологию воина пролетарской армии от психологии буржуазного интеллигента, щеголяющего анархической фразой».

Что же делает преобладающую часть интеллигенции мелкобуржуазной или просто буржуазной? Этот факт представители разных социальных групп объясняют каждый по-своему. Так, идеолог люмпенпролетариата В. К. Махайский укажет на то, что интеллигент обладает капиталом в виде знания, которым он пользуется, чтобы эксплоатировать чернь, этим знанием не обладающую. Как последовательный и прямолинейный человек, он при этом не скрывает, что его учение находится в полном противоречии с теорией К. Маркса. В. М. Шулятиков найдет этот «капитал» в библиотеке, которая имеется у интеллигента. Эклектик и метафизик А. А. Богданов выступит с утверждением в духе «патологической магии», популяризированной Н. К. Михайловским, что интеллигент принадлежит к касте «организаторов» и в силу своей биологической и психологической высшей организованности склонен к «авторитарному мышлению».

Несуразность таких объяснений для марксиста очевидна. Преобладающую массу интеллигенции, как особого слоя капиталистического общества, делают мелкобуржуазной, конечно, общественные отношения, в которых этот слой развивается, вызываемая этими общественными отношениями производства конкуренция.

«Конкуренция является лучшим воплощением господствующей в современном буржуазном обществе войны всех против всех, — писал Ф. Энгельс («Положение рабочего класса в Англии». К-во «Молот» 1905, стр. 79). — Война эта — война за жизнь, за существование, и, следовательно, в крайнем случае, война на жизнь и на смерть — ведется не только между различными общественными классами, но и между отдельными членами этих классов: каждый стоит на чьем-нибудь пути, и старается поэтому столкнуть всех тех, кто стоит на его пути, и занять их место. Рабочие так же точно конкурируют между собой, как и буржуа: промышленный ткач соперничает с ручным, безработный или дурно оплачиваемый ручной — с занятым или лучше оплачиваемым и старается вытеснить его. Эта конкуренция рабочих между собой является для

них самой худшей стороной существующего порядка вещей, а для буржуазии самым острым оружием против пролетариата. Отсюда стремление рабочих к устранению конкуренции путем союзов, отсюда же и та ярость, которую возбуждают эти союзы в буржуазии, и торжество последней при каждой их неудаче».

Для преодоления мелкобуржуазной конкуренции в среде рабочего класса требуются прежде всего два условия: 1) наличие революционной теории[1] и 2) сосредоточение больших масс пролетариата на фабриках и заводах: кто имел счастье участвовть в крупных стачках, тот по опыту знает, как среди пришедших в движение тысяч пролетариев тонут отдельные конкурирующие между собой индивидуальности и как легко, сравнительно, усваиваются всей массой революционные лозунги. Там, где отсутствует одно (Англия, САСШ) или оба эти условия (довоенная Франция), рабочее движение развивается относительно медленно. Там, где оба эти условия налицо (Германия) — рабочее движение делает поразительные успехи. Интеллигенция, занятая в тех предприятиях, где она находит работу в капиталистическом обществе: школах, больницах, конторах и т. д., работает или в одиночку, или маленькими группками и потому, поскольку растет ее численность, а вместе с тем и армия безработных интеллигентов, — не в силах преодолеть конкуренции и разлагается ею.

В университетах пореформенной России были сосредоточены тысячи студентов, и вот почему, а не в силу «возраста», «темперамента» и прочих измышлений П. Г. Виноградова, на веру принимаемых М. Н. Покровским[2], мы найдем там те же явления преодоления мелкобуржуазной конкуренции во время массового движения, что и в стачках рабочих.

После этих предварительных замечаний можно было бы перейти к истории студенческого движения в Москве, но прежде необходимо сделать еще одно отступление. Не претендуя на общеобязательность его, надо дать точное определение того, что в этом очерке понимается под словом «интеллигенция».

В этом очерке интеллигенцией называется, что надо иметь в виду, только «составляющий исключительную особенность капиталистического способа производства»[1] слой не состоящих на государственной службе[2] людей, для которых образование

---

[1] См. «Что делать?» В. И. Ленина. Соб. соч. т. V, стр. 133 и сл. «Без революционной теории не может быть и революционного движения» (стр. 135). Третьим условием является наличие централизованной дисциплинированной идейно выдержанной партии.

[2] На стр. 179 и 321 своей «Русской истории с древнейших времен» (Гиз 1925, том IV) М. Н. Покровский, игнорируя указание В. И. Ленина, что интеллигенция никогда не играет самостоятельной роли и не способна ее играть, что совершенно верно, выступил с утверждением будто бы социалистический идеал был в России принадлежностью известной «возрастной категории» интеллигенции, именно студенчества.

выше среднего является необходимым для того, чтобы выполнять их функции в общественном производстве.

При таком понимании интеллигенции в нее не входят образованные помещики, образованные фабриканты и купцы, образованные «чиновники»; для того, чтобы исполнять их общественные функции, общее и специальное «высшее» образование для всех этих категорий вовсе не необходимо в капиталистическом обществе.

«Существуют интеллигентные буржуа (Вальтер Ратенау, Лесли Уркарт, Рябушинский), существуют интеллигентные помещики (Родбертус-Ягецов, Шульгин, Крупенский), существуют интеллигентные пролетарии, существуют интеллигентные крестьяне. Здесь слово «интеллигентный» почти отождествляется с «высоко-образованный», «культурный», — все эти лица, которых мы называем по традиции интеллигентами, существуют, как члены различных классов. Социолог их при анализе интеллигенции, как определенной категории, рожденной капитализмом в течение, примерно, последних шестидесяти лет и занимающей видное место в современном классовом обществе, в праве их совершенно сбросить со счетов» (С. Я. Вольфсон. Интеллигенция как социально экономическая категория, Гиз, 1926, стр. 12—13).

Буржуа, получивший образование, не станет интеллигентом только потому, что он получил диплом юриста или инженера, живя на прибавочную стоимость, извлекаемую из труда работающих на его предприятии пролетариев, а в лучшем случае сделается усовершенствованным буржуа.

Чиновничество (Beamten, fonctionnaires d'état) — этот специальный аппарат принуждения господствующего класса в России сложился, не без участия университетов, в «замечательно организованную, идейно-сплоченную, традиционно-замкнутую бюрократию» (В. И. Ленин. Соч. т. V, 2-е изд., стр. 356) еще в большей степени, чем в Западной Европе. И если в последней чиновничество рассматривается, как имеющая свои отличительные особенности самостоятельная общественная категория, то тем больше оснований выделять ее в нашем отечестве, где она, по словам Ф. Энгельса, «образует настоящее сословие».

Маркс и Энгельс, как и В. И. Ленин, отмечали силу «специального аппарата принуждения», находившегося в руках царского правительства для охранения интересов представляемого им класса:

«В России центральная царская власть, опираясь на материальные средства гораздо более высокого уровня культуры, чем те, какими располагали когда-то прежние западно-европейские правительства, обладает и большею силою сопротивления, чем какую проявили эти последние, материальные средства которых соответство-

---

[1] К. Каутский. Социальная революция. Изд. «Дон. Речи», стр. 41.
[2] Г. В. Плеханов, т. IV, стр. 270: «Слой неслужащих образованных разночинцев».

вали в сущности тому культурному уровню, на котором стояли управляемые ими народы» («Минувшие годы» 1908, № 11, стр. 12).

Надо упорно закрывать глаза на действительность, чтобы утверждать, что «опора престола и отечества» — армия, администрация, суд и полиция — являлись средой, в которой всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражалось и выражалось развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе царской России.

Специальный аппарат принуждения господствующего класса — все эти прокуроры, инспектора, жандармские чины, земские начальники, становые, урядники, генералы, полковники и поручики — подбирались из людей если не с готовыми убеждениями, то с готовностью проводить их в жизнь, готовностью, освящаемой церковной присягой, благословением патриарха, митрополитов, попов и прочих чиновников в рясах. В. И. Ленин всех их называл «лакеями абсолютизма [1]».

Для всего этого чиновного мира высшее образование, по признанию многих правительственных авторитетов, являлось лишь «роскошью». Бывший профессор и «идеальный министр» — лакей Н. П. Боголепов говорил будущим чиновникам в 1899 г.: «Русскому деятелю нужна не столько широкая образованность, сколько нравственная стойкость».

Если на верху бюрократической лестницы встречались имена бывших профессоров, как Победоносцев, Бунге, Боголепов, то сколько не меньшее значение имели Треповы и Ванновские; мало того, вторые переделывали первых на свой лад.

В. И. Ленин, который, как никто, разбирался в классовых отношениях капиталистического общества, выделял чиновничество в «особый слой», с которым неизбежно сталкиваются все оппозиционные абсолютизму группы, еще в первых своих произведениях (Задачи русских с.-д. Соб. соч., т. I, стр. 349). Нечего говорить о таком труде В. И. Ленина, как «Государство и революция», где он, опираясь на Маркса и Энгельса, постоянно указывает на необходимость не «улучшения государственной машины, а разрушения, уничтожения ее».

Ясно, что, с точки зрения марксизма-ленинизма, сваливать в одну кучу «интеллигенцию» и «чиновничество», — это значит, волью или невольно, но отрезать себе пути к пониманию капиталистического общества. Немудрено, что литераторы из богдановской школы делают это на каждом шагу.

---

[1] Разбирая итоги выборов в 1 Думу, В. И. Ленин писал («Победа кадетов и задачи рабочей партии». Соб. соч., т. VII, ч. 1, стр. 94): «Боролись, в сущности, две крупные силы: за правительство (контрреволюционный помещик, капиталист и озверелый чиновник) и против правительства (либеральный помещик, мелкая буржуазия и всякие неопределенные элементы революционной демократии)».

ГЛАВА VII

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В „РАЗНОЧИНСКИЙ ПЕРИОД“

«Студенческое движение возникает с того момента, — справедливо говорит Выдрин (стр. 12), — когда дворянский университет под напором новой жизни, не удовлетворяющейся тесными рамками феодально-крепостнических отношений, уступает место всесословному».

Но, находясь в плену у своей «триады», подсказанной слепотою к «политике» либеральной профессуры, Выдрин упорно закрывает глаза на действительность. «Первое массовое выступление студенчества, — пишет он (стр. 15), — произошло не на почве каких-либо определенных политических идеалов. Оно явилось следствием борьбы за свои насущные (!) интересы, за свободный доступ в университет и за свободу академических организаций».

К другому выводу приходит историк студенчества Б. Фрометт. «Движение этого времени, — пишет последний («Вестник студенчества», 1917 г., № 7, стр. 15—16), — казалось тогда, кажется многим и теперь академическим, тем более, что студенчество протестовало напр. в 1861 г. против «матрикул», — книжечек с особыми правилами для учащихся высшей школы. Однако, несомненно, что гораздо важнее о б щ е с т в е н н а я подоплека недовольства, то миросозерцание, скорее настроение, которое приносил с собою разночинец всюду».

На арену общественной жизни выступил н о в ы й с о ц и а л ь н ы й с л о й — «разночинец». «Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли» (В. И. Ленин. Соб. соч. т. XII, ч. 1, стр. 100).

Чтобы судить о первом студенческом движении, необходимо, поэтому, иметь ясное представление о социальной природе «р а з н о ч и н ц а».

При Николае 1 помещик, купец и крестьянин исчерпывали весь наличный классовый состав общества (М. Н. Покровский. Русская история, т. IV, изд. 7. Гиз. 1925, стр. 240). Купца можно, пожалуй, сбросить со счетов.

«В 1836 г. состав населения России, по данным Горлова [1], был таков:

Купеческое сословие	123.796	мужчин.
Мещане и цеховые	1.239.750	„
Государственные крестьяне	7.437.971	„
Удельные и дворцовые крестьяне	1733.659	„
Помещичьи крестьяне	1.260,354	„
Общее число податных сословий	22.310.984	мужчин.

К эпохе пятидесятых годов относятся более детализованные данные А. Кеппена. По этим данным в 1851 г. числилось купцов:

	I гильдии	II гильдии	III гильдии
Христиан	1440	5005	137.198
Евреев	467	891	28.809
Магометан	9	91	4.197

Незначительность численности буржуазии выясняется из следующих сопоставлений:

Общее число лиц духовного ведомства равнялось в стране 277.695 душам, общая численность купцов всех трех гильдий 180.359 душам».

Если прибавить к этому, что по закону 1785 г. были освобождены от телесного наказания купцы только двух первых гильдий, политическую безгласность и классовую неорганизованность русской буржуазии, то можно утверждать, что дореформенное купечество расплывалось в общей массе податных сословий [2].

Правящего сословия — дворян — в 1858 г. насчитывалось: потомственных 609.973, личных и служащих — 276.809.

«История феодального строя неразрывно связана с историей дворянско-помещичьего класса, история последнего — с историей той экономической формы, которую мы назовем поместьем»... «В своем чистом виде поместье характеризуется двумя основными особенностями: во-первых, вся хозяйственная жизнь в нем построена на принудительном труде; во-вторых, все экономические явления оцениваются с потребительской точки зрения» (И. И. Степанов. «Новая Жизнь» 1905 г., № 19, стр. 12/106).

При сословно-крепостническом строе «дворянин» — значило барин, землевладелец — помещик, «крестьянин» — его крепостной раб, мужик. Первый являлся собственником средств производства и получал прибавочный продукт, эксплоатируя труд второго; две определенные классовые категории стояли друг против друга. Реформы 60-х годов XIX столетия нанесли сокрушительный удар старому сословному строю [3]. К концу столетия такие звания, как «дво-

---

[1] Данные взяты из кн. П. А. Берлина: «Русская буржуазия в старое и новое время», 2-е издание. «Книга», Л-гд — Москва, 1925, стр. 70—71.

[2] «Плохая это коммерция, если мордой отвечать приходится» — так характеризует свое бесправное положение один из представителей дореформенного торгового капитала у Щедрина.

[3] Ср. В. И. Ленин. Соб. соч., т. II, стр. 83.

рянин» или «крестьянин», которые при феодально-крепостнических отношениях соответствовали определенным экономическим категориям, обратились в фикцию или «пустой ярлык, который ничего не говорит об экономической сущности того, на кого он налеплен» (И. Степанов, там же, стр. 16/110).

Что такое «дворянин» в пореформенную эпоху?

Это землепашец («однодворец») и служащий, и капиталист, и землевладелец.

Что такое «крестьянин»?

Это и землепашец, и наемный рабочий на фабрике и заводе, деревенский кулак и торговец, крупный капиталист и крупный землевладелец.

Сословные категории потеряли свое экономическое значение.

Продуктом разложения старых сословных отношений и явился разночинец. В дореформенный период к разночинцам причислялись низшие придворные, статские и отставные воинские служители, которые не записывались ни в купечество, ни в цехи, а до установления почетного гражданства — и дети личных дворян. Разночинцы считались лицами податного сословия, но заемные обязательства они могли давать и брать на тех же основаниях, что дворяне и чиновники.

Что такое разночинец пореформенной эпохи?

«Разночинец, это — дворянин, ушедший из своего дворянства; поповский сын, не пожелавший надеть стихаря и рясы; купец, бросивший свой прилавок; «мужик», ушедший от сохи и приобщившийся к образованию; генеральский сын, чиновничий сын» (С. Я. Елпатьевский. «Русское Богатство» 1905 г., № 3, стр. 70).

«Дети ошеломленного крестьянской реформой, оскудевающего дворянства, провинциального духовенства и всякого служилого люда, мелкого мещанства и даже крестьянства в ту переходную, полную бродящих сил, эпоху, шли в разночинскую армию. Эта армия при всей пестроте своего состава имела много сходных черт с тем общественным слоем, который в более дифференцированной общественной среде носит название «интеллигентного пролетариата». Самое слово «разночинец» уже указывает на разнородность его происхождения, на то обстоятельство, что в самый момент его крещения этим именем процесс его образования из других общественных слоев особенно ярко бросался в глаза (А. Н. Потресов. Этюды о русской интеллигенции, стр. 90 [1]).

---

[1] «С тех пор, как стало ясно, что ни в России, ни в целой Европе не может быть другой революции, кроме социальной, зная, что социальная революция на полдороге остановиться не может, большинство богатых людей, желающих сохранить и передать своим детям унаследованное или благоприобретенное ими богатство, поняли, что им в революционных рядах не место, и что их собственные интересы требуют союза неразрывного с правительством, с государством. Вследствие чего число имущих дворян и не дворян в наших [рево-

Организующей, поставляющей идеологов для этой пестрой деклассированной среды нового общества силой являлись преимущественно выходцы из дворянской среды; П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, Н. К. Михайловский, Г. В. Плеханов, не говоря об А. И. Герцене, — были разночинцами из дворян[1]. Выходцы из других сословий Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, А. И. Желябов должны были усвоить и переработать дворянскую культуру, потому что другой и не было в дореформенную эпоху. Потому что всякая новая культура «не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей», а «должна явиться закономерным развитием тех запасов знания; которые человечество выработало» во всю предшествовавшую эпоху своего развития (В. И. Ленин. Соб. соч. т. XVII, стр. 316—317).

Лишь небольшая часть землевладельческого дворянства приспособляется к новым условиям хозяйствования. «Значительные слои дворянства оказались, после отмены крепостного права, не в состоянии приспособиться к новым условиям, и таким образом начался процесс усиленной ликвидации дворянского землевладения. И чем дальше, тем этот процесс совершался быстрее. Так, средняя ежегодная убыль дворянского землевладения была такая: в 1859—77 гг.—517 тыс. дес.; 1877—96 гг.—750 тыс. дес.; 1897—900 г.—978 тыс. дес.» (Б. Веселовский. Движение землевладельцев. Общ. движ. в России в начале XX в. СПБ, 1909, т. I, стр. 296).

Всего дворяне потеряли с 1877 по 1905 г. 19,9 миллионов десятин земли (73 076 789—53 169 008 дес.) (В. И. Ленин. Соб. соч. т. IX, стр. 662).

Следовательно, значительные кадры дворянства, сохраняя по наследству свое звание («потомственные дворяне»), экономически деклассировались, т. е. переходили в ряды других классов, переставая быть землевладельцами. Куда же преимущественно направлялись они?

Привилегия образования открыла им широкие двери к занятию интеллигентных профессий. «Без преувеличения можно сказать, — писал И. И. Степанов («Новая Жизнь» №19, стр. 15/109, 16/110), — что лишь капиталистическое развитие превратило положение адвоката, литератора, инженера, техника, банковского служащего и т. д. в профессию относительно широких слоев населения»...

люционеров] рядах стало значительно уменьшаться, заменяться людьми более способными любить, понимать и представлять народное дело; таковы дети в пух разоренных дворян, разночинцы, семинаристы, мещане и крестьянские дети. В них состоит теперь главным образом и почти исключительно наша народная противогосударственная фаланга — посредница между революционной мыслью и народом»... (Бакунин в № 1 «Народного дела», 1868 г., цит. по Сватикову — «Наша страна», стр. 184—185).

[1] Утверждение М. Н. Покровского (Русск. ист. в сам. сж. очерке, ч. III., в. 1, изд. 1928 г., стр. 120), что «разночинец» вышел из «народной массы», исторически не оправдывается.

«Среди интеллигентных профессий представители дворянства занимают по численности не последнее место».

Умный и чуткий к изменению общественных отношений либеральный профессор К. Д. Кавелин заранее указывал пореформенному дворянину путь выхода после реформы. В 1865 г. он писал своему племяннику Д. А. Корсакову («Вестник Европы» 1886 г., кн. 11, стр. 163):

«Я вижу теперь только две дороги для нарождающихся сил: это школа в обширном смысле, университет, гимназия, до приходского училища включительно; или служба в земских учреждениях, со включением мирового суда. Земские и мировые учреждения — вот карьера для деятельности плодотворной и для честолюбия или властолюбия, если хочешь, потому что канцеляриям теперь время «тлеть», земским и мировым учреждениям — «цвести».

Особенно интенсивно шел процесс ликвидации дворянского землевладения в центральной промышленной области, учебным центром которой был Московский университет. 50% и больше своих владений с 1877 по 1905 г. в ней потеряли дворяне губерний Тверской (1 255 661 и 621 584), Костромской (2 003 065 и 974 669) и Смоленской (1 915 480 и 961 894); в остальных 7 губерниях потеряли около 50% (И. Чернышев. Аграрный вопрос в России. Изд. «Советская деревня». Курск, 1927, стр. 23).

Вместе с тем, как говорил И. С. Аксаков, «образ потерял» дворянин. Такие «образ потерявшие» «потомственные дворяне» составили значительный слой разночинцев 1860—1870 гг.

В том, что разночинцы — деклассированные элементы старого общества — сыграли крупную роль в истории русского революционного движения, не было ничего специфически русского.

В письме от 21 мая 1895 г. Ф. Энгельс писал К. Каутскому по поводу его книги «Предшественники новейшего социализма».

«Очень мало исследовано развитие и роль элементов, стоящих в положении почти что парий, элементов деклассированных, которые должны были неизбежно образовываться вместе с возникновением городов... Такое исследование очень трудно, но это является главной основой, потому что постепенно, с разрушением феодальных связей, эти элементы становились тем предпролетариатом, который в 1789 г. произвел революцию в парижских предместьях. Он воспринял в себя всех отверженцев феодального и цехового общества» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Соцэкгиз, 1931, стр. 415).

Против революционера-разночинца стояла организованная сила полицейско-феодального государства. «Группы дворянства, втянутые в чисто-буржуазные отношения буржуазного общества, не составляют всего дворянского сословия. Большая и, возможно, бо́льшая часть его чисто паразитически приспособляется к капиталистическим отношениям. Наследственно потребительская психика ставит перед ней такую дилемму: или социальная, и пожалуй, даже

физическая смерть, или паразитическое приспособление»... «Сословие не может примириться с таким исходом, как умирание. И вот здесь-то формула «государство принадлежит дворянству» приобретает свою действенную силу, выступает во всей цинической обнаженности»... «Государство существует для дворянина», — и дворянство превратилось в сословие государственных паразитов. Дворянство не выполняет теперь никаких экономических функций, которые лежали на нем в эпоху полной силы феодального строя, и потребительская точка зрения решительно заменилась паразитической. Утопическому «праву на труд», выдвинутому западно-европейским пролетариатом более полустолетия тому назад, дворянство противопоставило «право на приличествующее прокормление без труда». Это — идея дворянского сословия, не приспособившегося к чисто буржуазным отношениям буржуазного общества» (И. И. Степанов. «Новая Жизнь» № 19, стр. 17/111—18/112).

Новую точку зрения на государство хорошо определил министр финансов Александра III И. А. Вышнеградский, сказав, что государство для того и существует, чтобы его обкрадывать [1]. Это государство, — «вотчина Романовых», — было, как и феодальное, организовано по образу и подобию поместья. «Феодал не мог выдумать новых форм; он просто перенес формы, сложившиеся в поместье, в широкую область государственных отношений. Поместье — колыбель всех учреждений, всех норм, всех идей полицейского государства; поэтому-то это государство и можно назвать не просто полицейским, а феодально-полицейским. Принуждение поместья разрешается в полицейское принуждение государства». «Феодально-полицейское государство принадлежит дворянину», обреченному на гибель ходом экономического развития и порожденными им классами капиталистического общества, но в своей предсмертной борьбе, затянувшейся более чем на полстолетия, он наделал еще много бед, которые отразились и на судьбе Московского университета. (И. Степанов. «Новая Жизнь», № 19, стр. 14/108, № 24, стр. 6/48 и 9/51).

Как видно из истории дореформенного периода, русский университет, в противоположность, например, английскому, никогда не был чисто дворянским. Он был университетом чиновничьим. Сливки дворянства воздерживались, приблизительно до 30-х годов,

---

[1] Я враждебен дворянскому лагерю (лагерь притязаний на невозможные вымогательства от казны и на фантастические привилегии), — писал в своем дневнике 21 февраля 1885 г. сенатор В. П. Безобразов («Былое», 1907 г., № 9/21, стр. 29). Взяточничество и грабеж казны были бытовым явлением в высших кругах общества. Ему отдавали дань Александр II, его дети и их жены. Изречение И. А. Вышнеградского: «Ну, батюшка, да ведь казна на то и создана, чтобы воровать у ней. Кто же ее не обворовывает?» — приведено на стр. 129 кн. П. А. Берлина «Русская буржуазия».

от отдачи туда своих сыновей. Отдавали сыновей в университет только малоимущие дворяне на казенный кошт и на свой кошт те, кто не имел средств воспитывать их с учителями и гувернерами дома или в аристократических пансионах. Заставляли отдавать сыновей дворян и случайные события, как пожар Москвы в 1812 году, после которого долго не открывались благородные пансионы. Об этом говорят воспоминания, напечатанные в книжке И. М. Соловьева «Русские университеты» (СПБ, 1914, стр. 61, 102 и др.). Благодаря такому составу студентов среди них господствовал плебейский дух. «Студент, который бы вздумал у нас хвастаться белой костью или богатством, — говорит в «Былое и Думы» А. И. Герцен, — был бы отлучен от воды и огня, замучен товарищами». Чтобы привлечь дворян в университет, Николай I, который видел причину декабрьских событий в домашнем безнадзорном воспитании дворян, заставил своего наследника, будущего императора Александра II, слушать в 1834 г. лекции анатомии и физиологии у профессора Эйнброта в Московском университете. Лекции читались одному Александру с его многочисленной свитой отдельно от остальных студентов. Пример вызвал подражание. «На скамьях Петербургского университета еще с 1833 г. стали понемногу появляться студенты с громкими аристократическими именами, но очень заметный их прилив начался собственно с 1835—1836 гг.»; чтобы препятствовать смешению белой с черной костью, родители принимали меры.

Вот какими, например, условиями обставил посещение университета своим сыном Александром Герценом родовитый русский барин И. А. Яковлев, который сначала и слышать не хотел «о каких-то там университетах» в 1830—33 гг. Гувернер [1] К. И. Зонненберг сопровождал Герцена в университет и присутствовал на лекциях в качестве ментора около трех месяцев; а Петр Федорович (лакей) сопровождал и оберегал его в продолжение всего курса, в течение которого подружился со всеми университетскими солдатами, узнал имена всех профессоров и студентов физико-математического факультета и знал, по каким дням какие читаются лекции.

«Появление этих менторов в аудиториях, — рассказывал в своих воспоминаниях один петербургский студент того времени, — не только на первом, но и на втором курсе, не могло не шокировать нашего самолюбия, ибо приравнивало студента к любому ученику. Впрочем, так как большая часть этих пестунов были французы, то они, кажется, вовсе не думали стеснять свободы своих питомцев и en bon camarade сопровождали их не только в университет, но и к Елисееву (в биржевые лавки) и в другие менее дозволенные места удовольствий»...

---

[1] В данном случае игравший роль гувернера. Функции К. И. Зонненберга были неопределенны...

Именно из среды культурного, более независимого и корпоративно сплоченного дворянства, среди которого живы были традиции 14 декабря 1825 года, был внесен в русские чиновничьи университеты вольномысленный дух .«Чествуя Герцена, — писал в 1912 г. В. И. Ленин (соб. соч. т. XII, ч. 1, стр. 100), — мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию».

Учившийся в Московском университете с 1824 г. знаменитый хирург и общественный деятель Н. И. Пирогов оставил в своих воспоминаниях о той эпохе свидетельство того, что и чиновничье студенчество 20-х годов с увлечением декламировало стихи Пушкина:

«Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С свирепой радостию вижу».—

по адресу самодержца и императора всероссийского.

И не прочь было хвастнуть радикализмом: «По нашему не так: révolution, так révolution, как французская — с гильотиною».

Но делались такие революционные декларации «сам третей» у студенческой койки, не проявляясь во вне. К московским студентам вполне применимы слова А. Романовича-Славатинского о киевских 30-х годах: «Они пронизаны были атомизмом и распадались на маленькие кружки». Объяснял это явление Романович-Славатинский тем обстоятельством, что русские студенты, в противоположность польским, принадлежавшим к знати, состояли «большей частью из сыновей левобережных помещиков, менее хозяйственных и достаточных»...

Такую же картину в провинциальном Харьковском университете рисует для 1850—1855 гг. И. Любарский: «О сходках, которые только в позднейшее время были перенесены в наши университеты с Запада, мы не имели никакого понятия; но некоторые студенческие квартиры пользовались особенно притягательною силою. Нередко по вечерам, без всякого предварительного соглашения, в такие квартиры собиралось большое число товарищей провести время в мирных развлечениях. Угощением служил чай в прикуску и изредка «висант» — популярное в то время вино у студентов. Тут перемывали косточки профессорам, изображали в лицах субинспекторов, рассказывали городские новости и пели gaudeamus».

Как видно из воспоминаний Любарского и М. П. де-Пуле, большинство студентов принадлежало к мало достаточному и мало культурному украинскому слою дворянства, кроме, конечно, сыновей чиновников.

Аристократы «составляли свой небольшой кружок и мало сообщались с остальным большинством, состоявшим преимущественно из бедняков».

Вот как описывает начало корпоративного движения в Петербургском университете тридцатых годов один современник (как и предыдущие сведения, это заимствовано из книжки И. М. Соловьева «Русские университеты», стр. 157 и сл.):

«Должно сознаться, что прилив к университету лиц из высших сословий стал заметно отзываться к лучшему на студенческих нравах и обычаях. Понятия солидарности, товарищества стали все более прививаться, а из уст нашего любимого попечителя кн. Дондукова-Корсакова (любимого преимущественно за его редкое вмешательство в университетские и студенческие дела) нередко приходилось нам слышать даже такие слова, как ésprit de corps и т. п.

«Не могу положительно утверждать, возникла ли мысль об устройстве корпорации в этом же 1836 г., но что корпорация уже существовала в 1837 г., о том свидетельствовали тогда, между прочим, следующие несомненные признаки. В шинельной, которая служила нам в то же время курильней и местом для завтрака, стали появляться сплоченные группы студентов и оттуда нередко слышался знакомый мне напев той или другой бурсацкой[1] песни, переведенной с немецкого бывшим дерптским студентом Н. М. Языковым, или вылетало какое-либо слово, заимствованное из бурсацкого жаргона»... По поводу оскорбления одного студента другим «произошло между студентами значительное волнение, по всей вероятности, первое с основания университета; начались сходки в аудиториях, явились ораторы pro и contra... Неожиданно явившийся между студентами антагонизм имел также свою хорошую сторону. Несколько некорпорантов, желая парализовать влияние сплотившейся так называемой аристократической партии каким либо учреждением, в котором приняли бы участие все студенты, задумали учредить кассу для воспомоществования нуждающимся товарищам. Для образования фонда положено было вносить ежемесячно по одному рублю, но так как более достаточные из студентов-корпорантов почти вовсе не сочувствовали этому делу и постоянно уклонялись от определенных взносов, то эта касса, просуществовав два года, скончалась от истощения».

С открытым протестом выступила корпорация против профессора Шакеева, назначенного читать лекции филологам вместо «обожаемого студентами всех курсов» М. С. Куторги. Шакеев был встречен шиканьем. «На следующей затем лекции профессора Куторги он был встречен восторженными рукоплесканиями и по окончании оной вынесен студентами на руках с лестницы».

---

[1] В данном случае под бурсаками разумелись немецкие корпоранты — бурши.

То же самое происходило и в Московском университете. В Московском университете центром, организующим вольнолюбивые, восприимчивые к усвоению буржуазных идей Запада слои дворянского студенчества, были кружки Станкевича и Герцена.

«Кружок Герцена — Огарева был «политическим» кружком в противоположность не менее знаменитому кружку Станкевича, отличавшемуся философским направлением. «Философы» довольно высокомерно посматривали на «политиков», подозревая их в отсутствии основательности. Тем не менее к «философам» столько же, сколько и к «политикам», применимо то замечание Герцена, что тогдашняя учащаяся молодежь, интересуясь вопросами теории, не отворачивалась от вопросов жизни. От К. С. Аксакова, который был одним из членов кружка Станкевича, мы узнаем, что в кружке этом «выработалось уже общее воззрение на Россию, на жизнь, на литературу, на мир», — и притом, заметьте это, «воззрение большей частью отрицательное». Если это было так между «философами», то тем полнее должно было господствовать отрицательное воззрение между «политиками».

«Политики» были неутомимыми пропагандистами. Герцен говорит: «Там, где открывалась возможность обращать, проповедывать, там мы были со всем сердцем и помышлением, неотступно, безотвязно, не щадя ни времени, ни труда, ни кокетства даже».

Что же, собственно, проповедывали они? За ответом на этот вопрос я опять предпочитаю обратиться прямо к Герцену.

«Что мы, собственно, проповедывали, трудно сказать. Идеи были смутны: мы проповедывали французскую революцию; потом проповедывали сен-симонизм и ту же революцию; мы проповедывали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедывали ненависть ко всякому насилию, ко всякому произволу» (Г. В. Плеханов. А. И. Герцен и крепостное право. Соч. т. XXIII, стр. 283—284).

Здесь не место останавливаться на роли А. И. Герцена в русском революционном движении. Краткая оценка этой роли сделана В. И. Лениным в цитированной нами статье его «Памяти Герцена» (соб. соч. т. XII, ч. 1). Нам необходимо только отметить, что деятельность кружка Герцена никак не укладывается в пресловутую схему Выдрина, повторяемую без критики М. Н. Покровским и др. марксистами, не заглядывавшими во внутреннюю жизнь студенческих кружков и организаций, а судящих о них по внешним проявлениям.

Таким внешним проявлением деятельности кружка Герцена была так называемая «Маловская история».

«Малов, — рассказывает А. И. Герцен, — был глупый, грубый и необразованный профессор в политическом отделении. Студенты презирали его, смеялись над ним. «Сколько у вас профессоров в отделении?» спросил как-то попечитель у студента в политической аудитории. «Без Малова девять», отвечал студент. Вот

этот-то профессор, которого надо было вычесть для того, чтобы осталось девять, стал больше и больше делать дерзостей студентам; студенты решились прогнать его из аудитории. Сговорившись, они прислали в наше отделение двух парламентеров, приглашая меня придти с вспомогательным войском. Я тотчас объявил клич идти войной на Малова, несколько человек пошли со мной. Когда мы пришли в политическую аудиторию, Малов был налицо и видел нас.

«У всех студентов на лицах был написан один страх: ну, как он в этот день не сделает грубого замечания. Страх этот скоро прошел. Через край полная аудитория была непокойна и издавала глухой, сдавленный гул. Малов сделал какое-то замечание, началось шарканье. «Вы выражаете ваши мысли, как лошади, ногами», заметил Малов, воображавший вероятно, что лошади думают галопом и рысью, — и буря поднялась, свист, шиканье, крик: «вон его, вон его, pereat!» Малов, бледный, как полотно, сделал отчаянное усилие овладеть шумом и не мог; студенты вскочили на лавки. Малов тихо сошел с кафедры и, съежившись, стал пробираться к дверям; аудитория за ним, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслед за ним его калоши. Последнее обстоятельство было важно, на улице дело получило совсем иной характер: но будто есть на свете молодые люди 17, 18 лет, которые думают об этом.

«Университетский совет перепугался и убедил попечителя представить дело оконченным и для того виновных или так кого-нибудь посадить в карцер. Это было не глупо. Легко может быть, что в противном случае государь прислал бы флигель-адъютанта, который для получения креста сделал бы из этого дела заговор, восстание, бунт и предложил бы всех отправить на каторжную работу, а государь помиловал бы в солдаты. Видя, что порок наказан и нравственность торжествует, государь ограничился тем, что утвердил волю студентов и отставил профессора. Мы Малова прогнали до университетских ворот, а он его выгнал за ворота» («Былое и Думы». Соч. А. И. Герцена, т. II, стр. 87—88, изд. 1905 г.).

В число посаженных за Маловскую историю попал и Герцен.

«Нас было велено содержать на хлебе и воде, — рассказывает он там же, — ректор прислал какой-то суп, мы отказались и хорошо сделали; как только смерклось и университет опустел, товарищи принесли нам сыру, дичи, сигар, вина и ликеру. Солдат сердился, ворчал, брал двугривенные и носил припасы. После полуночи он пошел далее и пустил к нам несколько человек гостей. Так проводили мы время, пируя ночью и ложась спать днем».

Уже по этой картине видно, что попали в карцер представители привилегированного сословия. И кружок Герцена, и кружок Станкевича были, при всем различии направлений, дворянскими кружками. Представители других сословий держались в стороне.

«Так, например, — рассказывает Герцен (стр. 79—80), — медицинское отделение, находившееся по другую сторону сада, не было с нами так близко, как прочие факультеты; к тому же его большинство состояло из семинаристов и немцев. Немцы держали себя несколько в стороне и были очень пропитаны западно-мещанским духом. Все воспитание несчастных семинаристов, все их понятия были совсем иные, чем у нас, мы говорили разными языками; они, выросшие под гнетом монашеского деспотизма, забитые своей риторикой и теологией, завидовали нашей развязности; мы — досадовали на их христианское смирение».

Таким образом уже в 30-х годах студенчество было дифференцировано и наиболее политически воспитанною его частью являлось студенчество дворянское, из того слоя дворянства, которое в силу своего экономического положения было воспримчиво к буржуазным и социально-утопическим идеям Запада. В Москве это было преимущественно среднее дворянство. Благодаря однородности участвовавшего в политической жизни слоя студенчества в нем царил дух товарищества. «Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, быстро сплавлялась в компактную массу товарищества», — пишет А. И. Герцен в «Былое и Думы» (стр. 70).

«Порядочный круг студентов не принимал больше науку за необходимый, но скучный проселок, которым скорее объезжают в коллежские асессоры»... «С другой стороны, научный интерес не успел еще выродиться в доктринаризм; наука не отвлекала от вмешательства в жизнь, страдавшую вокруг. Это сочувствие с нею необыкновенно поднимало гражданскую нравственность студентов. Мы и наши товарищи говорили в аудитории открыто все, что приходило в голову; тетрадки запрещенных стихов ходили из рук в руки, запрещенные книги читались с комментариями и, при всем том, я не помню ни одного доноса из аудитории, ни одного предательства. Были робкие молодые люди, уклонявшиеся, отстранявшиеся, — но и те молчали» (стр. 86—87).

Свое нерасположение к плебейской части студентов и вообще «молодого поколения» А. И. Герцен сохранил и в 60-е годы. «Какой умница! Какой умница! — говорил о нем Н. Г. Чернышевский, представитель этого молодого поколения. — И как отстал... А время теперь идет с страшной быстротой: один месяц стоит прежних десяти лет! Присмотришься, — у него все еще в нутре московский барин сидит!» (В. П. Батуринский. А. И. Герцен и его друзья. СПБ, 1904, стр. 103).

А в то же время «студент-разночинец частью опередил тогда студента-дворянина, частью подчинил его своему влиянию. Это изменение в удельном весе разночинного общественного элемента нашло свое выражение в истории наших общественных идей. Когда наши народники 70-х годов утверждали, что интеллигенция орга-

низует наиболее отзывчивые элементы крестьянства и возьмется вместе с ними за осуществление идеалов «Земли и Воли», они имели в виду интеллигентов-разночинцев. А когда Герцен, в начале 50-х годов, говорил, что наша интеллигенция принесет народу последние (социалистические) выводы западно-европейской мысли, он подразумевал дворянскую интеллигенцию. Так, например, в своем сочинении: «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» (Paris 1851, p. 84) он прямо говорит, что «работа революционной мысли совершалась у нас не в правительстве и не в народе, а в мелком и среднем дворянстве». То же повторяет он и в некоторых других случаях» (Г. В. Плеханов. Соч., т. XXIII, стр. 282—283).

«Припомним основные черты крестьянской реформы 1861 года. Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними... «Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу.

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг на пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это содержание выступало наружу тем сильнее, чем меньше урезывались крестьянские земли, чем полнее отделялись они от помещичьих, чем ниже был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем свободнее от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. Поскольку крестьянин вырывался из-под власти крепостника, постольку он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 1861 года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века.

«Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли

об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти.

«Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крестьян[1]. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский.

«19-е февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию...»

«Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя через препоны и рогатки цензуры идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 1861 года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители[2], как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский называл «болту-

---

[1] Подчеркнуто мною. Мнение Ленина подтверждается материалом, собранным И. И. Игнатович («Великая реформа» изд. Сытина. М. 1911, т. V, стр. 127—179). «Недоразумения», беспорядки, «волнения» начались почти немедленно после объявления манифеста... Только за два года (с 1861 по 1863 г.), по официальным данным М. В. Д. произошло 1100 волнений, т. е. больше, чем известно было в М. В. Д. за 35-летний период перед раскрепощением». Также донесениями «свитских генерал-майоров и флигель-адъютантов» (там же, стр. 179—211). Живой рассказ о настроении крестьян перед манифестом напечатан там же: П. А. Зеленый (т. IV, стр. 86—93): «Волею пахнет само собой, как летом в лесу сосною»...

[2] Так, например, с полным нравственным удовлетворением и душевным спокойствием экспроприировал своих крестьян блестящий предшественник П. Н. Милюкова на посту вождя русских либералов — К. Д. Кавелин.

нами, хвастунами и дурачьем», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими» (В. И. Ленин. Соб. соч., т. XI, ч. 2, стр. 261—263).

Либеральные деятели освобождения не оставались в долгу у Чернышевского. Приведем только отзыв Б. Н. Чичерина, человека прямого и резкого, который умел ярко выражать то, что думал: «Многие доселе причисляют Чернышевского, Добролюбова и К-о к деятелям эпохи преобразований. Их можно считать деятелями разве только на подобие мух, которые гадят картину великого художника» («Россия накануне XX столетия», стр. 19. Книжка издана без цензуры). И действительно, Чернышевский не имел ничего общего с деятелями «крестьянской реформы». Но он был самым выдающимся представителем революционера-разночинца. Последний вышел из самой разнообразной среды, как по классовому положению в дореформенном обществе, так и по уровню культурного развития. Напрасно было бы в этой пестрой деклассированной массе искать единства идей и направлений. Что ее до известной степени объединяло,— это ненависть к крепостническим отношениям и надежды на бунтующий народ, как на силу, способную разрушить остатки старого строя.

Наиболее революционный, наиболее демократический слой революционных разночинцев вплоть до 80—90-х годов прошлого столетия представлял интересы крестьянства, как класса, в дореформенный период противостоявшего дворянству — землевладельцам.

Ленин, в противоположность историкам богдановской школы, со всею резкостью обрушивался против тех, кто выделяет интеллигенцию в самостоятельную классовую категорию и ищет классовых корней ее воззрений в ней самой. Так, например, он писал в полемике с «Вехами».

«Письмо Белинского к Гоголю, вещают «Вехи», есть «пламенное и классическое выражение интеллигентского настроения» (56)... «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского [а Белинский был разночинец] в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависила от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?

«Московские Ведомости» всегда доказывали, что русская демократия, начиная хотя бы с Белинского, отнюдь не выражает интересов самых широких масс населения в борьбе за элементарнейшие права народа, нарушаемые крепостническими учреждениями, а выражает только «интеллигентское настроение». Программа «Вех» и «Московских Ведомостей» одинакова и в философии и в публицистике» (Соб. соч., т. XI, ч. 2, стр. 517 [1]).

---

[1] В полемике с Ю. О. Мартовым и Л. Д. Троцким В. И. Ленин писал (Соб. соч. т. XI, ч. 2, стр. 302 и 304): «Пропасть между взглядами

В статье против Струве (Соб. соч., т. II, стр. 83—84) В. И. Ленин указывает, как исторически, под влиянием формирования и самоопределения пореформенных классов, появлялись различные течения в интеллигенции.

«Как только сословности в России нанесен был решительный удар (1861), — тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри «народа», а наряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели, да и не могли еще видеть, образования противоположных классов).

«Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском обществе, заставило признать факт разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм».

В такую эпоху разложения старых общественных отношений и появления на общественной арене новых классов родилось и прогрессировало студенческое движение, — новый фактор в истории Московского и других университетов.

Внешняя история этого движения более или менее известна. Но она и мало интересна и очень шаблонна. Студенты начинали собираться на сходки, их окружала полиция, арестовывала, иногда избивала, отводила в манеж и «Бутырки» и, продержав там известное время, налагала ту или иную кару на крамольников.

Другое дело — внутренняя жизнь студенчества. Она очень мало изучена. Трехтомный труд по истории студенческого движения С. Г. Сватикова погиб со всеми материалами, послужившими к его составлению. Книжка Б. Фрометта была конфискована до выхода ее в свет. Единственный ее экземпляр, имевшийся в библиотеке им. Ленина, экспроприирован и недоступен ни отдельным лицам, ни учреждениям [1]. Краткое изложение содержания последней книжки, сделанное автором на страницах журнала «Вестник студенчества» (№ 7 1917 г.), показывает, что Б. Фрометт внес много положительного в изучение студенческого движения, но не всегда имел в распоряжении необходимый материал. Так он указывает, что «особенно яркую роль сыграло разночинное студенчество в 1899—1905 гг.,

---

«интеллигентов» отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была на деле в конце 1905 г. между классами, именно между революционным борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией...

Развитие фракций русской социал-демократии после революции объясняется опять-таки не «приспособлением интеллигенции к пролетариату», а изменениями в отношениях между классами».

[1] Книжка Б. Фрометта разбирает студенческое движение довольно поверхностно и «не страдает» единством взглядов.

что неверно,так как в эту эпоху, как увидим, руководящую роль в движении играл не «разночинец», а другой социальный слой. Ошибка Б. Фрометта вполне извинительна, так как он сам признает, что «история студенчества этого периода в его многоликом и многообразном виде далеко не изучена».

Такое положение с изучением отдельных эпох студенческой жизни не дает возможности полно изложить историю студенческого движения, а позволило только буржуазным фальсификаторам, типичным образцом которых является С. П. Мельгунов, совершенно извратить характер студенческих волнений. В кратком очерке Московского университета будет достаточно бегло остановиться на различных моментах, характерных для студенческого движения, не столько излагая события, сколько анализируя внутренние отношения различных проявлявшихся в нем течений, чтобы перейти к периоду «бурь и натиска», по определению Б. Фрометта (1899—1902 гг.), детально нами изученному по первоисточникам. История этого кульминационного момента студенческого движения в Московском университете позволяет верно судить и о предшествовавшей эпохе и о развитии движения в последующее время.

Движение 1861 года относится к числу наиболее изученных. Внешняя история его такова.

Как мы видели, захват университета студенчеством и «обществом» и «неумеренная» свобода, которая там воцарилась, вызвали призывы со стороны правящего дворянства к «сильной власти». И эта власть пришла.

Составитель «очерка правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков» А. И. Георгиевский (материалы по истории студенческого движения в России. Из-во «Свободная мысль». Лондон—СПБ, 1906, стр. 3—4) [1] в разделе «подчинение студентов общей полиции и учебному начальству (1858—1861 гг.)» рассказывает о мерах, предпринятых правительством для «упорядочения» университетской жизни. Прежде всего последовало «высочайшее повеление от 6 мая 1859 г. о подчинении студентов вне университетских зданий полицейским установлениям и надзору полиции на общем основании».

Эту меру вскоре пришлось дополнить разъяснением (от 14 января 1860 г.) о том, «что подчинение студентов надзору общей полиции не избавляет их от повиновения университетскому начальству и вне зданий университета, причем полиции вменялось в обязанность извещать университетское начальство о всех проступках студентов, а университетскому начальству сообщать полиции о намерениях студентов, клонящихся к нарушению общественного по-

---

[1] В дальнейшем книга цитируется по одному из уцелевших полному экземпляру. Есть указания, что книга верноподданнейшего чиновника А. И. Георгиевского показалась опасной благодаря обилию собранного в ней фактического материала и была сожжена за исключением семи экземпляров.

рядка; вместе с тем предоставлялось студентам вне зданий университета ходить в партикулярной одежде».

Затем воспоследовало «запрещение всяких сходок и депутаций и отмена форменной одежды» [1]. «Тогда же последовало другое высочайшее повеление, коим освобождались от ежегодной платы за учение только те действительно бедные студенты, которые до поступления в университет признаны на экзамене достойнейшими, и притом не более двоих на каждую принадлежащую к университетскому округу губернию, в том числе один из учившихся в гимназии («других исключений не допускается ни под каким предлогом»), и о назначении пособий и стипендий только отличившимся бедным студентам, преимущественно из гимназистов университетского округа. Здесь впервые высказывалось как бы желание ограничить наплыв в университеты бедняков, особенно же из губерний посторонних учебных округов.

Все эти меры, — добавляет А. И. Георгиевский, — не привели ни к каким результатам, тем более, что они не были в точности и выполняемы».

Для проведения всех этих мер полицейского и экономического воздействия, предназначенных для усмирения университетской вольницы, министр народного просвещения Е. П. Ковалевский оказался мало подходящим человеком. Никитенко записал в своем дневнике: «Ковалевский встретил страшные нападки на беспорядки, производимые студентами. Он ссылался на дух времени, но это не помогло. Государь назначил графа Строганова, графа Панина и князя Долгорукова рассмотреть записку о мерах, которые он предлагает. Собственно говоря, это значит подвергнуть министерство контролю и вверить попечение о делах его посторонним силам».

Е. П. Ковалевский в докладе, представленном в апреле 1861 г., «отстаивал тот принцип, что университеты должны быть прежде всего рассадниками просвещения, а отнюдь не привлекать для служебных прав», а о «брожении умов» молодежи утверждал, что «оно существует в настоящее время, к сожалению, почти везде и, не принадлежа одному сословию студентов, идет не от них к обществу, а обратно».

Понятно, что взгляды Ковалевского, горного инженера по образованию и представителя буржуазных тенденций в русском дворянстве, не нравились правящей дворянской клике, для которой университет являлся фабрикой верноподданных чиновников. Представитель ортодоксальных дворянских взглядов граф Строганов «проектировал возвращение к николаевским временам и реставрировал снова мысль о строго-классовом дворянском университете».

---

[1] Студенческий мундир со шпагой причислял студентов к привилегированным сословиям. «Будущий знаменитый шеф жандармов и вдохновитель реакционной политики генерал Шувалов причину всех беспорядков видел в ношении форменной одежды и тех преимуществах, которые как бы делают студенчество особым сословием».

Хотя проект графа Строганова провалился, но под влиянием травли, начавшейся против него, Ковалевский подал в отставку и был замещен с июня 1861 г. генерал-адъютантом, адмиралом Е. В. Путятиным, про которого М. П. Погодин писал в одном письме: «А просвещение-то наше! О, горе нам, горе! Путятина нашли на дне моря, да без премудрости и успели напакостить много»...

В правление адмирала Путятина были введены знаменитые «матрикулы», заимствованные из практики Дерптского университета — особые книжки с правилами, которые выдавались каждому студенту. Эти «матрикулы», как впоследствии «временные правила» 1899 г., и послужили либеральным фальсификаторам поводом свести студенческое движение к протесту против них.

Действительно, популярная песня, сложенная в то время и которую передали нам наши отцы, начиналась словами:

Честь и слава тем студентам,
Кто не брал матрикул,
Не страшился казематов
И не падал духом...

Но заключительный куплет этой же песни заставляет усомниться в правильности либеральной оценки движения. Он гласил:

Без боязни слово правды
Скажем мы народу
И умрем мы, если надо,
За его свободу.

Студенческое движение началось задолго до издания путятинских правил. Оно явилось ответом на общую тенденцию правительства реставрировать старый порядок и прежде всего его вызвали выяснившиеся результаты «крестьянской реформы». Когда возвещена была эта реформа, представители дворянской и разночинной демократии, Герцен и Чернышевский, оказались не чуждыми иллюзий, что свобода может быть дарована с высоты престола. К 1861 году эти иллюзии, характерные для представителей утопического социализма, были безжалостно разбиты. Но Герцен и Чернышевский были только наиболее яркими и талантливыми представителями общества своей эпохи. И клич, брошенный Герценом: «В народ! к народу» («Колокол» от 1 ноября 1861 г., № 110) — был отзвуком того, чем жили сотни участников студенческого движения. Движение вылилось в большую политическую демонстрацию в Казани, совсем не по академическому поводу, задолго до путятинских правил, 16 апреля 1861 года. «Поводом к ней послужила кровавая расправа с «освобожденными» крестьянами в селе Бездне. Весть о суровой репрессии облетела все Поволжье, и в Казани была отслужена в кладбищенской церкви панихида по убиенным. В этом печальном торжестве приняли участие студенты, а тогдашний наиболее популярный профессор А. П. Щапов произнес следующую горячую речь: «Други,

нечеловеколюбиво убиенные! Сам Христос возвещал народу искупительную свободу, братство и равенство, во времена Римской империи и рабства народов, и по Пилатскому суду кровию запечатлел свое демократическое учение. В России за 160 лет стали являться по причине отсутствия просвещения, среди сельских общин, свои мнимые христы, которые по-своему возвещали свободу от своего рабского страдальческого положения в государстве. С половины XVIII в. эти мнимые христы стали называться пророками, искупителями сельского народа; вот, явился новый пророк [1] и так же возвещал во имя божие свободу и зато много невинных жертв пострадало, не поняв ограниченного государственного положения по причине недарованного им просвещения. Мир праху вашему, бедные страдальцы, и вечная память! Да успокоит господь ваши души и да здравствует общинная свобода, даруемая вашим живым собратиям»... (И. Н. Бороздин. Ист. России в XIX веке, т. IV, стр. 200—201).

Демонстрация была устроена не студентами, а радикальной частью тогдашнего казанского общества; студенты только участвовали в ней («Великая реформа», т. V, стр. 218—219). «Участники панихиды понесли более или менее суровые наказания».

В этом казанском выступлении студенчества, как видно из вышеизложенного, не было никакой связи с деятельностью министерства народного просвещения и оно не носило академического характера.

Такой же характер носило и движение в Петербурге. Новейший историк этого движения С. Гессен (Революционное движение 1860 годов. Из-во политкаторжан, М., 1932, стр. 9) совершенно справедливо начинает свою статью: «Петербургский университет осенью 1861 г.» — словами:

«Со второй половины 1850-х гг. напряженное настроение, проникавшее во все слои русского общества, стало просачиваться сквозь стены высших учебных заведений. В радикальных литературных кружках, а потом и в революционных организациях замелькали студенческие мундиры».

Первое крупное столкновение студенчества с властями произошло 8 февраля 1861 г. на годичном акте, когда «за недостатком

---

[1] Здесь подразумевается инициатор крестьянского мятежа в Бездне Антон Петров (прим. И. Н. Бороздина). Антон Петров вовсе не был инициатором мятежа («Великая реформа», стр. 214—215). М. К. Корбут в своей книге «Казанский государственный университет» (стр. 177) приводит отрывок речи Щапова по тексту, написанному его рукой и напечатанному только в 1923 г. Согласно этому варианту речь кончалась словами: «Земля, которую вы возделывали, плодами которой питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и свободе... Мир праху вашему и вечная историческая память вашему самоотверженному подвигу. Да здравствует демократическая конституция!»

времени», запрещена была речь проф. Н. И. Костомарова, посвященная Константину Аксакову, — говорится в примечании (стр. 20), т. е. движение началось опять-таки задолго до назначения Е. В. Путятина.

Осеннее движение 1861 г. носило общественный характер, что видно уже потому, что оно происходило на улице, что в нем участвовали, наряду со студентами представители радикального общества. Каков был повод к выступлению, в данном случае не представляет интереса. Ведь никто не решится утверждать, что движение 9 января 1905 года носило экономический характер на том основании, что непосредственным поводом к выступлению питерских рабочих послужило увольнение четырех рабочих Путиловского завода и началось оно забастовкой солидарности.

«Едва университет был открыт, — рассказывает в своих воспоминаниях студент того времени и видный среди него деятель Л. Ф. Пантелеев (Из воспоминаний прошлого. СПБ, 1905, стр. 184), — как сейчас же сформировался негласный студенческий комитет, который и решил вести самую энергическую борьбу против новых правил. Несмотря на то, что члены его один за другим подверглись аресту, он однако, постоянно обновляясь, просуществовал целый месяц и достиг в результате крайней намеченной цели — закрытия университета».

Волнения приняли открытый характер 23-го сентября 1861 г., когда студенты устроили в актовом зале сходку, на которой «один из студентов (Николай Утин) с кафедры говорил своим товарищам о необходимости просить начальство отменить вводимые дисциплинарные правила, разрешить сходки студентов и освободить от платы за лекции».

В ответ на это правительство закрыло университет, «пока будут изготовлены матрикулы... объявление о временном прекращении лекций выставлено было при дверях университета, и вход в оные воспрещен».

Интересно, что эти матрикулы были рекомендованы особой комиссией профессоров Петербургского университета, занимавшейся выработкой правил об организации студентов и надзора за ними. «Эти правила, выработанные профессорской коллегией, были утверждены Путятиным, однако, как гласит официальное известие, с «незначительными изменениями» [1] (Бороздин. Ист. России в XIX в. т. IV, стр. 201—202).

Собравшиеся утром 25 сентября студенты, прочтя объявление о закрытии университета, не разошлись, а толпою направились к квартире попечителя округа, кавказского генерала Г. И. Филиппсона, который сообщал в своем донесении, что «между студентами было много посторонних лиц, как-то: медиков, офицеров разных

---

[1] Изменения касались не матрикул, а корпоративных прав студентов. Кавелин. Соч. т. II, ст. 1199.

оружий и людей в частной одежде, ничего не имеющих общего с университетом». То же сообщает в своих «Воспоминаниях» (стр. 130) Н. В. Шелгунов: в толпе были «и студенты, и штатские, и офицеры». Демонстранты были окружены нарядами войск и полиции, во главе которых находились управляющий III отделением граф П. А. Шувалов и петербургский обер-полицеймейстер А. В. Паткуль, «которые, по словам донесения попечителя, — объявили толпе, что войска призваны собственно для полицейских наблюдений при таком скоплении, а не для действия оружием». В то же время в корреспонденции герценовского «Колокола» (1861 г. № 110) сообщалось, что «Игнатьев-Мальковский шептал Филиппсону: «Все готово, можно начинать!» Что начинать? — спрашивал Герцен, — бойню юношей, резню на университетском дворе?.. Что к этому прибавлять!»

К успокоительным словам начальства вооруженных отрядов студенты отнеслись недоверчиво и, направившись в университет, заставили попечителя итти пешком впереди демонстрации, а потом, когда он сел на дрожки, эскортировали его шаг за шагом через Дворцовый мост до университета.

Интересно, что когда профессор Никитенко обратился к студентам со словами, «что такими выходками они вредят университету и науке», один из них ответил: «Что за наука, Александр Васильевич! Мы решаем современные вопросы».

«В это время, — сообщал попечитель, — толпа увеличивалась втрое множеством разного сброда, привлеченного любопытством в этой многолюдной части города» (Гессен., стр. 12—13).

В университете депутаты студентов Е. П. Михаэлис, К. А. Ген и П. К. Стефанович, запросив попечителя, почему закрыт университет и надолго ли? — сказали, «что студенты единогласно решили принять матрикулы, дать честное слово в исполнении правил и нарушать это слово, которое, как вынужденная присяга, необязательно» (Гессен, стр. 13).

Правительство применило свою обычную меру воздействия. В ночь с 25-го на 26 сентября были арестованы депутаты Михаэлис, Ген, Стефанович, крупный деятель движения Н. И. Утин и ряд других студентов, принимавших наиболее активное участие в волнениях. 26 сентября они уже были в Петропавловской крепости.

27 сентября на университетском дворе собралась сходка в 600 человек. «Из них по крайней мере четвертая часть была не студенты, а люди разных званий и сословий», — сообщал попечитель. Против сходки был двинут батальон Финляндского полка во главе с генерал-губернатором П. Н. Игнатьевым, которому студенты заявили желание отправить депутатов к министру с просьбой об освобождении товарищей. В посылке депутации было отказано, и студенты разошлись. Правительство продолжало производить аресты. 2-го октября, в связи с предстоящей раздачей матрикул,

арестовано было и доставлено в крепость около 25 человек, а 5-го октября захвачена многолюдная студенческая сходка, происходившая на частной квартире.

«Между тем матрикулы для студентов были изготовлены, — писал «Колокол» (1861 г. № 121), правительство объявило через газеты, что желающие принять оные могут подать прошение, те же, которые не подадут прошения в недельный срок со дня объявления, будут считаться уволенными из университета. Желающих принять матрикулы оказалось более 600 человек; не принявших же матрикулы правительство пригласило оставить столицу в 48 часов.

Такое расчленение студентов было причиною сборища около университета 12 октября. Студенты, не принявшие матрикулов, прибыли в университет с целью воспрепятствовать своим товарищам слушать лекции. Полицейское начальство распорядилось о заарестовании этих студентов, и когда воинские команды выводили арестованных со двора университета, то другая толпа студентов бросилась отбивать товарищей. Толпу эту также арестовали, и вместе с первыми, препроводили сперва в крепость, потом в Кронштадт, для содержания под арестом. Разбор виновности сих последних студентов поручен особой комиссии».

Следственные комиссии, — одна — в Петербурге, другая — в Кронштадте, отнеслись к студентам снисходительно. «Обе комиссии находят то, что есть, что студентов не в чем винить, — писал Герцен («Колокол» № 116). — В докладной записке петербургской комиссии даже очень резко указано на все ошибки министерства народного просвещения».

Причиной такого отношения к студентам было не только сочувствие общества (Пантелеев, стр. 186—188), но и то обстоятельство, что деятельность адмирала Путятина не получила одобрения в высших сферах. По сведениям Герцена («Колокол» № 116), план преобразования, изложенный Путятиным, вызвал реплику Александра II, «что это нелепо». На заседании особого совета министров 2-го ноября «был поднят вопрос: каким путем решить участь захваченных студентов? Милютин предлагал путь законный, т. е. после следствия — суд. Игнатьев предложил отдать всех бунтовщиков в солдаты — для примера. Шувалов, раздувший всю эту историю, предложил полную амнистию, желая с успехами при дворе соединить популярность. Все три мнения были отвергнуты». Дело кончилось обычным при Александре II компромиссом. Постановили «решить дело административно, в совете министров, т. е. решили не стесняться ничем в полицейском произволе».

Изъятие радикальной части студентов не внесло успокоения в университетскую жизнь. Одновременно со студенческой произошла профессорская история. Если студенты-радикалы вступали в резкие столкновения с профессорами уже в самом начале движения (Пантелеев, стр. 184—185, 210, 214), то умеренная часть принимавших участие в движении студентов была связана с про-

фессорами прогрессивного лагеря тесными идейными узами. Типичным представителем этой части студентов является В. П. Острогорский, оставивший интересные воспоминания о том времени («Из истории моего учительства», СПБ, 1895 г.). Отставка передовых либеральных профессоров К. Д. Кавелина, А. Н. Пыпина, Б. И. Утина, М. М. Стасюлевича, В. Д. Спасовича, о которой стало известно к середине октября, взволновала и «матрикулистов». Если радикальная — политическая часть студентов действовала преимущественно на улице, смешиваясь с «обществом», то культурническая часть прибегала, как к оружию, к академической забастовке [1], — явление, которое повторяется на всем протяжении истории студенческих волнений. «Когда часть студентов, и притом довольно значительная, взяла матрикулы, — рассказывает Пантелеев (стр. 187), — они однако после событий 14-го октября [тогда подали в отставку: Кавелин, Спасович, Стасюлевич, Б. Утин и Пыпин] не ходили на лекции, и пустой университет пришлось закрыть».

«Ныне Петербургский университет номинально открыт, — писал Герцен («Колокол» № 116), — но в действительности никто не ходит и лекции не читаются».

Мы видели выше, как единодушно действовали против московских студентов их профессора. Так же единодушными противниками радикальных студентов были и петербургские профессора. «С июля 1860 г., — рассказывает В. Д. Спасович (Воспоминания о К. Д. Кавелине. Соч. Кавелина, т. II, СПБ, 1898, стр. XIX), — я уже был экстраординарным профессором, и очень хорошо помню, что при обмене мыслей в совете мы, профессора, вполне ясно понимали, что наша задача будет нелегка; что нам придется строго взыскивать за нарушение правил, за всякие попытки политической агитации между студентами. Мы знали, что молодых людей горячих, хотя бы они были и даровитые, придется исключить»... «В течение двух недель, — рассказывает Спасович дальше (стр. XXI—XXII), — с 25 сентября по 12 октября, профессорский кружок, числом от 12 до 15 человек, к которому в решительные моменты присоединялись и все остальные профессора, собирался почти ежедневно для совещаний на частных квартирах, то у одного, то у другого из профессоров»... «8-го октября... весь совет высказался единогласно за отмену матрикул и изъявил готовность попытаться успокоить студентов, если ему будет предоставлено распоряжаться по своему усмотрению и своими средствами»... «Мы совсем не искали популярности и отлично понимали, что если бы наши услуги были приняты,

---

[1] Отсюда видно, как необоснован утверждение М. Н. Покровского, что в 1899 г. студенчество «усвоило формы» массовой рабочей борьбы, прибегнув к забастовке. К массовому непосещению университета студенты прибегали и в 1861 и в 1869 г. (Русск. истор. в сам. сжат. очерке, изд. 1923 г., стр. 68, о 1869 г. см. С. Г. Сватиков. Студенческое движение 1869 г. Сб. «Наша страна», СПБ, 1907, стр. 212). В 1883 г. студенты призывали к «непосещению лекций» (Богучарский, стр. 166).

и нам была бы предоставлена власть в университете, то, укрощая расходившихся студентов, мы не остановились бы перед самыми энергическими мерами для установления того нормального университетского порядка, который был у нас на уме. Когда университет опустел, не был даже официально закрыт, то Кавелин первый решил, что оставаться дальше в этом университете он не может, но не вменял никому из нас в обязанность последовать его примеру. На эту решимость Кавелина, которой он никому не навязывал, откликнулось только четыре профессора».

Таким образом самые передовые буржуазные профессора Петербургского университета, готовые пожертвовать своей карьерой в борьбе с реакционной политикой начальства, были враждебно настроены и к идеям, и к действиям передового студенчества: революционеров-разночинцев. Не даром профессоров клеймили Герцен и Чернышевский, а Кавелин писал Спасовичу (там же, стр. XXVII): «Вас, говорят, студенты ненавидят. Положим, один комитет ненавидит; да этого одного достаточно, чтобы провалиться с позором, если один из комитетских вздумает выразить ненависть оскорблением. Раскинув дело умом и разумом, я решился возвратиться в университет только в самом крайнем случае».

Что же показывает история студенческого движения 1861 года?

Во-первых то, что, несмотря на объединяющее влияние борьбы против крепостнического строя, внутри борющихся сил буржуазного общества наметилось ясное расхождение буржуазно-либерального и мелко-буржуазного крыла.

Во-вторых, — радикальное, мелко-буржуазное крыло разрывало академическую ограниченность и влеклось к обществу и народу. «Утин после «Думской истории» не раз заводил разговор на тему, что время требует более строгой организации, чем та, которую представляют из себя студенческие кружки, что пора выйти из рамок чисто студенческих интересов. Я, — рассказывал Л. Ф. Пантелеев (стр. 253), — не возражал ни против того, ни против другого, но указывал, что почин должен выйти из кругов с известным общественным положением». В другом месте Пантелеев говорит, что перезбранный «комитет вышел более однотонный в смысле расширения деятельности, до того времени исключительно направленной на чисто студенческие дела» (стр. 222).

В-третьих, — чтобы судить о различных идейных направлениях, обнаружившихся среди борющегося студенчества, нужно взять взгляды Чернышевского, Герцена и, скажем, Кавелина, — вождей различных классовых групп в обществе: «Великорусс», «К молодому поколению», «Барским крестьянам», «Молодую Россию» и др. революционные издания того времени, т. к. все направления, в них отраженные, находили себе сторонников среди революционной и либеральной части студентов.

Если новейший историк движения в Петербургском университете С. Гессен разобрался в приводимых документах и знает, «что студенческое движение заключало в себе разнородные элементы», знает и то, «что если на одном своем, наиболее умеренном, фланге движение это вдохновлялось исключительно и всецело нуждами академического чисто корпоративного характера, то на другом фланге оно уже тесно примыкало к широкому революционному движению»; если С. Гессен указывает, что в этом отдавали себе отчет такие наблюдательные современники, как А. В. Никитенко, то комментатор документов по истории московского движения 1861 г., помещенных в том же сборнике «Революционное движение 1860 годов», этой очевидной для С. Гессена истины не понял, и начинает свои комментарии заведомой буржуазной ложью о том, что «московское студенческое движение 1861 г. по существу своему было движением чисто академическим» (стр. 22).

Движение 1861 г. не было изолированной вспышкой, вызванной наступлением на университеты сухопутного адмирала, а являлось результатом целой фазы в общественном развитии. Первое столкновение московских студентов с органами власти произошло не на академической почве.

С середины 50-х годов, когда в университеты широкой волной влились разночинцы, «начался естественный процесс внутренней организации. Организация шла по различным принципам». В Московском университете польское студенчество организовалось в замкнутую националистическую организацию, в русском студенчестве появились землячества. Первым объявилось рязанское, а за ним сибирское землячество (С. Г. Сватиков. Сб. «Наша страна», СПБ 1907 г., стр. 166). «Всюду студенчество спешило объединиться во имя общего совместного устройства студенческих дел, на почве взаимопомощи, обмена знаниями, на почве совместной защиты своего человеческого достоинства» и своих публичных прав. «Другою характерною чертою студенческого движения этого периода было стремление, в той или иной форме, поделиться с народом своими знаниями».

В пестрой толпе «разночинцев», — продуктов разложения старых сословий, — не было, да и не могло быть единства направлений и взглядов. Это констатируют все воспоминания деятелей той эпохи. Наиболее яркое отражение это расчленение студенчества нашло в статьях бывшего попечителя киевского учебного округа Н. И. Пирогова, фразу которого о «барометре» общества так же много цитируют, как мало понимают.

«Иные смотрят на университеты, как на что-то отдельное, как на храм Весты, — писал Пирогов (соч. т. II, стр. 206—207). — Но на деле, — и это немногие знают, — университет выражает современное общество в котором он живет, более, чем все другие учреждения. Взглянув на университет глубже, можно верно определить и дух общества, и все общественные стремления и дух времени»...

«Общество видно в университете, как в зеркале и перспективе. Университет есть и лучший барометр общества. Если он показывает такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать, — лучше все-таки смотреть и, смотря по времени, действовать».

«В университете два рода представителей: одни представляют степень просвещения и зрелости общества; другие его молодость, его нужды, потребности, направления, взгляды, увлечения, страсти и пороки. Все сосредоточено в одном пункте и потому высказывается яснее и сильнее» [1].

Не было и в 60-х годах единого студенческого движения; была борьба направлений в стенах университета. Если взять только «прогрессистов», по терминологии Пирогова, то и они, представляя из себя, по его словам, меньшинство, сами еще распадались «по резким оттенкам и направлениям».

Говоря о студенческих беспорядках, Пирогов замечает (Соч. т. II, стр. 208, написано в 1862 г.), что они носят троякий характер: «В одних проявляется только грубая сторона общества, в виде насилия; в других выражается, более сознательно, известная мысль, относящаяся до интересов студенческого быта; в-третьих, наконец, эта мысль имеет уже более обширное, более общественное значение. Все три, однако же, обнаружились под влиянием настроения, перешедшего из общества в университет».

Пирогов ясно понимал значение третьего политического движения, а из крупных движений он видел тогда только движение 1861 года. В другом месте он писал (цит. по «Вестнику Воспитания» 1901 г. № 6, стр. 121—122):

«Другая причина [студенческих волнений] лежит еще глубже и еще менее доступна министерству народного просвещения, хотя бы оно проектировало какие угодно распоряжения против нее. Как можно на самом деле не видеть того, что так ясно? Где же как не в стремлениях и действиях молодежи, обнаруживается дух всего просвещенного и полупросвещенного общества, детищем и отраслью которого является эта молодежь? Не университеты, не учебные заведения суть колыбели этих волнений... Учебные заведения могут только служить правительству барометром, указывающим большее или меньшее давление воздуха. Странным остается всегда, что разумные люди занимаются тем, что из-за непогоды бьют по барометру или так его хотят перестроить, чтобы он не показывал непогоды, когда давление воздуха незначительно».

---

[1] Ср. приведенную выше характеристику студенчества, данную В. И. Лениным. Н. И. Пирогов был очень далек от марксизма. По убеждениям он был очень умеренный либерал, к революционному движению он относился с нескрываемым неодобрением. Но он был тонким наблюдателем и добросовестным ученым-естествоиспытателем. Поскольку же лучше он разбирался в общественных явлениях, чем иные современные исследователи, причисляющие себя к марксистам!

Сводя в одно те сведения, которые имеются относительно студенчества 1860 гг., можно констатировать следующее:

1. Крупное феодальное дворянство было слабо представлено в университетах. Как раз после реформы правительством было обращено внимание на укрепление «специально-дворянских высших учебных заведений». — «Эти учреждения преследуют трояко рода цели, — говорит И. И. Скворцов-Степанов (избр. произв. т. I, стр. 14—15): 1) Избавить дворянство от расходов на образование, которые в буржуазном обществе довольно высоки [учреждения содержались на «общегосударственный счет»]. 2) Изъять дворянство из-под действия «свободной конкуренции». Хотя некоторые дворянские заведения обращают больше внимания на танцы и тому подобные изящные искусства, чем на науку, они выдают питомцу такой же диплом, как учебные заведения, в точном значении этого слова. В этом случае, как и в предыдущем, дворянин некапиталистически приспособляется к капиталистическим отношениям, заменяя для себя свободу конкуренции привилегией. 3) Искусственными мерами укрепить феодальный дух в сословии, окончательно подточенном экономическим развитием и утратившем былую однородность своего классового положения и своей социальной психики».

Как видно из таблицы, приводимой дальше (стр. 217), в 1861—1863 гг. число студентов Московского университета из окончивших курс в привилегированных средних учебных заведениях колебалось от 20,5%—24,4%. Преобладающее большинство окончило гимназии (65,6—61,9%), где обучались дети средних дворян и разночинцев, 5,6—6,6% — окончило семинарии; остальные окончили курс в университетах (5,8—5,3%), перейдя с других факультетов, академиях (духовных) — 2,5—1,8%.

Таким образом феодальное дворянство составляло не более $\frac{1}{5}$—$\frac{1}{4}$ студенчества. Эта феодально-дворянская часть студенчества держалась особняком, мало вмешивалась в студенческую общественность, опасалась прямо говорить против крестьянской реформы и отстаивала разве «постепенность освобождения крестьян» (В. Н. Линд. «Великая роформа» т. V, стр. 271).

2. Значительную часть студенчества составляли дети среднего, наиболее культурного и восприимчивого к буржуазной культуре дворянства. Они преимущественно давали представителей правого, умеренного крыла движения. Про эту часть студенчества, к которой принадлежал он сам, В. Н. Линд говорит («Великая реформа», т. V, стр. 271—272):

«Когда открылись губернские комитеты, то многие студенты ездили в свои губернии для ознакомления с их деятельностью, и, по крайней мере, некоторые комитеты, например, Тверской, охотно допускали их присутствовать на своих заседаниях и снабжали их литографированными протоколами, которыми ездившие делились с товарищами, оставшимися в Москве. Личные сношения с дворянами Московской и других губерний вели к выработке в сту-

денческих кружках сочувственного отношения к той или иной из дворянских партий, действовавших в губернских комитетах и в редакционных комиссиях. Многие студенты присутствовали не только на московском дворянском собрании, вырабатывавшем адрес конституционного характера, но и ездили в Тверь на известное собрание 1 февраля 1862 г., постановившее о неудовлетворительности положения 19 февраля, необходимости немедленного прекращения обязательных отношений и немедленного же обще-обязательного выкупа. Под влиянием сближения с различными дворянскими и общественными партиями стала и в студенчестве намечаться некоторая диференциация: образовывались кружки — одни дворянского славянофильского направления, другие с явно выраженной либеральной или революционной тенденцией»... «Кроме личных сношений, на выработку политического мировоззрения московских студентов и в частности их взглядов на крестьянскую реформу влияла также и литература того времени, однако в гораздо меньшей степени, чем можно было бы предположить».

3. Вторую значительную часть студенчества составляли дети чиновников. Поскольку они не порывали со своей средой, это были преимущественно, по определению Н. И. Пирогова, «люди карьеры», которые «дешево покупали науку, чтобы дорого продавать ее в жизни», или, по его же определению, — «равнодушные». «Есть между ними и занимающиеся, и таких большинство, — писал Пирогов, — люди преданные науке»... «Но на всех их поступках лежит печать вялости и равнодушия». Из их среды не выходят общественные деятели и люди, двигающие вперед науку, они бывают только добросовестными работниками везде, где им приходится исполнять приказание других. «В них нет совсем общественного смысла». В этой среде находили признание только те требования академической жизни, которые задевали интересы будущей чиновничьей карьеры. Своими голосами они давали перевес умеренной «академической» партии.

4. Крайние, революционные направления находили себе признание преимущественно среди деклассированных элементов старого общества — «разночинцев». «Была в числе студентов довольно большая группа бывших семинаристов, сыновей сельских священников и церковно-служителей, — рассказывает В. Н. Линд (стр. 271). — Они с детства были близко знакомы с ужасными проявлениями крепостного права и, стоя сравнительно ближе к крестьянству, чем к помещичьей среде, гнет которой они нередко испытывали даже и на себе, они в университете образовали свой кружок, вообще сравнительно умеренного образа мыслей, но с ненавистью относившийся к крепостному праву [1]. Встречаясь со студентами-дворя-

[1] «В первой половине 18 столетия в крепостной зависимости находились иногда не только церковно, но и священнослужители». «В Грузии до 1808 г. многие из священников и диаконов были в крепостной

ями, говорившими о постепенности освобождения крестьян, они резко возражали против таких взглядов, принадлежавших, впрочем, лишь небольшой группе».

Вожаков крайних направлений в ту эпоху, как указано выше, поставляли, преимущественно, разночинцы из дворян. Таким выдающимся вождем революционной части московского студенчества 60-х годов был типичный «разночинец» из помещиков среднего достатка Орловской губернии П. Г. Заичневский. Другим вождем социалистов в Московском университете был П. Э. Аргиропуло, принадлежавший к аристократической греческой фамилии.

Деятельность кружка Аргиропуло — Заичневского не носила академического характера: она выразилась в печатании и распространении запрещенной тогда литературы (статьи Герцена и Огарева, перепечатка «Колокола», «О сущности христианства» Фейербаха, «Сила и материя» Бюхнера и т. д.); в устройстве воскресных школ и преподавании в них (был издан букварь, составленный А. Смирновым, и руководство для преподавателей); в попытках агитации среди крестьян. За эту деятельность Аргиропуло и Заичневский были арестованы 22 июля 1861 г., до начала студенческого движения, так что не могли лично оказать влияния на ход событий. Но участники кружка приняли деятельное участие в движении, возглавив его левое крыло. Участник кружка, известный впоследствии революционный деятель В. С. Праотцев, явился инициатором уличного шествия к генерал-губернатору П. А. Тучкову.

«Столкновение между формами нового общественного строя, складывавшимися в университете, и старым порядком было неизбежно, — писал С. Г. Сватиков («Наша страна», стр. 167), — и оно совершилось в 1861 году». Но «подготовка этого столкновения происходила с 1857 г. и шла в двух направлениях. С одной стороны, образовавшееся в студенческой среде общественное мнение проявлялось в виде протестов против непопулярных профессоров, которые (в большинстве случаев), действительно, не заслуживали того, чтобы занимать кафедры, особенно в тот момент жадного стремления к знанию. Протесты были направлены также против ограничительных мер университетской администрации. С другой стороны, студенчество стало сразу во враждебные отношения с полицией, воспитанной в самом безудержном произволе, с администрацией, которая отнюдь не желала считаться с ростом чувства собственного достоинства в обществе. Объединенное в университете студенчество шумно заявляло свой коллективный протест против всех враждебных

зависимости от тамошних князей и дворянства «по слабости бывшего правительства», и несли оброки и прочие повинности, лежащие на крепостных» [А. Романович-Славатинский. Дворянство в России. СПБ. 1870, стр. 371 и 539]. Так обстояло дело официально. Неофициально бесправное положение сельского духовенства продолжало быть бытовым явлением и в первой половине XIX века «по слабости правительства».

ему действий администрации. Столкновения с профессорами были особенно часты в Казани, где студенчество протестовало против следующих профессоров: против Берви (в 1857 г.), против Больцани (в 1859 г.), против Граве (в 1860 г.), снова против Больцани, а также против Струве (в 1861 г.) [1]. В Москве в 1858 г. произошел протест против проф. Варнека. С другой стороны, студенчество выражало свое сочувствие любимым профессорам (Костомарову, на диспуте с Погодиным, 26 марта 1860 г.), Буличу в 1859 г. в Казани; в 1861 г. на акте 8 февр. студенты энергично протестовали против запрещения Костомарову читать о Кон. Аксакове.

Столкновения с полицией начались с 1857 г., когда полиция избила группу московских студентов».

О «происшествии 29 сентября 1857 г. между студентами Московского университета и полицией» имеется рассказ Л. Ф. Пантелеева («Минувшие годы» № 4, 1908 г., стр. 149—156). Следствие, произведенное по приказу генерал-губернатора Закревского, констатировало, что московская полиция «всегда, как только вздумается ей, без всякого законного повода входит в обывательские дома для производства обыска и распоряжается в них везде, где может, на правах хозяина без церемоний. Если такая бесцеремонность не нравится настоящему хозяину, и он протестует против произвола, то полиция берет, вяжет его и представляет в частный дом; после она сама пишет рапорт, составляет постановление и подает докладную записку начальнику, от которого получает приказание произвести следствие. Порядок совершенно домашний и крайне выгодный для полиции, но, к сожалению, весьма невыгодный для обывателей, при этом порядке полиция всегда должна быть права, а обыватели, особенно из простого класса, люди мелкие и незначительные, но иногда весьма полезные для государства, всегда виноваты».

На почве такого «феодального» понимания полицией своих прав и разыгралась университетская история 29 сентября, совершенно не на академической почве. Согласно официальным документам, в Москве в 1857 г. мещанка Соболева, проживавшая в доме Кузнецовой (Мало-Сергиевский переулок), держала у себя квартирантов студентов. 29 сентября по случаю именин одного из них (кажется, Ганусевича) собралось несколько товарищей. Уже поздно вечером в дом Кузнецовой, под предлогом разыскания подозрительного человека (жулика), якобы в нем скрывавшегося, явился квартальный поручик Симонов в сопровождении лишь одного полицейского унтер-офицера. По приходе в дом Кузнецовой, Симонов вызвал Соболеву и осмотрел внизу все места, где мог скрыться интересовавший его субъект, но никого не нашел. Затем Симонов несколько поднялся по лестнице; унтер-офицер с Соболевой и здесь все осмотрели, но опять же никого не оказалось; потом все останови-

---

[1] См. М. К. Корбут. — История Казанского университета. Ред.

лись на площадке у дверей квартиры, где жили студенты. Тут Симонов начал «шуметь» на Соболеву; это услышали студенты и, выйдя на площадку, узнали от Симонова, что он ищет скрывшегося в их квартире подозрительного человека. Студенты отвечали, что между ними нет никого такого и быть не может. В происшедшем при этом разговоре Симонов, обращаясь по адресу одного из них, сказал: «Так ты-то и есть мошенник, взять его и связать!» На это оскорбление студент Ганусевич ответил ударом, а остальные студенты прогнали Симонова со двора. Скоро, однако, Симонов вернулся в дом Кузнецовой, на этот раз уже в сопровождении достаточной полицейской команды. Студенты заперлись; но Симонов взломал двери и ворвался в квартиру студентов. С криком: «бей и вяжи ляхов-бунтовщиков» (студенты были большею частью поляки) он сам первый с обнаженной шпагой кинулся на студентов, двоих из них ранил, и, не могши достать Ганусевича, «в порыве мести» пустил в него шпагу. Шпага была перехвачена налету и осталась в руках студентов. Симонову, однако, удалось лично захватить Ганусевича и сдать его команде, которая за ноги стащила Ганусевича по лестнице, причем голова его билась о ступеньки лестницы. На дворе Ганусевича связали по рукам и по ногам и бросили на землю.

По времени Симонов спустился на двор и, хотя приказал развязать у Ганусевича ноги, но лишь для того, чтобы отправить его в часть, «прежде, однако, и сам надругался над ним и приказал делать то же и другим».

Чтобы захватить и прочих студентов, Симонов уехал в часть за новым подкреплением. Там бывшему в этот день за частного пристава Морозову он все дело объяснил в том смысле, что студенты избили его, Симонова. Не только Морозов поверил рассказу Симонова, но и бывший при этом брандмейстер был настолько тронут участью Симонова, что по его просьбе отрядил на место происшествия часть пожарной команды.

Сопровождаемый Морозовым, Симонов вновь заявился на квартиру студентов и там принялся не только лично избивать студентов, но и возбуждал к тому команду, «называя их, конечно, не без намерения ляхами-мятежниками», хотя студенты уже не сопротивлялись и некоторые из них были связаны по распоряжению Морозова. Последний пытался было несколько сдержать Симонова, но тот не обратил на это никакого внимания, а напротив, возразил, что он такой же офицер и сам будет отвечать за свои действия.

В конце-концов студенты были перевязаны и доставлены в полицейскую часть (некоторым, однако, удалось этого избежать, и они на другой день оповестили весь университет о ночном происшествии); по дороге Симонов «продолжал бить и поносить студентов до самого частного дома».

Но вот в деле выступает новое лицо — частный пристав Цвиленев; его не было в части, когда доставили туда студентов. Когда

он приехал в часть (свое отсутствие из части в ночное время Цвиленев отказался потом объяснить в военно-следственной комиссии), студенты бросились к нему со словами: «Посмотрите, как мы избиты». Цвиленев обнаружил к ним свое сочувствие лишь тем, что предложил им свои папиросы. Студенты же рассчитывали на большее; они, по собственным словам Цвиленева, «любили его за уменье обращаться с ними». Но Цвиленев, по укоренившемуся в московской полиции порядку, ранее, чем были составлены акт осмотра и так называемое «местное постановление», основываясь лишь на словах Симонова (письменный рапорт был подан позже) и Морозова, сперва словесно, а потом письменно донес обер-полицеймейстеру (известному Берингу), что студенты избили полицию. Беринг в свою очередь поверил Цвиленеву и, ни минуты не колеблясь, свое донесение военному ген.-губернатору озаглавил: «дело о буйстве студентов», и тем «определил характер происшествия прежде, нежели произведено было следствие». Тот же Цвиленев все первоначальное следственное течение дела оставляет в руках Симонова и Морозова.

К счастью, благодаря настояниям попечителя округа ген.-губ. Закревский отдал приказ образовать особую следственную комиссию при участии депутата от университета (кажется, им был Баршев, проф. уголовного права). Ковалевский 4 октября, сообщая о том мин. нар. просв., прибавлял: «трое избитых студентов, из коих Ганусевич и Домановский находились в довольно опасном положении, поправляются, и возникшее по означенному обстоятельству некоторое волнение между студентами прекратилось».

«Происшествие 29 сентября» не только произвело громадное впечатление на московское студенчество, но и послужило толчком к крупным изменениям в направлении его внутренней жизни. Все, конечно, отдавали полную дань справедливости Ковалевскому [попечителю уч. окр., вскоре ставшему министром нар. пр.], но главная роль отводилась самим студентам. При первом известии о ночном избиении студентов весь университет поднялся, как один человек, и энергические настояния попечителя перед Закревским и другими властями были внушены не только одним его личным сочувственным отношением к жертвам полицейского произвола, но и сознанием настоятельной необходимости дать нравственное удовлетворение всему студенчеству, громко заявившему требование полного и беспристрастного расследования дела. Свое требование студенты на сходках подкрепили угрозой забастовки. Катков писал тогда В. П. Безобразову: «Не поступи студенты так энергически, как у нас не привыкли поступать, дело было бы замято и оскорбленные же были бы виноваты».

Таковы были события в Московском университете по описанию Л. Ф. Пантелеева. Он же сообщает, что в заключение всего дела состоялся 9 июня 1858 г. высочайший приказ, повелевший «Симонова, лишив чинов и прав, принадлежащих ему по происхождению,

написать в рядовые с определением на службу по назначению инспекторского департамента; титулярного советника Морозова исключить из службы с тем, чтобы впредь никуда не определять; надворного советника Цвиленева уволить от службы с тем, чтобы впредь к полицейским должностям не определять, и надворного советника Лилеева [штаб-лекаря, составившего ложный акт осмотра студентов и полицейских чинов] отрешить от должности. Пришлось подать в отставку и обер-полицеймейстеру Берингу.

В «Исторической записке», составленной Советом Московского университета по поводу беспорядков 1861 г., говорится: Событие 29 сентября 1857 г. «вызвало в студентах мысль о своем единстве. До тех пор у них не было общих дел, а потому не было ни сходок, ни депутатов. Студенты не думали считать себя корпорацией... Насилие, совершенное над товарищами, почувствовалось как оскорбление всех. Так как первоначально не было принято мер для наряжения следствия и все грозило кончиться ничем, то весь университет взволновался. Каждый день собирались сходки. Тогда попечитель предложил студентам выбрать с каждого курса по 2 депутата, которые могли бы постоянно сноситься с начальством для наблюдения за ходом дел. С тех пор у них укрепилась привычка к сходкам и депутациям [1]».

Однако, к 1861 году это движение не вылилось в такие организационные формы, какие существовали в Петербурге; руководящего органа не создалось и это сказалось на характере московского движения. «В самом начале 60-х годов, — писал В. Н. Линд. («Великая реформа, т. V, стр. 269), — политическое развитие студенчества было еще слабо и повышалось крайне медленно под влиянием событий. Это обусловливалось различными неблагоприятными обстоятельствами: отсутствием общестуденческой организации, случайностью взаимодействия как между отдельными студентами, так и между студенчеством и остальным обществом, полной безучастностью ко всякому живому общественному движению тогдашнего профессорского состава Московского университета».

Единственный политически оформленный кружок Аргиропуло — Заичневского, который мог бы стать ядром политической организации революционного студенчества, был дезорганизован арестом его руководителей. Тем не менее, все историки движения 1861 года в Московском университете, кроме либеральных фальсификаторов, признают, что по существу своему оно было вызвано общими причинами и носило политический характер.

Так, в цитированной записке Совета Московского университета говорилось (А. А. Титов, стр. 5): «Нынешние события суть последствия и отголосок того общего движения, которое охватило

---

[1] Цит. по Пантелееву, стр. 156 № 4 «Мин. годов». Записка напечатана у А. А. Титова: «Студенческие беспорядки в М. У. в 1861 г.» М. 1905.

Россию с 1855 года». Не либеральный заслуженный ординарный профессор Д. Я. Самоквасов в записке, составленной 4 ноября 1901 г. и представляющей из себя критику «Доклада московских профессоров», писал (стр. 20): «Беспорядки в университете, начиная с 60-х годов, имели политические причины и цели».

Вот как описывает начало движения один из современников [Революционное движение 1860 годов, стр. 32]: «Уже с самого начала нынешнего академического года видны были явно высказывавшиеся недовольства студентов: все громко поговаривали о пошлости новых правил студенческих (при сем прилагаемых), о притеснениях вообще образованным классам и студентам в особенности; немаловажной причиной к этим неудовольствиям было и то, что тайная полиция забрала нескольких студентов, прошлый год (академический, дело идет о кружке Аргиропуло — Заичневского) литографировавших «Колокол», Фейербаха, Бюхнера и т. п. Но все эти недовольства смирялись инспектором Московского университета Шестаковым, поистине прекрасным малым: он как-то умел мирить студентов с их положением. Однако, эти недовольства не переставали проявляться и тем самым они стали быть заметными, чем более приезжало студентов с каникул: в последнее время уже сам добрейший Шестаков не мог останавливать сходок. Но все еще не было никаких особенных демонстраций. Наконец в Москву пришла весть о том, что тайная полиция схватила Михайлова, обличенного в государственной измене. Недовольства возросли. Затем вскоре, что самое главное, прилетела в Москву телеграмма о закрытии Петербургского университета: в тот же день начались в университете Московском сильные демонстрации».

В дело вмешались московские профессора, которые решили, что «оставалось прибегнуть к помощи полиции» (Б. Н. Чичерин. Воспоминания, стр. 17), так как «новый попечитель, назначенный на место умершего Бахметева, Николай Васильевич Исаков, был в отпуску. Округом правил его помощник Василий Андреевич Дашков, совершенный младенец, неспособный ни к какому решению или действию».

Но московские власти не шли навстречу домогательству профессоров. «В то время, — пишет Чичерин [стр. 17—18], — Москвою правил Павел Алексеевич Тучков, человек в высшей степени почтенный и благородный, но мягкий и даже слабый. Как у всех русских властей, первая его забота состояла в том, чтобы как-нибудь все уладить втихомолку и не дать разыграться скандалу. В этих видах, когда правление, исчерпав все средства, которыми оно могло располагать, обратилось к нему с просьбой о полицейской помощи, он не только в этом отказал, считая употребление полиции мерою слишком крутою, но частным образом разрешил запрещенные законом сходки».

Этот отзыв Чичерина подтверждается конфиденциальным письмом моск. ген.-губ. Тучкова министру нар. просвещения Путятину

«от 4 ноября 1861 г., напечатанным М. К. Лемке [полное собр. сочинений и писем Герцена. 1919 г., т. XI, стр. 328 — 336). Упрекая профессоров в том, что под влиянием панического страха они не предприняли никаких шагов, чтобы подействовать на молодежь убеждением, Тучков писал: «Мера эта была тем более необходимою и справедливою, что из всего числа студентов Московского университета, которых более 2 тыс., в беспорядках участвовало не более 400 человек. [1].

Я твердо убежден, что вмешательство полиции, т. е. введение команды в аудитории или в ограду университета, лишь раздражило бы умы и остальной молодежи и таким образом повело бы к дальнейшим беспорядкам и, наконец, к закрытию университета».

«Закрытие Московского университета, этого старейшего рассадника отечественного просвещения, пользующегося доверием всей России, не могло бы, по мнению Тучкова, — не произвести самого безотрадного впечатления на все общество, и только одна злонамеренность или беспечная непредусмотрительность или же, наконец, безотчетный страх могли бы заставить прибегнуть к столь опасному и гибельному средству без достаточных и ясных к тому поводов».

Поэтому Тучков осуждал распоряжение правления университета о закрытии двух первых курсов юридического факультета, где 27 сентября студенты устроили сходку, читали с кафедры депешу о закрытии Петербургского университета, подтвержденную полученными некоторыми из них письмами и «громко осуждали такое распоряжение; будучи же приглашены инспектором разойтись, не послушались, при чем даже некоторые из студентов ошикали его».

Профессора не оставались в долгу и всю вину за развитие волнений сваливали на Тучкова, не применившего репрессивных мер. Чичерин (стр. 18) писал: «Тучков сам даже втайне принимал студентов и поправлял составленный ими, вопреки новым правилам, адрес. Я слышал это своими ушами от В. А. Дашкова, у которого

---

[1] «Из числа более 2 000 студентов, ныне учащихся в университете, деятельное участие в беспорядках приняла масса не более 300 человек» (Записка Совета. А. А. Титов, стр. 18).

Примером идейного противника разночинского движения в Московском университете того времени является, напр., известный языко- и литературовед Ф. Е. Корш, выходец из либеральных литературно-профессорских кругов (отец его Е. Ф. был близким другом Герцена и Грановского). В биографии Ф. Е. Корша, написанной А. Грушкой [приложение к 1 части «Отчета о состоянии и действиях И. М. У. за 1915 год»], сказано (стр. 8—9): «Весь погруженный в плодотворные разнообразные и несомненно стихийно увлекавшие его занятия наукой, студент Корш, еще будучи первокурсником, проявил стойкую твердость в благородной борьбе за право учиться и, когда в сентябре (1861 г.) вспыхнули крупные студенческие беспорядки, [он] противодействовал [им] по мере своих сил, уговаривая своих товарищей по курсу, споря с коноводами волнений на сходках и посещая лекции до последней крайности» (см. автобиографию Ф. Е. Корша, стр. 5)».

я был в начале волнений, и который действовал совершенно под влиянием генерал-губернатора. Через это положение крайне обострялось. С одной стороны, корпорация профессоров, не одобряя правительственных мер, твердо стояла за сохранение порядка; с другой стороны, правительственные власти мирволили нарушению закона. На что же можно было опереться?»

О переговорах своих со студентами через главу умеренной студенческой партии, личного его знакомого Н. Н. Раевского, Тучков сам рассказывает в своем конфиденциальном письме; такие же переговоры вел управляющий канцелярией ген.-губернатора Родзевич (Герцен, т. XI, стр. 331). Задачей Тучкова, как он говорит в своем письме министру, было укрепить позицию умеренного крыла движения и тем повлиять на левых. Все свидетельства сходятся на том, что и принимавшие участие в движении 400 студентов «разбились на партии».

Каковы были предложения крайней левой, можно только догадываться по тем отрывочным данным, которые пока опубликованы; известно только, что они не получили большинства. Предположение Б. П. Козьмина (кружок Заичневского и Аргиропуло. «Каторга и Ссылка», 1930 г. № 8—9), что приведенный им на стр. 76—77 проект адреса отражает взгляды кружка Аргиропуло — Заичневского, опровергается документами и свидетельствами, приводимыми тем же Б. П. Козьминым.

Так, один осведомленный современник писал (Революционное движение 1860-х годов, стр. 32): «Студенты разделились на партии — красных или ярых и две умеренных. Последние взяли верх, и новый адрес был составлен в выражениях очень умеренных — мы просим вместо мы требуем». В приводимом Б. П. Козьминым тексте адреса этого «т р е б у е м» нет. Следовательно, это адрес одной из умеренных групп, а не «красных или ярых».

Так что остается, до обнародования адреса последних, судить о нем по косвенным данным: «22 октября 1861 г., — пишет Б. П. Козьмин (стр. 89), — И. С. Аксаков писал В. И. Ламанскому: «Ко мне сначала ходило много студентов и приносили свои адреса. Но «крайняя» партия не соглашалась ни на один сколько-нибудь приличный адрес и прямо объявила, что она вовсе не имеет цели чего-нибудь достигнуть, а признает полезным для общества самую агитацию. Для того, чтобы иметь поляков на своей стороне, положено было в адресе не употреблять слов: «Россия и отечество».

В приводимом Б. П. Козьминым (К истории «Молодой России». «Каторга и Ссылка» 1930 г., № 5, стр. 55) письме П. Г. Заичневского есть такая фраза, подтверждающая свидетельство Аксакова: «Хотелось, наконец, сказать ту правду, которую кто боялся, кто не мог, а кто и не хотел выкрикнуть. Фальшивили, врали, о ж и д а л и б л а г с в е р х у; так было противно, так было гнусно, ч т о е с л и б ы н е м ы, т а к з а н а м и т о ж е с а м о е с д е л а л и д р у г и е».

В какие конкретные формы вылилось такое настроение, можно не гадать, — достаточно ознакомиться с текстом прокламации «Молодая Россия». Только либеральная догма, завещавшая сводить к безобидным «историям» все революционные движения народнического периода[1], во имя которой и «Молодая Россия» сводится к творчеству одного П. Г. Заичневского, могла заставить Б. П. Козьмина прийти к выводу: «по существу своему (движение 1861 года) было движением чисто академическим».

«Крайняя левая» студенческого движения — «красные или ярые», как видно и по прокламации «Молодая Россия» и по всей деятельности кружка Аргиропуло — Заичневского, стремились придать движению политический характер. И это до известной степени удалось, когда 4 октября 1861 года по инициативе «красных» (в литературе персонально назван В. С. Праотцев) была организована демонстрация на могилу Грановского, где, по словам Б. П. Козьмина, «студентами было произнесено две резких антиправительственных речи» (Рев. движ. 1860 гг., стр. 39). Речи произнесли студенты Славутинский и Борисов. Н. С. Славутинский несомненно принадлежал к кружку Аргиропуло — Заичневского. Таким образом и в Московском университете мы встречаемся не с единым движением студенчества, а с борьбою направлений в студенческом движении.

Кроме «красных», по свидетельству современника, существовали в Московском университете две умеренных партии, которые пререкались относительно той или иной редакции, того или иного направления составляемой ими петиции. Часть стояла за то, чтобы направить петицию к царю и затронуть в ней более широкие вопросы студенческой жизни, часть, под влиянием советов Тучкова, настаивала на направлении петиции «не на высочайшее имя, но своему начальству, и притом просить лишь о том, что относится собственно до нужд студентов, а не до предполагаемого ими благоустройства университета, которое вовсе до них не относится» (письмо Тучкова, стр. 331).

Так продолжалось до приезда попечителя, который вернулся из отпуска. «Исаков был военный генерал, вовсе не сведущий в деле народного образования, но человек хладнокровный, твердый, разумный и порядочный», — отзывался о попечителе Б. Н. Чичерин, т. е. грубый бурбон, склонный пойти навстречу домогательствам профессоров о принятии крутых мер. — «Он попал в самый разгар страстей, когда студенты бунтовали, профессора давали им отпор, а генерал-губернатор им мирволил. Разумеется, все обрушилось на

---

[1] Либерал В. Я. Богучарский написал две толстых книги: «Активное народничество 70 гг.» (1912. Изд. М. и С. Сабашниковых) и «Из истории политической борьбы в 70 и 80 гг. XIX века» (1912, изд. «Русская Мысль»), чтобы доказать, что не представляли ни «малейшей опасности» «для государства» ни народническое движение, ни «Народная Воля».

попечителя, от которого главным образом зависел исход дела. Он приехал в университет, и тут произошла неприличная сцена» (Воспоминания, стр. 41).

К приезду Исакова движение переживало критический момент; об этом говорит корреспонденция из Москвы, напечатанная в № 112 «Колокола»: «Студенты Московского университета решили подать адрес государю. Нашлось 500 подписей, а потом выступила на сцену партия, советующаяся с Тучковым; правитель его канцелярии Рудзевич переменил адрес на прошение к Путятину. Подписавшиеся под адресом государю отказались, польские студенты тоже сказали, что к прошению не присоединят своих подписей, тогда как прежде соглашались, если найдется большое число русских, — и вот уже 3 дня дело идет, кажется, ни к чему. В последнее время, когда увидали, что дело пошло очень дурно, из 500 подписавшихся 300 взяли свои подписи назад...»

11 октября трое выбранных депутатов: И. И. Кельсиев, В. С. Праотцев и А. М. Крыжов отправились к попечителю с просьбою принять и направить министру народного просвещения выработанные сходкой умеренные пожелания студентов. Исаков ответил, что он никакого прошения не примет от студентов и с депутатами говорить не хочет. Получив об этом сведения от депутатов, все собравшися на сходку студенты направились толпой к попечителю: «Тут попечитель подвергся разным оскорблениям, но сохранил присутствие духа и отвечал хладнокровно. В толпе раздавались крики: подлец, сын палача. Приехал обер-полицеймейстер. Толпа пропустила его, и он присутствовал, прижавшись к стене, при этой безобразной сцене. У шинели попечителя оторвали в швейцарской рукав, хотели унести ее, но швейцар отбил. В профессорской были Бодянский, Дмитриев [по другим сведениям — Ешевский]. К Бодянскому подошел какой-то студент и сказал про кого-то, что он подлец, Бодянский отвечал: вы сами подлец, — студент нырнул в толпу. Наконец разошлись. Но когда обер-полицеймейстер уезжал с университетского двора, то был провожаем рукоплесканиями и криками ура» (Рев. движ. 60 гг., стр. 24).

Во всем ли точен приведенный рассказ о переговорах с попечителем, неизвестно, но, во всяком случае, объяснения были бурные и «оскорбленный столь дерзким поступком студентов» Исаков в тот же день явился к Тучкову с предложением произвести аресты студентов по списку, составленному университетским начальством, и «отрядить на другой день к университету полицейскую команду для употребления в случае нужды в самом университете».

«Я не считал себя в праве отказать г. попечителю в этом требовании, — сообщал Тучков в своем письме министру (стр. 333), — и в ту же ночь оно было исполнено полициею. Но произведенное, по требованию г. Исакова, арестование нескольких студентов возбудило новое неудовольствие между их сотоварищами. Собравшись утром 12 числа на университетский двор и слыша друг от друга

рассказы, что накануне многие из их товарищей арестованы, они приступили толпою к попечителю, требуя объяснения причины арестования и освобождения арестованных; не получив удовлетворения, они отправились толпою на Тверскую площадь для заявления этого требования мне».

На Тверской площади произошли события, известные, как «битва под Дрезденом» (гостиница, выходившая фасадом на площадь). Рассказ об этой исторической битве напечатан в № 113 «Колокола»:

«В числе двухсот пошли по Тверской. Лишь только вышли они на площадь, раздались свистки, и со всех сторон из засады показались жандармы.

Тут произошла схватка. Многие защищались, но все были взяты; иные бежали, но тогда тулупы, народ, кинулись на них с криками: «бейте поляков, они пришли резать губернатора!» С яростью они брали студентов за воротники, валили, давили, полиция спасала их и говорила прохожим: «Мы спасаем! народ рвет на части бунтовщиков!» Это показалось странным — с чего? Как? Но скоро штука была открыта; то были переодетые будочники и солдаты, и они-то с криками бросались на студентов, желая увлечь народ. Два купца первые открыли это, узнав будочника своего квартала переодетым в тулуп. Все тулупы были с усами, но без бород и кланялись начальству, подымая руку к шапке. Все это играло роль народа и душило студентов, которых полиция спасала; пока это было на площади, по улицам происходили неслыханные вещи. Разъяренные как звери, жандармы пускали во весь опор своих лошадей, давили и скакали на ловлю студентов. Они бросались на всякого, у кого была форма студенческая. Хватали всех без различия. Раевского, который ехал стричься к парикмахеру, вытащили из коляски, другого вытащили из магазина; напали на шедших в клинику. Один студент был гувернером и ехал с детьми, его вытащили из экипажа, дети с испуга выскочили и разбежались, и их потом искал отец целый день. Вытаскивая студентов из экипажа, их волочили по земле, разбивая им лицо. Одного буквально удавили на шарфе и его замертво подняли на бульваре две дамы и сами свезли в клинику. Жандармы его тащили за два конца cache-nez и, думая, что он уже мертв, бросили. За жизнь его Захарьин не отвечает. Другого, Коревына, жандарм ударил палкой по голове; он упал замертво, но скоро приподнял голову, другой жандарм наехал на него лошадью и раздавил его. Его унесли, и он, говорят, умер. Пока шла эта ловля и травля по всей Москве, студентов, взятых на площади, загнали на большой двор Тверской части, что против дома генерал-губернатора и где гауптвахта. Там голодные и холодные (с них стащили шинели и украли их) стояли они с 11 часов утра и до часу ночи. Толпа около была большая и в ней судили и рядили разно. Однако народу все почти объясняли, что

это не бунтовщики и резать они никого не хотели. Этот слух вышел от переодетых, которые распространяли разные возмущающие вещи, чтобы увлечь за собою настоящий народ».

«После событий 12 октября студенты отказались от мысли подавать прошение попечителю и вновь стали вырабатывать адрес царю, добавив в него просьбу об освобождении арестованных товарищей и о расследовании дела об избиении студентов. На квартире одного студента собрались наиболее деятельные участники событий и избрали трех депутатов для поездки в Петербург и подачи адреса. Депутатами были избраны студенты: Покровский, граф Салиас и Шипов. 24 октября они были в Царском Селе и явились во дворец. Привезенный ими адрес был принят дежурным флигель-адъютантом, который обещал доложить его Александру II. Никаких результатов этот адрес не имел. В ноябре в Москву пришло извещение, что царь признал поступок делегатов необдуманным и противозаконным, но что это им прощается» (Политические процессы 60-х годов. Центрархив, Гиз, 1923, стр. 71).

Если в Москве правительство удовлетворилось черносотенным погромом и из арестованных 12 октября 340 студентов оставило под арестом 39, освободив остальных, то в Петербурге был произведен настоящий разгром. «Сотни студентов подверглись исключению, при чем многие были сверх того сосланы в северные губернии. Насколько были серьезны потери, понесенные студенчеством в этой борьбе, можно видеть на примере Петербургского университета: «в 1861 г. в нем было 1 442 студентов, а после открытия университета в 1863 г. в нем числилось всего 265 студен., при чем еще в 1869 г. число студентов едва достигало 950 (точнее 944)» (С. Г. Сватиков. Сб. «Наша страна», стр. 170).

Московский университет не потерпел такого разгрома. В 1859 г. в нем числилось 1643 студента (с вольнослушателями и посторонними слушателями 1934); в 1860—1653; в 1861—1560; в 1863 г.—1734 (2245); в 1864 г.—1506 (1893); в 1874 г.—1168; в 1879 г.—1890.

В результате правительственных репрессий, сопутствовавших введению пресловутого устава 1863 г., радикальное студенчество было разбито и голову подняли верноподданнические элементы студенчества. «Нельзя обойти молчанием, — говорит С. Г. Сватиков («Наша страна», стр. 180), — тех манифестаций, которые устроила часть московского студенчества в апреле 1866 г. после получения известий о покушении [Каракозова на царя]. Большая толпа студентов, с концерта, устраивавшегося в пользу студентов скрипачем Оле-Булль, двинулась с пением «боже царя храни» к часовне Иверской богоматери, служила там молебен, оттуда пошла к университету, вытребовала портрет царя, причем ректор сказал патриотическую речь, и закончила свои странствования у редакции «Московских Ведомостей» в честь Каткова. По дороге демонстранты

сбивали со встречных шапки с тех, кто не обнаруживал достаточной теплоты чувств или не понимал, в чем дело. Среди адресов, поданных Александру II, отметим адресы советов Московского и Казанского университетов, в которых обучался Каракозов, а также адрес студентов Медико-Хирургической академии».

Крупное движение революционной и оппозиционной части студенчества началось только в 1868—69 году, не по академическому поводу, а в связи с теми изменениями, которые происходили в крестьянской среде в результате реформы 1860-х годов.

Реформы 1860-х гг., создав в России обширный внутренний рынок, заменив на фабриках крепостнический труд вольнонаемным, бросив в обращение огромную массу свободного денежного капитала, в том числе сотни миллионов выкупных платежей, положили начало новой эры для русской буржуазии, — периода первоначального накопления, в основе которого лежит экспроприация сельского производителя — «раскрестьянивание». Последствия этого мучительного процесса явно проявились к концу 1860-х гг. Целые слои крестьянства оказались пролетаризированными и пауперизированными в результате деятельности, с одной стороны, помещиков, первыми бросивших лозунг: «обогащайтесь»; с другой стороны, из недр народных вышедших героев первоначального накопления, увековеченных Щедриным — Разуваева, Колупаева, Дерунова и братии. Эксплоатация крестьянина помещиком сменилась «кровопийством» и «потрошением в четыре руки» со стороны и помещика и «чумазого» хищника. Новое угнетение крестьянина нашло ярких выразителей в лице идеологов народнического периода и породило движение среди разночинного слоя студенчества, кончившееся массовым движением в народ».

«Студенческое движение 1869 года», что касается Петербурга, достаточно исследовано по первоисточникам С. Г. Сватиковым (исторический сборник «Наша страна», стр. 165—249).

В 1866 году, после выстрела Каракозова в Александра II (4 апреля), либеральный бюрократ А. В. Головнин должен был уйти с поста министра народного просвещения и был заменен графом Д. А. Толстым — «гнусная фигура», — по определению историка С. М. Соловьева.

«Он был создан для того, чтобы служить орудием реакции,— писал Б. Н. Чичерин: — человек не глупый, с твердым характером, но бюрократ до мозга костей, узкий и упорный, не видавший ничего кроме петербургских сфер». Но до 1869 года граф Толстой не успел еще развернуть своей удушающей просвещение деятельности дальше пределов, установленных его предшественником [1], ограничившись правилами 26 мая 1867 г., подтверждавшими

[1] Невозможность для графа Толстого в тот период проводить до конца реакционную политику хорошо видна из документов, приводимых А. И. Георгиевским в его книге «К истории учебного комитета М. Н. П.» СПБ 1902 г., стр. 41 и сл.

постановление о том, что вне зданий и учреждений университета студенты подлежат полицейским установлениям на общем основании, да установившими обмен сведений о неблагонадежных студентах между различными высшими учебными заведениями и полицией (А. Георгиевский. Краткий очерк прав. мер и предначерт. против студ. беспор. СПБ, 1890, стр. 5—6), — что на практике осуществлялось и раньше.

Во всяком случае в Медико-Хирургической академии, где прежде всего волнения приняли открытый характер, воздействие гр. Толстого не могло проявиться, так как академия была в ведении министра военного. На стеснительный режим в академии не жалуется автор воспоминаний о движении в ней 1868—69 г. С. Л. Чудновский («Былое» 1907, № 9/21, стр. 278—295). Напротив, он говорит: «Начальником академии состоял лейб-хирург, заслуженный профессор П. А. Наранович, довольно-таки ветхий старик (ему было около 67 лет), добродушный и благожелательно-настроенный к студентам. Заведывал он академией совместно с конференцией, ученым секретарем которой был тогда еще сравнительно молодой (31—32 лет), но приобревший уже репутацию солидного ученого, профессор патологической анатомии Руднев, известный своим авторитетным покровительством высшему образованию женщин.

Состав профессоров академии если и нельзя было назвать особенно блестящим, то он все же был далеко не из посредственных» (стр. 281—282).

«Отношения между студентами и профессорами были, в общем, сносные и благожелательные, хотя профессора, за небольшими исключениями, стояли совершенно в стороне от общественной жизни и даже довольно индиферентно (не считая трех-четырех: Сеченова, Грубера, Зинина) относились к судьбе студентов» (стр. 283).

«В Медико-Хирургической академии, для волнений на почве чисто-студенческих требований, формулировавшихся тогда на сходках, повода, собственно говоря, не существовало. Академия находилась в этом отношении в исключительном положении: я застал здесь и студенческую кассу, и студенческую библиотеку, и студенческую кухмистерскую; были здесь и курсовые старосты, принимавшие участие в распределении пособий» (стр. 285—286).

Но, как говорит тот же Чудновский, освободительная война «продолжала захлестывать все молодое и свежее на всем протяжении нашей обширной родины» (стр. 279).

«С октября 1868 года началось сильное брожение в среде петербургского студенчества. Оно начало группироваться по кружкам, все чаще и чаще стало устраивать сходки, на которых на первых порах обсуждались чисто-студенческие дела, а затем и вопросы более широкого и глубокого общественного значения.

Правильнее говоря, в петербургском студенчестве, в общем взятом, тогда появились два течения: одно — «умеренное», другое — «радикальное».

На сходках «умеренных» студентов почти исключительно трактовались вопросы студенческой академической жизни, — сюда лишь от времени-до-времени диссонанс вносили студенты «радикалы», на сходки являвшиеся с определенной целью: придать им, по возможности, более широкий общественный характер» (стр. 283—284). Лидером умеренных выступал студент Ст. Бенедикт. Езерский, впоследствии городской деятель; на сходках ту же точку зрения отстаивали: М. П. Литвинов, Шраг, Бойдаковский и др.

На сходках «радикалов», к которым принадлежал С. Л. Чудновский, в роли вожаков выступали З. Ралли, Е. Аметистов, М. Коринфский, Ф. и В. Покровские, Алчуницын и т. д. В деятельности «радикалов» близкое участие приняли С. Г. Нечаев и П. Н. Ткачев.

«На этих-то сходках, беспрерывно следовавших одна за другой, — рассказывает Чудновский (стр. 284), — мне уже в то время впервые пришлось натолкнуться на популярный и почти всеобщий лозунг: «в н а р о д!» Этот лозунг сделался обязательным предметом весьма горячих и упорных споров: вопрос ставился в резко-категорической и крайне односторонней форме: «Н а у к а или т р у д!», т. е. следует ли отдавать себя (хотя и временно) науке, заниматься ею, добиваться дипломов, чтобы потом вести жизнь привилегированных интеллигентных профессионалистов, или же, помня свой долг перед народом, помня, что все свои знания приобретаешь на средства каторжно работающего и вечно голодающего народа, мы, учащиеся, обязаны поступиться своим привилегированным положением, добытым целыми веками несправедливости и эксплоатации, бросить науку, расстаться с высшими учебными заведениями, заняться изучением ремесл, а затем в качестве простых ремесленников и даже чернорабочих и батраков отправиться в самую гущу народную, слиться с народом и всем его повседневным обиходом, отказаться от всех интеллигентных навыков и привычек, зажить с ним одной общей жизнью, содействуя всеми способами поднятию его умственного уровня, возвышению его культуры и улучшению его материального и духовного благосостояния...»

«В громаднейшем большинстве случаев громаднейшее большинство присутствующих высказывалось за «труд» и п р о т и в «науки», — конечно, в пределах данной минуты и данных отношений» (стр. 285).

Можно не продолжать дальше для доказательства того, что сводить движение 1869 г. к академическому протесту, значит обнаруживать дальтонизм совсем особого рода. Необходимо только добавить, что кроме «радикальной» [1] и «консервативной», как она тогда

---

[1] Здесь можно не останавливаться на том факте, что «радикалы» в свою очередь разделялись на «нечаевцев» и «антинечаевцев», причем последние оказались в большинстве. Во главе их стояли лица, сыгравшие потому крупную роль в революционном движении.

назывался, партией, образовалась и партия «благонамеренных», которые ходатайствовали перед ректором, чтобы он «каким-либо способом положил конец беспорядкам» (С. Г. Сватиков. «Наша страна», стр. 202—203). Часть этих студентов присоединилась к Славянскому благотворительному обществу, которое только что тогда образовалось, и удостоилась приветственного стихотворения реакционного поэта Н. Щербины.

Если движение 1861 г. охватило несколько университетов, то в движении 1869 года приняли участие студенты и специальных высших учебных заведений: Технологического института, Инженерного института, Военно-хирургической академии; студенты академии явились даже застрельщиками движения. «Избраны были даже делегаты для отъезда в другие университетские города с целью приобщить студенчество университетов Казани, Харькова, Киева и Москвы к движению студентов Петербурга. В Москву общая сходка студентов Петербурга послала Л. Никифорова и меня», — пишет З. Ралли-Арборе («Былое», 1906 г., № 7, стр. 138—139). Кроме двух указанных студентов: З. Ралли — от медиков, Л. Никифорова от универсантов, поехал в Москву от технологов Л. Мгебров и, по некоторым сведениям, В. И. Ковалевский — от лесников.

В Москве революционная молодежь группировалась вокруг Ф. В. Волховского. «Волховский в это время был уже не новичком в революционном движении. Еще в 1866 г. он привлекался к ответственности как секретарь студенческой украинской общины, существовавшей с 1863 г. при Московском университете. В 1868 г. он был арестован по делу о «Рублевом обществе», организованном им совместно с Германом Лопатиным. Общество это ставило своею задачею распространение научных сведений среди крестьянства и изучение положения русской деревни. Его члены собирались пойти в народ в качестве кочующих сельских учителей, читающих крестьянам легальные книжки на исторические и политические темы. Вместе с этим они должны были составлять подворно-статистическое описание тех сел и деревень, которые они будут посещать. Для этой цели была составлена особая программа собирания этностатистических сведений, которую Волховский пытался отпечатать, но не мог в виду запрещения цензуры. Анкетное обследование России имело своей конечной целью выяснение вопроса о том, насколько наш простой народ доступен антиправительственной, революционной пропаганде» (Рев. движ. 1860 гг., стр. 191).

Из делегатов, посланных в Москву, З. Ралли и Л. Никифоров были сторонниками Нечаева. Они изложили на сходках, происходивших в Москве и Петровском-Разумовском, академические требования петербургских студентов, но скоро перешли к политической агитации. «Так, например, — писал З. Ралли («Былое» 1906 г., № 7, стр. 139), — припоминаю, что на одной большой сходке на Конюшенной, во время речей, произнесенных присутствовавшими, пред-

варительно уже сговорившимися, был повешен на стену портрет Александра Герцена, и потом была прочитана какая-то статья из «Колокола». На другой сходке, тоже в самой Москве, меня попросили рассказать о моем знакомстве с Ишутиным и Дмитрием Каракозовым, что я и исполнил, рассказав о том тягостном впечатлении, которое произвело на нас, молодежь московскую, поведение поэта Некрасова в то время».

Такое направление деятельности петербургских делегатов встретило оппозицию со стороны Ф. Волховского, который пользовался большим влиянием среди молодежи. Благодаря его противодействию в первую половину 1869 года нечаевской организации в Москве создать не удалось.

Она создана была осенью 1869 года самим Нечаевым, вернувшимся из поездки за границу. Базой своей он избрал Петровскую сельско-хозяйственную академию. «Петровская академия была в то время в исключительном положении, и студентам жилось там неизмеримо лучше, чем в остальных учебных заведениях, — говорит в своих воспоминаниях В. И. Засулич (Из-во политкаторжан, 1931, стр. 30). — Право сходок, которого добивались петербуржцы, здесь не имело смысла: половина студентов жила на казенных квартирах в одном здании, остальные размещались в слободке, в нескольких шагах друг от друга; к их услугам был великолепный парк при академии, и сходки, если бы таковые понадобились, могли продолжаться там хоть круглые сутки. У них была общая кухмистерская, общая библиотека, которыми заведывали выборные от студентов, была и касса, считавшаяся, правда, тайной, но спокойно существовавшая целые годы, насчитывая до 150 членов.

При таких условиях не было, конечно, никакой возможности вызвать чисто студенческие волнения или протесты, но зато, при сплочении студентов и зачатках организации, можно было смело рассчитывать, подчинив своему влиянию несколько выдающихся личностей, повести за собой очень многих. И для этого Нечаев попал в самые лучшие условия — сразу в самый центр академической жизни».

Знакомый Нечаева, у которого последний остановился, П. Г. Успенский свел Нечаева к студенту Петровской академии Н. С. Долгову, который вместе с товарищами И. И. Ивановым, В. И. Лунинным, А. К. Кузнецовым и Ф. Ф. Рипманом состоял в наиболее выдающемся и влиятельном кружке академии. Все они были студентами последнего курса академии и мечтали, по окончании ее, устроить земледельческую ассоциацию и заняться пропагандой среди народа. Сагитировав их и введя в свою организацию, Нечаев в каких-нибудь две недели привлек в организацию около 40 человек их товарищей.

Так называемая «полунинская история» в Московском университете усилила нечаевскую организацию несколькими кружками универсантов. «За отъездом за границу проф. Захарьина чтение его

курса на 4 курсе медицинского факультета было поручено проф. Полунину. Студенты, найдя, что Полунин проявляет недостаточное знакомство с предметом, читать который он взялся, отказались слушать его лекции. 25 октября совет университета постановил сделать студентам выговор и предупредить, что если они не явятся на лекции к 29 октября, то курс будет закрыт. Несмотря на это, 29 октября на лекцию Полунина явилось только 6 студентов. В тот же день совет университета постановил исключить из университета 9 студентов на сроки от 1 до 3 лет, без права поступления до истечения этих сроков в другие высшие учебные заведения, и 11 студентов с правом поступления в другие учебные заведения. Пять из первых девяти студентов: Лыткин, Бутурлин, Смирнов, Эльсниц и Гольштейн были высланы из Москвы» (Воспоминания В. И. Засулич, прим., стр. 128). Организация Нечаева приняла меры к тому, чтобы расширить рамки студенческого протеста и завербовать новых членов. «От полунинской истории и всяких студенческих бедствий разговор переходил к положению народа, к близости революции, к обширной организации, раскинутой по всей России, и делалось предложение вступить в ее ряды. Благодаря возбужденному состоянию, согласие быстро давалось, читались общие правила организации, и, не успевши очнуться, студенты становились членами общества» (Засулич. Воспоминания, стр. 49).

Число членов, завербованных Нечаевым в свою организацию, не поддается учету. По сообщению члена организации А. К. Кузнецова, «в течение двух недель в кружки было завербовано до 400 человек». Так это или не так, но Нечаеву удалось создать очень крупную по тем временам организацию учащейся молодежи. А что она носила политический характер этого не решится отрицать никто. С. Г. Нечаев явился родоначальником ярко-политического, якобинского направления в русском революционном движении.

Движение 1869 года открыло собой эпоху, которая закончилась разгромом партии «Народная Воля» в 1880-х гг. Если движения 1860 г. являлись отдельными вспышками против остатков крепостнического строя, то в 1870-х гг. идет непрерывная напряженная борьба и против крепостничества и против вторжения капитала в разлагающуюся старую деревню. Лозунг, брошенный в студенческую среду А. И. Герценом: — «в народ! к народу!» — находит теоретическое обоснование в произведениях двух корифеев социалистической мысли того времени П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина. Отдельные попытки вести агитацию среди крестьянства, начатые П. Г. Заичневским, сменяются массовым хождением в народ. Теоретически под этим народом подразумевается крестьянство, практически место крестьянства все более занимает промышленный пролетариат. В 1880-х гг. это наглядное столкновение теории и практики приводит, с одной стороны, к идейному краху народничества, с другой сто-

роны — вызывает образование ряда рабочих организаций, деятели которых в значительной мере находятся под влиянием социал-демократических идей.

И основные течения среди народничества: бакунизм, лавризм, ткачевизм, и уже с начала 1870-х годов («Южно-российский союз рабочих» Е. О. Заславского) пробивающиеся идеи рабочего интернационала и германской социал-демократии («Северо-русский союз рабочих» Обнорского — Халтурина 1878 г.) находили сторонников среди московского студенчества, породили среди него столкновения, нашедшие выражение в студенческой литературе рассматриваемого периода. К сожалению, первоисточники этой эпохи мало изучены и нам приходится ограничиться отрывочными сведениями, имеющимися в литературе.

Как во время всех массовых движений, отвлекавших революционную молодежь в ряды действовавших революционных партий (1905, 1917 гг.), так и в эпоху хождения в народ (1874—1877 гг.) роль университетов в революционном движении можно изучать только вне стен университета. И особенно это надо сказать о семидесятых годах, когда отлив революционной молодежи направился в деревню.

За период с 1869 по 1878 г. нет крупных студенческих движе- в стенах университетов.

В октябре 1871 года студенты юридического факультета Новороссийского университета протестовали против поведения профессора В. В. Богишича, несправедливо придравшегося к слушавшему его студенту. Дело кончилось профессорским судом, который расправился с преданными суду студентами с обычной для «автономного» учреждения беспардонностью, вызвавшею осуждение со стороны такого представителя власти, как местный начальник жандармского управления Кноп, находившего, что действительная причина беспорядков — бестактность профессора. Движение это интересно, главным образом, той выдающейся ролью, которую играл в нем А. И. Желябов («Былое», № 4 (32) — 1925 г., стр. 171—195).

Вторая студенческая история произошла в Петербурге в 1874 г. На кафедру физиологии в Военно-Медицинскую академию, после ухода И. М. Сеченова, был назначен осенью 1871 г. И. Ф. Цион, несмотря на протесты шести профессоров академии, давших резко отрицательную характеристику всей ученой деятельности Циона. «В то время как знаменитый физиолог Сеченов, не ведя никакой антирелигиозной пропаганды, всей своей научно-исследовательской и преподавательской деятельностью способствовал утверждению материалистического направления вообще и теории Дарвина в частности, Цион умудрился в своих занятиях со студентами по физиологии вести борьбу с дарвинизмом. С кафедры Сеченова он присоединился к тем грубым нападкам реакционных кругов на его предшественника, в которых знаменитый физиолог объявлялся виновником нравственного развращения молодежи и заражения ее

революционными идеями». «Чуть не с первой лекции, — рассказывает Мечников, — Цион начал развенчивать своего предшественника, доказывая, что его репутация дутая и что у него нет никаких научных заслуг. Студенты, почитавшие Сеченова, возмутились таким поведением Циона, и это было началом того раздора между профессором и его слушателями, который повел к очень печальным осложнениям. Не питая уважения к нравственной личности Циона, студенты стали относиться отрицательно и к его научной деятельности. По малейшему поводу они громко выражали ему знаки неодобрения. Отсюда — беспорядки на лекциях» (Борьба за науку в царской России. Соцэкгиз 1931, стр. 61—62).

Осенью 1874 г. второкурсники Медицинской академии потребовали, чтобы Цион немедленно оставил академию. Второй курс был закрыт по распоряжению академической администрации, а Цион «просил начальство академии поставить у дверей его аудитории полицейских» (там же, стр. 62). «По инициативе группы студентов 5-го курса созвана была сходка всех студентов, на которой и было постановлено немедленно прекратить посещение лекций и занятий на всех курсах. Назначено было следствие под председательством, если не ошибаюсь, проф. Юнге, в присутствии представителя от блаженной памяти «третьего отделения». Человек 30—35 были привлечены к суду, в том числе и пишущий эти строки, допрошены и отправлены в Литовский замок» (О. В. Аптекман. О-во «Земля и Воля». Изд. 1924 г., стр. 148).

Беспорядки распространились на технологический институт, лесной и отчасти университет, за ними последовало довольно энергичное к р у ж к о в о е движение, а с ним и учащение с х о д о к, приливов новых сил к революционному движению «в народ».

«Революционная партия, как известно, — говорит Аптекман (стр. 149), — рекрутировала свои боевые силы, главным образом, из среды учащейся молодежи; отсюда она непрерывно черпала новые элементы для пополнения выбывших из строя старых (революционеров)».

Каково было число отправившихся «в народ» учащихся, не поддается точному учету. Во всяком случае, их были многие сотни. Данные имеются за 3½ года (с 1873 по 1877 г.), в разработке чиновника III отделения М. М. Меркулова («Каторга и Ссылка» 1928 г., № 1 (38), стр. 29 и сл.). По этим данным, из числа понесших кару 1054 человек было:

Студентов высших учебных заведений	353	33,5%	60,7%
Учащихся средних учебных заведений	287	27,2%	
Домашнего воспитания	38		
Начальных училищ	3		
Грамотных	194		
Неграмотных	11		
Неизвестных	168		
	1054 человек		

Интересны также сводные данные, рисующие классовое происхождение «разночинца» — революционера 1870 годов. Из числа тех же подвергшихся каре 1 054 человек было:

Дворян потомственных и личных	279	26,5%
Духовного звания	197	18,7%
Крестьян (почти исключительно рабочих)	138	13,0%
Обер-офицерских детей	117	11,1%
Мещан (значительный % тех же рабочих)	92	8,7%
Евреев	68	6,5%
Купцов и почетных граждан	33	3,1%
Разночинцев	27	2,6%
Военных	13	1,2%
Прочих (националов, казаков, иностр. подданных и пр.)	42	4,0%
Неизвестных	48	4,6%

Если исключить рабочих[1], зачисленных в рубрику «крестьян» и «мещан», которые, как видим, и в 1870-х гг. давали значительный процент революционных деятелей (Центроархив. Южно-русские рабочие союзы. «Новая Москва», 1924), то вся беспочвенность утверждения, будто «разночинец» вышел из народных низов, бросается в глаза.

Двинулись в народ революционные разночинцы самых различных направлений: и бакунисты, и впередовцы, и конституционалисты. «Многие, — говорит Аптекман (стр. 138), — ушли отнюдь не с революционными целями: ушли, чтобы узнать народ, испытать свои силы, научиться работать и проч.».

Студенческое движение проявилось в ярких выступлениях, когда эта пестрая армия пропагандистов отхлынула обратно в города. И первые яркие выступления студентов никак не укладываются в рамки академических движений.

27 марта 1876 г. умер, не вынеся тюремного заключения, привлеченный к делу 193 студент П. Ф. Чернышев. Похороны его обратились в политическую демонстрацию, благодаря организованному участию и бакунистов и лавристов. Тысячная толпа с обнаженными головами шла за гробом. «В числе демонстрантов были и люди из общества: профессора, военные, адвокаты и проч. Перед домом предварительного заключения, на Литейном, процессия остановилась. Дюжие руки молодежи высоко приподняли гроб и в воздухе раздалось импонирующее пение сильных молодых голосов: «Вечная память, вечная память!»

К демонстрантам пристала уличная толпа. Полиция была захвачена врасплох» (Аптекман, стр. 185).

Под впечатлением демонстрации на похоронах Чернышева передовые рабочие Петербурга, среди которых образовалось ядро политической организации, решили устроить рабочую демонстрацию. Но

---

[1] Что рабочие к «разночинцам» не относятся, можно было бы и не оговаривать.

пришедшая на нее группа рабочих «потонула в массе нигилистов». Главное участие в демонстрации принадлежало учащейся молодежи («Первая рабочая демонстрация в России». Ленистпарт, 1926). Демонстрация происходила у Казанского собора 6 декабря 1876 г. Г. В. Плеханов успел произнести краткую речь и над толпою был выкинут красный флаг. Демонстрация закончилась столкновением с полицией и арестами участников.

Эти события происходили в Петербурге, где собралось ядро будущей партии «Земля и Воля» и где сосредоточивались наиболее выдающиеся силы революционеров.

На юге политическая струя пробивалась еще заметнее. Как свидетельствует Дебагорий-Макриевич (Воспоминания, 3-е изд. Н. Глаголева, стр. 308—310), — не в пример прочим городам, в Киеве даже завелся в 1877 г. состоящий из студентов университета особый деятельный «конституционный кружок», устроивший демонстрацию при водружении креста на могиле одного рабочего, похороненного на Байковом кладбище. Кружок этот «поставил своей задачей агитацию в пользу конституции и пропаганду политических идей».

«По инициативе студенческой организации, в центре которой стоял «конституционный кружок», собралась толпа молодежи и двинулась процессией через город, неся впереди деревянный крест. Раза два или три толпа останавливалась и присутствующие ораторы, словно евангелие по усопшему, произносили речи. Как ни странно может показаться, но речи сводились к тому, что «нам надо добиваться конституции».

√ Крупные студенческие волнения возникли в 1878 г., когда силы революционной молодежи сконцентрировались в университетских городах. В деревню, «в народ», по свидетельству современников, двинулись революционеры и культурники различных политических взглядов: бакунисты, лавристы, ткачевцы и пр. Опыт, который дала им пропаганда и изучение деревенских отношений, относительный успех деятельности среди рабочих, — вызвали неизбежный раскол среди пестрой массы разночинцев, оформили намечавшиеся противоречия программ. Среди значительной группы революционеров «мысль об агитации в массах» потеряла престиж и на очередь была поставлена дезорганизация правительства, борьба за осуществление политических требований силами организации революционеров, которых в критический момент борьбы поддержит народ. Сторонники этого течения естественно стали концентрироваться в крупных городах.

Но и «деревенщики», для которых принцип народничества — «освобождение народа посредством народа» — не утратил своего значения, должны были последовать за первыми, убедившись, что приток в деревню интеллигенции остановился. «И вот почему после воронежского съезда [1879 г.] многие «деревенщики», до того вре-

мени благополучно жившие и более или менее удачно действовавшие в крестьянстве, переехали в города, чтобы звать оттуда молодежь на деятельность в крестьянстве и бороться там с возрастающим влиянием террористов» (Г. В. Плеханов. Предисловие к кн. А. Туна «История революционных движений в России». Изд. «Б-ки для всех», стр. 31—33).

Концентрация революционных сил в университетских городах тотчас же сказалась на интенсивности студенческого движения. «Чуткий барометр общества» отразил и приближение новой волны и все ее разноцветные переливы.

Непосредственным поводом к взрыву возмущения в Киевском университете послужили не университетские порядки, а поведение киевского полицеймейстера Б. Я. фон-Гюббенета, прославившегося «необычайной глупостью» и административной энергией. Так, в борьбе с украинофильским движением он изобрел следующую меру: «заставил всех проституток одеваться в национальный костюм, который таким образом превращен был в признак разврата и дозволял всем нахалам свободное обращение с каждою девушкою в украинском костюме».

Такими мерами по борьбе с крамолой бравый полицеймейстер вызвал всеобщее негодование, и радикальная молодежь старалась отплатить ему, чем могла. Однажды в «Одесском Вестнике» была напечатана большая корреспонденция о смерти Гюббенета и речь, якобы произнесенная киевским вице-губернатором по ее поводу. Полицеймейстер, как говорили студенты, написал будто бы такое опровержение: «В дополнение к сообщению, напечатанному в таком-то нумере «Одесского Вестника», имею честь сообщить, что я не умирал, а следовательно речь его превосходительства киевского вице-губернатора не могла иметь места».

Вот этот-то фон-Гюббенет в свое время предписал «не вызывать более трех раз артистов». Во время бенефиса знаменитой певицы, сводившей с ума киевлян, студенты, наполнявшие галлерею, устроили ей восторженный прием и нарушили предписание полицеймейстера. Гюббенет возмутился и предписал полиции изъять из галлереи «крикунов». Так как разобрать, кто кричал, было невозможно, то полиция начала хватать всех студентов, и на галлерее произошла свалка, перенесенная затем на улицу. (И. П. Белокопский. Дань времени. «Задруга». М. 1918, стр. 97—100). Этот инцидент вызвал сходки в университете, аресты и высылки арестованных. «Весь март месяц (1878 г.), — говорит официальный историк «Социалистического движения в России» (М. 1907 г., изд. В. М. Саблина, стр. 16), — в киевском университете происходили очень серьезные волнения; студенты собирались толпами, требовали прав, которых им нельзя было даровать, и отрицали всякую субординацию. Ректор университета, действительный статский советник Матвеев, получил даже 5 апреля удар по голове в то время, как входил в вестибюль университета; удар был так силен, что он

тут же упал в обмороке. Расследование поведено было быстро, и результатом его было исключение 120 студентов, признанных коноводами и подстрекателями движения; 15 человек из этого числа были высланы в другие местности.

«Движение это нашло известный отголосок среди московской молодежи: социалистические кружки столицы организовали овацию этим 15 арестованным во время проезда их через город 3 апреля, по дороге к месту их ссылки. Произведено было нападение на их кареты, пытались их освободить — все это сопровождалось криками, шиканьем и ругательствами; но как только этот кортеж достиг центра города, рыночной площади, соседней с университетом, — как его постигла весьма плачевная неожиданность. Мелкие торговцы, их приказчики и простонародье, возмущенные этим зрелищем и видя, что полиция слишком слаба, чтобы справиться с этим уличным беспорядком, сами пришли на помощь и пустили в ход свои руки; борьба была коротка, и народ восторжествовал. Он энергично рассеял толпу социалистов и студентов и очистил местность, не скупясь на удары. Один из студентов Петровской земледельческой академии (учреждение, которое издавна играло важную роль в движении)[1] даже умер через несколько дней после поранений, полученных в этой свалке». Нужно опять-таки обладать особым взглядом на вещи, чтобы в московском движении видеть чисто академическое событие. Избиение студентов, которое учинено было в Охотном ряду охотнорядскими торговцами и их «молодцами», произвело столь сильное впечатление, что еще в 1905 г., когда «охотнорядские молодцы» с восторгом встречали на митингах речи большевиков, к ним обращенные, а охотнорядские торговцы бросали «красненькие» в шапку студента, приглашавшего «жертвовать на оружие», — молва приписывала «Охотному ряду» погромные действия против университета, в ложности чего я убедился лично.

Про петербургское движение рассказывает Г. В. Плеханов: «Зимою 1877—1878 гг. «интеллигенция» находилась в крайне возбужденном состоянии. Процесс 193, этот долгий поединок между правительством и революционной партией, в течение нескольких месяцев волновал все оппозиционные элементы. Особенно горячилась учащаяся молодежь. В университете, в медико-хирургической академии и в технологическом институте происходили огромные

---

[1] Такую роль Петровская академия играла, конечно, благодаря классовому составу ее студенчества (С. Я. Елпатьевский. Воспоминания «Прибой», Л-гд, 1929, стр. 31—32): «сыновья более богатых родовитых помещиков поступали в Александровский лицей, в училище Правоведения, в Пажеский корпус; среднее дворянство шло в кадетские корпуса и отчасти в гимназии. А в Петровскую земледельческую академию в мое время из местного дворянства не шли»... и т. д. В 1900-х г.г. Петровский с.-х. институт, при изменившемся классовом составе, не играл заметной роли в движении.

сходки, на которых «нелегальные» ораторы «Земли и Воли», ни мало не стесняясь возможным присутствием шпионов, держали самые недвусмысленные речи. Недавно основанная тайная землевольческая типография усиленно работала. Кроме обширного отчета о «большом процессе», из нее вышло тогда множество воззваний и, между прочим, проект адреса министру юстиции Палену от учащейся молодежи, заключавший в себе резкий протест против жандармской инквизиции (мы называли в шутку этот проект русской petition of rights). Все подобные издания широко распространялись по России, но понятно, что больше всего их находилось в Петербурге, где их легко мог достать всякий желающий. Выстрел В. И. Засулич и вооруженное сопротивление жандармам Ковальского с товарищами в Одессе (30 января 1878 г.) еще более подлили масла в огонь. Жажда деятельности и борьбы пробуждалась в самых мирных людях и не было революционного предприятия, для исполнения которого не нашлось бы немедленно многих и многих охотников.

Когда среди петербургской интеллигенции разнесся слух о стачке, студенты немедленно собрали в пользу забастовавших очень значительную сумму денег. Но радикальная часть студенчества не довольствовалась денежными пожертвованиями. Ей хотелось поближе сойтись со стачечниками» (Соч. т. III, стр. 164—165). Дальше Г. В. Плеханов рассказывает, как «небольшая группа» студентов разных заведений без всякой осторожности пыталась связаться с рабочими-стачечниками.

Начиная с 1878 г. студенческое движение не прекращалось до разгрома партии «Народная Воля», причем идеи этой партии вдохновляли часть передового радикального слоя студенчества. В 1880 г. «под непосредственным влиянием Желябова образовался и центральный кружок народовольцев» (Богучарский. Партия «Народной Воли», стр. 166).

Выше приведены выдержки из прокламаций, поданных народовольческими организациями учащейся молодежи. Эти прокламации не только ярко-политического направления, но и обнаруживают у их составителей большую политическую зрелость.

Но, как указал еще большой знаток эпохи Г. В. Плеханов, «в эпоху «Народной Воли» различные общественные партии придерживались различных принципов» (Соч. т. XII, стр. 117).

Наряду с литературой, отражающей воззрения народовольцев, уже в начале 1880-х годов радикальное студенчество издавало на гектографе журнал «Студенчество» (СПБ, 1882—1883 гг.). «Группа «Студенчество» была несомненно очень радикальна, — пишет С. Г. Сватиков («Путь студенчества», 1916, стр. 221), — но критикуя так называемых «либералов», т. е. умеренную часть студенчества, критиковала также и партию «Народной Воли», находя, что увлечение ее террором повлекло за собой чудовищные жертвы, а главное,

оторвало ее от широкой общественной основы». Критика эта содержится в руководящей статье № 6 (октябрь 1883 г.) «Студенчества», имеющегося в библиотеке Московского университета.

Были издания и с заметными социал-демократическими симпатиями. Так, в одном из гектографированных журналов печаталась программа пятого съезда немецких рабочих ферейнов, принятая в сентябре 1868 г. («Нюренбергская программа») [1].

Таким образом, оживление революционного движения в стране, стимулированное подвигами «чумазого», аграрным кризисом и политическим возбуждением, вызванным последствиями войны за колониальный захват Балкан, — нашло яркое и многогранное отражение в студенчестве.

«В Москву я приехал в феврале 1881 г., — писал В. К. Дебагорий-Макриевич (Воспоминания, стр. 567—568), — и после двухлетнего отсутствия застал здесь огромные перемены. Прежде всего бросался в глаза количественный рост революционных элементов. В мое время были только кружки; теперь чуть не половина студентов Московского университета и Петровско-Разумовской академии считались революционерами. Подобный же рост замечался, как я слыхал тогда, и по другим университетским городам».

Другой современник (С. Я. Елпатьевский. Воспоминания, стр. 83), возвратившийся в Москву за год до Дебагория-Макриевича, говорит о том же революционном оживлении старой столицы. «Был 1880 г., время наиболее яркого развертывания революционного движения. В Москве было шумно и оживленно. Наш кружок, стоявший в центре московского студенческого движения, в который входили кроме меня С. В. Мартынов, П. П. Викторов, В. С. Лебедев и П. П. Кащенко, значительно увеличился, и деятельность его стала шире и глубже. За два года моей службы в земстве вокруг нашего кружка сгруппировалось много новых молодых талантливых студентов — Старынкевич, Юлий Бунин, Амиров, П. С. Аптенков и другие. В. С. Лебедев и С. В. Мартынов были уже в непосредственной связи с Исполнительным Комитетом партии «Народной Воли».

О событиях в Московском университете после 1 марта 1881 г. краткие сведения находим у А. И. Георгиевского (Краткий исторический очерк и т. д., стр. 74—75).

«В Московском университете сходки студентов не прекращались. Впрочем некоторые из них происходили и с доброю целью. Так, 5-го марта на сходке юридического факультета была объявлена подписка на венок в бозе почившему государю императору; но во время речи одного из собиравших деньги раздался свисток, вызвавший изгнание свиставшего. На другой день на сходке историко-

---

[1] Экземпляр журнала находился в моих руках, мною просмотрен, но после того был утерян, так что я не могу привести ни его названия, ни даты выхода его в свет (не позднее половины 80-х г.г.).

филологического факультета предложение вести ту же подписку поименно вызвало неудовольствие со стороны некоторых студентов, причем один студент порвал подписной лист. На сходке 7-го марта студент Зайончковский произнес по этому поводу речь в добром направлении, но вызвавшую неудовольствие его товарищей. Разрешенная проректором на 10 марта сходка обратилась в судилище над Зайончковским, причем было выражено ему нравственное порицание, и он был лишен голоса в студенческих делах. 12 марта была разрешена сходка для выбора студентов, которые должны были отправиться в Петербург для возложения венка на гроб в бозе почившего государя императора. Сходка приняла бурный характер и не разошлась по требованию инспекции. Зала была очищена при помощи университетской прислуги. 24 марта 1881 г. статс-секретарь Сабуров был заменен статс-секретарем бароном Николаи, а 27-го марта в Московском университете, при защите магистром Иванюковым докторской диссертации: «Основные положения теории экономической политики с Адама Смита до настоящего времени», студент-медик Викторов, возражая ему, доказывал связь научного социализма с революционным, и когда речь его приняла агитационный характер, был остановлен деканом, а после возражения лишен слова. Речь Викторова была покрыта рукоплесканиями. По окончании диспута около 100 человек остались в зале для обсуждения поступка декана и разошлись лишь тогда, когда начальством университета послано было за полицией[1]. Викторов был исключен из университета без суда в виду очевидности его проступка. Слух о предании суду 14-ти студентов вызвал брожение среди студентов, выразившееся в сходке 1-го апреля. После неповиновения и грубостей, оказанных инспекции, было послано за полицией, и все участники (до 250 человек) были переписаны. Виновные в беспорядках, происходивших в Московском университете с 5-го марта по 1-е апреля, были преданы суду, по приговору коего: 2 исключены с правом поступить в другое учебное заведение не ранее двух лет; 35 с правом поступить тотчас же в другие учебные заведения и 165 — временно удалены из Московского университета».

Считать движение в Московском университете периода расцвета «Народной Воли», — «по существу» или не по существу, безразлично — академическим, значит упорно закрывать глаза на действи-

---

[1] Подробности в ст. П. П. Викторова: «Первое открытое революционно-марксистское выступление в России (1881 г.)» («Пролетарская революция», 1923 г., № 6—7 (18—19), стр. 32—25). Возражая Иванюкову утверждавшему, что «между реалистической школой (Kathedер-Sozialisten) и научным социализмом нет принципиального различия» и, наоборот, «целая бездна разделяет научный социализм от социализма революционного», который Иванюков назвал «уличным», П. П. Викторов доказал всю пошлость этого утверждения, опираясь на Маркса. Речь его носила политический революционный характер.

тельность. Особенно рельефно выступает беспочвенность «триады» Р. И. Выдрина, неудачно примененной к студенческому движению 1880—1890-х гг. М. Н. Покровским, при знакомстве с петербургским движением.

Назначенный министром народного просвещения после либерального А. В. Головнина Д. А. Толстой, несмотря на всю готовность служить реакции, в силу сложившейся в 1870-х годах политической ситуации, ограничивался бесконечными обсуждениями университетского вопроса в комиссиях и комитетах под председательством товарища министра народного просвещения И. Д. Делянова и в совещаниях министров под председательством графа П. А. Валуева (Георгиевский, стр. 5—30). Единственным конкретным результатом этих обсуждений явилось «новое устройство университетской инспекции». Об этом «новом устройстве» А. И. Георгиевский рассказывает следующее (стр. 30—31): «По высочайшему повелению, под председательством статс-секретаря Валуева и при участии министров народного просвещения, финансов, юстиции и внутренних дел, статс-секретаря (ныне графа) И. Д. Делянова и графа Лорис-Меликова состоялось совещание, которое указывало на необходимость еще до начала нового (1879—1880) учебного года принять меры для предупреждения возможности возобновления беспорядков между студентами университетов и после продолжительных прений остановилось на мысли оставить ректоров и деканов на прежнем основании, но совершенно изменить порядок управления и надзора за студентами и самое положение университетской инспекции. Предположения означенного совещания были 23-го июля 1879 г. высочайше одобрены и вместе с тем было высочайше повелено об исполнительных в отношении к ним распоряжениях ежемесячно доводить до высочайшего сведения по 1-му отделению собственной его императорского величества канцелярии. 25-го июля того же года уже было внесено по сему предмету министром народного просвещения представление в комитет министров, а 2-го августа было уже высочайше утверждено положение комитета министров о том, чтобы в виде временной меры, впредь до утверждения нового общего устава императорских российских университетов: 1) предоставить министру народного просвещения составить, не стесняясь университетским уставом 1863 г., инструкцию для университетской инспекции, с присовокуплением правил о даровании разных льгот, пособий и стипендий, и ввести оную в действие во всех университетах, подлежащих действию общего устава; 2) предоставить попечителям учебных округов, в случаях, если ими самими или местным генерал-губернатором существующая ныне университетская инспекция будет признана не соответствующею своему назначению, изменять ее состав по соглашению с местным генерал-губернатором, при чем об утверждении инспектора (или проректора) представлять министру народного просвещения, а помощников инспектора утверждать собственною

властью, и 3) предоставить попечителям учебных округов увеличивать состав университетской инспекции, в мере надобности и возможности, назначением большего против положенного по штатам числа помощников инспектора, с отнесением потребных по сему предмету расходов на специальные средства университетов».

26 октября 1879 г. министерством были «окончательно установлены, подписаны и разосланы» инструкция инспекции, правила для студентов и предложения попечителям, относительно которых Александр II начертал: «Надеюсь, что новые правила будут добросовестно исполняться и принесут ожидаемую пользу. Ливадия 5-го ноября 1879 г.».

Новыми правилами уничтожался выборный профессорский суд и функции его передавались правлению «с непременным и авторитетным участием инспектора студентов», выдача стипендий фактически передавалась инспектору; «инспекция становилась очень твердо и совершенно независимо от всех прочих университетских властей, в непосредственное подчинение попечителю округа и под его руководство».

Но, как говорит А. И. Георгиевский (стр. 40—41), надежде Александра II на применение новых правил «не суждено было осуществиться».

«В Харьковском университете новые правила были приведены в действие только 15-го декабря 1879 г., но совет университета до 22-го мая 1880 г. продолжал препираться с попечителем округа по вопросу о рассмотрении и утверждении сметы расходов специальных средств университета и противился назначению некоторой их части на усиление инспекции. В Казанском университете новые правила были установлены только с 14-го января 1880 г., в Киевском с 24-го января, в Новороссийском с 31-го января, а в Московском даже с 18-го февраля 1880 г. и только в С.-Петербургском университете, для которого, по соглашению с временным генерал-губернатором генерал-адъютантом И. В. Гурко, правила были особо утверждены еще 29 августа 1879 г., они были введены в действие с самого начала 1879—1880 учебного года».

Но ко времени введения в действие правил 1879 г., под влиянием развития революционного и оппозиционного движения, власть претерпела одно из тех колебаний, которые так характерны для царствования Александра II. На пост правителя государством был призван граф М. Т. Лорис-Меликов, который показал волчьи зубы революционерам и лисий хвост буржуазной оппозиции. Началась эпоха «диктатуры сердца», для которой толстовские правила были слишком откровенным и грубым средством подавления недовольства студенчества. Произошла, как говорит Георгиевский (стр. 44), «решительная перемена в направлении и образе действий высшего правительства: 12-го февраля 1880 г. последовало призвание графа Лорис-Меликова к главной распорядительной деятельности, а 22-го апреля министерство народного просвещения было вверено стат-

секретарю А. А. Сабурову, и начались новые «веяния», при которых новая инспекция могла сохраняться в университетах еще некоторое время лишь по имени». — «Нередко те же самые лица, на предварительном рассмотрении которых были эти правила для студентов и эта инструкция для инспекции и которые их вполне одобрили в свое время, высказывались теперь против них самым решительным образом».

Вот против «либерального» Сабурова, сменившего гр. Толстого, конечно не во имя академической свободы, — народовольческим кружком, при непосредственном участии А. И. Желябова, решено было устроить демонстрацию. В центральном студенческом кружке нашлись даже, как говорит Богучарский («Народная Воля», стр. 167), «горячие головы, которые поставили вопрос об убийстве Сабурова» «за его лицемерную политику». Предложение это, к счастью, не прошло и взамен того решено было нанести Сабурову во время университетского акта публично оскорбление действием. Роль эту принял на себя член центрального кружка студент университета П. П. Подбельский, при чем в пояснение этого факта еще до его совершения с хор актовой залы должен был произнести речь и бросить в публику пачку прокламаций член того же кружка студент Л. М. Коган-Бернштейн».

Демонстрация произошла на годичном акте Петербургского университета 8 февраля 1881 г. Подбельский дал пощечину министру Сабурову, а Коган-Бернштейн сказал краткую речь и бросил прокламацию, в составлении которой принимал участие Желябов. Какое значение придавала демонстрации организация Народной Воли видно из того, что на акте присутствовали ее виднейшие деятели: Желябов, Фигнер, Суханов. Мотивы, которыми руководились они, устраивая демонстрацию, изложены в № 5 «Народной Воли» (Богучарский, стр. 168—171) и подтверждаются А. П. Прибылевой-Корбой («Былое», 1906 г., № 5, стр. 158). Радикальная часть студенчества, в народовольческой своей фракции сплачивавшаяся в «центральный университетский кружок», по словам статьи «Народной Воли», как и крайняя правая, именовавшаяся «бонапартистами» [1], составляла меньшинство студенчества. «Масса студенчества, разумеется, не имеет и не имела ничего общего с «бонапартистами», но, с другой стороны, они, как всякая масса, не отмечаются и безусловным радикализмом», — писала «Народная Воля». Система Сабурова, постоянно рекомендующая «погодить», «выждать» и «быть благоразумными» начала деморализовать студенчество и усиливать влияние «бонапартистов» и это обстоятельство вызвало среди радикального студенчества более враждебное отношение к Сабурову,

---

[1] Деятели Народной Воли умели определять направления политическими терминами. Аполитичный термин «белоподкладочники» был изобретен позднее людьми, не желающими разбираться в общественных явлениях.

чем к Толстому. Чтобы повлиять на массу студенчества, и решено было произвести демонстрацию на акте 8 февраля 1881 г.

Ничего академического в этой демонстрации не было. Не даром «Студенчество» (№ 7—8, ноябрь — декабрь 1883 г.) констатировало в передовой статье: «Мы с удовольствием замечаем, что поднятый нами взамен вопроса о «студенческих беспорядках-протестах» вопрос о необходимости сплочения студентов во имя лучших общественных идеалов и для соответствующей моменту многообразной борьбы с беззаконным нашим правительством — входит ныне в жизнь».

Инсценированный советом университетский суд над произвольно указанными инспекцией участниками демонстрации обнаружил достаточно широкое сочувствие студентов к протесту против правительственной политики. «Суд всячески старался замять дело, т. е. взвалить вину на посторонних университету лиц и ограничить число протестовавших до 10—15 человек, но тут были принесены листы, на которых подписались до 500 человек, сочувствующих идеи протеста, но считающих форму протеста бестактной, в том числе 82 человека, сочувствующих и форме протеста. Суд и совет растерялись. Обнаружить дело в таких грандиозных размерах — неудобно; профессора порешили запрятать эти листы в портфель, благо ни одна газета не печатает заявлений и подписей тех студентов» («Народная Воля», № 5. Богучарский, стр. 171).

Пример вызвал подражание. «В Казани студент Воронцов нанес оскорбление действием ректору Фирсову. В Варшаве студент Жукович нанес такое же оскорбление попечителю учебного округа Апухтину» (Богучарский, стр. 175). Как увидим дальше, народовольческий период движения закончился пощечиной, нанесенной инспектору Брызгалову в 1887 г. в Москве. Форма протеста диктовалась «политикой» народовольцев, обнаруживая шаткость последней.

Побитый министр Сабуров должен был уйти в отставку и 24 марта 1881 г. был заменен бароном А. П. Николаи, который оставался министром до марта 1882 г., когда уступил министерское кресло И. Д. Делянову. Политика бар. Николаи отразила колебания начала царствования Александра III, испуганного успехами революционного движения. 5 мая 1881 г. министр народного просвещения обратился к попечителям учебных округов с обширным программным циркуляром, в котором между прочим имеются такие «либеральные» фразы, ставшие впоследствии стереотипными в критические для власти моменты: «Соприкасаясь самых жизненных духовных потребностей всех сословий и призванное прилагать все свои старания к возможному их удовлетворению, министерство народного просвещения менее всякого другого правительственного органа может жить в канцелярской или формальной замкнутости и не прислушиваться голоса общественного, в лице законных его представителей. Сохраняя твердо в своих руках право руководить общим направлением, которое должно быть дано ду-

ховному развитию народа, правительство со вниманием относится к ходатайствам, обращаемым к нему законным путем, о нуждах, истекающих из священнейших обязанностей к возрастающему поколению». Попечители должны «через постоянное общение, как с местными властями, так и с общественною средою служить связывающим звеном между местными нуждами и центральным управлением». В частности «относительно университетов и высших учебных заведений» барон Николаи пустился на прямое заигрыванье с профессорами, прельщая их обещанием строго соблюдать законность в пределах устава 1863 года, при условии, если профессора отдадут себе ясный отчет в том, что предоставляя им «широкое самоуправление», устав возлагает на профессоров обязанность печись «и об охранении порядка в стенах университетских». — «Ученым корпорациям, — писал барон в заключение своего обращения к профессорскому благомыслию, — вверена будущность России в лице будущих его образованнейших общественных деятелей; от них зависит доказать, что, служа науке, они служат опорою основам гражданственности, закону, порядку и доброй нравственности. Уважая их призвание, буду уважать права, законом им предоставленные, ожидая не в меньшей мере исполнения таких обязанностей, которые с этими правами неразрывно связаны».

А 26 мая был утвержден царем «проект устройства инспекции», предложенный бар. Николаи и рассмотренный в государственном совете, которым увеличивалась численность инспекции, отпускались для этого необходимые суммы и говорилось: «1) Предоставленное министру народного просвещения высочайше утвержденным 2 августа 1879 года положением комитета министров право издать инструкцию для университетской инспекции, равно как и другие содержащиеся в том положении временные правила — отменить. 2) Восстановить действие относящихся до надзора за студентами статей высочайше утвержденного 18 июня 1863 года общего устава императорских российских университетов. 3) В дополнение подлежащих статей сего устава постановить: «В помощь проректору или инспектору для наблюдения за порядком в зданиях университета, сверх помощников сих должностых лиц, полагаются в случае надобности также и служителя инспекции. Они определяются по вольному найму ректором, по представлению проректора или инспектора» («Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 г.». СПБ, 1882, стр. 310—313, 314).

«Либеральные» декларации и акты барона Николаи постигла общая участь таких мероприятий, как «народная политика» графа Игнатьева, Кохановская комиссия и «баранiй парламент».

«Во всей суете разных министерств нет правды на медный грош, но фраз о правде — гибель», — писал в дневнике П. А. Валуев.

Либеральному лицемерию положил конец не устав 84 года, а победа полицейского аппарата правительства над партией «На-

родная Воля». Немногочисленный цвет революционных разночинцев был просто-напросто или изничтожен, или на долгое время погребен в тюрьмах и гиблых местах Сибири. Пришла сильная власть, о которой дворянские круги вздыхали с 1860-х годов. Наступила эпоха дворянской реакции 1880-х годов. Каковы были истинные намерения правительства, показывают труды высочайше утвержденной 25 мая 1881 г., т. е. «накануне восстановления во всех его статьях устава 1863 г.», комиссии под председательством гр. И. Д. Делянова (Георгиевский, стр. 78—97). Комиссия эта высказалась за полное подчинение всей университетской жизни власти попечителя, за ограничение комплекта студентов, за введение обязательной формы и запрещение всяких студенческих учреждений (читален, столовых, кухмистерских), а также различных сборищ, сходок, театральных представлений, концертов, балов «и других подобных публичных собраний, не имеющих научного характера»; за устройство общежитий, в которых студенты подчинены были бы казарменной дисциплине, за ограничение материальной помощи неимущему студенчеству и т. п.

Учитывая настроение сфер, И. Д. Делянов приложил к журналу комиссии свое «особое мнение», где высказывался за еще большее увеличение объема полномочий попечителя, как «начальника» университета, — «потому что со словом «начальник» соединяется у нас понятие совершенно ясное, при котором никакие недоразумения и никакое явное противодействие невозможны». Из этого положения неизбежно следовало требование о полной ликвидации профессорской корпорации. «Над учащимися, — писал Делянов, — необходимо установить твердую и самостоятельную власть. Власть эта должна быть, по самому своему происхождению, чисто правительственною и вне всякой зависимости от избрания какою бы то ни было коллегией. Инспектор и его помощники суть лица, коим поручен нравственно-полицейский надзор за студентами. Они должны быть, так сказать, очами и ушами правительства, они обязаны ничего не скрывать и стараться подавлять всякое зло в его зародыше».

Именно «особое мнение» И. Д. Делянова пришлось ко двору. «Его императорское величество, относя быстрое и успешное окончание комиссией возложенного на нее поручения к особому вниманию, с которым председатель комиссии отнесся к возложенному на него высочайшим доверием поручению, повелеть соизволил: объявить статс-секретарю Делянову высочайшую благодарность». «Вместе с сим государь император соизволил вменить» министру внутренних дел графу Н. П. Игнатьеву «в обязанность заслуживающее особого соображения отдельное мнение И. Д. Делянова «по вопросу о пересмотре устава 1863 года» передать статс-секретарю барону Николаи, по его возвращении, с указанием того значения, которое придается этому мнению его императорским величеством», а выработанные комиссией «предположения о мерах к

усилению надзора за учащейся молодежью передать, согласно мнению комиссии, на заключение подлежащих гг. министров» (Георгиевский, стр. 92).

Если устав 84 года не был введен в действие в 1881 году, то только благодаря той политической борьбе, которую вели остатки «Народной Воли» и радикальная часть студенчества. И до введения устава и после него студенческое движение не прекращалось. Что студенческое движение в восьмидесятых годах было далеко не просто протестом против устава 1884 г., — в достаточной мере подтверждается фактами, приводимыми М. Корбутом («Каторга и Ссылка, № 7 (56), 1929 г., стр. 3 и сл.).

Уличные шествия в Киеве 8 сентября 1884 г. с пением «вечной памяти» и «со святыми упокой», а затем, как уклончиво выражалось правительственное сообщение, «какой-то песни на мотив народного гимна» [1], — подтверждают наличие «умысла превратить академический праздник в противоправительственную демонстрацию».

Точно так же трудно уложить в академические рамки расхаживанье по улицам толпы студентов в Казани 5 ноября 1886 г., при чем «несколько человек из этой толпы влезли на дом редакции «Волжского Вестника» и, размахивая красным шарфом, кричали Vivat democratia!» («Да здравствует демократия!»).

В Петербурге «в 1882 г. произошли «студенческие беспорядки», которые только с большой натяжкой можно отнести к академическим. Это движение было протестом против того, что «университетские власти, не посоветовавшись со студентами, составили Полякову адрес, в котором они благодарили его за его щедрость от имени всего университета».

«Известный еврейский богач Поляков [2], один из железнодорожных царьков и военных поставщиков, печально прославившийся на всю Россию во время русско-турецкой войны 1877 года своими удивительными мошенничествами, решил войти в милость русского общества и графа Лорис-Меликова. Он дал в 1880 году 200.000 рублей для основания студенческого общежития»...

«Пожертвование это не было вполне бескорыстным и оказалось выгодным помещением капитала, так как оно доставило Полякову казенный заказ в несколько миллионов рублей, который он не получил бы иначе, будучи на столь дурном счету» (Степняк-Кравчинский. Царь-чурбан, царь-цапля. Гиз, П., 1921 г., стр.10—11).

На стр. 36—38 своих воспоминаний («Мой жизненный путь». Зиф, 1929) В. А. Поссе рассказывает о демонстрации, которую ус-

---

[1] Эту песню студенты распевали еще в 1890-х годах. Она начиналась так:

Боже, царя схорони!
Сильный жандармами,
Славный казармами... и т. д.

[2] Известный, между прочим, крупной взяткой, данной им Александру II и его жене Е. М. Долгоруковой.

троили студенты петербургских высших учебных заведений 17 ноября 1886 г., и в которой Поссе принимал активное участие. Демонстрация была организована «тонким слоем революционно-настроенного студенчества» в ознаменование «25 лет со дня смерти критика-революционера Н. А. Добролюбова, который тогда был еще властителем дум революционной молодежи».

Ничего «академического», по описанию В. А. Поссе, в этом движении не было [1].

Как всегда, решительное выступление крайней левой с политическими требованиями вызвало резкую классовую дифференциацию среди студенчества, попытки противопоставить радикалам организованную силу умеренно-либеральной и черносотенной части студентов. Наиболее интересным актом этого рода было учреждение в 1882 г. Студенческого научно-литературного общества при СПБ университете. «Научно-литературное общество» в Петербургском университете, просуществовавшее пять лет (1882—1887), было создано для отвлечения молодежи от политики и сыграло довольно видную роль в 80-х годах» (Сватиков. Сб. «Путь студенчества». М., 1916, стр. 16).

«История этого общества очень оригинальна. Оно образовалось в начале 80-х годов, вскоре после события 1 марта 1881 г. Его учредителями были студенты из золотой молодежи, кажется члены священной дружины.

Задачи общества — борьба с крамолой путем научно-литературного воздействия на студентов» («Минувшие годы», 1908 г., № 11, стр. 170).

Официальною целью общества было: «содействовать научным и литературным занятиям студентов, устраивая научные рефераты и литературные чтения, предпринимая переводы иностранных научных сочинений и издания, в виде сборников или отдельных брошюр, лучших студенческих диссертаций и научно-литературных статей, приискивая научно-литературные занятия студентам, принимающим участие в деятельности общества, и выписывая научные и литературные журналы и наиболее необходимые для университетских занятий сочинения для пользования своих членов»...

Во главе общества стоял профессор О. Ф. Миллер, историк литературы и исследователь народной словесности из искренне-православных немцев, член «славянского комитета». Диссертация

---

[1] См. «Добролюбовская демонстрация 17 ноября 1886 г. в С.-Петербурге» М. А. Брагинского («Былое», 1907 г. № 5/17, стр. 306—309): «Вероятность превращения панихиды в политическую антиправительственную манифестацию молчаливо допускалась всеми, и предшествовавшая ей агитация среди учащейся молодежи заранее к ней подготовила»... «Послышались звуки революционных песен и гимнов: один из участников демонстрации, бывший тогда студентом военно-медицинской академии д-р Фейт... взобрался на фонарь и произнес перед толпой и на глазах смущенной полиции речь политического характера» и т. д.

Миллера (1858 г.) вызвала резкую рецензию Н. А. Добролюбова, где знаменитый критик заранее указал, что мораль О. Ф. Миллера: «Не надейся на себя, смиряйся, послушествуй старшим и благо тебе будет», — приведет к лакейству (Соч. т. II, СПБ, 1876, стр. 344—345, 354).

«Сначала состав общества был таков, что тогдашним официальным опекунам русской молодежи оставалось только глядеть да радоваться. Одного только недоставало в обществе — науки и литературы. Плохо обстояло дело насчет докладов и рефератов. Тогда мало-по-малу стали допускать студентов, хоть и не с «истинно-русским» духом, но таких, которые — ну, хоть какой-нибудь доклад могли изготовить. И вот мало-по-малу в общество стало проникать умеренно-прогрессивное студенчество». К середине 80-х годов, «если выразиться современным языком, большинство членов были кадетами; они потом и действительно вошли в эту политическую партию» («Минувшие годы»; ук. том, стр. 171). Во главе научно-литературного общества блистали студенты С. Ф и Ф. Ф. Ольденбурги, кн. Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, И. М. Гревс, А. А. Корнилов, Н. В. Чехов, А. А. Кауфман и ряд других — все будущие светила русского либерализма (И. М. Гревс. «В годы юности». «Былое», 1918, № 12, стр. 52 и сл.)

Либеральное студенчество, верховодившее в научно-литературном обществе, сторонники «свободы и культуры» решительно восставали против беспорядков и утверждали, «что политика неблаговременна в университете, что дело студентов — готовиться к борьбе в жизни путем углубления в научную работу и сплочения друг с другом во имя серьезного просвещения». В этом отношении либеральные сыновья ничем не отличались от либералов отцов (И. М. Гревс, стр. 53). Либеральный центр играл роль буфера между правыми — «охранителями», — «консерваторами» — «сынами аристократических семей, титулованными, богатыми юношами», во главе которых стоял студент граф Н. Ф. Гейден, — и радикалами; и «охранители» и «радикалы» пытались вносить в деятельность общества свою «политику». В силу тогдашнего развития общественных отношений, и особенно после разгрома «Народной Воли», вызвавшего упадок политической жизни, по меткому определению И. М. Гревса, — между тогдашними мелко-буржуазными «радикалами» и цензово-буржуазными сторонниками «свободы и культуры» «возникало мирное трение идей». Этот плод реакции хорошо изображен В. Б[артене]вым в «воспоминаниях петербуржца о второй половине 80-х годов» («Минувшие годы», 1908, № 11, стр. 168 и сл.). В. И. Ленин писал: «Смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения при выдающейся роли учащихся и интеллигентов — вот классовая сущность тогдашних партий и тогдашнего движения» (1884 — 1890) (Соб. соч. т. XII, ч. 2, стр. 189). К концу деятельности общества в нем участвовало много представителей радикалов разного толка; в

различных воспоминаниях (Гревс, Поссе, Бартенев) указаны имена В. В. Водовозова, В. А. Мякотина, В. К. Агафонова, В. А. Поссе, В. В. Смидовича (Вересаева), М. Т. Елизарова и др. Особенно интересно участие А. И. Ульянова, занимавшего «видное место среди работников общества».

«В обществе не замечалось резкого разделения на правых (или вернее умеренных) и левых. Общий тон был таков, что общество можно считать одной из ячеек современной кадетской партии. Радикалы не вносили диссонанса, так как при отсутствии разговоров на собственно политические злободневные темы чувствовалась общая, идейная этическая почва. О «делах» тоже разговоров тут не велось, «дела» делались на стороне. Научно-литературное общество было закрыто во время репрессий, последовавших после покушения на жизнь государя 1 марта 1887 г.» (Бартенев, стр. 172). Ульянов, Генералов, Андреюшкин, Шевырев — все четверо казненные 8 мая 1887 г. — были членами общества (Гревс, 85).

Другую, более удачную попытку организовать крайнюю правую студенчества сделал инспектор Московского университета Брызгалов. Именно эта политическая сторона деятельности Брызгалова, а не его мелочные придирки к студентам, вызвала резкую против него реакцию со стороны радикального студенчества. Это видно по корреспонденции из Москвы, помещенной в литографированном студенческом журнале «Голос молодежи» (СПБ, 1886, стр. 47—57).

Давая характеристику Брызгалова, корреспонденция рисует его ничтожеством, одержимым «страстью к чинам, орденам и тому подобным магнитам чиновничьей душонки. Если вы представляете себе это, — говорит автор корреспонденции, — и одновременно примите во внимание указанные мною выше черты: глупость, пошлость, отсутствие самолюбия, нахальство, —то перед вами, мне думается, восстанет довольно ярко обрисованный портрет г-на Брызгалова» (стр. 49). «Подобные паразиты прививаются только уже на организме, начавшем разлагаться от воздействия других, более сильных внешних и внутренних деятелей» (стр. 51).

«Не буду останавливаться на борьбе инспектора с красными и вышитыми рубашками, с высокими сапогами и прочими признаками, по его мнению, крамольных убеждений»... «Война эта была просто глупа и смешна и особенно ополчаться из-за нее студентам на Брызгалова, конечно, не стоило; поэтому он легко одержал в ней победу.

Обращу лучше ваше внимание на более серьезные по внесенному в студенческую среду разврату деяния этого господина. В 1884 г. в Московском университете образовался студенческий хор и оркестр. Но до осени 85 года об нем ничего не было слышно. Он где-то собирался, спевался, сыгрывался и-ровно никто из неучастников этим не интересовался: никаких внешних признаков его существования не было видно. Но вот наступил 85—86 акаде-

мический год, принесший студентам новый устав, и г-н Брызгалов задумал воспользоваться хором и оркестром для своих инспекторских целей. Прежде всего он всячески старался приблизить к себе его и захватить в нем власть. Спевки и репетиции происходят у него на квартире; студенты-участники поятся якобы инспекторским чаем, получают разные пособия и стипендии по его протекции и пользуются разными другими знаками инспекторского расположения» (стр. 51—52).

При помощи таких мер Брызгалову удалось создать из хора и оркестра черносотенную «дружину», которая выделила из себя добровольных шпионов и доносчиков. Приличная часть студентов вышла из хора и оркестра. Первое столкновение с Брызгаловым произошло в ноябре 1885 г., когда в Московском дворянском собрании был назначен концерт студенческого хора и оркестра «в пользу, как извещали афиши, недостаточных студентов».

Брызгалов начал с того, что послал от имени студентов почетный билет на концерт Каткову. Катков дал за билет 100 рублей. Прогрессивное студенчество заволновалось, устроило ряд собраний в кухмистерской и решило собрать по подписке сто рублей и возвратить их Каткову. В результате «обыски, допросы, аресты, и ссылки». Кроме того, была закрыта кухмистерская, — «это, как выражался Брызгалов, — гнездо нигилистического разврата». [1]

Как видим, столкновение с Брызгаловым в 1885 г. произошло не на академической, а на общественной почве. На такой же почве произошла и известная «брызгаловская история» в 1887 г., вылившаяся в крупное студенческое движение и положившая предел деятельности ретивого инспектора.

«22-го ноября 1887 г. в зале благородного собрания в Москве, во время концерта, который давал оркестр и хор студентов Московского университета при огромном стечении публики, после антракта, в начале 2-го отделения, когда инспектор студентов ст. сов. Брызгалов, подсчитав кассу, возвратился в главную залу, студент 5-го семестра юридического факультета Александр Синявский нанес ему сзади сильный удар по лицу, и когда Брызгалов обернулся к нему, то он со словами: «вот тебе еще», с прибавкой бранного выражения, хотел еще вторично его ударить,

---

[1] Сочувствовавший направлению деятельности Брызгалова Н. П. Боголепов тем не менее отозвался об инспекторе: «Он был ограничен, груб и бестактен. Впрочем уже в то время всякий, требовавший от студентов исполнения их обязанностей, вызывал их ненависть; но его грубое обращение особенно раздражало и без того обидчивых студентов, избалованных угодливостью профессоров» (Е. Б. Н. П. Боголепов. Записки. М., 1912, стр. 67—68). Брызгалов в довершение всего был нечист на руку. Получая чай безвозмездно от одного из студентов-хористов Коре щенко, представителя богатой чайной торговли, он присваивал стоимость чая, заимствуя ее из сборов благотворительных концертов («Голос молодежи», 1886 г., стр. 56). К Брызгалову брезгливо относились профессора, не подававшие ему руки, ген.-губернатор и его подчиненные.

но Брызгалов успел отстранить этот удар, а Синявский был схвачен и отвезен в Тверской полицейский частный дом. Брызгалов подошел к попечителю в 1-м ряду кресел, не растерявшись, и доложил о случившемся. Множество студентов, которых попечитель видел после концерта, были в удрученном состоянии духа и крайне возмущены происшедшим» (Георгиевский. Краткий исторический очерк, стр. 181).

В том, что присутствовавшие на концерте студенты были удручены и возмущены, нет ничего удивительного. В своих воспоминаниях о движении 1887 г. видный впоследствии земский деятель, а тогда студент 1-го курса медицинского факультета Г. А. Ростовцев («Русская старина» 1906 г., январь, стр. 138) говорит, что концерты только номинально считались студенческими. Демократическое большинство студенчества не считало их своими, «многие из студентов даже считали для себя позором присутствовать на этих концертах», так как устроителем их был Брызгалов и допускались на них студенты в парадной форме: в мундире, шитом золотом, и при шпаге [1]. Распорядители были из дружины Брызгалова «франтовые типы», хор и оркестр блистали своими белыми подкладками и особыми жетонами, придуманными Брызгаловым, как эмблема любви и преданности студентов к престолу. «Словом студенчество представлялось обществу во всем блеске известной части его».

Судя по воспоминаниям князя Б. А. Щетинина («Исторический Вестник», февраль 1905 г., цитировано у Ростовцева), Г. А. Ростовцева и официальному расследованию, А. Л. Синявский действовал «с заранее обдуманной целью». «Несомненно, — говорит наиболее достоверный свидетель (Г. А. Ростовцев, стр. 139), — что решение, быть может, обсуждалось где-либо; во всяком случае оно было известно многим, и уже накануне концерта в некоторых студенческих кружках знали, что на концерте произойдет то, что произошло».

А. И. Георгиевский сообщает даже место, где состоялось совещание, санкционировавшее акт, совершенный Синявским: Петровская академия. «Сборище это состоялось как раз 21-го ноября, и прежде чем оно было прекращено мерами полиции, на нем дело шло о Брызгалове, высказывалось против него неудовольствие, и в этом сборище участвовал Синявский» (стр. 182).

«Самым неблагоприятным для Брызгалова обстоятельством,— пишет А. И. Георгиевский (стр. 184), — было то, что «князь В. А. Долгоруков, как доносил попечитель округа, вообще не был расположен к Брызгалову и после происшествия 22-го ноября

---

[1] В начале 1900-х годов можно было окончить университет, не подозревая о существовании этой парадной формы. За долголетнее близкое знакомство с Московским университетом (1901—1910 г.г.) я только раз видел студента, облаченного в мундир, и сначала подумал, что он слушатель какого-нибудь специального учебного заведения.

не скрыл этого нерасположения и говорил не только мне (пишет граф П. А. Капнист), но и очень многим другим, что он, московский генерал-губернатор, предвидел, что то, что случилось, могло случиться, раз Брызгалов был инспектором. Эти слова были перетолкованы, и стоустая молва вывела из них, что если сам генерал-губернатор против Брызгалова, то, значит, студенты правы, всему виной Брызгалов, Синявский не более как жертва. Это чрезвычайно содействовало разгорячению и ожесточению молодежи». Тогда как мясники Охотного ряда, охотники вообще подраться, так и рвались в драку со студентами, все, что можно назвать обществом, было решительно на стороне студентов».

Уже из этого рассказа о начальной стадии движения видно, что оно носило не узко профессиональный, а общественный характер и если «устав 84 года» приковывал к себе большое внимание, то где же, как не в отношении к молодежи, так ярко проявилась в ту эпоху общая тенденция правительственной политики к удовлетворению реакционных вожделений паразитирующих верхов землевладельческого дворянства? Такие яркие акты этой политики, как реформа земского и городского самоуправления или «земские начальники» только еще разрабатывались в недрах правительственных канцелярий. Что движение было вызвано общими причинами и только политическая недальновидность либеральной профессуры и гнет свинцового режима мешали ей признать это, — понимал в 1905 г. левый земец Г. А. Ростовцев.

«Если в настоящий момент, — писал последний (стр. 138), — мы видим, что студенческие «забастовки», по открытому заявлению профессорских корпораций и отдельных профессоров, объясняются как результат общего настроения государства, то в то время таких речей слышать не приходилось. Наоборот, как увидим ниже, даже профессора участвовали в отыскании и определении кары агитаторам, даже они старались объяснить происхождение волнений не общими фактами, а какою-либо конкретною, но в сущности маловажною причиною, вроде инспектора Брызгалова. Да, мрачная была эта эпоха, и она рисуется в воображении еще мрачнее при воспоминании, как общество оставалось индиферентным к протестующим взрывам молодежи против духовного гнета того времени».

23 и 24 ноября Брызгалов продолжал действовать через своих помощников, хоть и не показывался перед студентами. Чтобы поддержать его престиж, уже 23 ноября попечитель явился в юридическую аудиторию, где было 146 слушателей, и сказал несколько слов о случившемся. В ответ «послышалось весьма робкое, но внятное шиканье 5—6 голосов». Но в общем день прошел без инцидентов. «Только кое-где ходили по аудитории жалкие записочки с сообщением о часе и месте названной сходки, да кое-где в аудиториях об этом объявлялось вслух. И вот на эту сходку 23-го ноября (во внутреннем дворе старого университета) явилось

только человек 30—40, не более. Собравшиеся решили разойтись и позвать товарищей на сходку в следующий день 24-го ноября на наружный двор старого университета, что выходит на Моховую улицу. На эту сходку пришло также не много студентов, но все же собралось человек около 300 с разных факультетов и курсов, но по преимуществу с первых трех. На Моховой быстро собралась громадная толпа любопытных, в числе которых было немало студентов. Присутствие последних в толпе любопытствующего народа, конечно, действовало неприятно на демонстрантов, и последние делали не лестные замечания по адресу любопытствующих студентов» (Ростовцев, 140).

Дальше официальный рассказ о событиях расходится с воспоминаниями Г. А. Ростовцева. Судя по всему, чтобы оправдать свое поведение, министерские чиновники тенденциозно привирали, стараясь доказать, что студенты вели себя «буйно и безобразно». Интересно только сообщение, что ретивый Брызгалов, узнав о том, что студенты начинают собираться под аркой, тотчас отрядил одного из своих помощников со сворой педелей, чтобы переписать собравшихся, запереть двери, и известил графа Капниста и ректора, которые отправились на храмовой праздник Екатерининской больницы.

«Сходка желала официально сделать свои заявления и послала депутацию к ректору, прося его притти на сходку. Между тем явилась полиция и охотники-добровольцы, укротители студентов (в то время в этом отличались охотнорядцы; теперь, говорят, они, к счастью, изменили своим традициям) [1]. Стали запирать калитки и ворота, студенты не допускали этого, почему и произошла небольшая свалка, ворота и калитки все-таки были заперты, чем уменьшился приток студентов на сходку» (Ростовцев, 140).

Около часу дня прибыли из Екатерининской больницы попечитель и ректор, при чем последний прошел прямо в правление. Находившийся там начальник местного охранного отделения ротмистр Н. С. Бердяев доложил ректору, что для успокоения студентов необходимо впустить их в актовый зал и выслушать их. Ректор немедленно это исполнил, приказав сообщить студентам, что актовый зал к их услугам и что им ничего не будет за собрание в зале. «Это было несомненно большой ошибкой», — говорит А. И. Георгиевский (стр. 188).

В своем докладе министерству граф П. А. Капнист оправдывал поведение ректора его неопытностью: «Винить за это Г. А. Иванова нельзя; он еще неопытен в администрации и в данном случае поверил авторитету начальника охраны. Следовало, замечает граф Капнист в позднейшем несколько донесении своем, тотчас по нашем прибытии арестовать всю сходку на дворе уни-

---

[1] «Искра» № 3 (апрель 1901 г., стр. 13/59) писала о демонстрации 25 февраля: «В борьбе с полицией студентам помогали охотнорядцы»...

верситета, «и я уверен, что это разом положило бы конец беспорядкам», как это не раз бывало и прежде в Москве же» (там же).

«Вдруг к воротам, — рассказывает П. А. Ростовцев (стр. 140—141), — подкатила карета, из которой стремительно вышел возбужденный и раскрасневшийся попечитель округа, теперь уже умерший П. Капнист... Попечитель приказал открыть ворота и, став у них в картинную позу, повелительно потребовал от студентов расходиться, при этом назначил срок в три минуты; достал часы и отсчитал эти три минуты; после третьей минуты вышел со сходки только один какой-то студент. Попечитель приказал закрыть ворота...»

«На сходку [явился] ректор университета, теперь тоже умерший профессор Иванов; студенты попросили его объясниться с ним в актовом зале, куда и направились с ректором, все время оказывая ему внимание и уважение. Разумеется, студенты при описанном положении вещей вошли в зал не раздеваясь: в пальто и калошах, так же как и ректор; его, однако, студенты предупредительно раздели уже в самой зале. Началось объяснение сходки с ректором в вполне корректной форме, ректор тоже разговаривал со студентами ласково, мягко, без повышения голоса».

«В актовом зале, — говорит Георгиевский (стр. 188), — толпа, при входе и выходе ректора и попечителя, почтительно перед ними расступалась, тем не менее нисколько не поддавалась увещаниям ректора, который «с замечательным самообладанием и тактом старался успокоить студентов и привести их к повиновению». Из этой толпы то и дело раздавались возгласы: «долой устав, долой Брызгалова, освободить Синявского!»

«Когда все собрались в залу, — продолжает Г. А. Ростовцев (стр. 141), — из среды студентов выделился студент Г. [1] и отчетливым голосом заявил ректору приблизительно следующее: собравшиеся студенты заявляют, во-первых, что поступок студента Синявского на концерте не есть его личное дело, а дело всего московского студенчества. Далее студенты требуют отмены нового устава и возвращения устава 1863 года в полном объеме. Наконец студенты требуют немедленного увольнения Брызгалова. На это ректор стал говорить, что Брызгалов, по существу, добрый человек и не раз ходатайствовал перед ним за многих студентов; на это ректору ответили несколько голосов, что он ходатайствовал за своих клевретов «брызгаловцев». Ректор стал что-то еще говорить, но в этот момент взошел на кафедру попечитель Капнист, взял ректора за плечо, сказал ему: «мы сюда пришли не для разговоров» и стал кричать на студентов, что они своим поведением (в верхней

---

[1] Гопфенгаузен, член нелегального кружка (А. И. Рязанов. Воспоминания, стр. 128. В сборнике «На заре рабочего движения в Москве». Из-во политкаторжан, 1932).

одежде и калошах в актовой зале) оскорбляют университет (крики: «вы оскорбляете его, введя в него полицию»: в дверях показались полицейские), попечитель стал кричать еще более громко, требуя тишины, когда он говорит. После такого вызова поднялся шум. В конце-концов попечитель сказал, что собравшиеся сюда студенты нарушили правила университета и до разбора дела лишаются права посещения лекций, почему и должны выдать свои входные в университет билеты; это студенты охотно сделали и затем разошлись по домам».

Всего было сдано студентами 199 билетов, «и правление под председательством попечителя в тот же вечер решило разослать к ним повестки с воспрещением входа в университет впредь до окончательного решения дела о них правлением и уведомить администрацию о назначении на следующий день особого наряда полицейских на случай могущих повториться беспорядков и о расстановке городовых у всех университетских ворот и подъездов университетских зданий, дабы задержать студентов, у которых были отобраны билеты, буде они попытаются проникнуть в университет...»

«Ни в актовом зале, ни во дворе не было уже более студентов, но на Моховой и на Никитской собрались кучки народа и отчасти студентов, неохотно расходившихся по требованию полиции и находившихся на месте казаков. Скопление их на этих улицах прекратилось лишь после 4-х часов» (Георгиевский, стр. 189).

«На следующий день из бывших на сходке студентов человек около 30 (кажется 27) получили приглашение явиться в правление университета. Утром вызванные отправились, но ни в этот день, ни в следующие дни уже не возвращались домой. Только на четвертый или пятый день они были выпущены из Бутырской тюрьмы для отправки в тот же день на родину» (Ростовцев, стр. 141—142).

Оказалось, что эти случайно захваченные инспекцией студенты были вызваны на университетский суд, который и признал их зачинщиками беспорядков, исключив четверых из университета без права поступления в какое бы то ни было учебное заведение, а прочих уволив с правом поступления в другие университеты. По окончании судбища все без исключения осужденные были окружены казаками или полицейскими и отведены в Бутырскую тюрьму.

Такая расправа возмутила широкие круги студенчества. «В особенности возмущал студентов тот факт, что в суде правления участвовали профессора, студенты негодовали, что эти последние могли на основании данных, собранных исключительно инспекцией (при этом Брызгаловской), подписывать вердикт над жертвами. Я не буду называть фамилий этих профессоров: некоторые из них живы, пусть им будет хоть теперь совестно при воспоминании, что при их участии загублено несколько молодых сил»... (Ростовцев, стр. 143). Некоторые исключенные так и не могли окончить об-

разования. Студенчество заволновалось еще более, сходки стали устраиваться по нескольку раз в день в разных местах. На сходки являлись профессора Марковников, Чупров, Зверев и говорили успокоительные речи. «Но какое действие могли они оказать на студентов, — справедливо говорит Г. А. Ростовцев, — когда их же товарищи участвовали в суде правления, так жестоко и несправедливо разделавшемся с первыми жертвами своего произвола. Да профессора и не понимали условий и причин студенческих волнений. Вспоминаю объяснение на сходке уважаемого студентами проф. А. И. Чупрова, который убеждал студентов успокоиться и приводил тот мотив, что Брызгалов не стоит стольких жертв, как будто бы в Брызгалове было дело» (Ростовцев, стр 143—144).

На многочисленных сходках, собиравшихся в разных местах, выработана была новая форма протеста: в знак солидарности с исключенными студенты собирали входные билеты и передавали их инспекции. Однако инспекция билетов не принимала, чтобы протест не принял широких размеров. Во время одной из таких самочинных сходок разыгралось знаменитое «страстное побоище».

26 ноября около двух часов дня «каким-то образом распространился слух (устный, прокламаций не было), что студенты собираются на Нарышкинском сквере против новой Екатерининской больницы, где занимаются медики 5-го курса. Здесь собралось человек 300—400. Стали собирать входные билеты для передачи их инспекции с вышеуказанной целью. Вдруг со стороны Каретного ряда показывается отряд полицейских, который пошел прямо на студентов. Последние, не сопротивляясь, стали расходиться, направляясь к выходу. Полицейские устремились на отступающих студентов, стали их бить, студенты побежали к выходам, но все выходы с боков были заняты конными жандармами; студентам оставалось перейти на Страстной бульвар, что они и сделали, понуждаемые ударами полицейских сзади. Дойдя до входа со Страстного бульвара на Тверскую площадь, студенты нашли и этот выход запертым. Таким образом они попали в ловушку. Итти им было уже некуда, а их полицейские все били и били. Околоточные и пристава только смотрели на побоище. Студенты не защищались, не дрались. Так продолжалось минут пять. Когда всех студентов изрядно поколотили — у многих текла кровь, — выходы с бульвара освободили, и студенты ринулись на площадь, где конными жандармами были рассеяны в разные стороны обычным приемом. «Страстное» побоище возмутило все студенчество, тем более, что распространился слух о двух убитых—слух не подтвердился» (Ростовцев, стр. 144—145).

«Начиная с 27-го, и особенно с 28-го ноября (в субботу), «волнение, державшееся 5 дней на улице и не остановленное там должными мерами (то-есть, задержанием толпы), ворвалось внутрь университета. Студенты образовали толпу настолько разгоряченную и отуманенную, что они потеряли способность пони-

мать, что им говорили, и ожесточенную до того, что в эту минуту полезли бы на явную для них опасность. Наступил момент, при котором воздействие на толпу уже немыслимо. Нужно было изыскать средство дать ей время остыть и, главное, лишить студентов на время возможности собираться массами»; единственным средством являлось закрытие университета. 28-го ноября ввести войска в университет и всех участников в беспорядках арестовать было уже невозможно: 1) волнение разом охватило все здания университета, и пришлось бы везде делать нечто вроде облавы и 2) настроение толпы было настолько ожесточенное против полиции, что от него не были свободны даже студенты из таких семей, как гр. Уваровых, кн. Долгоруковых, Львовых и т. д., и можно было опасаться кровавой схватки.

Одновременно с закрытием университета была решена участь Синявского: по докладу г. министра народного просвещения 29-го ноября было высочайше повелено отдать его на три года в дисциплинарный батальон» (Георгиевский, стр. 193).

Известие о московских событиях, упав на подготовленную почву, вызывало серьезные волнения в других университетских городах: «в Харькове и в Одессе взрыв произошел 1-го декабря, в Казани 4-го декабря, в Петербурге 9-го декабря, только в Киеве все усилия московских и других бунтовщиков встретили сильнейший отпор со стороны самих студентов, и порядок почти вовсе не был возмущен».

«5 университетов, Харьковский технологический и Казанский ветеринарный институты были временно закрыты». Лекции во всех временно закрытых высших учебных заведениях удалось возобновить только между 21 января и 8 февраля. В это время действовало и министерство народного просвещения и министерство внутренних дел. «Всех удаленных за участие в беспорядках 1887 г. из Московского университета было 97. Сверх того 38 студентов были подвергнуты аресту от 1-го до 10-ти дней, 87-ми был сделан выговор от имени правления. Виновными в той или другой мере было таким образом признано 222 чел.»

За недостатком места мы не будем останавливаться на истории движения в других университетах; оно развивалось в том же направлении, что и московское, принимая временами более буйные формы (Харьков). Скажем только несколько слов о Казани, где движение было наиболее упорным, и где студент Алексеев, разделивший участь Синявского, нанес удар по лицу инспектору Н. Г. Потапову. В гектографированной петиции казанцев говорилось: «Собрало нас сюда ничто иное как сознание невозможности всех условий, в которые поставлена русская жизнь вообще и студенческая в частности» (Георгиевский, стр. 206).

Движение 1887 г. приняло столь широкий размах, носило настолько яркий противоправительственный характер, что власти

растерялись. Вопреки проповедуемой догме, что студенты должны только учиться, а профессора только учить, министерство народного просвещения потребовало от профессоров реального воздействия на студентов, с реальной угрозой лишить их вознаграждения, если движение откроется вновь.

14-го января 1888 г. совещание из министров внутренних дел, народного просвещения, государственных имуществ, финансов, синодального обер-прокурора, товарища министра заведывающего полицией, градоначальника и директоров департаментов полиции и народного просвещения вынесло решение и дало указание в этом направлении министру народного просвещения, а 24 января последний сообщил «совершенно секретно» попечителям округов, где были временно закрыты университеты, что «если бы, паче чаяния, вновь возникли беспорядки во вверенном каждому из них университете и пришлось бы закрыть оный, то представится необходимым уволить от службы весь состав преподавателей университета, так как немыслимо и несправедливо, чтобы средства государственного казначейства обращались на содержание лиц, которые не будут нести никаких служебных обязанностей».

Это циничнейшее глумление вывело, наконец, из покоя хотя бы только наиболее порядочных профессоров.

«7-го февраля 1888 года в харьковской газете «Южный край», очень близкой к кружку профессора Ляшкевича, появилась статья: «Газетные слухи об университетских делах», в которой данное министром «совершенно секретно» указание на последствия закрытия университета для его профессоров представляется в виде нелепого, ни с чем нессообразного слуха, возникшего из беседы о государственных вопросах Ивана Давыдовича с Петром Ивановичем где-нибудь на Васильевском или на Выборгской за стаканчиком пунша. «Смысл вышеизложенной «меры», по мнению Ивана Давыдовича, вот какой: если лишить профессоров жалованья в случае беспорядков, то тем самым можно достигнуть того, что профессора всеми силами будут удерживать студентов от беспорядков, потому что ведь жалованье — не шутка. Конечно, от подобного соображения так и пахнет прилавком мелочной лавченки; но помимо этого запаха не трудно даже изобразить всю практическую нелепость его. Да ведь, чтобы удержать студентов от безумных поступков, профессор должен иметь подавляющее нравственное влияние на них, а какое же нравственное влияние он может иметь, если его будут третировать как продажную каналью, торгующую своим влиянием?» (Георгиевский, стр. 240).

Но таковы были только отдельные голоса; профессора продолжали играть роль палачей над участниками студенческих движений, а последние продолжали повторяться, когда радикальное студенчество накапливало достаточно сил.

«В последние полтора десятилетия, — писали профессора Московского университета в своем докладе 1901 г. («на правах

рукописи», стр. 1), — студенческие волнения стали обычным, почти ежегодным явлением в жизни Московского университета. Годы, прошедшие совершенно спокойно, без студенческих сходок и экстренных заседаний правления по поводу их, можно считать исключительными. Из 14 академических годов, протекших с сентября 1887 года, такими необычайными мирными годами можно признать разве только пять (1888—9, 1891—2, 1892—3, 1897—8 и 1899—1900). На остальные 9 лет можно насчитывать до восьми более или менее крупных студенческих «историй», не принимая в счет минутных вспышек, погасавших без серьезных последствий».

После 1887 г. крупное движение радикального студенчества произошло в 1890 году. «Осенью 1889 г. боевое настроение молодежи уже успело заявить о себе попыткой демонстрации» (Меньщиков. Охрана и революция, ч. 1, М., 1925, стр. 63). Движение началось не по академическому поводу. 17 октября 1889 г. умер наиболее выдающийся вождь революционных разночинцев Николай Гаврилович Чернышевский. Имя «великого русского ученого и критика» в глазах радикальной молодежи было символом непримиримой и непреклонной борьбы с самодержавием. Понятно, что смерть Чернышевского взволновала радикальную часть студенчества. 19-го октября днем была назначена панихида по Н. Г. Чернышевском в церкви Дмитрия Солунского на углу Тверской улицы и Страстной площади. Получив об этом сведения, начальник охранного отделения командировал к месту панихиды наряд полиции, а из университета затребовал педелей для опознания манифестантов. Инспектор Добров, сменивший в 1888 г. Брызгалова, вообще старавшийся жить в мире со студентами, «нашел в себе мужество» не удовлетворить требование о посылке педелей. «В это время у памятника Пушкину собралась уже значительная толпа; на просьбу отслужить панихиду священник церкви ответил, что должен предварительно спросить разрешение у начальника полиции; «обер», опасаясь осложнений, разрешил, и богослужение, при участии студенческого хора, было совершено. Толпа этим не удовлетворилась (дело было, разумеется, не в церковной церемонии, являвшейся лишь способом выражения протеста); немногочисленная (человек 300), но оживленная группа демонстрантов направилась по Тверскому бульвару на Никитскую улицу и стала требовать, чтобы была отслужена панихида в университетской церкви; учебное начальство, оказавшееся менее уступчивым, чем полицейское, в разрешении открыть церковь отказало, и толпа постепенно разошлась.

Демонстрация по [поводу смерти] Чернышевского имела некоторые косвенные последствия: 52 человека, участвовавших в шествии, попали на замечание охраны, а профессору Тимирязеву, согласившемуся по просьбе студентов не читать в этот день лекций, был сделан выговор» (Меньщиков, стр. 63—64).

В № 288 «Русских Ведомостей» появился некролог Чернышев-

ского, не удовлетворивший радикальную часть студентов. Игравшие в ней большую роль студенты-сибиряки Иннокентий Одуевский и Иван Сапожников составили протест по поводу некролога «Русских Ведомостей» [1], выдержки из которого приведены на стр. 64 книги Меньщикова:

«Мы привыкли видеть, заявляло студенчество, «Русские Ведомости» в числе немногих честных органов, не загрязнивших печатного слова постыдной изменой требованиям совести и долга... Мы знаем, что при настоящих условиях компромиссы и «скромная умеренность» неизбежны, но нельзя переходить границы, где осторожность переходит в трусость. Эти элементарные требования «Русские Ведомости» нарушили по поводу смерти человека, жизнь которого стала страдальческой, потому что он писал и говорил только правду... Лишь забывая лучшие традиции, можно назвать правду и честь «заблуждениями», многолетние страдания за них— «искуплением», а замену каторги безнадежным коротанием разбитой жизни — «милостью»...

Довольно затруднительно признать, что тут студенты не выходили из рамок чисто-студенческих интересов.

• По сообщению Меньщикова, повидимому осенью [сам Меньщиков в одном месте пишет: «в конце 1889 г.», а через две страницы: «весной»] 1889 г. состоялся съезд представителей революционных и земляческих кружков, на котором было положено основание «Центрального бюро», которое приняло на себя задачу руководить движением студентов.

«Движение, начавшееся на почве борьбы за сохранение старого «либерального» академического устава, по существу своему являлось более широким и носило, по казенной терминологии, явно «антиправительственный характер» (стр. 67—68).

«Центральное бюро», насчитывавшее к началу 1890 г. до 100 членов, объединило группы студентов Петровской академии во главе с П. Грацинановым и А. Шамаховым, «донцов», «сибиряков» и «рязанцев», а также кружки студентов университета В. Германовича, А. Второва, А. Александрова и П. Кашинского, «представлявших радикальную публику».

«Еще в декабре 1889 г. на сходках у М. Сопоцько был окончательно выработан список «требований» из 11 пунктов, для того времени довольно радикальных, при чем один из виднейших членов сибирского землячества И. И. Сапожников, присутствовавший на этом собрании, горячо доказывал, что деятельность организации сделается плодотворной лишь в том случае, если члены ее будут «иметь развитыми и воспитаными основательно представления о своих обязательствах, как граждане». Другие шли дальше, и А. Вто-

---

[1] О характере этого некролога достаточное представление дают отдельные выражения, допущенные в нем, которые приведены в протесте.

ров, например, открыто проповедывал на сходках необходимость «принять к руководству программу Исполнительного Комитета Н[ародной] В[оли]» [Меньщиков, стр. 68—69].

Радикальное «политическое» крыло «Центрального бюро», проводя свою линию на заседаниях бюро, не решалось выступать открыто перед студенческой массой, опасаясь, что политические требования отшатнут ее. Излагая в ряде изданных прокламаций студенческие требования, «Центральное бюро» включило в них пять параграфов из выработанной еще на сходке у Сопоцько своей «хартии»; остальные параграфы хартии, носившие политический характер, были опущены (Меньщиков, стр. 71).

Такая политика умолчания перед массой о широком характере движения, как увидим дальше, вызывалась классовой психологией мелкобуржуазного крыла студенчества и характерна для последнего для всего периода 1890—1900 г. Во главе движения стояли такие яркие представители мелкобуржуазной идеологии, как А. А. Аргунов [1], А. Второв [2], П. Кашинский [3].

В донесении от 17 января 1890 г. начальник охранного отделения писал: учредители бюро «предвидели, что, благодаря его мирным целям, к нему земляческие кружки отнесутся сочувственно, а затем, установив сношения, можно будет весь благонадежный элемент понемногу устранить» и таким образом «устроить под мирным флагом прочную революционную организацию по всем большим городам, где имеются высшие учебные заведения»... (Меньщиков, стр. 68).

Левое крыло «Центрального бюро» развило довольно широкую письменную политическую агитацию, издав на гектографе и литографским способом ряд брошюр, посвященных карийской трагедии и программного характера, а также историю революционного движения (вероятно А. Туна).

При таком положении в Москву пришло известие о событиях в Одессе. В Новороссийском университете предполагалось устройство «разного рода демонстраций с политическим более или менее характером, в том числе и демонстративная панихида по Чернышевском».

В предупреждение открытых выступлений начальство решило исключить 13 человек, почти исключительно евреев. Вслед за исключением студенты были высланы администрацией. В резуль-

---

[1] Впоследствии член ЦК партии социалистов-революционеров.

[2] Как видно из предыдущего сочувствовавший программе Народной Воли.

[3] Член московской группы Бруснева, автор программы террористического направления. По данным Меньщикова, П. М. Кашинский был принципиальным противником «плехановщины» (стр. 155). Кашинский «не был социал-демократом» и его «приходилось разубеждать в его народовольческих предрассудках» (В. Невский. Очерки по истории РКП, т. 1, стр. 274).

тате инициаторам движения удалось созвать довольно многочисленную сходку, продолжавшуюся шесть часов; лекции пришлось прекратить (20 ноября). В результате были исключены еще 34 студента (Георгиевский, стр. 256—257).

Уже на следующий день после сходки студенты Новороссийского университета стали рассылать по почте рукописные воззвания к студентам других университетов с приглашениями присоединиться к их протесту против режима, установленного уставом 1884 г. Воззвание кончалось словами: «Итак, товарищи, сплотимся еще раз, еще раз соединимся дружной семьей и сбросим с себя позорное иго устава 1884 г. Студенты Новороссийского университета».

Воззвание это нашло отклик среди учащейся молодежи и обе стороны, правительство и революционные группы студенчества, начали готовится к столкновению. На стр. 257—259 книги Георгиевского изложены мероприятия, рекомендованные министерством народного просвещения «секретными предложениями от 21 декабря 1889 г.» попечителям учебных округов для предупреждения беспорядков среди студентов, дополненные предложением от 9 февраля 1890 г. Меры эти заключались в том, чтобы взять на учет всех подозрительных студентов, усилить за ними надзор и установить тесную связь с генерал-губернаторами, губернаторами и полицей-мейстерами для совместных действий в целях подавления движения.

В свою очередь московскими студентами еще в конце декабря 1889 г. на сходках в квартире студента Московского университета Михаила Сопоцько была выработана «петиция», «та самая, как оказалось впоследствии, которая была предъявлена на возникших вслед за тем беспорядках. «Петиция» эта заключала в себе нижеследующие «требования»: 1) Полная автономия университетов и всех других высших учебных заведений по образцу университетского устава 1863 г.; 2) полная свобода преподавания; 3) свободный доступ в университеты без различия вероисповедания, национальности, пола и общественного положения; 4) прием евреев в университеты и другие высшие учебные заведения без всяких ограничений и уравнение их в правах с протчими (sic) студентами; 5) свобода сходок и признание студенческих корпораций; 6) учреждение университетского суда и студенческого суда; 7) уничтожение полицейской функции инспекции и 8) понижение платы за учение до уровня, определенного уставом 1863 г.

Об этой сходке и ее руководителях в свое время сообщено г. попечителю Московского учебного округа, но граф П. А. Капнист отвечал от 20-го января, что «самые тщательные наблюдения инспекции не дают ни малейшего основания предполагать склонность студентов к какому-либо волнению». Между тем почва для этих волнений в Московском университете была достаточно подготовлена к тому времени, как начались беспорядки в Петровской земледельческой академии» (Георгиевский, стр. 259—260).

На сходках, происходивших 12-го и 20-го января 1890 г. у сибиряка И. Одуевского, был уже поставлен на очередь вопрос об оказании помощи студентам Новороссийского университета, исключенным за происходившие у них беспорядки; сходка решила, однако, обождать более благоприятных обстоятельств (Меньщиков, стр. 69—70).

С 1 января 1890 г. в Петровской земледельческой академии был введен в действие новый устав, которым отменялись прежние вольности.

«Отличие его от старого состоит в том, — сообщало письмо «Несколько слов о событиях в Петровской академии», напечатанное в литографированном журнале «Студенческий Вестник» (№ 1. СПБ, май 1890 г., стр. 22 и сл.), — что административная часть изменена в том же духе, как и в новом университетском уставе. Прежний академический совет профессоров заменен «правлением», состоящим из директора, его помощника и одного из профессоров. Правление во главе с Юнге (вроде блаженной памяти Брызгалова) приступило с полной энергией к введению нового устава. Стали издаваться правила, идущие вразрез с укоренившимися традициями. Для достижения большего успеха Юнге сменил старого инспектора (по его собственным словам человека слишком мягкого) и заменил его новым [Бекаревичем], которого и поместил в здании студенческого общежития». Одной из первых мер новой администрации было запрещение допускать женщин в общежитие. В ответ на это 19 февраля была устроена вечеринка, из 150 участников которой одна треть были женщины. День 19 февраля отмечен был нехождением на лекции и устройством иллюминации казенного здания, несмотря на сопротивление инспекции. 24 февраля «директор явился в общежитие для объяснений по этому поводу, при чем он выказал крайне оскорбительное отношение к студентам. Поэтому когда через два дня (26 февр.) директор снова потребовал, чтобы студенты собрались для выслушания его замечаний, студенты отказались и решили вообще не вступать с ним в сношения. Затем он потребовал к себе нескольких студентов и показал им телеграмму, отправленную им в Петербург Долгорукову [Вл. Андр., московскому генерал-губернатору], такого содержания: «студенты вышли из повиновения», на что был получен от Долгорукова запрос: «сообщите подробности неповиновения студентов». Юнге отвечал: «еще не исчерпаны все педагогические меры». После этого студенты узнали о приезде министра государственных имуществ [М. Н. Островского, в ведении которого находилась академия] в Москву, и немедленно была собрана сходка, на которой была составлена петиция министру об отмене административной части устава. Директор ездил к министру и постарался успокоить его, уверяя, что в академии все тихо. Министр уехал из Москвы. На другой день Юнге явился в казенку [общежитие] и повел речь об успокоении умов. Но настроение было столь

бурное, что Юнге счел нужным немедленно оставить казенку» («Студенческий Вестник», стр. 22—23). По словам Меньщикова петиция была составлена 30 февраля и подписана 124 студентами; столкновение с Юнге произошло 3 марта. Удалив директора из «казенки», студенты «перешли в актовую залу и послали депутатов, требуя, чтобы туда явился директор. Пришел директор с деканом; студенты подали директору петицию, которая была здесь прочитана деканом. В этой петиции студенты требовали ходатайствовать перед министром об отмене административной части нового устава. Требовали отмены суда (правления) над некоторыми студентами, принимавшими участие в последних событиях. Наконец, говорилось, так как студенты преисполнены глубокой, непримиримой ненавистью к вам, как главному деятелю нового устава, и так как мы вполне убеждены, что спокойствия при таком положении дела быть не может, то поэтому на вашей нравственной обязанности лежит подать прошение об отставке. Все присутствовавшие подтвердили, что согласны со всеми пунктами, при чем деканом были записаны фамилии присутствовавших. Оказалось громадное большинство академии. На другой день поданы были подписи лицами, отсутствовавшими на сходке в первый день. 5 марта собралась большая сходка в актовом зале; приостановили чтение всех лекций. Директор на сходку не явился, заявив, что дело передано в руки полиции. Выйдя из актового зала, собравшись в казенке, студенты уничтожили все расписания, правила и постановления, изданные правлением, касающиеся нового устава и имеющие репрессивный характер. В ночь с 5-го на 6-е марта к Петровской академии прибыл корпус жандармов и городовых. В 12 часов ночи казенка была окружена. 125 студентов (по данным Георгиевского — 146; по данным Меньщикова — 159) были арестованы и препровождены в московскую Бутырскую тюрьму. На другой день на Петровских выселках было еще арестовано человек 50» («Студенческий Вестник», стр. 23—24).

События в Петровской академии послужили для руководителей революционных кружков поводом призвать московских студентов к открытому протесту. «Еще 28-го февраля на собрании, происходившем у Л. Эдемской, в котором, между прочим, принимали участие представители сибиряков А. Аргунов и А. Чепик, обсуждалась программа действий на случай возникновения «беспорядков». 4-го марта, на следующий день после ареста «петровцев», у Одуевского состоялась сходка, которая решила созвать членов «Ц. Бюро»; последние собрались там же 6-го числа и решили поддержать товарищей; с этой целью студент Ростовцев был командирован для агитации в университетские города; одновременно были выпущены гектографированные воззвания: «Студентам Московского университета. Несколько слов о событиях в Петровской академии», «К товарищам» и «К русскому обществу», с изложением студенческих требований, в список которых вошли 5 параграфов из «хартии»,

выработанной еще на сходке у Сопоцько (остальные, более политического характера, по тактическим соображениям опубликованы не были)» (Меньщиков, стр. 71).

Текст обращения к студентам опубликован «с сохранением сокращений и орфографии подлинника» А. Георгиевским (стр. 261—262):

«Мы надеемся, что студенты Московск. универс. окажут поддержку своим товарищам. Нам кажется, что почва для этого достаточно подготовлена. Тот же новый устав, действующий в университетах, имеет столь же ненавистные черты, как и наш. Не знаем, окажутся ли теперешние студенты солидарными с нашим движением или же эта горсть Петровцев, не мирящихся с позорным существованием, падет незаметно, потому только, что нас мало, не получив никакой нравственной поддержки от своих братьев товарищей. Под подлинным значится: «Студенты Петр. Акад. пока уцелевшие». Студенческая сходка, происходившая вчера вечером» [В Химической лаборатории?] «решила так: «Хронические волнения студентов и в частности совершающиеся на наших глазах беспорядки в Петр. Ак. вызываются общим бесправным положением молодежи, учащейся в высших учебных заведениях. Эти волнения порождают крайне печальные последствия для русского общества. Выход из этого положения для нее единственный; это — требование известных гарантий для нашего свободного развития. Присоединяясь вполне к требованиям студентов Петр. Ак., как выражающим частью эти гарантии мы считаем их справедливыми и требуем освобождения арестованных студентов и прекращения всякого суда и следствия над ними. В свою очередь мы добавляем эти требования студ. Петр. Ак. следующими» (следует 8 пунктов, приведенных выше)».

После 4 часов вечера 6 марта в химической аудитории Московского университета состоялась сходка 60 или 70 человек с целью подготовить большую сходку на следующий день. На следующий день уже на первых лекциях появились приглашения на сходку. В два часа дня 7-го марта студенты начали быстро собираться на двор старого университета, где была назначена сходка. В скором времени собралось до 450 человек, к которым вышел инспектор Добров и потребовал, чтобы они немедленно разошлись. В ответ на это студенты передали инспектору свои требования, которые были громко прочитаны на сходке и получили всеобщее одобрение. «Через несколько минут в воротах сада показались конные жандармы и толпа студентов человек 400 (остальные разбежались) была охвачена плотным кольцом этих хранителей порядка. Полиция вела себя безукоризненно. Студенты в свою очередь воздерживались от всякой попытки проложить себе выход силой и были, повидимому, очень спокойны. Арестованная толпа медленно двигалась к воротам и, выйдя на улицу, направилась в манеж, охваченная с обеих сторон шпалерами жандармов и кон-

вопруемая сзади отрядом казаков в полном вооружении. Несколько студентов, опоздавших на сходку, примкнуло к арестованным на улице, несмотря на противодействие полиции. В манеже студенты пробыли с половины третьего до половины одиннадцатого часа вечера, когда, наконец, последняя группа была уведена на Бутырки. В пересыльной тюрьме арестованные на первой сходке провели пять дней и были выпущены в понедельник 12-го марта». (Волнения в Московском университете. «Студенческий Вестник», № 1, стр. 24—25).

По официальным данным, всего задержанных на сходке 7 марта оказалось 386 чел. Кроме того, ночью было арестовано 6 студентов, «известных своею неблагонадежностью и дурным влиянием на товарищей и руководителей различных кружков». 8-е марта прошло довольно спокойно. Была попытка созвать сходку в здании анатомического театра, но собравшиеся человек 50 разошлись при приближении инспекции. Утром этого же дня 100 студентов Технического училища просили исполняющего обязанности директора Аристова принять от них заявление о солидарности их с университантами, но Аристов сумел их отговорить и они разошлись. «Тем дело и кончилось».

«В ночь на 9-ое марта были арестованы два студента университета, Соболев и Хочатуров, деятельно подготовлявшие сходку на 9-е марта. Сходка эта состоялась на университетском дворе против анатомического театра; но собралось всего человек 150, отказавшихся разойтись по требованию инспектора. К ним вышел попечитель, и тогда человек 40, отделившись от сборища, заявили попечителю, что они не участвуют на сходке, а пришли убеждать товарищей разойтись, на что и просили полчаса срока. Но прошел целый час, а сборище все не расходилось. Тогда было объявлено через инспектора, что будет приглашена полиция и что непричастные к сходке должны удалиться. На месте остались всего 72 чел., заявляя, что они требуют полного освобождения своих товарищей. Полиция без всяких насилий препроводила этих буянов в экзерциргауз [манеж], а оттуда обычным порядком в Пересыльный замок». (Георгиевский, стр. 263).

По словам студенческой корреспонденции, напечатанной в «Студенческом вестнике» (стр. 25), — «то же самое повторилось в субботу (10 марта), причем наиболее настойчивым 68 чел. пришлось самим идти в манеж, чтобы добиться ареста. Это была последняя сходка и с нею окончились волнения в Московском университете».

Вся радикальная часть студентов была изъята; 119 человек были высланы из Москвы административным порядком. Всего понесших наказание за беспорядки было 525 из 3 471 или 15% общего числа. «Таким образом, — с удовлетворением писал А. Георгиевский (стр. 264), — благодаря надлежащему с самого начала образу действий местной администрации, беспорядки не приняли тех размеров и того характера ожесточения, как то было в 1887 г.,

и не оставили по себе даже особого возбуждения в большинстве студентов, которое продолжало слушать лекции и участвовать в практических занятиях: таким образом не пришлось ни прерывать лекций, ни закрывать университета».

«Начальство было довольно, — пишет Л. П. Меньщиков. — Генерал-губернатор Долгоруков сообщил обер-полицеймейстеру Юрковскому копию депеши, полученной им от министра народного просвещения Делянова: «душевно благодарю ваше сиятельство за спасительные для блага университета распоряжения»... (стр. 71—72).

Недовольны были студенты радикального направления. Журнал московских студентов № 2 писал: «Последнее движение прежде всего поражает своим идейным характером; оно было направлено не против отдельных личностей, как в 87-м году, а против известного общественного порядка, в защиту прав стесненных элементов общества.

Вместе с тем нас поражает и другое обстоятельство: к движению примкнуло (в полном смысле этого слова) только 600 человек, остальное студенчество отнеслось к движению большею частью равнодушно, а частью и враждебно»...

Такое полное невежество в области истории студенческого движения, с одной стороны, неумение ответить на вопрос: почему не все студенчество принимает участие в движении — с другой, — очень характерно для мелкобуржуазных слоев студенчества. Автор не находит другого выхода для объяснения пассивности большинства студенчества, как приписать это явление «моральному падению» студенчества.

Найти выход из положения, разбить рамки ограниченности выпало на долю новому классу, выдвинувшемуся на общественную арену в эпоху 1890-х годов. К рассмотрению этого нового периода в студенческом движении нам и предстоит перейти.

Необходимо только отметить, что движение 1890-х годов не ограничилось Москвою. Под влиянием известий из Москвы, привезенных специальными делегатами, с 11 марта начались волнения в Харькове. Открытое выступление состоялось только в Ветеринарном институте: выставлены были московские требования с добавлением пункта с требованием освобождения арестованных в Москве. 32 ветеринара из 60 арестованных были высланы из Харькова.

15-го и 17-го марта состоялись сходки студентов Института сельского хозяйства и лесоводства в Новой Александрии. Были предъявлены требования, однородные с московскими. Институт был занят войсками, 120 студентов были высланы из Новой Александрии, так что в институте осталось всего 156 студентов.

Польская социалистическая партия «Пролетариат» прислала в Новую Александрию прокламацию, помеченную: «Варшава 19-го апреля 1890 г.», где, между прочим, говорилось: «Путем студенческих беспорядков и манифестаций вы можете по-

лучить немного... Надо бороться иначе. Соединитесь, братья, с нами, потому что наш рабочий идеал есть идеал всего человечества: мы удовлетворим и вашим желаниям... Приглашаем вас соединиться с нами! Да здравствует социальная революция! Она разорвет вся связи [1] [узы?] и уничтожит всякий гнет».

В Петербурге движение происходило в Технологическом и Лесном институтах и в университете.

Движение в Петербурге приняло открытый характер по получении известий из Москвы, и интересно, главным образом, ролью, которую играли в нем профессора, к посредничеству которых обратились студенты Петербургского университета и которые сами вмешались в Лесном институте. Петербургское движение подробно описано в № 1 журнала «Студенческий вестник».

Кроме общих причин, была ближайшая, которая вызвала протест в Технологическом институте. В этом учебном заведении сохранился остаток вольностей в виде официально разрешенной столовой, управлявшейся студентами, кассы и библиотеки, которые действовали тайно и были запрещены уставом. Начальство знало о них, но смотрело на их существование сквозь пальцы до 1890 г. В этом же году вышло из пассивности и стало чинить препятствия студенческой общественной деятельности путем бестактных и мелочных придирок, вроде запрещения отдельным студентам, в которых заподозревали общественников, ходить в помещение другого курса. «Произвольность и грубость требований создали (лучше сказать усилили) крайнюю натянутость отношений между студентами и начальством. Чувство солидарности с участниками московских беспорядков и совпавшее с ними во времени увольнение студента IV курса [Болеслава Гецена] за отказ подчиниться требованию инспектора — удалиться из чертежной чужого курса... дали толчок к изъявлению протеста и 14 марта состоялась первая сходка, за которой последовали другие». «Как и в других учебных заведениях, наиболее популярные профессора (именно Щукин и Котурницкий) являлись убеждать студентов разойтись. Аргументация их, впрочем, не отличалась особенной убедительностью: главным доказательством, как и всегда, была безрезультатность сходки; к этому прибавлялась высокая важность высшего образования, оправдывающая даже поступления нравственными требованиями, и нелогичность пожертвования многими из-за одного.

Попытка их, разумеется, успеха не имела» («Студ. вести.», стр. 39—41). 17-го марта полиция арестовала собравшихся на сходку 255 студентов из 657, учившихся в институте (38,8%), и движение было сорвано.

---

[1] Прокламация была на польском языке. Георгиевский (стр. 270—271) приводит из нее выдержки в русском переводе. В данном месте перевод явно неточен.

Первые известия о московских событиях пришли в Петербург 10-го марта. В понедельник 12 марта в университете распространялись листки, где излагалась московская история. Во вторник 13 марта заметно стало большое возбуждение студенчества. Студенты, оживленно обсуждая события, шумными толпами ходили по коридорам. 14-го состоялась сходка, на которой были зачитаны и приняты с поправками требования московских студентов. После этого сходка направилась в аудиторию, где должен был читать лекцию профессор Сергеевич. Увидев перед собой необычную аудиторию, Сергеевич спросил, что происходит? Получив ответ, «Сергеевич, указав, что время и место, как предоставленные для его лекции, дают ему право на беседу с присутствующими, выразил готовность выслушать наши желания и попросил кого-нибудь одного говорить от лица всех. Наступила тягостная минута выжидания, заставившая, вероятно, каждого из нас пожалеть, что мы еще не имеем, чего добиваемся, — не имеем выборных представителей от признанных законом студенческих корпораций; приходилось положиться на творчество момента, на то, что кто-нибудь по собственному почину примет на себя роль представителя. Тягостная минута прошла — один из студентов поднялся и повел речь о наших нуждах и о том, чего мы желаем лично от Сергеевича. Отстаивая в своей речи справедливость наших требований и практичность нашего образа действий, благодаря течению спора, касался вопросов, не подвергавшихся еще обсуждению на сходке, и, несмотря на это, аудитория отдельными возгласами и общими рукоплесканиями выражала свое одобрение всему тому, что он говорил: вся сходка мыслила, как один человек.

«В ответ на высказанную этим студентом от лица всей сходки просьбу передать наши требования министру, Сергеевич заявил, что требования студентов без того известны, и соглашался только передать их своим товарищам — профессорам, причем сильно подчеркивал частный характер этой миссии. Все, что он дальше говорил, имело целью убедить нас в полной непрактичности всяких студенческих волнений. Прежде всего — требования студентов чрезмерны: права высказывать правительству свои нужды лишен весь русский народ (громкие рукоплескания); затем — какую силу выставили студенты для подкрепления этих требований? Сочувствие общества? Но, во-первых, сомнительно, что оно проявится каким-либо конкретным образом, а во-вторых, разве им неизвестно, как ничтожны силы общества перед правительством? Таким образом, нам остается ждать, пока последнее само не признает нужным произвести соответствующие нашим желаниям реформы. Студент, говоривший с ним, оспаривал каждый пункт; так, он указал, что правительство наше, лишив права заявлять свои нужды почти весь русский народ, как это верно заметил профессор, принимает, однако, петиции от представителей нашей плутократии (напр., нижегородских купцов); когда Сергеевич старался объяснить эту

привилегию важностью торговых интересов, вся сходка дружно отвечала: «наши интересы духовные не менее важны!» Что касается силы, которая обеспечивала бы удовлетворение наших требований, то за нас во всяком случае сила нравственная, сила справедливости и мы далеки от мысли, что правительство игнорирует ее; надеемся мы и на поддержку общества, с которым связаны хотя бы только родственными отношениями. Сергеевич утверждает, что в России реформы могут производиться только сверху, но ведь взгляды правительства должны изменяться в силу чего-нибудь, сам профессор, вероятно, не откажется признать, что прогресс русской жизни, особенно нынешнего столетия, сплошь состоит из уступок правительства, вынужденных давлением обстоятельств и требованием общественного мнения. Сергеевич сослался на крестьянскую реформу, как на исключительный пример такого влияния, — в этом случае реформа обусловливалась, по его мнению, тем, что настроение народа было очень беспокойное, соответственно тяжести материального и морального гнета, лежавшего на нем; студенты же, закончил он, подобного гнета не терпят (единодушный крик протеста). Когда стихли крики, противник засыпал профессора указаниями на стеснения, господствующие в университетской жизни... Нас с трудом принимают в университет, нас окружают невежественными педелями, отдали на безграничный произвол грубой инспекции, произвольно лишают стипендий и пособий, наши занятия регулируют нелепыми формальными правилами, даже стесняют нашу свободу распоряжения своим рабочим временем, принуждая посещать лекции под угрозой исключения; вне стен университета нас преследует полиция... Наконец (противник ловит профессора на слове), университет окружен войсками — это ли не насилие! После этого совершенно неожиданным явилось приглашение профессора разойтись по домам, что вместе с странным отрицанием стеснений студенческой жизни вызвало некоторое раздражение части аудитории против профессора»...

Тем не менее, сходка не прекратила своих обращений к профессорам; она перекочевала в актовый зал, где выслушала «успокоительные» речи и. д. ректора Васильева и профессора Бекетова. «Ректор и говоривший после него профессор Бекетов не возражали на наши требования принципиально, они указали лишь на невозможность их осуществления. На это студенты энергично и твердо отвечали, что тот порядок, которого мы желаем, вполне осуществим, — он существовал раньше в России и существует теперь за границей. Неудовлетворенные словами ректора и Бекетова, студенты требовали Менделеева. Маститый ученый взошел на кафедру при громе долго несмолкавших рукоплесканий. Сначала он тоже думал «успокоить» студентов и повел речь в добродушно шутливом тоне. Но студенты серьезно и настойчиво стояли на своем и просили его передать требования министру. Видя непоколебимую решимость студентов, Менделеев обещал лично исполнить наше желание.

Петиция студентов С.-Петербургского Университета Г-ну Министру Народного Просвещения [1].

«В среду 14-го марта нам впервые была дана возможность выразить пред коллегией уважаемых профессоров с ректором во главе наши необходимые нужды и горячие желания.

«Твердо уверенные из горького опыта в настоятельной необходимости реформ университетских порядков, мы убеждены, что наши желания вполне осуществимы, и формулируем их следующим образом:

«Мы желаем, чтобы устав университетов и других высших учебных заведений был основан на началах автономии — чтобы ректор и профессора были избираемы согласно университетскому уставу 1863 г., чтобы были учреждены университетский и студенческий суд, а также признаны студенческие корпорации.

«Мы желаем, чтобы все, окончившие среднеучебные заведения, без различия вероисповедания, общественного положения и без всяких тайных характеристик со стороны гимназического начальства и полиции, имели свободный доступ в университет.

«Наконец, мы уверены, что на ряду с этим нашим профессорам может быть дана свобода преподавания, прежде существовавшая по уставу 1863 г.

«Наше глубокое убеждение в том, что все эти последовательно проведенные изменения в смысле наших желаний будут содействовать развитию студенческой жизни, и только они могут обусловить нормальное течение ее.

«Мы настаиваем теперь же [2], на уничтожении полицейских функций инспекции, понижении платы и, в частности по отношению к нашему университету, на восстановлении научно-литературного общества, существовавшего до 1886 г. [3], и студенческой читальни.

«Впервые пользуясь возможностью изложить свои желания, не выходя из границ законности, мы твердо верим в то, что подобный способ выражения своих нужд войдет в обиход студенческой жизни.

«Студенты С.-Петербургского университета».

Петиция эта была возвращена профессору Менделееву 16-го марта при следующей бумаге: «По приказанию министра народного просвещения, прилагаемая бумага возвращается действительному

---

[1] Текст петиции, напечатанный в цитируемом «Студ. вестнике», разнится в деталях от текста, напечатанного у Георгиевского (стр. 272—273); нетрудно убедиться, что последний дает окончательную редакцию, с исправленными шероховатостями стиля. Поэтому здесь петиция дается в редакции министерского архива.

[2] Здесь пропущены имевшиеся в первоначальной редакции слова: «на освобождении арестованных товарищей» — единственное серьезное разночтение.

[3] В первоначальной редакции: «До 87 года». Возможно, что у Георгиевского — опечатка.

статскому советнику профессору Менделееву, так как ни министр и никто из состоящих на службе Его Императорского Величества лиц не имеет права принимать подобные бумаги» (Георгиевский, стр. 273—274).

Это было замаскированным выговором европейски-знаменитому ученому, известному своими буржуазными симпатиями. По словам автора того же отчета о движении в СПБ университете, Менделеев, «читая лекцию, воспользовался случаем высказать свои обычные мысли о тех путях, которыми мы должны следовать в деле служения народу. Все помыслы о коренном изменении общественного строя, по его словам, — бредни классического свойства; они объясняются только тем, что нас слишком долго держали на классическом вздоре. Иные пути должна избрать молодежь для служения родине: он указывал на практическое применение данных естествознания на почве русской заводской промышленности, развитие которой обеспечивает якобы и благосостояние народа. С другой стороны, он рисовал перед нами всю прелесть теоретической разработки науки, с высоты которой все общественные треволнения кажутся такими ничтожными, мелкими...

Несмотря на все наше уважение к великому ученому, — добавлял автор обзора, — мы никак не можем согласиться ни с проповедываемыми им крайне буржуазными идеалами, с одной стороны, ни с философским индиферентизмом, с другой; громкие же рукоплескания после лекции были вызваны, конечно, благодарностью за готовность профессора передать петицию по назначению».

Финал истории в Петербургском университете был обычным. 17-го и 19-го марта в здании университета было арестовано 120 человек, и 19-го марта задержаны полицией на улице 131.

Единственное пока опубликованное до известной степени детальное описание движения в Петербургском университете достаточно выразительно указывает, что студенчество, принимавшее участие в движении, интересовалось общественными вопросами, не чуждалось «политики», но политика эта была мелкобуржуазной. Необходимо повторить четкое определение, данное ей В. И. Лениным: «Смешение буржуазно-либерального и либерально-народнического движения при выдающейся роли учащихся и интеллигентов, — вот классовая сущность тогдашних партий и тогдашнего движения» (Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 189).

Движение в Лесном институте началось также под влиянием известий из Москвы. На предварительных сходках, в которых участвовало от 100—150 человек, пришли к решению выразить протест в форме уличной демонстрации, но так как студенты университета отказались ее поддержать, надеясь на принятие петиции, переданной Менделееву, то на 16-е марта была назначена сходка, на которую явилось 350 человек (из 400 студентов института). На сходку с «успокоительными» речами явились директор Шафранов и профессора Бородин и П. А. Лачинов. Наиболее актив-

ную роль играл Бородин, с которым было заключено соглашение: студенты прекращают беспорядки в институте, если их петиция будет передана Советом министру. Петиция была отвезена министру Бородиным частным образом, министр снял с нее копию, но официально принять отказался и «обещал лишь забыть все происшедшее, т. е. никого не преследовать, но также просил и не ждать чего-либо с его стороны». Студенты остались в дураках. Тогда более радикальная часть в числе 130 человек отправилась из Лесного в город и добилась своего ареста в знак солидарности с арестованными раньше.

В комиссии, которая была избрана Советом с специальной целью определить степень виновности арестованных, заседали «успокоители» Бородин и Лачинов, и на вопрос комиссии: «Разве лучше было бы, если б разбор дела взяла на себя полиция? — последовал ответ: «не знаю, смотря по результатам».

Заключительным звеном разночинского периода студенческого движения можно признать Шелгуновскую демонстрацию, произошедшую через год после крупного движения 1890 г., ничего общего с академической ограниченной сферой не имевшую.

13-го апреля 1891 г. умер писатель Н. В. Шелгунов, который горячо отстаивал интересы трудящихся и уделял внимание в своих статьях рабочему вопросу. Похороны Шелгунова, благодаря участию в них группы организованных рабочих, нескольких тысяч учащейся молодежи и нетактичному поведению полиции, обратились в ярко-антиправительственную демонстрацию, за которой последовали аресты и высылки, а в Военно-Медицинской академии повели к истории, рассказанной Е. В. Гешиным на стр. 25—46 ноябрьского номера «Минувших годов» за 1908 г.

Движение нашло отклик в Москве. 15-го апреля студенты пытались отслужить панихиду по Шелгунове в церкви Ивана Богослова на Тверском бульваре, но церковь, по распоряжению полиции, была заперта, и 16-го апреля жандармы и полицейские резервы разогнали собравшихся 200 демонстрантов, сначала на Тверском бульваре, а затем на Никитском. 17-го апреля около 100 человек опять собрались против дома обер-полицеймейстера. В результате 27 было воспрещено жительство в Москве, а 17 были исключены из высших учебных заведений и удалены из Москвы.

ГЛАВА VIII

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1890—1900 гг.

Задерживаемый остатками крепостнического строя, рост капиталистической промышленности подтачивал устои дворянской диктатуры, укрепившейся с середины 1880-х годов, и в 1890-х гг. Россия пережила промышленную революцию, которая изменила весь облик страны. Вместе с тем на протяжении одного десятилетия рабочий класс «проделал эволюцию, которая стоит целого исторического периода». Новые общественные отношения, выступление на общественную арену новых классов и их борьба не могли не оказать влияния и на «чуткий барометр общества». Студенчество 1890—1900 гг. уже не то студенчество, какое заполняло университеты в 1860 — 1880-х годах, — руководящую роль в нем стали играть не «разночинцы», а созданный капиталистическим развитием новый общественный слой — «третий элемент» — интеллигенция, отцы которой по своим профессиям также были интеллигентами, — тот слой, который в одной из своих статей А. В. Луначарский назвал «коренной интеллигенцией», в противоположность интеллигенции разночинской. Вся история студенческого движения с середины 1890-х до 1905 г., если обратиться к внутренней жизни студенческих групп, кружков и организаций, является ничем иным, как борьбой, то успешной, то терпящей поражения, демократических слоев «коренной интеллигенции», главным образом «третьего элемента», за руководящую роль в движении, с либеральными группировками. Внешним образом это сказалось в борьбе «академизма» и «политики».

В 1861 году в Московском университете было всего 1560 студентов. Точных данных о классовом составе тогдашнего университета не имеется. Однако печатавшиеся в отчетах Московского университета данные о сословной принадлежности и об образовательном цензе студентов дают возможность судить и о классовой их принадлежности. Приведем имеющиеся данные 1861 и 1863 гг. (смотри таблицу вверху стр. 217).

Из этих таблиц видно, что по сословию около половины всех студентов Московского университета принадлежало к дворянам, а вместе с сыновьями чиновников они составляли более $^2/_3$ слушателей. Но сыновей землевладельческого, не деклассированного дво-

	1861 г.			*1863 г.*	
Всего студентов	1560	%	Всего студентов .	1744	%
Сыновей дворян и чиновников	1063	68,1	. . . . .	1183	67,8
„ духовных лиц	142	9,1	. . . . .	223	12,8
„ почетных гражд. и купцов .	134	8,6	. . . . .	173	9,9
„ мещан и цеховых	136	8,7	. . . . .	139	8,0
„ разночинцев	44	2,9	. . . . .	19	1,1
„ крестьян	22	1,4	. . . . .	4	0,2
„ евреев	19	1,2	. . . . .	3	0,2
Окончили курс:					
В дворянских институтах . 43			 67		
„ лицеях 30	319	20,5	 29	425	24,4
„ пансионах 49			 79		
„ доме родителей 197			 250		
„ гимназиях	1025	65,6	. . . . .	1080	61,9
„ семинариях	87	5,6	. . . . .	116	6,6
„ университетах	90	5,8	. . . . .	91	5,3
„ академиях	39	2,5	. . . . .	32	1,8

рянства было всего $^1/_4$—$^1/_5$ студентов. А вот какой результат получился при моем подсчете за 1902 г. и подсчете Выдрина за 1904 год:

Звание или профессия	*1902 г.* Студентов	%	*1904 г.* Студентов	%
Дети мелких и средних чиновников . . .	1026	23,5	1126	20,6
„ мещан	739	17,0	1027	18,8
„ купцов и почетн. гражд.	654	15,0	923	16,9
„ дворян	803	18,4	897	16,4
„ крупных чиновников и офицеров . .	400	9,1	434	7,9
„ крестьян	197	4,5	312	5,7
„ духовного звания	243	5,5	268	4,9
„ мелких и средних офицеров	75	1,7	94	1,7
„ свободных профессий			70	1,3
„ народных учителей			22	0,4
„ фельдшеров	103	2,4	27	0,4
„ аптекарей и провизоров			19	0,3
„ бывших дворян	—	—	9	0,2
„ неизвестных	122	2,9	240	4,4
	4362	100,0	5461	100,0

Как видим, состав студентов Московского университета значительно демократизировался, несмотря на совершенно определенную тенденцию правящих сфер сделать его дворянским.

Стремление сохранить монополию «образованности» за правящим сословием проникает собою всю деятельность министерства графа Толстого — Делянова. «На вред гимназического образования для низших классов, особенно если у них нет средства довести его до конца, было впервые открыто указано Деляновым в 1885 г. в государственном совете.

Через два года [1] был уже прямо закрыт доступ в гимназии для детей лиц, занимающихся предосудительными профессиями. В том же году испрашивалось у Александра III разрешение на внесение в комитет министров представления «о допущении впредь в гимназии и прогимназии детей лишь некоторых сословий не ниже купцов 2-й гильдии». Александр нашел эту меру несвоевременной и неудобной, поручив охранить сословные привилегии более благовидными способами (И. Алешинцев. История гимназического образования в России. Изд. О. Богдановой, СПБ, 1912, стр. 334).

«Тогда был издан знаменитый циркуляр о «кухаркиных детях» 18 июня 1887 г.», повысивший плату за учение и введший ряд ограничений при приеме, которые повели к тому, что к концу деляновского управления «количество гимназий и прогимназий увеличилось только на 12 (с 224 до 236). Число учащихся в них понизилось на 3 тысячи (с 65 тысяч до 62)».

«Таким образом, — говорилось в циркуляре, — при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детей коих, за исключением разве одаренных необыкновенными способностями, вовсе не следует выводить из среды, к коей они принадлежат, и через то, как показывает многолетний опыт, приводить их к пренебрежению своих родителей, к недовольству своим бытом, к озлоблению против существующего и неизбежного, по самой природе вещей, неравенства имущественных положений». (Русская история в XIX в. изд. Гранат, т. VII, стр. 191 и 192).

«Желание министерства Толстого — Делянова удержать сословия в их рамках видно из того также, что и открытие частных гимназий разрешалось и обставлялось разными формальными трудностями. По переписи 1880 года частных гимназий было, например, только семь» (Алешинцев, стр. 337).

Все эти меры, проводимые в интересах правящего класса — землевладельческого дворянства, не достигали своей цели не только потому, что «при отсутствии в нашей школе сети учебных заведений, которые бы давали народу низшее образование (начальные школы дают только грамотность), все жаждущие знания крестьяне и мещане неминуемо должны были стремиться в ту же гимназию» (там же, стр. 339).

---

[1] После «Второго 1-го марта» (покушение на Александра III 1 марта 1887 г.). По этому делу было привлечено 25 человек (из них 13 студентов): 9 дворян, 6 мещан, 3 крестьянина, 1 сын купца, 1 казак, 4 сына чиновников, 1 духовного звания (сын псаломщика). Из главных обвиняемых руководителями были: А. И. Ульянов — дворянин («из мещан») и П. Я. Шевырев — сын купца; исполнителями: В. Д. Генералов — казак, В. С. Осипанов — мещанин, П. И. Андреюшкин — сын крестьянки; все студенты.

Деляновские мероприятия не могли достигнуть цели в виду изменений в самом положении дворянства. Создавалась та революционная ситуация, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому» (В. И. Ленин. Собр. соч. т. XVII, стр. 172).

Выше было указано, как целые слои дворянства деклассировались, переходя в слой «разночинцев». Но наряду с пополнением рядов «разночинцев» деклассированными дворянами, сохранившими «потомственное» свое звание, обратившееся в экономическую фикцию, шло возвышение до звания «потомственного дворянина» разночинцев из служилых рядов чиновников мира и церкви, которые никогда и не были землевладельцами.

В так-называемую третью родословную книгу потомственного дворянства вносились все те, кто получил на службе чин действительного статского советника (генерала) или орден Владимира 4-й степени, если они возбуждали о том ходатайство. Так как чин действительного статского советника и орден Владимира давались не за особые заслуги, а просто за «беспорочную» выслугу известного числа лет, различного для разных профессий и ведомств [1]. то звание «потомственного дворянина» получили многие дети, не дворяне по происхождению (как мы видели выше, Александр Ильич Ульянов значился потомственным дворянином «из мещан»), которые никогда не покидали «разночинских» занятий, просто потому, что их отцы или деды прослужили 20—40 лет на своей должности какого-нибудь инспектора или священника.

Статистические сведения, полученные путем переписи арестованных за движение 1902 г., обнаружили следующее интересное явление: к общему числу студентов данного сословия участвовало активно в движении: чиновников — 3,7%, купцов — 12,8%, мещан — 15,1%, крестьян — 15,7%, дворян — **32,4%**. Это значит, что из 30 чиновников только один активно участвовал в движении; из трех «дворян» — один являлся активным участником революционного движения. Факт совершенно необъяснимый с точки зрения популярной теории каст А. А. Богданова. Однако при внимательном классовом анализе дело объясняется очень просто. Еще в брошюре «Наше Знамя» (М. 1904, стр. 13) автор ее, вслед за большим знатоком классовых отношений того времени студентом И. В. Баевым, дал объяснение этому бесспорному факту:

«Несомненно, что эти дворяне не «аграрии», не «юнкера». Это те разоренные в эпоху великих реформ и раньше землевладельцы, которым реформа 60-х годов позволила, распростившись с землею,

---

[1] Был случай, что получил дворянство за бесконечную службу швейцар министерства внутренних дел и остался в звании «потомственного» подавать шубу министру.

сделаться «чиновниками для сбора дополнительных налогов с населения», — как выразился П. Кропоткин, — которые, соединившись с представителями других групп населения, и составили севшую на шею земским деятелям массу «третьего элемента». И не даром Москва считается его главным притоном».

Что это так, доказывается данными о бюджете студентов-дворян, участников движения 1902 г.

Но мы видели на истории студенческого движения разночинского периода, что в нем боролись различные течения. Единого студенческого движения не было; а была борьба направлений, точно отражавшая классовые противоречия в современном обществе. Может быть, студент-дворянин 1890—1900-х гг., участвуя в движении, вносил в него элемент разложения и профессорского «успокоения», как это делал в 1881 г. студент-либерал П. Н. Милюков.

На этот вопрос дает прямой ответ сохранившаяся таблица голосований за и против политической программы в недрах «Исполнительного комитета объединенных землячеств и организаций» в осенний семестр 1901 г. В 1890-х годах к прежнему делению на «бонапартистов», «либералов» и «радикалов» прибавилась группа «политиков», которая, плохо ли, хорошо ли, но отражала классовые интересы пролетариата, о чем говорил в приведенном выше отрывке В. И. Ленин. Он находил там это выделение пролетарского течения из общедемократического потока и естественным и неизбежным.

Так вот, оказалось, что за политическую последовательно демократическую платформу голосовали как раз студенты «дворяне», против этой платформы, за платформу мелко-буржуазную голосовали сыновья купцов, помещиков, духовенства, мещан и чиновников. Если же мы от сословной фикции обратимся к классовому положению дворян, голосовавших за политическую платформу, мы почти сплошь встретим сыновей земских служащих и людей либеральных профессий. В этом нет ничего неожиданного для тех, кто отрешился от теории каст А. А. Богданова и усвоил классовую точку зрения. Преобладающая масса интеллигенции, как особого слоя, была мелкобуржуазной, потому что роль интеллигентов в общественном производстве, условия, в которых протекала их работа, ставили их в такое положение, которое благоприятствовало развитию в этом общественном слое мелкобуржуазной конкуренции.

«Никто не решится отрицать, — писал В. И. Ленин (Соб. соч., т. V, стр. 353), — что интеллигенция, как особый слой современных капиталистических обществ, характеризуется в общем и целом именно индивидуализмом и неспособностью к дисциплине и организации (ср. хотя бы известные статьи Каутского об интеллигенции); в этом, между прочим, состоит невыгодное отличие этого общественного слоя от пролетариата; в этом заключается одно из объяснений интеллигентской дряблости и не-

устойчивости, так часто дающей себя чувствовать пролетариату; и это свойство интеллигенции стоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям мелкобуржуазного существования (работа в одиночку или в очень мелких коллективах и т. д.)».

Основные кадры интеллигенции: профессора, учителя, врачи, адвокаты, инженеры, художники и литераторы, — все они в буржуазном обществе осуждены на самую жестокую конкуренцию между собой. Чтобы создать себе подобающий общественным условиям средний уровень существования, каждый из носителей указанных профессий должен оттеснить десяток себе подобных, — вырвать из их рук добычу — клиента, как всякий ремесленник или мелкий торговец — отбить покупателя.

Почему же интеллигенты из «третьего элемента» дали массовый прилив интеллигенции в ряды рабочей партии, не уступавший по широте движению разночинца — в народ? На рубеже XX столетия в ряды социал-демократической партии вступили не отдельные «идеологи», а устремился целый слой, правда, немногочисленный, но сыгравший крупную роль в революции 1905 года; среди этих интеллигентов наряду с «передовиками» были и «середняки» и «массы», которые так же нуждались в популярной литературе, как и рядовые рабочие (В. И. Ленин. Соб. соч., т.V, стр. 226), которых нужно было и агитировать и вести среди них пропаганду, которые часто способны были только на роль передатчиков литературы и записок. Почему они не остались на левом крыле мелкой буржуазии, а переходили на точку зрения пролетариата?

Тому были три основных причины:

Во-первых, — роль пролетариата в русской буржуазной революции. Объективные условия поставили пролетариат во главе движения всех угнетенных самодержавным строем и это до крайности обострило и обнажило классовые противоречия в русской революции.

Во-вторых, — относительное материальное благосостояние того социального слоя, из которого преимущественно рекрутировались социал-демократические элементы интеллигенции.

В-третьих, — корпоративная организованность указанного слоя, и, в частности, большое сосредоточение выходцев из этого слоя в стенах университета, позволившее им действовать в той же обстановке массового движения, как и рабочим крупных мануфактур.

Последние две причины в значительной мере парализовали в известном слое интеллигенции отрицательное влияние мелкобуржуазной конкуренции.

Этапы русского рабочего движения под руководством революционного крыла РСДРП и влияние этого движения на ход

революции В. И. Ленин изобразил в схеме, как всегда, поражающей глубиной и ясностью.

«1. Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и будит либеральную буржуазию 1895—1901/02.

2. Рабочее движение переходит в открытую политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии: 1901/02—1905.

3. Рабочее движение разгорается в прямую революцию, причем либеральная буржуазия уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции: 1905 г. (особенно конец)».

И отсюда такая перспектива:

«4. Рабочее движение побеждает в демократической революции, при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке крестьянства. Плюс радикальная, республиканская (подчеркнуто мной. В. О.) интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана» (Соч., т. VIII, 2-е изд., стр. 423).

Эта схема — не плод отвлеченного умозрения, как схемы, например, самого выдающегося представителя русских критиков Маркса — А. А. Богданова, она основывается на глубоком изучении общественных отношений и подтверждается множеством фактов, в том числе и ходом студенческого движения.

Сознательное участие в студенческих движениях, в ту эпоху отсутствия открытий политической жизни, являлось одним из немногих пунктов, где можно было осязать наличие широкой классовой борьбы в России.

Руководящим органом студенческого движения в Москве к середине 1890-х годов стал «Союзный Совет» — исполнительный орган объединения землячеств. Трудами либерального фальсификатора истории «Студенческих организаций 80—90 гг. в Московском университете» (Изд. «Свободной России», М. 1908) С. П. Мельгунова популяризировано совершенно неверное представление о роли землячеств в студенческом движении.

Так, М. Н. Покровский (Русская история в самом сжатом очерке, ч. III, в. 1, изд. 1923 г., стр. 67) пишет: «Лучшие студенческие силы проходили через «землячества» и «советы» как через школу, где они обучались элементарным приемам подпольной революционной борьбы». Это неверно.

В лучшем случае, землячества служили почвою, позволяющею радикальным студентам вербовать единомышленников в революционные кружки и группы.

«Прежде всего, — писал «Старый студент» («С родины на родину», № 5, стр. 309), — на почве землячеств люди знакомились и сближались друг с другом»... «Землячества как бы собирали и сортировали материал, и не только для себя, но и для дальнейших, более широких, скажу попросту, политических организаций».

Широкие организации взаимопомощи, объединявшие к середине 1890-х годов до 1700 студентов, землячества являлись свинцовою гирею, препятствовавшею Союзному Совету принять революционную программу. Только этим обстоятельством объясняется то явление, что за землячества, вопреки категорическому указанию закона, ратовали и профессора и попечитель московского учебного округа граф П. А. Капнист, этот образцовый чиновник, не имевший собственных убеждений, но человек с большим опытом, умевший разглядеть контрреволюционную сущность земляческой организации. Своим житейским опытом граф Капнист поделился на страницах «Вестника Европы» в 1903 г. (ноябрь — декабрь). На стр. 195 и сл. ноябрьского номера П. А. Капнист рассказывает о своем участии в земляческой организации в 1860-х гг., подчеркивает положительную роль, с его точки зрения, организации и говорит: «Вот это товарищество, а не отвлеченное товарищество одного лишь синего воротника, заслуживает особенного поощрения и внимания. Дать ему возможность осуществиться явно и не боясь преследования, и помочь ему материально — вот задача университета при разрешении вопроса о студенческих организациях» (стр. 200).

Автор цитируемого С. П. Мельгуновым рукописного очерка деятельности союза землячеств так живописует царившую там атмосферу: «какой-то мистический ужас перед всякого рода моральными[1] вопросами, узкая сфера денежных интересов, самое страшное недоверие друг к другу, делавшее представителей студенчества более похожими на членов подозрительного акционерного предприятия» (стр. 9), — довольно сомнительная школа для революционера это «общество взаимного кредита».

Эта характеристика относится, правда, к периоду 1880-х годов. Но такую же оценку землячеств и 90-х годов находим у Н. И. Иорданского («Былое», 1907 г. № 9, стр 85): «Кроме кассы, петербургское студенчество объединялось еще в старых так сказать зоологических формах: в землячествах...» «Землячества были только распределительными и регистрационными бюро. Эта необходимая жизненная деятельность поддерживала их вялое и бесцветное существование»...

То же подтверждает другой видный участник студенческого движения в Петербурге 1890-х гг. М. М. Могилянский:

«Объединениями, в которых встречались учащиеся всех высших учебных заведений Петербурга, были так называемые земля-

---

[1] «Моральным» в то время считался и социальный вопрос.

чества. Цели этих объединений, обыкновенно, были туманны и неопределенны; некоторые из них ставили себе задачами — взаимопомощь и самообразование, другие говорили о воспитании «гражданина», а в сущности все они являлись выражением потребности в товарищеском общении. Жизнедеятельности землячества особой не проявляли, многие из них исчерпывали ее обсуждением устава: как только устав был обсужден и одобрен, они или распадались или существовали только номинально»... («Былое, 1924 г. № 23, стр. 143). Такие же сведения о московских землячествах находим у С. И. Мицкевича («Пролетарская революция», № 14, стр. 45):

«Были, правда, «землячества», но они влачили жалкое существование, занимались грошевой взаимопомощью и более ничем».

То же самое, и наиболее полно, сообщал о деятельности землячеств министерский чиновник А. М. Стремоухов, искавший крамолу в «тайных студенческих кружках» и несклонный не замечать в них политической струи (записка Стремоухова не напечатана и имеется в копии на машинке).

Главною целью землячеств, — писал он, — является «оказание денежной помощи своим членам», для чего из касс выдаются ссуды — срочные и бессрочные, размер коих зависит от положения нуждающегося студента и величины оборотных средств кружка.

Независимо от сего почти все землячества учредили особые «кружки саморазвития», участники коих, ознакомившись с научными сочинениями по какому-либо вопросу, составляют рефераты и прочитывают их в собрании товарищей, вызывая при этом оживленный обмен мнений»...

«Вступая в землячества и союзы, — продолжает А. М. Стремоухов, — большая часть студенчества относится обыкновенно довольно безразлично к «общественным» вопросам кружков, интересуясь преимущественно материальною стороною дела, т. е. возможностью, в случае крайности, получить из кассы хотя бы незначительное денежное пособие. Попечение же о внутренних распорядках организаций, составление петиций, адресов, прокламаций, а также руководство всякого рода «движениями» принимают на себя отдельные представители, являющиеся почти всегда наиболее беспокойными, а иногда и неблагонадежными элементами учащейся молодежи. Таким образом нередко большинство входящих в землячества, союзы и кассы членов — или совершенно не солидарны с издающимися от их общего имени адресами и воззваниями, или же, не участвуя в предварительных обсуждениях, узнают о содержании подобных произведений уже по выходе их в обращение».

Являясь, в целом, органами оппозиционными «п о л и т и к е», землячества, конечно, приобрели прочные симпатии среди либеральной буржуазии, которая и рекламировала их, как идеал студенческой общественности.

По уставу 1884 г., студенты должны были представлять из себя «отдельных посетителей» университета. Участие в каких-либо организациях категорически им воспрещалось § 16 «правил для студентов и слушателей императорских российских университетов».

«Сверх того, бывший министр народного просвещения статс-секретарь Делянов в 1887 г. издал общее распоряжение отбирать от всех воспитанников подведомственных ему высших учебных заведений «подписки о непринятии ими участия ни в каких сообществах, как, например, землячествах и т. п.», с предупреждением, что «в случае обнаружения участия их в каком-либо обществе, — они будут увольняться из заведения» (циркуляр попечителям учебных округов от 21 января за № 1202)».

Тем не менее, землячества, эти «общества взаимного кредита», возникали повсеместно в силу того простого факта, что, как подсчитали московские профессора (доклад Комиссии, стр. 13), в 1899—1900 г., например, процент недостаточных студентов в Московском университете достигал 53,2%, а получали разного рода, далеко в большинстве недостаточное для существования пособие[1] только 48,7%. По отдельным курсам процент недостаточных колебался от 40,3% до 86,3%. В первом полугодии 1899—1900 г. за невзнос платы было уволено из университета 480 студентов и Исполнительный Комитет писал 12 марта 1900 г. «о непосильности этой платы для сотен, если не тысяч студентов».

При такой нужде студенчества землячества являлись столь необходимым органом, что, нарушая собственные декреты, администрация, при распределении пособий, не раз обращалась к землячествам за справками, так как кто же, как не земляки, мог точно определить степень нуждаемости тех или иных студентов.

В делах попечителя московского учебного округа имеется донос на инспектора Киевского университета, где утверждается, что он совсем не выдает пособий без визы земляческой организации. «Возникнув и развившись на почве жизненных потребностей университетской молодежи, — писал П. А. Капнист, — несмотря на запрещение уставом 1884 г., землячества продолжали существовать, существуют и умножаются и в настоящее время»... Запрещение землячеств не было «в силах уничтожить их» («В. Е», 1903 г., ноябрь, стр. 202—203).

На почве той же взаимопомощи землячества стали объединяться в союзы. «11 марта 1884 г. состоялось первое собрание представителей землячеств для выработки проекта устава союза» в Москве (Мельгунов, стр. 5). В прениях, возникших по поводу предложения рязанского землячества, большинство высказалось за необходимость сосредоточиваться на финансовой деятельности союза, полагая, что «денежные ссуды студентов уже

---

[1] Стипендии от 44 до 1332 р. в год, пособия от 4 р. 50 к. до 100 р. в год. П. Иванов. Студенты в Москве. М. 1903.

сами по себе есть нравственная задача» (там же). В союз вошло 9 землячеств. В 1892 г. число землячеств, входивших в союз, возросло до 20; к концу 1893 г. достигло 36; в 1894 г. числилось уже 43; число членов землячеств доходило до 1700. В 1896 г. в союз входило 45 землячеств. «Количество членов каждого землячества неодинаково и колеблется от 14 до 112, в среднем же в подобных кружках насчитывалось около 40 чел.» (Стремоухов).

В 1894 г. образовался Киевский союз 10 землячеств, с осени 1895 г. выделивший Союзный Совет; в 1895 г. число членов союза достигло 900 человек. Харьковский союз землячеств возник в 1895 г. и успел объединить 9 землячеств с 340 членами.

Союзный Совет первоначально был лишь посредническим органом между землячествами. В дальнейшем он обнаружил тенденцию «отмежевать себе значительную долю самостоятельности». Эта эволюция Совета нашла отражение в различных параграфах устава «Киевского союза объединенных землячеств и организаций», составленного в 1895 г. и к 1900 г. подвергшегося переработке. В § 5 значится, что «для осуществления намеченных целей Союз выделяет особый, исполняющий решения Союза и посредствующий орган — Союзный Совет, состоящий из представителей отдельных групп, входящих в Союз». А § 6 гласит: «Союзный Совет действует самостоятельно». Эта эволюция Союзного Совета, заполняющая всю его историю, проходила бурно и являлась отражением борьбы различных социальных групп, входивших в землячества.

«Первоначально большинство землячеств, — говорит П. А. Кропоткин («В. Е.», 1903 г., ноябрь, стр. 204—205), — отнеслось отрицательно к организации таких общих «союзных советов» и «комитетов», предвидя, что подобная организация поглотит их, обезличит и помешает выполнять ближайшие их задачи, которыми они дорожили, и опасаясь, — и это особенно знаменательно, — что присоединение к союзу вовлечет их в дела, с университетом ничего общего не имеющие. Этот факт вполне установлен как многочисленными дознаниями, которые нам лично приводилось изучать в качестве прокурора палаты, а затем отчасти и попечителя учебного округа, так и запретною литературою, из которой видно, что особого рода кружки постоянно и продолжительное время упрекали землячества за равнодушие к «высшим политическим стремлениям» и за отказ соединиться в союз для достижения «высших целей». И действительно, в течение долгого ряда лет после возникновения мысли об объединении землячества в одном центральном тайном обществе, попытки образовать такое общество не удавались, и хотя «союзные советы», комитеты и т. п. неоднократно возникали, но они успевали привлечь к себе не более трех-четырех землячеств даже в многолюдных университетах, где землячеств бывало несколько десятков, — несмотря на то, что программы этих сою-

зов и комитетов сулили землячествам защиту против притеснений в виде поддержки, — умножение материальных средств и т. п., а в худшем случае, столь заманчивый для пылкого юношества — блестящий венец пострадавших. Только по мере усиления репрессий против университетов, часто неразборчивой, бьющей не по коню, а по оглоблям, и поражающей при этом как правого, так и виноватого, и по мере все больших затруднений, которые встречали землячества, — они стали уступать настроениям сторонников тайной общей организации и постепенно стали превращаться из негласных кружков, преследовавших, тем не менее, вполне дозволенные цели, в настоящие тайные сообщества, с более широкими, но в то же время нередко прямо противозаконными целями. Движение это особенно усилилось в конце восьмидесятых годов, в начале же девятидесятых охватило большую часть землячеств и вместе с тем и очень значительное число студентов. Успеху этого движения несомненно содействовала и та дезорганизация университетского управления и власти, которая уже давно зародилась под влиянием ложной политики администрации по отношению к университетам, и которая завершилась уже на почве закона, благодаря уставу 1884 года».

«Съеденный» Н. П. Боголеповым за отсутствие в его управление энергичной борьбы с землячествами бывший попечитель московского учебного округа граф Капнист придает слишком большое значение правительственным репрессиям в деле перехода Союзного Совета на политическую почву (землячества в целом на такую почву не переходили); личный момент напитал его перо ядовитой иронией, когда он рисует политику Боголепова; додуматься же до того обстоятельства, что новое направление деятельности Союзного Совета придал новый общественный слой, влившийся в университеты на рубеже 1890-х годов, ему не пришлось. Но богатый опыт и знание фактов заставили его обратить внимание на ту внутреннюю борьбу, которая происходила между различными общественными слоями, входившими в земляческие организации, и в этом отношении он куда проницательнее С. П. Мельгунова, который проходит мимо фактов внутренней борьбы и безапелляционно заявляет (стр. 12), что в период расцвета землячеств и Союзного Совета — в 1890-х годах — «студенческие организации ставили себе исключительно академические цели».

Уже 20 марта 1885 г. (Е. Б. — Н. П. Боголепов, стр. 72. У Мельгунова, стр. 6, стоит дата 2 марта) «делегатами от Смоленского и Сибирского землячеств, — как значится в протоколе собрания, — было заявлено, что их земляки не ясно представляют себе, что следует понимать под «нравственными» потребностями землячеств. Они опасаются, что Союзный Совет, забравший в свои руки власть, воспользуется этим словом, чтобы толкнуть деятельность Союза на революционный путь».

А вот выдержка из протокола 7-го заседания Союзного Совета

от 24-го октября 1894 г., которую, конечно, обходит в своем труде С. П. Мельгунов (Е. Б. — Н. П. Боголепов, стр. 82):

Техники: «Настоящий исторический момент удобен для подачи от учащейся молодежи правительству петиции, главное содержание которой должны составлять требования политические. Общестуденческие требования должны вытекать из первых, как частность».

Тверское землячество: «Петиция с самыми широкими политическими требованиями должна быть подана единовременно или вслед за петициями земств. Беспорядки нужны лишь в случае репрессии за петицию. Желательно привлечь профессоров».

Курское землячество находит студенчество достаточно организованным, чтобы взять на себя инициативу возбуждать общественное движение, готово поддержать беспорядки.

Рязанское землячество: «Петиция со студенческими требованиями должна быть подана. В случае отказа должны быть беспорядки до последней крайности. Это землячество ждет практических результатов от петиции; некоторые не ждут их».

Зараженный первоначально духом умеренности и аккуратности большинства земляков, Союзный Совет с первых своих шагов вызвал недовольство со стороны радикального меньшинства студентов. Все учащались «случаи разногласий между молодежью крайнего направления и московским «Союзным Советом» по различным предметам общестуденческой жизни». (Стремоухов).

«Во всяком случае, — должен был признать даже С. П. Мельгунов («Голос минувшего», 1913 г. № 5, стр. 195), — более прав был в своей характеристике университетских настроений начальник охранного отделения Бердяев, между прочим, отметивший, что Союзный Совет в «иных случаях, а пожалуй, и над большинством студенчества, в особенности над революционно настроенной частью... не имел никакой силы».

«Борьба более умеренных элементов, олицетворяемых «Советом» с «радикальными группами», — писал Стремоухов, — с особенною силою сказалась при восшествии на престол ныне благополучно царствующего государя императора, когда в русском обществе стали распространяться преувеличенные слухи о могущих произойти переменах во внутреннем управлении. Брожение умов нашло себе отклик в среде московской учащейся молодежи и выразилось в форме воззвания, приглашавшего студентов домогаться конституционного режима [1]. По этому поводу «Союзный Совет» решительно заявил, что «прокламация с требованием конституции» выпущена лицами, непричастными к «Союзу» [2].

Эти две прокламации московского студенчества наглядно показывают, какая скрытая борьба происходила в его недрах.

---

[1] Воззвание Союзного Совета 5 декабря 1894 г.
[2] Там же (примечания Стремоухова).

«В 1895—96 и 1896—97 гг. в составе Совета «радикалы» все более получают перевес, — продолжает Стремоухов; — целью землячеств открыто провозглашается «подготовка борцов к политической деятельности» и студенческие беспорядки признаются желательными, как форма «активного протеста против все увеличивающейся реакции». (Воззвание С. С. от 21 окт. 1896 г.).

В виду этого Совет не только уже не противодействовал возникновению волнений среди университетской молодежи, а напротив, старался изыскать удобные к тому случаи, и лишь благоразумие и умеренность большинства студенчества до известной степени сдерживали агитационные стремления Совета».

Такая характеристика Союзного Совета 1896 г., данная судейским чиновником, членом комиссии Ванновского, на основании следственных материалов, подтверждается и документами, и профессорами, и студентами.

Сам Союзный Совет 1896 г. смотрел на задачи студенческого движения так: «Союзный Совет полагает, что главной целью Союза землячеств должна быть подготовка борцов к политической деятельности». При этом, однако, он не решался открыто перейти на политическую почву, чем только терял доверие массы. «Современный университетский режим, — писал он, — есть лишь частное проявление общегосударственной политики», — и делал отсюда вывод, — как это было и в Петербурге (Энгель и Горохов, стр. 45—46 и сл.), — что и борьба по мелкому поводу академической жизни имеет государственное значение. Мнение, — как увидим дальше, — характерное для мелкобуржуазного слоя студенчества. Он считал «достаточно важным мотивом для поднятия организованных беспорядков» протест против одного неугодного профессора, полагая, что «борясь против насилия и произвола университетского начальства, студенчество будет закаляться и воспитываться для политической борьбы с общегосударственным режимом», игнорируя борьбу классовых групп внутри студенчества.

Составитель исторического очерка студенческих волнений в докладе комиссии московских профессоров В. О. Ключевский отметил борьбу направлений, принявшую острые формы к 1896 г., совсем не в «академических» выражениях: «Организованные земляки перессорились, разделились на «радикалов» и «независимых», на «дураков» и «подлецов» (стр. 6).

А в докладе москвичей на Одесском съезде (1900 г.) говорилось: «Союзный Совет, окружив себя чрезвычайной конспиративностью, налагал [1] на себя особенно много нареканий за свою политическую окраску, о которой доходили до землячеств только туманные намеки».

---

[1] Повидимому, в подлиннике — «навлекал»; ошибка допущена в вообще небрежной копии охр. отд. с неразборчивой рукописи.

Эта игра в политику, «в темную», боязнь открыть свои цели массе, сыграла плохую шутку с руководителями Союзного Совета 1896 г., что не преминул подчеркнуть ехидный В. О. Ключевский: «Уже с конца 1896 г., — писал он (стр. 6), —вследствие введенного перед тем «конспиративного» порядка выбора членов, Союзный Совет стал для представляемых им землячеств таинственным неизвестным и, как всякий X, начал терять доверие организованного студенчества, а революционное направление, данное его деятельности «отчаянными головами», какими наполнили его такие выборы, прямо оттолкнуло от него рассудительную часть приверженцев Совета прежнего состава. Полицейские аресты довершили его крушение».

Разгром Союзного Совета и его периферии в 1896 и 1897 гг. повел к тому, что он совсем прекратил свое существование. «Уцелевший осколок 8 и, наконец, 5 организаций существовал и в 99 г., но влиянием [они] никаким не пользовались и уже не проявляли себя ничем».

Взамен Союзному Совету в 1899 г. «возник Исполнительный Комитет, составленный из курсовых представителей с временными полномочиями; он и являлся только исполнителем воли большинства. В его бюллетенях встречались лишь отчеты о вчерашнем дне».

Расправа с Союзным Советом Боголепова и полиции дала оружие в руки умеренным элементам, получившим большинство.

«Неудачная попытка прежнего Союзного Совета отмежевать себе значительную долю самостоятельности в своей деятельности, закончившаяся полной отчужденностью его от землячеств и, наконец, падение его, заставили инициаторов нового Исполнительного Комитета быть очень осторожными в выборе целей, которые должна преследовать центральная организация. Девизом было выставлено: «исполнение воли пославших их»... «Исполнительный Комитет в своем обращении к студенчеству старался избежать малейшего намека на политику» (цитаты из доклада москвичей Одесскому съезду).

Но под влиянием вне его стоявших радикальных групп, и особенно социал-демократической, Комитет 1900 г. принужден был ввести в программу своей деятельности «содействие общественным начинаниям», а его представитель на Одесском съезде пояснил: «Такое подведение довольно определенных действий под туманную графу «общественных начинаний» необходимо именно вследствие боязни массы перед всякой политикой».

История показывает, что боялись «политики» не массы, а определенные классовые группировки.

При союзе землячеств существовал целый ряд комиссий (Мельгунов, стр. 13—14). Одной из таких комиссий была комиссия общестуденческих съездов. Каждое крупное движение

студентов естественно вызывало стремление к междугородному объединению. За 1890—1900-е годы состоялось значительное количество съездов студенчества. К сожалению, их работа не изучена по первоисточникам и приходится, в большинстве, ограничиться отрывочными сведениями, имеющимися в литературе. Но и те данные, которые имеются, в корне подрывают то представление о студенческом движении, которое пропагандирует в своей книжке Мельгунов, основываясь на одной цитате из постановления студенческого «съезда 1894 г.», который он называет вторым. Студенческие съезды, интересны, «как выражение известных взглядов известной б о р ю щ е й с я группы», и только. «В виду быстрой смены лиц и направлений» практического значения не имел ни один съезд» (бр. «Наше Знамя» 1904, стр. 47—48). Чуть не каждый из этих съездов считал себя «вторым» и отрицал решения «первого». Дальше сведения собравшихся не шли.

«В конце 1889 г. имел место съезд представителей революционных и студенческих организаций; результатом съезда было появление на сцене Центрального Бюро, которое и взяло на себя руководящую роль» (Меньщиков, стр. 64—65). Деятельность Бюро, как сказано выше, носила политический характер.

Следующий съезд, по словам Стремоухова (Стремоухов считает его «первым»), «состоялся в январе 1891 года, при участии представителей союзов — Московского и Харьковского, Петербургской кассы и нескольких кружков саморазвития»... Съезд признал неорганизованные студенческие беспорядки, сходки, демонстрации «не соответствующими ни настроению, ни конечным целям студенческих движений».

Третий съезд состоялся в декабре 1892 г., «в составе представителей от Московского союза, петербургских, киевских и харьковских кружков», в Москве. «Питерский делегат, приведенный П. С. Ширским, «посетив одно заседание, внезапно скрылся», и за выяснение его личности и деятельности взялся студент Н. В. Тесленко. Представителем киевского студенчества был А. А. Колянковский. «Кроме Ширского от московской организации присутствовал, п о в и д и м о м у, Владимир Чернов»... (По сведениям начальника петербургского охр. отделения полковника Секеринского, в съезде участвовал П. Федулов, который, действительно, жил в Москве с 19 декабря 1892 г. по 5 января 1893 г.).

Судя по программе съезда, главными темами его совещаний были вопросы: об отношении студенчества к явлениям общественного характера (надлежит ли «отзываться на непосредственную жизнь и принимать в ней активное участие»), к официальным академическим организациям и к иногородческим элементам студенчества. Стоял на очереди и вопрос о том, «нет ли возможности создать общий орган для студенчества». (Стремоухов; он ошибочно относит съезд к декабрю 1893 г. Меньщиков, стр. 171).

Подробности о решениях этого съезда сообщает Е. Б.

(Н. П. Боголепов, стр. 122—124): «На втором московском съезде обсуждался вопрос об отношении студентов к правительству и обществу.

Первый вопрос решался с точки зрения, что студенты и общество угнетаемы правительством; университетские порядки составляют необходимую часть всей государственной системы, направленной на подавление свободы и самодеятельности среди российских обывателей. Поэтому для Союзного Совета не может быть сомнения, как стать к правительству: студенчество должно стоять в оппозиции к правительству[1]. В своем оппозиционном движении оно должно сообразоваться с общим ходом оппозиционного движения в России; оно может сыграть даже активную общественную роль, своим движением дать толчок к движению всего общества, т. е., другими словами, дать толчок политическому перевороту. Определяя отношения свои к обществу, Союзный Совет, по выражению Боголепова, принимает совершенно тон правительства. Союзный Совет высказывает желание, чтобы, с одной стороны, студенчество вступило в связь с людьми сложившимися, закончившими выработку своего миросозерцания и уже несколько проверившими его на практике; с другой стороны, студенчество должно основательно проявить себя по отношению к средним учебным заведениям. «Кончающие там будущие члены наших организаций и мы непосредственно заинтересованы в том, насколько они умственно и нравственно развиты. Итак, работа, имеющая целью развитие моральное и общественное, не менее, а может быть даже более, необходима среди воспитанников наших средних учебных заведений, чем среди студентов. Там натура гораздо мягче, податливее, доступнее всяким влияниям. Желательно, чтобы в этом-то периоде на них действовали лучшие влияния». Тот же второй московский съезд по вопросу об издании периодического органа высказался таким образом, что он считает чрезвычайно полезным орган со строго выдержанным направлением, систематически проводящим и развивающим известный цикл идей, известное стройное и заключенное мировоззрение, при котором мельчайший факт освещается с известной точки зрения и получает общее, а не частное значение».

Если, таким образом, программа съезда и решения, им принятые, никак не укладываются в академические рамки, то это не помешало С. П. Мельгунову, на основании «Письма Союзного Совета» 14 ноября 1894 г., «во-первых — отнести этот съезд к 1894 г.,

---

[1] В сохранившийся гектографированный протокол 3-го заседания 2-го Московского студенческого съезда занесено: «Потребность переустройства всей нашей общественной жизни на началах большей свободы и более справедливого и равномерного распределения материальных и духовных благ между различными классами населения, — вот что должно наконец проснуться в нашем обществе, если только оно сохранило способность к жизни».

во-вторых — выдать тактические взгляды Союзного Совета данного состава за решения этого съезда». Согласно Мельгунову (стр. 23—24) — «общая цель деятельности студенческих организаций, как это намечалось в 90-х годах, была ясно формулирована на II съезде (1894 г.) университетских делегатов в Москве». «Прежнее студенчество, разрозненное и слабое, реагировало на гнет внешних условий при помощи тех средств, какие только доступны неорганизованной массе: сходками и беспорядками. Но такая борьба только еще более ослабляла студенчество, только еще более увеличивала гнет. Бесплодность этой борьбы заставила студентов вдуматься в причину своей слабости и своих неудач. И только таким долгим и мучительным путем студенты пришли к мысли, что беспорядки являются сизифовой работой, и, отрешившись от традиционных фраз на II студенческом съезде, принципиально и категорически высказались против беспорядков и выработали новую, на этот раз вполне «правильную тактику». Согласно новым взглядам, студенчество твердым и спокойным образом действий должно доказать свою умственную и нравственную зрелость, рассеять ходячие ложные представления в обществе о студенческой организации и вызвать его сочувствие, заставить администрацию считаться с ней, поняв ее неизбежность, целесообразность, справедливость ее требований, безопасность ее существования для «общественного спокойствия и порядка» и, таким образом, не иметь больше никаких причин и поводов отказываться признавать то, что уже фактически существует». «Следовательно всякий, кто дорожит, с своей стороны, честью и достоинством старейшего университета и в полном с ним согласии намерен принять «меры к охранению порядка», должен сочувствовать новому направлению среди студентов, поощрять эту тенденцию и устранять все поводы к беспорядкам и вмешательству в дело университета».

Письмо Союзного Совета 14 ноября 1894 г. крайне ценный документ, характеризирующий взгляды той части студенчества, которая боролась со студенческим движением, которое как раз в это время приняло резкий и притом политический характер; либерального слоя студенчества, которое вместе с либеральной профессурой руководствовалось известной «формулой прогресса» В. В., с которым мы и дальше неоднократно будем встречаться, когда оно примет название «академистов». Но какое отношение оно имело к руководству студенческим движением? Такой компетентный свидетель, как начальник охранного отделения, как раз в этот период отмечал, что данный состав Союзного Совета не имел ни малейшего авторитета не только в революционных кружках, но и среди массы студенчества.

В начале 1895 г. предполагался в Москве «съезд делегатов от всех высших учебных заведений для составления петиции на высочайшее имя». На этот съезд делегаты С.-Петербургского университета представили «основные начала проекта петиции», со-

стоящего из 13 пунктов. Первые шесть трактовали об общем устройстве университетов, а последние 7 — о правах студентов, в узко корпоративном духе. Это вполне естественно, так как сама мысль о петиции могла исходить только из умеренных кругов студенчества. «§ 7. Свобода слушания, выражающаяся в праве учащихся самостоятельно избирать программу занятий, не руководясь учебными планами, обязательными для желающих экзаменоваться в факультете». «§ 12. Предоставление профессорам и студентам права устраивать публичные лекции, учреждать с разрешения Совета [профессоров] ученые, образовательные, литературные и др. общества». § 13. Свобода корпоративной организации студенчества» и «право ходатайствовать о своих нуждах подачей коллективных петиций на имя ректора, Совета, попечителя и министра».

Состоялся ли этот съезд, сведений в моем распоряжении не имеется.

Следующий съезд «по числу членов был самый многолюдным; в заседаниях его, происходивших в начале 1896 года [Стремоухов. Повидимому тот же съезд Л. П. Меньщиков относит к маю 1897 г., что вероятнее] [1], принимали участие, помимо депутатов Московского союза, делегаты из Киева, Харькова, Казани, Одессы, Томска и от польских студенческих организаций. На съезде этом было, между прочим, выражено пожелание, чтобы объединенные студенческие кружки оказывали по возможности нравственную и материальную поддержку проявляющемуся в империи рабочему движению». Пункт 2 программы, предложенный на обсуждение съезда организационным комитетом, гласил: «Подготовка участвующих в организациях к активной общественной и политической деятельности; и как одно из средств этой подготовки, «коллективные, активные действия организованных групп по поводу выдающихся явлений общественной и политической жизни. Отношение организаций к действующим революционным партиям. Участие в общественных и политических делах» (Меньщиков, стр. 339).

Более полные сведения имеются в моем распоряжении о студенческом съезде, состоявшемся в Москве 20—21 апреля 1899 года. 18 и 19 апреля прибыли в Москву делегаты от университетов: Петербургского — окончивший курс университета сын чиновника Всев. Ал-ндрович Смирнов; Варшавского — медик, сын купца Ив. Матв. Марро; Юрьевского — бывший студент, высланный в 1897 г. в Пермскую губернию по делу о Союзном Совете, сын священника Виктории Серг. Дерябин; Киевского — окончивший курс университета Станислав Виталисович Контовт, дворянин, литвин; Харьков-

---

[1] По воспоминаниям К. Василенко («Былое», № 27—28 1924 г., стр. 124—125), «в августе 1897 г. происходил съезд в Киеве, издавший на гектографе «Труды съезда». Повидимому, дело идет все о том же съезде.

ского — бывший студент, исключенный в виду привлечения к политехническому делу, Ник. Ефимович Тимофеев, из крестьян; от Рижского политехникума — М. Ш. Свенчанский. 20 апреля указанные делегаты, вместе с представителями Московского университета, окончившим курс Ал-еем Вас. Яровицким, сыном колл. сов., и Технического училища — сыном купца Ив. Мих. Плешковым, собрались на квартире студента Д. Г. Архангельского, а 21 на квартире ст-та Ильи Ив. Шимановича, где в самом начале заседания и были арестованы вместе с одним из активных деятелей по устройству съезда В. Н. Корякиным и др. приходившими на квартиру лицами. Одновременно со съездом был арестован Исполнительный Комитет.

Какие вопросы обсуждались на съезде, дает понятие «Общая программа съезда, предлагаемая представителями высших учебных заведений г. Москвы» [1], заранее развезенная по университетским городам делегатами, организовавшими съезд.

«I. Должно ли меньшинство, как на съезде, так и в будущем подчиняться большинству.

II. Причины недовольства студентов настоящим своим положением: а) зависящие от академического режима, б)... от общегосударственного режима.

III. Желательные в настоящем положении жизни студенчества [изменения?]: а) в академической жизни, 1) в правах студентов, 2) в администрации, 3) ...профессуры; б) в общегосударственном [?]

IV. Какие цели могут преследовать студенты в своих движениях и на какой почве вообще возможно достигать известных результатов: а) на почве лишь академических требований, b) или на почве общеполитических требований, c) или если студенческие движения должны носить лишь академический характер, то нельзя ли признать, что при известных условиях возможно достичь результатов и на почве политической.

V. Средства для осуществления наших целей: а) организация, b) тактика.

VI. Настоящее студенческое движение: а) причины, b) требования, выставленные студенчеством, c) меры, употр. и употреблявшиеся для осуществл. этих требований, d) какая часть из всего числа студентов приняла деятельн...

VII. Дальнейший образ действий: следует ли прекратить настоящее движение или продолжать его. Если продолжать, то в какой форме и с какими требованиями».

Такой характер вопросов, предложенный на обсуждение апрельскому съезду 1899 г., становится понятным, если знать, что во главе

---

[1] Копия снята с карандашного наброска, сделанного наспех кем-то из присутствовавших на съезде, чем объясняются дефекты в приводимом тексте.

организационного бюро стоял А. В. Яровицкий, социал-демократ, работавший после высылки в Нижегородской организации РСДРП.

Осторожность в постановке вопросов объясняется тем обстоятельством, что политика встречала оппозицию среди не только либеральных, но и мелкобуржуазных слоев студенчества. Так, в представленных студенческому съезду 20—21 апреля 1899 г. Организационным Комитетом Харьковского ветеринарного института ответах на предложенные москвичами вопросы, авторы самым решительным образом протестовали против внесения в движение политического элемента. Пункт 5 ответов гласил: «Меньшинство на съезде должно подчиняться простому большинству, если только последнее не выразит намерения ступать на скользкую почву обще-политических требований; в последнем случае ни о каком подчинении не может быть и речи».

В 1900 г. состоялся общестуденческий съезд в Одессе. По нашему счету, это уже седьмой съезд, но следы старого исчезли и с него стало вестись новое исчисление. Он обыкновенно называется первым.

Сорганизовавшийся в начале 1900 г. Исполнительный Комитет московских организаций завязал, после объезда других городов, оживленную переписку между университетскими представителями; переписка эта регулярно попадала в руки Зубатова. Последний смог, благодаря этому, быть в курсе всех приготовлений к съезду и, неотступно следя за предполагаемыми делегатами, узнать место и время съезда. Съезд был арестован 16 июня 1900 г. в Одессе, во время первого его заседания, успев, повидимому, заслушать только доклад идейного главы московского Исполнительного Комитета Н. В. Руднева. Присутствовали на съезде делегаты: Москвы— Н. В. Руднев и Л. А. Сенявин, Петербурга — С. И. Коссович, Харькова — Д. В. Антонович [1], Киева — В. В. Мигулин и А. Д. Школьник, Одессы — М. А. Домбровский. Кроме того, присутствовали одесситы П. И. Бронштейн, М. М. Вулов и Г. А. Немировский (хозяин квартиры). У участников съезда взяли материалы, представляющие большую ценность для истории студенческого движения.

Прения на съезде не успели развернуться, но по документам видно, что среди делегатов не было единомыслия. «В то время как Моск. Исп. к-т предлагает съезду заняться: ор-ей Центр. К-та организованного русск. ст-ва, учрежд. Центр. Кассы, изданием ежегодника и выработкой программы общего студенческого движения, Киевск. Союз. Совет намечает работу съезда в целях выработки из студенческих ор-ий политических деятелей»... Московский делегат Н. В. Руднев полагал, что от массы необходимо скрывать истинный характер движения «вследствие боязни массы перед вся-

[1] В 1905 г. член Центрального комитета Украинской СДРП.

кой политикой»; а член с-д. организации «Рабочего знамени» петербургский делегат С. И. Коссович представил съезду «манифест» «Кассы взаимопомощи студентов С.-ПБ-го университета», где говорилось:

«Студенческое движение — не случайная вспышка «болезненно развитого самолюбия», это смутное, стихийное проявление одной из тех нарождающихся сил, которым предстоит отправить в историческую гробницу русский абсолютизм». А студенческое движение характеризовалось как «буржуазное, политическое, наступательно боевое». У харьковского делегата Д. В. Антоновича отобрана платформа украинской организации, напечатанная по-украински, чисто политического содержания. Она начиналась так: «Ми українська молодіж, стремлячи до політичної самоуправы, в якій досягаться ідеали волі, рівности, братерства, домогаемо ся:

1) Рівности всіх перед законом по знесенію всяких привілегій становых и кастовых.

2) Свободы совисти і рівности всіх віроісповідань. Просвіты на рідній мові, заведеня обовязкової безплатної науки.

3) Політичної, конституцыйної свободы з автономією політичною; вольности слова, друку і зборів.

А обовязком студентства уважаемо»:

Далее следуют требования, касающиеся постановки преподавания, с уклоном на изучение социально-экономических теорий и проблем и «пропаганду украинской идеи».

Во что бы вылилось такое несоответствие взглядов, как бы разрешились противоречия — неизвестно. Сенявин, Руднев, Мигулин были подчинены гласному надзору в месте жительства родителей на три года, Антонович — на два года, Бронштейн, Вулов — на один год. Подчинены гласному надзору полиции в избранном месте жительства: Коссович — на три года, Домбровский — на два года, Школьник — на один год. Относительно Немировского дело было прекращено.

Следующий съезд состоялся в 1902 г. О месте и времени этого съезда точных данных в моем распоряжении не имеется. Департамент полиции сообщил Л. П. Меньщикову 16 марта 1902 г., что местом съезда указываются СПБ, Вязьма, Рига и Ростов на Дону. «Наиболее достоверным однако представляется, что всероссийский студенческий съезд происходил в конце первой половины февраля в гор. Риге». Несколько раньше, 28 февраля, департамент сообщал Трепову следующие подробности о съезде: «В заседаниях съезда принимало участие до 40 делегатов всех высших учебных заведений, в числе их 12 человек от петербургских учебных заведений».

Какие были течения на съезде представлены, с какими декларациями они выступали, таким образом неизвестно. Победило ярко политическое направление, идеями которого проникнут изданный после съезда так называемый «Манифест 2-го съезда»:

«1. Студенческое движение есть движение политическое. Этим положением съезд хочет сказать, что студенческое движение своими корнями лежит глубоко в современном общественном строе России. Осуществление университетской автономии шло бы вразрез с правительственной тенденцией, заглушающей всякое стремление к самодеятельности. Поэтому борьба за права студенчества неизбежно является борьбой против правительства...»

«Констатируя факт совместных действий за последнее время студентов и рабочих»... съезд находил «желательным возможно широкую пропаганду социалистических идей среди студентов. Последнее необходимо для ясного понимания роли и степени участия пролетариата в нашем движении. Для лучшего достижения этой цели съезд находит желательным учреждение при всех высших учебных заведениях постоянных организационных комитетов, состоящих в сношениях с местными комитетами Российской Социал-Демократической Партии, к которым съезд обращается с предложением оказать содействие проектируемым организациям.

Что касается вопроса о тактике движения, съезд, оставляя в силе применение забастовки и обструкции во всех ее видах, выдвигает на первый план демонстрацию, как наиболее действительное средство обратить внимание общества на ненормальное положение дел».

Прошло около двух лет и в конце ноября 1903 года состоялся в Одессе новый общестуденческий съезд, на который явились: два представителя от Харькова (Марковин и Нестроев), один от Москвы — Белоусов; три [1] от Петербурга — Е. Энгель и два неустановленных, два от Киева, два от Одессы (один из них Меерсон) и один от Риги. Представитель Юрьева перепутал явки и на съезд не попал.

От редакции журнала «Студент», инициатора по созыву съезда, присутствовал А. Золотарев.

Одесский съезд 1903 г. не успел закончить своей работы, в том числе и отредактировать воззвание от имени съезда, так как принужден был спешно разъехаться, опасаясь провала [2].

На съезде происходила борьба за влияние между социал-демократами и социалистами-революционерами; задачей последних было пересмотреть решения съезда 1902 г. Еще в конце 1902 г. Киевский Союзный Совет объединенных землячеств и организаций и Организационный Комитет Политехнического института выступили с открытым письмом союзным советам и организационным комитетам

---

[1] Согласно воспоминаниям Г. Нестроева («Каторга и ссылка», 1926 г. № 28—29 (7—8), стр. 145); председатель съезда Е. Энгель («Красная летопись», 1925 г., № 2 (13), стр. 98) сообщает, что от Петербурга было всего два представителя.

[2] Возможно, что панику создали с.-р. с целью не дать с.-д. внести коррективы в их платформу, напечатанную потом в «Студенте» под фирмою съезда.

высших учебных заведений России, в котором сообщали о своем единогласном постановлении «предложить более широкое толкование параграфа 2 манифеста всероссийского студенческого съезда в том смысле, что «студенчество, выражая сочувствие всем действующим в России революционным организациям и будучи проникнуто сознанием необходимости возможно широкой пропаганды социально-революционных идей в среде учащейся молодежи, находит желательным, чтобы С. С. и О. К. входили в сношения с местными комитетами действующих партий независимо от фракционных различий».

Уже это предложение вызвало решительный отпор со стороны студентов социал-демократов, а дальнейшие разъяснительные попытки со стороны журнала «Студент» еще более обострили положение. Вопросы, поднятые этим столкновением различных течений в студенчестве, послужили поводом для полемики между «Искрой» и «Революционной Россией» и вызвали исключительную по ценности статью В. И. Ленина — «Задачи революционной молодежи».

Сам съезд «по вопросу об оценке значения происходящей среди студентов политической дифференциации» «отверг точку зрения сторонников радикализма, смотревших на процесс политической дифференциации как на симптом разложения, разброда и гибели движения и признал ее фактом прогрессивным, свидетельствующим о росте политического сознания студенчества. По вопросу о тактике, съезд признал, что, в интересах наибольшей ударности студенческих выступлений, революционные студенческие организации должны выступать не разрозненно, но совместно, и рекомендовал образование коалиционных советов из представителей революционных студенческих организаций». (Е. Энгель, стр. 98—99).

Практически признание коалиционных советов или как их называет Г. Нестроев (стр. 146), «коалиционных делегатских собраний, объединенных вопросами тактики», только сыграло на руку социалистам-революционерам, признав их партией, равноценной социал-демократической. Совместные действия революционной социал-демократии с мелкобуржуазной, оппортунистической партией эсеров в студенчестве не были практически осуществимы. На практике или революционная социал-демократия, через головы эсеров, вела за собой демократическое студенчество, или эсеры вели эту массу студенчества, пользуясь пассивностью социал-демократии, на лоно кадетской «умеренности и аккуратности».

Таким образом, возьмем ли мы историю земляческих организаций, или историю студенческих съездов, мы видим, что внутри студенчества происходила непрерывная борьба различных классовых групп. Эта борьба и накладывала отпечаток на то или иное выступление студенчества, в зависимости от силы и влияния той или иной группы. Местные условия придавали выступлениям только тот или иной колорит. Этот колорит был особенно своеобразен в Москве. Москва в 1890-х годах стала самым крупным тор-

говым и промышленным центром империи. Уже в 1895 г. валовой доход торговых предприятий Москвы достигал 2 миллиардов рублей. По данным А. В. Погожева, относящимся к началу 1900-х гг. (1900—1902), «из 45 миллионов обоего пола в рабочем возрасте (18—60 л.) в 50 губерниях Европ. России занято было местными и отхожими промыслами более 14 миллионов или 32% общего числа лиц, участвующих в промыслах, к наличному числу жителей обоего пола в рабочем возрасте, а именно:

Фабрично-заводских	1.990.305	14%
Земледельческих	3.370.576 [3.770.576?]	27%
Проч. кустарных, ремеслен. и др. .	4.618.839	32%
Занятых отхожими промыслами . .	3.775.557	27%
	14.155.277	100%

Только приняв во внимание эту абсолютно грандиозную цифру пролетаризированного и полупролетаризированного населения Европейской России, можно понять то значение, которое получила в первой русской революции и в предшествовавший ей период РСДРП, роль социал-демократических фракций в студенческом движении.

При этом надо иметь в виду, что точных сведений о количестве пролетариата в России не имеется. Официальная статистика дает преуменьшенные цифры. Так, по данным, «добытым на основании первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г., общее число лиц, занятых в обрабатывающей, горной и горнозаводской промышленности и показавших себя рабочими, определилось в 2 598 379 человек, но, очевидно, сюда не вошла многочисленная категория рабочих на свеклосахарных, кирпичных и др. заводах, а также на золотых приисках, по многим горнозаводским и т. п. предприятиям, не работающим зимою и пользующимся пришлыми рабочими силами». (А. В. Погожев. Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. СПБ, 1905, стр. 67). Каково бы ни было количество фабрично-заводского пролетариата, на долю Центральной промышленной области падала львиная его доля. Из 1 786 817 рабочих, числившихся по официальным данным в Европейской России, на долю Центральной промышленной области падало 756 983 рабочих — 42,4%, на Южный горно-заводской район — 202 538 — 11,3%, на Петербургский район — 189 612 — 10,6%, на Урал — 147 497 — 8,3%, на все остальные мелкие районы — 490 187 — 27,4%. В Польше, по тем же данным, было 270 230 рабочих, на Кавказе — 74 193, в Сибири — 20 692, в Закаспийских областях — 16 918 рабочих.

В одной Московской губернии числилось 314 476 рабочих — 41,4% всех рабочих ЦПО; во Владимирской губернии — 185 838 — 24,5%, в Костромской — 82 347 — 10,9%, Нижегородской — 36 764 — 4,9%, Ярославской — 34 552 — 4,6%, Тверской — 34 225 — 4,5%, Рязанской — 24 314 — 3,2%, Калужской — 18 653 — 2,5%, Тульской —

14 849—1,7%, Смоленской — 11 965—1,6%. Центр главного по количеству пролетариата промышленного района, крупнейший торговый пункты страны, работающий на внутренний рынок, — Москва стала городом буржуазным, средоточием буржуазной оппозиции. Только немногие дворянские фамилии Москвы сохранили преданность «престолу и отечеству» в ее феодальной чистоте и непорочности: Самарины, гр. Шереметевы, кн. Гагарины, гр. Бобринские, кн. Щербатовы, гр. Уваровы и их единомышленники составляли замкнутый круг дворянских собраний. Другие родовитые дворяне: кн. Долгоруковы, кн. Львовы, кн. Трубецкие являлись, в глазах правящих сфер, изменниками своего класса, занимая видные посты в рядах буржуазной оппозиции. Нечего и говорить о массе среднего и мелкого дворянства: оно или влилось в ряды буржуазии, или попало к ней на содержание. Многочисленные реалистические романы пореформенной эпохи дали яркие картины этого перерождения московского дворянства.

Но разлагающему влиянию буржуазного строя подверглось не одно дворянство, а и органы власти. Будь Трепов и Зубатов не московскими сатрапами, а петербургскими администраторами, при всех своих индивидуальных выдающихся качествах они никогда бы не додумались до «зубатовщины». Трудами добросовестных, но не изучивших общественные отношения старой России исследователей, как С. С. Айнзафт, сущность зубатовщины совершенно затемнена. Но такие внимательные наблюдатели, как В. И. Ленин, который мало писал о зубатовщине, но прекрасно знал общественные отношения, ее породившие, отмечали влияние буржуазных порядков на зарождение и развитие зубатовщины.

«В чем состояла сущность зубатовщины? — задавал вопрос В. И. Ленин и отвечал: — В том, что мелкими экономическими уступками угнетенным классам поддерживали класс угнетателей» (Соб. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 270). И В. И. Ленин не находил в зубатовщине принципиальных отличий от остальных либеральных поползновений привлечь на свою сторону рабочий класс. («Что делать?» Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 449).

Это подчинение московской администрации духу буржуазной стихии внешним образом выразилось в том, что после «Страстного побоища» и вплоть до конца 1904 г. в Москве не практиковались те массовые избиения демонстраций, которыми прославилась администрация Петербурга, Харькова, Киева и других городов.

Если высшая администрация подчинялась общественным отношениям буржуазной Москвы, то низшая администрация просто состояла у буржуазии на откупу. В своих «Записках губернатора» (М., изд. В. М. Саблина, 1907, стр. 60) С. Д. Урусов рассказывает, как ему пришлось «тщательно обойти вопрос о том, на какие средства живет сам пристав», встретившись с фактом, что на содержание канцелярии пристава тратилось 2 300—2 400 рублей ежегодно из отпускаемых приставу 2 500 рублей. Тот же Урусов

сообщает (стр. 53), что дополнительного вознаграждения с обывателей бессарабская полиция его времени получала свыше миллиона рублей. «Чтобы несколько реабилитировать бессарабскую полицию в глазах наивных людей, которым когда-нибудь придется читать эти строки, — добавлял кн. Урусов, — я упомяну, что петербургская полиция, по самому тщательному дознанию знатока дела, служившего в градоначальстве, получает до 6-ти миллионов рублей в год одних подписных денег, т. е. таких, которые даются не за нарушение закона или злоупотребления по службе, а просто за то, что существуют обыватели-домовладельцы, лавочники, трактирщики, фабриканты и т. п. Поборы за нарушения законов, в интересах дающих, здесь в расчет не приняты, в виду невозможности их учесть».

Вот этими-то «подписными деньгами», которые ежемесячно платили приставам, их помощникам, околоточным надзирателям, а «к праздникам» и городовым, владельцы торгово-промышленных предприятий и просто достаточные граждане, и регулировались отношения полиции к московским гражданам не в меньшей степени, чем приказами по полиции и министерскими циркулярами. Поэтому не раз в переписке министерств и их чиновников можно встретить указание на слишком снисходительное и «лояльное» отношение московских администраторов к «студенческим беспорядкам».

Внутренняя жизнь Московского университета, поскольку ограничиться рассмотрением профессорской общественности, отмечена в 1890-е годы напряженной борьбой двух группировок. Либеральная профессура группировалась вокруг П. Г. Виноградова и В. И. Герье; наиболее видными деятелями этой группировки являлись: А. И. Чупров, И. М. Сеченов, А. А. Остроумов, Ф. Ф. Эрисман, Ю. С. Гамбаров, А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев, В. Ф. Миллер, Н. А. Умов, С. С. Корсаков, М. А. Мензбир, Д. Н. Анучин, А. Н. Шварц, М. В. Духовской и допущенный в профессорскую группировку, хотя он был только приват-доцентом, П. Н. Милюков.

Этой группировке потакал, если не явно, то тайно, попечитель московского учебного округа граф П. А. Капнист. Как видно не только из цитированной его статьи в «Вестнике Европы», написанной спустя большое время после отставки, но и по действиям его, как попечителя, граф Капнист являлся сторонником узаконения земляческих организаций, в которых он справедливо усматривал возможную опору для борьбы с крайними элементами студенчества. По своим личным отношениям попечитель был связан с либеральными кругами. Он приходился дядей князьям Трубецким и был близко знаком с П. Г. Виноградовым, В. И. Герье, Ф. Ф. Эрисманом и А. Н. Шварцем, от которого, по словам Капниста, у него не было тайн. Но прежде всего он был чиновником, которому не полагалось «сметь свое суждение иметь», «ограниченным, самодовольным, всевоплощением «себе на уме», отборным перлом бюрократического мещанства», как метко выразился о нем один

наблюдательный современник. «Удивительно какой талант у этого человека говорить с одинаковым красноречием в двух разных смыслах!» — писал о Капнисте его злейший враг Н. П. Боголепов, и добавлял в другом месте: «Предательская, вечно колеблющаяся политика гр. Капниста развратила и профессоров, и студентов, и инспекцию». Во главе последней при гр. Капнисте, после отозвания побитого Брызгалова, стоял С. В. Добров, который, по словам Н. П. Боголепова, «ища популярности, мирволил всем незаконным стремлениям студентов организоваться в союзы», т. е, попросту был правой рукой своего начальника-попечителя, который до конца своего управления округом проповедывал, что «мы должны все дружно взяться за устройство узаконенных землячеств, Verein'ов и пр». («Русский Архив, 1913 г., № 1, стр. 35, 37, 41, 43, 56).

Не блещущая, кроме Н. В. Бугаева, крупными научными именами реакционная профессура объединялась в «министерскую» группировку, — чиновников, исполняющих министерские приказы. Деятелями этой группировки являлись А. С. Алексеев, П. А. Некрасов, ставший, после назначения Боголепова министром, попечителем округа, Н. А. Зверев, Л. М. Лопатин, Н. Ю. Зограф, А. А. Тихомиров, Л. А. Камаровский и переметные сумы вроде М. П. Чернова, Н. А. Митропольского, А. Я. Кожевникова, Н. Я. Грота, И. Ф. Огнева, которые вполне усвоили «характерный для него, но, во всяком случае, умный совет» (Н. П. Боголепов. «Русский архив», 1913 г. № 1, стр. 19—20) профессора А. П. Богданова: «Борьба, которая идет теперь между профессорами, — говорил последний, — не есть только домашний спор; это борьба двух политических направлений [1], борьба, которая зарождается по всей России и, между прочим, в Петербурге, около самого императора. Поэтому будьте осторожны, не пишите никаких документов, которые могли бы быть впоследствии выставлены против вас. Если победит партия, называемая либеральной, то, поверьте, она не даст вам пощады и воспользуется против вас всеми вашими промахами. Ваша позиция очень сильна, потому что вы стоите на почве законности; но теперь надо выжидать, выбрав хорошего руководителя, который бы стоял у руля».

Таким хорошим руководителем для этой банды отъявленных реакционеров и беспринципных чиновников — «лижущих, праздно болтающих, омывающих руки в крови», — явился Н. П. Боголепов. Сын мелкого полицейского — квартального надзирателя, Н. П. Боголепов с малых лет поставил себе задачей сделать карьеру и шел к этой цели, не стесняясь «моральными» соображениями, с упорством, достойным лучшего применения. Успех достался ему не без поражений, несмотря на такой козырь, как женитьба, которой он добивался полтора десятка лет, на светлейшей княжне Е. А. Ли-

[1] Были профессора, которые умели — в интимном кругу — мыслить политически. Среди либералов таких было немного.

вен и дружба с ее братом Никитой, занимавшим видный пост при дворе. Обострение борьбы двух профессорских группировок выдвинуло прямолинейного и дубоватого Боголепова на первый план. У В. И. Ленина есть одно замечательное место, где он говорит, что Милюков — «умнее Мартова и Чернова, по одному тому, что он представитель крупной буржуазии (хотя бы лично и не был так умен, как Чернов и Мартов)» (Соб. соч., т. XVIII ч. 1., стр. 270). Вот также и Н. П. Боголепов, талантами не отличавшийся, благодаря вполне определенной линии класса, интересы которого он защищал, оказался умнее европейских знаменитостей, как П. Г. Виноградов, И. М. Сеченов, П. Н. Милюков, К. А. Тимирязев и их единомышленники, путавшиеся в противоречиях русской дореволюционной буржуазии. Мы увидим дальше, при изложении событий 1894—95 г., как Боголепов поставил на колени всю либеральную часть профессоров вместе с покровительствовавшим им попечителем московского учебного округа. И эта роль победителя над крамолой открыла Н. П. Боголепову двери сначала (29 июня 1895 г.) кабинета попечителя, а затем (12 февраля 1898 г.) и кабинета министра народного просвещения.

Не в силу убеждений, таких у Н. П. Боголепова не было, а благодаря обстоятельствам, которые сделали ему карьеру, на административных постах лидер реакционной профессуры зарекомендовал себя «прямолинейным консерватором», по выражению его приятеля И. И. Янжула, поощряемый постоянным одобрением его докладов царем, бездушного лицемерия которого и готовности пожертвовать любым министром дубоватый Н. П. Боголепов раскусить не сумел. Чтобы угодить вкусам царя, черносотенца и погромщика по убеждениям, Боголепов занял место на крайнем правом фланге комитета министров, где слабую поддержку ему оказывал только И. Л. Горемыкин, вскоре к тому же уступивший место Д. С. Сипягину — «cavalier servant» С. Ю. Витте — и К. П. Победоносцев, который, лучше своего коллеги изучивший обстановку придворных интриг, советовал Н. П. Боголепову «не пускать корней» и «недолго оставаться в Петербурге».

Но влекомый ненасытным честолюбием зарвавшийся parvenu не внял умному совету Победоносцева и стал добиваться поста «первого министра государя», руководителя всей внутренней политикой правительства, каким с 1902 г. стал В. К. Плеве, а до этого был столь же беззастенчивый в средствах, но умный и с широким горизонтом министр финансов С. Ю. Витте. Борьба с последним заполняет собой всю министерскую деятельность Н. П. Боголепова. С. Ю. Витте, тесно связанный с финансовыми и промышленными кругами, был представителем до известной степени «либеральных» тенденций в министерском кабинете и, несмотря на личное к нему нерасположение царя, держался на своем посту десять лет, как благодаря своим дарованиям, так и благодаря поддержке остальных министров, которых он, по выражению

одного сановника, попросту купил, почему и мог обращаться с ними, как с хамьем [1]. Против Витте Боголепов вел атаку, применив те свои приемы, которые обеспечили ему победу над гр. Капнистом: доносничество, клевету и обвинение в либерализме. Он распространял слухи, что его усилия «умиротворить университеты» оставались бесплодными благодаря тому, что студентов революционизировали тайные подпольные общества и многие профессора — агенты министра финансов, что Витте, «в самый разгар университетских волнений раздавал в виде помощи неимущим студентам по 50 р.» и поддерживал их «в неподчинении начальству» [2]. Такая линия борьбы обязывала Боголепова занять крайне реакционную позицию. Ознакомившись с программой Боголепова, крайне умеренный консерватор Б. Н. Чичерин воскликнул: «Теперь просвещение в России погибло; все надежды, которые я возлагал на вас, рухнули».

Боголепов решительно восставал против выборности в университетах даже в пределах устава 1863 г. Он протестовал и против назначения комиссии Ванновского, говоря об опасности, что «при будущих волнениях и неудовольствиях сама толпа будет требовать такого исключительного расследования», — «вмешательства верховной власти» вместо нормального способа управления.

С ханженством, которое так цепилось при дворе, высказываясь против высшего образования женщин, Боголепов прибавлял: «В душе девушки должен гореть тот святой огонь любви, преданности и долга, которым проникнуто учение Христа».

Поистине классическую форму воспитания молодого поколения в духе «самодеятельности» дал Боголепов: «Приучив их с детства к безусловному повиновению, можно вполне их предоставлять самим себе, указав предварительно, какого поведения они должны держаться».

Чем при этом руководствовался Боголепов, лучше всего дают понятие «три условия», поставленные им «для своего поступления на должность попечителя, а именно: просил прежде всего необходимой для себя правительственной поддержки, затем — содержания, которое вознаградило бы его за то, что он терял в университете, и, наконец, пенсии». Просто и ясно.

Усиление инспекции, отдача студентов под надзор в общежитиях, хор и оркестр для благонамеренных, по примеру Брызгалова, беспощадная борьба с «бунтующими студентами», уменьшение числа студентов в столичных и Киевском университетах, — вот вся программа Боголепова в университетском вопросе (Журнал М. Н. П., июль 1901 — «Краткий обзор деятельности М. Н. П.», стр. 50—68).

---

[1] «Il les a tous achetés et par conséquent les traite en canaille».

[2] Весь этот вздор напечатан в «Записках» Н. П. Боголепова, опубликованных его вдовой Е. Б.

В деле усмирения студентов Боголепов проявил больше ревности, чем министерство внутренних дел. Последнее довольно равнодушно относилось к студенческому движению, считая своею задачей лишь вылавливание членов революционных организаций; что же касается участников только студенческого движения, то И. Л. Горемыкиным было издано распоряжение арестовывать только тех студентов, насчет неблагонадежности которых будут иметься прямые указания университетского начальства [1]. При таких директивах сверху московская полиция не проявляла себя, по мнению Н. П. Боголепова, достаточно решительным образом действий. «Желая вызвать ее к деятельности, Боголепов ездил к министру внутренних дел Горемыкину и доказывал ему, что полиции необходимо знать и отыскивать зачинщиков студенческого движения»... «После долгих пререканий, Боголепову, наконец, удалось, с обычной ему спокойной твердостью, убедить Горемыкина в необходимости более деятельного вмешательства полиции в университетские беспорядки» («Записки»).

Царь принимал рьяного министра «милостиво», говорил, что вполне с ним согласен и отпускал с знаками «высочайшего внимания». Казалось, что Боголепов близок к своей цели. Витте, Сергея Юльевича, он стал звать «Жулич», «смутьян», «беззаконник» и потакатель «студентам». Но равняясь с Боголеповым по части бессовестности и карьеризма, Витте был умнее и тоньше министра народного просвещения, и оборвал его карьеру путем издания временных правил 29 июля 1899 г. о сдаче студентов в солдаты «за дерзкое поведение, за грубое неповиновение начальству, за подготовление беспорядков или производство их скопом в стенах заведений и вне оных».

Предложение об отдаче всех бунтовщиков студентов в солдаты было сделано гр. Игнатьевым в заседании Государственного Совета еще после первых беспорядков 1861 г., но не встретило поддержки. Вторично предложение было сделано «особому совещанию» министров 20 ноября 1882 г. К. П. Победоносцевым. На представленном ему проекте Александр III написал 27 мая 1883 г.: «Я с о г л а с е н на эти меры в в и д е о п ы т а, но полагаю, что они будут н е д о с т а т о ч н ы и не принесут той пользы, которую ожидают». «Окончательное решение этого дела» царь предложил отложить «до утверждения нового университетского устава». 8 февраля 1884 г. дело рассматривалось в комитете министров с участием великих князей, причем четыре великих князя и десять сановников высказались против предложенной меры, а председатель комитета министров М. Х. Рейтерн и пять сановников, в том числе

---

[1] М. О. О. д. № 80 1899 г. Рапорт № 2048. «Министр В. Д. поручил передать, чтобы участие полиции в студ. волнениях ограничивалось исключительно пределами требований учебного начальства и чтобы были удалены только те, которых оно укажет»... (Трепов).

гр. Толстой и Делянов, — за эту меру. (Подробности на стр. 108—145 кн. А. И. Георгиевского). Дело было положено под сукно.

После большого движения 1899 г. старым проектом, разработанным во многих комиссиях, воспользовался С. Ю. Витте, чтобы дискредитировать своего соперника. Среди широкой публики временные правила 29 июля 1899 г. приобрели кличку «боголеповских». В действительности, автором проекта был С. Ю. Витте, о чем говорилось в нелегальной печати тотчас по издании правил, но что мало кому известно. «С. Ю. знал, что государь сочувственно отнесется к закону о повинности, потому что этого желал его отец, при котором эта мера уже обсуждалась», понимал, что тупой Н. П. Боголепов в своем рвении угодить царю ухватится за эту меру, и предвидел ее последствия. Еще при обсуждении проекта Победоносцева против отдачи студентов в дисциплинарные батальоны решительно высказывались военные, в том числе Ванновский.

«Государь созвал совещание из нескольких министров, на котором присутствовал и Николай Павлович [Боголепов]. Предварительно его величество дал прочесть всем присутствовавшим уже знакомую мужу записку Витте — без его подписи, но написанную его собственной рукой. Мера, предложенная в записке, прошла на совещании без возражений. Любопытно, что никто из присутствовавших министров не подозревал, кто был вдохновителем закона о воинской повинности, несмотря на то, что Витте во все время чтения записки толковал мысли автора. Когда тут же на совещании, в присутствии мужа, министр земледелия Ермолов спросил министра финансов: «Не знаете ли вы, Сергей Юльевич, кому принадлежит инициатива этого предложения?» — Витте отвечал, не сморгнув глазом: «Не знаю».

Поставив Боголепова в необходимость опубликовать «временные правила», Витте убил сразу трех зайцев: парализовал распространяемые Боголеповым сплетни о сочувствии министра финансов студенческому движению и его «преступном поведении» во время беспорядков, вызвал негодование среди прогрессивных слоев общества против Боголепова и вооружил против последнего влиятельные при дворе военные круги. «Меня стал тревожить, — рассказывает вдова Боголепова, — все возраставший в обществе ропот на опубликованные временные правила... Часто слышались возгласы, полные негодования: «какой позор отдавать студентов в солдаты!» Одни кричали, что это позор для студентов, другие — что это оскорбление для армии».

«Зародившаяся во время студенческих беспорядков 1899 г. «неприязнь» к министру народного просвещения, «стала расти и крепнуть с минуты узаконения ненавистной всем меры». Боголепов принужден был молчать, потому что в своем холопском усердии успел расшибить себе лоб, высказываясь в защиту правил, рекомендованных царем. «Понятно, Витте продолжал скрывать имя

вдохновителя нового закона о воинской повинности и, вместе с тем, попрежнему пользовался всяким удобным случаем, чтобы выставлять в невыгодном свете действия и распоряжения» Боголепова. Это было тем легче, что Боголепову пришлось лично составлять список студентов, подлежащих отдаче в солдаты уже в 1900 г. «Когда эту меру пришлось применять, — рассказывает вдова Боголепова, — муж стал догадываться, с какою коварною целью ее инициатор предложил ее государю... На Николая Павловича, применявшего «временные правила» и считавшегося их вдохновителем, должна была обрушиться вся злоба и ненависть недовольных» (Е. Б. — Н. П. Боголепов, «Записки», стр. 272 и сл.).

«Покойный Боголепов, — писал В. И. Ленин (Соч. т. V, 2-е изд., стр. 55), — попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, Николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства». В 1901 г. правила были применены к 183 киевским и 27 петербургским студентам, что вызвало, «такое глубокое негодование как в России, так и во всем цивилизованном мире», что их опять сдали в архив. Ко дню своей смерти Боголепов был уже конченым политическим деятелем. Уже к осени 1900 г. он заносил в свой дневник: «Ужасно, что я не верю в успешный ход моей деятельности». Несомненно, дело шло к отставке Боголепова, когда 14 февраля 1901 г. он был ранен выступавшим по личной инициативе социалистом-революционером студентом П. В. Карповичем. 2 марта Боголепов умер. Эта смерть образцового чиновника, очень мало отразившаяся и на жизни университетов и на развитии массового студенческого движения, была чрезвычайно рекламирована в заинтересованной прессе. На место Боголепова встал П. С. Ванновский, за ним — Н. Э. Зенгер, после — генерал Глазов, — и все они, в силу взятых на себя обязательств, возбудили ненависть, не меньшую, чем Боголепов. Потому что не министры предписывают линию политического поведения, а стоящие за ними классы и их выразители, часто остающиеся в тени. При всей своей определенности, политика Боголепова оказалась бессильной и задавить студенческое движение и дать ему другое направление, как и политика Делянова, Ванновского, Зенгера, потому что «власти не могли» уже остановить хода общественного развития.

При всей своей многочисленности московский пролетариат 1890-х годов не играл в общественной жизни Москвы той роли, которая соответствовала бы его количественному весу [1]. Нигде, как в Москве, либеральная политика Зубатова не оказала своего разлагающего влияния на рабочее движение. С середины 1890-х годов и до 1904 г. централизованного влиятельного аппарата

---

[1] Объективно уже тогда стоял вопрос о перерастании буржуазной революции в пролетарскую.

социал-демократической партии в Москве, можно сказать, почти не существовало. Об этом единогласно свидетельствуют и воспоминания деятелей той эпохи (Сб. «На заре рабочего движения в Москве», М., 1919 г.) и сохранившиеся документы (Доклады с.-д. комитетов 2-му съезду РСДРП. Гиз. 1930).

«Стихийное [же] рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает) только трэд-юнионизм, а трэд-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Участие рабочего класса в политической борьбе и даже в политической революции нисколько еще не делает его политики социал-демократической политикой» (В. И. Ленин, «Что делать?» Соч., т. IV, 2-ое изд., стр. 434—436).

Благодаря систематическому изъятию Зубатовым, образцово поставившим сыск, деятелей революционной социал-демократии,— в Москве, после ареста первых, стоявших на марксистской почве, социал-демократических организаций, до начала 1900-х годов получил большое влияние так называемый «экономизм», мелкобуржуазное течение, находившее себе почву в составе основной массы московского пролетариата, тесно связанной с мелкобуржуазным крестьянством. Проповедь «экономистов» послужила одной из причин расцвета либеральной «зубатовщины», в деятельности которой не случайно приняли участие как раз либерально-буржуазные профессора: И. Х. Озеров, А. А. Мануйлов, В. Э. Ден, А. Э. Вормс. А профессора С. Н. Трубецкой, П. Н. Новгородцев и др. пытались в 1902—1903 гг., при покровительстве Зубатова и Трепова, перенести методы московских администраторов и в студенческую среду. При таких внешне неблагоприятных обстоятельствах начался массовый прилив из рядов московского студенчества в ряды революционной социал-демократии.

Находившийся под влиянием богдановской теории «каст» М. Н. Покровский, высказал мнение (Русская история в самом сжатом очерке, ч. III, в. 1., изд. 1928 г., стр. 67—70), что касте интеллигенции присущ «ревизионизм», а в студенческой массе популярностью пользовалось «то, что впоследствии окрестили «легальным марксизмом».

«Легальный марксизм» — это ничто иное, как русское издание «брентанизма», — «то-есть либерально-буржуазного учения, признающего нереволюционную «классовую» борьбу пролетариата, что особенно ярко выразили русский писатель Струве и немецкий экономист Брентано» (В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, 2-е изд., стр. 335).

Если бы «студенчество» представляло из себя касту с единым интересом, как это кажется сторонникам богдановской теории, и знаменем этой касты являлся «легальный марксизм», в таком случае проникновение в известный слой московского студенчества 1897—1901 гг. идей революционной социал-демократии нужно было бы признать одним из тех чудес, перед которыми наука

пассует. И сторонику «ползучей общественной теории» А. А. Богданова, видоизмененной М. Н. Покровским, осталось бы воскликнуть вслед за Б. Н. Чичериным (История политических учений, т. V, стр. 227): «Влияние Маркса в современном мире представляет, можно сказать, самый колоссальный пример человеческой глупости, какой встречается в истории мысли».

О влиянии идей марксизма через доступную массе литературу говорить не приходится. Только полное игнорирование действительности позволило М. Н. Покровскому написать такие строки (стр. 67): «Идеологией студенческих кружков середины 90-х годов был марксизм, — «Капитал» был настольной книгой среди руководителей московских землячеств с 1887 года». О землячествах и их руководителях сказано выше. «Капитал» читали единицы уже потому, что до конца 1890-х годов книга эта была библиографической редкостью. Что касается популярной марксистской литературы, то сам М. Н. Покровский справедливо пишет там же: «Русский революционный марксизм, т. е. пропаганда группы «Освобождение труда», доходил в эти кружки, как и вообще в России, очень плохо». Какую-нибудь одну — две брошюрки заграничного издания получали редкие счастливцы, да и то это были издания «Фонда Вольной Русской Прессы» или толстовцев. Воспитывалось студенчество на толстых журналах либерального («Вестник Европы», «Русская мысль») и радикального («Мир божий», «Русское богатство», «Образование», «Научное обозрение») направления, где надо было выкапывать статьи подцензурно-марксистского направления, к чему надо было иметь склонность. Вот эту склонность выкапывать марксистские идеи из вороха либеральных и буржуазно-радикальных статей, которую обнаружил целый слой студенчества, и бессильна объяснить школа Богданова.

С начала 1890-х гг., раньше начала массового стачечного движения русского пролетариата, многие десятки революционной молодежи двинулись в рабочий класс, как их отцы 1870-х годов двинулись «в народ». «Долгая, невидная работа руководства всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, работа созидания прочной, выдержанной партии предшествовала взрыву действительно массовой борьбы и обеспечила условия превращения этого взрыва в революцию», — писал В. И. Ленин (Соб. соч., т. VIII, стр. 493).

Вульгарное объяснение этому общественному явлению находим у М. С. Александрова: общественный подъем начала 1890-х годов связан с неурожаем 1891 года. «Массовые известия о широко разлившемся голоде несколько всколыхнули спавшую интеллигенцию», — писал в 1906 г. М. С. Александров («Былое», 1906 г., № 11, стр. 13—14). Эту версию вместе с М. С. распространяли очень многие. Но неурожаи в России — явление обычное. С 1880 по 1891 г. в Среднем Поволожьи на четыре урожайных года приходится семь неурожайных, причем в 1886 г. был «неурожай,

почти голод». «Спавшую интеллигенцию» он не всколыхнул. Не всколыхнул и голод 1891 г. Так называемая «лучшая» русская интеллигенция, по свидетельству современника социал-демократа, «спокойно обсуждала меры необходимой помощи», а интеллигенция, защищавшая узкие интересы землевладельцев и промышленников, поспешила воспользоваться крестьянским бедствием для защиты самых своекорыстных интересов представляемых ею классов (Г. В. Плеханов «Всероссийское разорение»). Социал-демократическую интеллигенцию, указывающую на недостаточность филантропических мер для борьбы с голодом в России, ее противники запальчиво обвиняли в равнодушном отношении к народному бедствию, и лишь одна либерально-народническая интеллигенция, находившаяся в плену у «мещанской теории о «царе-голоде», как вожде революций», задним числом начала придавать незаслуженное значение неурожаю 1891 г. Против мнения М. С. Александрова возражал в своей «Русской истории с древнейших времен» еще М. Н. Покровский (изд. 7-е, 1925 г., т. IV, стр. 278) справедливо указывая на «ряд проявлений рабочего движения раньше 1891 г».

«Те формы, — говорит М. Н. Покровский, — в которые постепенно отлилось движение — «легальный марксизм», с одной стороны, нелегальные «союзы борьбы за освобождение рабочего класса», с другой, — никакой, ни внутренней, ни внешней, связи с крестьянской бедой 1891 года не имели. Наконец, неверно и утверждение автора, будто крестьянского разорения до этого года никто, кроме «профессиональных ученых» не замечал: мы видели, что, напротив, вся революционная программа 70-х годов была построена на предполагавшемся разорении. И, тем не менее, автор выражает мнение подавляющего большинства своих современников, русских интеллигентов, переживших сознательно 1891 год. Это была своего рода массовая галлюцинация, лишний раз подтвердившая безраздельное господство народнической идеологии в предшествующие непосредственно годы. Так привыкли представлять себе, что всякое революционное движение должно итти из деревни, что не могли отрешиться от этой исходной точки даже став самыми ортодоксальными марксистами в Европе».

Документы, напечатанные в книжке «От группы Благоева к «Союзу Борьбы» (Гиз. 1921 г.) и позднее опубликованные материалы, с несомненностью устанавливают, что причиной революционного подъема 1890-х гг. было изменение общественных отношений и выросшее на этой почве классовое движение пролетариата. Эти материалы дают возможность понять следующие строки Г. В. Плеханова, написанные им еще в 1892 г. (Соч., т. III, стр. 383). «Пролетариат в сравнительно очень короткое время расшатал все «основы» западно-европейского общества. В России же его развитие и политическое воспитание идет несравненно скорее, чем шло на Западе. В России пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь.

В какие-нибудь десять — двенадцать лет он изменился до неузнаваемости»... «Россия девяностых годов оказывается гораздо более созревшей для революции, чем была Россия семидесятых годов в самый сильный разгар тогдашнего революционного движения».

Молодое поколение пролетарской интеллигенции, — а она, как мы показали, неизбежно вербовалась из детей «третьего элемента в силу социального бытия последнего, — начинало жить в эпоху не «язвы пролетариатства» — наглой и не встречавшей организованного отпора эксплоатации рабочего класса, как разночинцы 1860—1870 гг., в эпоху первых организованных выступлений российского пролетариата, имея перед глазами пример того, к каким успехам приводят такие выступления, в деятельности германской социал-демократии. Именно успехи немецких рабочих давали главный материал для пропаганды и агитации первых русских социал-демократов 1890—1900-х гг. Это известно всем, кто начал свою революционную деятельность в этот период.

Не будь в наличии объективных причин, заложенных в общественном бытии «третьего элемента», никакое чтение «Капитала» не побудило бы известный слой университетской молодежи итти в рабочий класс в качестве организаторов, пропагандистов и агитаторов и связать свою судьбу с судьбою пролетариата.

Новое поколение, новый слой интеллигенции выступил с новой программой и в студенческом движении, безжалостно разрушив все старые его традиции. Десятилетие 1894—1904 гг. наполнено упорной борьбой нового со старым: либерализма с его «академической» программой и социал-демократии — с ее «политической». Между этими двумя основными течениями безнадежно колебались различные мелкобуржуазные группировки, давая победу то одному, то другому направлению, в зависимости от того, насколько социал-демократические фракции и пролетарское студенчество сами порывали с прошлым. Борьба была длительная, страстная и упорная, полная драматических моментов.

«Партии рабочего класса, — писал В. И. Ленин (Соб. соч., т. XII, ч. 2, стр. 284), — везде в Европе складывались, высвобождаясь из-под влияния общедемократической идеологии, научаясь отделять борьбу наемных рабочих с капиталом от борьбы с феодализмом, между прочим, именно ради усиления этой последней борьбы, ради освобождения ее от всякой шаткости и робости»...

...«Тем менее можно удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно-сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии. Надо удивляться скорее тому, какой сильный отпечаток успело уже наложить европейско-капиталистическое развитие России, вопреки ее азиатскому политическому строю, на политическую группировку общества» (Соч., т. V, 2-е изд., 356).

ГЛАВА IX

ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ СТУДЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1890-х ГОДОВ

«Чистка» университета от «неблагонадежных элементов», которой сопутствовались беспорядки 1890 года и «Шелгуновская» демонстрация, выбила из строя значительную часть радикального студенчества, и оно в течение двух лет не показывалось «на улице», — говорит Л. П. Меньщиков (т. 1, стр. 173). Всего, по данным доклада московских профессоров (стр. 2), уволено было из Московского университета в 1890 и 1891 гг., по постановлению правления, 468 студентов, и «вследствие ареста и административной высылки» — 127, в итоге — 595 студентов, т. е. было исключено подавляющее большинство радикального студенчества; понятно поэтому, что следующие годы прошли сравнительно тихо и мирно. Во главе предшествующих движений, как мы видим, стоял не Союзный Совет, а различные революционные кружки, которые и были ликвидированы во время движения.

С приливом в университет «третьего элемента» стал меняться состав Союзного Совета, а вместе с тем меняться его направление: он все решительнее стал втягиваться в общественную жизнь; в списке его членов стали появляться имена социал-демократов: В. Г. Громана, А. Е. Лосицкого, И. Т. Павлицкого, Б. В. Авилова, А. Р. Бриллинга, Н. Н. Вашкова, А. А. Малиновского, В. Г. Михайловского и т. д.

В 1892 г., в виду неблагоприятно сложившейся конъюнктуры в борьбе его с попечителем гр. Капнистом и либеральной частью профессуры, подал вторично в отставку ректор Н. П. Боголепов, занявший ректорский пост в 1891 г., после того, как заручился обещанием со стороны Капниста «постоянной поддержки» в борьбе с «Союзным Советом» и земляческими организациями. Профессора медицинского факультета, которые почтили и Г. А. Захарьина, поднесли Н. П. Боголепову адрес. Подписавшим адрес профессорам было послано следующее гектографированное заявление: «По по-

воду событий, имевших место 4, 5 и 6 дек.[1], союз 22 землячеств считает долгом заявить вам следующее:

«Лучшие начала и традиции Моск. унив. за все время его существования заключались в том, что профессорская корпорация и студенчество представляли собой не две обособленные группы, способные даже враждебно сталкиваться, а единое целое, связанное общими интересами.

«Теперь профессора первые разорвали эту связь: они объявили пред лицом всего общества свою полную солидарность и сочувствие «выдающемуся трудолюбию Н. П. Боголепова», выказанному им «в проведении нового Устава в жизнь университета при очень трудных обстоятельствах»; они поставили ему в «неоцененную заслугу» то, что он явился ревностным сторонником и исполнителем этого Устава, превратившего университет из ученого и воспитывающего учреждения в какой-то полицейско-бюрократический орган.

«Это заявление не может быть оправдано никакими обстоятельствами. Союз 22 землячеств свидетельствует, что анонимные письма, полученные ректором, являются чем-то случайным, неизвестно от кого исходящим и ни в каком случае не выражающим настроения студенчества[2]. Последнее, хотя вообще и недовольно ректором, однако терпеливо ждало, не изменится ли его поведение к лучшему. Но странная история, поднятая Боголеповым из-за анонима, поспешная просьба профессоров, чтобы он остался на своем посту, и особенно мотивировка этой просьбы действительно произвели возбуждение студенчества и глубоко возмутили всех нас. Мы с своей стороны: 1) решительно высказываемся против допускаемого гг. профессорами смешения «справедливости» с «законностью» и «принципиальности» с «прямолинейной формалистикой»; 2) не отрицаем заслуг Боголепова, но думаем, что он оказал их не студенчеству

---

[1] 3 декабря 1892 г. 74 профессора всех факультетов, кроме медицинского, подали Н. П. Боголепову адрес (отказался его подписать В. В. Марковников, и даже написал: «совершенно не согласен»), где подписавшиеся выражали «горячее сочувствие» деятельности Боголепова и «единодушно просили» его «не покидать трудного и ответственного поста в интересах дорогого вам университета». 4 декабря члены медицинского факультета в полном составе явились на квартиру к Боголепову, просили его остаться и подали письменное заявление, подписанное 38 лицами, содержание которого видно из протеста Союза 22 землячеств. Боголепов взял отставку обратно и оставил ректорство с осени 1893 г.

[2] В течение 1892 г. Боголепову было прислано несколько анонимных писем «с угрозами и дерзостями». Перед студенческим концертом Боголепов получил анонимное письмо, в котором ему угрожали нанесением пощечины на концерте. «К нему приехал А. И. Чупров и просил не появляться на концерте». Боголепов наотрез отказался исполнить его просьбу. «Тогда Союзный Совет организовал ему охрану на концерте». «Самозванные защитники дерзко заявили» Боголепову, что они защищали не его, которому они не сочувствуют, а ректора. «Кара виновных, прибавили они, повлекла бы за собою беспорядки». (Записки Е. Б., стр. 75—76).

и профессорам, а начальству, которое со временем их и «оценит»; 3) не можем признать «внимания ко всем нуждам университета» у человека, который своей знаменитой фразой «о размножении ученого пролетариата» высказывал полное невнимание к настоятельной потребности своей родины в интеллигентных людях; 4) отрицательно относимся к деятельности Боголепова как ректора «в трудные минуты университетской жизни», и наконец, 5) сомневаемся, чтобы ректорство Боголепова при его бестактном поведении гарантировало «спокойное и здоровое течение университетской жизни».

«Ожидая, в чем выразится, М. Г., обещанное вами Боголепову «содействие деятельности его как ректора», мы считаем себя вынужденными смотреть на вас впредь не более как на чиновника, и заявляем вам, что своими поступками, вызвавшими столь лестное одобрение «Московских Ведомостей» (№ 339), вы наложили на себя позорное пятно, которое долго не смоется.

Союз 22 землячеств».

Как ни умеренно по содержанию это заявление, как ни «либерально»-ограниченно признание за «лучшие начала и традиции» несуществующего единения студенчества и профессуры, — самый факт обсуждения и публичной оценки общественной роли профессоров знаменовал собою изменение политики Союзного Совета, что и было отмечено администрацией, возмутившейся «судом над профессорами и начальством» со стороны студентов (Журнал М. Н. П., июль 1901. Краткий обзор деятельности М. Н. П., стр. 57); Н. П. Боголепов никогда не мог простить студентам оценки его деятельности.

Действовавшая при союзе землячеств судебная комиссия кроме разбора мелких дел, которые перечислены в книжке С. П. Мельгунова (стр. 32) [1], касавшихся обсуждения поступков отдельных студентов, занялась оценкой общественной роли профессоров. Наиболее интересными являются дела профессоров В. И. Кузьмина, Л. Е. Владимирова и И. И. Янжула, далеко выходящие за академические рамки.

Профессор В. И. Кузьмин шел по стопам Г. А. Захарьина, но, не обладая ни тенью талантов последнего, чтобы нажить себе состояние, пустился на мелкие плутни и мошенничество: делал сам себе рекламу в газетах, беззастенчиво клеветал на своих соперников, желая отбить у них пациентов, в том числе на проф. Склифа-

---

[1] 1. Шпионство и доносы (5 дел за 1893—94 гг.); 2. Внутренние дела организации (5); 3. Злоупотребления стипендиями и пособиями лиц, не принадлежащих к землячествам (6); 4. Дела, компрометирующие студенчество, как общественную силу (4); 5. Преступления против общественной нравственности (18); 6. Ложные показания на суде (1); 7. Ссоры и дрязги (4); 8. Убийство (6); 9. Мошенничество (4); 10. Преступления против чести женщин (2); 11. Недобросовестное отношение к обязанностям (1).

совского, которому был многим обязан, прерывал лекцию, чтобы усадить в карету влиятельную пациентку, крал инструменты, чтобы оборудовать собственную лечебницу, в своих лекциях и докладах приводил мнимые цитаты несуществующих авторов и учил с кафедры, как затягивать лечение, чтобы вышибить деньгу из пациентов. Наконец, в доле с фельдшером клиники Сергеевым открыл негласную ссудную кассу и стал заниматься ростовщичеством. Один из векселей, полученных фельдшером Сергеевым, попал в сыскную полицию, началось следствие, которое повело к увольнению Сергеева из клиники, а дело было замято, «что было сделано, конечно не для Сергеева», — писала Судебная комиссия. По настоянию нескольких членов, в хирургическом обществе был поднят вопрос об исключении из него проф. Кузьмина, Кузьмин пытался сорвать обсуждение этого вопроса, а когда это не удалось, вручил председателю письмо, заключавшее заявление об его выходке из Общества, которое, вместо преследования прямых, научных задач, вмешивается в частную жизнь своих членов, и предупредил таким образом обсуждение неприятного для него вопроса».

Как обнаружила судебная комиссия, еще за 8 лет до этого Кузьмин втерся в детскую больницу «против желания всех служивших там и поэтому никто из товарищей не подавал ему руки, а «два года тому назад, рискуя своей карьерой, вышли из клиники Кузьмина ассистент и 4 ординатора, считавшие службу у него невозможной для порядочных людей».

«Судебная комиссия считает необходимым, — говорилось в заключительной части «приговора», изданного на гектографе, — обратить особенное внимание на эти случаи коллективного протеста, очень редкие при общераспространенном у нас индиферентизме к нравственным вопросам, и вызванные очевидно тем, что нравственные качества Кузьмина не удовлетворяют требованиям даже современного, очень низкого, среднего уровня нравственности».

Дело по обвинению проф. Кузьмина в ростовщичестве разбиралось попечителем и было замято только потому, что Кузьмин был «верноподданным» и на этой почве имел высоких покровителей. «Профессора, ознакомившиеся из оправдательной резолюции попечителя со всеми деталями дела, почти все остались при убеждении в виновности Кузьмина».

Не вмешайся Судебная комиссия, Кузьмин продолжал бы свою деятельность в Москве. Но Судебная комиссия нашла, что «Кузьмин с его беспринципностью, недобросовестным отношением к науке и преподаванию и открытой проповедью легкой наживы способен только развращать и своих ближайших сотрудников и студентов занимающихся под его руководством», что он «не терпим в порядочном обществе, а тем более в профессорской корпорации, на университетской кафедре, а потому постановила:

1. Факты, доказывающие виновность Кузьмина, предать возможно широкой гласности.

2. Всеми мерами добиваться удаления Кузьмина из университета».

Кузьмин перешел в Казанский университет.

Если при известной слепоте можно еще считать дело В. И. Кузьмина «академическим», то без самого недобросовестного отношения к фактам нельзя свести к академическим ни дела профессора Янжула, ни дела приват-доцента Владимирова.

Дело профессора И. И. Янжула заключалось в следующем. В 1892 г. Союзный совет постановил праздновать 19 февраля прекращением лекций в университете. День 19 февраля, официальная дата освобождения крестьян от крепостной зависимости (1861 г.), так же, как и устав 63 г., был рекламирован либеральною частью буржуазии, так как служил и подтверждением и выводом из «формулы прогресса» «В. В». День этот служил поводом для либеральной прессы подсказать правительству путь, которому оно должно следовать, чтобы вывести Россию на путь мирного развития. На непрошенные советы русское правительство отвечало предупреждениями и карами. «Крестьянская реформа довольно откровенно признавалась в известных кругах роковой ошибкой. Смерть Александра II изображалась трагическим, но естественным результатом этой ошибки, и самая память «Освободителя» становилась как бы неблагонадежной» (В. Г. Короленко, «Эпизод»).

Таким образом, день 19 февраля стал символом либеральной оппозиции, а непосещение лекций в этот день выражением протеста против правительственной политики.

В 1893 г. осуществить на практике постановление Союзного совета не удалось. Однодневная забастовка протеста в день 19 февраля не прошла. «На следующий год по этому поводу велась усиленная агитация, увенчавшаяся полным успехом, — лекций почти нигде не было. На этой почве и разыгрался инцидент с проф. Янжулом» (С. П. Мельгунов. Студ. организации 80—90 гг., стр. 40). Как и к многим другим профессорам, 18 февраля к проф. Янжулу приходили студенческие депутаты и несколько раз убеждали его не читать лекции на следующий день. Но друг Н. П. Боголепова и В. К. фон-Плеве, конечно, был далек от мысли устраивать противоправительственную демонстрацию. И. И. Янжул, по слухам, принял депутатов крайне грубо, сравнивал предлагаемый способ демонстрации с «показыванием кукиша в кармане» и объявил, что на следующий день нарочно будет читать лекцию о квартирном налоге, т. е. о том, чего в печатном курсе нет, грозил экзаменами и т. п. «Я решительно не согласился на просьбы студенческих депутатов, — рассказывает сам И. И. Янжул (Воспоминания, вып. 2, стр. 20—21), — назвал положительною нелепостью праздновать великое событие 19-го февраля ничегонеделанием и не согласился пропускать в этот день свою лекцию ради демонстрации ввиду правительственного распоряжения. Я предложил вместо этого собрать пожертвование на основание народной читальни: в это время

как раз императорское вольноэкономическое Общество предлагало для такой цели свое посредничество, и я сам первый заявил желание пожертвовать сто рублей, но все было тщетно, и в результате получился скандал на лекции».

На лекцию Янжула явилось до 100 студентов юристов и не юристов; большинство встретило его свистом и шиканием, часть аплодировала; затем, все, за исключением 20 человек, с шумом оставили аудиторию; часть была переписана инспекцией и подверглась наказанию: семеро было приговорено к отсидке в карцере, трое — к строгому замечанию [1].

«Это распоряжение, — пишет Л. П. Меньщиков (т. 1, стр. 224—225), — учебного начальства вызвало брожение в среде студентов; на 21-е февраля была назначена сходка; обер-полицеймейстер запасся двумя эксадронами жандармов. Но «беспорядков» не произошло: Союзный совет (39-ти землячеств) ограничился выпуском прокламации, в которой осудил Янжула за то, что он читал лекцию 19-го февраля, хотя студенческая депутация просила его, ввиду решения чествовать освобождение крестьян, последовать примеру других и отпраздновать этот день. В то же время судебная комиссия Союзного совета отправила ректору университета письмо с заявлением, что она вполне солидаризуется с демонстрантами, освиставшими проф. Янжула».

Чтобы примирить студентов с И. И. Янжулом, популярные профессора А. И. Чупров и Ф. Ф. Эрисман собирали у себя студентов и старались их успокоить, объясняя поведение Янжула его неведением об общем постановлении Союзного совета насчет празднования 19-го февраля. «Большинство моих приятелей и друзей, — говорит Янжул (стр. 21) — относилось равнодушно к случившейся со мной неприятности и несправедливости, и у многих я даже читал в глазах неодобрение моей настойчивости и корректности»[?]...

Дело было передано следственной комиссии, которая допрашивала Янжула. «О приезде этих самозванных судей, — говорит в своих записках Е. Б. (стр. 84), — предупреждал обвиняемого профессор Ф. Ф. Эрисман (что заставляет предполагать его сношения с Союзным советом). В свое оправдание Янжул сказал, что не признал в явившихся к нему 18-го февраля студентах депутатов от всего курса и ссылался еще на свою глухоту, благодаря которой он многие требования студентов не расслышал».

Судебная комиссия, рассмотрев данные, представленные следственной комиссией, и под влиянием уговоров А. И. Чупрова и Ф. Ф. Эрисмана, вынесла мягкий приговор, признав: «1) что проф. Янжул в своем заявлении о том, что будет читать лекцию 19-го

---

[1] По данным Л. П. Меньщикова. Прокламация «Группы студентов-радикалов» говорит о 13-ти товарищах, которым «был вынесен обвинительный приговор за агитацию в пользу празднования 19-го февраля».

февраля о квартирном налоге, не имел ввиду оказать давление на студентов; 2) что Янжул до прихода депутатов не знал о желании большинства студентов не приходить 19-го; 3) что Янжул не смотрел на студентов П. и Р. как на представителей курса; но в то же время комиссия видит в насмешке Янжула, направленной по адресу желавших праздновать 19-е февраля непосещением лекций, небрежное и оскорбительное отношение к студентам... Считая в общем инцидент до известной степени недоразумением, комиссия ограничилась принципиальным постановлением: «публичные возражения на мнения, которые не могут быть публично защищаемы, предосудительны; профессор не имеет нравственного права относиться свысока и презрительно к студентам в аудитории» (Мельгунов, стр. 41), «и потому его небрежное оскорбительное поведение должно быть предано широкой гласности» (Е. Б. Записки, стр. 84). «История с профессором Янжулом,— говорит в примечании Е. Б.,— была описана в лондонском журнале «Russian free press fund» (25-го июля 1894 года) (очевидно, в издаваемом фондом вольной русской прессы журнале «Free Russia»), который редактировался Степняком, убийцей Мезенцова. Из этого видно что студенческий союз имел связь с революционерами».

Мягкий приговор и поведение в деле И. И. Янжула Союзного Совета вызвали возмущение против него со стороны радикалов.

«Группа студентов-радикалов» в упоминавшейся прокламации писала: «Уже назначенная сходка не состоялась благодаря полицейским мероприятиям Союзного Совета, который вместо протеста предложил нам послать к инспекции какую-то любовную записку». «Нам дали пощечину... И вот те, которым мы до сих пор доверяли, нас малодушно успокоили и дали позорный совет лишь расписаться в получении»... «Время не утеряно, а молчать нельзя; надо протестовать».

«О настроениях, господствовавших в это время среди студенчества, дает верное представление письмо (перлюстрированное департаментом полиции) Н. Величкина, который 11 марта 1894 года писал сестре Вере[1] в Цюрих: «мы теперь очень политичны стали, хотим в тишине сплотиться, окрепнуть, создать необыкновенный союз, не выходить из рамок, определенных большинством, на время и без особенно резких случаев не буянить, не тратить сил на зайцев, а сразу медведя убить».

«Студента, — продолжал Величкин, — не заберешь только за то, что он земляк — тогда явятся 2.000 и заявят, что и они земляки. В землячества сыщики попадали, в 1889 году удалось весь С. С. арестовать, а он возродился. История с Янжулом не кончилась. С. С. решил сходок не устраивать; «радикалы» говорят, что мы вошли в стачку с полицией».

---

[1] В. М. Величкина-Бонч-Бруевич, видный член РСДРП(б), член первой коллегии Наркомздрава (1868—1918).

«Из заключительной фразы письма Величкина,—справедливо говорит Л. П. Меньщиков, — мы видим, что уже и в то время разногласие, существовавшее в среде передового студенчества между двумя его фракциями академистов — оппозиционеров и социалистов, отстаивавших революционные методы действия, заставляло себя чувствовать. Под «радикалами» автор письма разумел, конечно, таких своих коллег, которые, как В. А. Жданов, Д. П. Калафати, А. Н. Винокуров и др. сторонники «классовой борьбы», выступали против участия в студенческих «беспорядках».

Интересно, что сам Н. Величкин, спустя два года, оказался в числе «радикалов» и был арестован во главе «Московского Рабочего союза». (Меньщиков, т. 1, стр. 225).

Таким образом, дело И. И. Янжула носило общественно-политический характер, но «политика» различных студенческих групп была неодинакова.

Совсем не академический характер носило дело Л. Е. Владимирова.

«Находя необходимым оставить Харьковский университет, — говорилось в приговоре Судебной комиссии, — проф. Владимиров переехал в Москву и в начале текущего [1894—1895 академического] года объявил, что открывает в качестве приват-доцента «Курс философии уголовного права». Однако, прошлое г. Владимирова, известное студенчеству по таким процессам, как дело ростовщика Кравцова и земского начальника Протопопова, вызвало со стороны студентов протест, чуть было не выразившийся в крайне резкой форме. Вследствие этого Союзный Совет послал к Владимирову депутатов с предложением, ввиду могущей произойти демонстрации, отложить чтение лекций до того времени, пока не выяснится отношение к нему студенчества. Сам же Союзный Совет внес это дело в Судебную комиссию».

В распоряжении Судебной комиссии оказались и печатные материалы и свидетельские показания: нашумевшее в свое время дело земского начальника Протопопова было описано и разобрано в «Русских Ведомостях» и «Вестнике Европы»; по делу ростовщика Кравцова имелась речь из сборника речей Владимирова; о предосудительной деятельности Протопопова говорил в своей лекции проф. М. В. Духовской, высказывая отрицательный взгляд на институт земских начальников; остальные сведения о Владимирове студенты получили от В. А. Гольцева, который просил харьковского профессора В. П. Даневского доставить ему подробную характеристику деятельности Владимирова для студентов.

«Перед разбором дела председатель предложил на обсуждение комиссии следующие вопросы:

«1) Имеет ли право Союз принять меры против вредного влияния профессоров на студентов? (все согласились). 2) Считает ли судебная комиссия проповедуемые с кафедры ретроградные идеи вредными? (все согласны). 3) Имеет ли право союз при настоя-

щих обстоятельствах по отношению к такому профессору употребить силу, как крайнее средство? (согласны, кроме 2). Разрешив указанные вопросы, комиссия приступила уже к рассмотрению самого дела» (Мельгунов, стр. 42).

«По обсуждении собранных о профессоре Владимирове сведений, Судебная комиссия пришла к следующему:

«До 1885—86 гг. Владимиров и в своих лекциях и в своих речах стоял за полную состязательность процесса, за защиту на предварительном следствии и за выборную мировую юстицию. Но чем более выяснялось реакционное направление прошлого царствования, тем полнее совершался переворот в мнениях г. Владимирова. В актовой речи, относящейся к этому времени, профессор резко высказывается за право председателя и прокурора обрывать защитника требованием «защищать по существу». В 1888 г. он уже с кафедры требует «обуздания» мировой юстиции, а в 1889 г. определенно высказывается за замену ее административно-сословным судом. Наконец, в 92 г., несмотря на протест профессорской корпорации, Владимиров берет под свою защиту земского начальника Протопопова. Это дело, облетевшее в свое время всю Россию и вызвавшее справедливое негодование и в обществе и прессе, дает много для обрисования нравственных убеждений профессора-защитника. Уже один тот факт, что профессор права берется за защиту насилия и бесправия, достаточно рельефен для характеристики разборчивости и нравственной чистоплотности Владимирова. По показанию свидетелей, Владимиров взялся за это дело из желания угодить администрации и тем обеспечить себе карьеру. Сам же Владимиров объясняет свой поступок тем, что его собственно просили защищать Протопопова, как его бывшего ученика; кроме того, он считает для юриста нравственно обязательным браться за всякое дело, подобно тому, как доктор должен итти на помощь ко всякому больному. И нужно отдать справедливость последовательности г. Владимирова: «не было громкого, грязного, но гонорарного процесса, говорит один свидетель, в котором не фигурировал бы Владимиров». Как на выдающийся пример, указать можно на дело ростовщика Кравцова, известного грабителя юга России (см. «Очерки русской жизни» Шелгунова в журн. «Русская Мысль» 89 г., май), уже приговоренного к ссылке одним составом суда и вновь защищавшегося Владимировым. По поводу этой защиты Кравцов громко заявлял, что Владимиров много с него содрал, а скверно защищал. На корыстном характере защиты настаивает и свидетель. Появившееся в газете «Южный край» заявление о безвозмездности защиты он решительно считает результатом сделки «Края» с Владимировым. В своей протопоповской речи, объясняя, что оскорбительные выражения, с которыми Протопопов постоянно обращался к крестьянам, есть только «façon de parler» человека, постоянно вращающегося среди мужиков, доказывая, что кулачная расправа, карцеры и аресты без протоколов есть только

оскорбление, а никак не превышение власти со стороны правительственного чиновника, за которого все, и жалобы за которого, по его же словам, «будут на морде, а прошения — на задней части тела», — во всем этом Владимиров является или совершенно беспринципным человеком, «слишком с большою легкостью жонглирующим самыми дорогими для человека правами», или ярым защитником реакционной теории обуздания. Мало того, отлично понимая всю беззащитность могущих появиться оппонентов, Владимиров делает возмутительную передержку, говоря, что «основная задача земских начальников именно отвечает тому общему ходу развития современной идеи государства, который, по европейским воззрениям на государство, составляет последний шаг вперед». И в этом виден реакционер, пользующийся не совсем удобным временем и местом для проведения идеи правительства.

«Ведя последние 8—10 лет множество дел, Владимиров совершенно забросил свои научные занятия. Указывают на следующие характерные факты: на вопрос студентов о сочинениях Таганцева и Фойницкого он заявил, что не читал да и не будет читать их. В том же духе отзывался и на экзамене в присутствии нескольких профессоров; он же и заявлял, что считает лекции «учреждением совершенно бесполезным». Недобросовестное отношение Владимирова к делу побудило большинство студентов обратиться к другому профессору с просьбой открыть параллельный курс гражданского и уголовного права. На основании вышеизложенного Судебная комиссия считает доказанным: 1) что Владимиров проповедует реакционные идеи как беспринципный карьерист; 2) что берется за защиту заведомо грязных дел; 3) что он недобросовестный профессор.

«Исходя из того, что: 1) проповедь реакционных идей профессором окажет деморализующее влияние на студентов; 2) что защищать заведомо грязные дела несовместимо с званием профессора; 3) что профессору, недобросовестно относящемуся к своему делу, не должно быть места в университете, — *Судебная комиссия постановила: не допускать г. Владимирова в Московский университет*».

В полностью приведенном здесь постановлении Судебной комиссии нет и следа академических мотивов. С каждым новым делом Союзный Совет, под влиянием радикальных групп, принужден был все более и более разбивать академическую скорлупу, в которую замкнулись его предшественники, и выходить на общественную арену. Тем более эта тенденция должна была сказаться, когда Союзный Совет был поставлен лицом к лицу с событиями международного масштаба. А поскольку это происходило, постольку Союзный Совет становился на политическую почву, он подпадал под статьи действовавших законов, которые всякое вмешательство граждан в правительственную политику признавали государственным преступлением. На этой почве возникли события конца 1894 года, вызвавшие репрессивные меры против союзной организации.

В 1891 г. французская эскадра, — военный флот, как известно, является самым влиятельным дипломатом, — посетила Кронштадт. В 1893 г. с ответным визитом отплыла во Францию русская эскадра. Прибытие ее в Тулон послужило поводом к пышным торжествам, долженствовавшим демонстрировать дружбу «двух народов». Это событие нашло отклик в университетах.

В Петербурге «пировали в конце октября 1893 г. у Палкина студенты-юристы и под пьяную руку набросали телеграмму от студентов-юристов в парижскую Ecole de Droit. Но в чаду винных паров это показалось мало, и составители задумали грандиозный план послать коллективную телеграмму от «всех» студентов Петербурга всем студентам Парижа». Собралась по этому поводу сходка, конечно главным образом из «патриотов», и началось обсуждение всеми сразу формы телеграммы. Одни горланили: «надо послать только от русских студентов»; другие вопили: «и прибавить: долой поляков, немцев и жидов»; третьи, сливая слово с делом, тут же бросились на своих товарищей других национальностей и пытались гнать их вон со сходки. Сходка расстроилась окончательно, когда пробравшиеся радикалы предложили: «если уж послать телеграмму, то не упоминая ни словом о царе, а лишь о моряках и русском народе, которого, мол, французы чтили в лице моряков. Тогда послышались возгласы: изменники; к носу радикалов стали подносить кулаки, и поднялся такой невозможный шум, что собранию пришлось разойтись, ничего не порешив».

«Когда московским студентам «патриотам» удалось-таки состряпать к французам коллективную телеграмму, то против этого поднялся протестующий голос «Союза землячеств»... «Эта студенческая организация выпустила нижеследующую прокламацию:

«Недавно кучка московских студентов-юристов, с инспекциею во главе, взяла на себя смелость говорить от лица всего московского студенчества по поводу Тулонских празднеств. Мы, представители союза землячеств, самым решительным образом протестуем как против самозванства этой кучки, так и по существу против происшедшего между нею и французскими студентами обмена приветствий.

«Мы тоже смотрим с горячею любовью и глубоким уважением на Францию, но мы смотрим так на нее потому, что видим в ней великую державу, которая прежде постоянно являлась для всего мира глашатаем и провозвестником великих идеалов свободы, равенства и братства, которая была первою в деле отважных попыток воплощения в жизнь этих великих начал; и лучшая часть русской молодежи всегда была готова приветствовать Францию, как передового воина за лучшее будущее человечества. Но мы не считаем такие празднества, как кронштадтские и тулонские, подходящим поводом для подобных приветствий. Напротив того, эти празднества знаменуют собою печальное, но, надеемся, временное явление, — измену Франции своей прежней великой исторической

роли: страна, призывавшая когда-то весь мир разбить оковы деспотизма и предлагавшая свою братскую помощь всякому народу, восставшему за свое освобождение, — теперь воскуряет фимиам перед русским правительством, которое систематически тормозит нормальный органический и живой рост народной жизни и беспомощно подавляет, не останавливаясь ни перед чем, все стремления русского общества к свету, к свободе и самостоятельности.

«Тулонские манифестации есть один из актов той драмы, которую представляет созданный Наполеоном III и Бисмарком антагонизм между двумя великими нациями: Францией и Германией. Этот антагонизм держит всю Европу под ружьем и делает вершителем политических судеб мира русский абсолютизм, всегда бывший опорой произвола и деспотизма против свободы, эксплоататоров против эксплоатируемых. Чувство боли за свою страну, сожаление о слепости значительной части французского общества — вот какие чувства вызывают в нас эти празднества.

«Мы вполне убеждены, что молодое поколение Франции не увлекается национальным шовинизмом и, готовое бороться за тот лучший строй, к которому идет человечество, сумеет отдать себе отчет в настоящих событиях и отнесется к ним надлежащим образом; мы надеемся, что наш горячий протест найдет себе сочувственный отклик в сердцах французской молодежи.

Союзный Совет 24 объединенных московских землячеств».

Экономические интересы оказались сильнее декларации. Во Франции против союза с восточной деспотией выступали крайние левые; в России против союза с республиканской Францией кричали крайние правые, во главе с кн. Мещерским, в медовый месяц «русско-французской» дружбы. Тем не менее «франко-русский союз» просуществовал до конца 1917 г., благополучно миновав две революции и разбившись о третью.

Было ли что-либо академическое в выступлении против Тулонских празднеств? Ответом служит то, что ни один либеральный историк студенческих движений не останавливается на этом выступлении умереннейшего Союзного Совета. Единственное описание этого события имелось в женевском издании «Материалов для истории русского социально-революционного движения» [1].

При засилии в земляческом центре либерально-оппозиционных элементов, при наличии дезорганизованных предшествующими арестами отдельных групп — «радикалов», куда наряду с социал-демократами входили и мелкобуржуазные группировки различных направлений, при отливе лучших представителей пролетарского слоя студенчества в организации, ведшие непосредственную работу в рядах рабочего класса, — началось крупное движение в Московском университете в конце 1894 года.

---

[1] Приложение «С родины на родину» № 4. Женева, май 1894 г. Тарасов. Что делается на родине? Стр. 278—280.

20 октября 1894 г. в Ливадии умер император Александр III и вступил на престол Николай II. Как всегда, смена власти, — будь то царь, президент или глава министерства — возбудила надежды среди либерально-буржуазной и буржуазно-народнической публики. В одном современном стихотворении так описывалось настроение либеральных кругов:

В те дни, как на престол царей
Всходило новое светило,
О наступленьи новых дней
Все на Руси заговорило.
Спешили все наперерыв
Друг к другу сообщить новинки,
И даже повара на рынке,
Свои обеды позабыв,
В горячих спорах, как умели,
Делили русские портфели.

Наивной верою горя,
О переменах все мечтали
И все от нового царя
И новых песен ожидали.
Он новых песен не поет,
Однако нет конца надежде,
И всякий ждет теперь: вот-вот
Россия двинется вперед, —
Россия-ж пятится как прежде...

«Неопытная молодежь радостно встрепенулась при известии о смерти Александра III, увлеклась «бессмысленными мечтаниями»[1] не менее, чем и более солидные члены нашего общества. В университетах приступили к выработке петиций на имя нового молодого царя» («С Родины на родину» № 6—7. Женева, октябрь 1896 г. Беспорядки 1894—1895 г. в Московском университете. «Бывший студент». Стр. 493). В рукописных материалах, хранящихся в архиве, имеется и описание событий и текст самой подхалимной петиции, выработанной либеральной частью студенчества.

«Ваше императорское величество, всемилостивейший государь»,— начинался этот позорнейший документ — «Всеподданнейший адрес Русского студенчества»[2].

«К многочисленным голосам, горячо приветствовавшим Ваше восшествие на Всероссийский престол, русское студенчество спешит присоединить и свой голос. Полное светлых надежд, встречает

---

[1] 17 января 1895 г. на приеме депутаций всех сословий, земств и городов Николай II прочел по бумажке речь, которая разбила либеральные мечтания. В речи говорилось: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный родитель».

[2] Только немногие студенты социал-демократы отказались подписать петицию, за что подверглись нападкам (В. Н. Масленников. Странички прошлого. «На заре рабочего движения в Москве». Из-во Политкаторжан, 1932, стр. 119). «Всеподданнейшие адреса» циркулировали в Московском университете и в 1901—1902 гг. Но тогда они вызывали глубокое негодование среди массы радикального студенчества, уже значительно отмежевавшегося от либералов, которые осмеливались выступать с изъявлением своих «верноподданнических» чувств лишь после разгрома революционного движения, когда его участники уже заполняли вместительные камеры Бутырок.

оно занимающуюся зарю нового царствования и считает своим верноподданническим долгом высказать Вам, государь, от чистого сердца все, что волнует в настоящую минуту, все, чего ждет и желает русская учащаяся молодежь».

Затем, по либеральной указке, говорилось в адресе, что устав 1884 г. «подлежит новому пересмотру», и что «студенчество желало бы, чтобы при этом пересмотре министерство возвратилось на почву, на которой оно стояло при обсуждении устава 1863 г.». Традициями устава 63 г. составители адреса признавали: 1) университетское самоуправление, 2) свободный доступ в университет и 3) признание студенческой организации. Затем следовали просьбы: 1) открыть доступ в университет для окончивших всякого рода средние учебные заведения, а не только гимназии, 2) понизить плату за ученье, 3) о допущении женщин в университеты, 4) об отмене классовых и национальных стеснений при поступлении в них, 5) о введении суда чести.

Но и этот документ, исходивший, как они подписались, от «Вашего Императорского Величества верноподданных», не удержался на «академической почве». В заключительной части петиции говорилось:

«Мы не хотим, разумеется, диктовать Вам, Государь, какой-нибудь программы общественных и политических реформ. Но, возвысив наш голос в этот знаменательный для России момент, мы не можем подавить в себе вопля наболевшей русской души. Государь, освободите русскую совесть и мысль и дайте возможность свободно высказаться русскому общественному мнению. Снимите с русской печати оковы, позорящие Россию в глазах всего цивилизованного мира, избавьте русское общество от страха административного произвола в разнообразных его формах и проявлениях, решитесь, наконец, на то, на что не раз готовы были решиться Августейшие Ваши предшественники, выслушайте мнение общества в лице выборных его представителей. Какой успех может иметь внутренняя политика, не опирающаяся на поддержку общественного мнения, это, кажется, теперь достаточно испробовано и известно: все мы видели, что такая политика может очень многое разрушить, но ничего не может создать. Попробуйте, Государь, обратиться теперь к содействию общества и вы увидите, как удесятерятся силы вашего правительства, как жизнь забьет ключом там, где теперь мертвое безмолвие, как явятся к вам на помощь новые Государственные люди и свежие политические таланты. Одну такую попытку, к сожалению, чересчур кратковременную, Россия пережила благодаря вашему августейшему деду. Вернитесь, государь, к преданиям той славной эпохи, решитесь овладеть той ролью, которую сама собой приготовила Вам история, будьте нашим вторым Освободителем».

Послушаем теперь либерального фальсификатора С. П. Мельгунова. На стр. 57 своей книжки о студенческих организациях

Московского университета он беспардонно утверждает, изложив академические чаяния студенческого адреса: «При выработке как своих заявлений, так и способа их осуществления, организация выдвинула два главных положения: 1) заявление о студенческих нуждах должно быть сделано посредством адреса или петиции на высочайшее имя и 2) петиция не должна касаться вопросов общегосударственного характера, а иметь в виду лишь постановку высшего образования. После опроса землячеств, в ноябре 1894 г. Союзным советом была выработана соответствующая указанным принципам петиция на высочайшее имя, составленная в «верноподданническом духе». О заключительной части адреса С. П. Мельгунов умалчивает.

Но не одни либералы отозвались на перемену власти. «Первый же день после смерти Александра III ознаменовался в Москве появлением прокламации, отличавшейся несмотря на свою примитивность и лаконизм, немалой выразительностью: на заборе дома Богрова, по Б. Семеновской, обнаружили бумажку, писанную карандашом, такого содержания: «Да здравствует республика! Скончался варвар-император».

Несмотря на принятые полицией меры, «прокламации, правда, спешно написанные и наскоро оттиснутые, не заставили себя долго ждать: начиная с 22-го октября, стали появляться печатные листки, которые по ночам разбрасывались на улицах, чаще всего по нескольку штук, в разных частях города. Воззвания эти гласили: «13 лет царствовал Александр III. 13 лет народ молчал, а чиновники и полиция не исполняли законов. При вступлении на царство Александр III заявил, что будет править самодержавно; если бы тогда народ не безмолствовал, царь дал бы конституцию. Надо, чтобы народ издавал законы, избирал чиновников, которые должны подчиняться этим законам. Теперь нет Александра III, а Николай II уступит народу, если последний заявит свои права. Нужна республика. Долой полицию!» (Меньщиков, т. 1, стр. 226—227).

Как ни примитивно и ни неопределенно содержание таких прокламаций, в них есть принципиальное отличие от петиции. Последняя обращалась к власти, первые — к народу. Составителями прокламации «Нужна республика! Долой полицию!» охранное отделение считало студентов из числа арестованных 28 октября: П. П.[1], А. Н. и Н. Н. Покровских, Н. К. Муравьева[2], Д. М. Головачева, А. Е. Быстрицкого, А. М. Аммосова, С. И. Потехина, И. П. Юрасова и М. В. Иванова.

Накануне, 27 октября, арестованы были на квартире студента Л. Л. Конкевича представители 23-х землячеств, собравшиеся для

---

[1] П. П. Покровский — выдающийся агитатор МК РСДРП(б) в 1905 г. А. Н. и Н. Н. Покровские — с.-д., деятели Раб. Союза.

[2] Известный адвокат и деятель легальных рабочих обществ Н. К. Муравьев в то время примыкал к с.-д.

обсуждения вопроса о петиции. Переписаны и задержаны были следующие студенты: Б. А. Келлер [1], М. П. Бойков [2], Б. В. Авилов, А. В. Агарков, П. С. Ширский, А. Н. Мамуна, А. Р. Бриллинг [3], Н. Н. Вашков [4], Н. А. Шумицкий, П. И. Фомин, В. В. Полянский, В. Е. Потресов, А. А. Малиновский, Н. Г. Гамбаров, А. С. Астахов, Д. В. Ламба, В. Я. Павлов, К. И. Забнин, В. П. Бирк, И. С. Станишевский, П. А. Рождественский и Л. Н. Блинов. Из них впоследствии известны П. С. Ширский (председатель союзного совета 1894 г., депутат 2-й Гос. Думы 1907 г. — с.-р.). А. В. Агарков, врач, с.-р.), А. А. Малиновский («А. Богданов» — в то время сочувствовавший народовольцам, потом член ЦК РСДРП(б), в 1908 г. разошедшийся с большевиками) и Б. В. Авилов (с.-д. (б)). При пестром составе Союзного совета в нем, конечно, возникли разногласия, завесу с которых приоткрывает Л. П. Меньщиков (стр. 227—228).

«Охранное отделение представило департаменту полиции список 48-ми лиц, предназначенных к высылке.

В это время выяснилось, что по вопросу о содержании петиции университетская молодежь не имела полного единогласия: значительная доля студенчества стояла за то, чтобы ограничиться ходатайством об изменении академического устава и о допущении к высшему образованию женщин. Кроме того, воззвание союзного совета от 26-го октября (которое предполагалось распространить на лекции проф. Фортунатова 1-го ноября) оказалось составленным в духе крайней умеренности: оно предлагало, правда, траура не носить, но присягу рекомендовало принимать и от манифестаций (сочувственных и враждебных) воздерживаться.

В виду этих обстоятельств, вероятно, в Петербурге не захотели обострять положения, и вместо высылки департамент полиции предложил московскому обер-полицеймейстеру ограничиться пока увещаниями».

Арестованные были вызваны к Власовскому (обер-полицеймейстер), объявившему, что он считает переписанных лиц членами Союзного совета и что они, «по приказу министерства внутренних дел, являются ответственными за все, могущее произойти в университете». Попечитель гр. Капнист, с своей стороны, вывесил в университетских витринах объявление, наполненное угрозами по адресу «ничтожной кучки агитаторов, намеревающихся нарушить общественный порядок и спокойствие в эти печально-торжественные дни». (Мельгунов, стр. 58).

«Дело адреса подвигалось уже к концу, — читаем в рукописном

---

[1] С.-д.

[2] М. П. Бойков — с.-д., сослан в начале 1900 гг. на 10 лет в Средне-Колымск, где организовал вооруженный захват полицейского управления. С 1917 г. чл. ВКП(б). Ум. в 1920 г.

[3] С.-д.

[4] Член московского рабочего союза с.-д.

сообщении, — когда 30-го ноября произошел инцидент, последствия которого взволновали не только университет, но и общество».

Радикальная часть студенчества не пошла за Союзным Советом по пути его умеренности и аккуратности, а, возбужденная политической обстановкой, по-своему вмешалась в политику.

«Еще в первые дни «всенародного траура» учебное начальство сделало попытку вызвать у студентов проявление «патриотических чувств» и пустило в обращение подписной лист на венок «в бозе почившему»; в результате получился только лишний скандал. 27-го октября, после лекции проф. Зверева, студент Прилуцкий обратился к товарищам с речью в пользу «добровольной» подписки; в это время явился филолог В. А. Дрелинг [1] и стал говорить против сборов на венок; еще более резко высказался по этому поводу с кафедры другой оратор (потом оказалось — Т. Н. Атабеков) [2]; после этого подписной лист был кем-то [3] разорван, а у сборщика в картузе оказалось, всего-на-всего, несколько монет и... 23 медных пуговицы от студенческих мундиров» (Меньщиков, стр. 229).

Но крупное движение радикальной молодежи произошло на политической почве, в связи с выступлением проф. Ключевского. С 16 окт. 1893 г. по 1 апр. 1894 г. последний не читал лекций в университете, приняв предложение преподавать сыну Александра III — Георгию. Заслужив, при начавшемся таким образом знакомстве, расположение царя, Ключевский использовал положение, чтобы получить доступ к документам, которые выдавались немногим. Осенью 1894 г. В. О. Ключевский вернулся в Московский университет и, после смерти царя, «прочел в своей аудитории дифирамб покойному Александру III и его тринадцатилетнему царствованию» [4]. — «Лекция прошла в полном порядке» — удостоверял попечитель московского учебного округа гр. Капнист 7 дек. 1894 г. в донесении за № 1675 («Голос минувшего» 1913 г., № 5, стр. 195—196). Своим красноречием Ключевский, как и всегда, загипнотизировал аудиторию.

«Затем он повторил ту же речь в заседании [28 октября] императорского общества истории [и древностей российских, председателем которого был Ключевский], напечатал ее в «Московском листке» и, наконец, выпустил отдельной брошюрой» [4].

«Александр, этот мужиковатый, ограниченный, несложный человек, рисуется у нашего «пророка» поистине каким-то мифическим

---

[1] Член Киевского «Союза борьбы» (1898 г.) и Киевского к-та РСДРП. Небезызвестный марксистский литератор (с 1890-х гг. сотрудничал в «Образовании»).

[2] Установить его общественную физиономию мне не удалось.

[3] «Рукавишников, Вячеслав, медик 5 курса, из окончивших естеств. отд. Московского университета, сын саратовского купца».

[4] Как и дальнейшее — из ст. К. Тарасова «Что делается на родине» («С родины на родину» № 5. Женева, август 1895 г.).

существом, гением, совмещавшим несовместимое и обнимавшим необъятное.

«Государь, который сосредоточивал в своих руках многосложные нити управления необъятной империей, направлял и сдерживал разносторонние течения мировой международной жизни, которому, казалось, необходимо было удвоенное число суточных часов для решения многообразных государственных вопросов, ежеминутно на каждом шагу выраставших из земли, — этот государь умел находить досуг для скромной ученой работы, особенно по изучению отечественной истории и древностей, и был глубоким знатоком в некоторых отделах русской археологии, напр., в иконографии».

Таким тоном дифирамба написана вся речь В. О. Ключевского:

«Октябрьские дни ливадийских страданий,—читаем мы дальше,— были для Западной Европы днями нравственного сближения с Европой Восточной, и, провожая в могилу гроб русского царя, она впервые оплакивает в нем европейского государя»...

«В России по ее политической организации в воле царя выражается мысль его народа, а воля народа становится мыслью его царя».

Увлекался ли В. О. Ключевский, как увлекался в своих лекциях, рисуя другого царя Алексея Михайловича, или просто лукавил, чтобы укрепить придворные связи, — вернее последнее, но речь его возмутила радикальные круги и общества и студенчества. Необходимо обратить внимание на то, что по своему содержанию речь Ключевского не отличалась от разобранной выше студенческой петиции, и что протест против нее был организован спустя месяц после того, как она была произнесена.

Протест исходил из кружка, близкого к И. И. Скворцову-Степанову.

«Мы, — рассказывает последний (сб. «На заре рабочего движения в Москве», стр. 99), — скупили несколько сотен экземпляров этой брошюры, и потом выпустили ее в качестве «2-го исправленного и дополненного издания». Перед текстом был вклеен гектографированный листок, на котором была отпечатана басня «Лисица-кознодей» фон-Визина. В этой басне после хвалебной речи лисицы умершему льву крот шепчет (текст исправлен по подлиннику):

«О лесть подлейшая», — шепнул собаке крот, —
«Я знал льва коротко: он был пресущий скот,
И зол и бестолков, и силой высшей власти
Он только насыщал свои тирански страсти;
Трон кроткого царя, достойна алтарей,
Был сплочен из костей растерзанных зверей».

Кончалась басня словами:

Собака молвила: «Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстят подлые скоты?»

«Ключевскому, явившемуся на лекцию, — рассказывает И. И. Скворцов, — было преподнесено это «второе издание» и устроена

бурная демонстрация. Часть свистала и шикала, часть аплодировала Ключевскому. Столкновение между двумя группами студентов приняло резкий характер вплоть до обмена репликами: «подлецы аплодировавшие»! — «подлецы свистуны»!..

«Демонстрация на лекции проф. Ключевского случилась неожиданно для всего Союза, — говорится в рукописном отчете. — Члены последнего [Союза], принципиальные противники всяких демонстраций, если и присутствовали при ней, — присутствовали совершенно случайно, и некоторые из них пытались даже противодействовать ей. Двое из последних попали в число десятерых человек, осужденных правлением, и подверглись самому строгому взысканию — увольнению из университета».

Демонстрация на лекции Ключевского произошла 30 ноября, а 1 декабря «правление судило десять человек, выбранных по указанию деделей, причем в число их не попал ни один из аплодировавших. Собравшейся перед дверьми правления толпе студентов был прочтен следующий приговор:

Студенты К. И. Забнин, К. К. Осипович и граф А. М. Мамуна были исключены из университета и арестованы. В. Н. Сипко, Э. Ф. Руди и Б. Н. Захаров были посажены в карцер на три дня, а С. Я. Элентори, Б. А. Картиковский, О. Е. Мурзаев и Н. Н. Бельский получили выговор.

«Студенты были, конечно, недовольны подобным приговором, тем более, что «двое, понесших самое строгое наказание, не участвовали в демонстрации, но удерживали остальных». Движение против приговора правления приняло мирные петиционные формы, поскольку им руководил Союзный Совет. 2-го декабря сначала некоторые курсы отправили депутатов к ректору и инспектору, в комнате которого застали и попечителя. Депутаты встретили глухую стену: начальство заявило, что суд безапелляционен, к тому же поступил милостиво. За такой ответ гр. Капнист был освистан. В это время в химической лаборатории стали собираться студенты и стали обсуждать создавшееся положение. «Было решено собрать от всех 21 курсов депутации и все вместе вновь отправить к ректору с таким же поручением, как и раньше». На сходку являлся суб-инспектор Ресницкий с предложением разойтись, а затем «с бумагой от ректора, в которой говорилось, что если студенты не разойдутся из лаборатории, будет призвана полиция». Полиция, как сообщает Л. П. Меньщиков (стр. 231), еще с утра этого дня устроила «парад»: «назначила усиленный наряд к зданию университета, поместила резервы и эскадрон жандармов в манеже и вызвала этими приготовительными действиями приток многочисленных зрителей, главным образом сочувствующей студентам молодежи, запрудившей перекрестки улиц Б. Никитской (ныне Герцена) и Моховой. К 1 часу дня приехал верхом на лошади сам «обер» Власовский, Бердяев и др. «полководцы».

«Депутации, после довольно продолжительного разговора с рек-

тором и попечителем, вернулись с отказом правления пересмотреть приговор. В то время как депутации объяснялись с ректором, Ресницкий доложил попечителю, что сходка не расходится. На самом деле, студенты, бывшие в лаборатории, в ожидании [возвращения] депутаций не расходились; к ним постепенно присоединялись выходившие из других флигелей, так что, когда депутации вышли от ректора, около лаборатории их ожидала толпа человек в 300».

«Депутации, изложив ожидавшим студентам ответ ректора, упрашивали их разойтись; помог им в этом отношении проф. Зелинский, который также просил студентов разойтись, обещая вступиться за пострадавших». Зелинский отправился после этого в правление и высказал помощнику ректора мнение, что лучше «повременить принятием каких-либо серьезных мер», т. к. студенты склонны исполнить его советы и разойтись. Возвратившись из правления, убедился, что в стенах лаборатории осталось лишь около 30 студентов из старших курсов, специально занимающихся общей химией, остальные уже оставили помещение и или расходились, или стояли на дворе возле машинного отделения лаборатории.

Войдя в свою рабочую комнату, проф. Зелинский увидел через окно, что двор наполняется полицией. При ее появлении часть студентов бросилась обратно в лабораторию.

«Студенты, стоявшие в саду, были окружены, а лаборатория с находившимися там студентами и лаборантами заперта со всех сторон. В то же время конные жандармы и полиция запрудили улицы кругом университета и таким образом было остановлено по ним движение публики». Кучки студентов, собиравшиеся на улицах около университета, разгоняли, а пытавшихся проникнуть в университет — задерживали, сажали в манеж и продержали там до вечера. Проф. Зелинский сделал попытку спасти любимую лабораторию от нашествия полицейских варваров, добившись у обер-полицеймейстера словесного согласия на то, чтобы его ученики продолжали работу в лаборатории. Вечно пьяный Власовский согласился с Зелинским, но после доклада ставшего знаменитым пристава Ермолова, попечитель попросил проф. Зелинского к себе в правление и заявил, что по некоторым соображениям г. обер-полицеймейстер не находит возможным оставить студентов в лаборатории и требует их удаления. Получив об этом сообщение от проф. Зелинского, студенты спокойно оставили лабораторию. «Когда не оставалось уже в лаборатории студентов, г. Ермолов заявил о необходимости для полиции осмотреть помещение лаборатории, что и было сделано в присутствии проф. Зелинского».

«В 7-м часу вечера полиция оставила университет и стала производить аресты студентов по квартирам. Аресты продолжались без перерыва до вечера 3-го декабря».

В результате, к 3-м уволенным правлением прибавилось 49 сту-

дентов, уволенных «вследствие ареста и административной высылки». В числе арестованных 3 декабря и высланных студентов было много известных впоследствии имен: В. П. Кащенко, Т. И. Попов, В. Г. Михайловский, Н. Н. Черносвитов, П. Г. Смидович, А. И. Пискунов, Н. А. Семашко, В. К. Рудиев, И. Т. Павлицкий, В. А. Дрелинг, Д. Н. Калафати, А. Н. Вишокуров и т. д.

Относительно судьбы арестованных произошло препирательство между Капнистом и Деляновым. «Охранное отделение не стало дожидаться и выслало из Москвы сроком на 3 года 55 человек, в том числе 23 участника собрания у Конкевича» (Меньщиков, стр. 232).

«После этого, — заносил в свои записки Н. П. Боголепов («Русский Архив», 1913 г. № 1, стр. 8—9), — часть профессоров стала собираться, чтобы обсудить некоторые вопросы. Первый раз собрались 10 декабря (в субботу) у Остроумова (А. А.), под председательством В. И. Г[ерье], принесшего уже готовые положения, которые должны были послужить основанием петиции к великому князю, генерал-губернатору». Копия петиции 42 профессоров напечатана на стр. 61—64 того же номера «Русского Архива». Составлял петицию П. Н. Милюков и редактировали текст вместе с ним В. И. Герье и В. Д. Шервинский.

«Профессора Московского университета, — говорилось в петиции, — признают своим долгом, как наставники учащейся молодежи, являться ходатаями за нее и ее заступниками в трудные минуты ее жизни. Такое ходатайство они считают особенно необходимым в тех случаях, когда студенты подвергаются каре, превышающей их вину. 3 декабря полиция арестовала и затем выслала из Москвы на 3 года более 40 человек, из которых большинство заведомо пострадало лишь за принадлежность к земляческой организации, т. е. за нарушение § 16 правил, запрещающего «принимать участие в тайных обществах и кружках, хотя бы и не имеющих преступной цели». Такая кара, которая на практике в большинстве случаев влечет за собою невозможность окончить университетский курс, является несвоевременной и несоразмерно-тяжелой потому, во 1-х, что настроение огромного большинства студентов, не оставляя желать ничего лучшего, не вызывало необходимости такой меры; во 2-х, что многие из высланных, как достоверно известно, не только не желали беспорядков, но всеми силами старались успокоить волнение между студентами, вызванное приговором правления от 1-го декабря; в 3-х, что в числе пострадавших находится не мало студентов, подававших большие надежды своими успешными занятиями и настолько лично известных профессорам, что они могли бы за них поручиться; в 4-х, что вся вина высланных студентов заслуживала снисхождения, так как студенческие общества существовали в последние годы с ведома университетских и полицейских властей, и принадлежавшие к землячествам студенты могли считать эти общества негласно разрешенными; наконец, потому, что проступок, в котором обвинялось боль-

шинство высланных студентов, подлежал университетскому суду, а не полицейской каре.

«В виду этого мы решаемся ходатайствовать перед Высочайшею властью о возвращении в Московский университет всех высланных из Москвы студентов, которые не обвиняются в каких-либо политических преступлениях, и просить Ваше Императорское Высочество дать такое направление нашему ходатайству, какое Ваше Высочество признает наиболее удобным для достижения вышеозначенной цели».

Эта часть петиции либеральных профессоров имела некоторое значение. Приняв депутацию из профессоров В. И. Герье, Д. Н. Анучина, В. Ф. Миллера, К. А. Тимирязева и Ф. Ф. Эрисмана, генерал-губернатор сказал, что исполнит только ту часть петиции, которая относилась к его ведомству, а именно, — «пересмотрит вопрос о высланных, а все остальное оставит без последствий».

По словам Л. П. Меньщикова, «заступничество профессоров возымело свое действие». Была создана комиссия из Капниста, Власовского, Бердяева, Шадурского и правителя канцелярии ген.-губернатора Истомина, которая, рассмотрев дела административно высланных, признала не заслуживающими снисхождения 16 лиц, а остальным сделала послабления.

Но либеральничанье генерал-губернатора продолжалось недолго. И охранное отделение и попечитель дали департаменту полиции материал, которым департамент воспользовался, чтобы защитить свое ведомство, и великому князю пришлось уступить: административные кары, уже приведенные в исполнение, были оставлены в силе.

Остальные пункты профессорской петиции касались вмешательства административных властей в университетскую жизнь и роли университетского суда. «Мы далеки от того, чтобы не признавать необходимости предупредительных мер в интересах охранения государственного порядка, — писали профессора, —но самая серьезность этих интересов требует того, чтобы не допускалось смешение между государственным преступлением и провинностями, предусматриваемыми правилами для студентов. Такое смешение влечет за собой целый ряд самых плачевных последствий, подрывающих в молодых умах веру в справедливость власти и оставляющих на всю жизнь горькое чувство разочарования и озлобления». Профессора указывали далее на необходимость точного соблюдения 125 статьи университетского устава, «которая требует, чтобы о всяком преступлении или проступке, совершенном студентом вне университета, полиция немедленно давала знать университетскому начальству», что, по их мнению, необходимо для того, «чтобы университет был гарантирован от произвола и ошибок полицейских агентов, и чтобы проступки, предусмотренные университетскими правилами, не карались наравне с государственными преступниками и не навлекали таким образом на лучших иногда юношей гражданскую смерть».

Осудив, таким образом, в очень осторожной форме, систему административного вмешательства в университетские дела, профессора указывали, что аресты и высылки, произведенные полицией, явились результатом волнений, вызванных деятельностью суда правления университета. Не считая себя в праве разбирать этот приговор, профессора указывали «на не вполне целесообразную постановку вопроса об университетском суде вообще».

«Суд над студентами производится административным органом, отвечающим за спокойствие в университете, и с участием лиц, которые могли иметь непосредственное пред этим столкновение с отдельными студентами или группами их. При таких условиях нельзя ожидать неизменного хладнокровия со стороны судей, а со стороны студентов — полного доверия к беспристрастию суда и беспрекословного подчинения его авторитету».

Дальше указывалось на ряд процессуально-формальных недостатков суда попечителя, ректора, инспектора и правления.

Ректор П. А. Некрасов справедливо увидел в таком приговоре профессоров над возглавляемым им судом косвенное выражение недоверия его поступкам и ректор вместе с своим помощником Н. А. Зверевым подали в отставку. На заседании Совета профессоров, бывшем 18 декабря, согласно записи В. П. Боголепова, ректор так аргументировал свой поступок («Русский Архив», 1913 г., № 1, стр. 14).

«С одной стороны — тайный Союзный Совет, небольшой сравнительно по числу студентов, но плотно сложившийся и принимающий на себя роль распорядителя в университете, с другой стороны — заявление 42 профессоров, что при теперешнем устройстве университетского суда он не может быть правосуден, и студенты не могут питать к нему доверия. Со студентами еще можно бы справиться, если бы все профессора были единодушны, но если почти половина профессоров заявляет, что ректор и правление при теперешнем строе не заслуживают доверия, то он, Некрасов, не может управлять и подал в отставку, которая в принципе принята, но попечитель и генерал-губернатор попросили его повременить».

Правая часть профессоров, возглавляемая Н. П. Боголеповым, нашла положение благоприятным, чтобы начать кампанию против своих либеральных коллег и до известной степени им покровительствующего попечителя. Начались интриги, нашедшие себе достаточное отражение в лицемерном и многое не договаривающем дневнике Н. П. Боголепова, напечатанном в «Русском Архиве», и в министерстве, и у генерал-губернатора, и при дворе через слабоумного брата Боголеповой — Никиту Ливена. Как различные интриги влияли на поведение властей, показывает запись Боголепова на стр. 17: «По словам Капниста, на первом докладе о намерении профессоров великий князь гневно выразился о профессорах, как о творящих смуту; на следующий день он говорил спокойнее, но все-таки сказал, что петиции он не примет, а на

третий день — принял очень любезно, но сказал, что исполнит только ту часть, которая относится к его ведомству, именно — о пересмотре вопроса о высылке, а остальные оставит без последствий. На четвертый день, когда попечитель докладывал об отставке ректора, великий князь будто бы сказал: «Да, вы должны обуздать профессоров!» Тогда попечитель будто бы заметил, что раз его высочество принял петицию, он, попечитель, бессилен сделать что-нибудь, а когда великий князь сказал, что обуздать должен министр, — гр. Капнист ответил, что и министр встретится с тем же затруднением».

Решающее влияние на поведение профессоров обоих лагерей оказал, повидимому, слух, что гр. Капнист увольняется и на его место назначается Боголепов. Об этом слухе Боголепов записал в свой дневник 28 декабря, но, конечно, знал об этом раньше, стоя во главе интриги против попечителя. Гр. Капнист, обеспокоенный своею участью, представил «краткие замечания на ходатайство 42 профессоров», где заявлял, что если бы профессора ограничились только просьбой о «поверке оснований, на которых последовала высылка» студентов, то такая их просьба «не могла бы не возбудить полного сочувствия, тем более, что она совпадает с мыслью, уже ранее намеченной его императорским высочеством московским генерал-губернатором». Но, к сожалению, петиция профессоров ходатайствует об огульном возвращении высланных и содержит ряд положений, которые могут оказать вредное влияние на студентов. Рассматривая участие в тайной студенческой организации, как маловажный проступок, профессора умаляют «в глазах студентов нарушение правил», которыми им «воспрещено вступать в тайные общества».

«Если снисходительное толкование могло бы еще иметь место относительно землячеств» в тесном смысле слова, «то ничем не извинительна недомоловка относительно «Союзного совета землячеств», организации, «выходящей далеко за пределы товарищеского кружка, власть имущей, издающей повеления студентам и производящей давление на профессоров и университетскую администрацию».

«Утверждать, что учебное начальство заведомо допускало существование союза» — несообразно, т. к. оно видело его проявления, «но не нашло средств обнаружить это тайное сообщество».

Что касается университетского суда, то к нему нельзя применять «правила общего судопроизводства» и «едва ли можно указать на высшее учебное заведение, в котором бы административное начальство было лишено судебно-дисциплинарной власти».

В виду этого Капнист предлагал удовлетворить ходатайство профессоров о пересмотре дел высланных студентов, оставив остальные пункты петиции без рассмотрения, «указав при том и на тот вред, который может быть принесен вышеуказанными недомолвками и неточностями».

Но замечания гр. Капниста на петицию не могли уже ему помочь реабилитировать себя. Из записок вдовы Боголепова (стр. 87) видно, что последний сумел уже выставить попечителя покровителем Союзного Совета: «попечитель округа поручил Герье войти в сношения с землячествами и обещать им, если они будут сидеть тихо, свое содействие в деле возвращения высланных студентов. Сам Герье в собрании петиционеров выразился таким образом: «Я был у попечителя, потом поехал в Союзный Совет и затем выработал приведенные положения». «О собраниях либеральных профессоров, как видно из дневника Боголепова, сведения ему доставляли И. Ф. Огнев, М. П. Черинов и др., а Н. Я. Грот в письме говорил, «что 39 из 42-х подписавшихся попали в ловушку, устроенную интриганами». При таком положении 29-го декабря ректор созвал собрание профессоров.

«В назначенный для общественного заседания профессоров день 29-го декабря 1894 г., — говорится в Записках Е. Б. [стр. 91 и сл.], — их собралось много. Ректор начал с представления пяти документов. Один из них [от Союзного совета 43 землячеств. Москва, 28 декабря 1894 г.] заключал в себе описание деятельности Союзного Совета, а именно: удовлетворение материальным, умственным и нравственным требованиям студентов и противодействие неправильным распоряжениям начальства и профессоров. Во втором и третьем документах излагались приговоры судебной комиссии над профессорами Янжулом и Владимировым. Четвертый документ описывал административную деятельность Союзного Совета — его распоряжения относительно студенческих беспорядков (запрещение или разрешение их учинять). Пятый документ был воззванием бывших московских студентов к обществу. В нем они ругают университетское начальство и в особенности попечителя, «запятнавшего себя, как человек и как администратор». Перед чтением четвертого документа профессор Герье объяснил, что, по просьбе студентов, его слушателей, он ездил к попечителю ходатайствовать о возвращении высланных их товарищей, а вечером того же дня отправился в заседание Союзного Совета, где застал человек 30, которым сообщил обещание попечителя хлопотать о смягчении участи высланных. Когда все документы были прочитаны, ректор предложил желающим приступить к возражениям; но все молчали, никто не поднимался...

Первым встал Боголепов и сказал речь, содержание которой привожу вкратце[1]: «Существование Союзного Совета грозит подорвать в корне здоровую университетскую жизнь, потому что

---

[1] Подробно речь Н. П. Боголепова изложена им в дневнике («Русский Архив», 1913 г., № 1, стр. 27—30). Е. Б. приводит ее заключительную часть. В речи своей Боголепов главным образом пугал профессоров, доказывая, что раз студенты осмелились осуждать профессоров, они неизбежно дойдут до физического воздействия. «Об убийстве не говорят, потому что и после побоев профессор, вероятно, покорится».

студенты присваивают себе право судить профессоров и университетское начальство, предписывать им образ действий и наказывать за неповиновение. Перед нами пропасть, к которой мы стремимся и упадем, если не примем своевременно мер. Дело не может ограничиться теми случаями суда и наказания, которые были до сих пор. Раз студенты организовались и почувствовали силу, они начнут увеличивать свои требования и средства принуждения; в один — два года студенты дойдут до таких требований, которые возмутят самого терпеливого профессора, и от свистков легко перейдут к насилиям. Тогда профессора завопят, и наступит реакция, которая отразится всего более на студентах, т. е. на тех, которых теперь мы сами развращаем своим попустительством. Чтобы предупредить это бедствие, профессора должны прежде всего действительно проникнуться убеждением, что теперешний порядок ненормален и не должен быть терпим. Далее пусть профессора громко заявят обществу и студентам, что они считают Союзный совет вредным, несовместимым с правильной университетской жизнью. Наконец, в ежедневной будничной жизни, профессора в своих сношениях с студентами должны постоянно проводить то правило, что в университете профессора должны только учить, а студенты только учиться».

После Боголепова Виноградов (П. Г.) сказал приблизительно следующее: высказать только порицание Союзному Совету будет односторонним решением дела, так как его появление было вызвано неудовлетворенными нравственными и материальными потребностями студентов. Поэтому, если выражать порицание Союзному Совету, надо одновременно выразить желание, чтобы землячества были узаконены и организованы.

Речь лидера либеральных профессоров только одна отличалась определенностью. Остальные либеральные профессора обнаружили полную растерянность. Виноградова поддержал Сеченов, «хотя в очень неуклюжей форме», — по словам дневника Боголепова. Профессор Тихомиров (Александр Андреевич) сказал, что мы должны придти на помощь благоразумной части студентов: слыша о Союзном Совете, об его власти, они колеблются; профессора должны указать им, как они смотрят на этот Совет, и таким образом оберечь от приманок. Так как желание, чтобы профессора высказались в пользу землячества, стало овладевать собранием, то проф. Алексеев встал и напомнил, что настоящее положение требует, чтобы профессора оказали дружную поддержку ректору, а эта поддержка может состоять только в том, чтобы они искренно и громко заявили, что существование Союзного Совета они считают подрывающим основы университетской жизни, не ослабляя силы своего заявления оговорками о землячествах».

Кто лично не знал А. И. Чупрова, тот остановится в изумлении перед защитительной речью этого наивного младенца в пятьдесят лет.

«Профессор Чупров находил, что не следует выражать порицания Союзному Совету, или, по крайней мере, следует отложить решение профессоров ибо: во 1-х, порицание непременно отягчит участь высланных членов Совета; во 2-х, происхождение документов, прочитанных ректором, сомнительно: документы можно и подделать; в 3-х, неизвестно, существует ли действительно Союзный Совет и какова его организация. Чупров забыл, что В. И. Г[ерье] сам засвидетельствовал, что он ездил в Совет.

Эта адвокатская речь не вызвала даже возражений. Профессора А. С. Павлов и Н. А. Елеонский ограничились заявлением, что у них нет ни малейшего сомнения в существовании Союзного Совета.

Профессор М. А. Мензбир, с видом обиженной старой девы, заявил, что так как профессора не имеют права участвовать в управлении университетом, то нечего им высказываться по настоящему делу.

После всех этих речей возникла некоторая неурядица в прениях о том, ограничиться ли одним порицанием Союзному Совету, или оговориться относительно землячеств»... («Русский Архив», 1913 г., № 1, стр. 30—31).

«Некоторые стали предлагать отсрочить решение; но этому воспротивился ректор. Тогда Николай Павлович предложил следующее заявление[1]:

«Профессора императорского Московского университета, собравшись 29 декабря 1894 года по предложению г. ректора для ознакомления с затруднительным положением университета, созданным событиями последнего времени, и получив в первый раз надлежащие сведения о деятельности Союзного Совета землячеств, сделали следующее заявление:

Не касаясь в настоящее время вопроса о землячествах, как отдельных студенческих обществах для благотворительных и общеобразовательных целей, мы считаем вредным и подрывающим основы университетской жизни так называемый Союзный Совет, как такой тайный союз, который имеет притязание судить университетских преподавателей, начальство и студентов, предписывать им образ действий и карать их за неповиновение».

«Это заявление стали подписывать все профессора, — продолжает Е. Б. — Вожаки-петиционеры одно время переговаривались и колебались, но и они поодиночке стали подходить к подписному листу и в конце концов подписались».

В дневнике Боголепова сказано достаточно выразительно об

---

[1] Полностью резолюция от 29 декабря приведена у Мельгунова («Голос Минувшего», 1918 г., № 5, стр. 208—209); сокращенно — у Черевании («Общ. движ. в России в нач. XX в.», т. I, стр. 266), в дневнике Боголепова («Рус. Архив», стр. 31—32), и у Е. Б., стр. 94, взявшей текст дневника, где Боголепов записал свою резолюцию по памяти, не совсем точно.

унизительной сцене подписания капитуляции либеральными профессорами: «Алексеев рассказывал мне, что последним подписался Эрисман. Он сел около стола, подпершись рукою и тяжело вздыхая. Друзья ободряли его. Сеченов протянул ему перо. Он бросил его и встал; затем опять подошел к столу и порывисто подписал свое имя.

На возвратном пути из заседания проф. Алексеев говорил мне: «А нельзя сказать, чтобы у меня после этого собрания было очень весело на душе». Я с ним согласился»...

Но когда дело шло об его карьере, Боголепов спокойно шагал не только через моральные условности, а и через разбитые жизни...

В ответ на критику петиции 24-х со стороны попечителя, либеральные профессора долго вырабатывали возражения. Удалось их выработать только к середине января. Подписалось под возражениями всего 34 профессора. 9 профессоров (Огнев, Митропольский, Лопатин, Корш, Шварц и еще кто-то) составили свое отдельное возражение. «Замечания 24-х[1] профессоров, — записал в своем дневнике Боголепов (стр. 41), — отличаются тем же характером, как и петиция (говорят, что авторами их были те же Г[ерье] и Столетов), т. е. там есть немножко лжи (напр., там утверждают, что петиционеры не знали до 29-го декабря о Союзном Совете!) и много каверз — желание поймать попечителя на словах и истолковать слова петиции в благоприятном смысле; напр., там стараются доказать, что единственной целью петиции было испросить помилование высланным студентам, а что все остальные рассуждения (о произволе полиции и недостатках университетского суда) были только приведены, как мотивы к этому ходатайству».

В заявлении 9 отпавших профессоров содержится только расшаркивание перед попечителем. Упоминая о землячествах, — писали они, — мы «отнюдь не подозревали в своих словах какой-либо, как вашему сиятельству угодно было выразиться, «инсинуации», т. е., как мы понимаем этот термин, косвенного доноса. Особенно трудно нам было предугадать, что ваше сиятельство примите это место петиции на свой счет, так как в нем речь идет об университетских властях, а попечитель учебного округа едва ли подходит под это выражение. Во всяком случае, самое сильное обвинение, какое только возможно взвести на нас по этому поводу, заключалось бы в том, что мы заговорили о землячествах, не ознакомившись предварительно с истинным положением дела». Далее 9 профессоров утверждали, что они судили о землячествах только по внешности, а о «Совете землячеств» — «этом таинственном лже-правлении университета» — не знали «и не могли отдать себе ясного отчета в его деятельности».

Либеральная профессура была морально унижена и разбита, а студенты преданы. Не помог последним и ряд заявлений нового

---

[1] Так в подлиннике.

состава [1] Союзного Совета, которые так охотно цитирует С. П. Мельгунов, чтобы доказать миротворческие намерения всего студенчества 1890-х гг., где заявлялось, что Союзная организация устраняет всякие политические вопросы и стоит против беспорядков. В этом отношении либерально-оппозиционные дети ничем не отличались от своих «отцов». Понятно, что либеральные профессора встали на их защиту. Вот образец либерального худосочия, нашедшего выражение в прокламации от 11 января 1895 г. (Мельгунов, стр. 66—67):

«Союзный совет обращался к лицам различного общественного положения, прося их помочь студентам довести до сведения государя истинное положение дела и истинную окраску событий. При этом им строго объективно сообщались все факты и указывалось на то, что студенты более чем кто-либо не желают волнений, но они поставлены в такие условия, что приходится бороться не только за попранные права, но и за то, чтобы ими не пользовались для личных целей те, кому выгодны при теперешних обстоятельствах всякие волнения, где бы они ни происходили. Те лица, к которым обращался Союзный Совет и которые близко стоят к правящим сферам, в общем отнеслись к нашему делу довольно сочувственно и сделали все, что, по их мнению, можно было сделать в данное время. Все они согласны были в том, что данный инцидент кем-то раздувается из личных целей и что студентами пользуются как горючим материалом, который легко зажечь и раздуть в целую бурю; беспорядки же нужны для того, чтобы воспользоваться ими для оправдания своего существования и доказательства своей правоты. Сторонами, заинтересованными в этом деле, являются: по мнению одних—охранное отделение, [2] по мне-

---

[1] «В списке участников С. Совета весеннего состава 1895 г. значились: В. Ф. Макеев, М. И. Маслешников, Н. Н. Веселовзоров, М. Н. Янишевский, В. Е. Павлов, В. М. Фивейский, Н. А. Шишло, Г. Д. Няшин, А. И. Антоконенко, В. Н. Серебренников, С. Д. Крылов, В. Е. Алексеевский, Н. Н. Бельский и Э. Ф. Руди». (Меньщиков стр. 413). Близко к совету стояли: Д. В. Нагорский, А. Е. Лосицкий, П. В. Лавров, Г. Н. Горшечников, И. И. Лыжин, Н. Н. Сытин, Г. Н. Логачев и В. А. Руднев (там же, стр. 243). Кроме А. Е. Лосицкого и В. А. Руднева («Базарова»), кажется, нет с.-д. имен. М. Н. Янишевский и Д. В. Нагорский известны мне (по кружку, куда мы тогда входили), как либеральные народники; остальные все — неизвестные имена.

[2] Охранное отделение, где всходила звезда Зубатова, встало на поддержку земляческой ориентации гр. Капниста. «Обер-полицеймейстер, — пишет Меньщиков (стр. 234), — в докладной записке (по охр. отделению) о студенческих беспорядках всю ответственность за них взваливал на Союзный Совет и поддерживавших его либеральных профессоров [Боголепов («Р. А., стр. 52) говорит, что Бердяев назвал только Герье и Г(амбарова?)], а заканчивал свои рассуждения предложением: признать земляческую организацию (в целях взаимопомощи) и устроить для студентов казенные общежития». Боголепов в своем дневнике («Р. А.» стр. 52) говорит, что доклад Бердяева начинался восхвалением землячеств; «они служат материальной опорой для нуждающихся, дают

нию других — реакционные элементы. Волнения, где бы они ни были и чем бы ни были вызваны, нужны им для того, чтобы, возведя их в политическую демонстрацию, можно было этим воздействовать на молодого императора. Это нужно им всегда, а тем более теперь, когда появилась масса слухов о том, что новый Государь намерен уничтожить охрану и заняться коренными реформами».

В таком тоне выдержана вся прокламация. Конечно, такое пресмыкание перед властью, имевшей в своем распоряжении и документы и факты, доказывающие наличность крамольного элемента в университете, не остановило карательных мер, а только придало ей энергию в деле отделения козлищ от овец и к изъятию первых из Московского университета. Кроме радикальной части студентов и членов Союзного Совета, кара обрушилась и на оппозиционную профессуру.

В феврале (в пятницу на масленице) 1895 г. Некрасов был вызван генерал-губернатором. «Великий князь желал слышать от него, что, по его мнению, следует сделать с Союзным Советом». Этой аудиенцией Некрасов воспользовался, чтобы повести агитацию против гр. Каннеста и покровительствуемых последним землячеств. Вообще ректор и его вдохновитель Боголепов, как видно из дневника последнего, усиленно занимались обработкой князя Сергея, стремясь приобрести в нем союзника и дискредитировать П. А. Каннеста. К сожалению, речь Некрасова передана очень неполно. Очевидно, она была настолько интригански выразительна, что публикаторы ее («Русский Архив», стр. 50—51) вместо слов поставили 9 строчек точек. «Некрасов отвечал, — записал Боголепов, — что если полиции точно известны имена членов Совета, то с ними надо поступать решительно: выслать из Москвы, но не отрезывать возможности вступить с осени в другие университеты. Некрасов при этом высказал мысль, что следовало бы обратить внимание и на землячества, которые будут впредь служить источником для образования новых членов Союзного Совета». Дальше точки. «В этом же свидании великий князь сообщил ректору под секретом, что министр народн. просвещения предполагает летом уволить от службы в университете четырех профессоров: Герье, Эрисмана, Чупрова и Остроумова. При этом великий князь спросил: «Что же, вы будете заступаться?» Но ректор заступаться не стал».

приют и спору молодым, неопытным провинциалам, приезжающим в большой, чужой город, где у них нет никого из близких людей. Но затем говорится, что, к сожалению, землячества вмешивались в дела противозаконные», поскольку проявлял себя Союзный Совет. Так как власти жили умом охранного отделения, то «Сергей Александрович относился о ч е н ь т е п л о к с т у д е н т а м» («Р. А.», стр. 22), царь говорил попечителю: «конечно, против виновных следует действовать решительно, но нужно стараться, чтобы не пострадали благонамеренные элементы» («Р. А.», стр.49), а министр относился к московским событиям «покойно, покойнее даже, чем желательно» («Р. А.», стр. 36).

Раньше Боголепов записал (стр. 49): «из министерства пришло решение: всем петиционерам выразить порицание за то, что обратились в чужое ведомство и возбудили щекотливые вопросы в такое время, когда студенты и без того уже были взволнованы, а четырем вожакам — Герье, Эрисману, Остроумову и Чупрову сделать выговор и предупреждение, что в случае беспорядков они будут считаться виновниками их».

Более решительная кара обрушилась на приват-доцентов П. В. Безобразова и П. Н. Милюкова. Безобразов, происходивший из аристократической среды, 10 января 1895 г. прочитал в аудитории Исторического музея публичную лекцию на тему «О женщинах в истории». В ней он критиковал действия правительства, которое «основанные в Москве курсы закрыло, а поступление в открывшиеся в Петербурге высшие медицинские курсы ограничило только для лиц с классическим образованием, тогда как получить женщине таковое образование возможности не предоставило. «Касаясь поведения профессорской коллегии и университетского начальства, Безобразов резко высказывался против «холопов, холопиков и холопчиков», «которые ради собственного благополучия и личной выслуги поступают по-холопски, торгуют правдой, а другим, ни в чем неповинным людям, наносят непоправимый вред». По адресу «начальствующих лиц» у него вырвались слова: «мерзавцы, подлецы!» К аудитории он обратился со словами: «мы, старые (ему было 35 л.), век свой уже прожили, а на вас, молодых, будем надеяться!» «Сплотитесь вместе и идите стойко и смело по намеченному вами пути и добивайтесь ваших прав, а также верьте в то, что вы их добьетесь». Публика, в числе 600 человек, восторженно приветствовала Безобразова и, по словам Боголепова, вынесла его на руках. Он был выслан в Тулу с воспрещением жительства в Москве в течение двух лет и отдан под гласный надзор полиции. Кроме того, он был исключен из числа приват-доцентов и ему были воспрещены какие-либо публичные лекции «и вообще педагогическая деятельность».

Яркий пример того, что «политика» в этот момент проникала и в либеральные круги, причем «отцы» опережали «детей».

Формальным предлогом для привлечения к дознанию П. Н. Милюкова послужило то обстоятельство, что Союзный Совет предлагал «землякам» возможно шире распространять лекции Милюкова, как материал «весьма пригодный к подготовке студентов для общественной деятельности». Это указание, в связи с имевшимися в охранном отделении сведениями о том, что Милюков «пользовался Союзным Советом, как готовой организацией, для проведения этих крайних взглядов», а также доносы Боголепова, называвшего умеренного либерала Милюкова «тайным ректором Союза землячеств», заставили жандармов углубиться в изучение истории. В «Введении в курс русской истории» жандармы вычитали, что «развитие и сила самодержавной власти в России обусловливались

давлением сверху, а не естественным зарождением и ростом народных идеалов. Последняя часть лекции была посвящена истории противоправительственных кружков, которая искусным подбором односторонне освещенных фактов давала понять, что этими кружками может быть поставлена преграда росту самодержавия в России». Кроме того, Милюкову было поставлено в вину его заявление в английском журнале «The Atheneum» за 1895 г. о неотлагательной необходимости политической свободы для России и пожелание о слиянии существующих в России партий на общую работу в этом направлении (Меньщиков, стр. 237—238). 18 февраля 1895 г. департамент полиции распорядился устранить Милюкова от педагогической деятельности «вследствие его крайней политической неблагонадежности». 21 февраля Милюков прочитал на педагогических курсах лекцию «о Петрашевцах», вызвав овацию со стороны аудитории. Это решило его участь. «Объявленная им лекция «Об общественном движении при Александре I» не могла состояться. 23 февраля департамент полиции по телеграфу изъявил согласие на удаление Милюкова из Москвы сроком на 2 года. Милюков выехал в Рязань. На вокзале его провожало человек до 400 молодежи и либеральные деятели: В. А. Гольцев, Д. И. Шаховской, проф. Усов, И. И. Петрункевич и др.

Союзный Совет не был дезорганизован арестами 1894—95 гг. Но из открытого органа, с которым разговаривали и профессора и полицейские власти, он должен был сделаться подпольной организацией, законспирировав свой состав. «С тех пор, — читаем в «Записках» Е. Б. (стр. 115), — Союзный Совет держался в скрытом виде, не высказывая открыто власти над профессорами и студентами». Осенью 1895 г. Союзному Совету пришлось выступить с рядом прокламаций, где он осветил деятельность профессора Захарьина, о котором было сказано выше.

В начале ноября 1895 г. «студенты-медики 4 курса большинством 200 против 23 решили не слушать более Захарьина», — писал Союзный Совет. Интересны мотивы, которые выставлялись студентами. 14 ноября 1895 г. А. А. Власовский писал в неотправленной по адресу записке: «Студенты медицинского факультета, выбранные подстаростами,...[1] явились в качестве депутатов к профессору Захарьину и его ассистенту лейб-медику Попову предложить им, как занимающим ныне придворные должности, прекратить свои лекции в клиниках».

«О своем решении они, — продолжает Союзный Совет, — известили через старост Захарьина. Захарьин выслушал старост и объявил им, что примет сообщение к сведению. На другой день

---

[1] Н. И. Шиловцев и В. Н. Ментов. Меньщиков вместо Шиловцева называет (стр. 327) И. И. Волоцкого. Ментов и Волоцкий были связаны с рабочим движением (стр. 298—299).

в клинике появилось инспекторское объявление: «11 сего ноября к заслуженному профессору Захарьину явились три студента, назвавшие себя депутатами от 4 курса медицинского факультета, и объявили ему, что означенный курс постановил прекратить посещение его лекций. Затем действительно слушателей было незначительное число. Вследствие сего по распоряжению г. министра народного просвещения, сообщенному по телеграмме на имя г-на попечителя московского учебного округа, сим объявляется нижеследующее: если студенты 4 курса, подписавшиеся на лекции проф. Захарьина, не будут посещать их, то текущее полугодие не будет им зачтено и таким образом эти студенты, сколько бы их ни было, будут оставлены на второй год на том же курсе, а вследствие выполнения комплекта, переходом студентов настоящего 3 курса, оставленные на второй год будут переведены в другие университеты»... Так-то Захарьин «принял к сведению заявление студентов». Он обратился к «начальству».

С 29 июня 1895 г. таким начальством, попечителем московского учебного округа, был Н. П. Боголепов. К нему-то и обратился Г. А. Захарьин за помощью и советом, а тот произвел сыск, результаты которого изложены на стр. 116 записок Е. Б. Там говорится, что студенты «хотели наказать его [Захарьина] за небрежное отношение к своим обязанностям, за дурное ведение клиники, за содействие путем влияния неправильному назначению профессоров и т. д...»[1] «Из профессорской среды Ник. Павл. узнал, что два профессора-медика открыто, в присутствии студентов, резко отзывались о Захарьине и порицали в нем именно те недостатки, в которых обвиняли его студенты»...

По словам «Записок», Захарьин обнаружил сначала растерянность. Тогда Боголепов, после совещания с ректором П. А. Некрасовым и его помощником Н. А. Зверевым, «посоветовал Захарьину читать в назначенные дни лекции, а при появлении депутатов решительно объявить им, что он не намерен вступать с ними в объяснения, потому что профессора и студенты находятся в университете только для одного дела — одни, чтобы учить, другие, чтобы учиться». Сам же попечитель, после сношения с министром, распорядился вывесить приведенное выше объявление. Ну, как не порадеть родному человечку!»

«Объявление оказало желанное действие, — говорится на стр. 117 «Записок»: — Ник. Павл. был извещен, что вожаки решили отряжать на лекции Захарьина известные группы. Во всяком случае, слушателей у Захарьина было с тех пор от 90—100. Одновременно с этой мерою, Боголепов решился вызвать к себе двух профессоров, которые основательно подозревались в содействии студентам. Одному из них, Дьяконову, Ник. Павл. сказал, что

---

[1] Как мы видели, сам Н. П. Боголепов дал такую же характеристику деятельности Г. А. Захарьина в своем интимном дневнике.

его протестантский образ действий замечен, и что это может отразиться на его службе[1]. Профессор Дьяконов возразил, что всегда держался законности и порядка; но впоследствии Ник. Павл. убедился, что эта манера говорить о законности и порядке с видом искренности была усвоена не только профессорами, но и студентами, наиболее замешанными в подстрекательстве. Другому подозревавшемуся профессору — А. А. Остроумову Боголепов сказал, что его судьба висела на волоске, и что он был бы уволен, если бы волнение не улеглось. На вопрос Остроумова, в чем его обвиняют, Ник. Павл. указал на то, что он открыто и в присутствии студентов резко говорил о Захарьине, порицал манеру его чтения и его дурные отношения к больным. Этот профессор также уверял, что именно в нынешнем году он держался очень сдержанно. История закончилась без волнения; но стало известно, что на следующее полугодие студенты 4-го курса решили записываться у проф. К. М. Павлинова, а не у Захарьина. На это их толкали профессора[2], в особенности те, которые защищались с видом искренности. Когда студенты заявили им о намерении не посещать лекций Захарьина, один из профессоров сказал: «За это вас могут сослать, куда Макар телят не гонял. Теперь ходите к Захарьину, а на следующее полугодие никто вам не помешает заниматься у Павлинова*. На следующий (1896-й) год дела Захарьина не улучшились. Он очень волновался тем, что 3-й курс медиков совсем не записался на лекции к профессору Голубову, его ставленнику. Следовательно, исчезла надежда, что третьекурсники, став четверокурсниками, запишутся на лекции Захарьина. Последний стал бегать к Николаю Павловичу, доказывая, что Павлинов читает незаконно курс факультетской клиники. По уставу Екатерининской больницы, факультетская клиника должна служить госпитальной клиникой для университетов. Павлинову было разрешено читать курс факультетской клиники лишь временно, впредь до перевода госпитальной клиники на Девичье поле, а это совершилось уже давно. Ник. Павл. стал уговаривать Захарьина не добиваться,

---

[1] Петр Ив. Дьяконов, талантливый хирург, не мог нравиться Боголепову и К° уже за одно то, что не был карьеристом, стремился, с риском для своей репутации (делал рискованные операции), помочь больному, а не заработать на больном.

[2] В сообщении от 7 декабря за № 3231 Власовский писал, что «инициатором всей агитации [против Захарьина] является Рукавишников, которым в октябре прошлого года был разорван подписной лист на венок для возложения на гроб в бозе почившего государя императора Александра Александровича». Меньщиков (стр. 327) называет, как зачинщиков, по сведениям охраны — Е. Флерова, Рукавишникова, Певзнера, Шиловцева, Янсена, Гречишникова и Яновского. По прокламациям С. С. видно, что студенты без профессоров до тонкости знали плутни и мерзости Захарьина и его «мальчиков». Боголепов просто доносничал, сводя личные счеты.

* По закону, студенты имели право выбирать себе преподавателя (примечание Е. Б.).

чтобы запретили Павлинову читать курс факультетской клиники. «Скажут», говорил он Захарьину, «что вы побиваете своего противника не перевесом достоинства, а буквой закона». — Да что — обращать внимание на то, что скажут? А сами мои противники что делают? Они покрываются законом о свободе выбора преподавателя, а на самом деле возбуждают студентов против меня, что совсем нельзя назвать законным; а власть присутствует и ничего не делает». («Записки», стр. 117—119).

Можно только прибавить к этим выразительным строкам: o tempora, o mores! (О времена, о нравы!). При всем желании Боголепов, опутавший университет подлым сыском и наполнивший низким доносничеством, не смог пойти до конца в защите Захарьина, т. к. он, по словам его дневника, «чувствовал, что запрещение лекций Павлинова подольет масла во вражду и едва ли улучшит положение Захарьина», а его жена перевела эти строки на более реальный язык. По словам дневника, жена уговаривала Боголепова не итти против течения: «Правительство тебя не поддерживает, общество все против твоих мер; бороться при таких условиях — значит донкихотствовать». «Я уговорила его прекратить борьбу, — говорит в примечании Е. Б. (стр. 120), — потому что опасалась за его жизнь: меня пугала злоба и ненависть, которые вызывали его репрессивные меры».

В конце-концов Захарьину пришлось выйти в отставку. Кафедру он передал своему ставленнику профессору П. М. Попову, ассистенту факультетской терапевтической клиники Захарьина с 1890 г. и почетному лейб-медику с 1894 г.

С именем П. М. Попова связывается начало движения 1896 г.

«Уже с конца 1896 г., — сказано в докладе московских профессоров (стр. 6), — вследствие введенного перед тем «конспиративного порядка выбора членов, Союзный Совет стал для представляемых им землячеств таинственным неизвестным и, как всякий X, начал терять доверие организованного студенчества, а революционное направление, данное его деятельности «отчаянными головами», какими наполнили его такие выборы, прямо оттолкнуло от него рассудительную часть приверженцев старого состава».

Причиной изменения направления Союзного Совета и наполнения его состава «отчаянными головами», как выразился В. О. Ключевский, было то обстоятельство, что с 1893 г. промышленное развитие России вступило в новую эру. «Наступает неслыханное промышленное оживление, соответствующее такому же оживлению на всемирном рынке». Одновременно началось общественно-политическое пробуждение в стране под непосредственным воздействием массового рабочего движения. Рост стачечного движения за 1890-е годы, по данным Ю. О. Мартова (Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. «Книга», СПБ, М. 1923 г., стр. 122), выражается в следующих цифрах: в 1894 г.—

17 000 стачечников; в 1895—48 000, в 1896—67 000, в 1897—102 777, в 1898 — 87 000, в 1899 — 130 000. Особенно выдающееся значение имели стачки 1896 и 1897 гг., в которых участвовало до 170 000 рабочих. [Цифры Мартова полнее официальных, но и они, вероятно, не охватывают всех стачечников].

«14 мая 1896 г. происходила торжественная коронация Николая II. Фабрики распустили рабочих на 3 дня, но не выдали им за эти дни платы, и это послужило той искрой, которая воспламенила накопившийся горючий материал». Конечно, при современных масштабах и напряжении классовой борьбы, забастовка нескольких десятков тысяч рабочих кажется мелким столкновением, а требования, выставленные рабочими: 1) 12-ти часовой рабочий день (вместо 14-ти и 15-ти час.) с $1\frac{1}{2}$ час. обеденным перерывом; 2) повышение расценок «так, чтобы наши заработки не уменьшались» (при сокращении рабочего дня); 3) окончание работ по субботам в 2 часа; 4) уплата за коронационные дни; 5) правильная расплата 2 раза в месяц; 6) прекращение злоупотреблений в виде пускания машин раньше времени, — кажутся недостаточными, но в свое время эта забастовка 30 000 петербургских рабочих, руководимых «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», произвела неизгладимое впечатление. Средства для поддержки стачечников собирались не только в России, но также и в Западной Европе, особенно в Англии - трэд-юнионами. «Петербургская стачка произвела сильное впечатление на западно-европейское общественное мнение, и на происходившем вскоре затем международном рабочем конгрессе в Лондоне известие о стачке было встречено с энтузиазмом». (Мартов, стр. 129).

Под влиянием массового рабочего движения, правительство впервые обратилось с воззванием к рабочим, устроило совещания, под председательством министра финансов С. Ю. Витте, с фабрикантами, и 2 июня 1897 г. издало закон, устанавливавший $11\frac{1}{2}$ часовой рабочий день.

Вот этот подъем рабочего движения, а не «конспиративный порядок выборов», и оказал влияние на деятельность Союзного Совета.

В состав Союзного Совета 1896 г. вошла довольно многочисленная группа известных впоследствии деятелей различных фракций с.-д. партии: А. Г. и В. Г. Громаны, А. П. Доливо-Добровольский, И. Ф. Блинов, Н. А. Семашко, видные деятели партии с.-р. С. Н. Слетов и В. К. Вольский; известный революционный деятель В. С. Дерябин (партийность его мне установить не удалось); кроме того, в совет входили: А. О. Огаджанов, В. И. Михалевич, М. В. Чиков, В. Иванов, Н. Москалев, А. Ступин, И. Бондаренко, Н. Э. Фосс, Б. Д. Некрасов, А. Г. Михайловский и социал-демократ Л. И. Залыгин. Итого на 19 человек, известных как члены Союзного Совета, приходилось 9 деятелей с определенной партийной окраской, из них 6 социал-демократов.

Деятельность Союзного Совета 1896 г. приобрела политическую окраску. «Сообщу тебе секретную университетскую новость, — писал 5 ноября 1896 г. студент Московского университета М. И. Латти в г. Рыбинск Н. Н. Дильдежко, — которую ты, думаю, будешь держать в тайне. У нас в Москве, как теперь это уже есть в Киеве, Харькове, вспыхнут в скором времени студенческие беспорядки, как протест против всего реакционного направления царствования Николая II. Поводом к беспорядкам будет принята так называемая Поповская история»... (Меньщиков, стр. 330. Подчеркнуто мной).

«В начале нынешнего академического года, — говорилось в правительственном сообщении («Прав. Вестник», 5/XII 1896 г.), — восстановившийся «Союзный Совет» признал своевременным возбудить беспорядки в Московском университете и затем распространить их и на прочие университеты империи. Ввиду отсутствия каких-либо более или менее достаточных оснований к неудовольствию студентов, «Союзный Совет» решил выставить поводом к общему протесту назначение на одну из кафедр медицинского факультета профессора, не пользующегося симпатиями слушателей. Первоначально этот повод отвергнут землячествами, но на последующем голосовании вопрос о беспорядках прошел большинством 90 голосов при 1 000 баллотировавших [1]. Несмотря, однако, на это решение, значительное большинство студенчества, не входившее в состав «объединенных землячеств» [2], не нашло совместным с своими интересами согласиться на возбуждение беспорядков по столь незначительной причине, и нарушение порядка не состоялось, за исключением отдельных случаев проявлений детских протестов со стороны некоторых студентов, которые во время лекций сзначенного профессора громко кашляли, сморкались и выходили с шумом из аудитории».

«6-го ноября «началось», — пишет Меньщиков (стр. 330): — студенты, собравшиеся в клиниках на лекции Попова, вели себя так демонстративно, что профессор предложил им оставить аудиторию, но «слушатели» не подчинились, и пришлось удалиться самому лектору».

«Ректор, — сообщает С. П. Мельгунов, — узнав о поведении медиков 4-го курса на лекции профессора П[опова], вызвал ординаторов последнего и предложил им шпионить за студентами. Ординатор Ф., возмущенный таким предложением, подал в отставку Проф. П[опов], к которому явился инспектор с фотографическими карточками медиков 4-го курса и просил указать нарушителей

---

[1] «Из опрошенных 1 200 студентов-земляков за активный протест высказался 51%, против него 37%, не голосовало 12% (Мельгунов стр. 75; сведения взяты из прокламации Союзного Совета).

[2] «Можно подумать, — справедливо замечает по этому поводу Союзный Совет, — что полиция производила опрос студенчества, не входящего в состав объединенных землячеств» (Мельгунов, стр. 75).

порядка, также отказался от «роли шпиона за своими слушателями». Брожение с медицинского факультета перебрасывалось и на другие — горючего материала было слишком много, при этом и в других университетах происходили волнения, что всегда отзывалось на настроении студентов» (стр. 74—75).

Что на «настроение» студентов влияли главным образом общеполитические условия, — это либералу из профессорской среды С. П. Мельгунову признать мешала предвзятая точка зрения. Но на почве протеста против назначения одного профессора широкое движение не развернулось. «Быстро принятые решительные меры и на этот раз довольно скоро успокоили волнения», — говорит Е. Б. [стр. 125]. Но она все же оказалась более трезвым наблюдателем, чем С. П. Мельгунов, продолжая дальше: «Конечно, такие меры могли сдержать только на время глухо клокотавшую бурю, готовую ежеминутно перейти в открытое восстание». Эта буря разыгралась на политической почве, как все крупные студенческие волнения.

«Следует отметить здесь, — говорило правительственное сообщение, — что, опекая столь заботливо достоинство студенчества, «Союзный Совет» не упускал из виду и своих «общественных обязанностей» и, получив известие о незначительной забастовке рабочих на одной из костромских фабрик, тотчас же выпустил воззвание к студентам, приглашая их придти на помощь стачечникам. Шапка, со вложенным в нее воззванием, ходила по рукам студентов во время лекций для сбора пожертвований, а также два землячества ассигновали для этой цели 170 рублей из земляческих средств.

Для правильного суждения о целях организации «Союзного Совета», его ближайших задачах и способах действия представляется полезным поместить здесь текст общих соображений, изложенных в воззвании «Союзного Совета объединенных московских землячеств» от 21-го октября сего года:

«I. Союзный совет полагает, что главною целью союза землячеств должна быть подготовка борцов к политической деятельности.

«II. Союзный совет считает, что организованный активный протест в данную эпоху все усиливающейся реакции будет иметь громадное и широкое воспитательное значение.

«III. Союзный совет находит факт с профессором X достаточно важным мотивом для поднятия организованных беспорядков с целью борьбы против современного университетского режима, как частичного проявления общегосударственной политики, беспорядков, к которым должно привлечь студенческие массы тех университетских городов, где имеются студенческие организации.

«VI. Союзный Совет просит землячества и другие университеты дать ответ на следующие вопросы:

«1) Присоединяются ли землячества и другие университеты к мнению Союзного Совета, что следует открыто протестовать в

настоящее время против общего университетского режима, воспользовавшись историею с означенным профессором?

«2) Если присоединяются, то предоставляют ли Союзному Совету право организовать и выработать программу требований?

«3) Согласны ли подчиниться программе требований и действий, выработанных Союзным Советом после опроса землячеств и других университетов?

«V. Землячества, не подавшие своих ответов Союзному Совету к 5-му ноября, должны будут подчиниться общему решению.

«VI. Каждое землячество должно представить статистические данные с указанием количества лиц, принявших пункты, предложенные Союзным Советом, и число отвергнувших их.

«В защиту высказанных положений Союзный Совет считает нужным привести нижеследующие мотивы.

«Современный университетский режим есть лишь частичное проявление общегосударственной политики. Борясь против насилия и произвола университетского начальства, студенчество будет закаляться и воспитываться для политической борьбы с общегосударственным режимом. Систематическое проведение реакционных начал в жизнь университетов со стороны правительства сопровождалось полною деморализациею профессуры и упадком чувства собственного достоинства в студенчестве»... «Беспорядки, поставленные на общегосударственную почву, взволновав студенческую среду, вызовут к активной жизни наилучшие элементы, для которых станет ясен смысл и значение протеста. Выразив активный протест, студенчество покажет, что его нельзя безнаказанно оскорблять, и что бывает предел его терпению. История с профессором X является достаточным поводом для возбуждения обще-студенческого движения»...

«Неуспех агитации по избранному «Союзным Советом» поводу понудил это сообщество вызвать беспорядки иным способом, а именно произвести уличную демонстрацию с политическою окраскою, и на почве тех мер, которые несомненно будут приняты администрациею, поднять учащееся юношество на беспорядки и в стенах университета. Таким поводом был избран полугодовой день несчастного события на Ходынском поле, и с этою целью «Союзный Совет» выпустил воззвание к студентам, приглашавшее их явиться 18-го ноября на Ваганьково кладбище для служения панихиды по погибшим, «и своим присутствием», как говорит текст воззвания от 14-го ноября, «выразить, с одной стороны, сочувствие жертвам небрежности администрации, а с другой, — протест против существующего порядка, допускающего возможность подобных печальных фактов».

С. П. Мельгунов (стр. 75—77) пытается доказать, что, «не имея за собой твердого большинства, Союзный Совет решил отказаться от всякого активного протеста в данную минуту. «Это утверждение Мельгунова вызвало протест

со стороны даже его единомышленника социалиста-революционера С. Н. Слетова. «Отмечу кстати, — писал он [Сб. «Путь Студенчества». М. 1916, стр. 43, прим.] — досадную ошибку г. С. Мельгунова, допущенную им в его в общем интересной брошюре «Студенческие организации в Московском университете».

По его словам, устройство демонстрации «вызвало протест значительной части Союзного Совета» (2-ое изд. М. 1908 г., стр. 76). В действительности же, как один из членов тогдашнего Совета, я могу засвидетельствовать, что не только инициатива демонстрации исходила от Союзного Совета (причем решение об ее устройстве было принято единогласно), но С. С. выпустил 14 ноября гектографированное воззвание к москвичам, приглашавшее их явиться 18 ноября на Ваганьковское кладбище для панихиды по погибшим и «своим присутствием выразить, с одной стороны, сочувствие жертвам небрежности администрации, а с другой — протест против существующего порядка, допускающего возможность подобных печальных фактов».

Ходынская катастрофа, к полугодовому дню которой Союзный Совет приурочил политическое выступление, была ярким событием в ту эпоху [1]. Во время коронации Николая II 18 мая 1896 г., на громадном Ходынском поле, по примеру коронации Александра III в 1883 г., было назначено народное гулянье с раздачею подарков. «Угощение, предназначавшееся для народа, заключалось в сайке и узелке, в который были завязаны колбаса, пряник, сласти, эмалированная кружка и программа увеселений».

Для обеспечения порядка на Ходынском поле был назначен наряд, состоявший из 1 800 человек полицейских, 4 сотен 1 Донского казачьего полка и 1 000 человек от войск. Но эти солидные полицейско-воинские силы должны были, по расписанию, явиться на место только к 9 часам утра 18 мая. 17-го мая для охраны балаганов с подарками на Ходынском поле находилось только 46 солдат 7-го гренадерского Самогитского полка, 12 казаков и 2 урядника. Но уже с утра 17 мая на поле потянулись десятки тысяч народа из Москвы и деревень; некоторые ехали на поезде за десятки и сотни верст. «Поезда проходили набитые и облепленные пассажирами так, что ни в коридорах, ни на площадках и ступеньках вагонов свободных мест не было». «Получив донесение о двигающихся к полю массах народа, обер-полицеймейстер разослал приставам телеграммы с извещением, что «фабричные рабочие должны быть отправляемы с таким расчетом, чтобы прибыть на Ходынское поле не раньше 10 часов дня». Официальные торжества должны были открыться в 12 часов дня, когда на поле должны были приехать министры, двор, иностранные гости, царская свита и царь с

---

[1] В кавычки заключены выдержки из воспоминаний А. А. Лопухина (Гиз, 1923) и статьи В. П. Штейна — «Ходынская катастрофа 1896 г.» (Исторический Вестник, 1909 г., ноябрь).

семейством. Телеграмма была послана в 5 часов дня, когда на Ходынку уже двинулась чуть ли не вся рабочая Москва. «Часам к 8—9 вечера 17 числа теснота в четырехугольнике, замкнутом городом, канавами шоссе и лагеря и линиями будок, была уже так велика, что сидеть и лежать было негде, — толпа начала подыматься на ноги. К 10 часам вечера она уже вся стояла. А от города напирали все новые волны народа. Толпа стала сжиматься так, что, стоя в ней, уже нельзя было выпростать и поднять руку. Среди нее движений отдельных лиц уже не было, — она вся слилась, как единая масса, и, как рассказывали свидетели, так целиком медленно покачивалась из стороны в сторону».

Увидевший свое бессилие и начинавшуюся давку, начальник караула — поручик, — «после продолжительных безуспешных настояний», стал получать мизерные подкрепления. В $10^1/_2$ ч. вечера подошла рота Самогитского полка в 78 чел., в час ночи прибыл полицеймейстер Будберг с сотнею Донского казачьего полка, в $2^1/_2$ часа — батальон 8-го гренадерского полка в 270 чел.

«Около 6 часов утра кто-то, стоявший наверху ближайшей трибуны для публики, махнул шапкой. Это было принято толпой за ожидавшийся сигнал, она рванулась за линию будок и там тотчас же рассеялась», обнажив кучи почти бесформенных тел людей, задохшихся и раздавленных во время стояния. Официально насчитывалось 1 128 погибших. Сколько погибло в действительности — неизвестно. Мертвых сваливали на подводы и старались только как можно скорее развезти с места празднества, которое продолжалось, как ни в чем не бывало, что вызвало чувство глубокого возмущения среди всех слоев населения. Вечером в высших кругах происходил бал с участием царя и царицы.

Вот это бездушное отношение к народу и должна была напомнить панихида, организованная Союзным Советом на Ваганьковском кладбище, где под рядами однообразных крестов на громадной площади были погребены жертвы Ходынской катастрофы. Какой же оригинальной «слепотой надо обладать, чтобы утверждать, как это делает С. П. Мельгунов [стр. 78], что «политической окраски, вопреки правительственному сообщению, студенческие беспорядки не носили».

«Чтобы парализовать агитацию, охранное отделение произвело в ночь на 17/XI—96 года аресты участников сходок, которые были намечены наблюдением за представителем юго-западных землячеств В. И. Михалевичем, проявлявшим особую энергию, за упоминавшимися выше Чиковым, Бондаренко, Ступиным, а также за И. Ф. Блиновым и А. А. Ассингом; всего было задержано 53 человека, причем по обыскам у М. Р. Растощинского взяли гектограф, а у Михалевича, Ассинга, Н. В. Васильчикова, П. Н. Яковлева, П. М. Назарьева, Куницкого и Н. Э. Фосс (член Союзного Совета от калужского землячества) была обнаружена разная нелегальщина и земляческие документы» [Меньщиков, стр. 331—332].

«Несмотря, однако, на арест членов центральной студенческой организации, — говорится в правительственном сообщении, — 18-го ноября, утром, группа студентов, численностью до 500 человек, возбужденных вышеуказанным воззванием, направилась к Ваганьковскому кладбищу, но у Пресненской заставы была остановлена полициею. Отказавшись разойтись, толпа повернула назад и по Никитской улице направились к университету [1]. По дороге некоторая часть студентов разошлись по домам, но около университета к толпе присоединилась часть студентов, находившихся у ворот, а также вышедших из университета.

Вследствие отказа разойтись, толпа была проведена в расположенный близ университета манеж, где все участники демонстрации переписаны [2], а затем освобождены, за исключением 36-ти человек, замеченных в руководительстве беспорядков и подстрекательстве товарищей. Кроме студентов, в толпе оказалось несколько слушательниц женских курсов и не принадлежавших к составу университета лиц».

Обновленный Совет признал значение Ходынской демонстрации и выработал требования, которые были оглашены на сходках и предъявлены университетскому начальству [Мельгунов, стр. 77]:

«1) Высказывая полную солидарность с участниками Ваганьковской манифестации, мы требуем освобождения всех студентов, которые арестованы, и непривлечения к ответственности тех, которые переписаны в манеже и университете; 2) протестуя против произвола, практикуемого по отношению к студентам со стороны администрации, мы требуем освобождения всех студентов, арестованных за последние дни, а также возвращения в университет всех пострадавших за студенческие «беспорядки» в последние годы; вместе с тем мы требуем ограждения нас от подобного произвола на будущее время; 3) сознавая и живо чувствуя все стеснения, созданные университетским уставом 1884 г., мы требуем коренного изменения его в духе устава 1863 г.».

К сожалению, нам неизвестен второй состав Союзного Совета осени 1896 г., но несомненно, что после арестов видных представителей «политического» направления, Союзный Совет начал скатываться на «академическую» почву. До нас пока дошли только скудные сведения о том [отчет московских делегатов Одесскому съезду 1900 г.], что радикальная программа первого состава Союзного Совета вызвала недовольство со стороны умеренных элементов землячеств, что начались разногласия и «земляки перессорились, разделились на «радикалов» и «независимых», на «дураков» и «подлецов» (Доклад московских профессоров, стр. 6).

---

[1] Чтобы отслужить панихиду в университетской церкви (Меньщиков, стр. 332).

[2] «Всего было зарегистрировано 446 человек, но задержали на этот раз лишь 17 универсантов, 4 женщины и 15 разночинцев» (Меньщиков, стр. 332).

На следующий день после Ходынской демонстрации, — рассказывает Л. П. Меньщиков (стр. 332), — учебное начальство вывесило в стенах университета объявление о воспрещении сборищ; «это обстоятельство (простодушно говорит официальная справка о беспорядках) послужило для студентов поводом вновь собрать сходку».

«19-го ноября,— говорит правительственное сообщение,— в университете собралась сходка более 400 человек студентов, которая послала 20 депутатов для предъявления ректору требований об освобождении арестованных товарищей. Ректор отказался принять депутатов, ввиду того, что сходки и коллективные заявления воспрещены уставом университета, но, несмотря на это, уполномоченные сходки насильно вошли в квартиру ректора, который отказался выслушать их заявление и предложил удалиться. Вслед затем ректор вышел к собравшимся на сходку студентам и продолжительно уговаривал их разойтись; ввиду же отказа большинства толпы исполнить это требование, учебное начальство принуждено было обратиться для ареста ослушников к содействию полиции, которая вошла в университет и препроводила участников сходки в манеж, где и были записаны 403 человека, отправленные затем в тюремный замок.

20 и 22-го ноября в университете собирались вновь шумные сходки, участники которых, вследствие упорного отказа разойтись, также были арестованы, по требованию учебного начальства, мерами полиции, причем задержаны: в 1-й день — 206, а во второй — 66 человек».

Интересные подробности, наряду с инсинуациями, сообщает Е. Б. [стр. 123]: «Первый день многие пришли с узелочками,— видимо, заранее приготовившись к аресту... Видимо было, что эти участники сходок получили приказ [!?] итти и требовать, чтобы выпустили их товарищей, или чтобы их арестовали, потому что они солидарны. Их и арестовали».

«Сходки долгое время не прекращались; приходившие на них студенты выражали желание быть арестованными. Союзный Совет отлично понимал, что большое количество арестованных создаст затруднения правительству. Из разных его документов видно, что он добивался закрытия всех высших учебных заведений в России, рассчитывая, что это будет крупным скандалом на всю Европу. «Хотя я лично», пишет Николай Павлович в своих записках, «о Европе не беспокоился, но закрытия университетов не желал, потому что это дало бы нашим революционерам выигрыш тем, что приучило бы молодежь к жизни скандальной, шумной и безделной».

Надо было принять меры против сходок. В пересыльной тюрьме уже места оставалось мало». [Е. Б., стр. 124].

А профессора в своем докладе [стр. 5] рассказывают:

«На сходке 19 ноября студенты (около 400 чел.) были уже

в таком взволнованном состоянии, что казались «неспособными слушать и понимать какие-либо аргументы». Депутаты объяснялись с ректором возбужденно, переходя порою в резкость и грубость, впрочем тотчас понижая тон по требованию более сдержанных товарищей. Они просили ректора ходатайствовать об освобождении арестованных, в том числе и их «лучших людей» (Союзного Совета), об ограждении студентов от произвола полиции, о снятии обидного объявления, а из задних рядов депутации послышались голоса об отмене устава 1884 г. Это объяснение, носившее «нервный характер», не привело ни к чему. Угроза полицейским арестом ни на эту, ни на следующую сходку 20 ноября не оказала желаемого действия: студенты сами требовали, чтобы их не томили, поскорее арестовали, нетерпеливо роптали, почему так долго не являлась полиция, любезно встречали полицейского офицера с 2—3 городовыми и, по его приглашению, — «пожалуйте, господа, если вам угодно», — готовно очищали зал и без обычного оцепления лентой двигались в манеж, предшествуемые 3—4 полицейскими, указывавшими путь, и сопровождаемые такою же лентой остальных полицейских. На увещания инспекции разойтись, чтобы избегнуть ареста, отвечали, что они именно того и добиваются, чтобы быть арестованными, хорошо зная, что чем больше виноватых, тем меньше наказание, которого они вообще не боятся. На дальнейших сходках к прежним требованиям прибавлено было новое — возвратить в университет всех, пострадавших в последние годы за студенческие беспорядки. Однако скоро стало заметно, что истинной заботой участников сходок было облегчение участи арестованных товарищей, а прочие требования выкрикивались некоторыми только для порядка, ради последовательности, не находя более поддержки в массе студенчества. Сходка 23 ноября выразила инспекции готовность разойтись, если узнает судьбу арестованных, для чего-де она и собралась, и разошлась действительно, как скоро ректор обещал исполнить их желание. Вывешенное объявление об участи арестованных заметно успокоило студентов, хотя не всех удовлетворило, и студенты сами стали энергично мешать недовольным товарищам продолжать беспорядки. Для выяснения мотивов движения характерно вмешательство в него медиков старших курсов, которые в первое время держались мирно.

К ректору 22 ноября явились курсовые депутации, которые, спокойно и вежливо заявляя свою солидарность с арестованными и сочувствие их требованиям, просили: «закройте университет; мы не хотим беспорядков, но можем быть вовлечены в них». Действительно, на другой день, не выдержав упреков со стороны товарищей в равнодушии и узком эгоизме, медики начали, затворяясь в аудиториях по курсам, совещаться, что делать, и постановили прекратить посещение лекций, чтобы добиться закрытия университета согласно с планом Союзного Совета.

«В волнениях 1895 г. [1] вскрылись некоторые элементы и особенности брожения. При всей возбужденности, участники беспорядков старались вести себя сдержанно и прилично, не допуская излишеств. На сходки собиралось меньше студентов (около 16%); но значительное число, если не большинство, сочувствовало им, не принимая участия в беспорядках. Наибольшее участие принимали медики и естественники, обнаружившие и наибольшую сплоченность. «Пятый, четвертый и третий курс медиков, как по команде, запирались в аудиториях, не пуская к себе инспекции, по целым часам вели там совещания и выносили курсовые решения, которые дружно приводили потом в исполнение. «То же замечалось и на втором медицинском курсе, который оказывал небезуспешное давление на первокурсников, стараясь не допускать их до занятий, которых они не хотели покидать. Наконец, студенты обнаружили в себе большую дисциплину, так сказать, с левой руки, слушались своего нелегального начальства гораздо более, чем университетского. В химическую лабораторию раз явились 4 студента, назвались старостами и приказали работавшим студентам прекратить занятия. Те повиновались приказу и только просили позволения закончить начатые работы, которые иначе будут испорчены и труд их пропадет даром. Пришедшие благосклонно снизошли на эту просьбу».

Не надо забывать, что эти строки писались В. О. Ключевским под контролем Совета Московского университета, которому нужно было затушевывать «политику». И тем не менее, талантливое перо историка дало много интересных штрихов, характеризующих движение 1896 г. Так, следует обратить внимание на роль старших курсов в движении. В секретном докладе не говорится обычной лжи о преобладающем участии в движении «преимущественно студентов с младших курсов», вовлекаемых «темной силой агитаторов» благодаря неопытности. Точно указан % (16) активных участников движения и дана яркая картина проявления солидарности.

Демонстрация товарищеской солидарности произвела впечатление на начальство. Когда 23 ноября остатки радикального студенчества вновь собрались на сходку, то, как рассказывает Меньщиков [стр. 333], — «учебное начальство не обратилось к содействию полиции, наоборот, — обещало ходатайствовать об освобождении арестованных; оно спасовало перед альтернативой: или перенести чтение лекций в Бутырки, или превратить «храм науки» в дом предварительного заключения». К арестованным отнеслись «снисходительно» и 28 ноября 624 студента были освобождены.

«Из общего числа арестованных — 711 человек, — говорится в правительственном сообщении, — некоторые обратили на себя внимание администрации и учебного начальства, как организаторы

---

[1] Очевидная опечатка: 1896 г.

и руководители беспорядков, вследствие чего дело о них, а также об арестованных 17-го ноября членах «Союзного Совета», имеет быть направлено в порядке ст. ст. 32—36 высочайше утвержденного положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия. Виновность же остальных 662 студентов была рассмотрена университетским судом, который, разделив их на категории, постановил:

«1) студентов первой категории, в числе 26 человек, участвовавших в названных сборищах, при отягчающих вину обстоятельствах или ранее замеченных в университете в проступках и нарушении правил, уволить из университета с правом поступления в другие университеты с начала будущего академического года;

«2) студентов второй категории, в числе 175 человек, участвовавших в сборищах два раза, — подвергнуть такому же наказанию, — и

«3) студентов третьей категории, в числе 461, участвовавших в сборищах один раз, уволить из университета с правом обратного поступления с начала будущего учебного года.

«Но принимая во внимание, что студенты участвовали в сборищах, как свидетельствуют обстоятельства дела, под давлением лиц, преследующих цели, несовместимые с правильным течением университетской жизни, правление решило ходатайствовать относительно студентов второй и третьей категории, в числе 636 человек, перед министром народного просвещения о смягчении указанных выше наказаний, а именно: подвергнуть этих студентов дисциплинарным взысканиям соответственно степени их вины, по определению правления, на основании действующих правил для студентов, с последствиями, указанными § 37 сих правил, и с предупреждением, что означенные студенты, в случае нового участия в сходках и недозволенных сообществах, будут исключены из университета без всякого смягчения их участи».

Ходатайство правления императорского Московского университета о лицах, отнесенных ко II и III категориям, было уважено министром народного просвещения, и они в течение 25-го, 26-го и 27-го ноября освобождены из-под стражи, в числе 636 человек.

Вслед за сим, 27-го ноября, в стенах университета было вывешено нижеследующее объявление:

«Ректор императорского Московского университета, согласно распоряжения гг. министров народного просвещения и внутренних дел, сим сообщает студентам, что: а) все те из них, которые будут участвовать вновь в сходках или иных коллективных проявлениях неповиновения университетскому начальству, а равно полиции, будут арестованы и немедленно высланы из Москвы, причем они будут считаться уволенными без прошения; б) нежелающие подчиниться установленным университетским правилам и распоряжениям начальства могут получать обратно свои доку-

менты в установленный начальством университета срок и будут считаться уволенными по прошению».

О происхождении последнего документа, объявления ректора, рассказывает на стр. 124—125 своих «Записок» вдова Боголепова:

«Меры для прекращения беспорядков обсуждались на совещаниях попечителя с ректором, его помощником и инспектором студентов Давыдовским. Названные лица не раз собирались у великого князя. Все они были против закрытия университета, а из министерства народного просвещения писали, что университет закрыт не будет.

На одном из совещаний у великого князя решено было просить министра народного просвещения развесить в университете объявления, гласящие, что участники сходок будут впредь увольняемы из университета и высылаемы на родину к родителям. Допускать сходки, по мнению Николая Павловича, было невозможно. «Все понимали», пишет он, «что нельзя вдруг повернуть политику и предоставить желающим устраивать сходки, не говоря уже о том, что мы, старые профессора и администраторы, были уверены, на основании опыта прежних лет (особенно Тихонравовских времен) [1], что такое дозволение было бы началом более крупных беспорядков, которые вынудили бы закрыть университет». В ответ на посланную министру телеграмму пришло от него полное согласие на увольнение и высылку участников сходок. Заявления о желании быть арестованными прекратились».

Но решительный удар движению нанесли не угрозы, а действия охранного отделения, арестовавшего и выславшего всю руководящую часть радикальной части студентов. «Полицейские аресты довершили его (Союзного Совета) крушение», — писал В. О. Ключевский [Доклад комиссии, стр. 6]. В результате движения, — говорит Мельгунов (стр. 78), — более 200 человек, даже по официальным данным, было выброшено из студенческой среды».

Кроме указанных в докладе московских профессоров (стр. 2) жертв ноябрьского движения 1896 г., уволенных по постановлениям правления 26 и вследствие ареста и административной высылки — 97, — охранное отделение произвело ряд арестов студентов. Так, Меньщиков указывает [стр. 334—335], что было разгромлено Тамбовское землячество, где прочное ядро составляли будущие социалисты-революционеры. «Помимо Слетова, представителя тамбовцев в Союзном Совете, его заместителя Вольского, библиотекаря Назарьева, гектографщика Ростошинского, были арестованы еще: М. М. Дорохов (писавший тексты воззваний), Н. Н. Сатин (кандидат в заместители), Д. К. Лысогорский и И. Н. Васильев

---

[1] Н. С. Тихонравов (1832—1893 г.), профессор М. У., историк русской литературы, ректор М. У. с 1877—1883 г. В 1883 г. Тихонравов, лидер «старой» профессуры, растерявшийся при усилении студенческих волнений и не применявший крутых мер, был свергнут «молодыми», выдвинувшими Боголепова.

(«социал-демократы по убеждениям»), Н. С. и А. С. Жихаревы, Г. Н. и Л. И. Залыгины, С. А. Студенецкий и другие.

Были арестованы также: Б. Д. Некрасов, у которого, согласно показаниям Ф. К. Арнольди, происходили собрания ново-московского землячества; Дерябин, являвшийся, по заявлению на дознании Г. М. Функа, представителем пермского землячества в Союзном Совете; А. Г. Михайловский — деятельный член союзнической организации (перлюстрационные данные) и В. В. Серебренников, который, как выяснилось, дал Ассингу нелегальную брошюру.

Последний удар Союзному Совету, после которого он уже не оправился, был нанесен 23 марта 1897 г., когда на квартире В. А. Медведева и жены его К. П. Медведевой были арестованы 19 членов Союзного Совета. «Одновременно были обысканы и арестованы 6 других представителей землячеств, 9 членов судебной комиссии, 2 кассира, 1 — от бюро труда, 1 — «издатель» и несколько человек по другим делам (Меньщиков, стр. 335—336).

«В качестве членов Союзного Совета 23/III — 97 г. были арестованы: Е. И. Лятоскевич, Г. Л. Корякин, П. Х. Канонов, А. В. Артюшков, С. И. Ершов, С. А. Королев, В. Д. Чельцов, В. П. Одинцов, С. И. Солицев, С. Л. Маслов, Б. Н. Захаров, Ш. М. Черниковер, А. В. Ильинский, С. А. Мирошниченко, Б. Н. Клирпков, А. М. Квасницкий, Я. О. Пилсудский, Л. Ф. Друговино, С. Г. Крупнов, Ф. Х. Корсиев, С. П. Гвоздев, В. Ф. Дорошевский, Ц. Л. Гинсбург, К. Ф. Рожновский, Н. К. Кинчер и В. П. Грацианский.

Из членов Суд. комиссии были задержаны: С. С. Карасева, О. С. Тер-Степанов, А. К. Долгов, П. В. Фандеев, Л. И. Рывкин, С. В. Шаповалов, В. Н. Шкварцов, М. С. Щукин и А. М. Станиловский.

И. А. Кашин и В. В. Маньков были взяты, как «издатели» (советских листков). Арестованные: М. И. Мережинский — являлся представителем бюро труда, а П. С. Заврнев и А. С. Кулеш были кассирами. Д. И. Виноградов подвергся аресту исключительно на основании перлюстрационных данных. З. В. Гусеву, П. А. Казанского, В. С. Колокольцову, В. В. Назарова и К. М. Острова задержали ввиду результатов обыска у них». «...Из документов, отобранных по обыску у Кулеша и Острова, видно было, что они придерживались социал-демократического направления [Меньщиков, стр. 427].

Кроме социал-демократов — С. И. Солнцева и А. С. Кулеша и социалиста-революционера С. Л. Маслова в данном составе Союзного Совета нет известных в политических партиях имен. Состав был бледный, такова же была и деятельность Совета.

Движение 1896 г. привлекло большое внимание не только пробудившихся к политической жизни слоев русского общества, но и вызвало ряд сочувственных откликов за границей. «Так, парижская группа социалистов-революционеров-интернационалистов

(секретарь Леон-Реми) по поводу арестов, вызванных ноябрьскими демонстрациями, прислала свою декларацию, в которой заявила, что «счастлива констатировать тот факт, что даже в России существует серьезное революционное движение», и выразила свою симпатию «товарищам, которые борются в русских университетах за дело революции». Эта декларация тоже была опубликована союзниками в гектографированной листовке, вместе с приветствием, полученным от студентов Римского университета, которое содержало протест «против жестокостей политических преследований» и выражало пожелание «скорой и полной свободы русскому народу» (Меньщиков, стр. 334).

Отозвался на движение 1896 г. Московский Рабочий Союз. 3-го ноября 1896 г. Центральный Комитет Рабочего Союза издал воззвание «К московским студентам», которое перепечатано В. В. Максаковым в его статье «Пионеры социал-демократии в Москве» (Сб. «На заре рабочего движения в Москве», стр. 79—80).

«Прокламация эта чрезвычайно характерна и заслуживает большого внимания в наши дни. Почти четверть века назад первые социал-демократы проникновенно наметили путь, по которому должна пойти российская интеллигенция, если она считает себя спаянной и истинной революционной демократией — рабочим классом», — говорит о воззвании Рабочего Союза В. В. Максаков.

Но такой взгляд обнаруживает только недостаточное знакомство с эпохой у высказавшего его автора. Прокламация «К московским студентам» страдает всеми недостатками, свойственными «экономизму», сторонниками которого являлись деятели Рабочего Союза 1896 г. В ноябре 1896 г. во главе Союза стояла группа соц.-дем. с врачом А. Н. Орловым, Л. П. Радиным, Н. А. Карчагиным, С. М. Синицыным, М. И. Семеновым и Л. К. Колачевской, как руководителями. Группа эта, как и все деятели, находившаяся под влиянием «экономизма», не умела поставить и решить вопроса об отношении к начавшемуся, рядом с рабочим, революционному движению мелкобуржуазных слоев населения. Прокламация «К московским студентам» как раз и обнаруживает эту беспомощность.

«Капитализм в последние 30 лет, — говорилось в прокламации,— быстро идет вперед, подчиняя все своим неумолимым законам. Развивается и крепнет у нас буржуазия, но рядом с ней растет и концентрируется ее антипод — пролетариат. Для того, чтобы интеллигенция могла влиять на экономическую, политическую и духовную эволюцию страны, она должна раз навсегда стать на сторону того или другого класса...

...Городской пролетариат призывает к себе интеллигенцию, и было бы иронией судьбы, если бы она, так самоотверженно боровшаяся в недавнем прошлом за свободу, в настоящее время повернулась спиной к тем, опираясь на мощную руку которых она только и может достигнуть ее. Студенчество за последние годы совершенно оторвалось от общественной жизни, замкнулось в

узкий круг своих университетских интересов и главною своей задачей поставило бесцельное объединение студенчества. Что общего между студентом социалистом и студентом буржуа? Что общего между умственным пролетариатом и умственной буржуазией? Пусть те, которые тратят все свои силы на бесплодную борьбу за студенческие интересы, отдадут хоть часть их на рабочее дело. Пусть они смело идут рука об руку с нами в борьбу. Ведь только в единении с нами они достигнут осуществления своих идеалов, они добьются и свободы науки, к которой тщетно стремились до сих пор.

Центральный Комитет Рабочего Союза».

Справедливо указывая на то, что между студентом буржуа и студентом социалистом мало общего, комитет Рабочего Союза не делал тех практических выводов, которые неизбежно вытекали из этого положения: необходимо объединить студентов социал-демократов в свою, классовую политическую организацию, и этой пролетарской организации начать политическую агитацию, на почве данного движения, среди демократического студенчества.

«Практическая деятельность социал-демократов, — писал в 1897 г. В. И. Ленин (Задачи русских социал-демократов. Соб. соч., т. 1, стр. 344), — ставит себе, как известно, задачей руководить классовой борьбой пролетариата и организовать эту борьбу в ее обоих проявлениях: социалистическом (борьба против класса капиталистов, стремящаяся к разрушению классового строя и организации социалистического правительства) и демократическом (борьба против абсолютизма, стремящаяся к завоеванию для России политической свободы и демократизации политического и общественного строя России...»).

Говоря дальше о том, что в своей экономической борьбе «пролетариат стоит совершенно одиноко», — Ленин продолжает (стр. 348): «Между тем, в демократической, политической борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко; наряду с ним становятся все политически оппозиционные элементы, слои населения и классы, поскольку они враждебны абсолютизму и ведут против него борьбу в тех или иных формах».

Вопрос об отношении партии пролетариата к другим революционным и оппозиционным течениям, — этот вопрос, как известно, проводил на практике разделительную черту между различными течениями в российской социал-демократии за все время ее существования.

Уже в 1897 г. (и раньше, в 1894 г.) [1], в цитируемом програм-

---

[1] «Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату (поддержка которого — необходимое условие для победы рабочего класса) никогда не выйти из положения забитого, загнанного

мном выступлении В. И. Ленин ясно наметил задачу пролетариата в демократической революции: он должен, сохраняя свою классовую самостоятельность, используя демократическую революцию в интересах достижения своей конечной цели, «вступить во главе русской демократии в решительную борьбу против полицейского абсолютизма, связывающего по рукам и по ногам русских рабочих и весь русский народ» (стр. 360). Вот понимания этих демократических задач российского пролетариата 1890-х годов у «экономистов» не было; не было и у деятелей Рабочего Союза, что обнаружилось в завязавшейся полемике.

Вот что отвечал Союзный Совет на обращение к нему Рабочего Союза:

«Мы, несколько лиц [1], участвующих в студенческой организации, прочитав воззвание комитета Рабочего Союза, решились в ответ на него сделать некоторые замечания. Вы упрекаете нас, что мы замкнулись в узкий круг интересов и задачей своей поставили «бесцельное объединение студенчества». Действительно студенчество стремится к объединению, но неужели делает это ради собственного удовольствия или для достижения каких-либо ничтожных облегчений того гнета, который висит над ним. Нет, цель студенческого Союза гораздо шире. Он является нравственной школой, подготовляющей ту интеллигенцию, которая нам нужна для массы; он готовит тех политических борцов, которые могли бы «самоотверженно бороться за свободу. «В студенчестве находится много лиц, так сказать «нейтральных» (?), из которых могут выработаться или буржуа — прожигатели жизни, или интеллигенты в лучшем смысле этого слова, смотря потому, в какую среду и под чье влияние они попадут; среди студентов много стремящихся ко всему хорошему, но не знающих правильного пути. Кто укажет им его и кто выработает из них интеллигентов, способных самоотверженно обращать свои познания в пользу массы и руководить ей в борьбе за свободу? Неужели то стадо разжиревших людей, которое растлевает с кафедры нашу молодежь? Нет, это может сделать лишь единение студенчества, главная цель которого, повторяем, выработка здравых убеждений. Правда, нет ничего общего между студентом буржуа и студентом социалистом, но ведь одной из главных задач студенческой организации [является] увеличить последний класс на счет первого. Таким образом Союз

люда, способного только на тупое отчаянье, а не на разумный и стойкий протест и борьбу».

«Русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и, поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции» (Что такое «друзья народа». Соб. соч., т. I, стр. 202 и 210).

[1] Под этими «несколькими лицами», по словам охр. отд., скрывался Союзный Совет.

наш, подготовляя честных борцов за свободу, не противодействует, а помогает борьбе рабочего класса против ненавистных как ему, так и нам, буржуазии и капитализма. Что касается беспорядков, то уже периодическое повторение их показывает, что они возникают не по произволу известной партии, а вызываются самой жизнью. Мы сами отлично знаем, что непосредственно за беспорядками последует не изменение устава в нашу пользу, а лишь репрессии, и все-таки стоим за них, потому что видим в них протест одной из частей общества, угнетаемого существующим режимом. Чем больше и чем чаще будут такие протесты во всех слоях общества, тем лучше. Те жертвы, которые повлекут за собою беспорядки, не исчезнут в бездне, — они будут продолжать с еще большей энергией борьбу, где бы они ни находились. Опыт указывает, что выгнанные из университетов за беспорядки всегда являлись одними из самых плодотворных деятелей за общее дело. Итак, мы смело можем, не разъединяясь друг от друга, заявить, что боремся за одно с вами и под одним знаменем, только разным оружием».

Если, с точки зрения теории, ответ Союзного Совета не выдерживает самой снисходительной критики, то, с точки зрения практических задач демократической революции, он стоит выше обращения Рабочего Союза, сводящего всю задачу Союзного Совета к обслуживанию его отдельными пропагандистскими единицами. Это будет ясно из пространного второго воззвания Центрального Комитета Рабочего Союза, препровожденного чиновником особых поручений департамента полиции Л. А. Ратаевым в Москву 14-го февраля 1897 г., следовательно, изданного не позже первой половины февраля 1897 г., когда во главе Московского Рабочего Союза стояла группа Н. Н. Вашкова, В. В. Воровского, Н. И. Малинина и др. Возможно, однако, что воззвание было издано еще в декабре 1896 г., когда во главе Рабочего Союза стояли А. Фин, К. Батурин, Гр. Масленников, Н. Чичкин и др.

«К Московскому студенчеству.

Перед началом ваших демонстраций против русского правительства мы обратились к Вам с воззванием, в котором указывали наиболее прогрессивным нашим членам на невозможность для Вас, как класса, как общественной группы, какого-либо активного революционного участия в русской общественной жизни. Мы пытались обратить Ваше внимание на бесплодность студенческих движений и приглашали Вас примкнуть к Рабочему Союзу.

Недавняя ваша попытка стать активной революционной силой наглядно показала всем, в какой степени изменилось студенчество под влиянием изменившихся общественно-экономических отношений и до чего призрачной вследствие этого является самая мысль о борьбе студенчества за свои классовые интересы. При голосовании по землячествам вопроса о беспорядках только 51%, или, что то же (при наличном составе студенческого союза в 1 200 человек,

только 612 человек считали возможным и целесообразным в настоящее время то средство, к которому сплошь и рядом прибегали студенты прежде; не увлекала даже возможность всероссийских студенческих беспорядков: 31% решительно высказался против. Следовательно, только 15 с небольшим процентов общего количества (более 4000) студентов в Московском университете считают возможным вести чисто-студенческую борьбу: остальные или совершенно не интересуются самым вопросом о каких-то общестуденческих интересах или (меньшинство) не хотят принимать в ней участие, зная вперед всю безуспешность студенческих вспышек.

Посмотрите же на плачевные результаты последних беспорядков: лучшие ваши товарищи исключаются из университета и подвергаются административной высылке; многие из Вас (по вашему же признанию) оставлены в университете в качестве заложников, на которых обрушится правительственная кара при первой же вашей попытке выказать свое недовольство университетскими порядками, большинство открыто выражает свое негодование, показывая этим свое моральное ничтожество: большая часть ваших товарищей не решилась выказать даже пассивно (участием в сходках) свое сочувствие тем идеям, сторонниками которых вы явились в вашем протесте, не потому, чтобы они считали такой протест нецелесообразным, а просто по нравственной тупости и вследствие рабского примирения с окружающим гнетом. Вот где явно сказалось влияние царско-буржуазного режима.

Но это еще не все. Что представляют из себя те 1000 человек, которые действовали во время беспорядков до некоторой степени самоотверженно? Вследствие каких мотивов они шли, какими принципами руководствовались они в своем протесте; были ли у них общественные идеалы, осуществления которых они думали добиться своей борьбой и которые так отличали старое студенчество? Ничего подобного: «товарищеское чувство» было единственным мотивом, и как только появилось на стенах университета грозное объявление ректора о немедленном исключении из университета всякого, кто отважится протестовать, — как все одушевление пропало, забыты были все требования, «шкурный» вопрос выступил на первый план, и недавние борцы за идею снова вернулись к своему прежнему полубуржуазному общественному индиферентизму.

Они не задумались и не задумаются над причинами своей неудачи: слишком они отвыкли от свободной мысли и действительно самоотверженной деятельности.

Вот прекрасный пример вашей общественно-политической беспомощности, обусловленной не только внешним правительственным давлением, но и тем внутренним разладом, который все глубже и глубже проникает в русское студенчество. Разве может буржуазное студенчество восстать против правительства, всецело стоящего на стороне буржуазии? Не ясно ли, что такое студенчество неспособно бороться за свободу университетской жизни, и что, если

Вы действительно хотите борьбы с реакцией, вам ничего не остается другого, как примкнуть к существующим революционным партиям. Ведь беспорядки и демонстрация — самое крайнее средство, которым вы располагаете; а если это средство окажется недостигающим цели — что остается делать?

Ваше недовольство вызвало ряд статей в либеральной и консервативной прессе [1]; публицисты выступают с более или менее двусмысленными проектами упорядочения вашей жизни. Но неужели гг. публицисты, также как и ваши товарищи, стоящие за легализирование землячеств и тому под. меры, ждут от них каких-либо существенных перемен в общем направлении университетской жизни? Неужели реакционное правительство ни с того, ни с сего подарит Вам право ассоциаций и свободу мысли, когда у всего русского общества нет ни свободы слова, ни свободы печати, ни свободы ассоциации? Когда светские школы заменяются церковно-приходскими, лучшие Ваши профессора увольняются из университета и малейшее проявление свободной мысли повсюду встречает правительственные преграды.

Мы снова обращаемся к Вам, московские студенты, снова предлагаем Вам посвятить свои силы великому делу освобождения рабочего класса от эксплоатации капиталистов, освященной санкцией царского правительства. Ведь у нас, русских рабочих, те же враги, что и у Вас, русских студентов. Предписания царских министров вытесняют из университетов более развитых профессоров, заменяя их бездарностями и посредственностями; запрещением свободного слушания лекций стесняют ваше стремление к образованию, — царское же правительство мешает нам развиваться и организоваться в рабочую партию для более успешной борьбы с нашими эксплоататорами — капиталистами. Вы окружены царскими шпионами и сыщиками — и у нас нет одной даже самой незначительной фабрики, где бы царское заботливое око не наблюдало за нами и не вырывало из нашей среды наиболее развитых и деятельных товарищей. Наконец, как против Вас, в случае протеста, царское правительство высылает солдат и казаков, так и на нас при забастовках и стачках высылается тоже царское войско; разница только в том, что Вас разгоняют нагайками, а с нами церемонятся менее, и без стеснения наводят солдатские ружья. Да не посылает царь свое спасибо усмиряющим вас [2] казакам,

---

[1] Опубликование правительственного сообщения дало возможность газетам поместить ряд статей по университетскому вопросу. Либеральная пресса воспользовалась случаем, чтобы указать на желательность даровать профессорам автономию. В. «С.-Петербургских Ведомостях» на защиту профессорской автономии выступили старый профессор в отставке Б. Н. Чичерин и молодой приват-доцент кн. С. Н. Трубецкой. В «Новом Времени» старая лиса — А. С. Суворин лицемерно писал, что к молодежи надо относиться с любовью, но не с тою любовью, «за которую можно прятаться и мутить».

[2] В копии попечителя моск. уч. округа ошибочно стоит: нас.

как это сделал он после подлого убийства наших товарищей в Ярославле [1]».

Вследствие многочисленных арестов наших товарищей нынешней осенью наш Рабочий Союз понес тяжелую утрату [2]. Но пусть не думают царское правительство и московские капиталисты, что наша организация погибла. Живое дело русского рабочего движения не может пасть от ударов отживающего царского самовластия и близится время падения абсолютизма, не имеющего сил выдержать натиск объединенного русского рабочего класса. Мы деятельно готовимся к борьбе, потому что победа над русским царем ведет к более успешной борьбе со вторым нашим врагом — капиталистами. И к этой-то борьбе мы призываем Вас, московские студенты.

Центральный Комитет Рабочего Союза».

Основные положения обращения Рабочего Союза к московским студентам: 1) у студенчества в прошлом были какие-то общие «классовые» интересы; 2) студенчество, под влиянием изменившихся общественно-экономических отношений, утратило эти общие классовые интересы; 3) студенчество своим выступлением не добилось удовлетворения своих требований, следовательно его борьба бесцельна; 4) студенческое движение ведет к большим жертвам, — все эти положения или расходятся с действительностью, не принимая во внимание существования классов в русском обществе, или отдают реакционным духом, идеализируя прошлое:

«Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя! —
Богатыри не вы»...

Или обнаруживают душу филистера, дрожащего перед революцией и вызываемыми ею жертвами, когда пугают студентов исключением из университета и карами инспекции, или доказывают «общественно-политическую бесполезность» студенческого движения на том основании, что ни одно выступление студентов еще не привело к реальным уступкам правительства, вроде прибавки копейки на рубль, которыми «экономисты» козыряли перед рабочими.

Единственное сильное место обращения к студентам Рабочего Союза это то, где они доказывают, забывая только что высказанное положение: «разве может буржуазное студенчество восстать про-

---

[1] Во время стачки рабочих на мануфактуре Корзинкиных в Ярославле (апрель 1895 г.) солдаты Фанагорийского полка стреляли в рабочих. В награду «молодцам-фанагорийцам» было объявлено царское спасибо.

[2] 6 июля 1896 г. арестована группа Колокольникова: Б. А. Кварцев, В. В. Мягков, Д. Солодовников, Н. М. Величкин и др. 10 ноября — группа А. Н. Орлова: Радин, Корчагин и др. Начиная с 9 дек. 1896 г. разгромлены группы с.-д.: Н. В. и А. В. Чичкины, К. Н. Батурин, А. М. Никитин, А. Ф. Войткевич, А. Ю. Фин и др.

тив правительства, всецело стоящего на страже буржуазии?» [1] — общность ближайших требований «студентов» (в действительности только демократической части) и рабочих. Но из этого верного положения авторы обращения к московским студентам делают тот неправильный вывод, что самодержавие может быть сломлено силами одного рабочего класса, в ряды которого и приглашают стать студентов. «Сторонники «чисто рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой нерабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция), — справедливо писал в «Что делать?» В. И. Ленин (Соб. соч., т. V, стр. 147), — вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам буржуазных «только трэд-юнионистов».

Большие аресты московских студентов, как деятелей рабочего движения, так и движения студенческого, произведенные в 1896 и 1897 годах, обессилили радикальную часть студенчества, а главное — лишили ее руководящей верхушки, и до 1899 года в Московском университете не было крупных движений. Прошла незаметно даже известная «Ветровская история», вызвавшая крупное политическое движение в Петербурге и в провинциальных городах. Лишнее доказательство несостоятельности тех историков, которые сводят студенческое движение к отдельным вспышкам, вызванным актами произвола, повлиявшими на «настроение» пылкой молодежи.

Петербургская курсистка Мария Феодосеевна Ветрова была арестована в ночь на 22-е ноября 1896 года по подозрению в сношении с типографией народовольцев. Под влиянием тяжелых условий содержания в Петропавловской крепости, куда она была заключена, 10-го февраля 1897 года Ветрова облила себя керосином из лампы и подожгла его. От полученных ожогов скончалась 12-го февраля. Только 28-го февраля директор Департамента полиции С. Э. Зволянский сообщил об этом родственнице Ветровой, и после этого об этом факте узнала учащаяся молодежь. По словам прокламации, изданной в Москве 9-го марта, 4-го марта 1897 года — «На панихиду по М. Ф. Ветровой явилось к Казанскому собору до 3 000», а по сведениям департамента полиции даже «до 5 000 человек». «Священник отказался служить панихиду [2]. Тогда со-

---

[1] «Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы всей буржуазии, всего развития капитализма вообще, необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию» (В. И. Ленин. Соч. т. IV, 2-е изд., стр. 355).

[2] Это не совсем точно. Священник, в страхе перед толпой, согласие дал, но затем скрылся через боковой выход.

бравшиеся сами пропели «со святыми упокой» и «вечную память», затем были произнесены речи, и между прочим профессором Бекетовым [1]. После этого направившаяся по Невскому проспекту толпа была остановлена и направилась по Казанской улице, где была переписана в Казанском участке (в числе до 1 500 [2] человек, из них студ. спец. высш. учебн. завед. 760 человек и курсисток 165 чел.»).

В Киеве «18 и 19 марта, — как сообщал 25-го марта начальник жандармского управления генерал Новицкий, — были уличные демонстрации студентов [с] пением заупокойных молитв... Арестовано до 200 студентов, 60 разночинцев [и] женщин, агитировавших [среди] участников [и] ослушников полиции».

В Харькове, по словам начальника губ. жанд. управления, — «около 200 студентов, собравшихся 18 марта перед собором, в виду отказа отслужить панихиду, прошли по улице с пением «Вечная память», но были оцеплены казаками и временно задержаны. Арестов не было».

В Москве, издав 8 марта прокламацию с изложением событий в Петербурге, Союзный Совет 45 Московских объединенных землячеств ограничился следующими словами: «Выражая свое сожаление по безвременно погибшей мученице и свое сочувствие лицам, принимавшим участие в манифестации по поводу смерти, С. С. отмечает эту ужасную смерть, как новое доказательство того, чего могут ожидать в России люди, которых русское правительство считает опасными для своего произвола».

14 марта издала прокламацию «Группа московских студентов», где писала: «Неужели и теперь ответом на эту беспримерную жестокость будет только тупое недоумение общества, погрязшего в тине мелких эгоистических интересов?..»

«Мы твердо уверены, что отзывчивая молодежь искренно возмущена вопиющим преступлением деспотической власти, и на этот раз не изменит себе и, по примеру петербургских товарищей, почтит память безвременно погибшего борца за свободу угнетенного и обездоленного рабочего люда, содействуя этим самым широкой огласке, столь необходимой в интересах всего общества».

А 22 марта в Техническом училище вывешено было приглашение явиться на панихиду по Ветровой в воскресенье 28 марта к 12 час. дня в церковь «Николы на курьих ножках» близ Арбата. Приглашение исходило от студентов Сельскохозяйственного института, которые «решили принять на себя инициативу в выражении соболезнования по поводу... ужасного факта», так как Союзный Совет «не решился последовать»... «симпатичному примеру» Петер-

---

[1] Химик Николай Николаевич, вообще доброжелательно относившийся к студентам, зарекомендовавший себя их защитником еще в начале 1870 г. в Харькове; Ветрова была его ученицей.

[2] По сведениям департамента полиции, всего было переписано 903 человека.

бурга. «Объясняется это, конечно, тем, — говорило воззвание,— что лучшие члены этой почтенной организации удалены из Москвы за время последних беспорядков».

«К назначенному времени, — сообщал обер-полицмейстер Трепов директору с.-х. института, пытавшемуся заступиться за студентов, — к церкви св. Николая собралось весьма незначительное количество студентов, и, благодаря принятым заранее мерам полиции, панихида не состоялась. В числе 47 человек, приходивших на панихиду, было 11 студентов университета, 7 техников, 3 курсистки и 26 студентов вверенного вам сельско-хозяйственного института».

При подобных обстоятельствах римляне говорили: «Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas», что в данном случае можно вольно перевести так: пусть у радикального студенчества не хватало сил, достойно похвалы желание протестовать. Это желание никогда не замирало у пролетарской части студенчества, что нашло себе выражение в цитированной выше прокламации «группы московских студентов», в так называемой «Хвостовской истории».

В цитированной статье, помещенной в приложении «С родины на родину», «Старый студент» писал: «Итак, мы видим, что деятельность землячеств приняла в Союзе яркую политическую окраску — и это было неизбежным следствием общих условий, окружавших студенчество». Но для политической организации пестрый состав «обществ взаимного кредита» был совершенно ненадежным фундаментом. Фундамент рухнул, Союзный Совет повис в воздухе и, — как писал В. О. Ключевский, — «полицейские аресты довершили его крушение». Передовые студенты-политики поняли это и стали искать выхода.

В этом отношении очень показательно письмо бывшего члена Сибирского землячества, являющееся попыткой пересмотреть основы деятельности Союзного Совета, притом попыткой, которая подсказана практикой студенческого движения. Крайне интересно, что автор письма «К вопросу о выработке программы Союза» робко и неуверенно приходит к тем же выводам, которые ясно и решительно были высказаны В. И. Лениным.

«Партии рабочего класса,—писал В. И. Ленин (Соб. соч., т. XII, часть 2-я, стр. 284), — везде в Европе складывались, высвобождаясь из-под влияния общедемократической идеологии, научась отделять борьбу наемных рабочих с капиталом от борьбы с феодализмом, между прочим именно ради усиления этой последней борьбы, ради освобождения ее от всякой шаткости и робости».

«Тем менее, — писал В. И. Ленин в другом месте (Соч., т. V, 2-е изд., стр. 356), — можно удивляться тому, что классовое происхождение современных политических групп в России затемняется в сильнейшей степени политическим бесправием всего народа, господством над ним замечательно организованной, идейно-сплоченной, традиционно-замкнутой бюрократии. Надо удивляться скорее

тому, какой сильный отпечаток успело уже наложить европейско-капиталистическое развитие России, вопреки азиатскому политическому строю, на политическую группировку общества».

Из этих положений с неизбежностью следовал вывод, ясно формулированный в программном объявлении об издании «Искры» (Соб. соч. т. IV, стр. 8): «Прежде чем объединяться, и для того, чтобы объединяться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться».

К такому же размежеванию призывал В. И. Ленин и студенчество в своей статье «Задачи революционной молодежи». «Как только дошло до д е л а, — писал там (стр. 142) В. И. Ленин, — расхождение разнородных элементов стало неизбежным». «Вопрос стоит о п о л и т и ч е с к о й деятельности, которая, по самому существу своему, неразрывно связана с борьбой партий и неизбежно требует в ы б о р а одной определенной партии» (стр. 138). «Задача социалиста не затушевывать этого различия, а напротив, разъяснять его возможно более широкой массе и закреплять его в политической организации» (стр. 141).

«Если политическая группировка студенчества соответствует политической группировке общества, то не означает ли это само собой, что под «идейным объединением» студенчества можно понимать одно из двух: или направление возможно большего числа студентов на сторону вполне определенного круга социально политических идей, или возможно более тесное сближение между студентами определенной политической группы, с представителями этой группы вне студенчества? Не ясно ли само собой, что о революционизировании студенчества можно говорить только с точки зрения вполне определенного взгляда на содержание и характер этого революционизирования? Для социал-демократа, например, оно означает, во-первых, — распространение социал-демократических убеждений среди студенчества и борьбу с теми взглядами, которые хотя и называются «социалистически-революционными», но с революционным социализмом не имеют ничего общего, а во-вторых, — стремление расширить, сделать более сознательным и более решительным всякое демократическое, а в том числе и академическое движение в студенчестве» (Соб. соч., т. IV, стр. 137).

Учение Ленина тем и сильно, что, основываясь на верной теории, оно с поразительной ясностью формулирует те практические задачи, которые выдвигаются текущей действительностью и в отдельности становятся понятными непосредственным участникам движения.

В 1898 году от сложного и громоздкого аппарата былого Союзного Совета остались одни обломки. Во главе их судьба поставила студента-сибиряка М. Д. Михайловского, человека с вполне установившимися народническими взглядами. В составленном, если не Михайловским, то при его ближайшем участии, «Письме *** землячества к московским студентам», с многочислен-

ными ссылками на Арнольди (П. Л. Лаврова), намечался путь к возрождению союзной организации. В письме этом, [1] между прочим, говорилось: «Своеобразные условия студенческой жизни и характер работы самого студенчества позволяют выделить последнее, если не в общество, то в отдельную среду, отдельную организацию, а участие в разрешении вопросов общественно-политической жизни ставит его в разряд общественных сил, «ибо начало прогресса не принадлежит безусловно ни одной из общественных форм, и каждая из них может сделаться орудием прогресса в данную эпоху, при данной обстановке» (Миртов).

«Один в поле не воин. Для того, чтобы стать общественной силою нужна организация личности в партию. И единая мысль, единая цель составляют [2] силу партии, а взаимная адвокатура составляет ее внешнюю; внимательная же и неуклонная борьба с врагом — есть проявление жизни партии».

Не будем же медлить и примемся тайно, но неотступно за дорогое нам дело — выработку критически мыслящих деятелей на арену общественной жизни».

В ответ на эту декларацию *** землячества М. Д. Михайловскому было отправлено письмо со штемпелем «Курск» «?» XII—98» [3], в котором автор, констатировав разложение Союзного Совета под влиянием репрессий, говорит дальше:

«Наиболее умеренные члены союза или просто бегут, спасая свою шкуру, или предлагают сферу будущей деятельности Союза ограничить чисто студенческими интересами; между тем как другие, более радикальные члены, предлагают всецело выступить на арену политической борьбы. Одни бегут из Союза, боясь полицейских преследований, другие — с горьким сознанием бессилия Союза. Союз редеет еще более. Приток новых сил чрезвычайно слабый. Оставшиеся поневоле бездействуют, проводя время в вечных спорах народничества с социалдемократизмом, народовольцев с постепеновцами, радикалов с умеренными и проч.

Вся эта смесь племен, наречий, состояний — добавим, убеждений — давным давно расползлась бы в разные стороны, если бы сама жизнь настойчиво не выставляла требования сплотиться в какую-либо организацию. Вопрос о программе деятельности такой организации — вопрос чрезвычайно важный, а как выработать однородную программу при членах с столь разнообразными убеждениями?..»

---

[1] Оно датировано 2/10—1898 г., опубликовано Союзным Советом 20/X. С. С. с ним солидаризировался.

[2] Пропущено слово «внутреннюю» (см. «Исторические письма» Миртова (П. Л. Лаврова), изд. «Русск. Бог.» 2-е, СПБ, 1905, стр. 151). Автор в данном месте вольно цитирует из главы: «Растущая общественная сила», стр. 139—153.

[3] Письмо отправлено Зубатову Ратаевым 1/XII 1898 г. при отношение за № 2067. Следовательно, написано в Курске еще в ноябре.

«Очевидно, землячества и Союз теперь не в состоянии сплотиться стеной студентов, как то было до конца 1896 года. Условия жизни требуют новых форм организации. И такой единственно возможной формой является деление студенчества не по землячествам, а по политическим партиям. Вывод совсем не новый, но вместе с тем для многих страшно парадоксальный...»

Дальше автор письма пространно доказывает, что такое оформление среди студенчества политических партий не только не ослабит движения, но усилит его, выведя за пределы университетов и облегчив соглашение на почве общих задач.

«На этой почве общения возникает, наконец, новый Союзный Совет. Каждая партия выбирает известное число своих депутатов, сколько — это, конечно, покажет практика. Новый Союзный Совет будет походить на очень маленький парламент, очень маленький рейхстаг, но он будет иметь одно существенное преимущество перед настоящим парламентом или рейхстагом. Он будет гораздо радикальнее, сплоченнее, деятельнее...»

Заметим, кстати, что такие парламенты, воплотившиеся в жизнь под именем «Коалиционных советов», оказались бессильными руководить движением, поскольку опирались на смесь пролетарских, мелко-буржуазных и либеральных организаций, а не обеспечивали гегемонию социал-демократии в движении. В этом отношении автор письма не отличался проницательностью В. И. Ленина. Но он хорошо понимал, что политические организации не могут ограничиться стенами университетов.

«Политические идеи распространяются все больше и больше,— писал он в конце своего послания. — Число социал-демократов, народников, народовольцев [1] и проч. уже порядочно. Но беда вся в том, что они страшно разобщены. По выходе из университета и — volens nolens — из организации, бывшие члены остаются, что называется, без рук, действуют в потемках и через год-два замолкают [2]. На огромном пространстве России разбросано не мало людей, жаждущих социального, политического, экономического прогресса. Студенчество обыкновенно жалуется на пассивность общества, но как выражать сочувствие или протест в одиночку? Для этого нужны политические партии. И потребность в них растет с каждым днем. Нужно положить только основание. Студенчество — этот барометр общественной жизни — и должно взяться за это дело. Этим оно сослужит для общества великую услугу, которая займет блестящую страницу в политической истории России. Но еще более пользы оно принесет этим себе»...

«Пусть студенчество менее опытно, но ему, сплоченному в силу

---

[1] Автор всюду разделяет народников и народовольцев; такова была практика. Это необходимо отметить.

[2] Вот трезвое объяснение известного общественного явления, которое метафизики объясняли «упадком психической энергии», влиянием «возраста», «темперамента» и т. д.

обстановки, ему легче всего положить первый камень в этом великом деле. Из обломков полуразрушенного величественного здания Союзного Совета скоро возникает новое, более величественное, стройное, прочное, с бесконечной перспективой самой плодотворной деятельности на благо дорогой родины. Пройдут года, и политические организации, выйдя из ядра старейшего в России университета с некогда сильнейшим Союзом, покроют сетью и Восточную Европу. Здесь, в сердце России — в Москве, скорее пройдет темная ночь и заалеет румяная заря жизни. Неужели московское студенчество откажется от такой великой будущности, неужели даже не попытается создать политические партии, неужели не исполнит лежащего на нем долга, неужели обманет надежды интеллигенции и, к своему стыду и позору, зароется в сферу чисто студенческих интересов?

Бывший земляк».

Трезвые голоса «политиков» глохли благодаря отсталости общественных отношений России 1890-х годов. Только идейное влияние знаменитой «Искры», руководимой В. И. Лениным, помогло «политикам» добиться осуществления поставленных себе задач. В этом весь смысл следующего периода студенческого движения — периода бури и натиска 1899—1902 гг., когда «политика» одержала верх над «академизмом». Но пролетарское ядро «третьего элемента», как видим, ясно сознавало свои политические задачи уже после опыта 1896 года.

Практическая деятельность Союзного Совета 1898 года выразилась в издании прокламаций по поводу защиты докторской диссертации В. М. Хвостовым. Хвостов был в числе тех немногих студентов-учеников Н. П. Боголепова, которые поддерживали дружественные отношения с этим профессором-карьеристом. Хвостов окончил Московский университет в 1889 г. (род. в 1868) и был оставлен при университете по протекции Н. П. Боголепова. В 1895 г. Хвостов должен был защищать магистерскую диссертацию: «Опыт характеристики понятий aequitas и aequum jus в римской классической юриспруденции». Официальными оппонентами были назначены профессор Ю. С. Гамбаров и ученик Боголепова, как и Хвостов, принадлежавший к немногим личным знакомым Боголепова еще со студенческой скамьи, — Н. К. Доробец.

Среди специалистов преобладало мнение о ничтожном научном значении представленной В. М. Хвостовым диссертации, и либеральную часть профессуры возмущало беззастенчивое протаскивание на кафедру своего любимца московским попечителем. Из официальных оппонентов Ю. С. Гамбаров поместил в «Русской Мысли» статью с уничтожающим разбором представленной на диспут работы. По личным ли мотивам, как старался представить Боголепов, или потому, что пребывание в заграничной командировке расширило его горизонт и позволило критически отнестись к достоинствам

его патрона, но к мнению Гамбарова присоединился второй официальный оппонент, «любимый ученик» Боголепова, к которому последний в течение десяти лет относился «совершенно отечески», — Н. К. Доробец. «По возвращении Доробца из-за границы, Боголепов, — пытается объяснить «измену» вдова последнего (стр. 141), — начал замечать некоторое изменение в его духовном строе: молодой человек держал себя странно и работал вяло, причем заметно было понижение его умственных способностей».

К сожалению, в моем распоряжении нет данных, которые дают понятие о личности и научной подготовке Доробца, но само изменение отношения к «любимому ученику», назначенному официальным оппонентом, несмотря на «понижение его умственных способностей», очень характерно со стороны Н. П. Боголепова.

«Подстрекаемый двумя недругами Боголепова, — читаем дальше (стр. 142), — профессором Гамбаровым и приват-доцентом Гусаковым, читавшим один из отделов римского права, Доробец задался мыслью не допустить диссертации Хвостова»... «Между тем Боголепов, тщательно изучив эту диссертацию, нашел, что она представляет основательную ученую работу, и что все слухи, распространяемые о ней, лживы. То же мнение о ней высказал профессор А. С. Павлов [1], которому юридический факультет предоставил суд над борющимися сторонами и который изучил отзыв оппонентов столь же тщательно, как и диссертацию Хвостова. На заседании юридического факультета, где читались отзывы оппонентов, профессор Павлов доказал неверность их доводов. Тут же был назначен и день диспута, а также и запасные оппоненты — на случай умышленной неявки на диспут Доробца и профессора Гамбарова».

В переводе на понятный язык эта фальшивая тирада показывает, что были пущены в ход все средства, чтобы протащить В. М. Хвостова, вплоть до устранения строптивых оппонентов и замены их верноподданствующими чиновниками. Как в действительности обстояло дело, можно прочесть в гектографированной прокламации «Союзного Совета 45-ти объединенных московских землячеств», помеченной 3 марта 1896 г.

«Летом прошлого года, — говорится в прокламации, — Боголепов ездил по делам в Петербург, был у министра и, между прочим, преподнес ему экземпляр диссертации Хвостова, причем характеризовал последнего, как человека очень талантливого, и добавил, что он со спокойным сердцем оставляет кафедру, предоставляя ее такому достойному преемнику. Таким образом Боголепов прямо

---

[1] А-ей Степ. Павлов (1832—1896), профессор церковного права Казанского университета с 1863 г., профессор канонического права Московского университета с 1875 г., автор многочисленных работ на специальные темы, вроде «Об участии мирян в делах церкви», «О кормчей», «Номоканон при Большом Требнике», — специалистом по римскому праву не был. Принадлежал к «министерской» партии.

добился у министра, чтобы Хвостов читал курс римского права, чтобы на его, Боголепова, место не был назначен профессор из другого университета, как это предполагалось раньше. Итак, осенью 1895 г. Хвостов начал читать свой курс, [и] [1] вместе с тем представил факультету свою магистерскую диссертацию»... «Факультет, по обыкновению, поручил одному из специалистов по римскому праву, г. Доробцу, разобрать диссертацию и дать о ней отзыв, чтобы на основании его допустить или не допустить диссертацию к защите. Доробец дал отзыв не в пользу Хвостова, чего никак не ожидали ни Боголепов, ни профессора, так как до этого времени считали Доробца тоже своим человеком. Тогда Боголепов, как попечитель, вызвал Доробца к себе и сделал ему выговор за такой резкий отзыв о диссертации, которую он, Боголепов, находит превосходной, упрекал его в недобросовестности и сказал ему, что он должен был бы оценить трудолюбие Хвостова.

Между тем некоторые из профессоров, еще до факультетского заседания, попросили Доробца дать им ознакомиться с его отзывом; он дал им отзыв, но в сокращенном виде, причем в тех местах, где сокращал, он сделал пометки, что на заседании даст подробные объяснения. Наконец, наступило самое заседание, на котором Доробец должен был прочесть свой отзыв. И вот, когда Доробец стал читать отзыв и делать предполагавшиеся разъяснения, те из профессоров, которые стояли за Хвостова, подняли против него целую бурю, говоря, что он не имеет права читать того, что у него не написано в циркулировавшем в руках профессоров отзыве, причем декан, г. Легонин [2], вышел даже из пределов приличия, — начал грубо кричать на Доробца, грозил, что прикажет его вывести, если он будет делать какие-либо добавления, даже вырвал у него отзыв из рук. В конце произошел подсчет голосов. Все специалисты по разбираемому в диссертации вопросу оказались против ее допущения, но, несмотря на это, факультет счел возможным остановиться на противоположном решении. Здесь прямо была допущена неправильность. Если факультет не был согласен с мнением Доробца, то он должен был бы поручить рассмотреть диссертацию другому специалисту. Мало того, когда один из протестовавших против допущения диссертации к защите, проф. Гамбаров, выразил желание явиться в качестве официального оппонента, то был устранен и от этого: оппонентами были назначены тот же Доробец и профессор церковного права Павлов.

Самый диспут предполагалось сначала устроить в январе (1896 г.), но тут произошел новый инцидент, сильно встревоживший сторонников Хвостова. Они узнали, что проф. Гамбаров, устранен-

---

[1] В подлиннике дефект.

[2] Вик. А-еев. Легонин, профессор судебной медицины (с 1868 г.), вместе с Н. А. Зверевым, П. А. Некрасовым и А. С. Алексеевым был ближайшим другом Боголепова, членом «министерской» группы.

ный от роли официального оппонента, послал в редакцию «Русской Мысли» статью; статья эта должна была печататься в декабрьской книжке и выйти приблизительно 16-го декабря. В этой статье, как известно, указаны основные недостатки диссертации: отсутствие в ней метода, неправильность приема и бездоказательность результатов исследования, даже недостаточное понимание автором диссертации существующих в литературе работ, относящихся к разбираемому им вопросу, и т. п. После этого факультету, действительно, было бы очень неловко публично признать научные достоинства за работой Хвостова и дать ему ученую степень; поэтому нужно было как-нибудь уладить это дело, что и попытался сделать прежде всего профессор Алексеев. Он отправился в редакцию «Русской Мысли» с просьбой не печатать статьи Гамбарова до диспута, а выпустить ее лишь после него, но получил отказ. Автор статьи тоже не согласился отсрочить ее напечатание. Тогда г. Алексеев обратился с своим ходатайством в... цензуру; он просил вырезать эту статью по выходе журнала. Неизвестно, конечно, какими юридическими соображениями руководствовался профессор государственного права в своем ходатайстве, только цензура, очевидно, с ним не согласилась и статья благополучно вышла в свет. Оставалось только одно: перенести диспут на те числа декабря, когда статья не могла бы еще сделаться известной большой публике. Но и тут дело осложнилось двумя обстоятельствами: во-первых, проф. Павлов, назначенный официальным оппонентом, заболел, а во-вторых, мнение студентов было против Хвостова, почему опасались демонстраций. Об этом узнал и министр народного просвещения [1]: Боголепов получил от него телеграмму, в которой говорилось, что необходимо отложить диспут и разобрать дело, что в противном случае оно может вызвать демонстрацию со стороны студентов. На это Боголепов ответил, что на диспуте могут произойти разве свистки, но за это берет на себя ответственность Легонин, а за могущие произойти впоследствии беспорядки берет на себя ответственность он сам. Этим, между прочим, и объясняется то обстоятельство, что для защиты диссертации было выбрано такое время, когда большинство студентов разъехалось из Москвы на рождественские праздники. Насколько дорожили сторонники Хвостова этим временем, когда, с одной стороны, статья Гамбарова не успела распространиться, а с другой — отсутствовало большинство студентов, видно из того, что за проф. Павловым приезжали два раза с просьбой спасать честь университета и повезли его на диспут больным. С внешней стороны диспут прошел, действительно, вполне благополучно. Доробец оппонировать

---

[1] Доробцу «удалось убедить министра в необходимости отложить диспут на неопределенное время во избежание беспорядков со стороны студентов, хорошо осведомленных о негодности, будто бы, диссертации Хвостова» (Е. Б. Записки, стр. 143).

не явился, вероятно, из боязни снова подвергнуться скандальным выходкам со стороны некоторых членов факультета, как это имело место на заседании. Вместо него официальным оппонентом явился проф. философии права Зверев, неофициальным выступил филолог Шеффер, доктор греческой словесности, читающий также и латинский язык. Состав оппонентов был также благоприятен для Хвостова; Павлов и Зверев являются сторонниками того же бюрократизма, Зверев сотрудничает в «Московских Ведомостях», помещая свои статьи под псевдонимом Букеевского; по этим статьям каждый может составить себе о нем понятие. Проф. Шеффер очень не популярен не только у студентов, но даже и у профессоров своего факультета и к тому же на диспутах отличается крайне скучными и не совсем удачными выражениями. Разбивая замечания такого оппонента, диспутант даже этим самым мог склонять на свою сторону симпатии публики.

Возражения оппонентов неспециалистов, конечно, не могли быть достаточно вески, да и возражали они мало и не по существу. Г. Павлов, сказав несколько слов в опровержение распространившихся неблагоприятных слухов о диссертации Хвостова, заявил, что своей работой Хвостов подвел, так сказать, фундамент под теорию Иеринга, бывшую, следовательно, до сих пор беспочвенной. Сказав это, как бы по заказу, Павлов ушел с диспута. Присутствовавшая публика, предвидя, что новый Иеринг (и даже больше) будет магистром во всяком случае, тоже начала расходиться, тем более, что диспут поздно начался и тянулся довольно скучно. До конца остались только знакомые Хвостова и наиболее терпеливые из публики. Эта часть, судя о достоинствах диссертации лишь по возражениям оппонентов, встретила провозглашение Хвостова магистром аплодисментами.

Интересна дальнейшая тактика лиц, стоявших на стороне Хвостова. Они трубят направо и налево, что Доробец читал «подложную бумагу», эту же мысль внушили и министру, когда он приехал в Москву. Тут, между прочим, выяснилось, что во время своей поездки в Петербург с целью выяснить дело министру, Доробец, жалуясь на неправильности и несправедливости, которым он подвергался, счел нужным показать министру письма Боголепова, которые последний писал ему, Доробцу, и в которых ругал министра [1]. Зачем понадобился подобный способ самозащиты, решительно необъяснимо иначе, как привычкой прибегать для достижения каких бы то ни было целей к различного рода интригам, привычкой, развившейся благодаря несамостоятельности и зависимо-

---

[1] Доробец, «желая очернить Николая Павловича в глазах министра, наклеветал на него и вдобавок показал министру полученное им за границей письмо от Боголепова. В этом письме Николай Павлович по поводу неблаговидного поведения одного должностного лица в министерстве народного просвещения выразился так: «в министерстве изолгались»... (Е. Б. Записки, стр. 143).

сти университетских корпораций, напр., факультета [1]. Обнаружилось также, что Алексеев накляузничал министру на Гамбарова, будто он распространяет между студентами «брошюры», основывая это на том, что Гамбаров дал один или два оттиска своей статьи своим родственникам [2] студентам. Какие именно «брошюры» — Алексеев не указал, да это было бы несогласно с его интересами, министр же, очевидно, этим тоже не поинтересовался и прямо счел их за «прокламации».

Министр вызвал к себе Доробца и заявил ему, что профессора против него вооружены и что ему, вероятно, придется оставить Московский университет. И действительно, Доробец был удален из университета; мотивировалось это удаление его поступком с письмом Боголепова и чтением «подложной бумаги», причем был почему-то применен § 111 устава, в котором содержится правило об устранении приват-доцентов от преподавания в случае, если оно не соответствует достоинству предмета или имеет вредное влияние».

С обычной изящной простотой вдова Боголепова так описывает подлую историю с увольнением Доробца, стараясь представить невинно пострадавшим своего спутника жизни (стр. 143—144):

«Возмущенный всеми этими сплетнями, Николай Павлович просил графа (Делянова) дозволить ему устраниться от разъяснений ему действительного хода событий, так как он может заподозрить его в пристрастности. Вслед за этим несколько профессоров, с ректором и деканом во главе [3], упросили министра уволить Доробца из приват-доцентов Московского университета. Одновременно несчастный молодой человек был уволен из лицея цесаревича Николая, где он состоял преподавателем. Николай Павлович этому не противился, но не из мести. Чувство мести никогда не руководило его действиями»...

Вот благодаря таким омерзительным нравам профессорско-чиновничьей среды г-н Хвостов пролез на кафедру в Московском университете. В 1898 г. он должен был защищать докторскую диссертацию на тему «Натуральные обязательства по римскому праву»... Конечно, радикальное студенчество мало интересовалось тонкостями римского права: бездарных профессоров на юридическом факультете было достаточно, присоединение к ним еще одного мало меняло положение. Но опять Боголепов пустил в ход свои излюбленные приемы, чтобы протащить своего любимца. Эта общественная

---

[1] Доробец просто был учеником своего учителя и, пройдя школу Боголепова, заимствовал его обычные приемы.

[2] Племянник Ю. С. Гамбарова П. Х. Кананов арестован, как член Союзного Совета, 23/III — 1897 г.

[3] Болтливая Е. А. Боголепова умалчивает здесь об именах. Ректор П. А. Некрасов, декан В. А. Легоний — ставленники Боголепова. Остальные профессора, конечно, К. А. Зверев, А. С. Алексеев — вся доблестная шайка Боголепова, связанная с ним и дружбой и службой.

сторона защиты докторской диссертации привлекла внимание осколков Союзного Совета, состоявшего тогда из 5 человек, и издавшего две прокламации по поводу Хвостовского диспута.

«Пользуясь этим случаем, — писал Союзный Совет, — мы попытаемся раскрыть, что из себя представляет г. Хвостов...

«Некрасиво начинается жизненная карьера Хвостова: во-время сделанный донос на одного студента (история с ректором Боголеповым) сделал его фаворитом последнего. Слишком 10 лет тому назад оставленный при университете, он ни разу не попытался установить более или менее порядочных отношений к студентам. Нахально-грубый, цинично-развязный в суждениях, он бестактно оскорблял молодежь в ее лучших стремлениях, взглядах («перепороть бы их всех» — говорил он про бунтарей 96-го года).

«На экзаменах Хвостов издевательски придирался к студентам, сам не блеща глубиною познаний. Но г. Хвостов — protégé г. Боголепова, занимающего министерское кресло», — а потому — «официальные оппоненты гг. Соколовский и Нефедьев уже заранее семейным образом признали достойным доктора своего colleg'y.»

В ноябре 1898 г., во время защиты Хвостовым диссертации, в актовом зале университета под влиянием агитации Московского Союзного Совета объединенных землячеств, который «представляли собою пять человек: Трубчинский, Михайловский и др.», был устроен «скандал» (доклад С. В. Зубатова за № 11098 16 июля 1899 г.). Студенты из радикального лагеря громко протестовали против присуждения Хвостову ученой степени. Про него потом говорили, что он получил кафедру «за подавание калош министру». После смерти своего покровителя, Хвостов перекочевал с той же легкостью, как Боголепов в 1880-х годах перешел в реакционный,— в либеральный лагерь, где пытался играть роль. Но, говорили, что его прошлое наложило на него свой отпечаток; его присутствие замораживало самую веселую компанию. Сам он рассказывал о себе в третьем лице следующее: «С 1899 г. состоял профессором Московского университета по кафедре римского права по февраль 1911 г., когда вышел в отставку из этой должности в связи с известными событиями, разыгравшимися в университете. С 1901 г. состоит профессором Московских высших женских курсов, где преподает общую теорію права и философию исторіи. Состоит преподавателем и членом правления в городском народном университете имени А. Л. Шанявского, где читает общую теорию права, философию исторіи, историю этических учений. С 1911 года преподает гражданское право на женских юридических курсах В. А. Полторацкой» и т. д. Диапазон исключительный.

ГЛАВА X

НАЧАЛО ПЕРИОДА «БУРИ И НАТИСКА».

Хвостовская история 1898 г., а также волнения, вызванные в конце ноября 1898 г. «недоразумением по выдаче театральных билетов», показывают, что радикальное студенчество стало оправляться от погромов, произведенных полицией в 1896—1897 гг. Нужен был только толчок, чтобы революционное студенчество пришло в движение. Такой толчок был дан событиями в Петербургском университете.

Ежегодно в Петербургском университете, в день годовщины университета — 8 февраля, происходило торжественное собрание в присутствии профессоров, студентов, почетных гостей, университетского начальства и высоких властей. Читался отчет о деятельности университета за год, произносилась речь научного содержания, исполнялся «народный гимн» и пелась на латинском языке студенческая песня невинного содержания, начинающаяся словами: «Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus» — так будем, друзья, веселиться, пока мы молоды...

В церкви университета происходило в этот день торжественное молебствие.

В Московском университете такой годичный акт происходил в «Татьянин день» — 12-го января, а вечером известным слоем студенчества «справлялась Татьяна», которая, в вульгарном представлении, знаменовала собою общестуденческое празднество и ликование. На деле, радикальное студенчество не только не принимало никакого участия в этом бесшабашном пьяном разгуле, про который в одном младенческом стихотворении (1901 г.) говорилось:

В день веселый, в день Татьяны,
Много выпито вина —
Все жрецы науки пьяны,
Alma mater вся пьяна, —

но и с давних пор боролось с ним. Так, еще [illegible]ом на гектографе московском студенческом журнале [illegible]е Слово» помещена статья «По поводу наших п[illegible] говорит на стр. 25 по поводу Татьяны: «Я

хаос личной разнузданности», и призывал студенчество отрешиться от старой традиции, насажденной в университетах в приснопамятное царствование Николая I попечительным начальством. Тогда, как рассказывает «старый казанский студент — Соковнин, министр народного просвещения А. С. Норов, приехавши в Казань, сказал: «у меня казанские студенты молодцы, в политику не мешаются, а попить да погулять — их дело»; а киевский, волынский и подольский генерал-губернатор Д. Г. Бибиков, — по свидетельству проф. Романовича-Славотинского, — в речи, обращенной к киевским студентам-медикам, изъяснился еще откровеннее: «вы-де, господа, картежничайте, ухаживайте за чужими женами, посещайте б..., бейте б... (его подлинные слова), но политикой не занимайтесь, не то выгоню из университета» (С. Ашевский. Русское студенчество в эпоху шестидесятых гг. (1855—1863). «Современный Мир» № 6, июнь 1907 г., стр. 22).

Особенно энергичную кампанию против «Татьяны» вели Союзные Советы 1890-х гг.[1]. Я не знаю из окружавших меня студентов социал-демократов таких, которые лично участвовали бы в праздновании «Татьяны», а потому не могу ничего рассказать об его характере по личным воспоминаниям. Видел только, что полиция совершенно равнодушно относились к постройке «баррикад» пьяными студентами на Тверском бульваре из садовых скамеек, слышал похабные песни и лицезрел пьяное приставание на улицах к прохожим, особенно женщинам: в день «Татьяны» все это спускалось студентам, так как правительство прекрасно понимало, что все это развращало и только отвлекало от «политики» молодежь.

В чопорном Петербурге, повидимому, оргии золотой и люмпен-пролетарской молодежи, если и происходили в день 8-го февраля, то в закрытых помещениях (см. Б. Гегидзе. В университете). Пьяный дебош, учиненный студентами около ресторана Палкина, вызвал там вмешательство полиции, которая избила студентов (так называемый «бой под Палкиным» 8 февраля 1895 г.).

Зато в Петербурге существовала другая традиция. «Вечером 8-го февраля происходили обычные «чаепития», т. е. вечеринки, устраиваемые в большом зале какой-нибудь кухмистерской, на которые приглашались профессора, литераторы, общественные деятели, произносившие речи. Раньше устраивалась одна вечеринка, с развитием же марксизма, приблизительно с 1896—1897 г.— две, одна «кассовая», другая «марксистская». Устройство двух вечеринок объяснялось не только стремлением марксистов придать опреде-

---

[1] Вот, например, что писал «Союзный Совет 45-ти Московских объединенных землячеств» в прокламации от 9 января 1897 г.:

«Со[illegible]ный Совет, постоянно имевший в виду возможно более разум[illegible]ование 12-го января, высказывается против обычных в э[illegible]й, навлекающих на студентов много справедливых [illegible]их «празднику просвещения» не подобающий ему [illegible]кого пьянства и разгула»...

ленный идейный характер беседе на вечеринке, но и желанием доход от вечеринки направить в кассу «Союза Борьбы». Вечеринка «кассы взаимопомощи» в противовес марксистской получала «народнический» характер, а доход от нее, поступая в «кассу», тем самым в значительной своей части отчислялся в пользу «Красного Креста» [помощи ссыльным и заключенным по политическим делам]... В 1896 г. большинство в «кассе» уже принадлежало марксистам, но последние, занятые устройством своей вечеринки, считали справедливым дать «народникам» возможность придать «кассовой» вечеринке желательный им идейный характер». (М. М. Могилянский. В девяностые годы. «Былое» 1924 г. № 24, стр. 121).

«Касса взаимопомощи студентов Петербургского университета», возникшая после закрытия «Научно-литературного общества», в 1890-х гг. являлась руководящей организацией в Петербургском университете. Благодаря более политически развитой жизни столицы, там не мог развиться опирающийся на политически-бесформенные землячества Союзный Совет, как в Москве. «Во второй половине 1890-х годов под влиянием той роли, какую играл в Москве руководящий орган московских студенческих организаций «Союзный Совет объединенных землячеств», сделана была попытка соответствующего объединения петербургских землячеств, но из этой попытки, в конце концов, ничего не вышло. В основу другой попытки положено было тогда уже изжитое стремление широко использовать оппозиционное настроение студенчества для политических выступлений на почве чисто-студенческих интересов, еще находившее себе некоторое число адептов в земляческих организациях, — и попытка окончилась неудачей» (М. Могилянский. В девяностые годы. «Былое» 1924 г. № 23, стр. 143).

Касса «охватывала сравнительно небольшой круг студентов, от 300 до 400-х человек, но вследствие относительной однородности своего состава и гибкости организации представляла серьезную силу» (Н. И. Иорданский, стр. 85).

Касса состояла из кружков единомышленников, по 10—15 человек в каждом, которые посылали по одному делегату в «представительное собрание», решавшее вопросы, возникавшие в организации, или самостоятельно, или пуская их на голосование всех членов кассы по кружкам. Исполнительную власть представляли председатель и казначей, а затем с 1898 г. правление из пяти членов. И Н. И. Иорданский (стр. 85) и М. М. Могилянский («Былое» № 23, стр. 142) единогласно свидетельствуют, что кружки, за исключением нескольких, собирались нерегулярно — взносы уплачивались неаккуратно и вся политическая жизнь кассы сосредоточивалась в представительном собрании. При ежемесячном бюджете в 80—100 р. касса не могла самостоятельно оказывать материальной помощи своим членам, но «она входила в контакт с правлением Общества вспомоществования студентам Петербургского университета» и добивалась предоставления ей поверки нужды студентов,

обращающихся к «Обществу» за вспомоществованием, и, напр., списки студентов, за которых «Общество» уплачивало плату за право учения, всегда тщательно проверялись «Кассой». Будучи организацией «нелегальной», «Касса» вступала, однако, в сношения не только с «Обществом вспомоществования», но и с ректором; председатель ее ректору всегда был известен, ибо обращался к нему по различным студенческим делам от имени организации, как ее представитель. Позднее, когда с развитием революционной борьбы политические тюрьмы всегда имели достаточное количество заключенных из среды университетской молодежи, «Касса» значительную часть своих средств (50% и больше) отчисляла Обществу помощи политическим ссыльным и заключенным («Красный Крест), а в некоторых случаях и политическим партийным организациям»...

Как сказано, с середины 1890-х годов «представительное собрание», а следовательно и правление «Кассы» находилось в руках «марксистов», но это были марксисты 1890-х годов, когда, как писал В. И. Ленин в «Что делать?» (Соб. соч. т. V, стр. 128). «Кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами»... В борьбе с либеральным народничеством, пророками которого в 1890-х гг. были люди типа «В. В.», Н. К. Михайловского и Н. И. Кареева, объединялись «экономисты» и «политики», «ортодоксы» и «критики», бернштейнианцы и брентанианцы — с социал-демократами. Это временное и случайное явление как нельзя лучше отразила петербургская «Касса взаимопощи». В число ее видных членов входили, насколько до сих пор выяснено, следующие «марксисты» того времени; будущие большевики и члены ВКП(б) А. И. Свидерский, Н. А. Скрипник, Н. И. Иорданский; будущий член ЦК РСДРП (б), отошедший потом от партийной работы адвокат Д. С. Посталовский; будущий меньшевик, член 2 Государственной Думы С. Н. Салтыков; социал-демократы М. И. Батырев [1], Барабанщиков [2] и Петров [3]; будущий видный член партии с.-р. террорист Б. В. Савинков; будущие буржуазные демократы М. М. Могилянский и П. Е. Щеголев и т. д.

В этом отношении радикальное студенчество только верно отразило развитие классовых отношений во всем обществе, когда, например, на Урале (1901—1903 гг.) существовал «Уральский Союз социал-демократов и социалистов-революционеров», в программе которого было сказано:

«Непременным условием осуществления конечных идеалов социа-

---

[1] М. И. Батырев (1874—1910) впоследствии партийный профессионал, в 1899 г. — «экономист».

[2] Н. Л. Барабанщиков, видный деятель «Сибирского Союза» 1902—1904 гг.

[3] О каком Петрове идет речь, мне неизвестно.

лизма «Уральский союз признает завоевание политической власти пролетариатом».

В № 21 «Искры», где напечатана программа Уральского Союза (стр. 21/119) помещена редакционная заметка (стр. 22/120), где существование такой «смешанной» организации объясняется «отсутствием единства между местными социал-демократами» и недостаточной выдержанностью их взглядов, но в то же время (№ 21 «Искры» вышел 1 июня 1902 г., предисловие к «Что делать» помечено февралем 1902 г.) В. И. Ленин писал в «Что делать» (Соб. соч. т. V, стр. 128—129):

«Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)» [1].

При таком положении руководства начались в Петербургском университете события 1899 года.

---

4 февраля 1899 г. одновременно в университете и на страницах «Нового Времени» появилось за подписью ректора, профессора истории русского права В. И. Сергеевича, объявление, конечно, продиктованное свыше, в котором, указав на то, что 8-го февраля нередко происходят со стороны студентов нарушения порядка на улицах и в публичных собраниях, — ректор счел нужным предупредить студентов о последствиях такого поведения. «Закон,— сказано было в этом объявлении, — предусматривает такого рода беспорядки и за нарушение общественной тишины и спокойствия подвергает виновных: аресту на семь дней или денежному штрафу до 25 рублей. Если же в этих нарушениях будет участвовать целая толпа людей, которая не разойдется по требованию полиции, то упорствующие подвергаются: аресту до одного месяца или штрафу до 100 рублей. А если необходимо будет прекратить беспорядки силою, то упорствующие подвергаются: аресту до трех месяцев

---

[1] Я опускаю здесь не относящиеся прямо к моей теме ценные оговорки В. И. Ленина, приводящие к выводу: «При таких условиях разрыв был необходим». Оговариваю это во избежание недоразумений.

«Третий период» в истории русской социал-демократии, начавшийся в 1898 г. (В. И. Ленин. «Что делать?» Соб. соч., т. V, стр. 268), — это период разброда, распада, шатания... «Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема»... История студенческого движения 1899 г. яркая иллюстрация к этой характеристике «третьего периода».

или штрафу до 300 рублей. Закон предписывает даже употребление силы для прекращения беспорядков. Последствия такого столкновения с полицией могут быть очень печальны. Виноватые могут подвергнуться: аресту, лишению льгот, увольнению и исключению из университета и высылке из столицы... Считаю необходимым,— заключает ректор, — предупредить об этом студентов. Студенты должны исполнять законы, охраняя тем честь и достоинство университета». (В Чертков. Русские студенты в освободительном движении, изд. А. М. Дубровского. М. 1907, стр. 7).

«Бестактный тон объявления и самый способ его опубликования, — говорит М. Могилянский (Б. № 24, стр. 119),— вызвали раздражение значительной части студенчества. В продолжение нескольких дней на площадке, где вывешено было объявление, все время собирались группы студентов, громко и резко выражавших свое недовольство. Организованное студенчество к происходящему относилось пассивно. 6-го февраля на площадке собралась сходка, возникшая, повидимому, по инициативе «патриотов». На обсуждение ее был поставлен вопрос об отношении к смерти французского президента Феликса Фора. Кто-то предложил отправить в Париж от имени студенчества сочувственную телеграмму. После двух-трех увесистых реплик на это предложение оно блестяще провалилось. Но сходка не разошлась.

Возник вопрос о ректорском объявлении. И при первых же негодующих словах раздался звон разбитого стекла, к объявлению протянулась чья-то рука — и оно исчезло... Никаких решений, помнится, принято не было, но все свидетельствовало о чрезвычайно повышенном настроении. Через день на торжественном университетском акте 8-го февраля настроение это прорвалось бешеными свистками, топаньем ног, криками: «Вон!» «долой!», раздавшимися при появлении на кафедре ректора Сергеевича. Тщетно в продолжение около 15—20 минут он пытался успокоить протестантов, беспомощно жестикулируя и раскрывая рот, — ни одного его слова нельзя было расслышать».

Для понимания дальнейших событий, необходимо выйти за пределы университета. 1899 год был годом напряженной борьбы министра финансов С. Ю. Витте с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным, кончившейся отставкой последнего 28 октября 1899 г. и назначением на его место ставленника Витте Д. С. Сипягина. Памятником этой борьбы является знаменитая записка, составленная по поручению С. Ю. Витте, напечатанная в 1901 г. за границей П. Б. Струве под названием «Самодержавие и Земство», целью которой было «свалить Горемыкина». В этой борьбе принял деятельное участие на стороне Горемыкина, но преследуя цели собственной карьеры, Н. П. Боголепов.

«Мечтая о власти, — читаем в записках Е. Б. (стр. 225), — Витте задумал спихнуть не подчинявшегося ему министра внутренних дел И. Л. Горемыкина и на первых порах заместить его Му-

равьевым, а затем уже и самому сесть на его место»... «Еще настойчивее старался Витте спихнуть неудобного ему министра народного просвещения, который не только не подчинялся ему, но упорно боролся с ним...»

Когда Витте изменил Муравьеву в пользу Сипягина, Муравьев стал выдавать его тайны. «Однажды в Государственном Совете, — читаем в «Записках» (стр. 300—301), — Муравьев подошел к Николаю Павловичу и спросил его: «Вы способны быть заговорщиком?»—«Плохой я заговорщик», ответил Николай Павлович.— «Да, я знаю», возразил Муравьев, «но мы должны, наконец объединиться: ведь он (Витте) стремится сделаться премьер-министром. Вы знаете, какую записку подал он государю?» — «Нет, не знаю», ответил муж. — «Как же! Записку, в которой он доказывает необходимость образовать кабинет министров, с премьером во главе. Конечно, в премьеры Сергей Юльевич прочил себя». — «Об этом можно поговорить», сказал муж, «только не здесь»... «Нуждающийся постоянно в деньгах для широкой жизни и получающий для этого подачки от Витте Муравьев разговора не возобновил[1]. Движение 1899 года, при том поводе, который его вызвал, в тех формах, которые оно приняло, давало возможность С. Ю. Витте нанести удар сразу и министру внутренних дел и министру народного просвещения.

«В студенческой массе вообще издавна сложилось убеждение,— рассказывает М. М. Могилянский (Б. № 24, стр. 119—120, прим.),— что 8-го февраля «позволено» больше обыкновенного[2] и что серьезной репрессии в этот день не вызовут такие сравнительно невинные демонстрации, как возвращение с акта с пением революционных песен вперемешку с «Gaudeamus» и другими студенческими песнями, Пение на Дворцовом мосту и на Невском имело место и в предыдущем 1898 году, и полиция, не заготовив тогда заблаговременно соответствующих «сил», ничего не могла поделать со студентами, чувствовавшими себя 8-го февраля «именинниками». Потому-то в 1899 году и были заготовлены «силы» в виде «значительного наряда пеших и конных городовых»; ректором же было вывешено приведенное выше объявление. Реакция, вызванная этим объявлением, мобилизация полицейских сил, вызвали напряженное положение, и Боголепов, испугавшись за свою персону, на акт не поехал. Это дало оружие в руки его врагов.

---

[1] «Витте с Муравьевым заключили мир, и самым простым способом»... «Витте для примирения с Муравьевым просто преподнес ему землю на восточном берегу Черного моря на весьма льготных и выгодных для Муравьева условиях». [«Искра» № 1, стр. 15].

[2] «8 февраля» день годовщины открытия и торжественного акта в императорском С.-Петербургском университете, с давних пор сопровождается более или менее значительными уличными беспорядками, вызывающими вмешательство полиции. Это явление в равной мере свойственное и другим русским университетам, известно в учебных заведениях Европы» (Доклад Вашковского. Изд. «Северная Пальмира», СПБ, 1906, стр. 3).

«Витте, — рассказывает Е. Б. (стр. 226), — начал свои боевые действия с того, что поехал на университетский акт, чего до тех пор никогда не делал. Должно быть, он хотел быть очевидцем того, что на нем произойдет, чтобы впоследствии по-своему свидетельствовать о всем виденном и слышанном».

Присутствие на акте, действительно, позволило С. Ю. Витте составить записку, подписанную кроме него министрами: путей сообщения — М. И. Хилковым, земледелия — А. С. Ермоловым, юстиции — Н. В. Муравьевым, а также главноуправляющим собственной его величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии гр. Н. А. Протасовым-Бахметевым, в которой министр финансов с обычной изворотливостью и околичностями косвенно осуждал действия и университетского и полицейского начальства, представляя движение студентов «школьной демонстрацией».

«Говоря о настоящем весьма прискорбном случае, — писал Витте (Сибиряк. Студенческое движение в России. Изд. Союза русск. с.-д., Женева, 1899, стр. 15), — я тем не менее не могу не отметить того на мой взгляд отрадного факта, что настоящие беспорядки, в противоположность студенческим волнениям, которые на моих глазах происходили в 60-х, 70-х и 80-х годах, лишены, повидимому, всякой политической окраски и возникли исключительно на почве тех недоразумений, которые имели место по поводу домашних университетских дел между студентами и их начальством».

«Конечно, — замечает, по поводу этого отрицания «политики», Е. Б. со слов Боголепова (стр. 227), — правительственные лица, как министры Витте, Хилков, Муравьев и Ермолов, имевшие в своих ведомствах высшие учебные заведения, а также профессора, отлично понимали настоящий смысл студенческих смут, но они не хотели в этом признаться и все в один голос повторяли, что беспорядки в высших учебных заведениях ничего грозного не представляют и являются только выражением юношеского задора».

Как очевидец, Витте так описывал происшествие на акте 8-го февраля (В. Чертков. Русск. студ. в освоб. движ. стр. 9): «Считая, повидимому, себя оскорбленными объявлением ректора [1], студенты и направили свое неудовольствие против лица, подписавшего объявление, т. е. против ректора. На акте это выяснилось вполне. Торжественное годовое собрание началось спокойно. При соблюдении полного порядка был прочитан отчет о деятельности университета за минувший 1898 год, была произнесена профессором Ольденбургом актовая речь на ученую тему, и только при появлении на кафедре ректора университета раздались свистки и начался беспорядок. Но этот последний немедленно и прекратился, как только профессор Сергеевич сошел с кафедры. С почтительным вниманием был выслушан затем национальный гимн, завершенный

---

[1] «Не вполне удачным по форме, но получившем широкое распространение» — говорится в другом месте записки.

единодушными аплодисментами и требованиями повторения; с большим одушевлением исполнена и студенческая песня».

«Демонстрации на акте без предварительного сговора, а тем более предварительного «решения» какой-либо организации, вынесли на улицу, — рассказывает о дальнейших событиях дня 8-го февраля видный деятель движения М. М. Могилянский (Б. № 24, стр. 119—120). — «На Невский, на Невский!» раздалось в группах выходивших из университета студентов. Пели то «Gaudeamus», то «Марсельезу»... Никакой «политической демонстрации» при этом не имелось в виду, просто возбужденное настроение искало выхода в формах, уже ставших традиционными, только в связи с только что происшедшим на акте «обычное» окрашивалось в более яркие цвета, приобретало не совсем обычный характер [1]. В градоначальство и «охранку», конечно, уже поступили телефонные сообщения о срыве акта [2]. Но «бдительное начальство» уже заранее «готовилось» к дню 8-го февраля: Дворцовый мост был закрыт для прохода, а переходы через Неву испорчены».

Оставался один путь в центр города — через Николаевский мост, но около Румянцевского сквера путь студентам перерезал отряд изобретенных петербургским градоначальником Клейгельсом конных городовых, под командой поручика Галле [3]. Требование «разойтись» толпа не могла выполнить, ибо всюду ей преграждали путь, «расходиться» могли разве живущие на Васильевском острове, но и они, конечно, сделать этого не спешили, заинтересованные происходящим. Происходящее же закончилось атакой у Румянцевского сквера конных городовых на толпу студентов, при чем в ход были пущены нагайки. Поводом для атаки послужило будто бы то, что студенты, не подчиняясь требованию «разойтись», «начали издеваться и острить над городовыми», а некоторые даже начали бросать в них комки снега, при чем поручику Владимирову причинен был ушиб куском льда. Сейчас уже не важно (да и вряд ли в точности возможно установить),

---

[1] Т. е. политический? «Как будто «автор» не знает, что дикий произвол администрации и полиции в России не «случай» и недоразумение», а система. А движение, направленное к борьбе с этой системой, не нуждается в политической «окраске»: при русских условиях оно по существу политическое, независимо даже от воли участников» (Сибиряк, ук. брошюра, стр. 15). Другое дело какая «политика» проводится: либеральная, мелкобуржуазная или пролетарская, чего рабочеделец «Сибиряк» (П. Ф. Теплов) не касается.

[2] Могилянский на акте не был. О «срыве акта» говорят и Энгель с Гороховым (стр. 6), Сибиряк и Иорданский о срыве акта не говорят.

[3] Галли — у Энгеля и Горохова, барон Нолькен — у Сибиряка. И Галле и Нолькен командовали полицейским нарядом, при чем полномочия их не были разграничены. Такое двоевластие сыграло свою роль в событиях (доклад Ваниовского). Владислав Франц. Галле в результате своего подвига двинулся по службе и с 1903—1917 гг. был полицеймейстером СПБ столичн. полиции и зав. петерб. конно-полицейской стражей. Прославился «мздоимством и лихоимством».

насколько студенческие «остроты» были обидны для городовых, а «комки снега» являлись ли «достаточным основанием» для кавалерийской атаки с применением нагаек», — само правительство писало («Прав. Вестник» № 110 от 24 мая 1899 г.), что небольшой отряд конно-полицейской стражи (38 человек) дал «отпор» студентам «посредством применения, без особой необходимости, одной из крайних мер воздействия на толпу».

Стегали студентов нагайками и раньше... и студенты молчали», — прибавляет к своему рассказу о событиях 8-го февраля чиновник петербургского охранного отделения П. Статковский («Былое» 1921 г. № 16, стр. 126).

«Городовые изрядно отхлестали нагайками студентов, — рассказывает Н. И. Иорданский («Былое» 1907 г. № 9, стр. 98), — хотя, по сравнению с нынешними избиениями, избиение 8 февраля 1899 года может показаться дружеским пинком».

Таким образом, не оскорбление чести или нарушение неприкосновенности личности студентов, сами по себе, вызвали дальнейшие события. Политическая атмосфера — вот что превратило столкновение студентов у Румянцевского сквера в событие большого общественного значения. «Характер движения не изменяется и оттого, что в числе избитых нагайками оказались будто бы сынки русских сенаторов и других важных лиц», — справедливо говорит Сибиряк (стр. 15).

И М. М. Могилянский и Н. И. Иорданский сходятся на том, что партийные круги не придали большого значения столкновению у Румянцевского сквера. На марксистской вечеринке устроители приняли меры к тому, чтобы не был сорван план намеченной беседы отвлечением в сторону обсуждения событий дня. «На «кассовой» вечеринке о них говорили больше, но в меру, не нарушая обычного характера речей».

На вечеринках говорили о необходимости назначить сходку и ходило выпущенное кем-то приглашение на нее.

«9-го числа в университете на площадке перед актовым залом начали собираться студенты. Часов в 10 на ступеньках лестницы, ведущей в церковь, поднимается один из студентов и обращается к собравшимся с речью приблизительно такого содержания: «Товарищи! я не присутствовал вчера на университетском акте, который является праздником произвола и насилия. Я предпочел остаться дома и посвятил этот день науке. Но, когда я узнал о совершенном над вами надругательстве, я отбросил книги и явился сюда, чтобы вместе с вами протестовать против грубого насилия». Это была первая речь. Сильная и горячая она возбудила присутствующих; толпа стала быстро расти. По ее настоянию актовый зал был открыт университетской администрацией, и сходка началась...

В продолжение трех дней тянулась одна «непрерывная» сходка. Начинаясь в 10 часов, она заканчивалась к 6—7 часам вечера». (Энгель и Горохов, стр. 7).

Сходки кончились принятием резолюции:

«Мы возмущены насилием, жертвами которого были 8-го февраля, насилием, унижающим человеческое достоинство, насилием, которое к стыду нашему еще имеет место в России для самого темного и безгласного слоя населения. Мы, вообще, для всех считаем такое насилие оскорбительным и протестуем против него. Поэтому мы объявляем С.-Петербургский университет закрытым и всеми силами будем добиваться официального его закрытия. Мы не откроем университета до тех пор, пока нам не будут даны гарантии личной неприкосновенности».

Из этой резолюции, во-первых, с очевидностью явствует, что, вопреки приведенному выше мнению М. Н. Покровского, студенты не заимствовали формы своего протеста из арсенала современной борьбы рабочих (слово «забастовка» в резолюции даже не упоминалось), во-вторых, — требование, выставленное сходками, было очень узко, не обнаруживало у составителей резолюции ясного понимания связи данного единичного случая со всем общественным строем. Правда в заявлении от 4-го марта руководивший движением Организационный Комитет так определил характер движения: «Мы рассматриваем данное событие (дикую расправу полиции) как единичный факт господствующего в России строя, основанного на произволе, безгласности и полной необеспеченности или даже отсутствии самых необходимых, скажем более, священных прав развитой человеческой личности». Но из этого признания зависимости данного случая от общего строя не следовало требование низвержения этого строя. Организационный Комитет подчеркивал, что он стоит на почве существующего закона, и тем сводил на нет свои ценные признания. «Протест наш, — говорилось дальше, — был таким образом протестом против царящего в России произвола и единственную гарантию против него мы видим, конечно, в законе и его неприкосновенности. В данном случае мы требовали судебной ответственности полиции. Мы протестовали во имя права и закона против насилия и произвола» (Сибиряк, стр. 11—12).

Организационный Комитет, возникший в первые дни движения из делегатов «Кассы» — в большинстве — и др. лиц, выставил только три требования: обеспечение неприкосновенности личности, издание точных правил о полномочиях полиции при столкновениях с толпою, судебная ответственность администрации за их нарушение и судебное расследование избиения 8 февраля.

«Требования эти, — говорит член Организационного Комитета 1899 г. Н. И. Иорданский (Б. 1907 г., № 9, стр. 102—103. Ср. М. Могилянский Б. 1924 г. № 24, стр. 125), — одновременно были очень узкими, поскольку они не охватывали всех прав человека и гражданина, и слишком широкими, поскольку они были невместимы абсолютистско-полицейским государством»...

«Принятие Организационным Комитетом неполной и неудачной

формулировки в значительной степени объясняется изрядною политическою невинностью его членов, принадлежавших к тому в большинстве к естественникам по специальности. Но в этом факте заключалось и нечто более важное с исторической точки зрения. Дело в том, что как ни свежи были естественники в вопросах государственного и административного права, однако, они сразу поставили вопрос о том, насколько совмещается неприкосновенность личности с абсолютизмом и насколько, следовательно, выставление подобных требований имеет реальное значение. Горячие споры, возникшие по этому поводу, не привели ни к каким результатам. Выяснилось только, что некоторые склоняются к той точке зрения, которая составляла особенность русского либерализма в семидесятых и восьмидесятых годах: именно — что абсолютизм еще не исключает законности. На этой фикции, как известно, была построена либеральная защита полноправия земских и судебных учреждений и т. п. И вот эта либеральная фикция поколебала Организационный Комитет. Он поручил одному из товарищей посоветоваться с знакомыми и авторитетными юристами относительно формулировки требований. Результатом юридической консультации и был выпущенный Организационным Комитетом листок «Наши требования». Таким образом, еще в 1899 году либеральная идеология могла овладеть студенческим движением» (подчеркнуто мной).

В этом все дело. Движение принимало политический характер, но официально руководивший им орган, почти все члены которого определенно склонялись на сторону или социал-демократии, или социал-народничества (Иорданский, стр. 99; Могилянский, стр. 123—124), дорожа фикцией единства движения студенчества, принуждены были делать уступки буржуазным его слоям и шедшим за ними отсталым слоям пролетарского и мелкобуржуазного студенчества.

В этом отношении юные студенты нисколько не отличались от почтенных руководителей социал-демократических комитетов, разделявших идеи «экономизма». И это отмечено в воспоминаниях Н. И. Иорданским.

«Это была эпоха «Рабочей Мысли»,— писал он (стр. 101),— эпоха экономизма, который всего менее был способен занять правильную позицию по отношению к политической борьбе других классов. Реакция против этого направления уже назревала в виде элементов будущей «Искры», и грядущие споры социал-демократов впервые разыгрались в миниатюре на собрании кассы взаимопомощи. Часть социал-демократов горячо стала за поддержку начавшегося движения и за участие в нем с целью придать ему наиболее сознательный характер»...

Но большинство заняло ту самую позицию, с которой мы встретились при разборе полемики Союзного Совета московских землячеств и Ц. К. Рабочего Союза в 1896 г. «В это время, — говорит

Иорданский (стр. 101), — подавляющее большинство членов собрания принадлежало к социал-демократии. На экстренном заседании 9 февраля они стали на обычную точку зрения: студенческое движение излишне, так как студенчество не представляет из себя социальной силы; студенческое движение вредно, так как это влечет растрату накопляющегося революционного капитала. Протестовать против возмутительных актов правительственного произвола можно лишь одним путем — путем работы в пролетариате, которая тогда, между прочим, также почти исключала политические моменты».

М. М. Могилянский пытается оспорить это свидетельство Н. И. Иорданского, но неудачно (стр. 123—124, прим.). «Кассовые социал-демократы того времени были в ближайшем контакте с группой «Рабочей Мысли», — пишет М. Могилянский, — и именно они все время настойчиво стремились к повышению политической температуры студенческого движения, что закончилось изданием «манифеста кассы», документа наиболее резкого и политически определенного за все время движения». И дальше он говорит: хотя большинство в кассе принадлежало тогда социал-демократам, «но, занятые своей работой и мало интересуясь чисто студенческими делами, они не входили в правление «кассы», предоставив все должности в нем тем, кто еще «склонялся» к тем или иным социально-политическим программам и не расстался еще со студенческим профессионализмом».

Это и есть типичная тактика «экономизма». Кто из «экономистов» решился бы утверждать, что он сам не понимает политических задач движения пролетариата, когда, по классической формулировке В. И. Ленина (Ленинский сборник, VII, М.—Л-гд, 1928, стр. 7):

«Социал-демократия без политической борьбы — это река без воды, это какое-то вопиющее противоречие, это какое-то возвращение либо к утопическому социализму наших прапрадедов, пренебрегавших «политикой», либо к анархизму, либо к трэд-юнионизму»...

Но вот что масса созрела для такого понимания, это «экономист» отрицал: «Масса — фи! Я — это другое дело, я — герой» и тем самым подписывал себе, по выражению В. И. Ленина, «смертный приговор».

Ибо (там же, стр. 11) «если критерием деятельности брать то, что сейчас же непосредственно доступно в наибольшей степени самой широкой массе, то придется проповедывать антисемитизм или агитировать, скажем, на почве обращения к отцу Иоанну Кронштадтскому.

Задача социал-демократии — развивать политическое сознание масс, а не тащиться в хвосте политически бесправной массы; во-вторых, и это главное — не верить, что массы не поймут идеи политической борьбы».

В студенческой среде это пренебрежение «экономиста» к массе принимало следующую форму: «Я-то хорошо понимаю, что движение

политическое, но другие студенты этого понять не смогут, а потому я предпочитаю стоять в стороне от движения», или, так и быть, формулировать для студентов их требования, а от себя облить их презрением, заявив, что «не имею никакого отношения к студенческому движению».

Несмотря на такое отношение преобладающего большинства тогдашнего состава социал-демократической организации в Петербурге, движение развивалось в том направлении, что, во-первых, от него отпадали либерально-оппозиционные элементы, а во-вторых, остающееся в рядах борющихся ядро мелко-буржуазных и пролетарских революционных элементов студенчества все определеннее стало относиться к своим политическим задачам, при чем мелкобуржуазная точка зрения еще преобладала, благодаря указанному отсутствию влияния революционной социал-демократии.

«Разве можно указать истории, — писал В. И. Ленин (Лен. Сборник VII, стр. 10), — хоть одно народное, хоть одно классовое движение, которое бы не начиналось со стихийных неорганизованных взрывов, которое бы без сознательного вмешательства интеллигентных представителей данного класса принимало организованную форму, создавало политические партии?»

«Февральские сходки, — рассказывает Н. И. Иорданский (стр. 125), — при всем подъеме настроения, отличались большою жизнерадостностью, мешавшею углубляться в суть вещей. Как только выяснилось, что студенчество проникнуто желанием бороться, сходки пошли живо, даже весело. При этом речи, как я уже отмечал, носили очень осторожный характер. Ораторы боялись слова политика, как жупела и металла. В марте сходки носили совсем иной характер. Они были менее многолюдны, чем в феврале, и не так единодушны, хотя утверждение полицейских агентов, будто на сходках 16—17 марта собралась только кучка злонамеренных, которая и взорвала спокойствие университета — обычная клевета, но зато они были гораздо серьезнее, вдумчивее и сознательнее. С одной стороны они отбросили покровы умеренности, с другой в сильной степени излечились от политического недомыслия. Дух веселой беспечности также отсутствовал на этих сходках. Толпа была настроена даже с некоторой торжественностью. Чувствовалось, что происходит перелом, чреватый последствиями, чувствовалось, что многие из нас уже никогда не возвратятся в эти старые стены. А когда, по требованию сходки, председательское место занял один из членов первого организационного комитета [1], то настроение сходки получило яркую и определенную формулировку в его вступительной речи. Оратор с полною ясностью указал, что, начиная вторую забастовку, студенты решаются на очень важный шаг: на политический протест, протест против существующего порядка, который не

---

[1] Повидимому, речь идет о с.-д. С. А. Волкенштейне, постоянном председателе сходок, сыне шлиссельбургской узницы Л. А. Волкенштейн.

желает поступиться даже мелочами, что, вступая на эту дорогу, нельзя рассчитывать на поддержку многих элементов общества, сочувствовавших первой забастовке, и необходимо приготовиться к самым жестоким репрессиям, что поэтому при обсуждении вопроса надо руководиться не столько горячим чувством, сколько холодным разумом, чтобы потом не сваливать ответственности на отдельных лиц, будто бы увлекших своими пламенными речами на гибельный путь. Последующие речи держались того же тона»...

«Второй период движения, когда академические вопросы даже не поднимались из гроба, когда головы работали исключительно над разрешением политической проблемы, является переходным состоянием студенчества, границы которого упираются, быть может, только в сентябрьские резолюции [1905 г.] об открытии дверей высших учебных заведений для народных митингов. Но в обратную сторону эти границы лежат гораздо ближе: даже на февральских сходках не было того политического настроения, которое обнаружилось на мартовских».

Таково было это «чисто-академическое» (!) движение в Петербургском университете, которое разгорелось в «прелюдию русской революции» благодаря тому, что к нему присоединились студенты всех высших учебных заведений в России. «12 февраля к движению примкнули институты: горный, лесной, женский медицинский, электротехнический, институт инженеров путей сообщения и медико-хирургическая военная академия. В феврале же прекратили слушание лекций институты технологический, гражданских инженеров, высшие женские курсы. Вслед затем курсы Лесгафта, Рождественские, академия художеств и даже зубоврачебные курсы. К 20 февраля «забастовка учащейся молодежи распространилась на историко-филологический институт в С.-Петербурге, на университеты Московский и Киевский, женские педагогические курсы, Московское техническое училище, Московский сельско-хозяйственный институт (бывш. Петровская академия), сельско-хозяйственный институт в Новой-Александрии, Киевский и Рижский политехнический институт. Затем получились известия о беспорядках в Харьковском, Одесском, Юрьевском, Томском и Варшавском университетах.

Таким образом все высшее учебное дело в России на время остановилось, и свыше 25 тысяч молодежи приняло участие в движении, начавшемся 8-го февраля на набережной реки Невы».

Вот этот широкий размах движения, вызвавший такое признание министерства народного просвещения (Журнал М. Н. Н., июль 1901 г. Краткий обзор деятельности М. Н. П., стр. 51): «нельзя не отметить того обстоятельства, что волнения 1899 года отличались большим упорством и большою продолжительностью, обнаружили взаимную связь тайных студенческих организаций разных учебных заведений и разных городов и внесли в жизнь высшей

школы новые явления «забастовки» и «обструкции», как средство для прекращения учебных занятий», — парализовал стремления министра Боголепова покончить с движением полицейским разгромом и дал возможность его конкуренту С. Ю. Витте, при поддержке других министров, повести кампанию против погромных приемов, которые, как рассказывает Е. Б., Боголепов считал единственно-рациональными, чтобы «безболезненно» ликвидировать движение.

Было созвано совещание. «На этом совещании должны были собраться все министры, исключая морского и иностранных дел. Еще до заседания Боголепов узнал, что Витте готовит записку, которую он намерен подать государю с согласия других министров. Эта записка должна была обсуждаться на описываемом заседании. В записке Витте просил его величество назначить расследование для отыскания виновников университетской истории 8-го февраля 1899 года. Николай Павлович восстал против такого расследования, находя его опасным»... «Министры: юстиции — Муравьев, путей сообщения — Хилков, государственных имуществ — Ермолов и военный Куропаткин [1] с большим сочувствием отнеслись к этой записке. Обер-прокурор святейшего синода, Победоносцев, отнесся к ней холодно, но, тем не менее, на совещании согласился с предложением Сергея Юльевича»... «Только министр внутренних дел Горемыкин и Николай Павлович высказались против расследования»... «Взамен последнего Боголепов предлагал опубликовать правительственное сообщение, в котором указывалось бы, что лица, действительно невинно пострадавшие при беспорядках, могут добиться исполнения своих законных требований путем обращения к обычным властям. (При этих словах Муравьев иронически перебил его: «Да? К предержащим властям»). Все министры, исключая Горемыкина и Победоносцева, встретили возражение Николая Павловича резкими, даже грубоватыми замечаниями, в особенности Витте. Однако, несмотря на свои энергические возражения, Боголепов счел необходимым подписаться под запиской Витте, чтоб его не заподозрили в боязни расследования, при котором подлежали рассмотрению не одни распоряжения и

---

[1] «Муж не знал еще тогда, что Куропаткин принадлежал также к послушным последователям Витте», — пишет Е. Б. (стр. 234). — Куропаткин, с одной стороны, запугивал студентов воен.-мед. академии, говоря им: «Вы должны знать, что у нас в руках такая громадная сила, что не может быть и речи о каких бы то ни было счетах между нами. Правительство вступает с вами в сношения, только жалея вас и не желая допустить до погибели. Послушайтесь вашего министра, перестаньте болтать без толку». Но с другой стороны, говоря об избиении, которому подверглись студенты, прибавлял: «Я думаю, что и я сам, будь я на вашем месте, тоже присоединился бы к протесту». Избиения не пользовались тогда признанием в военной среде: «Ну да, конечно: нагайки в XIX столетии, это — недопустимо, — говорил студентам член комиссии Ванновского генерал Лузанов (Иорданский, 110). «Нагайки, это гнусность», — говорил Ванновский (там же, 114).

действия министра внутренних дел, но и его собственные»... «Государь согласился на расследование и поручил его генералу П. С. Ванновскому, бывшему военным министром при Александре III».

«20-го февраля сего года, — говорилось в «Правительственном Вестнике» (№ 110, 24 мая 1899 г.), — государь император высочайше повелеть соизволил генерал-адъютанту Ванновскому произвести всестороннее расследование причин и обстоятельств беспорядков, начавшихся 8-го февраля в императорском с.-Петербургском университете и затем распространившихся на некоторые другие учебные заведения, и о результате сего расследования представить на высочайшее благовоззрение.

При рассмотрении всеподданнейшего доклада генерал-адъютанта Ванновского государь император соизволил прежде всего выразить свое крайнее прискорбие и неудовольствие, что подобные беспорядки, распространившиеся почти на все учебные заведения в империи, могли возникнуть и продолжаться в течение почти трех месяцев, нарушая спокойное течение внутренней жизни и научных занятий массы учащейся молодежи»...

Затем следовало изложение событий в университетах с полицейско-боголеповской точки зрения и дальше говорилось:

«По внимательном изучении как результатов расследования генерал-адъютанта Ванновского, так и последующих обстоятельств и хода всего дела, о котором своевременно было доносимо подлежащими министрами, государь император признал за благо и высочайше повелеть соизволил:

1) Объявить свое неудовольствие ближайшим начальствам и учебному персоналу высших учебных заведений, что они не сумели приобрести достаточно авторитета и морального влияния на вверенных их руководству учеников и с самого начала беспорядков не приступили с должною твердостью и единодушием к разъяснению и указанию увлекающейся молодежи существа ее добровольно избранного призвания и границы ее прав и обязанностей. Министр народного просвещения, равно и прочие министры, в ведении коих состоят высшие учебные заведения, сделавшиеся поприщем беспорядков, должны принять надлежащие меры внушения, а если нужно, строгости, для обращения подведомственных им лиц к исполнению нравственного служебного их долга.

2) Чинам с-петербургской городской полиции, кои указаны в расследовании генерала-адъютанта Ванновского, должны быть поставлены на вид неумелые и несоответственные предварительные распоряжения по охранению уличного порядка в день 8-го февраля.

3) Каковы бы ни были упущения и ошибки в действиях начальственных лиц, во всяком случае, не подлежит извинению поведение студентов и слушателей, забывших о долге повиновения и соблюдения предписанного порядка, — долге, налагаемом на них заботами правительства об их образовании и содержании. Никто из них не может и не должен почитать себя свободным от обязанности

трудиться и приобретать познания, нужные для служения отечеству, к коему они готовят себя на пользу общественную: они первые, посему, должны быть и охранителями того порядка, без коего ни ученье, ни воспитание не мыслимо. С соблюдением сего порядка неразделыно связана самая честь каждого учебного заведения и каждого из отдельных членов его и питомцев. Посему учащиеся во всех высших учебных заведениях обязываются, для своего блага, ныне же подчиниться тому порядку, который для них установлен, и возвратиться мирно к своим учебным трудам и занятиям».

«К прискорбию, — говорилось в заключение, — во время происходивших смут местное общество не только не оказало содействия усилиям правительственных властей к поддержанию порядка и к вразумлению заблуждавшегося и взволнованного юношества, но, во многих случаях, само содействовало беспорядкам, возбуждая одобрением взволнованное юношество и дозволяя себе неуместное вмешательство в сферу правительственных распоряжений. Подобные смуты на будущее время не могут быть терпимы и должны быть без всякого послабления подавляемы строгими мерами правительства...»

По приведенному тексту видно, что Витте не удалось достичь своей цели: свалить Горемыкина и Боголепова. Дело кончилось компромиссом [1]. Тем не менее, как рассказывает Е. Б., — «на мужа, на его близких помощников и на университетское начальство это сообщение произвело удручающее впечатление. Хотя в нем, видимо, умышленно избегались обвинения против министров внутренних дел и народного просвещения, но делался выговор начальствам высших учебных заведений, которые в огромном большинстве случаев усердно старались прекратить беспорядки и были измучены бесплодной борьбой» (стр. 255).

Н. П. Боголепов пустил в ход все средства, чтобы повлиять на царя, вплоть до подачи в отставку и рекомендации на свое место друга Витте еще со студенческой скамьи, попечителя варшавского учебного округа Лигина, не забыв прибавить, что он придется как раз ко двору Витте, что значило дискредитировать кандидатуру Лигина, т. к. царь боялся усиления влияния Витте и терпеть его не мог. Царь отставки не принял и «казалось, соглашался с доводами» Боголепова о необходимости крутых мер, подписывал его проекты и клал их под сукно.

«Государь, — говорит вдова Боголепова, рассказав о таком поведении царя (стр. 243—244), — часто поддавался влиянию людей, разговаривавших с ним очень решительно и уверенно: отсюда колебание между совершенно противоположными направлениями. Разговаривая с мужем, он склонялся на его сторону, но затем приезжал к нему Витте, говорил с ним — и последний соглашался

---

[1] «Проект правительственного сообщения был составлен Ванновским, затем переработан самим государем и, наконец, исправлен Победоносцевым» (Е. Б., стр. 254).

и с Витте, тем более, что Сергея Юльевича поддерживали его сторонники, а они были многочисленны. Если бы Витте был один, может быть он имел бы менее успеха, потому что государь сильно не любил его». К концу студенческого движения фонды самого Ванновского стояли... так низко, что мы, — рассказывает Н. Н. Иорданский (стр. 120), — сидя в тюрьме, смеясь спрашивали друг у друга, нет ли здесь где нибудь и Ванновского? Наверное, Пирамидов его уже арестовал! Ареста Ванновский, разумеется, избежал, но через несколько дней фарс с «комиссией по расследованию причин и обстоятельств» был закончен и доклад Ванновского был брошен в чью-то мусорную корзину».

Как мы видели, уже в ноябре 1898 г. замечалось повышенное настроение среди радикальной части московского студенчества и Союзный Совет счел необходимым предостеречь студентов от преждевременного выступления. В маленьком гектографированном листке, выпущенном им, он писал:

«Отмечая напряженное состояние студенчества, вызванное происшествиями последних дней, напряжение, которое грозит вылиться в открытый протест, Союзный Совет считает необходимым, в виду неподготовленности студенчества и несвоевременности беспорядков, предложить студенчеству воздержаться от вызывающих поступков раньше обсуждения вопроса по землячествам и курсовым организациям.

Союзный Совет объединенных московских землячеств. 6 декабря 98 г.».

Вообще не считающийся с фактами Р. И. Выдрин (стр. 39), как всегда категорически изрекает: «Характерной чертой студенческого движения конца 90-х годов является его организованность». Приведенный выше документ достаточно опровергает это беспочвенное утверждение. Но мы имеем и прямое свидетельство очень осведомленных лиц. В 1899 г., говорил в своем докладе на Одесском съезде 1900 г. московский делегат Н. В. Рудиев, «москвичи встретили петербургскую историю, не располагая никакой центральной организацией». Единственным органом, не связанным с массами, не пользующимся авторитетом, являлся осколок Союзного совета из 5 человек, во главе с М. Д. Михайловским. «Событие 8 февраля в Петербурге вызывает поездку Михайловского на место действия, куда также отправляется и студент М. П. Еремич с целью подробнее узнать обстоятельства дела».

Но раньше, чем вернулись московские делегаты, в Москве не позже 12 февраля появился «в качестве петербургского эмиссара», среди своих земляков-вятичей член петербургской «кассы» — социал-демократ С. Н. Салтыков, который и рассказал, как очевидец, о петербургских событиях; к москвичам он обратился с приглашением поддержать забастовку.

«13-го февраля, в субботу, в анатомическом театре, в присутствии Салтыкова и по изгнании педелей, происходит небольшая сходка (2794) решающая посвятить вечер земляческим собраниям, назначить на завтрашний день заседание Союзного Совета (утром в воскресенье ожидалось возвращение Михайловского), а в понедельник, 15-го февраля, в 9 часов утра созвать большую сходку в актовом зале или на одном из железнодорожных вокзалов».

Очень осведомленное и обеспокоенное зубатовское охранное отделение запросило у университетского начальства список студентов, участвовавших в сходке 13-го февраля. Впоследствии член «Союза 17 октября», человек достаточно правых убеждений, но порядочный и независимый ректор Д. Н. Зернов имевшийся у него, составленный инспекцией список участников сходки в анатомическом театре выдать охранному отделению отказался. Последнему пришлось руководствоваться своими филерскими и агентурными сведениями, и на основании их «14 февраля... ночью производятся полицией предупредительные аресты». Об этих арестах Зубатов сообщал следующие подробности:

«Утром 15 февраля 1899 г., в виду появившихся двух гектографированных прокламаций от «объединенных групп протеста против современного университетского режима» и одной «группы нижегородцев», — прокламаций, приглашавших студенчество поддержать уже волновавшихся в то время петербургских товарищей организацией сходок с целью закрытия университета, решено мною для предупреждения беспорядков арестовать представителя «группы протеста» студента Московского университета Николая Николаева Андреева и его ближайшего помощника студента того же университета Леонида Аркадьева Саврасова, а также ликвидировать нижегородский кружок, во главе которого стоял студент Андрей Иванов Ярошевич. При этом был обыскан и арестован в числе других Михайловский, Михаил Дионисиев».

Несмотря на аресты, 15-го февраля в анатомическом театре «имеет место громадная сходка, принимающая все пункты прокламаций группы протеста и анонимной нижегородцев и образует особую комиссию, с наименованием «Исполнительный комитет», составленную из бывших членов Союзного Совета Московских объединенных землячеств и представителей других студенческих организаций»...

«Студенчество в своей массе ничего другого не желает, кроме возвращения пострадавших... товарищей и назначаемая агитаторами уличная демонстрация, как решительное средство покорить несогласных, не получает осуществления, благодаря индифферентизму большинства» [1].

---

[1] Цитаты, кроме говорящей об арестах, взяты из «совершенно доверительного» доклада Зубатова № 11098 от 16 июля 1899 г. (Дело М. О. О. № 80—1899 г.). Из дела № 80 взяты и сведения об арестах.

Так началась забастовка в Московском университете.

Об этой забастовке существуют самые фантастические представления.

Только совершенно незнакомые с практикой студенческого движения люди могут, например, воображать, что в 1899 году забастовало все студенчество в числе 25.000 человек. Забастовала только радикальная и отчасти либерально-оппозиционная часть студенчества. Остальные продолжали слушать лекции. Вот, например, какую картину рисует «Бюллетень 16 февраля» московского «Исполнительного Комитета».

«Юристы 1 курса: Объявлена забастовка. Лекцию Соколовского слушает группа (10 чел.).

Юристы II курса: Была лекция Алексеева (30 человек).

Юристы III курса: 17-го назначена сходка.

Математики II курса: Лекция Умова не состоялась.

Филологи: Виноградов исполнил «свой первый долг» — читал. Большинство студентов удалилось. 17-го предположена сходка.

Естественники I курса: Была лекция Сабанеева. 60 чел. ушло, 2 осталось. Второй час не читал. Лекция Карузина — 3 человека. Посылались депутации к профессорам. Объявлена забастовка.

Естественники II кур. Была сходка в химической лаборатории (80 чел.). Объявлена забастовка. Лекция Умова не состоялась.

Естественники III к.: Состоялась сходка (30 чел.). Решена забастовка. 17-го окончательная сходка.

Естественники IV курса: Сходка (40 чел.). Решена забастовка.

Медики I курса: Зернов начал ранее обыкновенного. Было 8 человек. На лекции Булыгинского были фармацевты. Физический семинарий не состоялся.

Медики II курса: Мороховец отказался прекратить лекцию. Слушателей не было. Химическая лаборатория и анатомический театр пустовали.

Медики III курса: 15 февраля: Все вышли из аудитории с половины лекции Фохта. Сегодня лекция Митропольского состоялась. Голубинин по просьбе студентов не читал. 17-го назначена сходка.

Медики IV курса: не состоялось ни одной лекции, кроме лекции Павлинова (в. Екат[ерининской] больнице), где не знали об увольнении 58 человек. Шервинский отказался прекратить лекцию. С лекций Корсакова, Филатова, Кожевникова уходили без инцидентов. Практические занятия не состоялись.

Уволенных 58 человек в ту же ночь выслали.

Вечером 16-го назначена сходка в Петровской Академии».

Так обстояло дело на 2-ой день забастовки. Та же картина рисуется и в «Бюллетене 17-го февраля», с тою разницею, что появляются заявления об «обструкции»; очевидно одни уговоры не действуют:

«Ест. I. Лекция Сабанеева не состоялась. На лекции Тихомирова 3, кот. дали слово не посещать.

Ест. II. Депутации Умову, Мензбиру, Тимирязеву. Лекция Зелинского не была. В химической лаборатории занятий нет.

Ест. III. Принята обструкция.

Ест. IV. Принята обструкция.

Филологич. Соболевский и Ключевский собрали около 10 слушателей. Фортунатов ни одного.

Юрист. Лекция Чупрова не состоялась.

Юрист.III. Лекция Колоколова не состоялась, большинство за обструкцию.

Мед. I. Лекция Вернадского 8 ч., Зелинского 3, у Лебедева 2 фармацевта.

Мед. III. Ни одна не состоялась: на 1-ой был почти весь курс, с половины лекции все вышли из аудитории.

Мед. IV. Та же тактика, как и вчера: человек по 60—70 ходят на лекции и при входе профессора выходят. Профессора не читают только потому, что у них пустые аудитории.

Мед. V. После Остроумовской лекции решена забастовка, следующие лекции не состоялись.

На практические занятия никто не ходит».

А 20-го февраля от имени «группы борьбы против университетского режима» было выпущено воззвание, где указывалось, что из-за посещения отдельными лицами лекций университет «не закрыт», и предлагалось применить к ним насилие, необходимость прибегнуть к которому аргументировалась так:

«В виду того, что наши цели бесконечно велики по сравнению с низкими побуждениями этих отщепенцев, в виду того, наконец, что было бы глумлением над здравым смыслом прилагать к поведению этих вредных для среды существ принцип свободы «взглядов» и «убеждений», мы просим о принятии по отношению к ним следующих мер: установив их личность, мы предлагаем подвергнуть их физическому воздействию, считая при этом допустимыми все формы и все степени в виду указанной уже вредности этих антиобщественных элементов. Желательно только сделать это с минимумом риска и жертв; без свидетелей, с малым числом участников и т. п., что будет виднее взявшимся за это дело».

Я помню, в каком ужасе прибежал домой студент В. В. Орлов, имя которого попало в список подлежащих физическому воздействию. Он был человеком не от мира сего, почти ничего не видел, несмотря на чудовищные очки, дальше своих книг, которых поглотил колоссальное количество, изучив до десятка европейских и древних языков. В один прекрасный день он очень удивился, оказавшись единственным слушателем у профессора Р. Ф. Брандта, который мужественно читал лекцию своему единственному слушателю, ревя на него с досады громовым голосом. Какой-то сердобольный коллега подвел Орлова к проскрипционному списку, где красовалась его фамилия, и посоветовал уйти, пока ему не испортили физиономию, что он и поспешил сделать в полном недоумении.

Гимназисту 6-го класса, пришедшему в гости, пришлось объяснять В. Орлову всю подлость его поступка, что он и сделал в самых патетических тонах.

Правительство, с своей стороны, приняло все меры, чтобы облегчить «исполнение долга» штрейхбрехерам, «временно удалив в места жительства родных... 222 человека административным порядком» из числа «беспокойного элемента», «а правление, с своей стороны, исключило 2-х и уволило 162 студента». В изданной 1 марта Исполнительным Комитетом прокламации приведено полдюжины фамилий студентов, которые были высланы, хоть не принимали участия в движении, и нерациональность высылок засвидетельствована прокурором московской судебной палаты, который писал в своем заключении:

«Меры эти, применявшиеся спешно, благодаря появившимся слухам о нескольких случаях весьма неудачного применения их к лицам, совсем не принимавшим участия в беспорядках, не принесли ожидаемых результатов и вызвали еще большое возбуждение среди университетской молодежи...»

Высылали самым семейным образом: на квартиру являлся околоточный, просил собрать вещи, сажал на извозчика, отвозил на вокзал и купив, если не было своих средств, билет III класса до станции назначения, ждал, пока не отойдет поезд. Браво козырял своему студенту и отправлялся за следующим. Тогда в популярной песне пелось:

Кто-то мне судьбу предскажет
И какой городовой
На вокзал везти прикажет
И отправит на покой?..

Создалось напряженное положение, и Боголепову пришлось применить ту меру, которую он отрицал и которой добивались студенты: университет был закрыт на масленую неделю (22—27 февраля). «Предвидя мало хорошего от расследования [Ванновского], — пишет Е. Б. (стр. 236—237), — Николай Павлович решил прибегнуть к новой мере, чтобы выиграть время и обдумать положение. Он велел, в виду наступившей масленицы, временно закрыть университет *... При чем студентам было обещано возвращение их товарищей, если мирные занятия в университете возобновятся»...

Но такие мероприятия не оказали желаемого действия. «По получении в университете сведений о состоявшемся 20-го февраля высочайшем повелении о расследовании причин петербургских беспорядков, «Исполнительный Комитет» 23-го февраля выпустил особое воззвание о необходимости «держаться прежней тактики впредь до выяснения дела и возвращения высланных из Москвы товари-

* На время масленицы университет обыкновенно закрывался, и Николай Павлович только продлил отпуск на 3 дня (примечание Е. Б.).

щей»; 26-го февраля появилось подобное «извещение» от студентов императорского Технического училища.

Несмотря на происки неблагонамеренной части студенчества, цель агитации — закрытие университета — не могла быть достигнута к началу марта, и с понедельника первой недели поста назначено было возобновление занятий в университете и других высших учебных заведениях, временно приостановленных по случаю масленой недели. 1-го марта на лекции явилось сравнительно незначительное число слушателей (в университете 450, техническом училище 100, сельско-хозяйственном институте — 25), при чем медики одного из курсов [1], собравшись на сходку, отправили от себя депутацию к ректору с заявлением, что студенты не могут приступить к занятиям до возвращения высланных товарищей.

2-го марта лекции в университете продолжались, за исключением лекции профессора Соколовского, в аудитории коего студенты, числом до 150 человек, стали шуметь и кричать, а затем толпою удалились. В анатомическом театре состоялась сходка при участии более 400 студентов, признавшая необходимым требовать: 1) возвращения высланных товарищей и 2) устранения на будущее время высылки без суда и следствия по делам академического характера.

В прочих учебных заведениях Москвы занятия в это время возобновились.

3-го марта лекции в университете посещались весьма немногими; в 2 часа на дворе собралась сходка более 1.000 человек, впущенных затем, с разрешения ректора, в актовый зал. По окончании сходки, к ректору отправлена была депутация, заявившая, что из числа 1.055 присутствовавших 724 высказались за продолжение обструкции до удовлетворения ходатайства правления университета о смягчении участи уволенных студентов; по вопросу же о продолжении обструкции до обнародования результатов расследования генерал-адъютанта Ванновского 800 голосов высказались против» (Правительственное сообщение).

Уже этот результат голосования ясно показывал, что настроение мелкобуржуазной части студенчества, которая своими голосами могла дать перевес радикальной или либеральной части, поколебалось. Слухи о том, что в Петербурге забастовка прекратилась, дали оружие либеральной оппозиции для агитации за окончание ее и в Москве. Умное распоряжение ректора открыть аудитории для легальных курсовых совещаний еще больше укрепило позицию сторонников прекращения забастовки и 5 марта большинство 1.130 голосов против 622 постановило приступить к занятиям.

«6-го марта, университет посетило 1.829 студентов. В понедельник, 8-го марта, количество слушателей увеличилось еще более;

---

[1] Такое неопределенное указание на курс допущено потому, что это был V курс. Сообщая о подаче заявления, Исполнительный Комитет добавлял: «ректор дал честное слово вернуть всех высланных в кратчайший срок, если будет прекращена забастовка». (Бюллетень 3-го марта).

сходки хотя и происходили, но вне определенного для занятий времени. Университетское начальство признало порядок восстановленным, и, с согласия министра народного просвещения, 8-го марта в университете ректором было выставлено объявление следующего содержания: «В виду восстановления нормального порядка учебной жизни в университете, ходатайство правления об обратном принятии студентов, исключенных и уволенных правлением 15-го, 17-го и 18-го февраля сего года, утверждено министром народного просвещения 7-го марта. Вместе с сим объявляется, что сходки запрещены § 15 правил для студентов, собрания же, разрешенные временно ректором университета для некоторых разъяснений в настоящее время безусловно воспрещаются». Того же числа московским обер-полицеймейстером сделано было распоряжение об объявлении уволенным по распоряжению правления университета студентам о разрешении вернуться им в Москву для обратного поступления в университет».

В таком позорном финале сдачи своих позиций Исполнительный Комитет данного состава сыграл известную роль, чем вызвал взрыв возмущения среди радикальной части студентов. 4 марта Исполнительный Комитет издал листок (без обычного заглавия «Бюллетень такого то числа»), в котором говорилось:

«Общей сходки ректор не мог разрешить вследствие: 1) того, что нет достаточно большой аудитории для помещения сходки всего университета [1]; 2) потому, что ректору не дозволено более разрешать такие массовые сходки. Поэтому Исп. Ком. просит товарищей собраться сегодня 5 марта по курсам для окончательного голосования, хотят ли приступить к занятиям или нет. Затем представители курсов, по предложению ректора (в виду невозможности общей сходки), соберутся в кабинете ректора и в отсутствии его подсчитают абсолютное большинство голосов, которое и сообщат ректору. Вскоре Исп. Ком. представит для обсуждения курсов записку, долженствующую быть поданной правлению университета. Поэтому Исп. Ком. считает нужным заявить товарищам: 1) подсчет голосов необходимо считать легальным, ибо общая сходка состояться не может, 2) считать сегодняшние сходки по курсам за общую сходку, так как результаты курсовых сходок будут сведены вместе, 3) легальность курсовых сходок обусловливается наличностью не менее 1 055 голосов при баллотировке. Настоящее заявление Исп. Ком. делает всецело потому, что настроение студенчества по последнему бюллетеню (с результатами голосования на общей сходке 3 марта) склоняется в сторону прекращения забастовки. Исполнительный Комитет. Москва 4 марта».

В «Бюллетене 5 марта» Исполнительный Комитет сообщал о той

---

[1] Конечно, это было лицемерием, к тому же излишним, в виду наличия пункта второго. Находились помещения для легальных сходок и в 6 000 чел. (1908 г.).

ловкой постановке вопроса, который был предложен на разрешение курсовым совещаниям и о результатах подсчета голосов:

«Курсовым сходкам от И. К. был предложен на обсуждение вопрос: Считают ли студенты заявление ректора достаточной гарантией к исполнению требований общей сходки и поэтому заканчивают временно забастовку, или же это заявление ректора не должно изменить постановление общей сходки, состоявшейся 3-го марта»...

...«Общий итог: за продолжение забастовки 622, за прекращение 1 130, всего голосовало 1 752, вследствие чего результаты были признаны законными».

После такого двусмысленного поведения Исполнительного Комитета данного состава, на него обрушилось радикальное крыло студенчества, которое значительно усилилось возвращаемыми изгнанными студентами. К 12 марта были, по сведениям охранного отделения, возвращены все высланные, кроме 16 «наиболее виновных в агитации, коим пребывание в Москве воспрещено в течение года на основании положения об охране». Особенный удар престижу Исполнительного Комитета был нанесен приведенным выше объявлением и. о. ректора от 8 марта, отнимавшим право всяких собраний.

В записке генерал-губернатору за № 2769 от 9 марта охранное отделение сообщало: «Весь наличный состав «Исполнительного Комитета» перебаллотировывается, так как действиями его недоволен радикальный элемент студенчества, голосовавший в количестве 600 слишком человек за продолжение забастовки и усматривающий в вывешенном объявлении несоблюдение ректором одного из условий договора, постановленного забастовщиками».

А в своей записке о движении 1899 г. Зубатов говорит: «Раздраженные постановлением сходки 5-го марта агитаторы» добиваются перезбрания «Исполнительного Комитета, который и приступает в обновленном составе к энергичной агитации и при посредстве всевозможных передержек добивается 12-го марта постановления большинства о продолжении забастовки».

Старый состав Исполнительного Комитета пытался оправдать свою позицию, но ничего, кроме формальных доводов, в защиту ее привести не мог. В «Бюллетене 6 марта» он писал:

«а) Имея в виду разрешение недоразумений, возникающих среди студентов относительно состава, функций и деятельности Исполн. Ком., мы имеем заявить следующее: 1) Исп. Комит. состоит из представителей курсов или их заместителей, 2) Испол. Комит. считает своей задачей, констатируя настроение и мнение студенчества, быть их выразителем и исполнителем, 3) Круг деятельности Исп. Ком. ограничивается делами исключительно академического характера...»

...«с) Отвечая на появившееся за подписью «Земляки» заявление, представленное в Исп. Ком. о недействительности последней

общей голосовки по курсам, и приглашения на общую сходку на 8 марта, Испол. Ком. считает необходимым напомнить о легальности курсовой переголосовки 5 марта...» «Исп. Ком. напоминает, что вследствие отказа ректора в согласии на вторую общую сходку по независящим от него обстоятельствам, 5-го марта явилась необходимость прибегнуть к голосованию по курсовым сходкам, о легальности которых заявлялось Исп.. Ком...»

Эти замечательные революционеры, предавшие массу во имя «легальности», были заменены новыми, главным образом благодаря тому, что в университет возвратился изгнанный из него радикальный элемент студенчества. Некоторую роль сыграли и полученные известия о провинциальных университетах. «Новые проявления административно-полицейского произвола над студентами провинциальных университетов вызвали опять дружный протест всего российского студенчества.

Уже после 20-го февраля из Киева были высланы сначала 55 «главных агитаторов», а затем еще более 200 человек студентов, в том числе совершенно без всяких оснований 160 евреев, из Варшавы были высланы 333 студента, из Томского университета было исключено 45 «особо замеченных в подстрекательстве» студентов; в Харькове 24-го февраля все студенты были «признаны, согласно распоряжению высшего учебного начальства, уволившимися из университета», а 10 марта были также уволены все студенты Киевского университета. Видя столь недвусмысленные результаты «царской милости», российская учащаяся молодежь ответила новой всеобщей забастовкой в Петербурге и в Москве, которая началась в половине марта, а в других университетских городах движение и без того не прекращалось» (Сибиряк, стр. 16—17).

3-го марта «Союзный Совет», руководивший движением в Киеве, выпустил воззвание с выражением резкого порицания С.-Петербургскому университету за то, что он «забыл свои общегражданские требования, во имя которых восстали сами петербургские студенты и призвали к протесту провинциальные университеты»... «Вместе с тем «Союзный Совет» обратился с воззванием к московскому студенчеству и призывал его принять на себя руководящую роль в студенческом движении». Воззвания эти произвели известное впечатление.

В «кратком обзоре студенческого движения 1899 года в Московском университете», являющемся критикой доклада ректора А. А. Тихомирова «О чрезвычайных мерах, принятых в Московском университете по причине студенческих беспорядков», Исполнительный Комитет так излагает ход движения [1]:

---

[1] В виду того, что единственный экземпляр «Краткого обзора» выцвел и уже теперь с трудом поддается прочтению, приводим его почти полностью за исключением критикуемого доклада ректора и полемики с ним.

«В Московском университете первая забастовка началась 15 февр., при чем были выставлены те самые требования, которые выставлены и Петерб. ун-том. Требования эти следующие: 1) гарантия физической неприкосновенности личности, 2) распубликование в стенах ун-та той инструкции, которой руководствуется полиция в своих отношениях к ст-ам, 3) обжалование неправильных действий полиции обычными судебными порядками. Все указанные требования тесно связаны между собой и вполне логически вытекали из возмутительного факта 8-го февраля. Когда 19-го февр. в «Правит. Вестнике», а 21-го и в других газетах появилось известие о назначении генерал-адъютанта Ванновского для расследования причин и обстоятельств петербургской забастовки, московское ст-чество сочло необходимым выяснить, какого образа действий им следует держаться в виду указанного факта. Так как предварительно необходимо было получить более подробные и точные сведения о комиссии Ванновского и о настроении ст-ов других высших учебных заведений России, и так как, далее, шла уже масленая неделя, то сходка стала возможной лишь на первой неделе поста. Во вторник 2-го марта происходила сходка в анатомической, признанная вследствие своей сравнительной малочисленности предварительной; в среду 3-го марта в актовом зале ун-та, с разрешения бывшего ректора г. Зернова, произошла вторая сходка, на которой и было постановлено следующее: забастовку на почве трех петербургских требований временно, до решения комиссии Ванновского, прекратить, но посещения лекций не начинать все-таки до тех пор, пока не будет: 1) обещано возвращение всех уволенных и высланных товарищей, 2) обещано ходатайство перед высшими инстанциями о пересмотре прав инспекции и не будет выработана на ближайшем заседании правления инструкция низшим органам последней (что вполне входит в компетенцию правления). Второе требование выставлено не случайно. Дело в том, что, если бы инспекция не пользовалась принадлежащими ей в настоящее время полномочиями, если бы фактическими судьями не являлись прислуживающие, подсматривающие и затем доносящие инспекции малограмотные педеля, то не было бы такой массы высланных и уволенных. Поэтому ст-ты и нашли возможным поставить оба требования рядом. Исп. Ком. считает далеко не лишним довести до всеобщего сведения некоторые факты, характеризующие Соломонов наших дней». Далее приведено 7 примеров увольнения лиц не причастных к движению.

«Итак были выставлены указанные выше требования. Заметим, что первое требование было выставлено, несмотря на опубликование в стенах университета объявлений за подписью ректора о том: 1) что ун-ское начальство, в виду возобновления занятий некоторой частью ст-ов уже возбудило ходатайство о ст-ах, уволенных с правом обратного поступления, 2) что о ст-ах, уволенных без этого права ун-ское начальство возбудит ходатайство теперь же

и 3) что высланные товарищи будут возвращены (на сходках действительно присутствовало уже несколько возвращенных). Московские ст-ты, на горьком опыте узнавшие, что универс. начальству необходимо доверять с большой осторожностью, не могли удовлетвориться лишь ходатайством со стороны последнего об уволенных; они желали безоговорочного обещания, что все уволенные и высланные будут возвращены с восстановлением во всех правах. Не могли ст-ты согласиться и с той формулировкой, которая дана универс. начальством, тем более, что никто из бастовавших не начинал посещения лекций: их попрежнему посещала лишь та очень немногочисленная часть ст-ов, которая с самого начала была против забастовки; ст-ты желали возвращения товарищей не под условием возобновления занятий, но, напротив того, обещали возобновить занятия при условии возвращения товарищей. Когда указанные требования были предъявлены делегатами г. ректору, последний обещал под честным словом выполнение как первого из них, так и второго, добавив при этом, что на следующий день могут состояться курсовые сходки и что на каждой из них он готов снова подтвердить честным словом свои обещания. В виду такого заявления г. ректора, на следующий день 5 марта действительно состоялись курсовые сходки, на которых и было постановлено забастовку прекратить. Делегатам, явившимся на следующий день к г. ректору, чтобы сообщить о результате голосования, когда одни из них спросили ректора, не будут ли приняты во внимание при возбуждении вопроса о пересмотре прав инспекции также указания самих студентов, последний под честным словом разрешил курсовые совещания в перерывах между лекциями, так, чтобы они не нарушали обычного течения занятий, и предложил представить ему записку (не петицию) с пожеланиями студентов. На следующий день, в субботу 7-го марта [1], делегаты сообщили на курсах о своем разговоре с ректором, и тогда же занятия пошли обычным порядком, и все успокоились.

Но каково было изумление ст-ов, когда, придя через день, в понедельник 8 марта, в университет, они прочли подписанное г. ректором заявление, гласившее, что всякие собрания и совещания, временно разрешенные ректором, им безусловно воспрещаются. Сознавая, что временно разрешая совещания г. Зернов не мог иметь в виду только одну субботу 6-го марта и что срок законности курсовых совещаний должен определиться подачей ректору упомянутой выше записки, студенты отправили к г. ректору делегатов в количестве шести человек. Но г. Зернов оказался серьезно больным, и делегатам пришлось обратиться к его помощнику г. Тихомирову, который с этого момента и выступил на сцену во всем своем блеске. Он заявил делегатам, что ректор не сообщал ему ничего о совещаниях между лекциями, так что официально

[1] Суббота приходилась на 6 марта.

он разрешить ничего не может (хотя никто и не говорил о каких бы то ни было разрешениях, студенты требовали принадлежавшего им права, а не просили милости), но что лично он держится такого мнения: если совещания и допустимы, то только в присутствии чинов инспекции. Так как Тихомиров вдавался в поучение и многословие, то был прерван одним из делегатов, и ему был поставлен ультиматум: на следующий день, переговорив с ректором, дать окончательный ответ между часом и двумя. На следующий день, в виду того, что Тихомиров заявил неудовольствие против столь многочисленной якобы делегации (было всего 6 человек), к нему отправилось только трое делегатов. Тихомировым был дан такой же ответ, как и накануне, только в более грубой форме. Отнюдь не отрицая факта разрешения г. Зерновым совещаний, Тихомиров говорил, что последние возможны только в том случае, если ст-ты всякий раз будут сообщать программу совещаний суб-инспектору, кот. и будет присутствать на совещаниях. «Если вы начнете говорить глупости», говорил Тихомиров делегатам более чем 4.000 студентов, «суб-инспектор скажет вам, зачем вы говорите глупости; суб-инспектор имеет право привести с собой на совещание одного, двух, трех, двадцать, сто педелей». Далее он доказывал делегатам, что суб-инспекция существует для блага самих студентов, так как оберегает их от вредного влияния товарищей, что если она не будет присутствовать на совещаниях, то эти вредные» товарищи будут подстрекать остальных студентов к низвержению существующего государственного строя; что он сам не побоится высказывать свои мнения «даже в присутствии городового»[1], так почему же студенты так открещиваются от суб-инспекторов. Прикидываться простаком, чтобы не сказать большего, и юродствовать иногда полезно, и «хитрый» г. Тихомиров отлично понимает это. В виду такого заявления Тихомирова, которым фактически устранялась всякая возможность совещаний, потому что трудно в самом деле представить себе совещание об ограничении прав инспекции с ее разрешения и в ее присутствии; а также в виду того, что суб-инспектора и педеля поминутно врывались в этот день в аудитории и не позволяли скопляться более чем в количестве одного человека, как принято говорить у нас, студентам не оставалось другого исхода, как начать снова забастовку. 10-го, 11, 12 марта происходило голосование; продолжительность его обусловливалась всевозможными препятствиями, ставившимися усердной инспекцией совещаниям студентов. 13-го стал известен окончательный результат голосования [2], и в тот же день лекции в

---

[1] Это и доказал А. А. Тихомиров — активный член зубатовской организации, в которой он продолжал работать, когда из нее ушли другие профессора.

[2] «По подсчету курсовых голосований оказалось, что 1366 студентов высказались против 679 за забастовку, указав, как на причину последней: 1. Оскорбление студентов-делегатов, которым даются обещания, тотчас

университете прекратились (10, 11 и 12 происходили, хотя и не совсем правильно). Требования были выставлены следующие: 1) официальное, путем печатного объявления, вывешенного в стенах университета, разъяснение совершившихся фактов, 2) такое же печатное обещание ходатайства перед высшими инстанциями о пересмотре прав инспекции и о выработке на одном из ближайших заседаний правления инструкций педелям, что было обещано раньше устно г. Зерновым, 3) присутствие педелей не у двери аудитории, но в швейцарских, чтобы фактически могли осуществиться разрешенные г. ректором совещания, производить которые студенты считали себя попрежнему в праве.

20-го марта в субботу было выставлено еще новое требование: возвращение всех высланных и уволенных товарищей в с е х высших учебных заведений России с восстановлением во всех правах. Это требование было выставлено в виду того, что с 14-го по 21-е марта началась и стала повсеместно распространяться вторая забастовка, вызванная тем, что тогда как в других городах пострадавшие товарищи были возвращены, в Киеве, Варшаве и Томске тождественное требование не было удовлетворено. Некоторые учебные заведения выставили при этом и требования, выставленные Петербургским университетом в начале первой забастовки. Указанное требование выставлено Исполн. Ком. без предварительного опроса студентов, невозможного при закрытии университета, но выставлено, как видно из сказанного, не случайно, а как обще-студенческое требование. Что касается первых трех требований, то в виду закрытия университета они должны были замениться следующими: 1) реорганизация инспекции, 2) ходатайство перед высшими инстанциями и т. д., 3) выработка инструкций педелям и прочее».

На вторую забастовку правительство ответило локаутом. В своем докладе Зубатов писал:

«17-го марта в виду крайней обструкции забастовщиков, доходящей до насилия над несогласными, занятия в университете окончательно прекращаются. В бюллетене на это число И. К. рекомендует прежнюю тактику, говоря, что забастовка «должна продолжаться и после 22 марта, простираясь и на экзамены». Правительство пользуется закрытием университета с 17 по 22 марта, чтобы дезорганизовать радикальную часть студентов боголеповскими мерами «безболезненного» наведения порядка, что Исполнительный Комитет предвидел заранее. В «Бюллетене 13 марта» он писал: «Забастовка объявлена. Необходимо обсудить дальнейшие действия,

---

же отменяемые и 2. Недостаточность гарантий слова ректора относительно упорядочения действия инспекции (Бюллетени 12-го и 13-го марта), а к этим двум причинам сходка, собравшаяся на следующий день, прибавила еще требование о допущении со стороны ректора частных совещаний по вопросу об отношении к студентам чинов инспекции, впредь до выработки правлением новой инструкции педелям (Бюллетень 13-го марта)» (Правительственное сообщение.)

если с Московским университетом будет поступлено так же, как и с Киевским. Там вывешено следующее объявление: «По распоряжению министра народного просвещения, все студенты признаются уволившимися: желающие вновь поступить в университет и продолжать слушание лекций подают о том прошение г. ректору. Обратный прием будет зависеть от усмотрения университетского начальства. Порядок подачи прошения будет объявлен особо».

Обнаружившие порядочное отношение к студентам ректор Д. Н. Зернов и инспектор Р. И. Державин [1] принуждены были уступить свое место: первый — А. А. Тихомирову, человеку с гутаперчевой совестью, второй — Я. А. Карнееву, которого никто не звал иначе, как Яшкой, за то, что на угрозу пощечиной он хихикая отвечал: «Мне в морду и плевали, что ж? — я взял платок да утерся»... Точно про него были написаны строки:

Есть подлецы, которых бьют,
Которым в рожу все плюют,
А он оплеван, он и бит,
Но все хранит свой гордый вид...

Более омерзительного типа, готового на всякую подлость, чтобы угодить начальству, трудно себе представить.

Исполнительные Комитеты, сменявшие друг друга, подверглись разгрому. «К 22-му марта, — сообщал в своем докладе Зубатов, — ликвидируется Исполнительный Комитет в полном составе, не исключая и отдельных его представителей, временами перезбиравшихся». На этот арест новый состав Исполнительного Комитета ответил «Бюллетенем 22 марта», где заявлял: «В виду распространившихся слухов о том, что «Испол. Комит». забран и более не существует, мы извещаем студентов, что И. К. действует в полном составе и имеет заместителей». Но и этот состав Исполнительного Комитета был изъят через 4 дня: «26 марта ликвидируется кружок студента Кашкарева, являвшего собой Исполнительный Комитет». На некоторое время происходит перерыв в выпуске бюллетеней, но в апреле возобновляется: в исполнение обязанностей вступает новый Комитет. «10-го апреля, после манифестации по умершем студенте Ливене, означенный состав Исполнительного Комитета ликвидируется, кроме Альтберга и Яровицкого, занятых организацией общестуденческого съезда, а затем и нового Комитета.

21-апреля в квартире Шимановича имеет место заседание делегатов от разных высших учебных заведений, которые тут же подвергаются задержанию. Арест членов съезда (и одновременно произведенный арест Исполнительного Комитета) сразу прекратил агитацию и вызвал успокоение в студенческой среде» (Из доклада Зубатова).

---

[1] Раф. Ив. Державин, преподаватель латинского языка в 5 гимназии, по природе своей бывший благодушным атлетом, по сообщению И. К. «отказался исполнять эту гнусную роль» (Листок от 1 марта).

Но еще большее влияние на это «успокоение» оказали массовые высылки из Москвы правых и виноватых. В записке генерал-губернатора за № 4153 от 24 марта сообщалось: «к 24 сего марта всего уволенных из университета оказалось 815 человек, из коих 603 удалено из столицы, 77 сдано на поруки, 21 находится в Пересыльной тюрьме, двое под стражей, четверым воспрещено жительство, один болен, 40 не возвратились из прежней высылки и 67 подлежат удалению». Высланные и арестованные были разделены на категории. Все студенты, как и в Киеве, после локаута были признаны уволенными с предоставлением права ходатайствовать об обратном приеме, «зависящем от усмотрения учебного начальства». Кто фактически был этим начальством, показывает следующий документ, который объясняет, почему был признан неудобным Д. Н. Зернов, отказавшийся сообщить охранному отделению список участников сходки в анатомическом театре, и почему на его месте воссияла звезда лучезарного бесстыдника А. А. Тихомирова.

М. Н. П.
Ректора Императорского
Московского Университета
Москва
Марта 17 дня 1899 г.
№ 39.

Охр. 17 — Мар. — 1899 Отд.

Секретно

Г-ну испр. должность Московского Обер-Полицеймейстера.

В виду того, что обратный прием студентов в Университет обусловлен свидетельством полиции о благонадежности, а с другой стороны в виду желательности открыть учебные занятия по возможности без промедления, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство благоволить сделать зависящее распоряжение об отметке по прилагаемой при сем алфавитной книжке, кто из студентов считается благонадежным, и о возвращении сей книжки с указанными отметками в Университет, по возможности безотлагательно.

И. Д. Ректора [А. Тихомиров].
Секретарь [С. Преображенский]

Исполнить 17/III — 99 [1].

После компетентной экспертизы охранного отделения, «из общего числа (4.407) прошения об обратном приеме подали 4.129; из них принято 3.318 и отказано в приеме 774, из коих 404, прием коих обратно в Московский университет нежелателен, и 370, кои могут быть приняты обратно в университет в будущем году. Кроме того, отказано в приеме 37 студентам, о коих имелись неблагоприятные полицейские сведения.

Непринятые студенты удаляются постепенно из Москвы в места родины, за исключением постоянных московских жителей, отданных на попечение родственников.

49 лицам, из числа непринятых, особенно замеченным в агитаци-

[1] Рука Трепова.

ционной деятельности и арестованным на сходках вне университета [1], воспрещено, на основании положения об охране, жительство в столицах и университетских городах в течение 2-х лет.

Следует обратить внимание, что за все это время громадное большинство студентов не принимало участия в беспорядках; вместе с тем и в среде демонстрантов некоторая часть, не сочувствующая насильственному способу действий, высказалась за прекращение беспорядков, продолжение коих не вызывалось, по мнению, ее, никакими основательными причинами. Выражением этого мнения явилось, между прочим, воззвание, выпущенное 16-го марта за подписью «группы независимых студентов», указывающее на совершенную случайность состоявшегося 12-го марта большинства, высказавшегося за повторение обструкции.

Для обратно принятых в университет 3.318 человек предстояли еще в течение 2-х недель учебные занятия, но в виду угроз со стороны агитаторов и опасения возбудить между последними и благоразумной партией резкие столкновения, признано было необходимым, не возобновляя лекций, приступить к экзаменам по утвержденному расписанию, обставив таковые мерами предосторожности для охраны порядка и экзаменующихся». (Правительственное сообщение).

Таким образом, «умеренность» Исполнительного Комитета и проявленное им угодничество и перед статьями уголовного уложения, и перед начальством, и перед либеральными коллегами вызвали только беспощадные репрессии.

Никогда ни раньше, ни позже студенчество не переживало подобного разгрома. В результате, в 1900 г. число студентов, по сравнению с 1899 г., несмотря на новый прием, уменьшилось следующим образом: «В Петербургском университете на 594 чел., в Московском на 312, в Киевском на 290 чел». («Листки Свободного Слова» № 14, стр. 28—29).

Но приспособленчество Исполнительного Комитета, стремление его найти общую линию для «всего» студенчества, что он подчеркивал особенно в своем «Кратком обзоре» движения 1899 г., не смогло достичь и главной его цели: движение раскалывалось, студент шел на студента. К сожалению, о московском движении 1899 г. нет таких свидетельств, как воспоминания Энгеля и Горохова, Н. И. Иорданского и М. М. Могилянского. Приходится довольствоваться отдельными намеками и документами.

Прежде всего — указание Зубатова, что «назначенная агитаторами уличная демонстрация, как решительное средство покорить несогласных, не получает осуществления» еще 15 февраля. Радикальное крыло студенчества уже тогда понимало недостаточность

---

[1] 21 марта арестовано на Тверском бульваре 13 членов Исполнительного Комитета (говорили, что он заседал в бассейне бань — для конспирации). 31 марта задержана сходка 71-го у церкви св. Георгия в Охотном ряду (в том числе случайная публика).

такого средства, как пассивная забастовка. Его выразителем выступил студент-осетин И. В. Баев, который и произнес следующую, приблизительно, речь (записана с его собственных слов. Брошюра «Наше Знамя» 1904 г., стр. 28—29):

«Предлагают забастовку и обструкцию, указывая на пример рабочих. Но мы находимся совершенно в ином положении, чем рабочие. Забастовка тех причиняет материальный ущерб, останавливает производство. Если бы мы могли несколько лет подряд срывать экзамены, мы несомненно лишили бы правительство многих чиновников [1]. Но все дело в том, что именно во время экзаменов затихает наше движение. А потому нам остается один путь, который и избрали наши предшественники, — выйти на улицу и открыто заявить наши требования перед народом».

Следовательно, речь шла не о том, чтобы «покорить несогласных», а о том, чтобы через голову несогласных обратиться к демократической массе, т. е. с академической перейти на политическую почву.

И. В. Баев был знаком и с «Капиталом» Маркса и с его историческими брошюрами, в частности изучил «18 Брюмера» и постоянно на него ссылался. Он отдавал себе отчет в том, что в студенческом движении проявляется борьба различных классов, и именно он пустил в оборот слова о п а н с т у д е н ч е с к и х и л л ю з и я х», — об утопичности вести движение, опираясь на в с е (πᾶν) студенчество.

Если в первый период мысли, высказанные И. В. Баевым, не проявились во вне, то этого нельзя сказать о последнем периоде, когда во главе Исполнительного Комитета стоял марксист А. В. Яровицкий, предложивший на съезде перейти с академической на политическую почву.

Исполнительный Комитет приложил все старания, чтобы сорвать экзамены, выставив около университета пикеты. Вот что, например, сообщало охранное отделение о пикетировании: «1-го апреля Нанейшвили с утра появился около университета, вместе с земляком своим Поликарпом Мдивани, с которым и стал уговаривать встречавшихся коллег не экзаменоваться и не идти в университет, когда же чин наружной полиции, заметив агитационную деятельность Нанейшвили, хотел его задержать, то он пригрозил ему «уст-

---

[1] Правительству нужна высшая школа для фабрикации чиновников, которые с должным усердием помогали бы нашему самодержавию выполнять его «великую историческую миссию»... Ему нужны дипломированные холопы», — писал Киевский Союзный Совет в прокламации от 15 октября 1901 г. Цитируемый В. И. Лениным предводитель дворянства (Соч., т. IV, 2-е изд., стр. 327) говорил: «Одним словом, молодежь встречается в университетах не с храмом науки, но с фабрикой, выделывающей из обезличенной студенческой массы потребный государству чиновнический товар».

Таким образом, для современников были ясны задачи университетов с точки зрения правительственной политики.

роить скандал». 2-го апреля Нанейшвили опять явился с тем же Мдивани на дежурство к университету, но был арестован».

Но экзамены шли своим чередом, так как и радикальная и даже оппозиционно-либеральная часть студентов была изгнана из университета. В «Бюллетене 9 апреля» Исполнительный Комитет писал:

«Сегодня подле университета состоится манифестация, в которой принимают участие как студенты, так и техники»... «Исп. Ком. испробовал все средства: он убеждал студентов не ходить на экзамены; рекомендовал студентам, твердо решившимся не держать экзаменов, итти в здание университета и мешать экзаменующимся. Ничто не помогло. Остается манифестация. Всякий, идущий на манифестацию, хорошо, конечно, понимает, что он будет арестован. Но манифестация охладит несколько экзаменующихся и поубавит их нахальную самоуверенность. Манифестация благодаря тем массовым арестам, которые она поведет за собою, возбудит в обществе еще более сильное движение и ослабит силу наказания для уволенных и высланных ранее, показав, что в этом движении участвуют не только агитаторы, но вся масса студенчества. Манифестация не должна ограничиться одним днем; повторяемая систематически, она может повести к закрытию университета».

Неизвестно, какая борьба происходила в недрах Исполнительного Комитета, прежде чем появился этот бюллетень с жалкими намеками на поддержку общества. Но манифестация во имя срыва экзаменов, конечно, не произошла. Она произошла 10 апреля на политической почве. В «Бюллетене 9-го апреля» Исполнительный Комитет сообщал:

«6-го апреля в Бутырках произошло ужасное событие, способное подействовать и на железные нервы: студ.-естеств. 4-го курса Герман Эмильевич Ливен облился керосином, чтобы покончить с собой; 8-го апреля он умер»... «Неужели и этот ужасный факт не выведет московских студентов из их апатии?»... «Возможно ли держать экзамены при таких условиях?»... «Но ничто не помогло. Только немногие явились в университет, остальные оставались дома. Апатичное отношение студентов к делу проявляется и в массовом бегстве из Москвы»... «Теперь остается только одно средство — манифестация. И. К. приглашает теперь студентов являться к университету каждый день для манифестации. И. К. предполагал устроить манифестацию вчера, но не уведомлял о последней в бюллетенях, не желая предупреждать полицию. Но оказалось, что некоторая часть студентов была смущена умолчанием И. К. о манифестации и не пошла вчера к университету...»

Г. Э. Ливен вместе с С. Л. и М. Л. Франк, В. А. Кильчевским и А. И. Ярошевичем входил в с.-д. группу, которая издала: 1) всеподданнейший доклад кн. Имеретинского, 2) манифест Коммунистической партии, 3) Каутского «Демократия и реакционное разоружение», 4) открытое письмо московским студентам от группы интеллигентных пролетариев и 5) прокламацию «группы нижего-

родцев» в начале движения 1899 г., о которой упоминалось. По делу этой прокламации Ливен и был арестован. По официальным данным, он поджег свою кровать, облив ее керосином, в 4 часа утра 5 апреля и скончался 6-го апреля в $10^1/_2$ час. вечера. Демонстрация 10-го апреля 1899 г. естественно вылилась не в манифестацию против державших экзамены, а в протест против правительственного произвола, как и демонстрация по поводу самосожжения Ветровой в 1897 г. Демонстранты собрались к храму Христа спасителя, чтобы отслужить панихиду, — обычный в 1890-х годах способ выражения протеста против правительства. «Устроить панихиду не удалось и толпа человек в 200 прошла по бульварной линии к памятнику Пушкина. Там всех рассеяла полиция и арестовала человек 18» (Бюллетень 10 апр.) На лентах венка, который студенты возложили на гроб Ливена, было написано: «Невинной жертве произвола». «От учащихся Москвы».

Значение демонстрации подчеркивает следующий факт. В ночь с 22 на 23 апреля 1899 г. «кружок социал-демократов», состоявший из гимназистов А. П. Станчинского и В. Д. Лыткина, членов Московской организации гимназистов, с несколькими привлеченными ими к участию юнцами, отпечатал, в ночь с 23 на 24, расклеивал и 25—26 разбрасывал следующую прокламацию:

«ВОЗЗВАНИЕ К РАБОЧИМ

Братья рабочие!

На-днях, на Фоминой неделе, в Москве состоится панихида и манифестация по студенте Ливене, который, будучи взят больным полицией и посаженный в одиночную камеру в Бутырки, в болезненном припадке облил себя и свою постель керосином и сжег себя. Каждый из нас может быть в таком положении и каждого из нас может довести до какого-нибудь ужасного поступка над собой эта бесчеловечная система одиночного заключения. Никто из нас не гарантирован от этого при нынешнем порядке вещей, и наш протест, наша манифестация будет протестом каждого за всех и всех за каждого, протестом человечества за человека. И мы глубоко убеждены, что на наш протест горячо откликнутся все сознательно и критически мыслящие рабочие.

О времени и месте манифестации сообщим таким же образом накануне.

Кружок Социал-Демократов».

Лыткин и Станчинский были арестованы при расклейке прокламаций в ночь на 24 апреля и избиты полицией. С. В. Зубатов искусно разыграл роль возмущенного поведением полиции, угощал своих пленников чаем, но не добился своего: гимназисты держались мужественно, всю вину приняли на себя и не указали на сообщников. В результате появился следующий документ от

24 апреля: «Сего числа ученик 7 класса 3-й Московской гимназии Антон Станчинский освобожден на прилагаемых у сего условиях. За ним установлено тщательное филерское наблюдение для выяснения «Кружка социал-демократов». Что кружок ограничивался только двумя арестованными, Зубатов не мог верить потому, что одновременно с Хамовниками, где были арестованы оба гимназиста, листок был расклеен по Новой Андроновке.

Таким образом, несмотря на все препоны, которые ставил Исполнительный Комитет, «политика» прорывалась и прорвалась в движении 1899 г. Носителями ее являлись, как и везде, социал-демократы. Среди участников движения 1899 г. встречаются имена будущих членов ВКП(б): А. Н. Васильев, П. Г. Мдивани, В. И. Нанейшвили, В. А. Радус-Зенькович, Л. А. Саврасов, А. С. Сыромятников; и социал-демократов, стоявших во главе ярко-политических групп, как И. В. Баев, А. И. Иваничeнко, М. А. Давидович, С. Н. Соколов, И. П. Лазарев, А. В. Яровицкий, или участников их, как И. М. Вейншток, А. Г. Корсуновский, Я. К. Курнатовский, В. А. Лучинин, Г. А. Пашин, А. М. Сидоров, В. И. Синакевич, А. Л. Туманов, Г. И. Чулков и т. д. Если они громко не заявили о своих взглядах в движении 1899 г., то только потому, что представляли из себя социал-демократические песчинки в море студенческой стихии, не опирались на организации и часто не знали друг друга. Точно до сих пор не выяснен состав Исполнительных Комитетов 1899 г. Одно известно, что состав их был очень пестр. Главарем И. К. охранное отделение называет Константина Виноградова; по частным сведениям председателем И. К. был с.-р. А. А. Ховрин. Из других членов известны: Б. И. Моисеев (с.-д. /б/), Л. И. Залыгин (с.-д.), Г. А. Праздников (с.-р.), С. Н. Соколов, (с.-д. — «искровец» — «принадлежал к тому именно составу И. К., который устроил вторую забастовку» и стремился радикализировать И. К.), и, как противоположность ему, Н. А. Гейнике (к.-д.), который вошел в Комитет, чтобы противодействовать второй забастовке; и ряд неизвестных имен: А. В. Трупчинский, М. И. Топольский, А. П. Еремич, П. П. Иосефович, И. И. Якубов; упоминается также И. М. Щеголев. Опираясь на аморфную политически массу членов Исполнительного Комитета и не встречая организованного отпора со стороны социал-демократической его части, скованной «панстуденческими иллюзиями», кадетская часть Комитета твердо вела его по либеральным рельсам к поражению. Ясно было, что разрыв был необходим. Но он наступил не скоро.

За разгромом студенческого движения последовали меры, предпринятые Боголеповым для предотвращения их в будущем. Это, во-первых, усиление инспекции, против которой так восставали московские студенты, во-вторых, увольнение либеральных профессоров, с которыми у министра народного просвещения были счеты.

«Муж не раз и ранее говорил его величеству, — рассказывает вдова Боголепова (стр. 295—296), что необходимо усилить и преобразовать инспекцию; при этом он указывал на неосновательность тогдашней ее организации; на равнодушные отношения ее агентов к студенческим беспорядкам, на ее намеренное бездействие и на заискивание перед студентами.

Николаю Павловичу невозможно было без поддержки государя увеличить число инспекторов, так как для этого требовались большие средства, а министр финансов не хотел их отпускать на министерство народного просвещения. В этот прием Ник. Пав-ч доказывал, что трудно управлять университетом при безучастии и революционном настроении [sic!!!] инспекторов: «Недостаточно», говорил он, «увеличить число инспекторов, надо вдохнуть в них больше смелости и добросовестности».

Как пример профессорского настроения того времени приведу один знаменательный случай, предвещавший настоящее положение дел в наших университетах.

После студенческих беспорядков, разыгравшихся в 1899 году, государь очень настойчиво требовал, чтобы Николай Павлович уволил несколько ненадежных профессоров: петербургского Н. И. Кареева, московского Ю. С. Гамбарова и нескольких приват-доцентов Петербургского университета.[1] Муж некоторое время медлил исполнить требование государя, потому что прежде хотел удостовериться в степени виновности названных профессоров. Но при ближайшем свидании его величество повторил свое требование и прибавил, что не перестанет пилить мужа, пока он не уволит подозреваемых им профессоров. После таких слов царя Николай Пав-ч стал действовать решительно. Прежде всего он обратился к министру внутренних дел с просьбой сообщить ему имеющиеся у него сведения о неблагонадежности упомянутых профессоров. На основании документальных данных, полученных им из департамента полиции, Боголепов сделал распоряжение об увольнении Кареева, Гамбарова и некоторых приват-доцентов, предложив им предварительно подать в отставку». Что данные министерства внутренних дел были ни причем, это видно из примечания, которое сделала Е. А. Боголепова на стр. 296. Рачковские, Ратаевы и др. деятели департамента полиции, которые могли сообщить сведения о Карееве, были настолько грамотными специалистами своего дела, что не могли сообщить чушь, которая приводится ниже. Неизвестно только, сообщал ли подобную чушь Боголепов своей жене, или козырял ею перед гвардейским полковником Н. Романовым.

---

[1] Всякий, кто знаком с придворными порядками, знает, что мнение о профессорах университетов могло сложиться у Николая Романова только на основании докладов министра нар. просв. Приведенные фразы — характерны, как образчик Боголеповского лицемерия. Крамольные приват-доценты: М. И. Туган-Барановский, П. Б. Струве, И. М. Гревс, М. И. Свешников.

«Сведения о Карееве были следующие, — пишет вдова министра, которая на протяжении всей своей книги бросает обвинения направо и налево в невежестве: — в 1894 г. он говорил речь на вечеринке 8 февраля. В этой речи он доказывал необходимость воссоздать научно-литературный кружок, закрытый в 1888 году за участие его главных руководителей в злодеянии первого марта, затем, в качестве представителя «Вестника Европы», входил в сношение с кассой взаимопомощи (тайное студенческое общество в Петербурге); участвовал в заседании комиссии протеста против перехода комитета грамотности в министерство народного просвещения; в 1898 году, при посредстве эмигранта Хаймы Житовского [т. е. Хаима Житловского, лидера молодых народовольцев, образовавших в 1894 г. «Союз русских социалистов-революционеров», автора под псевдонимом «Григорович», его программных статей], входил в переговоры с русскими социалистами Чернышевским [ум. в 1889 г.], Лавровым и Щаповым [ум. в 1876 г.] об издании «Библиотеки русских социологов». Летом того же года Кареев виделся в Петербурге с приехавшим для изучения революционного движения в России редактором газеты «Cri du peuple» Антоном Дук и женой его Анжелой, укрывательницей убийцы генерала Селиверстова[1]; наконец в 1899 году, в заседании исторического общества, Кареев публично предложил его членам не записываться более на получение «Нового Времени» за то, что редактор в одной из своих статей осуждал студентов за беспорядки».

Таковы были преступления Н. И. Кареева, закрывшие ему двери университета до 1906 года. Дальнейшее его поведение возмущает нравственное чувство вдовы министра.

«Казалось, — говорит она (стр. 296—297), — вывернуться было невозможно, но он не пожелал сознаться в своих незаконных поступках и даже разыграл роль обиженной невинности, при чем сделал это грубо и не без дерзостей по отношению к министру народного просвещения. Кареев написал Николаю Павловичу письмо, в котором выражал удивление и негодование за то, что его уволили, не выслушав его объяснений, при чем обвинял мужа «в оскорблении его чести, так как ни в чем предосудительном не виновен». Далее Кареев писал, что «хотел подать жалобу на министра народного просвещения, но, к сожалению, узнал, что в подобных случаях не дают права жаловаться». В виду этого профессор требовал свидания с Николаем Павловичем для личных объяснений, но заранее отказывался итти в министерство и выражал желание свидеться в другом месте. Понятно, что Боголепов считал возможным такое свидание только в министерстве, как в

---

[1] Селиверстов, жандармский генерал, был командирован за границу для организации политического розыска. С ним вошел в сношения польский эмигрант С. Падлевский и в одно из свиданий (17 октября 1890 г.) застрелил Селиверстова, после чего благополучно скрылся.

официальном месте. Поэтому свидание не состоялось. Легко понять, что умиротворить университеты с подобного рода профессорами Николаю Павловичу было невозможно».

Несмотря на грандиозный погром, учиненный Н. П. Боголеповым в 1899 году, ему не удалось задавить движение в университетах, что «просвещенная» вдова министра приписывает интригам Витте (стр. 297—298).

«Одна часть правительства, с Витте во главе, — пишет Е. Б.,— хотя и понимала настоящий смысл студенческих волнений, но намеренно обвиняла Николая Павловича в неумении справиться с ними и старалась уверить в этом царя, чтобы скорее погубить поборника правды и порядка. А другая часть правительства, вместе с легкомысленным, малопросвещенным, но зато либерально настроенным обществом, не вникала в настоящие причины событий и порой даже искренно приписывала неудачи Николая Павловича его сухости и бессердечию».

В Петербурге акт 1900 г. ознаменовался беспорядками (студенты пели, свистали и кричали «долой Боголепова!») и последовавшей за ними сходкой, которая протестовала против изгнания лучших профессоров и сотен студентов, что вынудило с тех пор отменить торжественные акты 8 февраля. Это происшествие, как свидетельствует Е. Б., значительно поколебало положение Н. П. Боголепова, тем более, что он лишился заступника в лице И. Л. Горемыкина, к голосу которого прислушивался Н. А. Романов.

«В конце 1899-го года Горемыкин сошел со сцены и на его место вступил Сипягин [1], который заискивал перед Витте; знакомые и родственники нового министра называли его даже «cavalier servant», Сергея Юльевича. Понятно, что слуга Витте не мог быть другом Боголепова. Близость между министрами финансов и внутренних дел сказалась во вмешательстве последнего в дела университета в день его акта. Дело в том, что накануне акта Ник. Пав-ч совещался с Сипягиным, какими мерами предупредить беспорядки. Муж настаивал на том, чтобы акт совсем не состоялся, говоря, что тогда не будет поводов к беспорядкам, а Сипягин убеждал мужа в необходимости праздновать акт. Должно быть, министр внутренних дел опасался, что при закрытом университете предполагавшиеся беспорядки сосредоточатся на улицах, где усмирение сту-

---

[1] Д. С. Сипягин имел то единственное положительное качество для занятия поста министра, что «покрыл грех», случившийся с главою дворянской партии графом С. Д. Шереметевым, одним из тех членов «Звездной палаты», которые фактически направляли внутреннюю политику. Что Сипягин был не умен, — на этом сходились все свидетельства. К. П. Победоносцев называл его попросту «дураком». Витте, хлопотавший о его назначении через С. А. Романова, приобрел тем расположение Шереметева, признательность недальновидного Сипягина, и угодил царю, который с трудом переносил около себя умных людей. «Политику» Сипягину диктовали Шереметев и его клика.

дентов будет лежать на его ответственности. В конце концов Боголепов уступил, но при этом заметил: «Я вижу, что вы не желаете нести ответственности один, и беру ее на себя». Сипягин, конечно, стал уверять мужа, что он не думает о себе и имеет в виду только дело. После акта министр внутренних дел рассказывал государю и всем своим знакомым, что только благодаря ему не было беспорядков на улицах; но Сипягин забыл, что в предыдущем году и при состоявшемся акте на улицах происходили страшные бесчинства и беспорядки. Когда мужу повторяли похвальбы Сипягина, он отвечал: «Если бы акт не состоялся, было бы еще лучше, потому что тогда и в самом университете не было бы беспорядков». Отсутствие их можно было скорее приписать тому, что лицам, заинтересованным ранее в возбуждении студентов, т. е. надеявшимся ловить рыбу в мутной воде, в этот раз нежелательно было вызвать беспорядки: Витте, конечно, не хотел поставить Сипягина в затруднительное положение с первых же шагов его деятельности. На первом, после акта, докладе мужа, государь обратился к нему со словами, столь часто слышанными всеми от Сипягина: «Слава богу, сор не был вынесен из избы: все обошлось домашними беспорядками». Повидимому, за это время у государя зародилось в душе некоторое сомнение в умении Николая Павловича влиять на настроение студентов и тем предупреждать беспорядки».

Царь стал холодно встречать своего министра на приемах.

20-го декабря 1899 г., за № 2336, директор департамента полиции С. Э. Зволянский сообщил и. д. московского обер-полицеймейстера Д. Ф. Трепову о том, что «в конце текущего декабря или в начале января 1900 г. в С.-Петербурге предполагается съезд уполномоченных от всех университетов для решения вопросов о возобновлении студенческого движения и выработке на этот случай общего плана действий», прося выяснить московских делегатов. Зубатов, к которому перешло дело по наблюдению за учащейся молодежью, под влиянием результатов движения 1899 г., когда охранное отделение оказалось далеко не на высоте задач, высылало невинных овец и оставляло крамольных козлищ, принял меры к тому, чтобы быть осведомленным в студенческих делах. С тех пор он самым внимательным образом следил за студенческой жизнью и его сведения поражают точностью.

26-го февраля 1900 г. неизвестный «Виктор» отправил письмо в Одессу студенту М. А. Домбровскому. Письмо это попало в руки Зубатова. В нем сообщались данные об организации московских студентов.

«Вы просили меня сообщить Вам об организации московского студенчества и дать Вам адрес какого-нибудь студента, через которого можно было бы списаться. Я, как бывший студент, к сожалению не могу детально описать всего, ибо сам не принимаю участия в организации.

«В Московском университете в начале этого года были попытки учредить на каждом курсе известного рода организацию; представители бы курсов составили комиссию. Таким образом было бы объединено все студенчество Московского университета. Курсовая организация, нечто цельное, проведена только на втором курсе естественного факультета, да и то не вполне. Прежде всего потому, что, как мне объяснили, первогодников (60 человек) трудно привлечь, а некоторые второгодники (преимущественно поляки, армяне, и проч., около 30 человек) не верят в успех тех надежд, которые на нее возлагались. Итак к 1 января на 2-м курсе в организации участвовало около 65 человек; однако надеются, что теперь еще некоторые примкнут.

«Организация состоит в следующем: курс разделяется на группы от 8—10 человек в каждой; группа выбирает представителя на целый год. Внесение вопросов производится так: член группы на групповом собрании предлагает какой-нибудь вопрос, этот вопрос представитель группы вносит на общее собрание представителей групп, где каждый раз выбирается председатель и имеется постоянный казначей. Представители групп предлагают каждый своей группе на групповом заседании обсудить этот вопрос.

«Потом на собрании представителями делается подсчет голосов по группам. Это мешкотно, правда, но при сильной бдительности полиции невозможно собираться сразу всему курсу. Обязателен также денежный взнос; определен минимум (10 коп.); деньги, конечно, идут на помощь бедным студентам.

«Теперь прибавлю, что есть надежда окончательно сформировать организацию и на 1 курсе естественного факультета, на 1 и II медицинского и на математическом факультетах.

«Сноситься Вам будет возможно только с одним из представителей II курса естественного факультета. Я Вам дам адрес с его конечно, согласия. Очень жаль, что в данную минуту не имею в руках устава организации, иначе бы я выписал несколько параграфов, заслуживающих внимания.

Предлагаю Вам адрес студента Сенявина[1]: уг. М. Бронной и М. Козихинского, д. Никитина, кв. 2».

Наличие таких подробных сведений, а их было у С. В. Зубатова достаточно, позволило начальнику охранного отделения составить вполне точный очерк развития студенческих организаций Москвы в 1900 г., и следить за всеми перипетиями подготовки съезда. Для образца приведем несколько примеров. 14-го марта некто «В».[2] писал Д. Е. Лесковацкому, Киев, Лукьяновка, Татарская № 1:

«Землячества восстанавливаются. Решающим толчком послужило

---

[1] Л. А. Сенявин был председателем Исполнительного Комитета.
[2] Наверное брат адресата, член И. К. Всеволод Евгеньевич Лесковацкий.

воззванис Воронежского землячества, приглашавшее студентов к объединению и восстановлению «Союзного Совета». Зерно пало на почву подготовленную и 29-го февраля уже была выпущена программа деятельности «Исполнительного Комитета Московских объединенных организаций», насчитывающего 19 членов-представителей. Тотчас были посланы делегаты в Петербург и на Юг: Киев, Харьков, Одессу, которые, вернувшись, привезли принципиальное согласие этих городов прислать делегатов на съезд летом».

15-го марта Д. Булатович писал А. Коган-Бернштейну в Одессу:

«Сегодня я виделся с Хариком[1], от которого узнал следующее: В Москве существуют только организации на 1 и 2-ом курсах естественного и 1-м медицинского факультета. Всего объединено 500 человек. На-днях у них состоялось совещание, на котором говорилось о том, что вскоре где-то (где, не знаю) будет съезд представителей от всех русских университетских организаций, с целью выработать программу всероссийского студенческого объединения»...

22 марта А. И. Тарасов писал брату Сергею в Казань.

Сообщив об образовании организаций, Тарасов продолжал: «Состоят как те [курсовые], так и другие [земляческие] организации из самых разнородных элементов. В нашем землячестве[2] есть группы, занимающиеся политической экономией, есть группы заботящиеся об обще-студенческих делах, думают заниматься пропагандой, думают предпринимать статистическое исследование положения студенчества, сначала в Москве, а потом предложить на съезде делегатов сделать то же и в других городах и т. п. Есть группа, которая только тормозит благие начинания других, и, наконец, есть группа, которая ровно ничего не делает, — следовательно, самые разнообразные элементы объединены одной целью, главным образом денежной взаимопомощью и потом, второстепенной для многих, — протестом против порядков, который выражается преимущественно в отрицательно-теоретических рассуждениях, конечно, до поры до времени»... «Исполнительный Комитет» объединенных студенческих организаций при Московском университете имеет главною целью—создание сил для конечного движения— так стояло в бумаге № 1. Главное средство — пропаганда, и он пропагандирует: его бумаги отправляются в редакции газет, в Управы [земские], в статистические Комитеты, в Вольноэкономическое общество, в союз писателей и т. д. Видишь, студенчество, кажется, становится на серьезную почву.

«Через «Исполнительный Комитет» может быть завязано сношение с К.[3], он, как орган, объединяющий все организации, может

---

[1] А. Л. Харик (парт. кличка «Алексей Максимович») — член Московского Комитета РСДРП в 1905 г., май — июнь.

[2] А. И. Тарасов входил в Тульское землячество.

[3] Повидимому: Киевом.

опрашивать больший круг студентов. Вот средства для более прочных сношений.

«У «Исполнительного Комитета» есть корреспонденты в Киеве, Харькове и Одессе. У Киевского Исполнительного Комитета есть в Варшаве. Связь пока только завязывается, — окончательно она только установится после съезда общестуденческого, который думают устроить в недалеком будущем. Некторые земляки, в виду плохого состояния кассы землячества, предполагали издать тайным образом лекции Ключевского; — они стоят 25 рублей, пустить по 5 р. Но, ведь, это будет воровство. А с другой стороны, все равно Ключевскому не позволят издать, следовательно он не может пользоваться доходом от них. Правительство, налагая цензуру, закапывает общенародное достояние, мы его откапываем и пускаем в обращение».

12-го мая неизвестный корреспондент писал на адрес П. К. Янковского, Институт Путей Сообщения, для А. А.:

«Первоначально предполагалось [избрать] местом съезд Киев. Но киевляне теперь уведомили, что их город находится в настоящее время под особенно бдительным надзором администрации, и потому предложили заменить Киев О д е с с о й».

Располагая подобными данными только из одного источника — перлюстрированных писем, — можно уже было иметь представление об организациях.

Но Зубатов, несомненно, располагал и «внутренней агентурой», а потому хорошо знал и состав Исполнительного Комитета, и то, что делается на его заседаниях.

По данным охранного отделения, в состав Исполнительного Комитета вошли 4 представителя от курсовых организаций: 1) от естественников 1-го курса А. Г. Безрадецкий, 2) 2-го курса Л. А. Сенявин; от медиков 1-го курса 3) В. В. Савинов и юристов 1-го курса 4) В. И. Альтани. От землячеств: 1) Бессарабского — П. Д. Калин, 2) Владимирского — М. А. Сонин, 3) Воронежского — Н. В. Руднев, 4) Елецкого — И. А. Макринов, 5) Житомирского — Г. Т. Лубенец, 6) Калужского — В. В. Дурасов, 7) Костромского — А. Л. Кутуков, 8) Курского—Н. В. Домбровский, 9) Крымского— П. Н. Глоба (заместитель — М. А. Кириенко-Волошин), 10) Минского — Л. Г. Сидляревский (заместитель М. А. Давидович), 11) Московского — А. А. Окуньков, 12) Орловского — Г. А. Николаев (заместитель А. А. Алферов), 13) Слуцкого — К. Б. Бури-Бураго, 14) Тифлисского — А. Л. Джапаридзе, 15) Тульского — Ф. С. Касаткин, 16) Холмского — И. А. Будилович, 17) Черниговского — Л. Д. Шрамченко, 18) Сибирского — М. М. Переломов. Кроме того, членом И. К. был В. Е. Лесковацкий. Названы также А. И. Горский, В. С. Графф и Б. К. Яковлев — без указания на организацию, которую они представляли. Сказано также, что остались невыясненными представители Симбирского, Кубанского и Нижегородского землячеств.

Из этого состава социал-демократами, известными впоследствии, как партийные деятели, были: 1) Арчил Левanович Джапаридзе (член II гос. думы); 2) Вл. Вл. Дурасов (чл. Калужской ор-ии) и 3) А-ей А-еевич Окуньков (член ВКП(б). Несомненно, под влиянием с.-д. находился 4) Леонтий Дмитриевич Шрамченко и был социал-демократом рабочедельческого толка 5) Н. В. Руднев [1]. Левым социалистом-революционером (членом московской оппозиции) был выдающийся деятель 1) И. А. Будилович, и членом партии с.-р. 2) А. Г. Безрадецкий, 3) М. А. Сонин — был близок к группе «Новых народовольцев». Несомненно были настроены радикально 1) И. А. Макринов, 2) А. Н. Глоба (казначей И. К.), 3) М. М. Переломов, 4) В. Е. Лесковацкий и 5) Ф. С. Камраков-Касаткин. Остальные, повидимому, были рядовыми членами Исполнительного Комитета.

Руднев, Шрамченко и Дурасов входили в «Редакционную Комиссию».

Председателем Исполнительного Комитета считался Л. А. Сенявин, который показал, что на этот пост он был избран потому, что обладал выдержкой и уменьем резюмировать мнения, высказанные в прениях.

Идейным главою Исполнительного Комитета de facto был Руднев, участник движений 1896 и 1899 годов. По возрасту (род. в 1875 году), опыту и знаниям он выделялся среди своих товарищей.

Из отобранных у Н. В. Руднева во время ареста рукописей и набросков карандашом видно, что он хорошо понимал неизбежность перехода студенческого движения на политическую почву и, по словам показаний товарищей, как бы толкал Исполнительный Комитет встать на эту почву. Но делал он это крайне осторожно, отчасти под влиянием неверно понятого опыта Союзного Совета 1896 г., который скрывал от массы свои цели, отчасти под влиянием неизжитых «пан-студенческих иллюзий».

«Организация, — записывал Н. В. Руднев, — должна стоять вне партии, если хочет обнимать по возможности все студенческие группы. Слишком большое разнообразие взглядов и направлений мешает определенной социально-политической платформе» [2].

Но в то же время, в том же наброске, мы находим такие строки: «Мы являемся представителями довольно определенной группы студенчества. Никогда организации не обнимали все студенчество. Они являлись представителями той части, будущее значение которой всецело определено наличием и качеством [?]

---

[1] Из заместителей с.-д. был М. А. Давидович.

[2] В подлиннике слова написаны сокращенно, а снимая копию, охранное отделение многое не разобрало. Так, где у нас стоит «платформе», в копии написано «проф.» Мы привели текст в удобочитаемый вид, заключив свои дополнения в кв. скобки. Вопрос поставлен там, где в копии стоит: «начвом».

приобретенных знаний, если хотите, монополизации знаний, почему, пожалуй, [ее] можно назвать мелко-буржуазной».

Точно также Н. В. Руднев занимал колеблющуюся позицию в вопросе об отношении к рабочему движению. «Что касается до сочувствия студентов к рабочему движению и их участия [в нем],— писал Н. В. Руднев, — то не отвергая симпатичности этого факта, можно совершенно откровенно сказать, что студенческие организации, как таковые, не могут официально, так сказать, [взяться] за это дело. Ибо эта работа близка и знакома лишь очень малой, быть может и лучшей, части студенчества. Можно только прибавить, что студенчество должно было бы обратить на это более глубокое внимание и тогда, быть может, оно найдет те условия, в силу которых рабочие массы могут итти рука об руку с нами — интеллигентными пролетариями».

Вопрос разрешался, конечно, отношением партии пролетариата к мелкобуржуазным течениям, учением о гегемонии пролетариата в буржуазной революции. «Рабочедельческое» воспитание помешало Н. В. Рудневу сделать последний шаг и он остался на колеблющейся позиции, учитывая, что, по его наблюдениям, политические протесты «привлекали в свои ряды много студентов, по нашим сведениям, около трети университета (Бутырки)», но остальная масса «единогласно почти» хотела «оставаться на почве только своих интересов».

Деятельность Исполнительного Комитета в достаточной мере полно и точно изложена в секретной записке С. В. Зубатова за № 10973 от 19/IX 1900 г.

«В половине ноября месяца минувшего года стало известно, что среди Московского студенчества ведется агитация о сформировании вновь Союзного Совета, ликвидировавшего свои дела в годину студенческих беспорядков, когда во главе здешнего движения стал Исполнительный Комитет, прекративший существование к концу 1898—99 академического года.

К сформированию Союзного Совета студенчество отнеслось инертно, высказавшись за желательность центральной организации в форме Исполнительного Комитета, как исключающей личную инициативу его членов, а потому наилучше служащей показателем тенденции земляческих и иных кружков, так как имелось в виду, что Исполнительный Комитет будет выразителем организованной части учащейся молодежи. Дебаты по сему поводу заняли время вплоть до февраля сего года, когда поступили сведения, что Исполнительный Комитет уже сформировался, при чем из состава его, около 15 человек, выделяются своим значением: Леонид Семявин, естественник II курса, Александр Безрадецкий, естественник 1 курса, и Казимир Бурн (Бураго), юрист 1 курса.

Сформировавшийся Комитет деятельно принялся за работу и уже 27-го февраля выпускает свое credo, первую свою проклама-

цию [1], подписанную «Исполнительный Комитет объединенных Московских Студенческих Организаций».

В силу данных представителям полномочий, а равно по жившей еще в памяти оппозиции, вызванной деятельностью Союзного Совета, программа Исполнительного Комитета совершенно не касается общественно-политической деятельности, и, наоборот, в ней подчеркивается, что деятельность Комитета «будет заключаться в подготовке сил к конечному движению, оговариваясь, впрочем, сказано в подлиннике, что в таковой он не будет выходить из студенческих сфер. «Целью же в ней выставляется: «регулирование общественной жизни студенчества и разборка обще-студенческих вопросов».

Первым этапным пунктом в работе Комитета являлось «деятельное объединение студенчества для совместной работы и подготовка к активной борьбе с режимом», и должно закончиться созданием Русского Общестуденческого Центрального Комитета.

Выпущенная прокламация № 1 обсуждалась организованным и неорганизованным студенчеством и подвергалась критике, преимущественно за узость программы.

В результате появляется прокламация, помеченная № 3 28-го февраля *, в коей уже говорится: «Было бы ошибочно предполагать, что ее [организации] непосредственная цель есть борьба с университетским режимом. Нет, никогда! Ее единственная, прямая цель помогать студенчеству достигнуть столь необходимой, столь любимой им свободы, свободы личности, свободы убеждения».

Это дополнение к программе не удовлетворяет ее критиков, и они усилено продолжают обвинять ее, но теперь не только в

---

[1] Раньше этой прокламации появилась следующая: «Просят передавать по столам. Приближается 8-го февраля, дня знаменательного, как для всякого студента, так и для всякого интеллигентного человека. Неограниченность русского деспотизма, проявившаяся в этот день во всем своем безобразии, встретила небывалый еще у нас по своему единодушию протест среди лучшей части студенчества.

Но наше правительство не хотело признать грубости своего поступка и прибегло к подавлению протеста меры столь же грубые, как те, которые его вызвали. Если ему и удалось насильственными мерами подавить движение, то не удалось зато заглушить стремление к свободе личности.

Пусть воспоминание о событии 8-го февраля прошлого года надолго укрепится в памяти каждого честного студента и пусть этот день будет праздником наших университетов.

Поэтому предлагается всем сочувствующим студентам не посещать лекций в день 8-го февраля, как в этом году, так и на будущее время.

Москва 3-го февраля 1900 г.

Курсовая организация
№ 1» [наверное естественников I курса].

* Даты, выставленные на изданиях Исполнительного комитета, не заслуживают доверия, ибо они произвольны, так, например, № 2 помечен 5 марта, а № 3—28-го февраля (прим. Зубатова).

узости, но и в неопределенности выражений. Наиболее ярому нападению программа подвергалась со стороны студентов социал-демократов, выпустивших по этому поводу воззвание к своим единомышленникам, в коем они, указывая на либерально-буржуазный ее характер, призывают их не уклоняться от участия в организациях. И оговариваясь, что это не будет сочтено за компромисс, рекомендуют проводить своих кандидатов в Исполнительный Комитет; они высказывают желание «таким образом» направить его деятельность не на устройство наивных и бесплодных студенческих беспорядков, а на организацию серьезной и плодотворной борьбы в союзе с нашими друзьями рабочими.

К этому же времени состав Комитета увеличивается *, в него входят членами юрист III курса Руднев — представитель Воронежского землячества и юрист 1 курса Шрамченко — от Черниговского, которые вместе с представителем Кубанского землячества, оставшимся не установленным, по данным агентуры, явились от организаций весьма крайнего направления, а по показаниям Владимира Дурасова, «как бы толкали Комитет на политическую почву».

Ко всему этому до сведения Комитета, по словам заподозренного Сонина, доводится, что к нему примкнули бы еще организации, но не могут этого сделать по несходству программы».

В другом документе (сообщение Зубатова Ратаеву за № 2780 от 15 марта 1900 г.) сообщаются следующие подробности: На собрании, «во-первых, было прочитано возражение группы неприсоединившихся пока к Комитету студентов—как более радикального направления — упрекающих организации за узость программы. По этому поводу между членами собрания Безрадецким и Рудневым произошел горячий спор, при чем первый настаивал на немедленном приглашении протестующей против программы части студентов к участию в деятельности Исполнительного Комитета, дабы присоединившиеся, путем внесения в программу желательной поправки, указали Комитету надлежащий путь его деятельности. Руднев с этим не согласился, но собрание в своем большинстве постановило издать дополнение к № 1 программы, в ее защиту; во-вторых, — собрание решило допускать прием новых представителей»... «В третьих, было прочитано открытое письмо одного уволенного студента [1], в котором предлагалось Комитету вступить в сношения с гимназистами старших классов московских гимназий, чтобы таким образом заблаговременно подготовить их к предстоящей социальной деятельности в будущем. Собрание решило считаться с этим пред-

---

* Для большей конспирации он делится на две секции: Пресненскую и Бронную, в зависимости от места жительства членов, (прим. Зубатова).

[1] Наверное С. Н. Соколова, который в это приблизительно время вел переговоры с «представительным собранием» гимназической организации и заинтересовался ее структурой, говоря, что студентам есть что заимствовать от нее.

ложением, но в то же время постановило не представлять этот вопрос на общее обсуждение по землячествам и курсам, вопреки настоятельным требованиям членов Комитета Сазонова [1] и Руднева, которыми помянутое письменное предложение было внесено в собрание; в четвертых, собранию было оповещено письмо лица, пожелавшего остаться неизвестным, в котором то лицо настоятельно убеждает И. К. утвердить предлагаемую в письме редакцию сочувствия от лица московского студенчества по адресу редактора газеты «Северного Курьера», в пику князю Ухтомскому, — редактору «Правительственного Вестника», — за его неудачную и деморализующую полемику с первым».

В сообщении от 23 марта за № 3158 Зубатов доносил Ратаеву, что на состоявшемся 22 марта заседании И. К. председатель Сенявин прочел доклад редакционной Комиссии (состав: Шрамченко, Руднев, Дурасов), «составленный в ответ на поступившие в Комитет упреки со стороны, главным образом, петербургской «Кассы Взаимопомощи» и «Киевского Союзного Совета» по поводу несовершенства и крайней узости объявленной Московским Исполнительным Комитетом программы; доклад собранием принят, утвержден и на днях будет издан, как добавление к программе И. К.».

«Под влиянием всего вышесказанного, — продолжает записка, — Исполнительный Комитет, будучи заинтересован в привлечении к центральной организации возможно большего количества кружков, а, с другой стороны, боясь оттолкнуть от себя ту часть молодежи, которая чурается политики и готова работать лишь на почве материальной взаимопомощи, после запроса примкнувших к нему организаций, выпускает прокламацию № 6, помеченную 22 марта, в которой говорит [2]: программа не носит абсолютного характера; «она может и должна развиваться и пополняться»; 2) может быть выяснится со временем с очевидностью, что борьба студенчества даже и за свои права бесплодна, если не ставить ее на более широкую политическую почву»; и затем, указывая, что «студенчеству, по крайней мере прогрессивной его части, не были чужды и другие, более широкие общегражданские задачи», резюмирует, что, являясь «выразителем главных задач организованного студенчества», он [комитет] должен приходить на помощь всем общественным начинаниям организаций» [3].

Прокламация № 6 явилась результатом работы «Редакционной Комиссии», выделенной из своего состава Комитетом, на обязанности коей лежало составлять, согласно постановлению Комитета, и редак-

---

[1] Наверное описка в копии: Сенявина?

[2] Текст прокламации № 6 исправлен по подлиннику, так как он цитируется охранным отделением неточно. Подчеркнуто мною. *(В. О.)*

[3] «Пока, — оговаривался Комитет далее, — он может взять на себя только роль посредника беспристрастного к «направлениям», лишь бы они заключали в себе элемент общественности и прогрессивности».

тировать издания, выходящие за его подписью; в состав ее входили: Николай Руднев, Леонтий Шрамченко и Владимир Дурасов.

Посему у одного из ее членов, а именно Руднева, задержанного на студенческом съезде, и находится объяснение неопределенного выражения: «приходить на помощь всем общественным начинаниям организации» в документе, отобранном по его обыску и представляющем собою доклад съезду о Московском Исполнительном Комитете.

В документе этом сказано: «Как ближайшей задачей выставлено между прочим: 1) прийти на помощь организациям, желающим устроить регулярную получку нелегальных изданий, содействуя сближению их с теми группами, которые могли бы оказать им в этом существенную услугу, 2) взять на себя передачу денег в Красный Крест, рабочую партию и т. д., если ассигнующие не имеют своих путей, 3) завязать сношения с революционными партиями (рабочей партией) и 4) служить посредником между ними и желающими оказать им так или иначе поддержку.

Все эти задачи должны будут опираться на тот пункт программы, где мы говорили о содействии различным общественным начинаниям отдельных организаций. Такое подведение довольно определенных действий под туманную графу «общественных начинаний» необходимо именно вследствие боязни массы перед всякой политикой. Но[1] в то же время упомянутые задачи не могут быть вычеркнуты, хотя бы потому, что иначе И. К. отталкивает от себя довольно значительное число членов».

Таким образом Исполнительной Комитет, принимая в свои ряды, не справляясь с программой приславшей представителя организации, в сфере чисто студенческих интересов являлся органом исполнительным, в сфере же «общественных начинаний» — посредником различных конспиративных требований.

Вот какую физиономию приобрел Исполнительный Комитет к концу минувшего 1899—900 академического года».

Несмотря на такие подробные сведения о деятельности Комитета, начинавшей приобретать противоправительственный характер, охранное отделение медлило с арестами, так как 13 марта за № 562 Ратаев сообщил Зубатову, «что г. директор [департамента полиции] признает настоящий момент неудобным для ликвидации означенной организации в виду близко предстоящих экзаменов. По мнению его превосходительства подходящим моментом для уничтожения подобных студенческих организаций является осень, а не весна»... Дальше говорилось, «что более подробные указания по сему делу будут лично переданы вашему высокоблагородию г. директором в его ближайшую поездку в Москву». А 15 марта за № 588 тот же

---

[1] До конца цитаты добавлено по подлиннику. Зубатов это пропустил.

Ратаев писал, что «по мнению» г. директора момент съезда представляется наиболее удобным для ликвидации, так как этим способом будут захвачены одновременно делегаты всех высших учебных заведений и организации студенческие будут лишены возможности продолжать свою деятельность с возобновлением учебных занятий».

1 августа за № 1615 сообщалось, что при личном свидании с Зубатовым директор С. Э. Зволянский высказался за то, чтобы вслед за съездом произвести ликвидацию «остального состава Исполнительного Комитета объединенных землячеств до начала учебного года, дабы тем предупредить возможность вредного влияния этой организации на учащуюся молодежь».

Подготовка съезда занимала много внимания Исполнительного Комитета. По сообщению охранного отделения от начала марта члены Комитета А. Г. Безрадецкий и Н. В. Руднев совершили поездку: первый в Одессу, Киев и Харьков, и установил там связи с местными студенческими организациями, в Киеве сговорился насчет времени и места общестуденческого съезда, «который решено устроить настоящим летом, приблизительно в июне месяце, в г. Киеве, в намеченной уже квартире».

«Идея съезда иногородними организациями подхвачена пока не единодушно. Это обстоятельство объясняется тем, что не во всех иногородних студенческих организациях строго проводится принцип представительства, как то замечается в жизни Московского Исполнительного Комитета, который всю свою работу основывает на деятельности избирательных организаций, тогда как в Киеве преобладающею является личная инициатива членов Союзного Совета, который состоит ныне из 16-ти представителей землячеств (среди избирательных организаций киевского студенчества замечается относительное отсутствие деятельности)»...

Руднев был в Петербурге, где вошел в сношение с «Кассой взаимопомощи» и с организацией Технологического института. «Петербургская касса взаимопомощи, приняв его предложения, обязалась по тому же поводу вступить в связь с Юрьевским университетом. Что же касается Казанского и Томского университетов, то таковым посылаются письменные предложения». С Казанью списались через А. И. Лисева, причем в ответном письме Н. А. Розин сообщал, что «особенно занимает всех вопрос о летнем «конгрессе». О времени и других деталях прошу известить меня, так как я уполномочен олицетворять на «конгрессе» новорожденного. Надеемся, что «конгресс» состоится не ранее второй половины июля (желательно в конце августа)». Копия письма попала в руки Зубатова.

С Варшавой вошли в сношение через Киев. Кроме того 1 мая Зубатов указывал на естественника первого курса Игнатия Эдмундовича Дзержинского, как на возможного делегата в Варшаву, который привез известие, что «русская организация варшав-

ских студентов охотно приняла предложение московских, а две польские организации, занятые в то время подготовкой рабочей манифестации по случаю предстоящего празднования 1 мая, отложили свои решения, но весьма склонны к принятию участия в общестуденческом съезде».

Выработанная киевлянами «Программа студенческого съезда» послужила канвою для составления докладов местными организациями. Первый пункт программы касался вопросов о «прошлом организации», второй выяснял «современное положение организации», в третьем говорилось о «желательной постановке дела организации». — «Желательные цели организации и наилучшая подготовка участвующих в организации к активной общественной и политической деятельности».

«Возможные меры борьбы с существующим академическим и общественным режимом и наилучшая постановка коллективных активных действий организации по поводу выдающихся явлений общественной и политической жизни»... «Правильное отношение организации к действующим революционным партиям и к обществу». Как видите, вопросы все затрагивающие «политику». Ответа на них съезд не дал, так как 16 июня филер «Александров» сообщил из Одессы московскому охранному отделению телеграммой: «Товар запакован, десять мест тут»; а 17 июня была отправлена из Москвы телеграмма за № 1060: «Петербург. Директору департамента полиции. Все сведения о студенческом съезде оправдались, и он в Одессе арестован в определенный заранее день и с определенными московскими депутатами Сенявиным и Рудневым. Филеры отзываются в Москву. Зубатов».

За участниками съезда последовал арест членов Исполнительного Комитета. Кроме Руднева и Сенявина были арестованы у себя на родине: Безрадецкий, Глоба, Шрамченко, Дурасов, Бури-Бураго, Макринов, Домбровский, Джапаридзе, Окуньков, Лубенец, Будилович, Кутуков, Сонин, Переломов и Лесковацкий. Подлежащий аресту Николаев скрылся. Дело велось в спешном порядке. Сообщая о том, что дело съезда будет передано ему, департамент полиции писал московскому обер-полицеймейстеру: «Причем департамент долгом считает покорнейше просить Вас ускорить по возможности его производством, так как представляется настоятельно необходимым совершенно закончить настоящее расследование во всех частях к началу наступающего академического года, т. е. к 1-му сентября». А Трепов от себя написал на полях: «и даже ранее, чтобы к началу курса и след простыл».

Подчинены были гласному надзору на родине или в местах избранных для жительства на три года: Безрадецкий, Сенявин, Шрамченко и Руднев; на два года: Дурасов, Макринов, Джапаридзе; на один год: Глоба, Бури-Бураго, Окуньков, Лубенец, Сонин, Николаев и Лесковацкий.

Таким образом, к началу 1901 г. московское студенчество оказалось не только обессиленным благодаря погрому 1899 г. (курсы, пережившие этот погром, давали малый процент участников движения), но и обезглавленным. Это наложило свой отпечаток на движение 1901 г.

История 1900 г. крайне поучительна благодаря тому, что была приоткрыта завеса, закрывающая от непосвященных внутреннюю жизнь студенческих организаций. Эта жизнь наполнена напряженной борьбой либерально-буржуазной политики с политикой пролетарской.

ДОБАВЛЕНИЯ

Когда книга была уже набрана, выяснились следующие факты:

К стр. 301—307

Автором воззвания «К Московским студентам» от 3 ноября 1896 г. был Ник. Ал-еев. Корчагин, а автором второго воззвания Центрального Комитета Рабочего Союза «К Московскому студенчеству» — студент-юрист А. А. Пономарев; воззвание издано в январе 1897 г. Оба студента, авторы воззваний, будучи гимназистами, принимали участие в кружке будущего руководителя Московского Рабочего Союза А. Н. Орлова, начавшего пропаганду среди московских рабочих в 1893 г., одного из представителей непоследовательного «экономизма».

К стр. 312—314

Письмо бывшего члена *** землячества написано Л. Я. Карповым [1879—1921], известным членом ЦК РСДРП(б) и талантливым ученым. Из биографических данных, напечатанных в VIII Ленинском сборнике (стр. 229), видно, что в 1896 г. Л. Я. Карпов поступил в московское Техническое училище, связался с московскими социал-демократами и принял участие в организации Московского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. В марте 1898 г. Карпов был арестован и после 9-ти месяцев тюремного заключения выслан в Курск, откуда по своему желанию переведен в Воронеж.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Объяснение сокращений и условных обозначений

1. Проф. — профессор.
2. Ст-т., студ. — студент.
3. Лит. — означает, что в тексте имеется ссылка на литературное произведение указанного лица и оно не фигурирует в качестве деятеля движения рассматриваемого периода.
4. Меценат — означает, что указанное лицо построило на свои средства клинику Московского университета.
5. Охр. отд. — охранное отделение — политическая, тайная полиция при градоначальнике или обер-полицеймейстере.
6. Раб. — рабочий.
7. Нар-ц — народоволец.
8. Нар.-вол. — народоволец.
9. Изд. — издатель, издательница.
10. Нар. — народник.
11. Ред. — редактор.
12. СПБ. — Петербург, ныне Ленинград.
13. III отд. — III отделение собственной его императорского величества канцелярии, где до образования департамента полиции (1880 г.) находился центр политического сыска.
14. „1873" — год в скобках, без дальнейших указаний, означает дату рождения.
15. „1850—1905" — два года, соединенные тире, означают даты рождения и смерти.
16. „Череванин" — фамилия в кавычках означает революционный или литературный псевдоним.

А. А. 365.
Абельман И. С. [1866—1898] 98.
Авилов Б. В. [1874—ст-т, с. д.] 253, 268.
Агарков А. В. [1874, ст-т, с.-р] 263.
Агафонов В. К. [1863 ст-т, с.-р] 191.
Адоратский В. В. [1878 лит.] 119.
Айзафт С. С. [1889—1929, лит.] 241.
Аксаков И. С. [1823—1886] 130, 162.
Аксаков К. С. [1817—1860] 135, 146, 156.
Александр I [1777—1825, царь 1801—1825] 49, 52, 53, 284.
Александр II — [1818—1881, царь 1855—1881] 69, 82, 95, 99, 109, 131, 132, 138, 148, 166, 167, 183, 188, 257.
Александр III [1845—1894, царь 1881—1894] 72, 131, 185, 218, 246, 265, 267, 269, 286, 292, 337.
«Александров» [филер М. О. О.] 373.
Александров А. [ст-т] 202.
Александров М. С. [«Ольминский» 1863—1932] 250, 251.
Алексеев А. С. [1851—1916, проф.] 81, 87, 243, 278, 280, 316, 317, 319, 341.
Алексеев [ст-т Казан. ун-та] 199.
Алексеевский В. Е. [1872, ст-т] 281.
Алексинский Г. А. [1879, ст-т, с.-д., затем член моск. и петерб. ор-ии РСДРП(б), член с.-д. фракции и лидер большевиков II Гос. думы. Ренегат, скатившийся до прислужничества секретной полиции буржуазных правительств] 29.
Алешинцев И. [лит.] 218.
Алферов А. А. [1875, ст-т] 365.
Алчуницын [ст-т] 169.
Альтани В. И, [1876, ст-т] 365.
Альтберг В. В. [1877, ст-т] 352.
Аметистов Е. В. [1850, ст-т] 169.

Амиров [ст-т] 180.
Аммосов А. М. [1872, ст-т] 267.
Андреев К. А. [1848, — проф.] 107.
Андреев Н. Н. [1875, ст-т] 340.
Андреюшкин П. И. [1865—1887, ст-т, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г., казнен] 191, 218.
Анненков П. С. [ст-т] 180.
Антоконенко А. И. [1873, ст-т] 281.
Антонович Д. В. [1877, ст-т, с.-д.] 236, 237.
Анучин Д. Н. [1843—1923, проф.] 77, 242, 274.
Аптекман О. В. [1849—1926, лит.] 174, 175.
Апухтин А. Л. [попечитель Варш. уч. окр.] 185.
Аргиропуло П. Э. [1839—1862, ст-т] 155, 159, 162, 163.
Аргунов А. А. [1866, ст-т, с.-р.] 203, 206.
Аристов И. [директор техническ. уч-ща] 208.
Арнольди С. С. — см. Лавров П. Л.
Арнольд [и] Ф. К. [1877, ст-т] 300.
Артюшков А. В. [1874, ст-т] 300.
Архангельский Д. Г. [1876, ст-т] 235.
Ассинг А. А. [1870, ст-т] 293, 300.
Астахов А. С. [1871, ст-т] 268.
Атабеков Т. Н. [1874, ст-т] 269.
Ашевский С. [лит.] 322.

Бабст И. К. [1823—1881, проф.] 74, 87, 100.
Бабухин А. И. [1835—1891, проф.] 104.
Баев И. В. [1875, ст-т, марксист] 219, 355, 358.
Базанова Ю. И. [меценат] 100.
Баклунд О. А. [1846, проф.] 98.
Бакунин М. А. [1814—1876] 129, 172.
Балабанов М. С. [1873, лит.] 9.
Балалайкин 13.
Бальзак, Оноре [1799—1850] 24.
Барабанщиков Н. Л. [1873, с.-д.] 324.
Баранов Н. М. [ум. 1901, СПБ градонач.] 186.
Бартенев В. В. [1864, ст-т, с.-д., лит.] 190, 191.
Баршев С. И. [1803—1882, ректор М. У.] 66, 67, 158.
Баршев Я. И. [1807—1892, СПБ, проф.] 66, 67.
Батурин К. Н. [1876, студ., с.-д.] 304, 307.
«Батуринский» В. П. [лит.] 137.
Батырев М. И. [1874—1910, ст-т., с.-д.] 324.

Бахметев А. Н. [1801—1861, попечитель Моск. уч. округа в 1858—1859 г.] 61, 160.
Безобразов В. П. [1828—1889, сенатор] 131—158.
Безобразов П. В. [1858, прив.-доц.] 283.
Безрадецкий А. Г. [1877, ст-т, с.-р.] 365, 367, 369, 372, 373.
Бекаревич [инсп. сел.-хоз. акад.] 205.
Бекетов А. Н. [1825—1902, проф., ректор СПБ ун-та] 77, 212.
Бекетов Н. Н [1826—1911, проф., академик] 77, 309,
Беккариа Цезаре [1738—1794] 85.
Белин М. [врач, прозектор М. У.] 104.
Белинский В. Г. [1811—1848, знаменитый критик] 58, 59, 140.
Белокопский И. П. [1855, лит.] 177.
Белоусов В. П. [1884, ст-т] 238.
Белый Андрей [Б. Н. Бугаев, 1880—1934, лит.] 75.
Бельский Н. Н. [1873, ст-т] 271, 281.
Беляев И. Д. [1810—1873, проф.] 58.
Берви В. Ф. [1792—1859, проф.] 156.
Берви В. В.—см. Флеровский В. В.
Бердяев Н. С. [нач. моск. охр. отд. с 1884—1896 г.] 195, 228, 271, 274, 281.
Беринг [обер-полицеймейстер] 158, 159.
Берлин П. А. [1877, лит., с.-д.] 127, 131.
Бернсторф Иоганн [1712—1772, полит. деят. Дании] 44.
Бернулли Даниил [1700—1788, академик] 48.
Бернулли Николай [1695—1726, академик]. 48
Бернштейн Эдуард [1850—1933, германский с.-д., наиболее последовательный критик марксизма 1890-х гг., пытавшийся теоретически обосновать политику реформистского крыла с.-д., которая вела к измене рабочему классу. Идейный родоначальник современного социал-фашизма] 27.
Бибиков Д. Г. [1792—1870, киев., вол. и подол. ген.-губ.] 322.
Бирк В. П. [1873, ст-т] 268.
Бисмарк Отто [1815—1898] 264.
Благоев Д. Н. [1859—1924, ст-т, с.-д., вождь болгар. партии] 251.
Блинов И. Ф. [1870, ст-т, с.-д.] 288, 293.
Блинов Л. Н. [1870, ст-т] 268.
Блументрост И. Б. [1676—1756] 42, 45.
Боборыкин П. Д. [1836—1921, лит. 117.

Бобринские, графы 241.
Бобров А. А. [1850—1904, проф.] 79, 104, 107.
Бобынин В. В.. [1849, проф.] 79.
Богданов А. А. [Малиновский А. А.—1873—1928, ст-т, с.-д., лит.] 21, 22, 25, 33, 100, 116, 121, 219, 220, 222, 249, 250, 253, 268.
Богданов А. П. [1834—1896, проф.] 243.
Богданова О. [изд-ца] 218.
Богишич В. В. [1834—1908, проф.] 173.
Боголепов Н. П. [1846—1901, проф., мин. нар. просв.] 44, 68, 71, 81, 87, 89, 97—99, 103, 106, 122, 125, 192, 227, 228, 230, 232, 244—248, 253—255, 257, 273, 275—283, 285—287, 294, 299, 314—320, 326—328, 336, 338, 343, 353—362.
Боголепова Е. А. [Е. Б.] 71, 192, 227, 228, 231, 243, 245, 248, 254, 258, 259, 277, 279, 284, 285, 287, 290, 294, 299, 315, 317—319, 326, 328, 336, 338, 343, 359—361.
Богословский В. С. [1841, проф., субъинсп.] 104.
Богословский М. М. [1867, проф.] 83, 84.
Богров [домовладелец] 267.
Богучарский В. Я. [1860—1915, лит.] 17, 113, 149, 163, 179, 184, 185.
Бодянский О. М. [1808—1877, проф.] 164.
Бойдаковский [студ.] 169.
Бойе К. Ф. [1871, раб., с.-д.] 14.
Бойков М. П. [1874—1920, ст-т, с.-д.] 268.
Больцани О. А. [1818—1876, проф.] 156.
Бонапарт Луи—см. Наполеон III.
Бондаренко И. М. [1873, ст-т] 288, 293.
Борисов С. [ст-т] 263.
Бородин И. Н. [1883, проф., лит.] 40, 55, 63, 145, 146.
Бородин [проф. Лесн. ин-т] 214, 215.
Брагинский М. А. [1865, ст-т, нар-ц] 189.
Брандт Б. Ф. [1860—1907, учен.] 98.
Брандт Р. Ф. [1853, проф.] 84, 342.
Браун Г. И. [1827—1897, проф.] 104.
Бредихин Ф. А. [1831—1904, проф.] 98.
Брентано Луйо [1844, немец. проф.] 16, 88, 249.
Бриллинг А. Р. [1873, ст-т, с.-д.] 253, 268.
Бронштейн П. И. [1878, ст-т] 236, 237.
Бруснев М. И. [1864, инж., с.-д.] 203.
Брызгалов А. А. [ум. в 1888, инсп. ст-тов] 185, 191—198, 201, 205, 243, 245.
Бубнов С. Ф. [1851—1909, проф.] 104.
Бугаев Н. В. [1837—1903, проф.] 75, 79, 243.
Будберг [полицеймейстер] 293.
Будилович И. А. [1881—1914, ст-т, с.-р.] 365, 366, 373.
Букеевский — см. Зверев Н. А.
Булатович Д. И. [1878, ст-т, с.-д.] 364.
Булгаков С. Н. [1871, проф.] 27, 90.
Булич Н. Н. [1824—1895, проф.] 156.
Булычинский А. [1838, проф.] 104.
Бунге Н. Х. [1823—1895, проф., мин. фин., академик] 28, 89, 100, 125.
Бунин Ю. [ст-т] 180.
Бури-Бураго К. Б. [1878, ст-т] 365, 367, 373
Буслаев Ф. И. [1818—1897, проф.] 58.
Бутлеров А. М. [1828—1886, проф.] 77.
Бутурлин [ст-т] 172.
«Бывший студент» 265.
Быстрицкий А. Е. [1870, ст-т] 267.
Бюссер Этиен — см. Смидович П. Г.
Бюхнер Л. [1824—1899, немецкий натуралист и философ, представитель т. н. «вульгарного материализма». В 1860-х гг. сочинения Бюхнера и Молешотта пользовались популярностью в русских революционных кругах и преследовались цензурой] 61, 155, 160.

Вагнер В. А. [лит.] 40.
Валуев П. А. [1814—1890, мин. вн. дел] 92, 93, 182, 186.
Ванновский П. С. [1822—1904, мин. воен. и нар. просв.] 72, 125, 229, 245, 247, 248, 327, 329, 336—339, 343, 344, 348.
Варнек Н. А. [1821—1876, проф.] 156.
Василенко К. [лит.] 234.
Васильев А. Н. [1877, ст-т, с.-д.] 358.
Васильев [ректор СПБ ун-та] 212.
Васильев И. Н. [1873, ст-т, с.-д.] 299.
Васильчиков Н. В. [1874, ст-т] 293.
Вашков Н. Н. [1874, ст-т, с.-д.] 253, 268, 304.
Вегер В. И. [1889, ст-т, с.-д. (б.)] 33.
Вейнерс [историк герм. ун-тов] 50.
Вейнштok И. М. [1878—1904, ст-т, с.-д.] 358.
Вейтбрехт [академик] 42.
Величкин Н. М. [1873, ст-т, с.-д.] 259, 260, 307.
Величкина В. М. [1868—1918, с.-д.] 259.
Вернадский В. И. [1863, проф.] 46, 77, 106, 190, 342.
Веселовзоров Н. Н. [1873, ст-т] 281.

Веселовский А. Н. [1843—1918, проф.] 84.
Веселовский Б. Б. [1880, ст-т, с.-д., лит.] 34, 35, 37, 129.
Веселовский К. С. [1819—1901, непр. секр. Акад. наук] 91.
Ветрова М. Ф. [1870—1897, ст-т, нар.] 308, 309, 357.
Вико Джиамбаттиста [1668—1744] 53.
„Виктор" 362.
Викторов П. П. [1853—1929, ст-т] 180, 181.
Виноградов Д. И. [И. Д? 1875, ст-т] 300.
Виноградов К. В. [1878, ст-т] 358.
Виноградов П. Г. [1854—1925, проф.] 70, 75, 80, 81, 84, 102, 105—107, 109, 110, 123, 242, 244, 278, 341.
Виноградский С. Н. [1856, проф., академик] 77.
Винокуров А. Н. [1869, ст-т, с.-д., один из основателей первой с.-д. организации в Москве, член ВКП(б)] 260, 273.
Виппер Р. Ю. [1859, проф.] 81, 83.
Витте С. Ю. [1849—1915, мин. фин.] 116, 244—247, 288, 326—328, 336—339, 361, 362.
Владимиров [поручик] 329.
Владимиров Л. Е. [проф.] 255, 257, 260—262, 277.
Власовский А. А. [обер-полицеймейстер, ум. 1896] 268, 271, 272, 274, 284, 286.
Водовозов В. В. [1864—1933, ст-т нар. соц., лит.] 191.
Войткевич А. Ф. [1876, ст-т, с.-д.] 307.
Войтоловский Л. Н. [1876, лит.] 120.
Волгин В. П. [1879, ст-т, с.-д.] 83.
Волкенштейн Л. А. [1858—1906, нар.-вол.] 334.
Волкенштейн С. А. [1877—1915, ст-т, с.-д.] 334.
Волоцкий И. И. [1869, ст-т, с.-д.] 284.
Волховский Ф. В. [1846—1914, ст-т, нар., с.-р.] 170, 171.
Вольский В. К. [1877, ст-т, с.-р.] 288, 289.
Вольтер Франсуа-Мари-Аруе [1694—1778] 47.
Вольфсон С. Я. [1894, лит.] 25, 124.
Вормс А. Э. [1868, проф.] 86, 87, 249.
Воровский В. В. [1872—1923, ст-т, с.-д., впосл. ближайший сотрудник В. И. Ленина, член ВКП б), полпред в Италии, убит русскими белогвардейцами] 304.
Воронцов В. П. [„В. В." 1847—1917, лит., нар.] 107—110, 257, 324,
Воронцов И. С. [1859, ст-т Казан. ун-та] 185.
Воронцов, граф, С. Р. [1744—1832] 46.
Воронцовы 46.
Второв А. [1868, ст-т, нар.-вол.] 202, 203.
Вулов М. М. [1876, ст-т] 236, 237.
Вундт В. [1832—1920, философ] 84.
Выдрин Р. И. [1886—1928, ст-т, с.-д.] 30, 33, 111—114, 116, 126, 135, 182, 339.
Вышнеградский И. А. [1831—1895, мин. фин.] 131.

Габричевский Г. Н. [1860—1907, проф.] 79.
Гагарины, князья 241.
Галле В. Ф. [1862, нач. рез. полиц.] 329.
Гамбаров Н. Г. [1872, ст-т] 268.
Гамбаров Ю. С. [1850—1926, проф.] 85, 86, 95, 97, 242, 281, 314—317, 319, 359.
Ганусевич [ст-т] 156—158.
Гарибальди Джузепе [1807—1882] 76.
Гвоздев С. П. [1879, ст-т] 300.
Гегель Георг-Вильгельм [1770—1831] 80.
Гегидзе Б. М. [лит.] 322.
Гейден, граф, Н. Ф. [ст-т] 190.
Гейнике Н. А. [1875, ст-т, к.-д.] 358.
Ген К. А. [ст-т] 147.
Генералов В. Д. [1867—1887, ст-т, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г., казнен] 191, 218.
Гензель П. П. [1878, проф.] 89.
Георгиевский А. И. [1830—1911, чин. мин. нар. прос., лит.] 69, 142, 143, 167, 168, 180, 182, 183, 187, 188, 193, 195—197, 199, 200, 204, 206—208, 210, 213, 214, 247.
Георгий — см. Романов Г. А.
Гердер И.-Г. [1744—1803, нем. ученый] 53.
Герен Арнольд [1760—1842, нем. историк] 53.
Германович В. [1866, ст-т] 202.
Гернет М. Н. [1874, проф.] 87.
Геродот [484—420 до н. э.] 58.
Герцен А. И. [1812—1870] 7, 58, 126, 129, 132, 133, 135—138, 144, 147—150, 155, 161, 162, 171, 172.
Герценштейн М. Я. [1859—1906, проф.] 90, 98, 101.
Герье В. И. [1837—1920, проф.] 63, 67, 75, 80, 107, 242, 273, 274, 277, 279—283,

Гессен С. Я. [лит.] 145, 147, 151.
Гецен, Болеслав [ст-т] 210.
Гешин Е. В [лит.] 215.
Гинсбург Ц. Л. [1874, ст-т] 300.
Глаголев Н. М. [1880, изд.] 176.
Глазов В. Г. [1848—1916, мин. нар. просв., генерал] 248.
Глоба П. Н. [1878, ст-т] 365, 366, 373.
Гоголь Н. В. [1809—1852] 140.
Годиссар 24.
Годунов Б. Ф. [1551—1605, царь 1598—1605] 41.
Головачев Д. М. [1868, ст-т] 267.
Головнин А. В. [1821—1886, мин. нар. просв. 1861—1866] 65, 91, 93, 167, 182.
Голубинин Л. Е. [1828—1912, проф.] 341.
Голубов Н. Ф. [1856, проф.] 286.
Гольдштейн И. М. [1868, проф.] 88, 89, 101.
Гольцев В. А. [1850—1906, лит.] 260, 284.
Гольштейн В. А. [1847—1917, ст-т, нар.] 172.
Гопфенгаузен Н. Г. [1866, ст-т] 196.
Горев Б. И. [1874, лит.] 25.
Горемыкин И. Л. [1839—1917, мин. вн. дел] 244, 246, 326, 336, 338, 361.
Горлов И. Я. [1814—1890, проф.] 127.
Горохов В. А. [ст-т, лит.] 112, 115, 229, 329, 330.
Горский А. И. [1876, ст-т] 365.
Горшечников Г. И. [1874, ст-т] 281.
Готлиб А. Г. [1866, лит.] 40.
Граве Б. Б. [1900, лит.] 119, 156.
Градовский А. Д. [1841—1889, проф.] 85.
Грановский Т. Н. [1813—1855, проф.] 58, 80, 87, 161, 163.
Графф В. С. [1878, ст-т] 365.
Грацианов П. М. [1879, ст-т, с.-д.] 202.
Грацианский В. П. [1875, ст-т] 300.
Гревс И. М. [1860, проф.] 190, 191, 359.
Гречишников [студ.] 286.
Григорович — см. Житловский Х. Г.
Громан А. Г. [ст-т, с.-д.] 288.
Громан В. Г. [1874, ст-т, с.-д., впослед. известный литератор-меньшевик „В. Горн". Осужден в 1931 г. по делу о контрреволюционной организации меньшевиков], 253, 288.
Гросс Х. Фр. [ум. 1741, академик] 42.
Гроссман, Леонид [1888, лит.] 24.
Грот Н. Я. [1852—1899, проф.] 84, 243, 277.
Грубер В. Л. [1814—1890, проф.] 168.
Грушка А. [1870, пр.-доц., лит.] 161.
Губарев А. П. [1856, проф.] 104.
Гурко И. В. [1828—1901, спб ген.-губернатор] 183.
Гусаков [пр.-д цент] 315.
Гусева З. В. [курс-ка] 300.
Гюббенет-фон Б. Я. [киевский полицеймейстер] 177.
Гюйгенс Х. [1629—1695, математик, астроном и физик] 54.

Давидов А. Ю. [1823—1885, проф.] 79, 100.
Давидович М. А. [1876, ст-т, с.-д.] 358, 365, 366.
Давыдов И. А. [1869, ст-т, с.-д.] 14.
Давыдов Н. В. [1848—1920, проф.] 86, 101.
Давыдовский В. Ф. [ум. 1928, инспектор ст-ов] 299.
Д'Аламбер [1717—1783] 47.
Даневский В. П. [1852—1898, проф.] 260.
Даниельсон Н. Ф. [„Николай — он" 1844—1918, проф., переводчик „Капитала" Маркса, находившийся с последним и Ф. Энгельсом в личной переписке. Виднейший теоретик-экономист заката народничества] 90.
Д'Антрег 50.
Дарвин Чарльз [1809—1882] 77, 173.
Дашков В. А. [1819—1896, пом. попечителя Моск. уч. окр.] 73, 160, 161.
Дебагорий-Мокриевич В. К. [1848—1926, рев.-нар., лит.] 176, 180.
Делянов, граф, И. Д. [1818—1897, мин. нар. просв.] 69, 94—97, 182, 185, 187, 200, 209, 217—219, 225, 247, 248, 273, 319.
Дементьев Е. М. [1850, сан. врач, лит.] 17.
Ден В. Э. [1867, проф.] 90, 249.
Де-Пуле М. П. [лит.] 133.
Державин Р. И. [инспектор ст-ов] 352.
Дерунов О. И. [кулак в пр. Салтыкова-Щедрина] 167.
Дерюжинский В. Ф. [1861, проф.] 86.
Дерябин В. С. [1875, ст-т] 234, 288, 300.
Десницкий С. Е. [ум. 1789, проф.] 85.
Джаншиев Г. А. [1851—1900, лит.] 63, 65.
Джапаридзе А. Л. [1875—1908, ст-т, с.-д.] 365, 366, 373.

Дживелегов А. К. [1875, проф.] 99.
Дзержинский И. Э. [1879, ст-т] 372.
Дидро [1713—1784] 47.
Дильдежко Н. Н. 289.
Дильтей Ф.-Г. [ум. 1781, проф.] 85.
Дитятин И. И. [1847—1892, проф.] 95.
Дмитриев Ф. М. [1829—1894, проф.] 74, 164.
Добров С. В. [инспектор ст-ов] 201, 207, 243.
Добролюбов Н. А. [1836—1861, знаменитый критик] 129, 140, 189, 190.
Долгов А. К. [1873, ст-т] 300.
Долгов Н. С. [ст-т Петр. акад.] 171.
Долгоруков, князь, В. А. [1810—1891, моск. ген.-губерн. с 1856—1891 г.] 193, 205, 209.
Долгоруков, князь, В. А. [1804—1868, шеф жандармов и главн. нач. III отд. собств. е. в. канц.] 143.
Долгорукова Е. М. [жена Александра II] 188.
Долгоруковы, князья 199, 241.
Доливо-Добровольский А. П. [1876—1904, ст-т, с.-д.] 288.
Домановский [ст-т] 158.
Домбровский М. А. [1866, ст-т] 236, 237, 362.
Домбровский Н. В. [1878, ст-т] 365, 373.
Дондуков-Корсаков, кн., А. М. [1820—1893, попечитель СПБ уч. округа] 134.
Доробец Н. К. [пр.-доцент] 314—319.
Дорохов М. М. [1874, ст-т] 299.
Дорошевский В Ф. [1875, ст-т] 300.
Дрелинг В. А. [1873, ст-т, с.-д.] 269, 273.
Дриль Д. А. [1846—1910, криминалист] 99.
Друговино Л. Ф. [1873, ст-т] 300.
Дубровский А. М. [изд.] 326.
Дук Антон [ред. Cri du peuple] 360.
Дук Анжела [жена ред-ра] 360.
Дурасов В. В. [1877, ст-т, с.-д.] 365, 366, 369, 370, 373.
Дурдуфи Г. [прозектор] 104.
Духовской М. В. [1849—1903, проф.] 86, 107, 242, 260.
Дьяконов П. И. [1855—1908, проф.] 79, 104, 285, 286.

Езерский С. Б. [ст-т., участник движения 1868—1869 гг.] 169.
Екатерина II [1729—1796, царица 1762—1796] 47, 85, 109.
Елеонский Н. А. [1843—1910, проф. богословия] 279.
Елизаров М. Т. [1862—1919, ст-т, с-д. впосл. член ВКП(б), наркомпуть] 191.
Елисеев [влад. магаз.] 132.
Еллинек Георг [1851—1911, нем. юрист] 86.
Елпатьевский С. Я. [1854—1933, лит.] 128, 178, 180.
Ельцинский В. И. [1831—1895, проф.] 104
Еремич М. П. [1876, ст-т] 339, 358.
Ермолов А. С. [1846—1917, мин. земледел.] 247, 328, 336.
Ермолов Н. С. [пристав] 272.
Ершов С. И. [1872, ст-т] 300.
Ешевский С. В. [1829—1865, проф.] 164.

Жбанков Д. Н. [1853—1932, врач, лит.] 103.
Жданов В. А. [1869—1932, ст-т, с.-д.] 260.
Желябов А. И. [1851—1881] 129, 173, 178, 184.
Житловский Х. Г. [1863, с.-р.] 360.
Жихарев А. С. [ст-т] 300.
Жихарев Н. С. [1873, ст-т] 300.
Жукович [ст-т Варшавского ун-та] 185.
Жуковский Н. Е. [1847—1921, проф.] 79.

Забнин К. И. [1873, ст-т] 268, 271.
Завриев П. С. [1872, ст.-т] 300.
Загорецкий Н. А. [1796—1885, декабрист] 54.
Заичневский П. Г. [1842—1896] 155, 159, 160, 162, 163, 172.
Зайончковский [ст-т] 181.
Зайцев Д. М. [лит.] 118, 119.
Закревский, граф, А. А. [1783—1865, воени. ген.-губ. Москвы] 156, 158.
Залыгин Г. И. [1876, ст-т] 300.
Залыгин Л. И. [1872, ст-т, с.-д.] 288, 300, 358.
Заславский Е. О. [1844—1878, основатель „Южно-российского союза рабочих“] 173.
Засулич В. И. [1849—1919] 171, 172, 179.
Захаров Б. Н. [1874, ст-т] 271, 300.
Захарьин Г. А. [1829—1897, проф.] 78, 103, 104, 165, 171, 253, 255, 286, 287.
Зверев Н. А. [1851—1917, проф.] 87, 99, 198, 243, 269, 275, 285, 316, 318, 319.

Зволянский С. Э. [директор департамента полиции с 1895—1902 гг.] 308, 362, 372.
Зеленый П. А. [известный либеральный деятель херсонского земства] 139.
Зелинский Н. Д. [1861, проф.] 78, 106, 272, 342.
Зенгер Г. Э. [1853–1919, мин. нар. просв.] 248.
Зернов Д. Н. [1843—1917, проф., ректор М. У.] 79, 104, 107, 340, 341, 348 — 353.
Зибер Н. И. [1844—1888, проф., марксист., лит.] 17, 91.
Зинин Н. Н. [1812—1880, проф.] 168
Зограф Н. Ю. [1851, проф.] 243.
Золотарев А. [ст-т, с.-д.] 238.
Зомбарт В. [1863, нем. проф.] 88.
Зонненберг К. И. 132.
Зубатов С. В. [1864—1917, нач. моск. охр. отд.] 89, 106, 241, 248, 249, 281, 312, 320, 340, 346, 351, 352, 354, 357, 358, 362, 363, 365, 367 — 373.

Иваничеченко А. И. [1867, ст-т, с.-д.] 358.
Иванов В. И. [1873, ст-т] 288.
Иванов Г. А. [1826—1901, проф., ректор М. У.] 195, 196.
Иванов М. В. [1874, ст-т] 267.
Иванов И. И. [студ. Петр. акад., убит 21—XI—1869] 171.
Иванов П. [лит.] 28, 225.
Иванюков. И. И. [1844—1912, проф.] 181.
Игнатович И. И. [лит.] 139.
Игнатьев - Мальковский — см. Игнатьев П. Н; граф Павел Николаевич Игнатьев играл некрасивую роль в деле купца Малкова.
Игнатьев Н. П. [1832—1908, граф, министр вн. дел] 186, 187.
Игнатьев П. Н. [1797—1879, граф, петербургск. ген.-губ.] 147, 148, 246.
Иеринг-фон Рудольф [1818–1892, знам. юрист] 85, 86, 318.
Иконников В. С. [1841, проф.] 40, 73.
Ильинский А. В. [1877, ст-т] 300.
Индикоплав Козьма [знамен. византийский географ VI в.] 43.
Иоанн Кронштадтский [1829—1909, поп-демагог] 12, 333.
Иоллос Г. Б. [1859–1907, лит., общ. деят. к.-д.] 98.
Иорданский Н. И. [1876—1928, студ., с.-д, лит.] 34, 37, 112, 223, 323, 324, 329—334, 336, 339, 354.
Иосефович П. П. [1874, ст-т] 358.
Исаков Н. В. [1821 – 1891, попечитель Моск. ун-та 1859—1863] 160, 163, 164.
Истомин В. А. [правитель канцелярии моск. ген.-губ.] 274.
Ишутин Н. А. [1840—1879, революционер 1860 гг., организатор тайного общества „Организация“. В 1866 г., после покушения Каракозова, арестован и приговорен к бессрочной каторге. Умер на Каре] 171.

Каблуков И. А. [1857, проф.] 78.
Каблуков Н. А. [1819 – 1919, проф.] 69, 90.
Кавелин К. Д. [1818—1885, проф.] 58. 74, 80, 112, 130, 139, 146, 149, 150.
Казанский П. А. [1874, ст-т] 300.
Кайданов И. К. [1780—1843, сост. уч. истории] 58.
Калафати Д. П. [1871, ст-т, с.-д.] 260, 273.
Калин П. Д. [1877, ст-т] 365.
Камаровский, граф, Л. А. [1846—1912, проф.] 107, 243.
Кампгаузен [Кампенгаузен Балтазар, 1772—1823, чл. Гос. совета] 44.
Кампоманес, граф, дон Педро Родригес [1723—1802, госуд. деятель Испании] 44.
Кананов П. Х. [1873, ст-т] 300, 319.
Кант Иммануил [1724—1804, знаменитый нем. философ] 84, 99.
Капнист, граф, П. А. [1842—1904, попечит. Моск. учебн. округа с 1880—1895 гг.] 95, 96, 194—196, 204, 223, 225—227, 242, 243, 245, 253, 268, 269, 271, 273—277, 281, 282.
Капустин М. Н. [1828—1899, проф.] 74.
Каразин В. Н. [1773—1842, обществ. деятель] 50.
Каракозов Д. В. [1840—1866, революционер, 4 апреля 1866 г. выстрелил в Александра II, но промахнулся] 166, 167, 171.
Карамзин Н. М. [1766—1826, знаменитый историограф] 52.
Карасева С. С. [член судебной комиссии союза землячеств 1897 г.] 300.
Кареев Н. И. [1850—1930, проф. [324, 359, 360.
Карпов Л. Я. [1879—1921, ст-т, с.-д. в 1904 г. член ЦК РСДРП] 374.
Карпович П. В. [1875—1917, ст-т, с-р.] 248.

Картиковский Б. А. [1871, ст-т] 271.
Карузин П. И. [1864, проф.] 341.
Карышев Н. А. [1855—1905, проф.] 90.
Касаткин-Камраков Ф. С. [1880, ст-т] 365, 366.
Кассо Л. А. [1865—1914, проф., министр нар. просв.] 99.
Катков М. Н. [1818—1887, проф., редактор „Моск. Ведом."] 67, 69, 74, 94, 95, 158, 166, 192.
Каутский Карл [1854, теоретик германской соц.-демократии] 7, 33, 118, 124, 130, 220.
Кауфман А. А. [1864—1919, проф.] 190.
Кафенгауз Л. Б. [1885, ст-т, входил в с.-д. фракцию 1908—1909 гг.] 89.
Каханов М. С. [1833—1900, статс-секретарь. Под его председательством была учреждена 20—X—81 г. комиссия для выработки реформы административного управления, что было принято, как проявление либерализма] 186.
Каценеленбаум З. С. [1885, ст-т, входил в с.-д. фракцию 1908—1909] 89.
Кашин И. А. [ст-т] 300.
Кашинский П. М. [1866, ст-т, народоволец, входил в группу М. И. Бруснева] 202, 203.
Кашкаров Н. Н. [1876, ст-т, с.-д.] 352.
Кащенко В. П. [1870, ст-т, с.-д.] 273.
Кащенко П. П. [1858—1920, ст-т, впосл. изв. психиатр-врач] 180.
Кварцев Б. А. [ст-т, деятель „Рабочего Союза"] 307.
Квасницкий А. М. [1872, ст-т] 300.
Келлер Б. А. [1874, ст-т, с.-д.] 268.
Кельсиев И. И. [1841—1864, ст-т] 164.
Кеппен А. П. [лит.] 127.
Кизеветтер А. А. [1866. ум. в эмиграции, проф., член ЦК партии к.-д.] 83.
Кильчевский В. А. [1873, ст-т, член с.-д. группы] 356.
Кириенко-Волошин М. А. [1877, ст-т] 365.
Кирпичников А. И. [1845—1903, проф.] 84.
Клейгельс Н. В. [1851—1916, спб градоначальник] 329.
Клейн И. Ф. [1839, проф.] 104.
Клириков Б. Н. [1873, ст-т] 300.
Ключевский В. О. [1841—1911, проф. русской истории] 80, 82—84, 88, 104, 107, 229, 230, 269—271, 287, 299, 310, 342, 365.
Кничер Н. К. [1872, ст-т] 300.
Кнопп [жандармский полковник] 173.
Ковалевский А. О. [1840—1901, проф. знаменитый зоолог] 77.
Ковалевский В. И. [1844, ст-т, впосл. государ. деятель, тов. министра в 1900—1902 гг.] 170.
Ковалевский В. О. [1842—1883, проф. палеонтолог] 76.
Ковалевский Е. П. [1792—1857, попечитель Моск. уч. окр. с 1856, министр нар. просв. в 1858—1861 гг.] 61, 143, 144, 158.
Ковалевский М. М. [1851—1916, проф.] 67, 68, 80—82, 87, 94—96, 98.
Ковальский И. М. [1850—1878, революционер, при аресте 30—I—78 г. оказал вооруженное сопротивление] 179.
Коган В. Ф. [лит.] 40.
Коган-Бернштейн А. С. [1882, ст-т, с.-д., племянник Л. М. Ког.-Бер-на, в 1897 г. организовал в Кишиневе кружок для изуч. марксизма] 264.
Коган-Бернштейн Л. М. [1862—1889, народоволец, ст-т., повешен за участие в Якутском протесте] 184.
Кожевников А. Я. [1836—1902, проф.] 79, 104, 243, 341.
Козьмин Б. П. [лит., историк] 162, 163.
Кокошкин Ф. Ф. [1871—1918, проф.] 86.
Колачевская Л. К. [деятельница „Рабочего Союза"] 301.
Колоколов Г. Е. [с 1881 г. моск. проф.] 342.
Колокольников П. Н. [1871, деятель „Раб. Союза", с.-д. (м.)] 307.
Колокольцева В. С. [деятельница Союзного Совета землячеств] 300.
Колупаев И. [рыцарь первоначального накопления, представитель нового „дирижирующего класса" у Салтыкова Щедрина] 167.
Кольбер Ж.-Б. [1619—1683, государственный деятель Франции] 44
Колянковский А. А. [представитель киевского ст-ства на съезде 1892 г.] 231.
Кондоиди В. Г. [самарский вице-губернатор] 34.
Конкевич Л. Л. [ст-т] 268, 273.
Контовт С. В. [1875, представитель киевского ст-ства на съезде 1899 г.] 234.
Коперник Н. [1473—1543, создатель „гелиоцентрической системы", из которой исходит современная астрономия] 43, 45.

Корбут М. К. [лит.] 117, 145, 155, 183.
Коревьин [1861, ст-т] 165.
Коренев Ф. Х. [1875, ст-т] 300.
Корещенко [ст-т] 192.
Коринфский М. [ст-т] 169.
Коркунов Н. М. [1853—1904, проф.] 85.
Корнеев Я. А. [суб-инспектор М. У. и инспектор клиники] 352.
Корнилов А. А. [1862—1925, историк, лит., член ЦК партии к.-д.] 190.
Королев С. А. [1874, ст-т] 300.
Короленко В. Г. [1853—1921, лит.] 257.
Корсаков Д. А. [1843—проф.] 130.
Корсаков С. С. [1854—1900, проф.] 79, 242, 341.
Корсуновский А. Г. [1877, ст-т, с.-д.] 358.
Корчагин Н. А. [1876, студ., деятель „Раб. Союза"] 301, 307, 374.
Корш Е. Ф. [1810—1897, публицист и критик, библиотекарь М. У. и Румянцевского музея, редактор „Моск. Ведомостей" (1843—1848)]
Корш Ф. Е. [1843—1915, проф.] 85, 161, 280.
Корякин В. Н. [1873, ст-т, с.-д.] 235.
Корякин Г. Л. [1875, ст-т] 300
Коссович С. И. [1873, ст-т, член с.-д. орг. „Рабочее Знамя", предст. СПБ на съезде 1900 г.] 236, 237.
Костомаров Н. И. [1817—1885, проф., историк] 62, 146, 156.
Котурницкий [спб. проф.] 210.
Кравцов [ростовщик] 260, 261.
Кропоткин П. А. [1842—1921, известный теоретик анархизма] 220.
Круковский Г. М. [1867, руководитель марксистских кружков начала 90-х гг.] 14.
Крупенский П. Н. [1871, помещик, член Гос. думы] 124.
Крупнов С. Г. [1876, ст-т] 300.
Крыжов А. М. [ст-т, участник движения 1861 г.] 164.
Крылов С. Д. [1874, ст-т] 281.
Кудрявцев П. Н. [1816—1858, проф.] 58.
Кузнецов А. К. [1845—1928, член нечаевской „Народной Расправы"] 171, 172.
Кузнецова дом 156, 157.
Кузьмин В. И. [1851, проф.] 104, 255—257.
Кулеш А. С. [1874, ст-т, с.-д.] 300.
Куницкий И. Г. [1874, ст-т] 293.
Куницын А. П. [1783—1841, проф.] 85.
Курнатовский Я. К. [1878, ст-т, с.-д.] 358.
Куропаткин А. Н. [1848—1925, военный министр] 336.
Куторга М. С. [1809—1886, проф.] 134.
Кутуков А. Л. [1876, ст-т] 365, 373.

Лавров П. В. [1872, ст-т] 281.
Лавров П. Л. [1823—1900, теоретик революционного народничества] 129, 172, 312, 360.
Лазарев И. П. [1879, ст-т, с.-д.] 358.
Ламанский В. И. [1833—1914, проф., публицист славянофильского направл., академик] 162.
Ламба Д. В. [1873, ст-т] 268.
Ларин Ю. [1882—1932, лит.] 18.
Латти М. И. [1875, ст-т] 289.
Лахтин Л. К. [1863, проф.] 79.
Лачинов П. А. [1837—1892, проф.] 214, 215.
Лебедев [проф.] 342.
Лебедев В. С. [1852—1919, ст-т, народоволец] 180.
Лебедев П. Н. [1866—1912, проф.] 78.
Легонин В. А. [1831—1899, проф., декан юрид. фак.] 316, 317, 319.
Лемке М. К. [1872—1928, лит.] 161.
Ленин В. И. [1870—1924] 5—22, 25—27, 30—36, 38, 39, 45, 84, 101, 109, 114, 116—121, 123—127, 129, 133, 135, 139—141, 152, 190, 214, 219—222, 239, 241, 244, 248—250, 252, 302, 303, 308, 310, 311, 313, 314, 324, 325. 333—335.
Лесгафт П. Ф. [1837—1909, проф.] 335.
Лесковацкий В. Е. [1879, ст-т] 362, 365, 366, 373.
Лесковацкий Д. Е [студент Киевского ун-та] 363.
Лешков В. Н. [1810—1881, проф.] 58.
Лжедмитрий [царь 1605—1606 г.] 41.
Ливен Г.-Э. А. [1876—1899, ст-т, член с.-д. группы] 352, 356, 357.
Ливен, князь, Никита А. [брат Е. А. Боголеповой, покровительствовавший Н. П. Боголепову] 244, 275.
Ливий Тит [р. 59 г. до н. э., ум. в 17 г. н. э., известный римский историк] 58.
Лигин В. Н. [1846—1900, проф., попечитель Варшавского учебного округа, соперник Боголепова при назначении последнего министром] 338.
Лилеев [штаб-лекарь] 159.
Линд В. Н. [1842—1916, ст-т 1860-х гг., обществ. деятель, лит.] 153, 154, 159.

Лисев А. И. [1879, ст-т] 372.
Лист Фридрих [1789—1846, известный немецкий экономист, апологет развивающейся германской промышленности. Представители „легального марксизма" широко пользовались терминами Листа для доказательства прогрессивности капитализма в России, наряду с положениями, заимствованными у Маркса] 83.
Литвинов М. П. [ст-т Мед.-хирург. академии, участн. движ. 1869 г.] 169.
Литошенко Л. Н. [1886, ст-т, впосл. либер. проф.] 89.
Логачев Г. Н. [1873, ст-т] 281.
Ломоносов М. В. [1711—1765, знамен. ученый и поэт] 43, 45, 46, 48.
Лопатин Л. М. [1855—1920, проф.] 84, 243, 280.
Лопухин А. А. [1864—1928, директор департ. полиции с 9/V 1902 до 4/III 1905 г., впосл. банковский делец и либерал] 292.
Лорис-Меликов М. Т. [1825—1888, генерал. В 1880 г. был назначен начальником Верховной распорядительной комиссии с чрезвычайными полномочиями по борьбе с революционным движением — вплоть до уступок либеральной буржуазии] 182, 183, 188.
Лосицкий А. Е. [1869, ст-т, с.-д., впоследствии изв. статистик и экономист] 253, 281.
Лубенец Г. Т. [1879, ст-т] 365, 373.
Лузанов [генерал, член комиссии Ванновского] 336.
Луначарский А. В. [1875—1933] 23, 216.
Лунин В. И. [1843—1913, ст-т, противник Нечаева, чл. 1 Думы, трудовик] 171.
Лучинин В. А. [1878—1902, ст-т, с.-д.] 358.
Лыжин И. И. [ст-т, участник ст-ского движ. 1894—95 гг., впоследств. прославившийся подлостью — судебный следователь] 281.
Лысогорский Д. К. [1875, ст-т, с.-д.] 299.
Лыткин В. Д. [1879, гимназист, член Моск. орган. гимназистов, с.-д.] 357.
Лыткин Д. К. [ст-т, исключен за полуниискую историю и выслан по нечаевскому делу] 172.
Львовы, князья 199, 241.
Любавский М. К. [1860, проф.] 86.
Любарский И. [лит.] 133.
Любимов Н. А. [1830—1897, проф. физики (с 1859), сотрудник „Русск. Вестника" и „Моск. Ведомостей" М. Н. Каткова] 69, 70, 71.
Лядов М. Н. [1872, один из первых с.-д. в Москве, чл. ВКП (б)] 14, 16.
Лятоскевич Е. И. [1872, ст-т] 300.
Ляшкевич [нав. Лашкевич В. Г. 1835—1888, харьковский проф. или Лашкевич А. С. 1842—1889, ред. „Киевской Старины"] 200.

Магницкий М. Л. [1778—1855, попечитель Казанского округа] 53, 54.
Макеев А. М. [1829, проф.] 101, 281.
Макиавелли, Николо [1469—1527, знаменитый полит. деятель и писатель] 53.
Маклаков А. Н. [1838—1905, проф.] 104.
Макринов И. А. [1874, ст-т] 365, 366, 373.
Максаков В. В. [1886, лит.] 301.
Малинин Н. И. [„Н. Шахов", род. 1877, деятель раб. движ. в Москве, ст-т, с.-д., член ВКП (б)] 304.
Малиновский А. А. — см. Богданов А. А.
Малов М. Я. [1790—1849, проф.] 135, 136.
Мамуна, граф, А. Н. [1869, ст-т] 268. 271.
Мандельштам Г. Н. [один из первых марксистов в Москве] 14.
Мансуров Н. П. [1834—1892, проф.] 104.
Мануилов А. А. [1861—1929, проф., член ЦК п. к.-д.] 88, 249.
Маньков В. В. [1873, ст-т] 300.
Марковин [представитель от Харькова на студ. съезде 1903 г.] 238.
Марковников В. В. [1838—1904, проф.] 77, 78, 198, 254.
Маркс Карл [1818—1883] 12, 16, 17, 23—25, 28, 29, 32, 74, 81—83, 85, 87, 88, 90, 99, 109, 116, 118, 119, 121, 122, 124, 125, 130, 181, 222, 250, 355.
Марро И. М. [1876, ст-т, представ. Варшавского ун-та на съезде 1899 г.] 234.
Мартов Ю. О. [1873—1923, один из первых с.-д. в России, лидер меньшевиков] 21, 140, 244, 287, 288.

Мартынов С. В. [1856—1919, ст-т, народоволец, врач, земск. деятель, либерал] 180.
Масленников В. Н. [ст-т, деятель „Раб. Союза", лит.] 265.
Масленников Гр. [деятель „Рабоч. Союза"] 304.
Масленников М. И. [ст-т] 281.
Маслов С. Л. [1873, ст-т, впослед. правый с.-р., министр земледелия в каб. Керенского] 300.
Матвеев А. П. [1816—1882, ректор Киевского ун-та] 177.
Махайский В. К. [„А. Ч. Вольский" 1867—1926, родонач. „махаевщины"] 21, 33, 116, 122.
Мгебров Леонид [ст-т Мед.-хир. академии, уч. движ. 1869 г.] 170.
Мдивани П. Г. [1877, ст-т, с.-д., изв. деятель грузинской с.-д.] 355, 356, 358.
Медведев В. А. [1872, ст-т] 300.
Медведева К. П. 300.
Меерсон [делегат от Одессы на съезде 1903 г.] 238.
Мезенцов Н. В. [1827—1878, шеф жандармов с 1876 по 4/VIII 1878 259.
Мейер [академик] 42.
Мельгунов С. П. [1879, историк, с 1913 г. ред. истор. журн. „Голос Минувшего". В эмиграции, где выступает озлобленным противником Советской власти] 142, 222, 223, 225, 227, 228, 230—233, 255, 257, 259, 261, 266—268, 279, 281, 289—294, 299.
Менделеев Д. И. [1834—1907, гениальный химик, проф. СПБ ун-та до 1890 г.] 77, 94, 212—214.
Мензбир М. А. [1855, проф.] 77, 242, 279, 342.
Ментов В. Н. [1871, ст-т, вел пропаганду среди рабочих фабр. Прохорова] 284.
Меншуткин Н. А. [1842—1907, проф.] 77.
Меньщиков Л. П. [1870—1933, чиновник департ. полиц., разобл. провокации, лит.] 201—203, 205—207, 209, 231, 234, 237, 253, 258, 260, 267—269, 271, 273, 274, 281, 284, 289, 293—295, 297, 299—301.
Меркулов М. М. [чин. III отд., лит.] 174.
Мечников И. И. [1845—1916] 76, 77, 95, 174.
Мещерский, князь, В. П. [1839—1914, влиятельный придворный, изд. газ. „Гражданин", которая „дышала только на субсидии"] 264.
Мигулин В. В. [1880, представитель Киевского ун-та на съезде 1900 г.] 236, 237.
Миллер В. Ф. [1848—1913, проф.] 85, 242, 274.
Миллер О. Ф. [1833—1889, проф.] 95, 189, 190.
Миллер Ф. И. [1705—1783, академик] 42.
Милюков П. Н. [1859, лидер партии к.-д., проф.] 40, 50, 63, 68, 71, 80, 89, 96, 97, 139, 220, 242, 244, 273, 283, 284.
Милютин Н. А. [1818—1872, госуд. деятель эпохи реформ 60-х гг.] 148.
Минаков П. А. [1865, проф.] 79.
Минор Л. С. [1850, проф.] 79, 98.
Мирошниченко С. А. [ст-т] 300.
Миртов — см. Лавров П. Л.
Митропольский Н. А. [1847, проф.] 213, 280, 341.
Михайлов М. И. [1826—1865] 160.
Михайловский А. Г. [1873, ст-т] 288, 300.
Михайловский В. Г. [1871—1926, ст-т марксист, потом изв. статистик] 253, 273.
Михайловский М. Д. [1878, ст-т, глава Союз. Совета 1898, народник] 311, 312, 320, 339, 340.
Михайловский Н. К. [1842—1904] 17, 118, 122, 129, 324.
Михалевич В. И. [1876, ст-т] 288, 293.
Михаэлис Е. П. [1841—1913, руковод. студ. движ. 1861 г.] 147.
Мицкевич С. И. [1869, один из основателей 1-й с.-д. орг-ии в Москве] 14, 224.
Мищенко Ф. Г. [1848, проф. греческ. древностей и лит.] 95.
Млодзеевский Б. К. [1858, проф.] 79.
Могилянский М. М. [1873, ст-т 1890 гг., обществ. деятель, лит.] 223, 323, 324, 326, 327, 329—333, 354.
Моисеев Б. И. [1877, ст-т, с.-д.] 358.
Моисеев С. И. [1879, ст-т, с.-д.] 358.
Молешотт, Яков [1822—1893, изв. физиолог] 61.
Моль Роберт [1799—1875] 65.
Монтескье Шарль-Луи [1689—1755, полит. писатель] 85.
Морозов [частный пристав] 157—159.
Морозова [меценат] 100.
Мороховец Л. З. [1843, проф.] 104, 341.

Москалев Н. С. [1876, ст-т] 288.
„Московский Телеграф" [1825—1834], самый влиятельный и прогрессивный для своего времени журнал, издававшийся Н. А. Полевым [1796—1846]. Полевой в своем журнале проводил самые умеренные либерально-монархические идеи, но восставал против официальных авторитетов, вроде Карамзина, знакомил читателей с новым движением европейской мысли, отражал в своих статьях современное общественное брожение. Журнал был закрыт, начальник III отделения Л. В. Дубельт [1792—1862] аттестовал Полевого как республиканца и безбожника, крутившего головы неопытной молодежи и буйство Лафайетов, выказывавшего истинным просвещением] 53.
Муравьев Артамон [1794—1846, декабрист] 54.
Муравьев Никита [1796—1843, декабрист] 54.
Муравьев Н. В. [1850—1908, министр юстиции с 1894 по 1904 г., с 1905 по 1908 посол в Италии] 326, 327, 328, 336.
Муравьев Н. К. [1870, ст-т, член с.-д. группы, впосл. изв. адвокат] 267.
Мурзаев О. Е. [1871, ст-т] 271.
Муромцев С. А. [1850—1910, проф., лидер русских либералов, член ЦК партии к.-д., председатель 1-й Гос. думы] 67, 85, 86, 95.
Муханов П. А. [1799—1854, декабрист] 54.
Мягков В. В. [деятель „Рабочего Союза"] 307.
Мякотин В. А. [1867, ст-т, впослед. лидер партии народных социалистов] 191.

Набоков В. Д. [1869—1922, член ЦК партии к.-д.] 102.
Нагорский Д. В. [1872, ст-т] 281.
Назаров В. Ь. [1873, ст-т] 300.
Назарьев П. М. [1876, ст-т] 293—299.
Нанейшвили В. И. [1875, ст-т, впосл. член ВКП(б)] 355, 356, 358.
Наполеон I [1769—1821, император с 1804—1815] 53, 59, 99.
Наполеон III [Луи Бонапарт, 1808—1873, император с 1852—1871] 32, 264.
Наранович П. А. [1801—1874, проф., начальник Мед.-хирург. академии с 1867—1869 г.] 168.
Невский В. И. [Кривобоков Ф. И. 1876, ст-т, с.-д., теперь чл. ВКП(б)] 203.
Нейдинг И. И. [1838—1904, проф.] 104.
Некрасов Б. Д. [1870, ст-т] 288, 300.
Некрасов Н. А. [1821—1877. На обеде. данном спб дворянством 27 апр. 1866 г. в честь „спасителя" Александра II, толкнувшего руку покушавшегося на царя Д. В. Каракозова, Некрасов подошел к „вешателю" М. Н. Муравьеву, которому было поручено следствие и расправа с либеральными очагами, и, желая спасти свой журнал, прочитал Муравьеву стихи, относительно которых А. И. Герцен писал, обращаясь к Некрасову: «Вы забыли всякий стыд и всякое приличие, осмеливаетесь приговаривать палачу, оттачивающему топор: „да, ваше сиятельство, нужно вырвать это зло с корнем". Об этом инциденте и упоминается в тексте] 171.
Некрасов П. А. [1853—1928, профессор математики, попечитель Моск. уч. округа] 79, 243, 275, 282, 285, 316, 319.
Немирович-Данченко Вас. И. [р. 1844, плодовитый романист] 103.
Немировский Г. А. [хозяин квартиры, где заседал съезд 1900 г.] 236, 237.
Нестроев Г. [Цыпин, ст-т, соц.-рев. инициатор и организатор съезда 1903 г., лит.] 238, 239.
Нефедьев Е. А. [1851—1910, проф.] 320.
Нечаев С. Г. [1847—1882, знаменитый революционер. Выданный швейцарским правительством русскому, Нечаев был присужден к каторжным работам на 20 лет и заключен в одиночную камеру Алексеевского равелина, где провел 10 лет. Сумел спропагандировать охранявших его солдат, через них вошел в сношения с И. К. „Народной Воли"] 169—172.
Нибур Бартольд-Георг [1776—1831, знаменитый немецкий историк] 53.
Никитенко А. В. [1805—1877, профессор, академик. В 1893 г. опубликован его замечательный дневник: „Моя повесть о самом себе и чему свидетелем в жизни был"] 143, 147, 151.

Никитин А. М. [1876, деятель „Рабочего Союза", с.-д. (м), министр в каб. Керенского] 307.
Никифоров Л. П. [1848—1917, ст-т, нечаевец, 1880—90 гг. толстовец, затем соц.-рев.] 170.
Никифоров М. [1858, проф.] 104.
Николаев Г. А. [1877, ст-т] 365, 373.
Николаи, барон, А. П. [1821—1899, с 1881—1882 г. мин. нар. просв.] 181, 185—187.
Николай I [1796—1855, царь 1825—1855] 53, 59, 60, 126, 132, 322.
Николай II [1868—1918, царь 1894—1917] 71, 87, 88, 110, 265, 267, 288, 289, 292, 293, 359, 361.
Николай-цесаревич [1843—1865, старший сын Александра II] 30.
Новацкий И. [1828, проф.] 104.
Новгородцев П. И. [1866, с 1896 г. пр.-доцент, с 1904 — проф. по истор. филос. права, член ЦК партии к.-д.] 84.
Новиков Н. И. [1744—1818, известный общественный деятель, просветитель, арестованный за свою деятельность Екатериной II] 46, 48.
Новицкий В. Д. [1837—1907, жандармский генерал, начальник киевского жанд. управления с 1878—1903] 309.
Нолькен, барон [командовавший полицейским нарядом во время столкновения со ст-ами 8 февраля 1899 г. в СПБ] 329.

Обнорский В. П. [1852, рабоч., участник „Южно-российского союза рабочих" (1875), организатор «Северного союза русских рабочих» (1878)] 173.
Огаджанов А. О. [1874, ст-т.] 288.
Огарев Н. П. [1813—1877, поэт и публицист, ближайший друг и соратник Герцена. Арестованный 9 июля 1834 г., восемь месяцев просидел в одиночном заключении и 9 апреля 1835 г. был выслан в имение отца, где прожил в ссылке до лета 1839 г. В 1856 г. эмигрировал за границу. По инициативе Огарева в 1857 г. Герцен приступил к изданию „Колокола", в котором Огарев играл первую после Герцена роль] 58, 135, 155.
Огнев И. Ф. [1855, проф.] 104, 243, 277, 280.
Одинцов В. П. [1876, ст-т] 300.
Одоевский В. Ф. [1803—1869, писатель и общественный деятель] 59.
Одуевский И. [1865, ст-т] 202, 205, 206.
Озеров И. Х. [1869—, проф., общественный деятель ярко буржуазного направления] 89, 101, 249.
Окуньков А. А. [1880, с 1899 г. член москов. ор-ии гимназистов, с 1900 г. ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 365, 366, 373.
Ольденбург С. Ф [1863—1934, академик, непременный секретарь Ак. наук] 190, 328.
Ольденбург Ф. Ф. [1861—1914, обществ. деятель] 190.
Оле-Булль [скрипач] 166.
Омелянский В. Л. [1867—1928, изв. микробиолог] 40.
Орлов А. Н. [руководящий деятель „Раб. Союза"] 301, 307, 374.
Орлов В. В. [1874—1902, ст-т] 342, 343.
Оршанский И. Г. [1851, харьковский проф.] 114.
Осипанов В. С. [1861—1887, студент, участник покушения на Александра III 1 марта 1887 г.] 218.
Осипович К. К. [1874, ст-т] 271.
Остров К. М. [1874, ст-т, с.-д.] 300.
Островский М. Н. [1827, с 1881—1892 мин. госуд. имуществ] 205.
Острогорский В. П. [1840—1902, педагог и общ. деят.] 149.
Остроумов А. А. [1844—1908, проф.] 78, 104, 242, 273, 282, 283, 286, 342.

П. [делегат к Янжулу] 259.
Павлинов К. М. [1842—1833, проф.] 79, 104, 286, 287, 341.
Павлицкий И. Т. [1871, ст-т] 253, 273.
Павлов А. П. [1854—1929, проф.] 77.
Павлов А. С. [1832—1898, проф.] 279, 315—318.
Павлов В. С. [1872, ст-т] 281.
Павлов В. Я. [1873, ст-т] 268.
Павлов И. П. [1849, знаменитый физиолог, э.-о. проф. Военно-медиц. акад. с 1890, орд. проф. с 1897 г., академик] 77.
Падлевский С. А. [1856—1891, чл. польск. партии „Пролетариат"] 360.
Пален, граф, К. И. [1833—1912, министр юстиции с 1867—1878 г.] 179.
Палкин [ресторатор] 263, 322.
Панин, граф, В. Н. [1801—1874, министр юстиции с 1839—1862 гг. 143.

Пантелеев Л. Ф. [1840—1919, участник рев. движ. 60-х гг., известный издатель] 62, 73, 146, 149, 150, 156, 158, 159.
Парамонова [изд-ца] 113.
Паткуль А. В. [1817—1877, спб обер-полицеймейстер] 147.
Пашин Г. А. [1878, ст-т, с.-д.] 358.
Певзнер И. Д. [1871, ст-т] 236.
Переломов М. М. [1871, ст-т, член Исп. К-та от Сибирского земячества 1899—1902 гг.] 365, 366, 373.
Петр I [1672—1725] 41, 42, 43, 45, 109.
Петр Федорович [лакей Герцена] 132.
Петров Антон [крестьянин-проповедник, вождь восстания в Бездне 1861 г.] 145.
Петров [с.-д., член „Кассы взаимопомощи" в СПБ] 324.
Петрункевич И. И. [1844—1928, земский деятель, член ЦК партии к.-д.] 284.
Пилсудский Я. О. [1876, ст-т] 300.
Пирамидов В. М. [начальник СПБ охранного отд. с 1897 по 1901 г.] 339.
Пирогов Н. И. [1810—1881, знаменитый хирург, попечит. Киевского уч. округа] 41, 69, 133, 151, 152, 154.
Пискунов А. И. [1870—1924, ст-т, с.-д., потом член ВКП(б)] 273.
Питт Вильям [1759—1806, английский госуд. деятель] 44.
Пичета В. И. [1878, историк] 83.
Плеве В. К. [1846—1904, директор департамента полиции, тов. министра и министр вн. дел с 1902 по 1904 г., когда был убит с.-р. Сазоновым] 88, 89, 244, 257.
Плеханов Г. В. [1856—1918] 17, 18, 21, 23, 36, 65, 103, 118, 124, 129, 135, 138, 176—179, 203, 251.
Плешков И. М. [1875, предст. Моск. технич. уч-ща на съезде 1899 г.] 235.
Победоносцев К. П. [1827—1907, обер-прокурор синода, пользовавшийся особым благоволением Александра III и влиянием на Николая II; быв. профессор] 125, 244, 246, 247, 336, 361.
Погодин М. П. [1800—1875, проф.] 58, 144, 156.
Погожев А. В. [1853—1913, сан. врач Моск. губ. земства, известен работами по статистике раб. класса в России и о его санитарном быте] 17, 240.
Подбельский П. П. [1859—1889, с-т, народоволец] 184.
Позерн Б. П. [1882, ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 112.
Покровский А. Н. [1872, ст-т, с.-д., деятель „Раб. Союза"] 267.
Покровский А. П. [ст-т, участник движен. 1861 г.] 166.
Покровский М. Н. [1868—1932] 29, 52, 80—83, 115, 116, 123, 126, 129, 135, 149, 182, 222, 249—251, 331.
Покровский Н. Н. [1873, ст-т, деятель „Раб. Союза"] 267.
Покровский П. П. [1874, ст-т, с.-д.] 267.
Покровские Ф. и В. [ст-ты, радикалы, участники движения 1868—69 гг.] 169.
Полонский В. П. [1886—1932, лит.] 117.
Полторацкая В. А. 320.
Полунин А. И. [1820—1888, проф.] 171, 172.
Поляков С. С. [1837—1888, коммерсант] 188.
Поляков Ф. И. [1869, раб., деятель „Раб. Союза"] 14.
Полянский В. В. [1873, ст-т] 238.
Полянский Н. Н. [1878, проф.] 86.
Помбаль [1699—1782, госуд. деятель Португалии] 44.
Пономарев А. А. [1876, ст-т, с.-д.] 374.
Попов П. М. [1863—1920, проф.] 284, 287, 289.
Попов Т. И. [1872—1918, ст-т, с.-д] 273.
Попова О. Н. [издательница] 34.
Посников А. С. [1845—1922, проф.] 91, 95.
Поспелов А. И. [1846—1916, проф.] 78, 104.
Поссе В. А. [1864, лит.] 188, 189, 191.
Постоловский Д. С. [1876, ст-т, с.-д.] 324.
Потапов Н. Г. [инспектор ст-ов в Казани] 199.
Потемкин Г. А., князь Таврический [1739—1791, екатерининский временщик] 46.
Потехин С. И. [1873, ст-т] 267.
Потресов А. Н. [1869, известный деятель РСДРП, сыгравший большую роль в организации литературных предприятий: издание «Монистического взгляда» Плеханова, «Сборника материалов» со ст. В. И. Ле-

нина; член ред. „Искры". По взглядам принадлежал к правому крылу меньшевиков. В эмиграции. Лит.] 128.
Потресов В. Е. [1873, студ.] 268.
Праздников Г. А. [1831, ст-т] 358.
Праотцев В. С. [участник движения 1861 г.] 155, 163, 164.
Преображенский В. В. [1846, проф.] 95.
Преображенский С. [секретарь Моск. ун-та] 353.
Прибылева-Корба А. П. [1849] 184.
Прилуцкий А. А. [1869, ст-т] 269.
Прокофьев С. И. [раб., деятель „Раб. Союза"] 14.
Протасов-Бахметев, граф, Н. А. [1834, сановник] 328.
Протопопов [земский начальник] 260, 261.
Путятин Е. В. [1803—1833, адмирал, министр народн. просвещ в 1861 г.] 144, 146, 148, 160, 164.
Пушкин А. С. [1799—1837] 85, 133, 201, 357.
Пыпин А. Н. [1833—1904, проф.] 149.

Р. [делегат к Янжулу] 259.
Радин Л. П. 301, 307.
Радус-Зенькович В. А. [1877, студ. с.-д., член ВКП(б)] 358.
Раевский Н. Н. [1839—1876, возглавлял группу умеренных в движении 1861 г.] 162, 165.
Разуваев А. И. [представитель нового класса, призванного утверждать „священные устои нашего дорогого отечества" у Салтыкова-Шедрина, выделяющийся из среды других хищников своей до неуязвимости доведенной наглостью, автор классического изречения: „Йён доста-а-анет!"] 167.
Ралли-Арборе З. К. [1849—1933, участник нечаевского кружка в 70-х гг., бакунист] 169, 170.
Ранский С. П. [автор книги „Социология Н. К. Михайловского" СПБ 1901] 118.
Ратаев Л. А. [1860—1917, заведующий особым отделом департамента полиции 1898—1902 гг.] 304, 312, 359, 369, 370, 371.
Ратенау Вальтер [1867—1922, германский политический деятель, крупный капиталист] 124.
Рачинский С. А. [1836—1902, проф.] 74.
Рачковский П. И. [1853—1911, деятель департамента полиции, с 1885 по 1902 гг. заведывал его заграничной агентурой] 359.
Редкин П. Г. [1808—1891, проф.] 58.
Рейтерн М. Х. [1820—1890, министр финансов с 1862—1878 гг., председатель комитета министров 1881—1885 гг.] 246.
Реми, Леон [секретарь студенческой парижской ор-ии] 301.
Ресницкий [суб-инспектор] 271, 272.
Реформатский А. Н. [проф.] 78.
Рикардо, Давид [1772—1823] 87.
Рипман Ф. Ф. [ст-т Петровской академии, член „Народной Расправы" Нечаева] 171.
Родбертус-Ягецов К. [1805—1875] 124.
Родзевич И. М. [правитель канцелярии московского генерал-губернатора] 162, 164.
Рождественский П. А. [1875, ст-т] 268.
Рожков Н. А. [1868—1927] 82, 83, 115.
Рожновский К. Ф. [1875, ст-т] 300.
Розин Н. А. [1879, ст-т, с.-д.] 372.
Романов Алексей Михайлович [1629—1676, царь с 1645 г.] 270.
Романова А. Ф. [1872—1918, царица] 293.
Романов Г. А. [1871—1899, 2-й сын Александра III] 269.
Романов Н. А. — см. Николай II.
Романов Сергей Александрович [1857—1905, московский генерал-губернатор 1891—1905] 274, 282, 299, 351.
Романович-Славатинский А. В. [1832, проф.] 133, 155, 322.
Россолимо Г. И. [1860, проф.] 79.
Ростовцев Г. А. [1867, ст-т, врач, земский деятель] 193, 194—198, 206.
Рот В. К. [1843 проф.] 79.
Рошер Вильгельм [1817—1894, глава исторической школы в политической экономии] 87.
Руди Э. Ф. [1873, ст-т] 271, 281.
Руднев В. А. [„Базаров", 1874, ст-т, с-д.] 281.
Руднев В. К. [1857, ст-т, с.-д.] 273.
Руднев М. М. [1837—1878, патолого-анатом, проф. Медико-хирург. академии] 168.
Руднев Н. В. [1875, ст-т, глава Исполнительного к-та 1900 г.] 236, 237, 339, 365, 366, 367, 369, 370, 372, 373.
Рукавишников Вяч. [1871, ст-т] 269, 286.
Рунич Д. П. [1778—1860, попечитель

Петербургского и Киевского ун-тов] 53, 54.
Русанов Н. С. [„Тарасов", „Н. Кудрин", 1859, лит.] 264, 269.
Рывкин Л. И. [1877, ст-т] 300.
Рябушинский П. П. [1871 — ум., крупный промышленник и делец] 124.
Рязанов А. И. [1865—1931, один из первых марксистов в Москве] 196.

Сабанеев А. П. [1842, проф.] 341.
Сабашников М. В. [изд.] 102, 163.
Сабашников С. В. [1873—1909, изд.] 102, 163.
Саблин В. М. [изд.] 177, 241.
Сабуров А. А. [1838, министр народного просвещения] 181, 184, 185.
Савин А. Н. [1873—1923, проф.] 81.
Савинков Б. В. [1879—1925, соц.-рев., известный глава боевой организации] 324.
Савинов В. В. [1879, ст-т] 365.
Саврасов Л. А. [1879, ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 340, 358.
Сазонов — см. Сенявин Л. А.
Салиас де Турнемир Е. А. [1840—1908, участник движения 1861 г., писатель] 166.
Салтыков С. Н. [ст-т, с.-д., член II Гос. думы, меньшевик, тов. мин. внут. дел в кабинете Керенского] 324, 339, 340.
Салтыков-Щедрин М. Е. [1826—1889, знаменитый сатирик] 48, 67, 127, 167.
Самарины 241.
Самоквасов Д. Я. [1843—1911, проф.] 160.
Сапожников И. И. [1866, ст-т] 202.
Сатин Н. Н. [1872, ст-т] 299.
Сватиков С. Г. [ст-т, с.-д., лит.-историк.] 95, 96, 129, 141, 149, 151, 155, 166, 167, 170, 179, 189.
Свенчанский М. Ш. [1877, представитель рижского политехникума на съезде 1899 г.] 235.
Свешников М. И. [1862, проф.] 359.
Свидерский А. И. [1878—1933, ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 324.
Святополк-Мирский, князь, П. Д. [1857—1914, в 1900—1902 г. тов. мин. вн. дел и шеф жандармов. В 1904—1905 г. министр. вн. дел] 102.
Секеринский [начальник СПБ охр. отд.] 231.
Селиверстов Н. Д. [жандармский генерал] 360.
Семашко В. А. [1871, ст-т] 273.
Семашко Н. А. [1874, ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 288.
Семевский В. И. [1848—1916, известный историк, народный социалист] 95.
Семенов М. И. [участник руководящего центра „Рабочего Союза"] 301.
Сенявин Л. А. [1876, ст-т, председатель Исполнительного Комитета 1900 г.] 236, 237, 363, 365—367, 370, 373.
Сергеев [фельдшер-ростовщик, помощник проф. Кузьмина] 256.
Сергеевич В. И. [1832—1910, проф., ректор СПБ ун-та] 211, 212, 325, 326, 328.
Серебренников В. В. [1877, ст-т] 300.
Серебренников В. Н. [1869, ст-т] 281.
Сеченов И. М. [1829—1905, знаменитый физиолог, проф.] 76, 77, 79, 94, 106, 168, 173, 174, 242, 244; 278, 280.
„Сибиряк" [П. Ф. Теплов, 1867—1908, член „Союза русских с.-д."] 328—331, 347.
Сидляревский Л. Г. [1877, ст-т] 365.
Сидоров А. М. [1878, ст-т, с.-д.] 358.
Симонов [квартальный поручик] 156—158.
Синакевич В. И. [1879, ст-т, с.-д.] 358.
Синицин С. М. [член руководящей группы „Рабочего Союза"] 301.
Синицын Ф. И. [1840—1903, проф.] 104.
Синявский А. Л. [1865, ст-т, давший пощечину инсп. Брызгалову] 192—194, 196, 199.
Сипко В. Н. [1871, ст-т] 271.
Сипягин Д. С. [1853—1902, министр внутр. дел] 244, 326, 327, 361, 362.
Скворцов П. Н. [1855, статистик, один из первых легальных марксистов] 17.
Скворцов-Степанов И. И. [1870—1928, соц.-дем. с середины 90-х гг., член ВКП(б)] 17, 88, 127—129, 131, 153, 270.
Склифасовский Н. В. [1836—1901, проф.] 79, 104, 255.
Скрыпник Н. А. [1872—1933, ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 324.
Славутинский Н. С. [ст-т М. У., участник движ. 1861 г.] 163.
Слетов С. Н. [1876—1915, ст-т., с.-р., лит.] 288, 292, 299.

Смидович В. В. [„Вересаев", 1867, лит.] 191.
Смидович П. Г. [1874, ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 36, 273.
Смирнов В. Н. [1850—1900, ст-т., участник движ. 1869 г. (т. н. „полунинская история"), выслан во Владимирскую губ. В 1870 г. привлечен к нечаевскому делу; в 1871 г. бежал за границу. Принимал участие в издании лавровского „Вперед"] 172.
Смирнов А. [ст-т, составитель азбуки для преподавания в воскресных школах] 155.
Смирнов Вс. А. [1875, ст-т, представитель СПБ ун-та на съезде 1899 г., впосл. член боевой организации партии с-р.] 234.
Смит Адам [1723—1790, основоположник классической школы политической экономии] 85, 181.
Снегирев В. Ф. [1847—1915, проф.] 79, 104.
Соболев А. [1866, ст-т, участник движения 1890 г.] 208.
Соболевский В. М. [1846—1913, редактор „Русских Ведомостей"] 91.
Соболевский С. И. [1864, проф.] 342.
Соковнин [„старый казанский студент", автор воспоминаний] 322.
Соколов С. Н. [1877, ст-т, с.-д.] 358, 369.
Соколовский П. Э. [1860, проф.] 87, 320, 341, 344.
Солдатенков К. Т. [1818—1901, изд.] 100.
Солнцев С. И. [1872, ст-т, с.-д., академик] 119, 300.
Соловьев В. С. [1853—1900, философ] 83, 84, 99, 107.
Соловьев И. М. [лит.] 132, 134.
Соловьев С. М. [1820—1879, проф., изв. историк] 58, 66, 67, 74, 80, 82, 167.
Солодовников Д. Д. [ст-т, деятель „Раб. Союза"] 307.
Сонин М. А. [1875, ст-т, представитель Владимирского земл. в И. К. 1900 г., народоволец] 365, 366, 369, 373.
Сопоцько М. А. [1869, ст-т] 202—204, 207.
Спасович В. Д. [1829—1912, проф., адвокат] 62, 149, 150.
Сперанский М. М. [1772—1839, госуд. деятель] 49.
Станиловский А. М. [1876, ст-т] 300.
Станишевский И. С. [1873, ст-т] 268.
Станкевич Н. В. [1813—1840, глава кружка 1830-х гг.] 58, 59, 135, 136.
Станчинский А. П. [1878, член московской ор-ии гимназистов, с.-д., член ВКП(б)] 357, 358.
„Старый студент" 223.
Старынкевич [ст-т] 180.
Стасюлевич М. М. [1826—1910, проф., лит.] 62, 149.
Статковский П. С. [1856, чиновник СПБ охранного отдел.] 330.
Степняк-Кравчинский С. М. [1851—1895, революционер, писатель] 34, 188, 259.
Стефанович П. К. [ст-т СПБ ун-та, участник движ. 1861 г.] 147.
Столетов А. Г. [1839—1896, проф.] 77, 94, 242, 280.
Стороженко Н. И. [1836—1906, проф.] 84, 106.
Стремоухов А. М. [чиновник министерства юстиции, член комиссии Ванновского, автор записки по студенческому вопросу] 224, 226, 228, 229, 234, 281.
Строганов, граф, С. Г. [1794—1882, сановник] 65, 143, 144.
Струве П. Б. [1870, виднейший представитель „легального марксизма"] 16, 17, 27, 113, 119, 141, 249, 326, 359.
Струве Ф. Э. [казанский проф.] 156.
Студенецкий С. И. [1877, ст-т] 300.
Ступин А. А. [1875, ст-т] 288, 293.
Суворин А. С. [1834—1912, издатель оффициоза мин. внутр. дел „Новое Время"] 306.
Суворов Н. С. [1848—1909, проф.] 40.
Суханов Н. Е. [1853—1882, член И. К. „Народной Воли"] 184.
Сыромятников А. С. [1874, ст-т, с.-д., член ВКП(б)] 358.
Сыромятников Б. И. [1874, проф.] 86.
Сытин Н. Н. [ст-т] 281.
Сюлли [1560—1641, государственный деятель Франции] 44.

Таганцев Н. С. [1843—1923, проф.] 262.
Тарасевич Л. А. [1868—1927, проф.] 40.
Тарасов К.—см. Русанов Н. С.
Тарасов А. И. [1877, ст-т, с-д.] 364.
Тарасов С. И. [ст-т Казанского ун-та, брат предыдущего] 364.
Тарасов И. Т. [1849, проф.] 107.
Тацит Публий Корнелий [ок. 55—ок. 120, римский историк] 58.
Теплов П. Ф.—см. „Сибиряк".

Тер-Степанов О. С. [1872, ст-т] 300.
Тесленко Н. В. [1870, ст-т, известный адвокат, член ЦК партии к.-д.] 231.
Тимирязев К. А. [1843—1920, профессор-демократ, ум. членом ВКП(б)] 40, 48, 58, 62, 77, 94, 106, 201, 242, 244, 274, 342.
Тимофеев Н. Е. [1876, представитель Харьковского ун-та на съезде 1899 г., с.-д] 235.
Титов Андрей Алексеевич [1844—1911, историк] 159, 161.
Тихомиров А. А. [1850—проф., ректор Моск. ун-та, попечитель Московского уч. округа] 87, 243, 278, 341, 347, 349, 350, 352, 353.
Тихомиров В. А. [1841, проф.] 104.
Тихомиров Л. А. [1852—1923, б. член Испол. К-та „Народной Воли", ренегат, сотрудник и редактор черносотенных „Московских Ведомостей"] 100.
Тихоправов Н. С. [1832—1893, проф., ректор Московского ун-та с 1877 до 1883 г.] 68, 299.
Ткачев П. Н. [1844—1886, глава якобинского направления в русском революционном движении, изд. жур. „Набат"] 169.
Толстой, граф, А. К. [1817—1875, поэт, драматург и романист] 94.
Толстой, граф, Д. А. [1823—1889, проводник политики дворянской реакции, с 1865 г. обер-прокурор синода, с 1866 до 1880 г. одновременно и министр народн. просв., с 1882 г. министр вн. дел, шеф жандармов и президент Академии наук] 93, 94, 167, 168, 182, 184, 185, 217, 218, 247.
Толстой, граф, Ф. П. [1783—1873, вице-президент Академии художеств] 62.
Тольский Н. А. [1832—1891, проф.] 104.
Топольский М. И. [1877, ст-т, член И. К. 1899 г.] 358.
Трепов Д. Ф. [1855—1906, московский обер-полицеймейстер] 125, 237, 241, 243, 249, 310, 362, 373.
Троицкий М. М. [1835—1899, проф.] 83, 84.
Троцкий Л. Д. [1879, известный с-д., сначала меньшевик, затем внефракционный, член ВКП (б) с 1917 г., исключен из партии в 1927 г., в 1929 г. за подпольную антисоветскую деятельность выслан за границу] 140.
Трощинский Д. П. [1749—1829, министр юстиции с 1814 до 1817 г.] 49.
Трубецкие, князья, 211, 242.
Трубецкой, князь, С. Н. [1862—1905, проф.] 84, 101, 102, 112, 249, 306.
Трупчинский А. В. [1877, ст-т, член Союз. Сов. 1898 и Исп. К-та 1899 г.] 320, 358.
Туган-Барановский М. И. [1865—1919, проф., представитель „легального марксизма"] 359.
Туманов А. Л. [1879, ст-т, с.-д.] 358.
Тун А. [ум. 1886, немецкий профессор, написавший замечательную для своего времени [1883] историю революционных движений в России] 177, 203.
Тургенев Н. И. [1789—1871, один из наиболее яркихдеятелей тайных обществ эпохи Александра I. Декабрист. В эмиграции написал ценное произведение „Россия и русские" (3 тома)] 54.
Тучков П. А. [1803—1864, московский генерал-губернатор в 1859—1864 гг.] 155, 160—164.
Уваров, граф, С. С. [1786—1855, в 1811 г. попечитель СПБ уч. округа до 1822 г., с 1818 до 1855 г. президент Академии наук, с 1833 до 1849 г. министр народного просвещения] 54.
Уваровы, графы, 199, 241.
Ульянов А. И. [1866—1887, старший брат В. И. Ленина, талантливый ученый, член революционной организации, автор ее программы, принял активное участие в подготовлении покушения на Александра III 1 марта 1887 г., приговорен к смертной казни и повешен 8 мая] 191, 218, 219.
Умов Н. А. [1846—1915, проф.] 77, 106, 107, 242, 341, 342.
Уркарт Лесли [крупный английский капиталист, владевший главною массой русских займов в Англии, стоял во главе сторонников вооруженных действий против СССР] 124.
Урусов, князь, С. Д. [1862, тов. министра вн. дел в кабинете С. Ю. Витте (1905 г.), член Гос. думы (к.-д.), автор „записок губернатора"] 241, 242.

Усов [проф.] 284.
Успенский П. Г. [1847—1881, член нечаевской „Народной Расправы“] 171.
Устрялов Н. Г. [1805—1870, проф. СПБ ун-та, академик, составитель учебников истории] 58.
Утин Б. И. [1832—1872, проф.] 149.
Утин Н. И. [1845—1883, революционер 60-х гг., член I Интернационала марксистской фракции, потом ренегат] 146, 147, 150.
Ухтомский, князь, Э. Э. [1851] 370.

Ф, [ординатор] 289.
Фаминцын А. С. [1835—1918, профессор ботаники в СПБ (1861—1889), с 1878 г. академик] 77.
Фандеев П. В. [1874, ст-т] 300.
Федулов П. [ст-т] 231.
Фейербах Людвиг [1804—1872, философ-материалист] 61, 155, 160.
Фейт А. Ю. [1854—1926, ст-т, впосл. врач, член партии с.-р. и Сов. раб. деп. 1905 г. в СПБ] 189.
Фивейский В. М. [1873, ст-т] 281.
Фигнер В. Н. [1852, член ИК партии „Народной Воли“] 83, 184.
Филатов Н. Ф. [1847—1902, проф.] 79, 341.
Филатов П. Ф. [врач, брат предыдущего, автор воспоминаний о медицинском факультете Московского ун-та] 78.
Филиппсон Г. И. [1809—1883, генерал, попечитель СПБ уч. округа] 146, 147.
Фин А. Ю. [„Енотаевский“, 1872, ст-т, с.-д., деятель „Рабочего Союза“, осужден по процессу меньшевиков 1931 г.] 304, 307.
Фирсов Н. А. [проректор Казанского ун-та] 185.
Фицтум фон-Экстедт А. И. [инспектор ст-тов и проректор СПБ ун-та] 62.
Флеров Е. А. [1871, ст-т, с.-д.] 286.
Флеровский В. В. [Берви, 1829—1918, профессор, революционер, автор популярных среди революционного поколения 70-х гг. книг: „Азбука социальных наук“, „Положение рабочего класса в России“; последняя книга получила положительную оценку К. Маркса] 61.
Фойницкий И. Я. [1849—1913, криминалист, проф. СПБ ун-та] 262.
Фомин П. И. [1873, ст-т] 268.
Фон-Визин Д. И. [1745—1792, лит.] 270.
Фонтенель Бернар [1657—1757, в 1840 г. появился перевод его сочинения „Разговоры о множестве миров“] 45.
Фор, Феликс [1841—1899, президент франц. республики 1895—1899] 323.
Фортунатов А. Ф. [1856—1925, проф.] 76.
Фортунатов С. Ф. [1850 проф.] 268
Фортунатов Ф. Ф. [1848—1914, проф.] 85, 106, 342.
Фосс Н. Э. [1876, ст-т] 288, 293.
Фохт А. Б. [1848—1930, проф.] 102, 104, 107, 341.
Франк М. Л. [1878, ст-т] 356.
Франк С. Л. [1877, ст-т, член с.-д. кружка, впослед. к.-д.] 356.
Фриче В. М. [1870—1929, профессор, академик, член ВКП(б)] 40, 111, 115.
Фрометт Б. [историк ст-ства] 28, 126, 141, 142.
Фукидид [род. ок. 460—455 г. до н. э., ум. ок. 399—396 г., греческий историк] 58.
Функ Г. М. [1874, ст-т] 300.
Фусс Н. И. [1755—1826, швейцарский математик, вызванный в Россию в 1773 г. В 1783 г. ординарный академик, с 1800 г. непременный секретарь академии] 50.

Халтурин С. Н. [1856—1882, один из основателей „Северного союза русских рабочих“ и его вождь] 173.
Харик А. Л. [1879, ст-т, с.-д.] 364.
Хачатуров С. [1863, ст-т] 208.
Хвостов В. М. [1868—1918, проф.] 87, 99, 314—321.
Хилков М. И. [1834—1909, министр путей сообщения с 1895 до 1905 г.] 328, 336.
Хлудов М. А. [меценат] 100.
Ховрин А. А. [1877, ст-т., революционер, впосл. член ЦК партии с.-р.] 358.
Хозецкой А. И. [рабочий, деятель „Рабочего Союза“] 14.

Цвиленев [пристав] 157—159.
Ценковский Л. С. [1822—1887, проф., знаменитый ботаник] 77, 94.
Цераский В. К. [1849—1925, проф.] 77, 107.
Церетели И. Г. [1881, председатель Исполнительного К-та 1901—02 г.,

впоследствии известен, как лидер с.-д. меньшевиков, член II Гос. думы, министр в кабинете Керенского, министр грузинского правительства. В эмиграции] 29.
Цингер В. Л. [1836—1907, проф.] 79.
Цион И. Ф. [1835—1912, проф.] 173, 174.

Чапский, граф [занимал видное положение в петербургском обществе] 60.
Челпанов Г. И. [1862, проф.] 84.
Чельцов В. Д. [1872, ст-т] 300.
Чепик А. А. [1869, ст-т] 206.
«Череванин» [Липкин Ф. А. 1868, ст.т, с.-д., впосл. известный меньшевик, литератор] 21, 115, 279.
Чериковер Ш. М. [1877, ст-т] 300.
Чернов М. П. [1838, проф.] 104, 243, 277.
Чернов Виктор М. [1876, известный теоретик партии с.-р., вождь ее центра, министр в кабинете Керенского] 244.
Чернов Влад. М. [1866, ст-т, брат предыдущего, народоправец, потом с.-р.] 231.
Черносвитов Н. Н. [1870, ст-т, с.-д., впоследствии инженер] 273.
Чернышев И. В. [спб ст-т, с.-д., лит.] 130.
Чернышев П. Ф. [ум. в 1876 г., народник] 175.
Чернышевский Н. Г. [1828—1889] 7, 61, 88, 126, 129, 137, 139, 140, 144, 150, 201, 203, 360.
Чертков В. Г. [1854, толстовец, изд-ль, лит.] 326, 328.
Чехов Н. В. [известный педагог] 190.
Чиков М. В. [1874, ст-т] 288, 293.
Чичерин Б. Н. [1828—1904, проф., обществ. деятель, ученый] 61, 63, 67, 73—75, 80, 85, 88, 93, 94, 140, 160, 161, 163, 167, 245, 250, 306.
Чичерин В. Н. [1829—1884, дипломат, брат предыдущего] 60.
Чичерины 61.
Чичкин А. В. [1874, деятель „Рабочего Союза"] 307.
Чичкин Н. В. [деятель „Рабочего Союза", брат предыдущего] 304, 307.
Чудновский С. Л. [1851—1912, революционер 1870-х гг.] 168, 169.
Чулков Г. И. [1879, ст-т, с.-д., впоследствии известный литератор] 358.
Чупров А. И. [1842—1908, проф.] 17, 67, 87—89, 91, 94, 97, 98, 100, 106, 198, 242, 254, 258, 278, 279, 282, 283, 342.

Шадурский [чиновник мин. юстиции] 274.
Шакеев [проф.] 134.
Шамахов А. [член „Центрального бюро" 1890 г.] 202.
Шанявский А. Л. [генерал, пожертвовавший капитал на устройство народного университета, открытого в Москве 1 окт. 1903 г.] 320.
Шаповалов С. В. [1875, ст-т] 300.
Шарапов С. Ф. [1855—1911, способный и продажный литератор, защищавший интересы тех, кто больше заплатит] 96.
Шафранов [проф. Лесного ин-та] 214.
Шаховской, князь, Д. И. [1861, известный обществ. деятель, член ЦК партии к.-д.] 96, 190, 284.
Шварц А. Н. [1848—1915, проф., попечитель Рижского и Московского учебных округов, министр народного просвещения в годы реакции (1908—1910), не сумевший взять достаточно реакционного курса и замененный хулиганом Кассо] 106, 242, 280.
Шевырев П. Я. [1863—1887, ст-т, организатор покушения на Александра III 1 марта 1887 г.] 191, 218.
Шевырев С. П. [1806—1864, проф.] 58.
Шелгунов Н. В. [1824—1891, революционный деятель 1860-х гг., публицист-демократ] 147, 215, 253, 261.
Шер В. В. [1883, с.-д. меньшевик, лит., осужден по процессу меньшевиков 1931 г.] 89.
Шервинский В. Д. [1850, проф.] 79, 104, 341.
Шереметев, граф, С. Д. [1844—1918, вельможа] 361.
Шереметевский Ф. П. [1840—1891, проф.] 104.
Шереметевы, графы, 241.
Шершеневич Г. Ф. [1863—1912, проф.] 86.
Шестаков П. Д. [1826—1889, инспектор ст-тов] 160.
Шеффер В. [1863, проф.] 318.
Шиловцев Н. И. [1871, ст-т] 284, 286.
Шиманович И. И. [1875, ст-т] 235, 352.
Шимков И. Ф. [1802—1836, декабрист] 54.
Шипов Д. Н. [1851—1920, известный общественный деятель, председа-

тель Московской губернской земской управы, умеренный либерал] 34, 35, 102.
Шипов П. А. [1841—1878, участник движения 1861 г.] 166.
Ширский П. С. [1872, председатель Союзн. Сов. 1894 г., впосл. адвокат, с.-р.] 231, 268.
Шишло Н. А. [1874, ст-т] 281.
Шкварцов В. Н. [1872, ст-т] 300.
Школьник А. Д. [1875, представитель Киевского политехникума на съезде 1900 г.] 236, 237.
Шлейден М. Я. [1804—1881, проф.] 93.
Шраг [участник движ. 1868—1869 гг.] 169.
Шрамченко Л. Д. [1877, ст-т, с.-д.] 365, 366, 369, 370, 373.
Штейн В. П. [автор статьи о Ходынке] 292.
Штирнер Макс [1806—1856] 29.
Шувалов И. И. [1727—1797, первый „куратор" Моск. ун-та] 45, 46.
Шувалов П. А., граф [1827—1889, генерал-адъютант, спб обер-полицеймейстер в 1857—1860 гг., позднее шеф жандармов] 143, 147, 148.
Шульгин В. В. [1870, правый депутат Гос. думы, „рыцарь черной сотни"] 124.
Шулятиков В. М. [1872—1912, с.-д. [б], член Обл. бюро центр. пром. района] 122.
Шумицкий Н. А. [1873, ст-т] 263.

Щапов А. П. [1830—1876, проф., демократ] 144, 145, 360.
Щеголев И. М. [1873, ст-т].
Щеголев П. Е. [1877—1931, известный историк] 324.
Щедрин — см. Салтыков-Щедрин.
Щепкин Н. М. [1820—1886, издатель] 100.
Щербатовы, князья, 241.
Щербина Н. Ф. [1821—1869, поэт] 170.
Щетинин, князь, Б. А. [1865, автор воспоминаний о студ. движении] 193.
Щукин [профессор Технологического института в СПБ] 210
Щукин М. С. [1873, ст-т] 300.
Щуровский Г. Е. [1803—1884, проф.] 67, 100.

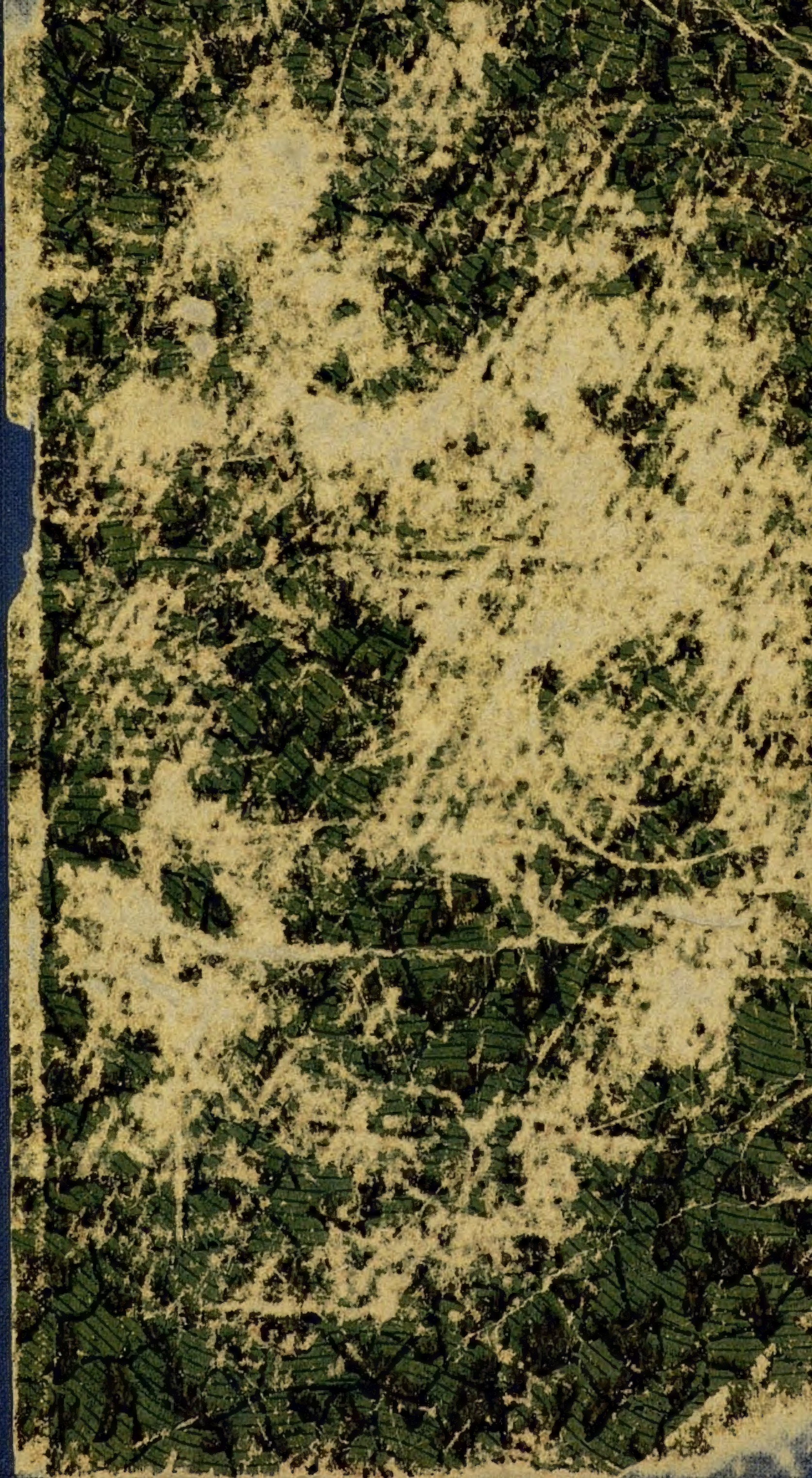
Эверс Иоган Филипп Густав [1781—1830, проф., ректор Дерптского ун-та. Основатель „историко-юридической школы", к которой принадлежали Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин] 80.
Эдемская Л. [участница движения 1890 г.] 206.
Эйлер Леонард [1707—1783, в 1830—1840 гг. член СПБ академии наук] 48.
Эйнброт П. П. [1802—1840, проф.] 132.
Эленгорн С. Я. [1875, ст-т] 271.
Эльсниц А. Л. [1849—1907, участник движения 1869 г. Привлеченный к дознанию по делу о „Народной Расправе" Нечаева, бежал за границу, где примкнул к бакунистам. В 1875—1876 гг. участвовал в редакции газеты „Работник"] 172.
Энгель Г. [соавтор книги по студенческому движению в СПБ, ст-т, с.-д.] 112, 115, 229, 329, 330, 354.
Энгель Е. А. [автор воспоминаний о студенческом движении, ст-т, с.-д.] 238, 239.
Энгельс Фридрих [1820—1895] 7, 18, 29, 31, 50, 87, 99, 101, 115, 119, 122, 124, 125, 130.
Эрисман Ф. Ф. [1842—1915, проф., член швейцарской с.-д. партии, близкий к группе „Освобождение Труда"] 17, 78, 97, 104, 242, 258, 274, 280, 282, 283.

Юнге Э. А. [1833—1898, известный окулист, директор Петровской ак.] 174, 205, 206.
Юрасов И. П. [1873, ст-т] 267.
Юрковский Е. К. [московский обер-полицеймейстер] 209.
Юшневский А. П. [1786—1844, декабрист] 54.

Языков Н. М. [1803—1843, поэт] 134.
Яковлев Б. К. [1875, ст-т] 365.
Яковлев И. А. [1767—1846, отец А. И. Герцена] 132.
Яковлев П. Н. [1875, ст-т] 293.
Якубов И. И. [1872, ст-т] 358.
Якушкин В. Е. [1856—1912, приват-доцент МУ, член ЦК партии к.-д.] 40, 43, 71.
Якушкин И. Д. [1796—1857, дед предыдущего, декабрист] 54.
Янжул И. И. [1846—1914, проф., академик] 67, 89, 91, 97, 244, 255, 257—260, 277.

Янишевский М. Н. [1868—1916, ст-т, впоследствии врач-общественник московского земства] 281.
Янковский П. К. [ст-т Института путей сообщения в СПБ] 365.
Яновский А. А. [1868, ст т] 286.
Янсон И. Э. [1872, ст-т] 286.
Яровицкий А. В. [1876—1903, ст-т, с.-д.] 235, 236, 352, 355, 358.
Ярославский Емельян [1878, член ВКП(б)] 340, 356.

ОБ'ЕДИНЕННЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Глава I. Восемнадцатый век 41
» II. XIX век до реформ 60-х гг. 49
» III. Пореформенный университет 69
» IV. Профессора в пореформенном университете 73
» V. Общественная роль профессоров 91
» VI. Студенческое движение 111
» VII. Основные моменты студенческого движения в разночинский период 126
Глава VIII. Студенческое движение 1890—1900-х гг. . . 216
» IX. Основные моменты студенческого движения 1890-х гг. 253
Глава X. Начало периода „Бури и натиска" (1899—1900 гг.) 321
Дополнения 374
Именной указатель 375